

ISSN 2077-8325

*Посвящен Году русского языка как языка
межнационального общения в
Содружестве Независимых Государств*

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА

- ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

№3(81)-2023

*Посвящен Году русского языка как
языка межнационального общения в
Содружестве Независимых
Государств*

*Dedicated to the Year of the Russian lan-
guage as a language of interethnic
communication in the Commonwealth of
Independent States*

*Бахшида ба Соли забони русӣ ҳамчун
забони муоширати байни миллатҳо
дар Иттиҳоди Давлатҳои Мустақил*

**ВЕСТНИК
УНИВЕРСИТЕТА**

**UNIVERSITY
BULLETIN**

**РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ
(СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ**

Основан в 2002 г.

**ВЕСТНИК
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (81) – 2023 г.

Душанбе – 2023

RUSSIAN TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY

Founded in 2002

**UNIVERSITY
BULLETIN**

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 3 (81) – 2023 г.

Dushanbe – 2023

ISSN – 2077-8325

Учредитель: Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования
«Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Главный редактор: Файзулло Машраб Курбонали, доктор экономических наук

Редакционная коллегия:

Русакова Марина Васильевна, кандидат филологических наук,
заместитель главного редактора журнала

Баратова Рано Вахидовна, ответственный секретарь журнала

по филологическим наукам:

Шамбозода Хусрав Джамшедович, доктор филологических наук (Таджикистан)

Салимов Рустам Давлатович, доктор филологических наук (Таджикистан)

Искандарова Дилоро Мукаддасовна, доктор филологических наук (Таджикистан)

Абдуллозода Масрур Ахмад, доктор филологических наук (Таджикистан)

Муллоев Шариф Бокиевич, доктор филологических наук (Таджикистан)

Мамадназаров Абдусалом, доктор филологических наук (Таджикистан)

Турсунов Фаёз Мелибоевич, доктор филологических наук (Таджикистан)

Косимов Олимджон Хабибович, доктор филологических наук (Таджикистан)

Муродов Мурод Бердиевич, доктор филологических наук (Таджикистан)

по экономическим наукам:

Султанов Зубайдулло Султанович, доктор экономических наук (Таджикистан)

Комилов Сироджиддин Джалалидинович, доктор экономических наук (Таджикистан)

Амонова Дильбар Сабхоновна, доктор экономических наук (Таджикистан)

Тураева Мадина Октамовна, доктор экономических наук (Россия)

Ткаченко Александр Александрович, доктор экономических наук (Россия)

Плоских Елена Викторовна, доктор экономических наук (Кыргызстан)

Ташбаева Рано Гайбуллаевна, кандидат экономических наук (Узбекистан)

Редактор: Р.В.Баратова

Технический редактор: Г.Х.Ташматова

Перевод на английский язык: С.У.Тагаева

Перевод на таджикский язык: Р.Р.Раджабова

Компьютерная верстка: Н.Р.Тохиров

Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан

Свидетельство о регистрации №275/ЖР-97 от 08 февраля 2023 года.

Входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства
науки и высшего образования Российской Федерации

Подписной индекс журнала 77691

Адрес редакции: 734025, Республика Таджикистан, город Душанбе, улица М.Турсунзаде,
д.30

тел: (+992 44) 620 42 34; 620 42 11

www.rtsu.tj

vestnik_rtsu@mail.ru

© Российско-Таджикский (Славянский) университет
Типография РТСУ

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Вестник университета» (Российско-Таджикский (Славянский) университет) ежеквартально публикует статьи преподавателей, аспирантов и соискателей университета, других учебных заведений и научных учреждений Республики Таджикистан, являющиеся результатом их научных изысканий в области экономики и филологии. Журнал открыт для публикаций ученых стран ближнего и дальнего зарубежья.

Материал, представляемый в редакцию журнала, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других научных изданиях.

Статьи принимаются на рассмотрение редакционной коллегии при наличии рецензии от специалиста, имеющего ученую степень доктора наук (если автор статьи является доктором наук), доктора или кандидата наук (если автор статьи является кандидатом наук, соискателем или аспирантом). Рецензия должна быть подписана рецензентом и заверена по месту его работы (требования к рецензированию см. на сайте РТСУ).

Авторы представляют свои работы в электронной и печатной версиях, оформленные в соответствии с требованиями, установленными Правилами для авторов.

Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту статьи.

К рукописи статьи обязательно прилагается справка о прохождении через систему «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 70%.

Общий объем статьи без аннотации, ключевых слов и списка литературы – не менее 10 страниц, но не более 14 страниц.

В структурные элементы статьи входят (в порядке расположения): УДК, название статьи, ФИО автора/авторов (полностью) с указанием ученой степени, ученого звания (при наличии), должности, названия структурного подразделения, учреждения/организации, почтового адреса с индексом, номера телефона и E-mail; аннотация (150-200 слов) на русском, английском и таджикском языках; ключевые слова (не менее 7 слов и выражений через точку с запятой).

Название статьи должно отражать проблематику работы, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, определяющие основные аспекты работы.

Аннотация должна ясно излагать содержание статьи и быть пригодной для публикации отдельно от статьи. В аннотации необходимо кратко описать актуальность рассматриваемой проблемы, цель работы, элементы новизны, результаты исследования и общий вывод.

Статья должна носить проблемный характер, в ней должны отражаться научная новизна проблемы или новизна подходов к её решению, знание автором научных достижений в этой области, результаты исследования и чётко сформулированные выводы. Необходимо соблюдать точность цитирования, фактологическую достоверность, научный стиль изложения, ясность и последовательность выражения суждений (мыслей).

В статье обязательны ссылки на источники информации, в том числе на источник получения статистических данных. Рисунки, диаграммы, таблицы размещаются в соответствующем по смыслу фрагменте текста. Они должны быть озаглавлены, пронумерованы и сопровождаться ссылками на источник заимствования данных. Объем рисунков и таблиц не должен превышать 1/3 объема научного текста.

Разрешаются общепринятые сокращения. Аббревиатуры приводятся сначала полностью с указанием в скобках принятого сокращенного варианта для его дальнейшего использования в тексте (например, Российско-Таджикский (Славянский) университет) (далее – РТСУ).

Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р705-2008.

В списке должно быть представлено не менее 10 наименований только научной литературы, в том числе не менее 5 источников, опубликованных за последние 5 лет. При-

ветствуются материалы, опубликованные в рецензируемых научных изданиях и за рубежом. Самоцитирование, использование учебников и учебных пособий строго ограничено. Список литературы располагается в алфавитном порядке, сначала указываются работы на русском языке, далее литература на иностранных языках. Работы отечественных ученых, опубликованные на таджикском языке, приводятся в переводе на русский язык в общем перечне с русскоязычными источниками с указанием языка оригинала (на тадж.яз.). В список литературы не должны включаться работы, ссылки на которые отсутствуют в тексте статьи.

При цитировании или при ссылке на ту или иную работу в тексте статьи используются квадратные скобки, в которых указаны номер источника в перечне литературы и цитируемая страница (напр.: [7, с.20]).

Источники публицистического характера, в том числе из печатных и электронных СМИ, официальные документы, архивные материалы, статистические издания и т.д. указываются в постраничных сносках на языке оригинала.

Ответственность за достоверность и полноту описания библиографических данных несёт автор статьи.

Завершают рукопись название статьи, данные о её авторе/авторах и текст аннотации на английском и таджикском языках.

Библиографический список приводится на двух языках: русском и английском.

Страницы статьи должны иметь сквозную нумерацию. Рукопись должна быть тщательно выверена и отредактирована автором.

Ответственный секретарь редакционной коллегии может самостоятельно отправить рукопись на доработку в случае, если её оформление не соответствует установленным правилам оформления.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные поправки, не искажающие основное содержание статьи.

Статьи, не отвечающие правилам оформления, к рассмотрению не принимаются, рукописи не возвращаются.

Доработанный вариант статьи с её электронной версией возвращается в редакцию вместе с первоначальной версией не позднее, чем через две недели после получения замечаний. В случае нарушения указанного срока, а также повторного обнаружения ошибок и недоработок дата опубликования статьи переносится на более поздний срок.

Датой поступления считается день поступления окончательного варианта текста статьи.

В редакцию принимаются тексты, подготовленные в формате MS Word for Windows. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 12, списка литературы – 12, интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25. Размер полей: сверху – 2 см, снизу – 2 см, слева – 3 см, справа – 1,5 см.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	13
-------------------	----

• ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Овчаренко А.Ю., Русакова М.В. А.С.Пушкин как национальный гипер- текст (постановка проблемы).....	17
Гусейнова Т.В. О глубине русского слова.....	27
Джабборова М.Т. К вопросу об изучении адъектива в русской и таджикской грамматической традиции.....	36
Воробьев В.В., Закирова Е.С. Коммуникативная лингвокультурология и профессиональное общение.....	47
Искандарова Д.М. Исследования по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике в таджикском языкознании	58
Султанова Р.М. Метафорический перенос как средство вторичной номина- ции.....	71
Воробьев В.В., Низамутдинова Г.С. Лингводидактический потенциал учебного пособия словарного типа по формированию невербальной комму- никативной компетенции.....	81
Маслова В.А., Скарнев Д.С. Рекламный образ в религиозной интернет- коммуникации.....	95
Новикова М.Л. Динамическая природа семиозиса: эстетический знак как компонент художественного текста.....	107
Брагина М.А., Левина В.Н., Майгелдиева Ж.М. Роль грамматических средств в раскрытии смыслового потенциала текста-миниатюры.....	121
Салоев А.Т., Куновски М.Н., Калинина Ю.М. Русские и таджикские ме- стоименные наречия с пространственным значением как речевое средство усиления комического эффекта в рассказах Ф.Кривина (сопоставительный анализ оригинальных текстов и их переводов на таджикский язык).....	132
Кобылко Я. Особенности соотношения синтетизма и аналитизма в грамма- тиках современных языков праиндоевропейского происхождения (на приме- ре некоторых славянских и иранских языков).....	146
Холикова З.К. Семантика и сочетаемость глаголов и глагольных сочетаний подкласса “финансовые отношения” в русском и таджикском языках.....	157
Куновски М.Н., Диневич И.А., Майерс Г.Н. Сравнительная характери- стика лексико-семантического и грамматического употребления лексем катего- рии состояния в русском, английском, немецком языках	168
Березняцкая М.А., Денисенко А.В. Цветовая символика рассказа М.Горького «Голубая жизнь».....	182
Нуридинзода М.С. Семантика цвета в ономастике Таджикистана.....	194
Норов М.Б. Описание исторических событий и историко-топонимических терминов в произведениях Айни и его предшественников-историков.....	204
Сайфуллаева З.А., Гафуров Р. Перевод как связующее звено таджикско- русских литературных взаимоотношений.....	214
Яркина Л.П., Карапетян Н.Г. Медиакommunikация: современные тенден- ции и вызовы будущего.....	225

Кривченкова И.В. Сравнительный анализ фонетической системы русского и таджикского языков.....	236
Лонцкая М.А. Влияние представлений об эйдосах Платона на развитие лингвистической теории.....	245
Бондарева В.В., Щербакова О.М. Формирование модели русского вокализма в условиях испанско-русского языкового контакта.....	256
Пшеничникова А.Ю. Паремии с компонентами <i>ран</i> и <i>хлеб</i> в испанском и русском языках.....	276
Кирокосьянц Г.А. Cultural linguistics или лингвокультурология? Образ как связующее звено в cultural linguistics Г.Палмера.....	285
Хурсанова Н.Н. Реализация государственной политики Республики Таджикистан в сфере укрепления позиции русского языка.....	298
Олимова А.Ш. Сравнительный анализ фоносемантических особенностей таджикских звуков (по результатам эксперимента).....	307

• ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ульмасов Р.У., Махмадбекзода М.Ш. Политика государства в реинтеграции граждан, возвратившихся из трудовой миграции.....	317
Комилов С.Д., Сорокин С.В. Особенности становления и развития венчурного финансирования в Республике Таджикистан.....	328
Семенова Е.В., Андреева С.О. Система сбалансированных показателей как инструмент оценки эффективности предпринимательской деятельности: преимущества и недостатки.....	344
Раджабеков Г.Д., Додаева Н.А. Трансграничная интеграция таджикского и афганского Бадахшана.....	357
Сангинов Н.С. Качество образования как определяющий фактор интеграции образовательного комплекса страны в международный рынок образовательных услуг.....	372
Раджабов К.Р., Бобоев С.Н. Оценка развития цифровизации в горнорудной промышленности Республики Таджикистан.....	385

CONTENTS

Preface.....	13
--------------	----

• PHILOLOGICAL SCIENCES

Ovcharenko A.Yu., Rusakova M.V. A.S.Pushkin as a national hypertext (formulation of the problem).....	17
Guseinova T.V. About the depth of the Russian word.....	27
Jabborova M.T. On the question of studying the adjective in the Russian and Tajik grammar tradition.....	36
Vorobyov V.V., Zakirova E.S. Communicative linguoculturology and professional communication.....	47
Iskandarova D.M. Research on linguoculturology and cognitive linguistics in Tajik linguistics.....	58
Sultanova R.M. Metaphorical transfer as a means of secondary nomination.....	71
Vorobyov V.V., Nizamutdinova G.S. Linguodidactic potential of a dictionary type training manual for the formation of non-verbal communicative competence.....	81
Maslova V.A., Sknarev D.S. Advertising image in religious internet communication.....	95
Novikova M.L. Dynamic nature of semiosis: aesthetic sign as a component of literary text.....	107
Bragina M.A., Levina V.N., Maigeldiyeva Zh.M. Grammar's role in revealing the meaning potential of a miniature text.....	121
Saloev A.T., Kunovski M.N., Kalinina Yu.M. Russian and Tajik pronominal adverbs with spatial meaning as a means of speech strengthening of the comen effect in F.Krivin's stories (comparative analysis of original texts and their translations into Tajik language).....	132
Kobylko Ya. Features of the relationship of synthetism and analytism in the grammars of modern languages of prior-indo-european origin (based on the example of some Slavic and Iranian languages).....	146
Kholikova Z.K. Semantics and compatibility of verbs and verb combinations of the subclass "Financial relations" in the Russian and Tajik languages.....	157
Kunovski M.N., Dinevich I.A., Mayers G.N. Comparative characteristics of lexical-semantic and grammatical use of lexemes of state categories in Russian, English, German languages.....	168
Bereznyatskaya M.A., Denisenko A.V. Color symbolics of m. Gorky's story "The blue life".....	182
Nuridinzoda M.S. Semantics of color in onomastics of Tajikistan.....	194
Norov M.B. Description of historical events and historical-toponymic terms in the works of Aini and his historian precedesors.....	204
Sayfullaeva Z.A., Gafurov R. Translation as an interlink of Tajik-Russian literary relations.....	214
Yarkina L.P., Karapetyan N.G. Media communication: modern trends and challenges of the future.....	225

Krivchenkova I.V. Comparative analysis of the phonetic system in Russian and Tajik languages.....	236
Lontskaya M.A. The influence of Plato's perceptions about the eidos on the development of linguistic theory.....	245
Bondareva V.V., Shcherbakova O.M. Formation of a model of russian vocalism in conditions of Spanish-Russian language contact.....	256
Pshenichnikova A.Yu. Proverbs with components pan and bread in Spanish and Russian languages.....	276
Kirokosityants G.A. Cultural linguistics or linguoculturology? Image as a link in cultural linguistics G.Palmer.....	285
Khursanova N.N. Implementation of the state policy of the Republic of Tajikistan in the sphere of strengthening the position of the Russian language.....	298
Olimova A.Sh. Comparative analysis of phonosemantic features of Tajik sounds (based on the results of the experiment).....	307

• **ECONOMIC SCIENCES**

Ulmasov R.U., Mahmadbekzoda M.Sh. State policy in the reintegration of citizens returning from labor migration.....	317
Komilov S.J., Sorokin S.V. Features of the formation and development of venture financing in the Republic of Tajikistan.....	328
Semenova E.V., Andreeva S.O. Balanced scorecard as a tool for evaluating the effectiveness of business activities: advantages and disadvantages.....	344
Rajabekov G.J., Dodaeva N.A. Cross-border integration of Tajik and Afghan Badakhshan.....	357
Sanginov N.S. Quality of education as a determining factor integration of the country's educational complex into the international market of educational services.....	372
Rajabov K.R., Boboev S.N. Assessment of digitalization development in mining industry of the Republic of Tajikistan.....	385

МУНДАРИҶА

Муқаддима.....	13
----------------	----

• ИЛМҲОИ ФИЛОЛОҒӢ

Овчаренко А.Ю., Русакова М.В. А.С.Пушкин ҳамчун абарматни миллӣ (масъалагузорӣ).....	17
Гусейнова Т.В. Дар бораи амикии сухани русӣ.....	27
Ҷабборова М.Т. Роҷеъ ба масъалаи омӯзиши адъектив дар анъанаи грамматикаи русӣ ва тоҷикӣ	36
Воробьев В.В., Закирова Е.С. Фарҳангшиносии забонии муоширатӣ ва муоширати касбӣ.....	47
Искандарова Д.М. Таҳқиқот оид ба фарҳангшиносии забонӣ ва забоншиносии шинохтӣ дар забоншиносии тоҷик	58
Султонова Р.М. Интиқоли маҷозӣ ҳамчун воситаи номгузории дубора.....	71
Воробьев В.В., Низамутдинова Г.С. Нерӯи забонию тарбиявии дастури таълимӣ навъи луғат доир ба ташаккули салоҳияти муоширатии ғайризабонӣ.....	81
Маслова В.А., Скнарев Д.С. Образи рекламавӣ дар интернет-муоширати динӣ.....	95
Новикова М.Л. Табиати динамикии семиозис: аломати эстетикӣ ҳамчун чузъи матни бадеӣ.....	107
Брагина М.А., Левина В.Н., Майгелдиева Ж.М. Нақши воситаҳои грамматикӣ дар кушодани нерӯи маъноии матни миниатюра.....	121
Салоев А.Т., Куновски М.Н., Калинина Ю.М. Зарфҳои ҷонишинии русӣ ва тоҷикии маъноӣ фазодоста ҳамчун воситаи нутқии қувватдиҳии таассуроти хандаовар дар ҳикояҳои Ф.Кривин (таҳлили муқоисавии матнҳои аслий ва тарҷумаи онҳо ба забони тоҷикӣ).....	132
Кобилко Я. Хусусиятҳои таносуби синтетизм ва аналитизм дар грамматикаҳои забонҳои муосири таърихи баромадашон пеш аз ҳиндуаврупой (дар мисоли баъзе забонҳои славянӣ ва эронӣ).....	146
Холиқова З.К. Семантика ва ҳамнишинии феълҳо ва таркибҳои феълии зермайдони “муносибатҳои молиявӣ” дар забонҳои русӣ ва тоҷикӣ.....	157
Куновски М.Н., Диневич И.А., Майерс Г.Н. Тавсифи қиёсии истифодабарии луғавию маъноӣ ва грамматикаи вожаҳои категорияи ҳолат дар забонҳои русӣ, англисӣ ва немисӣ	168
Березняцкая М.А., Денисенко А.В. Рамзҳои рангҳо дар ҳикояи М.Горкий «Ҳаёти кабуд».....	182
Нуридинзода М.С. Семантикаи ранг дар ономастикаи Тоҷикистон.....	194
Норов М.Б. Тавсифи ҳодисаҳои таърихӣ ва истилоҳоти таърихӣ-топонимии асарҳои Айнӣ ва пешгузаштагони муаррихи ӯ.....	204
Сайфуллаева З.А., Ғафуров Р. Тарҷумаҳамчун узви пайвандгари муносибатҳои адабии тоҷику рус.....	214
Яркина Л.П., Карапетян Н.Г. Медиамуошират: тамоюлоти муосир ва ҷолишҳои оянда.....	225

Кривченкова И.В. Таҳлили муқоисавии низоми савтии забонҳои русӣ ва тоҷикӣ.....	236
Лонцкая М.А. Таъсири тасаввурот дар бораи эйдосҳои Платон ба рушди назарияи забоншиносӣ.....	245
Бондарева В.В., Шербакова О.М. Ташаккули амсилаи вокализми русӣ дар шароити робитаи забонҳои испанию русӣ.....	256
Пшеничникова А.Ю. паремияҳо бо чузъҳои <i>pan</i> ва <i>хлеб</i> дар забонҳои испанӣ ва русӣ	276
Кирокосянс Г.А. Cultural linguistics ё фарҳангшиносии забонӣ? Образ ҳамчун силсилабанд дар cultural linguistics-и Г.Палмер.....	285
Хурсанова Н.Н. Татбиқи сиёсати давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар соҳаи мустаҳкамсозии мавқеи забони русӣ.....	298
Олимова А.Ш. Таҳлили муқоисавии хусусиятҳои фоносемантикии овозҳои тоҷикӣ (аз рӯи натиҷаҳои таҷриба).....	307

• ИЛМҲОИ ИҚТИСОДӢ

Улмасов Р.У., Маҳмадбекзода М.Ш. Сиёсати давлат дар ҳамгирии нави шаҳрвандони аз муҳочирати меҳнатӣ баргашта.....	317
Комилов С.Ҷ., Сорокин С.В. Хусусиятҳои ташаккул ва рушди маблағгузори венчурӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон.....	328
Семенова Е.В., Андреева С.О. Низоми нишондихандаҳои мутавозин ҳамчун асбоби арзёбии самаранокии фаъолияти соҳибкорӣ: бартарият ва камбудихо.....	344
Раҷаббеков Ғ.Ҷ., Додаева Н.А. Ҳамгирии транссарҳадии Бадахшони тоҷикӣ ва афғонӣ	357
Сангинов Н.С. Сифати таҳсилот ҳамчун омил муайянкунандаи ҳамгирии маҷмааи таҳсилоти кишвар ба бозори байналхалқии хизматрасониҳои таҳсилотӣ.....	372
Раҷабов Қ.Р., Бобоев С.Н. Арзёбии рушди рақамикунонӣ дар саноати маъданҳои кӯҳии Ҷумҳурии Тоҷикистон.....	385

Уважаемые читатели, дорогие друзья!

Завершается 2023 год – год плодотворной работы, ощутимых итогов и замечательных свершений во всех сферах социально-политической и культурной жизни нашей страны. Этот год был объявлен Годом русского языка как языка межнационального общения на всех просторах Содружества Независимых Государств. Русский язык всегда занимал прочные позиции в Республике Таджикистан, его статус как языка межнационального общения закреплён в Основном законе страны. Лидер нации, Основоположник мира и национального единства, Президент Республики Таджикистан Уважаемый Эмомали Рахмон подчеркнул этот важный факт: «Огромное значение русского языка для нашего общества носит не декларативный, а реальный характер, и в Конституции страны за ним закреплён статус языка межнационального общения». Об укреплении позиции русского языка красноречиво свидетельствует выход Постановления Правительства Таджикистана от 30 августа 2019 года №438 об утверждении Государственной программы «Совершенствование преподавания и изучения русского и английского языков до 2030 года», что стало дополнительным стимулом для активизации изучения русского языка гражданами республики. А это значит, что для них открываются новые возможности вхождения в богатейший мир русской культуры, литературы, научных достижений.

Российско-Таджикский (Славянский) университет является одним из лидеров в продвижении и популяризации русского языка в Таджикистане. И важным аспектом этой миссии является научная деятельность профессорско-преподавательского состава нашего вуза, направленная на укрепление престижа таджикской науки на международной арене, обеспечение высокого качества научных исследований и подготовку высококвалифицированных кадров.

Журнал «Вестник университета» (РТСУ), который всегда был и остается серьезной и востребованной площадкой для ознакомления научной общественности и широкого круга читателей с результатами научных изысканий, проводимых в Таджикистане и странах ближнего и дальнего зарубежья, не мог не откликнуться на столь важную инициативу.

Это номер особенно важен для нас как наглядный пример плодотворного сотрудничества вузов Таджикистана и России, как одна из форм взаимоузнавания и взаимосближения. Уверен, что публикации российских и таджикских исследователей вызовут обоюдный интерес, поскольку охватывает широкий круг актуальных проблем филологической науки, в том числе проблем русского языка и литературы. Надеюсь, что процесс обмена научной информацией будет продолжен, а русский язык будет и дальше служить посредником в этом ценном и плодотворном деле.

**Ректор Российско-Таджикского
(Славянского) университета
доктор экономических наук, профессор
Файзулло Машраб Курбонали**

Хонандагони мухтарам, дӯстони азиз!

Соли 2023 – соли фаъолияти пурсамар, натиҷаҳои назаррас ва корҳои дар ҳамаи соҳаҳои ҳаёти иҷтимоиву сиёсӣ ва фарҳангии кишварамон шоиста анҷом ёфта истодааст. Соли мазкур Соли забони русӣ ҳамчун забони муоширати байналхалқӣ дар тамоми паҳнои Иттиҳоди Давлатҳои Мустақил эълон гардидааст. Забони русӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳама вақт мавқеи устувор дошт. Мақоми он ҳамчун забони муоширати байналхалқӣ дар Сарқонуни кишварамон сабт гардидааст. Пешвои миллат, Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон мухтарам Эмомалӣ Раҳмон ин далели муҳимро таъкид намуда, чунин иброз доштанд: «Аҳамияти бузурги забони русӣ барои ҷомеаи мо дорои на хусусияти расмӣ, балки воқеӣ буда, дар Конститутсияи кишвар мақоми забони муоширати байналхалқӣ дорад». Аз мустаҳкамшавии мавқеи забони русӣ бароварда шудани Қарори Ҳукумати Тоҷикистон аз 30 августи соли 2019 таҳти №438 оид ба тасдиқи Барномаи давлатии «Такмилдиҳии таълиму омӯзиши забонҳои русӣ ва англисӣ то соли 2030» шаҳодат медиҳад, ки ин барои фаъолгардонии омӯзиши забони русӣ аз ҷониби шаҳрвандони ҷумҳуриамон хавасмандии иловагӣ мебошад. Ин матлаб чунин маъно дорад, ки барои онҳо имконоти нави ворид шудан ба дунёи пурғановати фарҳанг, адабиёт, дастовардҳои илмии рус кушода мешавад.

Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон яке аз пешсафони пешбурд ва паҳнсозии забони русӣ дар Тоҷикистон аст. Ҷиҳати муҳимми ин рисолатро фаъолияти илмии профессорону устодони донишгоҳамон ташкил медиҳад, ки ба мустаҳкамсозии обрӯи илми тоҷик дар арсаи ҷаҳонӣ, таъминсозии сифати баланди таҳқиқоти илмӣ ва омодасозии кадрҳои баландихтисос нигаронида шудааст.

Маҷаллаи «Вестник университета» (РТСУ), ки ҳамеша барои шиносоии ҷомеаи илмӣ ва доираи васеи хонандагон бо натоиҷи ҷустуҷӯҳои илмии дар Тоҷикистон ва кишварҳои хориҷи дуру наздики кишвар пойгоҳи ҷиддӣ ва серталабот буд ва ҳаст, аз чунин иқдоми муҳим бетараф монда наметавонад.

Шумораи мазкури маҷалла барои мо ҳамчун мисоли равшани ҳамкориҳои самараноки мактабҳои олии Тоҷикистону Россия, ҳамчун яке аз шаклҳои шиноخت ва наздикшавӣ бо ҳамдигар махсусан муҳим аст. Итминон дорам, ки интишороти пажӯҳишгарони Россия ва Тоҷикистон барои ҳар ду тараф шавқовар мешаванд, зеро онҳо фарогири мушкilotи мубрами илми филологӣ, аз ҷумла мушкilotи забон ва адабиёти рус ҳастанд. Умедворам, ки раванди мубодилаи иттилооти илмӣ идома ёфта, забони русӣ минбаъд ҳам дар ин қори судманд ҳамчун миёнҷӣ хизмат мекунад.

**Ректори Донишгоҳи (Славянии)
Россия ва Тоҷикистон
доктори илмҳои иқтисодӣ, профессор
Файзулло Машраб Қурбоналӣ**

Уважаемые коллеги и дорогие друзья!

В странах СНГ завершается «Год русского языка как языка межнационального общения», объявленный в 2023 г. по решению глав правительств Содружества. В рамках этой инициативы в странах-участницах была реализована обширная программа мероприятий научного, образовательного, социокультурного характера, направленных на поддержку русского языка и повышение его статуса на территории постсоветского пространства. В числе наиболее значимых и интересных: научные конференции для ученых-филологов, методические семинары, мастер-классы, курсы повышения квалификации для преподавателей вузов и учителей русского языка, конкурсы профессионального мастерства для педагогов, школьные и студенческие конкурсы и олимпиады. Отрадно отметить, что их участниками стали не только представители стран СНГ, но и неравнодушные к русскому языку и русской культуре граждане дальнего зарубежья (Европы, Африки, Америки и др.).

Предварительные итоги «Года русского языка как языка межнационального общения» свидетельствуют о заметном росте социального запроса на изучение русского языка за пределами России. Проведенные мероприятия показали, что русский язык, выступая эффективным инструментом межнационального общения, по-прежнему играет важную роль в социально-экономической, образовательной, культурной сферах стран постсоветского пространства. Хочется особенно обратить внимание на высокий уровень владения русским языком, интерес к изучению русской культуры и истории у людей разных национальностей, живущих за пределами России и говорящих на разных языках.

Русский язык – это язык науки в СНГ. В специальном выпуске журнала «Вестник университета» Российско-Таджикского (Славянского) университета вы познакомитесь с результатами научных исследований по актуальным аспектам лингвокультурологии, литературоведения, лингвистики. Выражаем искреннюю надежду, что материалы, подготовленные многонациональным коллективом исследователей, будут востребованы не только преподавателями русского языка, учеными-филологами и специалистами смежных областей знания, но и заинтересуют всех, кто хочет узнать больше о русском языке и культуре, увидеть для себя перспективные идеи для сотрудничества и реализации новых проектов по русскому языку и межкультурной коммуникации в 2024 году.

**Директор Института русского языка Российского
университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
член Совета при Президенте Российской Федерации
по русскому языку, вице-президент Российского
общества преподавателей русского языка и литературы
Анжела Викторовна Должикова**

Ҳамкорони мухтарам ва дӯстони азиз!

Дар кишварҳои ИДМ «Соли забони русӣ ҳамчун забони муоширати байналхалқӣ», ки соли 2023 бо қарори сарварони ҳукуматҳои Иттиҳод эълон гардида буд, анҷом ёфта истодааст. Дар доираи ин ташаббус дар кишварҳои иштироккунанда барномаи васеи чорабиниҳое, ки хусусияти илмӣ, таҳсилотӣ, иҷтимоиву фарҳангӣ доранд ва барои дастгирии забони русӣ, баланд бардоштани мақоми он дар ҳудуди фазои пасошӯровӣ равона карда шудаанд, қоркард шуд. Ба доираи чорабиниҳои муҳимтарин ва ҷолибтарини ин барнома баргузориҳои конференсияҳои илмӣ барои донишмандони филолог, семинарҳои методӣ, дарсҳои кушод, курсҳои тақмили ихтисос барои муаллимони мактабҳои олии ва омӯзгорони забони русӣ, озмунҳои маҳорати касбӣ барои устодон, озмунҳои мактабӣ, донишҷӯӣ ва олимпиадаҳо шомиланд. Боиси хушнудист, ки на танҳо намоёндагони кишварҳои ИДМ, балки шахрвандони нисбат ба забони русӣ ва фарҳанги рус дилгарми хориҷаи дур (Аврупо, Африко, Америка ва ғ.) иштироккунандаи ин чорабиниҳо гардиданд.

Натиҷаҳои пешакии «Соли забони русӣ ҳамчун забони муоширати байналхалқӣ» аз рушди назарраси талаботи иҷтимоӣ ба омӯзиши забони русӣ берун аз қаламрави Россия гувоҳӣ медиҳанд. Чорабиниҳои баргузоршуда нишон медиҳанд, ки забони русӣ, ҳамчун асбоби самараноки муоширати байналхалқӣ, мисли пештара дар соҳаҳои в иҷтимоиву иқтисодӣ, таҳсилотию фарҳангии кишварҳои пасошӯровӣ нақши бузург дорад. Мо мехоҳем бештар ба сатҳи баланди дониши забони русӣ, шавқ доштан ба омӯзиши фарҳангу таърихи рус дар байни одамони миллаташон гуногун, ки берун аз ҳудуди Россия зиста, бо забонҳои гуногун ҳарф мезананд, тавачҷух диҳем.

Забони русӣ дар ИДМ забони илм аст. Дар шумораи махсуси маҷаллаи «Вестник университета»-и Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон шумо бо натиҷаҳои таҳқиқоти илмӣ доир ба ҷанбаҳои мубрами забон ва фарҳангшиносӣ, адабиётшиносӣ ошно хоҳед шуд. Самимона умедвор ҳастем, ки маводҳои аз ҷониби коллективи сермиллати муҳаққиқон омодашуда на танҳо аз ҷониби устодони забони русӣ, олимони филолог ва мутахассисони соҳаҳои ҳамҷавор пазируфта мешаванд, балки барои ҳамаи онҳое, ки дар соли 2024 доир ба забону фарҳанги русӣ маълумоти бештар ба даст овардан ва барои худ бо мақсади ҳамкориҳо ва татбиқи лоиҳаҳои нави забони русӣ ва муоширати байнифарҳангӣ фикрҳои ояндадор пайдо кардан мехоҳанд, муфид хоҳанд буд.

**Директори Институти забони русии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия ба
номи Патрис Лумумба,
узви Шӯрои назди Президенти Федератсияи Россия
оид ба забони русӣ, собиқ президенти Ҷамъияти
муаллимони забон ва адабиёти рус
Анжела Викторовна Должикова**

УДК 821.161.1-1

**А.С.ПУШКИН КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГИПЕРТЕКСТ
(ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)**

Овчаренко Алексей Юрьевич

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии

Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 433 80 22, доб. 1340
ovcharenko_avu@pfur.ru

Русакова Марина Васильевна

Кандидат филологических наук, доцент,
проректор по науке и инновациям
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 25
rusakova-74@mail.ru

В статье ставится междисциплинарная проблема – творческая биография (жизнь и тексты в их общем генезисе) А.С.Пушкина как национальный гипертекст.

В общем виде рассматривается возможность использования понятий «гипертекста» Теда Нильсона, «диалогизма» М.Бахтина, «интертекстуальности» Ю.Кристевой, «текста без берегов» Р.Барта и Ж.Деррида и др., «орега aperta» – открытого произведения У.Эко и «палимпсеста» Ж.Женетта для описания пространства пушкинского текста.

Определяются этапы формирования и развития пушкинского гипертекста от рукописей как протогипертекста и опубликованных текстов, от ставших мемами фраз «солнце нашей поэзии» (В.Одоевский) и «А Пушкин – наше всё» Ап.Григорьева, образа Пушкина в мемуарах современников до возникновения пушкинского канона и его более позднего переосмысления в критических статьях В.Ходасевича и других, от дискуссий первой половины 1920-х гг. между В. Вересаевым и В.Ходасевичем о том, как надо писать о самом Пушкине и как надо писать биографию поэта, дискуссий о том, как надо читать Пушкина («медленное чтение М.Гершензона и восприятие этого метода в историко-литературном контексте 1920-1930-х гг.), до формирования российской пушкинистики, оформления культа Пушкина в период пушкинских дней к 100-летию гибели поэта в 1937 г. и использования в идеологическом и культурном дискурсе эпохи СССР.

Предложены возможные стратегии изучения образа Пушкина в современном кинематографе, сериалах и цифровой среде – фанфиках.

Ключевые слова: А.С.Пушкин; русская культура и литература; творческая биография; интертекстуальность; диалогизм; цифровая среда.

Тема, заявленная в заголовке нашей статьи, огромна, как огромно и само творческое наследие Пушкина, работа над систематизацией, комментированием и изданием которого далека от завершения, как далеко от завершения и издание полного академического собрания сочинений поэта, работа над которым ведётся в Институте русской литературы РАН (Пушкинский дом) уже не один десяток лет, но всё ещё далека от завершения¹.

Издания собрания сочинений, стихотворений разного периода, прозы и драматургии представляют собой открытую книгу – каждый редактор (об этом, как правило, заявлено в предисловии) представляет своего Пушкина – свою хронологию творчества, свои комментарии и т.д., а многочисленные труды разной степени академичности – «Пушкин и...» придают этой книге дополнительный объём.

Анна Ахматова писала о пушкинской вселенной, о том, что эпоха, в которую жил и творил поэт, не сразу стала называться «пушкинской», и лишь постепенно она приобрела хрестоматийно известный гелио/пушкино-центрический вид, – вокруг «солнца нашей поэзии» (В.Одоевский) сформировались орбиты «поэтов пушкинской поры» и «современников Пушкина»: «Вся эпоха (не без скрипа, конечно) мало-помалу стала называться пушкинской», все «кавалерственные дамы, члены высочайшего двора, министры, аншефы» «постепенно начали именоваться пушкинскими современниками» [1, с.109].

На наш взгляд, целесообразно рассмотреть лишь некоторые из возможных стратегий и вариантов презентации, концептуализации и дальнейшего исследования темы «Пушкин как национальный гипертекст», предложить постановку (в общем виде) этой междисциплинарной и кросс-культурной проблемы (как, например, в классических книгах В.Жирмунского «Пушкин и Байрон» (1924) или «Пушкин и Франция Б.Томашевского (1960)) – творческая биография (жизнь и тексты в их общем генезисе) Пушкина как национальный гипертекст.

Важно, на наш взгляд, обратить внимание на генезис пушкинского мифа в русской культуре, своеобразными вехами которого стали Пушкинская речь Ф.М.Достоевского (1880), венчавшая празднование пушкинских дней, открытие памятника Пушкину в Москве² и дни памяти поэта в год столетия со дня его гибели в 1937 г. Именно в этом году произошло его «огосударствление»: Пушкин окончательно стал частью нового ментального советского пространства³: номер

---

¹ «Когда полное станет полным?». Интервью с д.ф.н. М.Н.Виролайнен, заведующей отделом пушкиноведения, заместителем председателя Пушкинской комиссии РАН // Санкт-Петербургские ведомости. URL: https://spbvedomosti.ru/news/nauka/kogda_polnoe_budet_nbsp_polnym/ (дата обращения: 08.09.2023)

² О значении пушкинских дней в историко-литературном процессе и общественном сознании России см.: Левитт Маркус Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб.: Академический проект, 1994.265 с.

³ См. подробно: Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... д-ра филол.н. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. 47с.

«Литературной газеты» от 8 февраля 1937 г. был целиком посвящён Пушкину, – «Славе нашей родины», «Светлому разуму» и «Любимому поэту Ленина».

Затем постановлением ЦИК СССР от 9 февраля 1937 г. Музею изобразительных искусств в Москве было присвоено имя поэта, улица Большая Дмитровка в Москве была переименована в Пушкинскую, а Детское Село – в город Пушкин. В этом же номере «Литературной газеты» культ Пушкина связывался с недавно возникшим культом В. Маяковского (хотя ещё поэты Пролеткульта писали о «лучезарном» Пушкине): «Лучший, талантливейший поэт нашей советской эпохи своим поэтическим служением советскому народу, своей борьбой за народный язык в поэзии продолжил и развил творческое направление Пушкина» [11, с.2].

Предложенный в 1967 г Ю.Кривеиной термин «интертекстуальность»¹, относившийся к текстам различной природы, трансформировался с наступлением эпохи Вэб 2.0., и сегодня мы говорим уже о гипертексте и по отношению к литературе (хотя ещё в 1934 г. в письме В. Ходасевичу М.Цветаева говорила о том, что «... давно перестала делить стихи на свои и чужие, на «тебя» и «меня», Я не знаю авторства» [14, с.466]).

Само понятие «гипертекст», введённое в научный оборот Тедом Нельсоном в 1965 г., в то время было актуально для компьютерного дискурса, но затем, в 1982 г., Жерар Женетт, автор концепции палимпсеста [17], предложил понятие «архитекст» как объект поэтики [17, с.7]². Сегодня оно используется в самом широком, как и понятие «текст» Ю.Лотмана, толковании, – мир рассматривается как огромное текстуальное пространство, некий океан текстуальности, в котором существует и сам писатель, и его тексты, и оценка этих текстов – нечто сродни

¹ Ямпольский М. указывает, что источниками этого понятия были теории Ю.Тынянова, М.Бахтина и теория анаграмм Ф. де Соссюра // Ямпольский М. Памяти Тересия. Интертекстуальность и кинематограф. М.: РИК Культура, 1993. С.32-40.

² «L'objet de la poétique, disais-je à peu près, n'est pas le texte, considéré dans sa singularité (ceci est plutôt l'affaire de la critique), mais architexte, ou si l'on préfère l'architextualité du texte (comme on dit, et c'est un peu la même chose, «la littérature de la littérature»), c'est-à-dire l'ensemble des catégories générales, ou transcendantes – types de discours, modes d'énonciation, genres littéraires, etc. – dont relève chaque texte singulier. Je dirais plutôt aujourd'hui, plus largement, que cet objet est la transtextualité, ou transcendence textuelle du texte, que je définissais déjà, grossièrement, par « tout ce qui le met en relation, manifeste ou secrète, avec d'autres textes. La transtextualité dépasse donc et inclut l'architextualité, et quelques autres types de relations transtextuelles... » – «Предметом поэтики, говоря в общем виде, является не текст, рассматриваемый в его уникальности (это, скорее, дело критики), а архитекст, или, если кто-то предпочитает, то «архитекстуальная текстуальность» (как мы говорим, и это в некотором роде одно и то же, «литературность литературы»), то есть совокупность общих категорий, или трансцендентные типы речи, способы высказывания, литературные жанры и т. д., к которому относится каждый отдельный текст. Я бы скорее сказал, что сегодня, в более широком смысле, этим объектом является транстекстуальность, или текстуальная трансцендентность текста, которую я уже в общем виде определил как «все, что связывает его, явное или тайное, с другими текстами». Таким образом, транстекстуальность выходит за рамки и включает в себя архитекстуальность и некоторые другие типы транстекстуальных отношений» (перевод авторов – А.О., М.Р.) // Gérard Genette. Palimpsestes: la littérature au second degré, Paris, Éditions du Seuil, 1982. P. 7.

полифонии, о которой применительно к романам Ф.М.Достоевского писал М.Бахтин.

Возвращение к автору, продолжающаяся полемика с концепцией его смерти (Р.Барт), таким образом, как-то связаны с явным желанием заманить в ловушку различных медийных сред жизнь, свою жизнь, которую писатель, кажется, постепенно упускает из виду, создавая свои тексты (хотя современные авторы автофикшн и эго-документов могут с этим не согласиться).

Однако мы знаем, что Пушкин, творя свою жизнь, создавая тот или иной поэтический контекст своей биографии, разделял жизнь прожитую и жизнь, написанную им самим, стремился уйти от её традиционной линейной формы, повествующей о субъекте от рождения до смерти, создавал новаторскую для начала XIX в. концепцию, охватывающую письмо как жизнь и жизнь как письмо (Р.Барт). Он считал (затем эту концепцию жизнестроения восприняли и развили русские символисты¹, а художники и теоретики ЛЕФ выдвинули уже идею искусства как жизнестроения), что область жизни и область письма неотделимы друг от друга, что письмо (творческое пересоздание) самого себя можно соткать из элементарных частиц (прожитые моменты, сцены, образы, ощущения, слова), извлеченных из собственной жизни, а также из восприятия своих текстов другими и из текстов писателей-современников, особенно европейских.

В этом творческом биографизме уже проступают черты протогипертекста, как и в пушкинских рукописях (описание которых, предпринятое В.Якушкиным в 1884 г, сохраняет свою научную ценность) – этой, по словам Б.Томашевского, «стенограмме творческого процесса», с их многослойной правкой, рисунками как своеобразными гиперссылками, когда слово рождает графическое сопровождение, а из графического сопровождения вырастает слово. Очевидно, что Пушкина – творца своей поэтической биографии, как создателя своей жизни как текста, волновал вопрос, гораздо позже сформулированный Р.Бартом в своих семинарах в Коллеж де Франс в 1978-1979 / 1979-1980, – действительно ли жизнь и текст гомологичны и можно ли полностью создать и понять жизнь в письме и наоборот, окажется ли достаточно письма, чтобы создать жизнь [16, с.324-326]. Все эти вопросы встают перед тем, кто хочет написать биографию Пушкина, представив её как вселенную в историческом движении русской культуры.

Пушкинский гипертекст пережил второе рождение вместе с эпохой после октябрьского переворота 1917 г. Отражение переходных эпох – начало творческого пути Пушкина и «большие двадцатые годы» (А.Ю.Овчаренко) – в историко-литературном процессе обладали сходными чертами, что позволило Ю.Тынянову перекинуть между ними мостик – «Архаисты и новаторы» звучали злободневно и для 1926 г., времени острых дискуссий о классическом наследии и учёбе у классиков. Появление новых точек зрения началось с общеизвестного предложения футуристов «бросить Пушкина с Корабля Современности» (1912). Затем этот напряжённый диалог современников, представителей и наследников

---

¹ «Художник должен стать собственной формой: его природное «я» должно слиться с творчеством: его жизнь должна стать художественной. Он сам «слово, ставшее плотью» [см.2, с.41].

разных культур, порой диаметрально противоположных, продолжился как в России, так и в Русском зарубежье¹. Всё это придавало пушкинскому гипертексту новую динамику – от анкеты журнала «Книга о книгах» к 125-летию Пушкина (1924), «Пушкин в жизни» В.Вересаева (1926), «Архаисты и Пушкин» (1926) и «Пушкин» Ю.Тынянова (1935-1943) до апофеозного утверждения общегосударственного маяковско-пушкинского канона в 1936-1937 гг.

Яркий пример – М.О.Гершензон и А.З.Лежнев – две, казалось бы, совершенно разные фигуры, «веховец» и марксист, объединены и эпохой, и общим интересом к творчеству Пушкина, и вниманием к внутреннему миру пушкинских текстов. В этом их заочном диалоге центральное место занимает пушкинский текст. Парадоксально, но они в анализе именно этого текста находят общий язык, выражают общий пафос: выступают, как и В.Ходасевич, против превращения пушкинского текста в «эстетический шлагбаум», с Б.Томашевским (критиковавшим «медленное чтение» М.Гершензона) – против тех, кто видит в пушкинском тексте лишь «мысли», с К.Чуковским – против Пушкина «мармеладных эстетов», вместе с О.Мандельштамом, выступающим за поэтическую грамотность, призывают читать Пушкина так, как он написан, и вместе с перевальским критиком Д.Горбовым провозглашают: «Пушкин – не классический, а живой».

Нельзя не вспомнить М.Гершензона и с его особым вниманием к внутреннему миру пушкинских текстов, и с его методом «медленного чтения». Здесь важно сказать ещё несколько слов о пушкинском гипертексте и каноне: Е.Баратынский, поэт, только недавно занявший принадлежащее ему по праву место не «поэта пушкинской поры», не одного из «окружения» Пушкина, а одного из глубоких философских лириков первой половины XIX в., хотя ещё современники понимали величину поэтического дара Е.Баратынского. Нельзя не вспомнить и слова П.Вяземского, близко знавшего обоих поэтов: «Баратынский и при жизни, и в самую пору поэтической своей деятельности не вполне пользовался сочувствием и уважением, которых был он достоин. Его заслонял собою и, так сказать, давил Пушкин, хотя они и были приятелями и последний высоко ценил дарование его. Впрочем, отчасти везде, а особенно у нас, всеобщее мнение такую узкую тропинку пробивает успеху, что рядом двум, не только трем или более, никак пройти нельзя. Мы прочищаем дорогу кумиру своему, несем его на плечах, а других и знать не хотим, если и знаем, то разве для того, чтобы сбивать их с ног справа и слева и давать кумиру идти, попирая их ногами. И в литературе, и в гражданской государственной среде приемлем мы за правило эту исключительность, это безусловное верховное одиночество» [3, с.271].

В нашем рассуждении об установленном пушкинском каноне интересно вспомнить и ставшее уже хрестоматийным стихотворение Е. Баратынского «Мой дар убог и голос мой не громок» (1828), несомненно являющееся частью малого

---

¹ Черниговский Д.Н. Биография А.С.Пушкина в литературоведении 1920-1930-х годов в СССР и русском зарубежье: генезис, эволюция, методология: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009, МПГУ. 38 с.

пушкинского гипертекста «Памятник» (1836)¹. Сопоставительный анализ обоих текстов выходит за рамки статьи, поэтому укажем лишь, что надежда на обретение читателя в будущих поколениях – «Читателя найду в потомстве я» Е.Баратынского, – поэта, чей «дар убог» и «голос не громок», нашло отклик у поэта совсем другой эпохи и другой культуры – О.Мандельштама. Интересно, что статья «О собеседнике» из сборника «О поэзии» (1929) первоначально называлась «О моменте общения в поэтическом творчестве». О.Мандельштам пишет о диалоге поэтов и их текстов в «большом времени» (М.Бахтин): «У каждого человека есть друзья. Почему бы поэту не обращаться к друзьям, к естественно близким ему людям? Мореплаватель в критическую минуту бросает в воды океана запечатанную бутылку с именем своим и описанием своей судьбы. Спустя долгие годы, скитаясь по дюнам, я нахожу ее в песке, прочитываю письмо, узнаю дату события, последнюю волю погибшего. Я вправе был сделать это. Я не распечатал чужого письма. Письмо, запечатанное в бутылке, адресовано тому, кто найдет ее. Нашел я. Значит, я и есть таинственный адресат...

Читая стихотворение Боратынского, я испытываю то же самое чувство, как если бы в мои руки попала такая бутылка. Океан всей своей огромной стихией пришел ей на помощь, – и помог исполнить ее предназначение, и чувство провиденциального охватывает нашедшего. В бросании мореходом бутылки в волны и в посылке стихотворения Боратынским есть два одинаковых отчетливо выраженных момента. Письмо, равно и стихотворение, ни к кому, в частности, определенно не адресованы. Тем не менее оба имеют адресата: письмо – того, кто случайно заметил бутылку в песке, стихотворение – „читателя в потомстве“. Хотел бы я знать, кто из тех, кому попадутся на глаза названные строки Боратынского, не вздрогнет радостной и жуткой дрожью, какая бывает, когда неожиданно окликнут по имени» [8, с.19-20].

Шаги на пути изучения творчества Пушкина как гипертекста уже сделаны: о творчестве поэта говорят как о «гипермультимедийном виртуальном художественном мире» [12], как о прародителе концептосферы русской культуры [6], о поэзии Пушкина – как «подвижном палимпсесте» [9, с.2]. Отметим первые шаги на пути создания полного собрания сочинений поэта эпохи Интернета, предпринятые коллективом авторов в ИРЛИ РАН – “Pushkin Digital” [14]. В монографии Л.Ф.Киселёвой прослеживается «присутствие» Пушкина в прозе ХХ, – автор стремится услышать «шаги», увидеть «следы», почувствовать «отзвуки» Пушкина», продлить жизнь поэта в «...формах движущихся мгновений» [4, с.9].

Но существует вполне обоснованное опасение, что российский литературный процесс (при всём условном значении этого определения) на современном этапе развития, всё больше приобретающий черты метамодернизма – термина модного, но не до конца прояснённого и концептуализированного, – станет развиваться не вместе с Пушкиным, а без него и вместо него, о чём в своё время ар-

---

¹ «Памятник» А.С.Пушкина, в свою очередь, входит в большой поэтический гипертекст от М.Ломоносова и Г.Державина до В.Ходасевича и И.Бродского.

гументированно писал И.Кондаков в своей книге с довольно провокативным названием: «Вместо Пушкина» [5, с.260-304].

Но всё же надежда на обретение читателя в будущих поколениях, выраженная в известных словах М.Бахтина о непрекращающемся диалоге, о восприятии текста в «большом времени» и в концепции «открытого произведения» У.Эко, остаётся. В определённом смысле созданный и создаваемый пушкинский гипертекст, когда творческая биография поэта становится фактом не только историко-литературного [4], но и общенационального бытия, и есть медленное чтение – перечитывание и переосмысление его произведений от незаконченного романа Ю.Тынянова «Пушкин» (1935), комментариев В.Набокова (1964) и Ю.Лотмана (1983) к «Евгению Онегину» до анекдотов Псевдо-Хармса (Н.Доброхотова-Майкова, В.Пятницкий), фанфика «Код Онегина» Брейна Дауна (2006) и огромного корпуса самодеятельной цифровой пушкинианы.

Вспомним слова А.З.Лежнева из его последней прижизненной книги «Проза Пушкина. Опыт стилового исследования», звучавшие как завещание критика: «Пушкин раскрыт не в прошлое, а в будущее. Его нельзя изучать лишь «как рядового деятеля литературы» (Б.Томашевский). Задача критики состоит не только в том, чтобы вставить писателя в эпоху, но и в том, чтобы понять, почему он сохранил и за ее пределами жизнь и действенность, в то время как почти все, что было рядом, занесено равнодушием и забвением» [7, с.381].

Вернёмся ещё раз к пушкинскому канону. Казалось, известная всем фраза В.Одоевского «Солнце нашей поэзии закатилось» и слова Ап.Григорьева «А.Пушкин – наше всё» создали строгий канон восприятия творчества поэта, но уже в 1922 г. в статье «Окно на Невский» В.Ходасевич писал: «Времена меняются, с ними – и жизнь, и форма художества. Нельзя и не надо превращать пушкинский канон в прокрустово ложе. Знамя с именем Пушкина должно стоять вертикально: да не будет оно чем-то вроде эстетического шлагбаума, бьющего по голове всякого, кто хочет идти вперед. Пушкин не преграждает пути, он его открывает» [13, с.489].

На этом открытом пути актуализация заложенных в текстах Пушкина мотивов и их воплощение в художественных произведениях говорит о непрекращающемся открытом диалоге читателя и самого Пушкина, о возвращении к текстам разного жанра (не только хрестоматийные поэзия или проза, но и критические статьи и письма), говорит об их перечитывании, установлении новых внутренних связей с российским и европейским общепозитическим контекстом, поиске ответов на волнующие современных читателей и обитателей сети вопросы.

Литература

1. Ахматова А. Слово о Пушкине // Ахматова А. Соч.: в 2 т. Т 2. – М.: Правда, 1990. – 432 с.
2. Белый Андрей. Символизм. Публичная лекция // Весы. – 1908. – №12. – С.36-42.
3. Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. – М.: Искусство, 1984. – 458 с.
4. Киселёва Л.Ф. Пушкин в мире русской прозы XX века. – М.: Наследие, 1999. – 362с.
5. Кондаков И.В. Вместо Пушкина: этюды о русском постмодернизме. – М.: МБА, 2011. – 383 с.

6. Кондаков И.В. Пушкин: рождение концептосферы русской культуры // Вестник культурологии. – 2020. – №1(92). – С.9-36.
7. Лежнев А.З. Проза Пушкина. Опыт стилового исследования. – М.: Худ. лит-ра, 1937. – 415с.
8. Мандельштам О. О поэзии. – Л.: Academia, 1928. – 98 с.
9. Проскурин О.А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 462 с
10. Сляднева Н.А. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин. Художественный мир поэта и современная информационная среда: опережая эпоху [Электронный ресурс] // Культура: теория и практика. – Режим доступа: http://theoryofculture.ru/issues/2014_01/510/ (дата обращения: 07.09.2023)
11. Слава нашей родины (б.а.) // Литературная газета. – 1937. –№8 (664), 10 февр.
12. Цветаева М. Письмо В.Ф.Ходасевичу. Май 1934. // Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т.7. – М.: Эллис Лак, 1995. – Т.7. Письма. – 848 с.
13. Ходасевич В.Ф. Окно на Невский // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Согласие, 1996. – Т.1. – 592 с.
14. “Pushkin Digital” – проект цифрового академического издания сочинений А.С.Пушкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pushkin-digital.ru> (дата обращения: 09.09.2023).
15. Ямпольский М. Память Тиресия. – М.: РИК Культура, 1993. – 464 с.
16. Barthes Roland. La Préparation du roman: Cours au Collège de France (1978-1979 et 1979-1980). – Paris: Éditions du Seuil, 2015. – 608 p.
17. Genette Gérard. Palimpsestes: la littérature au second degré. – Paris: Éditions du Seuil, 1982. – 468 p.

A.S.PUSHKIN AS A NATIONAL HYPERTEXT (FORMULATION OF THE PROBLEM)

Ovcharenko Alexey Yurievich

Doctor of philological sciences, associate professor,
professor of the department of Russian language and cultural linguistics
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 433 80 22, ext. 1340
ovcharenko_ayu@pfur.ru

Rusakova Marina Vasilievna

Candidate of philological sciences, associate professor,
vice-rector for science and innovation
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 44 620 42 25
rusakova-74@mail.ru

The article deals with an interdisciplinary problem – the creative biography (life and texts in their common genesis) of A.S.Pushkin as a national hypertext.

In general, the possibility of using the concepts of “hypertext” by Ted Nielson, “dialogism” by M.Bakhtin, “intertextuality” by Y.Kristeva, “text without shores” by R.Barthes and J.Derrida, etc., “opera aperta” – an open work of W.Eco are considered, as well as the “palimpsest” by J.Genette to describe the space of Pushkin’s text.

The stages of the formation and development of Pushkin hypertext are determined from manuscripts as proto-hypertext and published texts, from the phrases “the sun of our poetry” (V.Odoevsky) and “And Pushkin is our everything” by Ap.Grigoriev, which became memes, the image of Pushkin in the memoirs of contemporaries to the emergence of the Pushkin canon and its later rethinking in critical articles by V.Khodasevich and others, from discussions of the first half of the 1920s. between V.Veresaev and V.Khodasevich about how to write about Pushkin himself and how to write a biography of the poet, discussions about how to read Pushkin (“slow reading of M.Gershenzon and the perception of this method in the historical and literary context of the 1920-1930s) before the formation of Russian Pushkin studies and the formation of the cult of Pushkin during the Pushkin days for the 100th anniversary of the poet’s death in 1937 and use in the ideological and cultural discourse of the USSR era.

Possible strategies for studying the image of Pushkin in modern cinema, TV series and the digital environment – fan fiction are proposed.

Keywords: A.S.Pushkin; Russian culture and literature; creative biography; intertextuality; dialogism; digital environment.

А.С.ПУШКИН ҲАМЧУН АБАРМАТНИ МИЛЛӢ (МАСЪАЛАГУЗОРӢ)

Овчаренко Алексей Юревич

Доктори илмҳои филологӣ, дотсент,
профессори кафедраи забони русӣ ва фарҳангшиносии забонии
Институти забони русии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 433 80 22, доб. 1340
ovcharenko_ayu@pfur.ru

Русакова Марина Василевна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
муовини ректори илм ва инноватсияи
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 25
rusakova-74@mail.ru

Дар мақола мушкилоти байнифанӣ – шарҳи ҳоли эҷодии (ҳаёт ва матнҳо дар генезиси умумиашон) А.С.Пушкин ҳамчун гиперматни милли ба миён гузошта шудааст.

Имконияти истифода бурдани мафҳумҳои «гиперматни» Тед Нилсон, «диалогизми» М.Бахтин, «интерматнокии» Ю.Кристева, «матни бесоҳил»-и Р.Барт ва Ж.Деррид ва ғ., «орегарперта» – асари кушодаи У.Эко ва «палимпсест»-и Ж.Женетт барои тавсиф додани фазои матни Пушкин ба таври умумӣ баррасӣ шудааст.

Марҳилаҳои ташаккул ва рушди гиперматни Пушкин аз дастнависҳо ҳамчун протогиперматн ва матнҳои чопшуда, аз ифодаҳои ба мем табдилёфтаи «офтоби назми мо» (В.Одоевский) ва «А Пушкин – ҳама чизи мо» А.Григорев, образи Пушкин дар ёддоштҳои муосирон то пайдошавии қонуни Пушкин ва тафаккурсозии минбаъдаи ӯ дар мақолаҳои интиқодии В.Ходасевич ва дигарон, аз мубоҳисаҳои нимаи аввали солҳои 1920-ум дар байни В. Вересаев ва В.Ходасевич дар бораи он, ки чӣ тавр бояд дар бораи ҳуди Пушкин навиш ва чӣ тавр бояд шарҳи ҳоли ӯ навишта шавад, мубоҳисаҳо дар хусуси он ки чӣ тавр бояд Пушкинро хонд («хониш бо суръати пасти М.Гершензон ва қабули ин метод дар ҳошиаи таърихӣ-адабии солҳои 1920-1930-ум) то ташаккули пушкинистикаи Россия ва тасвиби ситоиши Пушкин дар давраи рӯзҳои Пушкин бахшида ба 100-солагии вафоти шоир дар соли 1937 ва истифода бурдани он бо мақсадҳои идеологӣ ва фарҳангии даврони ИЧШС муайян карда шудаанд.

Стратегияҳои имконпазири омӯзиши образи Пушкин дар кинематографи муосир, сериалҳо ва муҳити рақамӣ – фанфикҳо пешниҳод карда шудааст.

Вожаҳои калидӣ: А.С.Пушкин; фарҳанг ва адабиёти рус; шарҳи ҳоли эҷодӣ; интерматноки; диалогизм; муҳити рақамӣ.

УДК 811.161.1'373

О ГЛУБИНЕ РУССКОГО СЛОВА

Гусейнова Татьяна Владимировна

Доктор педагогических наук,
профессор кафедры современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 918 83 99 93 (м.)
guseynova.tatyana.vl@gmail.com

Предметом анализа в статье является структура лексического значения слов русского языка, которая представляет собой сложное системное образование, включающее как эксплицитные, так и имплицитные компоненты. Выявленные в современной лексикологии сложные соотношения между структурными составляющими семантики внутри слов позволили понять и объяснить многочисленные семантические явления, касающиеся эпидигматики, парадигматики и синтагматики русского слова: структуру значения однозначного и многозначного слова, характеристику коннотативных компонентов значения, особенности построения парадигматических соотношений слов, их сочетательные возможности и ряд других аспектов семантики русского слова.

Ведущую роль в «глубинном» семантическом анализе слова играет понятие «сема» как мельчайший семантически значимый компонент семемы слова. Именно от квалификации семы, которую носитель языка не осознаёт в процессе речевого продуцирования как обособленный элемент структуры слова, но использует слово, ориентируясь на его обыденное значение, зависят сочетательные возможности слова. Сема в семантической структуре слова является определяющим компонентом при использовании его в переносном значении, при употреблении слова в роли ключевого в структуре фразеологической единицы и, возможно, при изменении значения слова, что часто наблюдается в словарном составе языка. Исследование этих направлений лексико-семантического анализа является перспективным и междотраслевым, поскольку входит в проблему ассоциативного мышления человека.

Ключевые слова: лексика; лексическое значение; структура лексического значения; многозначность; лексико-семантическая парадигматика; этимология; дахронический анализ; типы лексического значения.

Точности, выразительности и простоте русской речи посвящено много высказываний как деятелей русской культуры, так и зарубежной. Существенную роль в создании такого эффекта играет лексика. «Многие русские слова сами по себе излучают поэзию, подобно тому как драгоценные камни излучают таинственный блеск», - писал К.Г.Паустовский. Лексические значения, возникшие и совершенствовавшиеся в глубинах национального сознания, с точки зрения лексикологии представляются достаточно просто: лексическое значение -

это «исторически закреплённая в сознании говорящих соотнесённость между звуковым комплексом и предметом или явлением действительности» [2, с.9]; каждая лексема оформляется по грамматическим законам данного языка и является «элементом общей семантической системы словаря» [Там же].

Однако значения слов и их развитие зависят от внеязыковых факторов, от логики мышления, от особенностей человеческих ассоциаций, основанных на восприятии и чувствах. В «живых» языках, в отличие от искусственных, эти процессы номинации не могут быть предсказуемыми. Простейшее диахроническое исследование, выполненное на сопоставлении современного значения слова и его первичного значения, определяемого в этимологических словарях, служит тому примером. Слово *супруги* 'семейная пара' (*супруг*, *супруга*) [4, с.677], заимствованное из старославянского, в котором выделялась когда-то приставка *су/со*, обозначающая совместность, напоминает современному носителю русского языка о том, что это два человека – мужчина и женщина, которые в одной упряжке должны везти по жизни воз [6, с.432]; глагол *ошеломить* 'крайне удивить, внезапно озадачить' [4, с.419] образовано суффиксально-префиксальным способом от слова *шлем* и значит 'сбить с головы шлем ударом' [6, с.321]; устаревшее общеславянское слово *отрок* 'мальчик-подросток в возрасте между ребёнком и юношей' [4, с.412] напоминает реалии древнерусской жизни, когда на вече - собрании горожан для решения общественных дел – имели право высказывать свою точку зрения только мужчины; отроки (приставка *от* имела значение отрицательной частицы 'не', корень *рок/рёк* 'говорящий') не имели такого права [6, с.319]. Следовательно, первичное значение связывалось с социальным статусом, а впоследствии, когда появилось слово *отроковица* (ж.р.), стало указывать только на возраст.

Отголоски древних событий, миропонимания предков – многих поколений русских людей, их судеб находим в словах, которыми пользуемся для общения в ситуациях, относящихся к разным стилям речи. Воспроизводимость как один из признаков слова – основной номинативной и когнитивной единицы языка – позволяет пользоваться кладом, накапливавшимся многие сотни лет. Как распорядиться этим богатством, сохранить и преумножить его, извлечь из него максимальную пользу для нравственного совершенствования не только живущих, но и будущих поколений?

Современная лексикология в рамках синхронических исследований пытается описать лексическую систему русского языка с различных точек зрения – эпидигматики, парадигматики и синтагматики, рассматривает структуру лексического значения с целью углубить знания о семантических, стилевых и стилистических оттенках значения слова. «Эпидигматические, парадигматические и синтагматические связи взаимно обусловлены и определяют лексико-семантическую и синтаксическую позиции слова. Так, эпидигматически прямое значение слова *вода* 'прозрачная бесцветная жидкость' обуславливает его перносное значение – 'пустые, бессодержательные фразы'; связь значений проявляется через общие компоненты (семантики): *бесцветная* 'лишённая цвета' и *пустые* 'лишённые содержания, выразительности' [5, с.13].

Попытки лексикологов установить причины возникновения парадигматических отношений между словами опираются на понятие семы как мельчайшего компонента лексического значения. Так, метафора как перенос наименования с одного предмета, признака, процесса на другой на основании сходства, метонимия как перенос наименования на основании смежности и синекдоха как приём обозначения целого через его часть – в той или иной степени основываются на рабочих понятиях «семема» и «сема», на представлении о классификации сем различного уровня.

Уровневые различия сем становятся явными, когда мы сравниваем семный состав наименований предметов или явлений, соотносимых по функции. Например: *стул* ‘род мебели для сидения, со спинкой (для одного человека), без ручек’; *кресло* ‘род мягкой мебели для сидения, просторный стул с ручками для опоры локтей (для одного человека)’; *табурет* ‘род мебели для сидения с квадратным или круглым жёстким сидением, без спинки и ручек (для одного человека)’; *скамейка* ‘приспособление для сидения нескольких человек в виде доски на стойках, с жёстким сидением, без спинки и ручек’. Каждое слово (или в отдельных случаях словосочетание) лексической дефиниции является семой. Семы: ‘род мебели’, ‘для сидения’, ‘со спинкой/без спинки’, ‘для одного человека/для нескольких человек’, ‘без ручек/с ручками’ – различаются степенью обобщённости: общие, характеризующие несколько предметов одного рода, и частные, или различительные (отличающие один предмет от другого).

В соответствии с тем, что указанные семы представляют собой различный уровень обобщения, в структуре значения слова выделяют 1) классемы – обобщительные семы лексико-грамматического значения; 2) лексограммы – лексико-грамматические семы, обозначающие разряды слов внутри класса; 3) гиперсемы – родовые семы, обозначающие класс объектов; 4) гипосемы – видовые семы конкретного характера; 5) коннотативные семы, которые выражают дополнительные содержательные, стилистические (оценочные, эмоциональные и экспрессивные) оттенки значения; 6) потенциальные семы, проявляющиеся в конкретном тексте.

В структуре лексического значения, которая играет важную роль в лексикографическом описании и включает *ядро* (обыденное понятие и научное понятие, которое имеется далеко не у всех слов) и *периферию*, понятие семы играет важную роль в определении именно компонентов периферии: коннотаций и смысловых потенциалов слова. Если смысловые потенциалы проявляются при определённых условиях в тексте, то коннотации как дополнительные значения используются в речи более регулярно. Коннотации не всегда регистрируются словарями, но отражают национально-культурный компонент семантики слова либо устойчивого словосочетания – фразеологизма. Коннотация является также одним из предметов исследования в когнитивистике.

Важную роль в понимании процесса возникновения многозначных слов также играет представление о семной структуре слова. «В семантической структуре многозначного слова могут быть следующие виды семной связи лексико-семантических вариантов (ЛСВ): а) гиперо-гипонимическая (родо-видовая), б)

гипо-гиперонимическая (видо-родовая), в) гиперо-гиперонимическая (родо-родовая), г) гипо-гипонимическая (видо-видовая)» [5, с.22]. Например, словосочетания *смотреть на улицу, смотреть в окно, смотреть в зеркало, смотреть на часы* и *смотреть за порядком, смотреть за ребёнком; чёрствый хлеб* и *чёрствый человек* стали возможны благодаря сходству семного состава, реализующегося в понятиях.

В построении синонимических парадигм также выявляется семная связь, которая создаёт возможность для появления интегральных и дифференциальных признаков. Слова *имя, кличка, прозвище* образуют синонимический ряд, поскольку их объединяют семы 'название' и 'человек'. Так, *имя* – 'личное название человека, даваемое ему при рождении'; *прозвище* – 'название, данное человеку по какой-нибудь характерной его черте, свойству (обидное прозвище)'; *кличка* – 'прозвище (шутливое, конспиративное название человека и т.п.)'. Антонимическая парная парадигма характеризуется тем, что один из её компонентов имеет в структуре своего лексического значения имплицитную либо эксплицитную сему 'не': *высокий – невысокий (низкий), вошёл – вышел, сытый – голодный*, в остальном их семантика сходная: *обутый (не босой) – босой (не обутый)*.

«Способы выражения семной связи ЛСВ многозначного слова могут быть: а) эксплицитными (выраженными), имеющими однокоренные семы в составе связанных по смыслу ЛСВ; б) имплицитными (невыраженными), не имеющими однокоренных сем в семантически объединенных ЛСВ. Например: *земля* – 1) 'планета'; 2) 'верхний слой коры планеты' (эксплицитное); 3) 'используемая территория' (имплицитное)» [5, с.22].

В определении типов лексического значения лексикологами учитываются глубинные семантические смыслы, позволяющие выделять отдельные аспекты лексического значения. Н.С.Валгина пишет о выделении четырёх основных типов лексических значений в словах современного русского языка: 1) по типу номинативности, 2) по типу мотивированности, 3) по типу синтагматичности и 4) по характеру выполняемых номинативных функций. Последний тип выделяется не всеми исследователями.

I. По способу номинации или соотносённости с предметом действительности выделяют прямое, или основное, и переносное, или не прямое. Обычно прямое значение у многозначного слова одно, например, слово *рука* 'одна из верхних конечностей человека от плеча до конца пальцев, а также от запястья до пальцев' [4, с.596]. Прямое значение проявляется в следующих словосочетаниях: *пожать руку; взяться за руки; выронить из рук*. Переносное, не прямое, значение возникает на основе различных ассоциаций, в основании которых находятся мыслительные способности человека, умение сравнивать, классифицировать объекты, выделять какие-либо семы и представлять их в качестве опорных. Например: *В этом деле нужна сильная рука* (символ власти). Основанием для создания подобного суждения стало представление о руке как «... как орудия деятельности, труда» [2, с.6]. В основу переносного значения 'почерк, подпись' легло понятие 'индивидуальный результат письменной деятельности, выполненной пишущей рукой', например в выражениях *Разобрать чью-нибудь*

руку (только ед.; почерк). *Неразборчивая рука* (почерк). *Руку приложить* (подписать; устарелое). Переносным является значение 'сторона, направление': *по правую руку; на левой руке*. Вероятно, в данном случае выявилось древнее, общеславянское значение слова *рука*, первичное и характерное для славянских языков – 'собирать, собирающая' [6, с.395] – со стороны левой или со стороны правой руки, ведь рука – часть тела человека, способная выполнять какую-либо деятельность, при которой необходимо ориентироваться в окружающем пространстве. Переносным является значение слова *рука* в предложении *Нужны рабочие руки* (только мн.; рабочая сила). Только в единственном числе употребляется слово *рука*, когда говорят о том, кто способен оказать помощь, протекцию: *Своя рука где-нибудь, у кого-нибудь; сильная рука* (разговорное), переносное; (только ед.) о согласии кого-либо на брак, о готовности вступить в брак [4, с.597].

Как и другие наименования частей человеческого тела, слово *рука* входит в состав многочисленных фразеологических единиц, разнообразных по своей структуре: *в руках* 'в полном распоряжении, подчинении' (ФЕ-словоформа); *держат в руках* кого/что 'в строгости'; *взять в свои руки* 'взять в свою власть, под своё руководство'; *взять себя в руки* 'сдержанно делать что-либо'; *в хорошие руки* (плохие, чужие и т.д.) – попасть, отдать, продать; *в одни руки* – продать, отпустить одному человеку; *играть в четыре руки* – играть на рояле одному или вдвоём (ФЕ-словосочетания); *всё валится из рук* 'нет сил или охоты делать что-либо' (ФЕ-предложение) и много других выражений, которые, будучи устойчивыми сочетаниями слов, описывают разнообразные ситуации, передавая одновременно вербальный результат их логического осмысления и вкладывая в них эмоционально-оценочное значение, выраженное с различной степенью обобщения.

Семантические особенности сопровождаются в языке и некоторыми синтагматическими закономерностями, о которых упоминает Н.С.Валгина: «Связи слов, обладающих прямым значением, меньше зависят от контекста и обусловлены предметно-логическими отношениями, которые достаточно широки и относительно свободны. Значение переносное гораздо больше зависит от контекста, оно обладает живой или частично потухшей образностью» [2, с.9].

II. По степени структурно-семантической мотивированности значения разделяются на немотивированные (или производные) и мотивированные (или производные от первых) [2, с.10; 5, с.15]. Например, значение слов *рука, дом, стена* – немотивированное, а значения слов *ручной, рукав, домашний, домовый, домовёнок, настенный* и др. – мотивированы семантическими и словообразовательными связями со словом *рука, дом, стена*. Логическая цепочка слов с немотивированным и мотивированным значением, обозначая их связи, позволила упростить рече-мыслительные процессы и сэкономить языковые ресурсы.

III. По степени лексической сочетаемости (синтагматичности) значения делятся на свободные, которые Н.С.Валгина называет «относительно свободными» (к ним относятся все прямые значения слов), и несвободные.

Относительная свобода сочетательных возможностей слова также в современной лексикологии определяется с позиции семного членения слова – представления о значении слова как об особенном наборе сем (сема – минимальный компонент семемы слова). В обиходе мы скажем: сочетание *умный хлеб* невозможно, поскольку такого просто не бывает. Выделение из семемы слова комплекса сем позволяет установить, что в семеме *хлеб* отсутствует сема 'лицо', а в семеме *умный* эта имплицитная сема наличествует, т.е. эти слова не сочетаются из-за несоответствия их семного состава, хотя и слово *умный* и слово *хлеб* квалифицируются как слова со свободным (по своей синтагматичности) значением, т.е. обладают широкими сочетательными возможностями.

Среди слов со связанным значением выделяют два основных вида:

1) слова с фразеологически связанным значением, круг сочетательных возможностей которых ограничен. Это лексически целостные (неделимые) сочетания типа *беспробудный сон* 'глубокий сон', *закадычный друг* 'искренний, душевный'. Они устойчиво воспроизводимы, причём их связь далеко не всегда в современном русском языке осознаётся через предметно-логические отношения. Они воспринимаются и употребляются в речи без детального пословного осознания значения компонентов – как своеобразные лексические максимы, лексические окаменелости и понимаются как единое целое, часто равное одному слову. Вероятно, к этой группе слов могут быть присоединены и идиомы с разной степенью семантической слитности: *бить баклуши* 'бездельничать, лениться', *лежать на печи* 'бездельничать', *наломать дров* 'наделать ошибок', *правая рука* 'помощник'.

2) синтаксически обусловленное значение слова проявляется в особых синтаксических позициях – в позиции, когда оно выполняет функцию обращения, составного именного сказуемого или определения: *Эх, ты, шляпа!* 'простодушный, доверчивый'. Слово *шляпа* выступает в роли обращения и характеризует лицо. *Будешь у меня шёлковый!* 'послушный'. Слово *шёлковый* в составе именного сказуемого передаёт качество человека. В реализации синтаксически обусловленного значения велика роль контекста.

3) конструктивно ограниченное значение, которое отдельные учёные относят к разновидности синтаксически обусловленных значений [2, с.12], другие – напротив – считают его отдельным типом [5, с.17]. Оно, считают лексикологи, «возникает только в условиях использования слова в определенной синтаксической конструкции. Например, «сравнительно недавно возникшее значение «район, область, место действия» у слова *география* обусловлено его использованием в конструкции с существительным в родительном падеже: *география спортивных побед*» [2, с.14]. «Конструктивно ограниченное значение слова реализуется в объединениях слов с подчинительной связью (управление, согласование или примыкание), где семантическая законченность одного слова восполняется лишь в сочетании с другим» [5, с.17]. Примеры, приводимые в доказательство, не представляются нам бесспорными, иллюстрирующими одинаковую степень проявления указанного в обосновании данного языкового факта признака. К примеру, словосочетания *слышать голоса спорящих*, *защётный*

мешок (составной термин) и *зелёный юнец* [5, с.17]. Методом подстановки можно определить, что первое словосочетание возможно трактовать как составленное из слов со свободным значением: *слышать пение птиц, слышать чириканье воробьёв, слышать шум прибоя* и пр.; второй пример, действительно, составляет целостное нечленимое наименование – термин, по аналогии со словосочетаниями *анютины глазки, Чёрное море* и т.д., а третий может быть обозначен как имеющий фразеологически связанное значение.

IV. Другое основание для классификации лексических значений – по характеру выполняемых номинативных функций. В корреляции выделяются значения собственно номинативные и экспрессивно-синонимические. Если прямо-номинативные называют предмет, явление, качество или действие непосредственно, не имея дополнительных оценочных признаков, как это указано в типе I (например, таким значением обладают слова *писатель, помощник, шуметь*, то экспрессивно-синонимическим значением будут обладать слова, в семантике которых «преобладает эмоционально-экспрессивный признак. Слова с такими значениями существуют самостоятельно, отражены в словаре и воспринимаются как оценочные синонимы к словам, обладающим собственно номинативным значением. Ср.: *писатель – писака, борзописец; помощник – пособник; шуметь – колобродить*. Следовательно, они не только называют предмет, действие, но и дают особую оценку. Например, *колобродить* (просторечное) не просто *шуметь*, а 'вести себя шумно, суетливо, беспутно, непорядочно'» [2, с.16]. Причём именно синонимичность и экспрессия второго компонента лексической пары, наличие в нём оценочных значений, чаще негативного характера, позволяет признать закономерность выделения данного типа лексического значения.

Таким образом, рассмотрение структуры лексического значения слова с точки зрения обнаружения в ней мельчайшего компонента – семы – позволило познать глубину русского слова, привело лексикологов к тому, что эпидигматические, парадигматические и синтагматические свойства слова получили своё описание и истолкование.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Метафора // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф.П.Филин. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – С.140-141.
2. Валгина Н.С. Современный русский язык: учебник / Н.С.Валгина, Д.Э.Розенталь, М.И.Фомина; под ред. Н.С.Валгиной. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2002. – 528 с.
3. Винокур Т.Г. Синонимы // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф.П.Филин. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – С.286-288.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю.Шведовой. – М.: Русский язык, 1986. – 797 с.
5. Современный русский язык: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Филология» / под ред. П.А.Леканта. – М.: Дрофа, 2000. – 560 с.
6. Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителя. – 2-е изд., испр. и доп. / под ред. чл.-корр. АН СССР С.Г.Бархударова. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.

7. Шмелёв Д.Н. Полисемия // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф.П.Филин. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – С.216-217.

ABOUT THE DEPTH OF THE RUSSIAN WORD

Guseinova Tatyana Vladimirovna

Doctor of pedagogical sciences,
professor of the chair of modern Russian language
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 25
Ph.: (+992) 918 83 99 93 (m.)
guseynova.tatyana.vl@gmail.com

The subject of analysis in the article is the structure of the lexical meaning of words in the Russian language, which is a complex systemic formation, including both explicit and implicit components. The complex relationships between the structural components of semantics within words revealed in modern lexicology have made it possible to understand and explain numerous semantic phenomena related to the paradigmatics, paradigmatics and syntagmatics of the Russian word: the structure of the meaning of a single-valued and polysemantic word, the characteristics of the connotative components of the meaning, the features of the construction of paradigmatic relationships of words, their combinative possibilities and a number of other aspects of the semantics of the Russian word.

The leading role in the “deep” semantic analysis of a word is played by the concept of “seme” as the smallest semantically significant component of the seme of a word. It is from the qualification of the seme, which the native speaker does not recognize in the process of speech production as a separate element of the structure of the word, but uses the word, focusing on its everyday meaning, that the combinatory possibilities of the word depend. The seme in the semantic structure of a word is a determining component when it is used in a figurative meaning, when the word is used as a key word in the structure of a phraseological unit and, possibly, when the meaning of the word changes, which is often observed in the vocabulary of a language. The study of these areas of lexical-semantic analysis is promising and interdisciplinary, since it is part of the problem of human associative thinking.

Keywords: vocabulary; lexical meaning; structure of lexical meaning; polysemy; lexical-semantic paradigmatics; etymology; diachronic analysis; types of lexical meaning.

ДАР БОРАИ АМИҚИИ СУХАНИ РУСӢ

Гусейнова Татьяна Владимировна

Доктори илмҳои педагогӣ,
профессори кафедраи забони муосири русӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 918 83 99 93 (м.)
guseynova.tatyana.vl@gmail.com

Мавзуи таҳлили мақоларо сохтори маъноӣ луғавӣ калимаҳои забони русӣ, ки низоми мураккабе буда, дорои чӯзҳои ҳам эксплитситӣ ва ҳам имплитситӣ мебошад, ташкил медиҳад. Таносубҳои мураккаби дар вожашиносии муосир ошкоршудаи байни қисмҳои сохтории маъноӣ дар низоми луғавӣ барои фаҳмидан ва фаҳмондани ҳодисаҳои сершумори маъноӣ, ки ба эпидигматика, парадигматика ва синтагматикаи калимаҳои русӣ дахл доранд, яъне сохтору маъноӣ калимаҳои якмаъно ва сермаъно, тавсифи чӯзҳои маънояшон коннотативӣ, хусусиятҳои сохта шудани таносубҳои парадигматикии калимаҳо, имконоти ҳамнишинии онҳо ва як қатор ҷиҳатҳои дигари семантикаи калимаҳои русӣ имконият пешкаш месозанд.

Дар таҳлили «амқи» семантикии калима мафҳуми «сема» ҳамчун хурдтарин чӯзи маънодор дар семемаи калима нақши муҳим мебошад. Маҳз аз баҳогузории сема, ки ҳомили забон онро дар раванди истифодаи нутқ ҳамчун унсуре алоҳидаи сохтори калима дарк намекунад, вале калимаро истифода мебарад ва ба маъноӣ маъмулии он таъяс месозад, имкониятҳои ҳамнишинии калимаҳо вобастагӣ дорад. Сема дар сохтори маъноии калима зимни истифодабарии он ба маъноӣ маҷозӣ чӯзи муайянкунанда аст ва ҳангоми истифода бурдани калима ҳамчун калимаи калидӣ дар сохтори воҳиди фразеологӣ тағйирёбии маъноӣ калима имкон дорад, ҷо ки дар таркиби луғавии забон бисёр ба назар мерасад. Таҳқиқ намудани ин самтҳои таҳлили луғавию маъноӣ ояндадор ва байнисоҳавӣ басо муҳим аст, зеро бо доираи мушқилоти тафаккури ассотсиативии инсон дохил мегардад.

Вожаҳои калидӣ: луғат; маъноӣ луғавӣ; сохтори маъноӣ луғавӣ; сермаъноӣ; парадигматикаи луғавию маъноӣ; этимология; таҳлили диахронӣ; навҳои маъноӣ луғавӣ.

УДК 811.161.1'367.623+811.222.8'367.623

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ АДЪЕКТИВА В РУССКОЙ И ТАДЖИКСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Джабборова Мархабо Тухтасуновна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 08; (+992) 907 81 30 00 (м.)

Актуальность проблематики данной работы обусловлена тем, что адъектив в русском и таджикском языках, имея достаточно длительную историю изучения, все еще вызывает интерес ученых-языковедов. Этот интерес определяется необходимостью решения некоторых дискуссионных проблем теоретической лингвистики, среди которых следует назвать сложность выделения понятия частей речи. С опорой на труды и апробированный аппарат, разработанный в российской и отечественной лингвистической науке, автор статьи предпринимает попытку установить параметры русского и таджикского прилагательного, критерии его выделения исследователями.

Рассматриваются различные точки зрения лингвистов на дефиницию имени прилагательного в сопоставляемых языках. Установлены точки соприкосновения при определении данной части речи и выявлены универсалии, а также констатированы характерные особенности (к примеру, наличие рода, числа и падежа, кратких и полных форм у имен прилагательных в русском языке и отсутствие всего перечисленного в таджикском), показывающие уникальность языковых явлений отдельного языка, постулированных учеными – как русскими, так и таджикскими.

Ключевые слова: адъектив – имя прилагательное; таджикский сифат; семантика; морфология и синтаксис имени прилагательного; зависимость от имени существительного; морфологическая неоформленность.

Качественная характеристика предметов в русском и таджикском языках передается при помощи специальных слов, которые образуют особый грамматический разряд, называемый имя прилагательное. Однако эти слова по своему составу, грамматическим свойствам и месту, которое они занимают в системе частей речи, естественно, не совпадают и не одинаковы в сопоставляемых русском и таджикском языках [11, с. 78].

В связи с этим изучение имени прилагательного в частеречной системе исследуемых языков представляет в современной лингвистике большой интерес не только для ученых-лингвистов, как русистов, так и таджиковедов, но и типологов. И это объясняется тем, что русский и таджикский языки, будучи родственными языками – членами большой индоевропейской языковой семьи (русский язык – славянской группы, а таджикский – иранской), при исследовании показывают специфические особенности, которые связаны с типологическими свой-

ствами русского флективного, синтетического языка и таджикского нефлективного, аналитического.

Имя прилагательное русского языка как самостоятельная часть речи имеет свою очень давнюю историю и исследовано достаточно глубоко. Что же касается изучения сифата таджикского языка, то многие таджиковеды занимались исследованием данной части речи, но и сегодня обнаруживаются вопросы, которые требуют специального рассмотрения. Это не значит, что все тонкости и русских имен прилагательных уже полностью изучены. Данное обстоятельство показывает, что рассмотрение как русского имени прилагательного, так и таджикского сифата продолжается и те проблемы, которые остались вне поля зрения лингвистов, исследуются с других, не изведенных до настоящего времени ракурсов.

Изучению семантических, грамматических и словообразовательных особенностей русских имен прилагательных как самостоятельной части речи посвящены работы таких известных языковедов, как К.С.Аксаков, Н.Д.Дурново, А.М.Пешковский, А.А.Шахматов, В.В.Виноградов, Г.О.Винокур, А.А.Потебня, а также современных учёных-лингвистов Л.Л.Буланина, Е.В.Клобукова, М.Ф.Лукина, М.В.Панова, Н.М.Шанского, Н.Ю.Шведовой, М.А.Шелякина, Н.С.Валгиной, Д.Э.Розенталя, М.И.Фоминой, А.Н.Тихонова, Е.М.Галкиной-Федорук, П.А.Леканта, А.К.Карпова и многих др.

Семантика и грамматика, а также словообразование имени прилагательного таджикского языка подробно освещалась в работах известных лингвистов-таджиковедов Л.Бузургзода, Б.Ниязмухамедова, Д.Таджиева, Ш.Ниёзи, С.Д.Арзуманова, Г.С.Махайличенко, Я.Р.Хахамова, В.С.Расторгуевой, Ш.Рустамова, М.Косимовой и др., а также учёных, исследовавших имена прилагательные русского и таджикского языков в сопоставительном аспекте, – Л.В.Успенской, А.И.Королёвой, И.Б.Мошеева, М.Б.Нагзибековой, М.Б.Атоевой, С.М.Тиллоевой, Х.Э.Исмаилова, Э.Шоева, М.Т.Джалиловой, Ш.Р.Хасановой и др.

По мнению исследователей, имя прилагательное в сопоставляемых языках определяется как одна из категорий, которая в результате развития научной мысли выделилась в самостоятельное понятие качественного признака предмета, а дальше со временем определилась как самостоятельная часть речи и стала, занимая одно из центральных позиций, полноправным членом частеречной системы обоих сравниваемых – русского и таджикского – языков.

Исследования показывают, что понятие формального значения имени прилагательного берет своё начало ещё в греческих грамматиках, авторы которых не выделяли этот разряд слов в самостоятельную часть речи, а рассматривали как один из подвидов широкого класса слов. В частности, Дионисий Фракийский определял имя прилагательное как общее имя, которое одинаково добавляется как к собственным, так и к общим именам, чтобы выразить похвалу или упрек, и исходит от души либо от тела, либо от внешних качеств [1, с.21].

По мнению языковедов, особой трудностью выделения из общих имен отдельно существительного и отдельно прилагательного считалось семантическое и морфологическое сходство подобных имен, и причиной являлась их способ-

ность изменяться по падежам и принадлежность к одному роду. В этом случае учёными не принималась во внимание синтаксическая дифференциация, т.е. функционирование как существительного, так и прилагательного.

Изучение терминологической системы имени прилагательного в античной грамматической науке показывает тесное взаимодействие понятий прилагательного и грамматического определения, в частности, использование термина для обозначения синтаксической категории обозначения функции и для выделения тех слов, которые выполняют роль прилагательного.

Как считают лингвисты, семантические и синтаксические признаки, учитывающиеся при исследовании и характеристике имени прилагательного, определяли те специфические особенности, которые отличают прилагательное от существительного. В греческих грамматиках некоторые учёные уже были близки к выделению прилагательного в отдельную самостоятельную часть речи, однако препятствием на этом пути считалось опять же сходство в семантике и морфологии между существительными и прилагательными.

В «Грамматике» Мелетия Смотрицкого, которая до середины XVIII в. считалась основным учебником по русской грамматике, прилагательное не рассматривается как отдельная часть речи (среди восьми частей речи прилагательного нет), но считается оно как «имя, прилагаемое к другому». В этой грамматике используется не раз термин «прилагательное», который впоследствии стал основой для формирования соответствующего понятия в русском языке [1, с.25].

Можно констатировать, что в грамматике русского языка изучение вопроса о разрядах имен прилагательных, а также попытки классифицировать имена прилагательные были начаты ещё XVIII веке. Уже в трудах М.В.Ломоносова, в частности в его «Российской грамматике», можно обнаружить размышления о притяжательных прилагательных на *-ов*, *-ин*, которые были достаточно продуктивны. В XIX веке учёные-лингвисты выделяют уже имя прилагательное в отдельную часть речи с созданием понятия и термина «прилагательное» [22, с.287].

В «Грамматике церковно-словенского языка» известный лингвист А.Х.Востоков уже рассматривает имя прилагательное как отдельную часть речи, уделяя особое внимание полным и кратким формам данной части речи, и представляет свою классификацию прилагательных: «Прилагательные имена разделяются вообще на качественные, притяжательные, относительные, числительные, причастия» [6, с.35]. Но, как видим, предлагаемая классификация далека от современной, так как в ней насчитывается пять групп прилагательных и автор ещё не указывает пути разграничения слов. По мнению А.Х.Востокова, именно окончания являются определяющим критерием в решении вопроса о разряде имен прилагательных.

Более четкая классификация имен прилагательных на «качественные», «относительные», «притяжательные» и попытка определения их признаков предпринимается в исследованиях известного учёного А.А.Шахматова. Можно постулировать, что именно определения этого лингвиста взяты за основу современными исследователями при делении прилагательных на лексико-грамматические ряды и распределении их на качественные, относительные, притяжательные

[3, с.117]. А.А.Шахматов считает, что “прилагательное – это часть речи, которая включает в себя слова, определяющие существительные и являющиеся названиями свойств, качеств, отношений в их сочетании с названиями субстанций, причем под отношениями понимаются те, которые вытекают из существа, из природы самих субстанций” [26, с.35]. По мнению учёного, все прилагательные имеют закреплённый признак качества.

В исследованиях другого известного лингвиста – А.М.Пешковского, в его работе «Русский синтаксис в научном освещении», рассматривается вопрос об образовании прилагательными форм степеней сравнения. Учёный считает, что «у прилагательных качественная основа только способствует образованию степеней сравнения, но не обуславливает их категорически» [16, с. 81-82].

Известный учёный академик В.В.Виноградов в своём труде «Русский язык. Грамматическое учение о слове», исследуя имя прилагательное, представляет следующее определение данной части речи: «Имя прилагательное – это грамматическая категория, формирующая и объединяющая слова, которые означают признак предмета (качественный, относительный или указательно-определятельный) и которые являются определяющими именами существительные и обычно согласуемыми с ними в роде, числе и падеже частями речи. Семантической основой имени прилагательного является понятие качества» [5, с.151]. Далее академик констатирует, что «в современном русском языке имена прилагательные – это самая многочисленная после имен существительных армия слов» [5, с.152].

Значимая роль в исследовании имен прилагательных отводится А.А.Потебне. Учёный обращает особое внимание на прилагательное как семантический класс слов, который характеризуется высокой степенью абстрактности значений и предполагает соответствующий уровень развития человеческого сознания. Исследуя прилагательное, А.А.Потебня отмечает существенные этой части речи древнейшие черты – изменяемость по родам и степеням. Характеризуя грамматический род прилагательных, он ясно указывает на то, что род у прилагательного сохранился с того времени, когда прилагательное было существительным или на его месте стояло первоначально существительное [17, с.5].

В «Русской грамматике – 1980» мы находим следующее определение имени прилагательного: «Имя прилагательное – это часть речи, обозначающая непроцессуальный признак предмета и выражающая это значение в словоизменительных морфологических категориях рода, числа и падежа» [20, с.540]. Здесь также отмечается, что «в состав прилагательного как части речи, кроме собственно прилагательных, т.е. немотивированных или мотивированных слов, для которых название качества или свойства является их лексическим значением, входят группы слов, лексическое значение которых не выражает качества или свойства предмета» [20, с.542].

В своих исследованиях П.А.Лекант предлагает своё определение изучаемой части речи: «Имя прилагательное – это часть речи, выражающая категориальное грамматическое значение признака предмета в форме грамматической зависимости от имени существительного» («хороший ученик», «мысль интересна», «бег

был быстрым», «лес стал зеленее», «талантливейший из студентов», «рубашка цвета хаки») [10, с.35].

В учебнике по современному русскому языку Н.С.Валгиной, Д.Э.Розенталя, М.И.Фоминой даётся другая трактовка имени прилагательного как части речи: «Слова, которые обозначают постоянный признак предметов, называются именами прилагательными. Семантической основой имени прилагательного является обозначение качества, признака, принадлежности предметов как относительно постоянное свойство. Имя прилагательное – это важнейший выразитель точной определительной характеристики предмета, явлений объективной действительности» [4, с.190-191].

Наиболее меткое определение имени прилагательного, как мы считаем, предлагает А.Н.Тихонов: «Имена прилагательные обозначают признак предмета и выражают грамматическую зависимость признака от предмета в формах согласования с существительным в роде, числе и падеже, выступают в функции определения или именного сказуемого. Значение признака – это категориальное (классифицирующее) значение имени прилагательного как части речи» [24, с.260]. Далее он отмечает, что «морфологически прилагательные характеризуются изменением по родам, числам и падежам, как следствием их согласования с существительными, их грамматического уподобления им. Отсюда ясно, что указанные грамматические категории не сопутствуют сами по себе представлению прилагательных; этому представлению сопутствует неизбежно представление субстанции, определяемой, характеризваемой прилагательным» [24, с.262].

А.К.Карпов при исследовании имен прилагательных отмечает, что «основу грамматической семантики имени прилагательного составляет понятие признака, который принадлежит предмету. Это понятие складывается из совокупности частных грамматических значений падежа, числа, рода и функции определения в предложении. Общее грамматическое значение признака, который принадлежит предмету, объединяет в одну группу слова, обозначающие признак как качество или свойство предмета («красивый», «крепкий», «слепой»), через отношение к другому предмету: неодушевленному («берёзовый», «деревянный», «речной»), одушевленному («отцов», «мамин», «куриный»)» [8, с.93-94].

Итак, в современных русских академических изданиях при определении любой части речи учитываются три основные характеристики части речи – общность семантики, общность морфологических свойств и общность синтаксической функции. Следовательно, по мнению учёных-лингвистов, «имя прилагательное – одна из основных знаменательных частей речи, обладающая характерными для неё семантическими, синтаксическими и морфологическими признаками». С семантической точки зрения, прилагательные объединяют слова, обозначающие непроцессуальный (статический) признак предмета (субстанции). В морфологическом и синтаксическом отношениях прилагательные неоднородны, так как их грамматические признаки проявляются в зависимости от форм (краткой или полной) [22, с.200].

Подводя итог по дефиниции имен прилагательных в современном русском языке, снова обращаемся к академику В.В.Виноградову, который четко постули-

рует существенные признаки частей речи, фактически названные в определении имени прилагательного: семантические – «семантической основой имени прилагательного является понятие качества», морфологические – «комплекс форм, которые все вместе образуют своеобразную парадигму именного склонения, отличную от парадигмы склонений существительных», и, наконец, синтаксические – «эти основные формы имен прилагательных являются формами синтаксических отношений, формами грамматического согласования» [5, с.151].

А теперь рассмотрим точки зрения учёных-лингвистов относительно сифата – имени прилагательного как части речи в таджикском языке. Как нами было отмечено, изучение некоторых особенностей прилагательных, показывающих специфику таджикского языка и до настоящего времени вызывающих споры у таджиковедов, на самом деле довольно интересны, но до конца так и не рассмотрены. К примеру, вопрос об определении в системе частей речи статуса слов, которые, будучи прилагательными, способны выполнять функции или наречий типа «одами хуб» («хороший человек») – «хуб ҷавоб дод» («ответил хорошо»), или прилагательных, совпадающих с существительными («*тилло*» - «золото» и «*соати тилло*» - «золотые часы»). На наш взгляд, это так же является основанием для того, чтобы особая специфика таджикских имен прилагательных была всесторонне исследована.

По мнению учёных-лингвистов, «таджикский язык впервые стал объектом научного исследования всего лишь с 60-х годов XIX века, со времени выхода в свет книги В.В.Григорьева «О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре» (Казань, 1861г.). В этой книге в качестве приложения была опубликована небольшая языковедческая работа, которая называлась «Обозрение некоторых диалектических особенностей употребительного у бухарских таджиков персидского языка», которая явилась первым опытом характеристики таджикского языка [18, с.3]. Исследователь таджикского языка Б.Ниязмухаммедов считает, что в самом начале «в развитие таджикского национального языка, наряду с русскими востоковедами-иранистами В.В.Григорьевым, А.А.Семеновым, В.П.Наливкиным, П.К.Кузнецовым, И.И.Зарубиным, В.С.Соколовой, В.С.Расторгуевой, внесли большой вклад и такие писатели, как С.Айни, А.Лохути, М.Турсунзода, С.Улугзода, Ч.Икром и многие др.» [13, с.3].

Таджикские лингвисты, прежде всего, едины во мнении о том, что прилагательные как самостоятельная часть речи так же, как и русские прилагательные, обозначают признак предмета и выполняют функции определения или сказуемого. В этом плане можно констатировать, что в целом семантические и синтаксические особенности прилагательных таджикского языка совпадают с русскими прилагательными. В морфологическом отношении, в отличие от русских форм, в связи с неизменяемостью и нефлективностью таджикского языка прилагательные не согласуются с определяемым словом в роде, числе и падеже, поскольку категорий рода и падежа в таджикском языке нет вообще, а категория числа не свойственна прилагательным. В синтаксическом плане, выполняя функцию определения в предложении, прилагательное стоит в постпозиции, т.е. следует после

определяемого слова и присоединяется к нему при помощи изафета **-и** («себи ширин» – «сладкое яблоко», «мураббои биҳигин» – «айвовое варенье»).

Учёный-таджиковед В.С.Расторгуева, изучая особенности таджикского языка, считает, что «в таджикском языке именные части речи отличаются малой изменяемостью и полным отсутствием у них флективных форм. Помимо общности значения (все они обозначают предметы или признаки), они объединяются также общностью морфологических и синтаксических средств, используемых ими для выражения: 1) числа (суффиксы **-он** или **-ҳо**); 2) единичности или неопределенности (суффиксальный показатель **-е**); 3) связи слов в предложении (изафетная конструкция, сочетание с предлогами и послелогоми). Однако эти средства не в одинаковой степени используются всеми словами, относящимися к категории именных частей речи. Этот факт (наряду с семантикой слов) служит основанием для выделения нескольких групп внутри общей категории частей речи» [18, с.3]. Если на этом основании рассмотреть прилагательные таджикского языка, то они, на самом деле, могут принимать в предложении всего лишь послелог **-ро**, являющийся показателем прямого дополнения существительного, которое определяется данным прилагательным (например: «Ман китоби шавқоварро хондам». – «Я прочитал интересную книгу»; «Мо духтари зеборо дидем». – «Мы увидели красивую девушку»).

Изучая специфическую особенность таджикских прилагательных, В.С.Расторгуева отмечает особые черты таджикского языка, в котором «слабо намечается грань между существительными и прилагательными». По мнению учёного, «это свойство является следствием утери современным таджикским языком существовавших в древнее время в иранских языках флексии именных частей речи, а также таких категорий, как род и падеж» [19, с.535].

«Благодаря этой морфологической неоформленности, - продолжает свою мысль В.С.Расторгуева, - многие имена, взятые вне предложения, могут быть отнесены к категории существительных или прилагательных. Они каких-либо особых отличительных морфологических показателей не имеют, сравним: «шер» – «лев» и «дер» – «поздний» [19, с.535].

Ш.Ниёзи, определяя сифат как знаменательную часть речи, считает, что данная часть речи «обозначает признак и свойства предмета или её какую-либо связь с предметом» [12, с.27]. Учёный в своем исследовании даёт общую характеристику таджикских прилагательных, указывает их специфические черты, рассматривает разряды прилагательных, особые признаки качественных прилагательных, называет способы словообразования прилагательных, в частности аффиксальные способы: суффиксальный, префиксальный, суффиксально-префиксальный, – а также словосложение и словопроизводство с помощью словосочетаний.

Таджикский учёный Ш.Рустамов, рассматривая в своих исследованиях особые морфологические и синтаксические, а также словообразовательные признаки имен прилагательных, уделяет внимание субстантивации данной части речи. По мнению учёного, в таджикском языке большое количество прилагательных давно перешли в имена существительные, т.е. подверглись переходному процессу, по-

этому «чаще всего используются как существительные. Это такие слова, как «*маст*» («*пьяный*»), «*камтир*» («*старуха*»), «*гадо*» («*нищий*»), «*чавон*» («*юноша*») и др.» [21, с.47].

В «Грамматике таджикского языка» Б.Ниязмухаммедова, Ш.Ниязи и Л.Бузургзода даётся следующее определение сифата в таджикском языке: «Часть речи, которая обозначает признак предмета и отвечает на вопросы *какой*, называется прилагательным, например: «*хонаи калон, равшан, баланд*» («*большой, светлый, высокий дом*»). Обычно прилагательное, сочетаясь с существительным, образует изафетное словосочетание: «*хонаи васеъ*» («*широкий дом*»), «*байрақи сурх*» («*красное знамя*»), «*одами қадбаланд*» («*высокий человек*») [15, с.37].

Л.В.Успенская, одной из первых исследовавшая русский и таджикский языки в сопоставительном аспекте, характеризуя таджикские прилагательные, отмечает, что «часть прилагательных таджикского языка в неопределенной синтаксической позиции может обозначать и признак действия. Сюда относится качественно-обстоятельная группа качественных прилагательных, а также некоторые относительные прилагательные с суффиксами *-аки, -она*» [25, с.29], например: «*поезди шабона*» – «*ночной поезд*», «*Онҳо шабона вохӯрданд*». – «*Они встретились ночью*»; «*марди аспакӣ*» – «*всадник*», «*Вай аспакӣ омад*». – «*Он прискакал*».

Б.Ниязмухаммедов, рассматривая это явление как особую черту имен прилагательных таджикского языка, считает, что «поскольку каждое слово в языке в зависимости от значения и функции относится к определенной части речи, в данном случае слова типа «*зебо*», «*наз*», «*хуб*» являются прилагательными, хотя могут выполнять функцию обстоятельства образа действия» [14, с.35]. Прилагательные такого типа С.Арзуманов рассматривает как прилагательные-наречия. Он констатирует, что «многие прилагательные в зависимости от синтаксических функций могут употребляться в значении наречия или наоборот. Так, прилагательное «*наздик*» («*близкий*», «*ближний*») в то же время является и наречием («*близко*»); «*дур*» – «*далекий*», «*дальний*», «*далеко*»; «*дустона*» – «*дружеский*», «*дружественный*», «*дружески*», «*дружественно*»; «*бераҳмона*» – «*беспощадный*», «*беспощадно*» [2, с.156].

А.И.Королева при сопоставительном исследовании имен прилагательных русского и таджикского языков приходит к выводу, что «любое прилагательное как в русском, так и в таджикском языке обозначает признак предмета, сравним: «*духтари зебо*» – «*красивая девушка*»; «*Вай зебо мерақсад*». – «*Она красиво танцует*» [9, с.198].

И.Б.Мошеев в своих исследованиях имен прилагательных отмечает, что «несмотря на расхождения, наблюдаемые в морфологическом оформлении таджикских прилагательных и передаваемых ими грамматических значений, совокупность их синтаксических, а также словообразовательных свойств делает возможным выделить данный класс слов» [11, с.78].

Наконец, в «Грамматике современного таджикского литературного языка» мы находим следующее определение имени прилагательного: «Сифат обозначает

признак и свойства предмета. Особые его признаки обычно чётко проявляются внутри словосочетания» [7, с.132].

Таким образом, экскурс в историю изучения имен прилагательных в русском и таджикском языках показал, что в обоих языках имя прилагательное – сифат (в таджикском языке само название части речи – термин в переводе на русский язык означает “качество”) как самостоятельная часть речи является, по мнению русских и таджикских лингвистов, одним из классов слов, довольно сложных для исследования. Наши материалы подтверждают, что изучение русских прилагательных имеет давнюю историю и что целесообразно учитывать богатый опыт, накопленный русской лингвистической наукой в изучении данной грамматической категории. Вместе с тем, как нам кажется, не все аспекты таджикского сифата подвергнуты глубокому рассмотрению не только со стороны таджиковедов, но и лингвистов, изучающих русский и таджикский языки в сопоставительном аспекте.

Литература

1. Амирова Т. А. История языкознания: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: АCADEMA, 2003. – 672 с.
2. Арзуманов С., Сангинов А. Таджикский язык. – Душанбе: Ирфон, 1998. – 415 с. (на тадж.яз.)
3. Барсов А. А. Российская грамматика. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 775с.
4. Валгина Н.С. Современный русский язык: учебник для вузов / Н.С.Валгина, Д.Э.Розенталь, М.И.Фомина; под ред. Н.С.Валгиной. – Изд. 6-е, перераб. и доп. – М.: Логос, 2008. – 528с.
5. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / под ред. Г.А.Золотовой. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
6. Востоков А.Х. Грамматика церковно-словенского языка. – СПб, 1914. – 137 с.
7. Грамматика современного таджикского литературного языка. Т.1: Фонетика и морфология. – Душанбе: Дониш, 1985. – 355 с. (на тадж.яз.)
8. Карпов А.К. Современный русский язык: Словообразование. Морфология: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. – 192 с.
9. Королева А.И. Место имени прилагательного в предложении в зависимости от его синтаксических функций в русском и таджикском языках (в сопоставительном плане) // Вопросы русского и общего языкознания. – Душанбе: Ирфон – 1965. – С.197-205.
10. Лекант П.А. Современный русский язык. – М.: Дрофа, 2001. – 448 с.
11. Мошеев И.Б. Сопоставительная типология русского и таджикского языков. (Морфология): учеб. пособие для студ. – Душанбе, 1991. – 231с.
12. Ниёзи Ш.Н. Существительное и прилагательное в таджикском языке. – Сталинабад, 1954. – 47 с. (на тадж.яз.)
13. Ниёзмухаммедов Б. Некоторые вопросы современного таджикского языка. – Душанбе: Ирфон, 1965. – 196 с. (на тадж.яз.)
14. Ниёзмухаммедов Б. Таджикское языкознание (Избранные труды). – Душанбе: Дониш, 1970. – 387 с.
15. Ниёзмухаммедов Б. Грамматика таджикского языка. Ч.1: Фонетика ва морфология / Б.Ниёзмухаммедов, Ш.Ниёзи, Л.Бузургзода. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1960. – 128 с. (на тадж.яз.)
16. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 7-е изд.– М.: Учпедгиз, 1956. – 512 с.
17. Потенция А.А. Из записок по русской грамматике. Т.3. – М.: Просвещение, 1968. – 530 с.
18. Расторгуева В.С., Керимова А.А. Система таджикского глагола. – М.: Наука, 1964. – 291 с.

19. Расторгуева В.С. Краткий очерк грамматики таджикского языка // Таджикско-русский словарь. – М., 1954. – С. 529-570.
20. Русская грамматика. Т.1. – М.: Наука, 1980. – 789с.
21. Рустамов Ш. Классификация частей речи и положение существительных. – Душанбе: Ирфон, 1972. – 92 с. (на тадж.яз.)
22. Смотрицкий М. Грамматика – Киев: Наук. думка, 1979. – 502 с.
23. Современный русский язык. Морфология: учебник для студентов фил. фак. вузов / С.И.Богданов, М.Д.Воейкова, В.Б.Евтюхин и др. – СПб., 2007. – 662 с.
24. Тихонов А.Н. Современный русский язык (Морфемика. Словообразование. Морфология). – Изд. 2-е.-М.: Цитадель-трейд, 2003. – 464 с.
25. Успенская Л.В. Основные структурные особенности современного таджикского языка по сравнению с русским языком // Материалы межреспубликанской научной конференции по вопросам улучшения преподавания русского языка в национальных школах. – Ташкент, 1958. – С.34-51.
26. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. – 4-е изд. – М.: Учпедгиз, 1941. – 620с.

ON THE QUESTION OF STUDYING THE ADJECTIVE IN THE RUSSIAN AND TAJIK GRAMMAR TRADITION

Jabborova Marhabo Tukhtasunovna

Doctor of philology,
professor of the chair of modern Russian language
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 44 620 42 08; (+992) 907 81 30 00 (m.)

The relevance of the problems of this work is due to the fact that the adjective in the Russian and Tajik languages, having a fairly long history of study, still arouses the interest of linguists. This interest is determined by the need to solve some debatable problems of theoretical linguistics, among which should be the difficulty of isolating the concept of parts of speech. Based on the works and proven apparatus developed in Russian and domestic linguistic science, the author of the article makes an attempt to establish the parameters of the Russian and Tajik adjective, the criteria for its selection by researchers.

Various points of view of linguists on the definition of an adjective in the compared languages are considered. Points of contact have been established in defining this part of speech and universals have been identified, and characteristic features have been stated (for example, the presence of gender, number and case, short and full forms of adjectives in Russian and the absence of all of the above in Tajik), showing the uniqueness of linguistic phenomena a separate language, postulated by scientists - both Russian and Tajik.

Keywords: adjective – adjective; Tajik sifat; semantics; morphology and syntax of the adjective; dependence on a noun; morphological lack of formality.

РОЦЕЪ БА МАСЪАЛАИ ОМУЪЗИШИ АДЪЕКТИВ ДАР АНЪАНАИ ГРАММАТИКИИ РУСӢ ВА ТОЧИКӢ

Чабборова Мархабо Тухтасуновна

Доктори илмҳои филологӣ,
профессори кафедраи забони муосири русии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 08; (+992) 907 81 30 00 (м.)

Мубрами мушкилоти кори мазкурро он чихат такозо менамояд, ки адъектив дар забонҳои русӣ ва тоҷикӣ, ки таърихи дарози омӯзиш дорад, ҳанӯз ҳам барои олимони забоншинос аз лиҳози илмӣ шавқовар аст. Ин таваҷҷуҳи онҳоро зарурати ҳал намудани баъзе мушкилоти баҳснокизабоншиносии назариявӣ муайян месозад, ки дар ин радиф мураккабии ҷудо кардани мафҳуми ҳиссаҳои нутқро метавон ном бурд. Бо тақия ба асарҳо ва дастгоҳи озмудашуда, ки дар илми забоншиносии Россия ва ватанамон қорқард гардидааст, муаллифи мақола барои муқаррар намудани андозаҳои сифати русӣ ва тоҷикӣ, меъёрҳои ҷудо кардани он аз ҷониби муҳаққикон қўшиш намудааст.

Нуктаҳои назари мухталифи забоншиносон ба дефинитсияи сифат дар забонҳои муқоисашаванда таҳлил шудаанд. Зимни муайян кардани ин ҳиссаи нутқ умумиятҳои муайян ба назар расида, хусусиятҳои онҳо нишон дода шудаанд (масалан, мавҷудияти ҷинсият, шумора ва падеж, шаклҳои кўтоҳ ва пурраи сифат дар забони русӣ ва набудани ҳамаи ин аломатҳо дар забони тоҷикӣ), ки нудрати ҳодисаҳои забони дар забони алоҳида нишон дода, аз ҷониби олимони ҳам рус ва ҳам тоҷик эътироф гардидаанд.

Вожаҳои калидӣ: адъектив – сифат; сифати тоҷикӣ; семантика; сарфу наҳви сифат; вобастагӣ аз исмҳо; аҳ ҷихати морфологӣ ба тасвиб нарасидан.

УДК 81'37

**КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ**

Воробьев Владимир Васильевич

Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник,
член-корреспондент РАЕН,
заведующий кафедрой русского языка и лингвокультурологии
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 433 80 22, доб. 1341
rvss_yur_rudn@mail.ru

Закирова Елена Сергеевна

Доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник кафедры русского языка
и лингвокультурологии
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (499) 936 87 87
zes.64@mail.ru

В статье представлен обзор научных исследований, посвященных изучению профессионального общения в различных сферах с учетом особенностей национальной культуры представителей разных стран мира. На основе современных научных подходов к изучению данной проблемы авторами рассматриваются характеристики профессиональной языковой личности, необходимые условия для успешной профессиональной коммуникации с позиции взаимосвязи языка и культуры. Научная новизна данной статьи объясняется введением термина «лингвокультуропрофессиология» в качестве номинативной лексической единицы для обозначения раздела лингвокультурологии, изучающего взаимосвязь и взаимовлияние языка, культуры, профессионального общения.

Ключевые слова: лингвокультурология; профессиональная культура; профессиональное общение; профессиональная языковая личность; лингвокультуропрофессиология.

Изучение научных трудов, посвященных особенностям взаимодействия культуры и языка для специальных целей, призванного обслуживать профессиональную коммуникацию и оказывающего влияние на развитие науки, производ-

ства, народного хозяйства, профессиональные взаимоотношения, технический прогресс и др. позволили выявить определенные закономерности, требующие тщательного анализа и лингвокультурологического исследования. Актуальность исследования, результаты которого представлены в данной статье, объясняется появлением интереса к феномену профессионального общения с учетом особенностей профессиональной культуры, профессиональной языковой личности, а также необходимостью тщательного изучения их взаимосвязи и взаимовлияния с позиции лингвокультурологии, определяемой В.В.Воробьевым как «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [1, с.36-37]. По мнению В.В.Воробьева, основным объектом лингвокультурологии является «взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования и изучение интерпретации этого взаимодействия в единой системной целостности», а предметом данной дисциплины являются «национальные формы бытия общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на его культурных ценностях», – всё, что составляет «языковую картину мира» [1, с.32].

Современное состояние и развитие социокультурных процессов, культурные, научные и экономические контакты стран и их народов выдвигают задачи, связанные с изучением роли языка и культуры в профессиональной деятельности. Необходимо отметить, что на базе Института русского языка Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы функционирует научная школа «Лингвокультурология и профессиональное общение» под руководством доктора филологических наук, профессора, главного научного сотрудника, заведующего кафедрой русского языка и лингвокультурологии В.В.Воробьева, к основным задачам которой относятся проведение научных исследований и мероприятий, нацеленных на изучение теоретических и практических проблем в соответствующей области.

В данной статье представлен обзор научных статей, раскрывающих важное значение и роль языка и культуры в международном сотрудничестве. В профессиональных стандартах и требованиях к специалистам в любой области отмечается, что решающее значение имеет языковая компетенция, способствующая повышению эффективности, результативности в международном сотрудничестве (бизнесе), включая увеличение прибыли. Безусловно, языковые навыки не являются решающими в каждой отдельной сделке или производственном процессе, однако в широком смысле влияние языка является глубже и масштабнее, чем можно представить. Основу любого сотрудничества составляет профессиональная коммуникация сотрудников, базовыми составляющими которого являются личность, язык, языковая компетентность, культура, являющиеся наиболее фундаментальным и важнейшим инструментом для достижения целей в сфере народного хозяйства, экономики, занятости, уровня жизни. Поэтому представля-

ется логичным исследовать роль языка, главным образом, в производственной сфере, изучить взаимосвязь прогресса и регресса с языковыми стратегиями, в основу которых входят: общенациональный язык, язык для специальных целей в определенной профессиональной сфере (отрасли), многоязычие, включая иностранные и региональные языки. Считаем необходимым рассмотреть преимущества, недостатки и характеристики, связанные с этими стратегиями, выявить роль языка в межкультурном деловом общении, определить степень значимости культуры, включая историю, географию, политику, экономику, национальные традиции, обычаи и др.

Выявлено, что особую роль в достижении профессиональных целей играет знание местной культуры и владение «местным» языком, т. е. средством общения представителей определенного региона, участие которых предусмотрено в деловой коммуникации, что позволяет им быть более интегрированными в производственный процесс и менее изолированными от местных сотрудников и клиентов, избежать риски, связанные с мошенничеством, убытком, дискомфортом, снижением профессиональной эффективности. Таким образом, возникает необходимость проведения лингвокультурологических исследований, направленных на конструктивное решение многих проблем, связанных с деловым общением и способствующих более эффективному сотрудничеству, прибыльному бизнесу, открытию новых предприятий, развитию народного хозяйства.

Нами изучены многочисленные труды зарубежных исследователей, в которых анализируется профессиональное общение в разных странах мира с учетом особенностей национальной культуры, истории, географии, традиций и других характеристик на основе наблюдений, анкетирования, современных методов научного исследования, в которых принимали участие, по общим подсчетам, сотрудники более 50 организаций и компаний России, Европы, Азии, Африки, Китая, Японии. Считаем необходимым рассмотреть тезисы, посвященные роли и характеристикам языка в профессиональной сфере, включая международное сотрудничество и бизнес. Безусловно, понимать другого участника межкультурной коммуникации означает понимать его культуру, и владение его языком является необходимым инструментом для понимания.

В человеческой цивилизации влияние языка является важным фактором, о чем немецкий философ и герменевтик Ханс-Георг Гадамер пишет в своих работах, подчеркивая решающую роль языка в философии и в жизни: «Язык – это фундаментальный способ функционирования нашего бытия в мире и всеобъемлющая форма устройства мира» [4, с.128]. Таким образом, язык – это основа для понимания смысла большинства суждений о том, что значит быть человеком и жить в этом мире, это ключевой инструмент для взаимопонимания людей и контроля отношений, окружения и ситуаций, о чем изысканно говорит другая формулировка Гадамера: “*Wer Sprache hat, hat die Welt*”. В свободном переводе на русский это звучит так: «Тот, кто владеет языком, тот владеет миром» [4, с.457].

Интерпретация этой цитаты заключается в том, что поскольку язык состоит из понятий и правил их использования в речи, то тот, «кто владеет языком, обладает миром в терминах и понятиях концептуализированного мира». Другая сто-

рона этой медали заключается в том, что если человек не владеет языком или владеет ограничено, то этот человек ограничен гораздо меньшим миром, меньшим диапазоном концепций, мыслей, идей, решений и т.д. [15, с.457].

Австрийский философ Людвиг Витгенштейн считает, что даже у гениального человека есть такие пределы: “Die Grenzen meiner Sprache bedeuten die Grenzen meiner Welt”, что можно перевести как «пределы моего языка означают пределы моего мира» [15, с.56].

Особое значение для оптимизации международного сотрудничества имеет разработанная выдающимся теоретиком культуры Гертом Хофстеде модель анализа культурных различий между странами, которые были представлены исследователем в виде графика по пяти измерениям, использованным в качестве основы для их прогнозирования. Автор выделяет такие показатели, как: «дистанция власти, маскулинность против фемининности, долгосрочное мышление против краткосрочного мышления, индивидуализм против коллективизма и исключение неопределенности» [9, с.29].

Предложенная модель является всеобъемлющей и исчерпывающей с точки зрения учета различий между культурами. Таким образом, *дистанция власти* измеряет степень, в которой иерархия доминирует в рабочей среде. Автор утверждает, что в США дистанция власти относительно невелика по сравнению с Китаем, где дистанция власти больше из-за иерархической природы китайского общества. Аналогичным образом, мужские черты (*маскулинность*) преобладают в Индии и Китае по сравнению с США и Великобританией, поскольку культуры первых тяготеют к патриархату.

Третье измерение *индивидуализма против коллективизма* приводит к тому, что сотрудники на Западе проявляют в высшей степени индивидуалистичность по сравнению с сотрудниками на Востоке, которые поддерживают группу, а не индивидуума. Четвертое измерение *долгосрочного мышления* по сравнению с краткосрочным мышлением также отличается в США и Великобритании, где акцент делается на получении краткосрочных результатов, в то время как в Китае и Индии существует тенденция ориентироваться на будущий результат. Наконец, пятое измерение, связанное с избеганием *неопределенности*, относится к созданию структурированной рабочей среды, которая на Западе ориентирована на конкретные и измеримые цели и задачи, а на Востоке традиционно преобладает нестандартное мышление. Таким образом, модель Г.Хофстеде способствует более комфортному сотрудничеству, позволяет приспособливаться к различным культурам, например, на Востоке (Китай и Индия) принято придерживаться иерархической организационной структуры, где должность и статус сотрудника имеют важное значение и, в основном, в составе трудового коллектива преобладают мужчины, а в странах Запада наблюдается гендерное равенство.

Следует отметить предложенный Г.Хофстедом для приспособления к местной культуре так называемый «глокальный» подход (Glocal Approach), при котором глобальный взгляд сочетается с местным подходом и означает, что транснациональные корпорации могут адаптироваться к местной культуре и в то же вре-

мя не терять фокуса своего глобального видения. Исследователь заключает, что культурные различия могут усилить или ослабить сотрудничество международных корпораций в современной мировой экономике, а культура играет важную роль в формировании рабочей среды [9, с.29-30].

Элизабет Маркс в своей книге («Breaking through Culture Shock – what you need to succeed in international business») наглядно демонстрирует, что способность адаптироваться к людям с разной мотивацией, поведением, общением и способами принятия решений способствует достижению успеха, работая в другой стране. На основе многочисленных интервью (более 200), включая таких мировых бизнес-лидеров, как Эдвард Долман из Christies и Питер Джоб из Reuters, автор описывает результаты успешного управления «треугольником культурного шока: эмоциональной стороной, мыслительной стороной и социальной стороной» и предлагает эффективные практические советы как организациям, так и отдельным лицам, которые хотят добиться успеха. Элизабет Маркс отмечает в своем исследовании, что «когда мы сталкиваемся с новой культурой мы испытываем такие симптомы, как чувство изоляции, беспокойство, снижение производительности труда, нервозность, беспомощность, замешательство в принятии решений, разочарование, возбуждение, неадекватное социальное поведение, неспособность заключить сделку, депрессия и др.» [13, с.5-7].

Особый интерес представляет труд «Когда культуры сталкиваются» (“When cultures collide”), в которой Ричард Льюис предлагает глобальное руководство по работе и общению в разных культурах и странах от Мексики до Малайзии, от Бельгии до Бразилии. Бестселлер в своем первоначальном издании, книга теперь была расширена и обновлена, включая 43 страны: все страны Балтии и республики Центральной Азии. Автор утверждает, что международное сотрудничество неизбежно подвергается мощному давлению, порождаемому разнообразными национальными верованиями, табу и обычаями; знание этого жизненно важно, и ничего не подозревающий может дорого заплатить за свои ошибки [12].

Ричард Льюис считает, что люди разных культур имеют общие базовые концепции, но рассматривают их с разных точек зрения и если внимание сосредоточено на культурных истоках, то национальное поведение может получить новое понимание, свести к минимуму последствия культурного шока и позволить успешно взаимодействовать с другими людьми, поможет предвидеть реакцию и поведение представителей другой культуры.

В своей книге «Столкновение культур» (“When cultures collide”) автор дает представление о том, как люди другой культуры определяют свой статус, структурируют свои организации и видят роль лидера, а также объясняет, как культура влияет на поведение. Кроме того, Ричард Льюис предлагает инструменты для борьбы с культурной нечувствительностью и дает четкую модель для понимания, разделив мировые культуры на три основные категории:

1. Линейно-активные культуры (Linear-Active Cultures), в которых люди являются ориентированными на задачу, высокоорганизованными планировщиками, нацеленными на ускоренное выполнение работы, усиленно концентрируясь на

завершение работы в запланированные сроки. Немцы и американцы, чаще всего, линейно-активны.

2. Мультиактивные культуры (Multi-Active Cultures), в которых люди ориентированы на взаимодействие с другими людьми. Представители мультиактивных культур очень гибки и часто делают несколько важных дел почти одновременно, а завершение сделки часто заканчивается культурным мероприятием. Арабы и итальянцы, например, в целом мультиактивны.

3. В реактивных культурах (Reactive Cultures), где люди ориентированы на уважение слушателей, таких как японцы и финны, и обычно предпочитают слушать, прежде чем перейти к делу; они часто рассматривают молчание как значимую часть дискурса [12].

Следует согласиться с мнением авторов (Роберт Т. Моран, Филип Р. Харрис, Сара В. Моран) книги «Управление культурными различиями» (“Managing cultural differences”), которые считают, что «если мировые лидеры не осознают тонких различий, может возникнуть недопонимание в общении между коммуникаторами с низким и высоким контекстом: японцы общаются, не заявляя о чем-то прямо, в то время как американцы обычно поступают наоборот: излагают это по буквам» [8, с.9].

Авторы предлагают развивать кросс-культурный опыт, необходимый для достижения успеха в мире быстрых и глубоких экономических, политических и культурных изменений. Исследователи полагают, что эффективное изучение культурных различий требует повышения общей культурной осведомленности, понимания концепции культуры и ее характеристик, владения иностранным языком для достижения эффективной межкультурной коммуникации и переговоров, поскольку для успешного сотрудничества при ведении бизнеса людям из разных культур приходится общаться [8, с.9].

Изучение научных трудов, посвященных взаимосвязи культуры и общения в профессиональной сфере, показало, что существуют различные теории межкультурной коммуникации, например, высококонтекстуальная и низкоконтекстуальная культурная коммуникация (high-context and low-context cultural communication), где Л.А.Самовар и др. утверждают, что «культура с низким контекстом проявляется среди относительно неоднородного населения и низкоконтекстная коммуникация осуществляется, в основном, посредством сообщений вербального (словесного) содержания, тогда как высокий контекст культуры связан с историей и традициями, не изменяется с течением времени, проявляется среди более однородного населения с использованием меньшего количества слов, но может сопровождаться жестами, мимикой, паузацией» [14, с.158-160].

Следует отметить, что в 1971 году британским социологом Б.Бернштейном были изучены взаимосвязи между социальным классом и моделями лингвистического кода. По мнению Б.Берштейна, разработанные им ограниченные коды и их варианты могут быть обнаружены в любом обществе, где существуют условия их возникновения. В результате исследования Б.Берштейн разработал социолингвистическую концепцию, описывающую два различных способа общения, которые люди используют в различных социальных ситуациях [3].

Особый интерес представляет теория, представленная в книге «Общение между культурами» (“Communicating Across Cultures”), предложенная Морин Гирдхэм – британским исследователем, бывшим директором программы MBA и главой бизнес-школы при Вестминстерском университете (Великобритания). В последние годы она много работала в Центральной Европе, Центральной Азии и Южной Африке. Автор предлагает способы распознавания, понимания и преодоления трудностей в общении между представителями культур, независимо от того, основаны ли они на национальности, этничности, гендерной принадлежности, сексуальной ориентации, возрасте, образовании, отнесенности к социальному классу и др. Теоретические и практические обсуждения автора, дополненные множеством примеров и численных показателей, помогают распознать различные ценности, установки, ожидания, опасения и модели поведения людей на рабочем месте. В своей книге автор объясняет, как эффективно работать с людьми из разных слоев общества, а именно: как понимать влияние культур и субкультур на поведение и установки других людей и как общаться, преодолевая барьеры, создаваемые культурными различиями. Автор соотносит особенности межкультурной коммуникации с практическими потребностями людей на работе, в трудовом коллективе [7, с.106].

Необходимо отметить, что М.Гирдхэм разработала восемь ключевых теорий межкультурной коммуникации, представленных с европейской точки зрения. Автором описывается множество практических примеров из реальной жизни, предлагаются практические рекомендации для организации эффективного общения в процессе профессиональной деятельности. В 1999 году М.Гирдхэм опубликовала книгу «Теория межкультурной коммуникации» (“Intercultural Communication Theories”), посвященную описанию различий между группами людей на работе, которые могут создавать многочисленные препятствия для общения. Автор предлагает подходы для преодоления трудностей, возникающих при общении людей [11, с.192-236].

Особый интерес для изучения особенностей профессионального общения представляет работа М.Гирдхэм «Субкультурная коммуникация на работе – 1» (“(Sub) Cultural Communication at Work – 1”), в которой обсуждаются способы анализа различий в культурах и то, как этот анализ может быть применен по отношению к определению характеристик людей, включая гендерные, принадлежность к социальному классу, уровень образования, профессию и др. Кроме того, детально рассматриваются вопросы, связанные с влиянием различий в происхождении и культуры на коммуникативное поведение людей [11, с.124-151].

В своей книге «Общение между культурами на работе 4 издание» (“Communicating Across Cultures at Work 4th Edition”) М.Гирдхэм представляет на основе результатов исследования обсуждение культуры и культурных различий, которые находят свое отражение в профессиональном общении, рассматривает методы общения на работе и психологические предпосылки, особенности субкультурной коммуникации в процессе трудовой деятельности, способы преодоления коммуникативных барьеров, средства эффективного профессионального общения и деятельности. Книга написана совместно с Оливером Гирдхэмом [10].

В главе «Культурные различия в практике общения на работе» (“Cultural Differences in Work Communication Practices”) автором рассматривается влияние культуры на открытое поведение людей в процессе общения на работе. В данной главе рассматривается влияние культуры на основные элементы общения и средства, с помощью которых они передаются. М.Гирдхэм считает, что культура оказывает влияние на каждый элемент – например, в отличие от американской культуры, арабская культура делает акцент на форме, а не на функции, или точнее на изображении, а не значении. Кроме того, анализируются культурные различия в том, как действуют правила общения, способствующие достижению взаимопонимания и выражению намерений. М.Гирдхэм рассматривает культурные различия в коммуникативных функциях, таких как передача информации, отстаивание прав, установление личности и ведение переговоров или ратификация отношений. Автором объясняются культурные различия, оказывающие влияние на достижение целей, которые являются базовыми для человеческого общения, такие как поиск информации, укрепление доверия, избежание обмана; здесь также описываются культурные различия, проявляющиеся в стилях и способах интерпретации ситуации и контекстов общения. Исследователем анализируются культурные различия, оказывающие влияние на языковую компетентность и трудовую эффективность. Особый интерес представляют рассмотренные в данной главе определенные культурные различия, такие как нормы взаимодействия с коллегами, автор акцентирует внимание на способах достижения консенсуса при принятии решений на работе и определяет уровень предпочтения личностного общения на работе с учетом особенностей культуры. Кроме того, описывается культурное влияние на то, как компьютерно-опосредованное общение влияет на поведение сотрудников и партнеров [6, с.55-83].

В рамках данной статьи не представляется возможным перечислить и детально раскрыть столь широкий диапазон вопросов, связанных с взаимовлиянием языка и культуры в различных сферах профессионального общения, требующих тщательного комплексного анализа. Считаем возможным и необходимым на основе изучения научных работ в области лингвокультурологии, теории и практики языка для специальных целей, призванного обслуживать профессиональную коммуникацию, предложить введение термина «лингвокультуропрофессиология», который, по нашему мнению, можно использовать для номинации раздела лингвокультурологии, нацеленного на изучение взаимосвязи и взаимодействие профессиональной культуры и языка для специальных целей, рассматриваемых нами как «полноценная уровневая подсистема национального языка, представляющая собой совокупность особых, характерных для языка, призванного обслуживать коммуникацию в специальной области науки (отрасли), лингвистических (морфологических, лексических, грамматических, синтаксических, семантических) средств и воспроизводимых в системе профессиональной коммуникации формирующихся под влиянием научного мышления специалистов представлений, интерпретирующих факты и явления, связанные не только с общей культурой народа, но и с ценностями материальной культуры, создание которых происходит в результате практической деятельности профессиональной языко-

вой личности в рамках определенной научной языковой картины мира» [2, с.22].

Считаем необходимым заключить, что в современной лингвистике к малоизученным относятся проблемы взаимосвязи профессиональной культуры и профессионального общения в различных сферах, в связи с чем требуется комплексное изучение данного вопроса с учетом достижений в области лингвокультурологии, антропологической лингвистики, социолингвистики, психолингвистики и др.

Литература

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). – М.: РУДН, 1997. – 331 с.
2. Закирова Е.С. Лингвокультурологическая парадигма языка для специальных целей (на материале английского и русского языков для специальных целей в сфере автомобильного транспорта): дис... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.20 / Закирова Елена Сергеевна. – М., 2015. – 447с.
3. Bernstein B., *Class, codes and control: theoretical studies toward a sociology of language* // Routledge & Kegan Paul. – London, 1971
4. Gadamer H.G., *The universality of the hermeneutical problem* // *Contemporary hermeneutics*; in Bleicher J. (ed.). – London: Routledge, 1980. – P.128-140.
5. Gadamer H.G., *Wahrheit und Methode – Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik* / J.C.B. More (Paul Siebeck). – Tübingen, Germany, 1960/1990. – 457p.
6. Guirdham Maureen & Guirdham Oliver. *Cultural Differences in Work Communication Practices*. – 2017. – P.55-83. DOI: 10.1057/978-1-137-52637-3_5.
7. Guirdham Maureen. *Communicating Across Cultures*. – London: Macmillan Press Ltd, 1999. – 106p.
8. Harris P.R. & Moran R.I. *Managing cultural differences*. – 3rd ed. – Houston: Gulf Publishing Company, 1991. – TX. – P.9.
9. Hofstede G., *Organisationer och kulturer – om interkulturell förståelse* // *Student litteratur*. – Lund, 1991. – P.29.
10. https://openlibrary.org/works/OL3517253W/Communicating_across_cultures_at_work?edition=kev%3A/books/OL3402337M
11. *Intercultural Communication Theories* Maureen Guirdham // *Communicating Across Cultures*. – 1999. – P.192-236. DOI:10.1007/978-1-349-27462-87.
12. Lewis Richard D. *When cultures collide- managing successfully across cultures*. – London: Nicholas brealey publishing limited, 1996.
13. Marx Elisabeth. *Breaking through Culture Shock – what you need to succeed in international business*. – London: Nicholas Brealey Publishing, 2001. – P.5-7.
14. Samovar L.A., Porter R.E., McDaniel E.R. *Communication Between Cultures*. – 6th ed. – Thomson & Wadsworth, Belmont, 2007. – P.158-160.
15. Wittgenstein L. *Logische-Philosophische Abhandlung* // Abschnitt 5.6. –Wien, 1918 (Original German version of *Tractatus Logico-Philosophicus*, Section 5.6, 1922).

COMMUNICATIVE LINGUOCULTUROLOGY AND PROFESSIONAL COMMUNICATION

Vorobyov Vladimir Vasilievich

Doctor of philology, professor, chief researcher,
corresponding member of the Russian Academy of natural sciences,
head of the chair of Russian language and cultural linguistics

Russian language Institute

RUDN University

6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian, 117198

Ph.: +7 (495) 433 80 22, ext. 1341

ryss_yur_rudn@mail.ru

Zakirova Elena Sergeevna

Doctor of philological sciences, associate professor,
leading researcher at the department of Russian language and cultural linguistics

Russian language Institute

RUDN University

6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian, 117198

Ph.: +7 (499) 936 87 87

zes.64@mail.ru

In the article, an overview of scientific research devoted to the study of professional communication in various fields, taking into account the characteristics of the national culture of representatives of different countries of the world is presented. Based on modern scientific approaches to the study of this problem, the authors consider the characteristics of a professional linguistic personality, the necessary conditions for successful professional communication from the perspective of the relationship between language and culture. The scientific novelty of this article is explained by the introduction of the term “linguocultural-professionalism” as a nominative lexical unit to designate a section of linguoculturology that studies the relationship and mutual influence of language, culture, and professional communication.

Keywords: linguoculturology; professional culture; professional communication; professional language personality; linguocultural-professionalism.

**ФАРҲАНГШИНОСИИ ЗАБОНИИ МУОШИРАТӢ
ВА МУОШИРАТИ КАСБӢ**

Воробьев Владимир Василевич

Доктори илмҳои филологӣ, профессор, корманди калони илмӣ,
узви вобастаи АИТР (РАЕН),
мудири кафедраи забони русӣ ва фарҳангшиносии забонии
Институти забони русии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 433 80 22, доб. 1341
rvss_yur_rudn@mail.ru

Закирова Елена Сергеевна

Доктори илмҳои филологӣ, дотсент,
корманди пешбари илмии кафедраи забони русӣ
ва фарҳангшиносии забонии
Институти забони русии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (499) 936 87 87
zes.64@mail.ru

Дар мақола баррасии таҳқиқоти илмии бахшида ба омӯзиши муоширати касбӣ дар соҳаҳои гуногун бо инобати хусусиятҳои фарҳанги миллии намояндагони кишварҳои гуногуни олам муаррифӣ шудааст. Дар асоси муносибатҳои муносири илмӣ ба омӯзиши мушкилоти мазкур муаллифон тавсифҳои шахсияти касбии забонӣ, шартҳои зарурии муоширати бомуваффақияти касбиро аз мавқеи алокаи мутақобилаи забону фарҳанг баррасӣ намуданд. Навгони илмии мақолаи мазкур бо воридсозии истилоҳи «касбияти фарҳанги забонӣ» ба ҳайси воҳиди луғавии номинативӣ барои тасвиби фасли фарҳангшиносии забонӣ, ки алоқаҳо ва таъсири тарафайни забонҳо, фарҳангҳо ва муоширати касбиро меомӯзад, баҳо дода мешавад.

Вожаҳои калидӣ: фарҳангшиносии забонӣ; фарҳанги касбӣ; муоширати касбӣ; шахсияти касбии забонӣ; фарҳанги касбияти забонӣ.

УДК 811.222.8'373

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Искандарова Дилоро Мукаддасовна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 09

В отечественном языкознании первые труды в области когнитивной лингвистики инициированы в середине первого десятилетия XXI века группой ученых кафедры теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (славянского) университета. Исследования, которые проводятся таджикскими учеными в области когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и этнопсихолингвистики, затрагивают такие важные проблемы, как концепты, лингвокультурные типы, языковая картина мира носителей таджикского языка, а также стереотипы, ментальность, языковая личность, ценностные доминанты и др. Мы продвигаемся также в изучении метафор и метафоризации, информационных аспектов речевой деятельности, ментального лексикона. Актуальность подобного рода исследований обусловлена, в первую очередь, современной тенденцией к интеграции многовекторных областей лингвистических исследований, необходимостью использования данных о когнитивных процессах в изучении различных аспектов дискурсивной деятельности. Предпосылкой для становления новых областей прикладного языкознания в рамках антропоцентрической парадигмы послужили труды отечественных лингвистов в сфере изучения лексико-семантических и функционально-семантических полей, в частности труды профессора М.Н.Касымовой. Цель данной статьи – рассмотреть самые значимые исследования таджикских ученых в области лингвоконцептологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: таджикская когнитивная лингвистика; лингвокультурология; исследовательская база; значимые труды; концептосфера.

Когнитивная лингвистика, как новая дисциплина, достаточно трудно пробивалась у нас в Таджикистане, так же, как и в других странах. Именно об этом писала и Е.С.Кубрякова в одной из своих работ: «Как всякая новая парадигма научного знания, когнитивная парадигма в лингвистике пробивает себе дорогу не без сопротивления, и если в специальной литературе выступления против нее редко носят открытый характер, то критические нападки на нее на разного рода встречах, круглых столах и конференциях встречаются гораздо чаще. В целом такое положение дел вполне понятно: всегда проходит какое-то время, прежде чем новая парадигма знания утвердится и найдет своих сторонников» [13, с.4].

Это хорошо известно и нам: когда в 2007 году нашей аспиранткой была представлена первая диссертация по данной тематике в диссертационный совет при Российско-Таджикском (Славянском) университете и некоторые маститые ученые даже не стали ее рассматривать, заявив, что это не лингвистика. Однако по прошествии 15 лет в области когнитивной лингвистики работает уже много ученых, и можно назвать немало интересных работ, свидетельствующих о том, что у нас складывается своя собственная таджикская школа когнитивной лингвистики.

Первым исследованием в области когнитивной лингвистики, была диссертация А.О.Пак на тему «Сопоставительное исследование концепта *красота* в русском и китайском языках», защищенная в диссертационном совете при РТСУ в 2009 г.

Но, строго говоря, эта работа была не первой в данной области, поскольку еще в 2006 г. вышла монография нашей соискательницы Иоанны Будны «Концепт «время» в языковом сознании индоевропейских народов» [2], которая, наряду с другой ее монографией «Система глагольных времен как компонент ФСП темпоральности», явилась результатом ее диссертационного исследования «Функционально-семантическая категория темпоральности на материале славянских и романских групп индоевропейских языков», защищенного в 2007 году.

В 2013 г. вышел сборник «Исследования по когнитивной лингвистике», который мы посвятили 80-летию профессора М.Н.Касымовой, в нем были представлены работы наших исследователей. В предисловии к сборнику отмечалось, что «в отечественном языкознании первые труды в области когнитивной лингвистики инициированы в середине первого десятилетия XXI века группой ученых Российско-Таджикского (Славянского) университета под руководством профессора Искандаровой Д.М.» [7, с.3].

В настоящее время ведутся многочисленные изыскания в области когнитивной лингвистики аспирантами, соискателями и магистрантами кафедры теоретического и прикладного языкознания РТСУ. В рамках докторских, кандидатских и магистерских диссертационных исследований изучаются такие концепты, как «судьба», «пространство», «семья», «женщина», «ум», «ложь», «измена», «еда», «гнев», «праздник» и многие другие на материале разноструктурных языков (таджикского, русского, арабского, китайского, французского, английского, польского) в сопоставительном плане. Кроме большого количества кандидатских диссертаций, в 2019 и 2020 гг. были защищены докторские диссертации по когнитивной лингвистике «Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта «судьба» (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков)» [4] и «Пространство как категория концептуализации языковой картины мира (на материале русского, польского и таджикского языков)» [10].

Следует отметить, однако, что все эти исследования начинались не на пустом месте. Безусловно, лингвистические исследования предыдущих лет подготовили становление новой парадигмы. Труды, которые написаны профессором М.Н.Касымовой в 2000-х годах, разнообразны и охватывают различные аспекты

лингвистики, но среди них есть несколько произведений, которые писались, как мы теперь понимаем, с учетом того, что они могут стать основой для исследований молодых ученых в рамках ее школы и шире – республики.

С начала 2000-х М.Н.Касимова написала несколько статей, учебных пособий и монографий, в которых так или иначе исследованы концепты (хотя она их называет просто *вожа*), – которые можно отнести к лингвокультурным и ценностным ориентирам нашего народа. Обратим внимание на несколько ее трудов: “Вожаи бад: маъно, калимасозӣ, вазифаҳои грамматикӣ”; “Об дар «Шохнома»-и Абулқосими Фирдавӣ”; “Чор унсур: маъниофаринӣ, калимасозӣ (дар асоси маводи «Маснавии маънавӣ»)” – с точки зрения понятийного аппарата лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, а также методики анализа структуры поля концепта.

Профессор М.Н.Касимова не уходила в этих работах вглубь терминологии, не использовала понятийный аппарат когнитивной лингвистики, однако некоторые ее труды можно с уверенностью отнести к данной области.

Речь идет о нескольких произведениях, в которых исследованы не просто лексемы, но концепты (хотя они не названы так в работах), а концепт, как известно, может изучаться с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

«Если посмотреть на когнитивную лингвистику не со стороны того, что стимулировало ее появление (изучение мышления и познавательной деятельности, когнитии), а с точки зрения ее предметного места в системе языковых уровней языка, то обнаружится, что она в целом занимается исследованием содержательных параметров языка. Это области когнитивной семантики, пространственной семантики, фреймовой семантики. Это изучение категорий и категоризации, концептов и концептуализации, метафоры и метафоризации, референции, информационных аспектов речевой деятельности, ментального языка и др.» [28, с.37-38].

Когнитивная семантика занимается анализом языковых единиц, исследованием преимущественно лексических единиц и естественных языков [32, с.154]. Языковые конструкции естественного языка являются средством коммуникации и средством моделирования картины окружающего мира, соответственно когнитивная семантика предлагает модели языковой картины мира. Это положение имеет определенное значение для анализа трудов М.Н.Касимовой. В них раскрывается смысловой объем и языковая экспликация концептов.

Основу большинства сложившихся в современной лингвистике подходов к выявлению структуры концепта составляет положение о том, что он репрезентируется семантическими структурами (различного уровня сложности и абстрактности) и единицами лексической системы языка.

Концепт имеет четкую структуру – с одной стороны, к ней принадлежит «все то, что принадлежит строению понятия» [30, с.102], с другой – в структуру концепта входит «все то, что делает его фактом культуры» – «исходная форма (эти-

мология); сжатая до основных признаков содержания история, современные ассоциации, оценки и т.д.».

В методике концептуального анализа необходимо провести, в первую очередь, языковую объективацию на материале лексикографических источников. Такая объективация позволяет выявить структуру номинативного поля концепта, выделить ядро и периферию (ближнюю, дальнюю, крайнюю). Выявление и анализ средств языковой объективации концепта как единицы мыслительной деятельности человека является основной целью исследования номинативного поля концепта. Номинативное поле концепта определяется как «совокупность языковых средств, объективирующих (вербализующих, репрезентирующих, овнешняющих) концепт в определенный период развития общества» [27, с.47]

Проанализируем способы языковой объективации, приведенные в рассматриваемых произведениях.

Языковая объективация на основе этимологических, толковых, фразеологических, паремиологических словарей, источников и прецедентных текстов.

В книге «Вожаи *бад*: маъно, калимасозӣ, вазифаҳои грамматикӣ (дар асоси осори асрҳои IХ-X)» (Лексема *бад*: значения, словообразование, грамматические функции (на основе произведений IХ-Xвв.)) всестороннему анализу подвергается лексема *бад* “*плохой*”, которая в зависимости от оценочности, сочетаемости и прочих факторов может быть и бытовым концептом, и аксиологическим. Очевидно, что вся семантическая система языка может быть полностью поделена на два противоположных признака с позитивной или негативной оценкой: *хороший/плохой, добрый/злой*. Оценка “*бад – плохо*” лежит в основе концепта “*бадӣ – зло*”, поэтому не вызывает сомнения, что исследование концептов, содержащих в своем составе слово *бад*, является чрезвычайно востребованным. В предисловии к данной книге автор совершенно справедливо отмечает, что пока не будут изучены все языковые особенности сохранившегося письменного наследия IХ-X вв., сложно определять особенности языка произведений последующих веков и современности, следовательно изучение и анализ каждой лексической единицы произведений этого периода, связанного с завершением формирования таджикского литературного языка, является первоочередной задачей таджикских лингвистов и не терпит отлагательств [16, с.4]. Рассмотрение базовых концептов языка на историческом материале, вербализуемых в прецедентных текстах, повышает степень их объективности.

При анализе концепта *бад* можно, таким образом, вычленив бытовую или обиходную сущность, известную носителям языка, и историческую, этимологическую информацию.

Для того чтобы более углубленно подойти к анализу концепта, исследователи прибегают к историко-этимологическому анализу, направленному на выявление происхождения слова-имени концепта, установление первоначальных значе-

ний слова. «Наличие у слова этимологической перспективы, с одной стороны, может способствовать многомерности его восприятия, а с другой – расширять возможности его употребления в соответствии с этимологическим спектром значений» [27, с.65].

Языковая объективация автором труда начинается с этимологического анализа (слово индоевропейского происхождения, в среднеперсидском *wad*) и исторического анализа с опорой на лексикографические источники и иллюстративные примеры из произведений авторов того периода (Рудаки, Фирдоуси, Абушакури Балхи, Дакики и др.).

Концепт считается многослойным образованием, этимологическая составляющая («этимологический слой», по Ю.С.Степанову [30]) концепта определяется внутренней формой слова, являющегося ключевым его репрезентантом. Этимологическая составляющая концепта служит средством дополнительной мотивации его ценностной составляющей. Исторический слой лингвокультурного концепта включает наиболее значимые признаки ассоциативных составляющих концепта, входящие в его структуру на более ранних этапах существования в концептосфере народа и в значительной степени определяющие его синхронное состояние. Этимологический слой во многом определяет и национальное своеобразие концепта. Поэтому языковая объективация по этимологическим и историческим источникам является важным этапом в методологии исследования концепта.

Далее в книге основные значения приводятся по толковым словарям. У слова *бад* оказалось девять основных значений, и все они иллюстрируются примерами из словарей.

В синонимический ряд лексемы *бад* входят *зишт*, *ганда*:

Ҳама чизҳоро писандад хирад
Магар нохирадмандию хӯйи *бад*,
Зи гуфтору кирдор в-аз хӯйи *зишт*
Касе надравад хуб, чун зишт кишт.

АҲР. Абӯшакури Балхӣ. 159

Ва чун Юсуф алайҳиссалом бар тани худ занни *бад* кард ва аз Худои таоло фарёд хост. ТТ. 1.172

В антонимический ряд входят лексемы *нек*, *хуб*, *сара*, *беҳ*, *нағз*:

Ва Худои азза ва чалла огохманде аст доно, *бад*-он чӣ мекунед аз *неку бад*. ТТТ. 1.508

Отмечается, что *бад* часто сочетается с лексемой *хуб*, что совершенно естественно, поскольку они образуют бинарную оппозицию:

Ту бо *ӯ* ба *неку* ба *бад* ёр бош,
Нигаҳбони диҷ бошу бедор бош.

Фирдавсӣ. 1. 194

В работе приведено огромное количество примеров на сочетаемость, дистрибуцию, грамматические (существительное, прилагательное и др.) и синтаксические функции (подробнее см. [16]).

Как видим, языковая объективация на первом этапе проведена по классической схеме методики репрезентации концепта.

Аналогичным образом проводится языковая объективация универсального макроконцепта *чор унсур – четыре элемента* и концептов, входящих в структуру макроконцепта: *об – вода, оташ – огонь, хок – земля, бод – воздух*.

Как пишет М.Н.Касымова, “дар «Маснави маънавӣ» истифодаи калимаҳои ифодагари чор унсур – **об, оташ, хок, бод** (ки дунё, олами ҳастӣ, мувофиқи ақидаи файласуфони қадим, аз онҳо таркиб ёфтааст) – мавқеи махсусе доранд” – «В «Маснави» употребление слов, обозначающих четыре стихии — воду, огонь, землю, воздух (из которых, по мнению древних философов, состоит мир, мироздание), — занимает особое место»:

Чор унсур чор устуни қавист,
Ки бад-эшон сакфи дунё муставист” (с.4).

Далее автор отмечает, что *чор унсур* названы также *чор азод – четыре стихии*, поскольку **вода и огонь, земля и воздух** всегда противостоят друг другу:

Боду хоку обу оташ бандаанд,
Бо ману ту мурда, бо Ҳақ зиндаанд (37).

Нест чинсийят зи рӯи шаклу зот,
Об чинси **хок** омад дар набот.
Бод чинси **оташ** омад дар қавом¹,
Таъбро чинс омадаст охир мудом (147).

Автор книги отмечает, что в классической литературе использовано много словосочетаний в данном значении: чор аждахо, чор андом, чор аркон, чор асл, чор гавхар, чор модар, чор мех, чор пайванд и др.

Макроконцепт *четыре элемента*, или *четыре стихии*, можно назвать универсальным потому, что еще с античных времен философы, как было упомянуто, называли эти элементы первоосновой мира и во многих лингвокультурах мира, как восточных, так и западных, отражается это миропонимание. Каждый из четырех концептов, входящих в структуру макроконцепта, также имеют значимостную составляющую, которая определяется «местом, которое занимает имя концепта в языковой системе» [3, с.7] и объединяет этимологические и ассоциативные характеристики имени концепта.

Объективация на основе фразеологических и паремиологических единиц так же позволяет раскрыть структуру концепта, показать его значимостные составляющие. Один из разделов книги назван «Об дар «Шохнома»...» («Вода в «Шахнаме»). В «Шахнаме» имеется огромное количество афоризмов, пословиц и поговорок. Среди них встречаются таких образы, в структуре которых присутствует само слово «об» или же лексические единицы, образованные с участием этой лексемы, названный «Об дар панду андарз ва зарбулмасалу маколхо» («Вода в

¹ қавом – устуворӣ

афоризмах, пословицах и поговорках»), посвящен таким примерам [14]. Отмечается, что Фирдоуси использовал в своем «Шахнаме» много афоризмов, пословиц и поговорок: «Панду андарзҳои «Шохнома» хеле зиёданд. Дар қатори ин панду андарзҳо ва зарбулмасалу мақолҳои ҳам мавҷуданд, ки дар таркиби онҳо калимаи **об** ё ки калимаҳои, ки бо **об** сохта шудаанд, ҳастанд.

Адлу адолат ба дараҷае будааст, ки гургу меш аз як ҷӯй ва обишхӯр об мехӯрдаанд:

Яке дод густурд, к-аз доди ӯй
Або гургу меш **об хӯрдӣ** ба ҷӯй. 6.84

Ба кӯрпаи худ ниғаҳ карда пой дароз кардан ва мағрур нашудан аз чизе:

Машав ғарра з-оби ҳунарҳои хеш,
Ниғаҳ дор бар ҷойгаҳ пой хеш. 4.137

Беҳудагӯй накардан:

Бад-ӯ гуфт шох: «Он ҷӣ гуфтӣ, гузашт,
Зи гуфтори хомат нагашт **об** дашт». 6.243

Шитоб накардан дар корҳо:

Ба киштии вайрон гузаштан бар **об**
Беҳ ояд, ки дар кор кардан шитоб. 9.86

Ба носерам неки кардан хуб нест:

Чунин дод посух, ки, эй подшо,
Мадех ганҷ ҳаргиз ба нопорсо.
Чу кирдор бо носипосон кунӣ,
Ҳаме хишти хушк андар об афканӣ. 8.290

Различные словари помогают уточнить важные когнитивные признаки, обнаруженные на основе анализа словарных дефиниций. Образ состоит из когнитивных признаков, которые кодируют концепт, формируя «единицу универсального предметного кода» [27, с.57].

В большинстве лингвокогнитивных исследований ученые обращаются к лексикографическому толкованию ключевой леммы, имени анализируемого концепта, на материале толковых словарей описывают семную и семантическую структуры ключевой леммы, выявляют семантические признаки леммы, составляющие понятийное ядро слова, вербально репрезентирующего концепт. Как видим, рассматриваемые нами работы можно использовать в качестве источников, в которых уже проведена языковая объективация, при этом особенно важна ее историческая составляющая.

Словообразовательный анализ как средство языковой объективации концепта

Во всех трех перечисленных трудах профессора М.Н.Касымовой большое значение уделяется описанию словообразовательных гнезд исследуемых концептов, что очень важно для языковой вербализации концепта.

Методика исследования, как было указано выше, включает несколько основных этапов анализа концепта:

1) Исследование слова-концепта, этимологически ключевого слова для обнаружения «свернутого смысла», нерасчленимо явленного в корне, «этимона, зародыша смысла»;

2) Посредством выборки и анализа источников лексикографии, на основе словарных дефиниций выделение понятийного содержания, т.е. семантической доминанты, которая остаётся константной, не меняющейся со временем. Далее выделяются семы, формирующие ядро концепта;

3) Определение добавочных концептуальных признаков слова путём исследования языка, основанного на изучении окружения, анализа типичной сочетаемости слов-концепта (дистрибуции), анализа метафорических употреблений, фразеологизмов, пословиц и поговорок;

4) Так как концепт заложен в корне слова, то необходимо рассмотрение словообразовательных дериватов ключевого слова.

Во всех названных в данном разделе книгах обязательно проводится словообразовательный анализ.

Так, вторая часть книги «**Об** дар «Шохнома»-и Абулкосими Фирдавсй» под названием «Об хамчун чузъи калимасоз» включает в себя все словоформы с компонентом *об*, которые встречаются в «Шахнаме». Например, приведены слова, образованные с помощью префиксов и суффиксов с указанием всех значений:

Замин он, ки болост, пахно кунам
В-аз он **дашти беоб** дарё кунам. 8.108

Или: Яке **ханчари обгун** баркашид,
Сарашро хамехост аз тан бурид. 2.299

Сложные слова типа *обруй*, *обгир*, *гулоб*, *хушоб* и др.:

Бад-он сон бихастам танашро ба тир,
Ки аз хуни *ӯ* хок гашт **обгир**.

Сарашро ба кофур карданд хушк,
Танашро ба дибку **гулобу** ба мушк. 3.460

Словосочетания типа *обу ранг*, *обу тоб* и проч.

Выделены и описаны также все прямые и переносные значения слов [14].

Анализ систем производных слов приобретает особую значимость при изучении концептов, поскольку в производных словах, имеющих бинарную (формальную и семантическую структуру), наиболее эксплицитно отражается связь данных концептов с другими концептами. Так, словоформы с содержанием лексем *бад* образуют другие концепты, достойные изучения (*бадхислат*, *бадрафтор*, *бадандеша* и пр.).

Семантико-когнитивный анализ единиц словообразовательных гнезд концептов (*бад*, *об*, *отаи*, *хок*, *бод*, *чор унсур* и др.) позволит выявить наиболее значимые когнитивные параметры осмысления концептов. Значимость концепту-

альных признаков, выделяемых при анализе макроединиц словообразования, подчеркивается способом их языковой объективации – включенностью в хорошо структурированные языковые категории – словообразовательные гнезда и категории, близкие по своей формализации к грамматическим категориям.

Следует отметить, что понятийная составляющая культурных концептов, впервые выделенная В.И.Карасиком [9, с.3-16], определяется посредством выявления доминантных ассоциаций (тематических, парадигматических, синтагматических), в которые вступают лексико-семантические варианты конкретных частеречных реализаций имен концепта в различных лексикографических и текстовых источниках. Следовательно, исследование словообразовательной парадигмы имени концепта также способствует языковой объективации.

Здесь необходимо отметить и то, что при помощи исследования словообразовательного гнезда и словообразовательных парадигм возможно структурирование картины мира, так как такой анализ может иметь и прогностический характер. Словообразовательная парадигма представляет собой реализацию деривационных значений слов определенной части речи, входящих в единую лексико-семантическую группу. Соответственно, словообразование можно рассматривать как фрагмент языковой картины мира, поскольку оно помогает понять те ценности, которые имеют значимость для носителей языка, выявить отношение к окружающему миру, природным и общественно-социальным явлениям. Предметы и явления внешнего мира интерпретируются через внутреннюю форму производного слова, которая оказывается разной в разных языках и диалектах.

Сформулируем возможные прикладные аспекты применения рецензируемых книг: написание диссертационных исследований в области когнитивной и аксиологической лингвистики, лингвокультурологии, изучение прецедентных текстов, проведение исследований в области языковой, категориальной, ценностной картин мира и языкового сознания таджикского народа; исследование макроконцептов Стихия, Четыре элемента, концептов Вода, Огонь, Земля, Воздух, Зло, Плохой и др. таджикского языка в описательном и сопоставительном, семиотическом, лингвокультурологическом и прочих аспектах.

Таким образом, с начала 2000-х годов, помимо своих основных исследований в области истории языка и синтаксиса, профессор Мукаррама Набиевна Касимова стала все больше обращать внимание на типологию и семантику, в частности когнитивную. Когнитивная семантика занимается, как было отмечено выше, анализом языковых единиц, исследованием преимущественно лексических единиц и естественных языков и предлагает модели языковой картины мира, что чрезвычайно важно для исследований в области антрополингвистики. Ее работы в данной области не названы работами в области лингвокультурологии, лингвоконцептологии, когнитивной или аксиологической лингвистики, но фактически она проводит все виды языковой объективации на материале этимологических, толковых, фразеологических, паремиологических и др. словарей и источников, на основе исследования словообразовательной парадигмы как одного из средств объективации концепта. Иначе говоря, описывает этимологическую, культурную, когнитивную память слова; показывает, как переносное

значение имени концепта выходит на первый план, и эксплицирует все примеры; описывает метафоризацию названных концептов. Однако концептологически наиболее существенным здесь оказывается так называемый культурно-этнический компонент, определяющий специфику семантики единиц естественного языка и отражающий «языковую картину мира» его носителей, особенно на материале прецедентных текстов, которые в ее работах представлены такими шедеврами, как «Шахнаме» Фирдоуси или «Маснави» Мавлоно Джалолуддина Мухаммада Балхии Руми и другими. В этом же ряду можно назвать множество статей, которые являются бесценным источником по другим концептам, такие как «Мох ва чилвахои он дар ашъори устод Рӯдакӣ ва ҳамасронаш (2008)», а также ценностным доминантам таджикского народа («Номҳои Парвардигор, пайғамбарони Ё ва хусусияти забони онҳо дар ашъори Абдурахмони Ҷомӣ» и др.) [14-25].

Эти и подобные труды, в том числе исследования ученых таджикской школы когнитивистики, могут стать основой для создания «Антологии концептов» и «Словаря таджикской культуры: константы, ценности» по аналогии с трудами русских лингвокогнитивистов [1, с.30].

Необходимо сказать и о перспективах такого рода исследований, которые могут базироваться также на ассоциативном аспекте. Материалом для исследования при этом, наряду с проводимыми нами ассоциативными экспериментами, могут служить ассоциативные словари. Одной из немаловажных задач, таким образом, является создание ассоциативного словаря таджикского языка, который содержал бы репрезентативный материал для изучения национальной языковой картины мира.

В заключение отметим, что труды профессора М.Н.Касымовой могут послужить исследовательской базой для дальнейшего изучения концептосферы таджикского народа.

Литература

1. Антология концептов: в 6 т. Т.1 / под ред. В.И.Карасика, И.А.Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 с.
2. Будна И. Концепт «время» в языковом сознании индоевропейских народов. – Душанбе: Российско-Таджикский (Славянский) университет, 2006. – 101 с.
3. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
4. Давлатмирова М.Б. Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта «судьба» (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Давлатмирова Манижа Бораковна. – Душанбе, 2019. – 389 с.
5. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. – 2001. – №1. – С.26-33.
6. Исследования по когнитивной лингвистике: сборник статей / под ред. Д.М.Искандаровой. – Душанбе: Российско-Таджикский (Славянский) университет, 2013. – 101 с.
7. Исследования по когнитивной лингвистике: сборник статей / под ред. Д.М.Искандаровой. – Душанбе: Российско-Таджикский (Славянский) университет, 2022. – 101 с.

8. Карасик В.И. Лингвокультурная концептология / В.И.Карасик, Н.А.Красавский, Г.Г.Слышкин. – Волгоград: Парадигма, 2009. – 115 с.
9. Карасик В.И. Культурные концепты: проблема ценностей // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград: Перемена, 1996. – С.3-16.
10. Каримова Н.И. Пространство как категория концептуализации языковой картины мира (на материале русского, польского и таджикского языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Каримова Наргис Ильхамбековна. – Душанбе, 2020. – 451 с.
11. Касевич В.Б. О когнитивной лингвистике // Общее языкознание и теория грамматики: матер. чтений, посвящ. 90-летию со дня рожд. С.Д.Кацнельсона. – СПб: Наука, 1998. – С.14-21.
12. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
13. Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина "когнитивный" [Электронный ресурс] // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2001. – С.4-10. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01a.htm>
14. Касимова М.Н. Концепт *вода* в «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси. – Душанбе: Сино, 2003. – 104 с. (на тадж.яз.)
15. Касимова М.Н. Четыре элемента: семантология, словообразование (на основе материалов «Духовной поэмы»). – Душанбе: Деваштич, 2007. – 266 с. (на тадж.яз.)
16. Касимова М.Н. Лексема *бад*: семантика, словообразование, грамматические функции (на основе наследия IX-Xvv). – Душанбе: Сино, 2011. – 92 с. (на тадж.яз.)
17. Касимова М.Н. Концепт *возлюбленная* и его синонимы в газетях Бадриддина Хилоли // Вестник ТНУ. Раздел «Лексикология». – Душанбе: Сино, 2002. – №1. – С.3-11. (на тадж.яз.)
18. Касимова М.Н. Выражение имени, символов и знаков, святых различных религий и верований в таджикском языке // Забон – рукни тоат (Язык – предмет поклонения). – Душанбе: Сармад ва К, 2004. – С.15-21. (на тадж.яз.)
19. Касимова М.Н. Названия символов в таджикском языке // Номаи Пажӯҳишгоҳ. – Душанбе, 2007. – №15-16. – С.79-88. (на тадж.яз.)
20. Касимова М.Н. Во: семантика, словообразование (в «Духовной поэме» Джалолиддина Руми) // Офтоби маърифат (Солнце просвещения). – Душанбе: Пайванд, 2007. – С.33-54. (на тадж.яз.)
21. Касимова М.Н. Луна и её оттенки в поэзии устода Рудаки и его современников // Рудаки и становление таджикского литературного языка: матер. Междунар. науч. конф. (г. Душанбе, 15-16 мая 2008г.). – Душанбе: РТСУ, 2008. – С.15-23. (на тадж.яз.)
22. Касимова М.Н. Выражение мира в поэзии устода Рудаки и его современников // Забон – рукни тоат. Кн.4. – Душанбе, 2008. – С.21-33. (на тадж.яз.)
23. Касимова М.Н. Лексема «Лаб» / Губы и её значения в поэзии устода Рудаки и его современников // Забон – рукни тоат. Кн.4. – Душанбе, 2008. – С.11-20. (на тадж.яз.)
24. Касимова М.Н. Имена Создателя, Его пророков и их лексические особенности в поэзии Абдурахмана Джамии // Равзанаи ирфон (Окно просвещения). – Худжанд: Нури маърифат, 2008. – С.137-157. (на тадж.яз.)
25. Касимова М.Н. Слова и словосочетание *субҳ ва шом* в газетях Туграла // Вестник ТНУ. Раздел филологии. – Душанбе: Сино, 2016. – №4/10 (187). – С.3-8. (на тадж.яз.)
26. Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания. – 1996. – №2. – С.19-42.
27. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.
28. Правикова Л.В. Когнитивная и когнитивная лингвистика // Вестник Пятигорского государственного университета. – Пятигорск, 1999. – №2. – С.37-44.
29. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
30. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Акад. проект, 2004. – 991 с.

31. Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology / ed. by T.Janssen and G.Redeker. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 1999. – 270 p.
32. Lakoff G. Cognitive semantics //Meaning and mental representations. – 1988. – Т. 119. – С.154.

RESEARCH ON LINGUOCULTUROLOGY AND COGNITIVE LINGUISTICS IN TAJIK LINGUISTICS

Iskandarova Diloru Mukaddasovna

Doctor of philological sciences,
professor of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 44 620 42 09

In domestic linguistics, the first works in the field of cognitive linguistics were initiated in the middle of the first decade of the 21st century by a group of scientists from the department of theoretical and applied linguistics of the Russian-Tajik (Slavonic) university. Research conducted by Tajik scientists in the field of cognitive linguistics, linguoculturology and ethnopsycholinguistics touches on such important issues as concepts, linguocultural types, the linguistic picture of the world of Tajik language speakers, as well as stereotypes, mentality, linguistic personality, value dominants, etc. We are also moving forward in studying metaphors and metaphorization, information aspects of speech activity, mental lexicon. The relevance of this kind of research is determined, first of all, by the modern trend towards the integration of multi-vector areas of linguistic research, the need to use data on cognitive processes in the study of various aspects of discursive activity. The prerequisite for the formation of new areas of applied linguistics within the anthropocentric paradigm were the works of domestic linguists in the field of studying lexical-semantic and functional-semantic fields, in particular the works of professor M.N.Kasymova. The purpose of this article is to consider the most significant research by Tajik scientists in the field of linguoconceptology, linguoculturology, and cognitive linguistics.

Keywords: Tajik cognitive linguistics; linguoculturology; research base; significant works; concept sphere.

ТАҶҚИҚОТ ОИД БА ФАРҲАНГШИНОСИИ ЗАБОНӢ ВА ЗАБОНШИНОСИИ ШИНОХТӢ ДАР ЗАБОНШИНОСИИ ТОҶИК

Искандарова Дилоро Муқаддасовна

Доктори илмҳои филологӣ,
профессори кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 09

Дар забоншиносии ватанӣ асарҳои нахустини соҳаи забоншиносии шинохтӣ дар миёнаи даҳсолаи аввали асри XXI аз ҷониби як зумра олимони кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалии Донишгоҳи славянии Россия ва Тоҷикистон иқдом карда шудаанд.

Таҳқиқоте, ки аз тарафи донишмандони тоҷик дар соҳаи забоншиносии шинохтӣ, фарҳангшиносии забонӣ ва забоншиносии мардумию равонӣ анҷом дода мешаванд, чунин мушкилоти муҳимро аз қабилӣ мафҳумҳо, типажҳои фарҳангии забонӣ, манзараи забонии ҷаҳони ҳомилони забони тоҷикӣ, инчунин стереотипҳо, хувият, шахсияти забонӣ, доминантаҳои арзишӣ ва ғ. дарбар мегиранд. Мо инчунин дар омӯзиши маҷоз ва маҷозикунонӣ, ҷиҳатҳои иттилоотии фаъолияти нутқӣ, таркиби луғавии хувиятӣ низ пешравиҳои назаррас дорем. Мубрами чунин таҳқиқот, дар навбати аввал, бо тамоюли муосири ҳамгиро шудани соҳаҳои гуногуни таҳқиқоти забоншиносӣ, зарурати истифодабарии маълумот дар бораи раванҷҳои шинохтӣ дар омӯзиши паҳлуҳои гуногуни фаъолияти дискурсивӣ муайян мегардад. Барои ин кор ҳамчун заминаи ташаккулёбии соҳаҳои нави забоншиносии амалӣ дар доираи парадигмаи антропомарказӣ асарҳои забоншиносони ватанӣ дар соҳаи омӯзиши майдонҳои луғавию маъноӣ ва вазифавию маъноӣ, аз ҷумла асарҳои профессор М.Н.Қосимова хизмат кардаанд. Мақсади мақолаи мазкур аз баррасии таҳқиқоти арзишмандтарини донишмандони тоҷик дар соҳаи мафҳумшиносии забонӣ, фарҳангшиносии забонӣ, забоншиносии шинохтӣ иборат аст.

Калидвожаҳо: забоншиносии шинохтӣ; фарҳангшиносии забонӣ; пойгоҳи таҳқиқотӣ; асарҳои аҳамиятнок; фазои мафҳумӣ.

УДК 811.222.8'373.612.2

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС КАК СРЕДСТВО ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ

Султанова Рафохат Мирзоевна

Доктор филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 93 760 70 58 (м.)
Rafoat10@mail.ru

В статье предпринята попытка пролить свет на проблему вторичной номинации применительно к лексике таджикского языка. Отмечается, что вопросы вторичной номинации и номинативной системы на сегодняшний день не являлись предметом исследований отечественных ученых. Отталкиваясь от устоявшихся в современном русском языке точек зрения относительно данного вопроса, автор предлагает свое видение понятия *вторичная номинация*.

В статье проводится анализ семантической структуры нескольких полисемантических лексем таджикского языка, определяются механизмы их вторичной номинации. Обращаясь к ряду лексикографических источников, автор на основе сопоставления словарных статей и денотатов устанавливает семные пересечения значений и выявляет характер семантических переносов.

В ходе проведенного анализа было установлено, что основными средствами вторичной номинации являются метафора и метонимия. В большей части исследованных образцов вторичная номинация была реализована на основе метафорического переноса. Вследствие этого автор заключает, что метафорический перенос является одним из наиболее важных ресурсов номинативной системы таджикского языка в общем и вторичной номинации в частности.

Ключевые слова: вторичная номинация; семантическая структура; семные пересечения; семантический перенос; метафорический перенос; полисемантическое слово; номинативная система языка.

В современной лингвистике проблемы номинации, несмотря на их разностороннюю изученность и достаточную разработанность, вызывают особый исследовательский интерес. Этому способствует важнейшая функция языка, заключающаяся в наименовании, обозначении предметов и явлений действительности. Появление новых реалий и пополнение лексического инвентаря языка обусловлено особенностью языка заключать в языковую оболочку все разнообразие и необъятность человеческого опыта. Будучи одним из центральных понятий лексикологии, номинация «понимается как процесс присвоения имени объекту (предмету, действию, признаку, количеству и т.п.); образование единиц, служа-

щих для именованя и вычленения фрагментов действительности и созданных по соответствующим языковым моделям» [4, с.336].

В свою очередь вторичная номинация представляет собой процесс называния реалий и явлений действительности уже существующими в языке обозначениями, что обеспечивает экономию речевых ресурсов. В этой связи актуально замечание Э.Сепира: «Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельная, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены» [6, с.65]. Наряду с фактором экономичности языка, вторичная номинация обусловлена абстрагированным свойством человеческого мышления и является результатом его ассоциативности.

К проблемам феномена вторичной номинации в лингвистике обращались многие языковеды. Так, В.Гак представляет вторичную номинацию как механизм, при котором «одна и та же форма приспосабливается к выполнению других функций» [2, с.243]. Для В.Н.Телия это понятие - вторичные «уже известные в языке номинативные средства, которые выступают в новой для них функции наречения» [9, с.129]. В.Н.Ярцева в качестве вторичной рассматривает единицу, использующую «фонетический облик уже существующей лексемы в качестве имени для нового обозначения» [13, с.336].

Систематизируя существующие на сегодняшний день дефиниции термина «вторичная номинация», в нашем исследовании мы предлагаем следующую ее интерпретацию: «вторичная номинация являет собой механизм обозначения одной звуковой оболочкой тождественных по каким-то критериям денотатов». Тождественность в этом случае подразумевает семантическую схожесть, основанную на переносе значений. Как известно, перенос значений в языке происходит преимущественно на основе ассоциаций по сходству или смежности определенных особенностей явлений или предметов. Перенос значения с одного денотата на другой по сходству является метафорическим переносом.

Современными исследователями метафора интерпретируется как «процесс семантической деривации, ведущий к расширению семантической структуры слова и развитию полисемии, либо как универсальная когнитивная операция "освоения" внеязыкового пространства, способствующая категоризации в ментальном пространстве человека поступающей извне информации в процессе познания им окружающего мира» [3].

Метафорическое переосмысление осуществляется на сходстве обозначаемого с исходным денотатом на основании их общего признака, то есть метафора формируется на фоне лексической единицы, реализующейся в прямом значении. Данное обстоятельство позволяет понимать новые понятия через известные и ранее знакомые, называние понятия происходит за счет сложившихся ассоциаций с конкретными явлениями или предметами.

Будучи «скрытым сравнением», метафора создается в процессе трансформации аналогий, установленных между объектами сравнения.

Следует отметить, что в таджикском языкознании проблемы вторичной номинации не являлись предметом исследований отечественных ученых. В этой

связи в данной статье предпринята попытка применить устоявшиеся в русской лингвистике теоретические основы изучения данной проблемы и рассмотреть механизмы образования вторичных имен в таджикском языке, выявить способы их фиксации в лексикографических источниках, в частности в «Таджикско-русском словаре» (ТРС) и «Толковом словаре таджикского языка» (ТСТЯ).

В нашем исследовании будем исходить из того, что последовательность расположения значений полисемантического слова выстраивается по принципу: основное первичное значение располагается на первом месте, поскольку оно является «опорой и общественно осознанным фундаментом всех других значений и применений [1, с.171]. За ним следует вторичное значение, обусловленное первым, основным. Таких значений может быть несколько, и не все они мотивированны первым основным значением. Как правило, это «сухие» метафоры, не сохранившие образность и выполняющие только функцию обозначения. Далее в словарной статье помещается переносное значение, также являющееся продуктом вторичной номинации, но обладающее образностью и экспрессивностью.

Так, слово **вазифа** является полисемантической единицей таджикского языка: «Вазифа а. 1. *Кори муайяне, ки ичрояи ба ӯҳдаи касе вогузор шудааст; коре, ки кас ба ичрои он ӯҳдадор аст, кори ҳаррӯза, ӯҳдадорӣ, хизмат, амал; 2. Шугли расмӣ, мансаб; 3. Таър. Музди кор, маош; нафақа» [12, с.256]. – Определённая работа, выполнение которой возложено на кого-л.; работа, которую кто-л. обязан выполнить, повседневная работа, обязательство, служба, занятие; 2. Официальное занятие, должность; 3. *Ист.* Плата за труд, оклад; пенсия.*

Для того чтобы определить критерий, на основе которого развита полисемия и по которому осуществлен перенос значений, необходимо обратиться к данным других лексикографических источников, в частности к ТРС, в котором коррелятами лексемы **вазифа** выступают четыре денотата, а именно «1. Задание, задача; 2. Долг, обязанность, обязательство; 3. Должность, пост (занимаемые в каком-л. учреждении); 4. Функция» [10, с.127].

Как можно наблюдать, в толковании, представленном в словаре таджикского языка, объединены первые два значения, приведенные в двуязычном словаре. Разграничивающий данные значения пунктуационный знак точка с запятой свидетельствует о том, что это лишь оттенки в значении, а не самостоятельные значения. Однако, на наш взгляд, это неправомерно, поскольку перечисленные понятия не являются тождественными.

Согласно требованиям, предъявляемым к созданию словарной статьи, первым приводится прямое значение, поскольку является основным и производным. Первым и основным значением слова **вазифа** представлено значение «задание, задача».

По данным «Словаря русского языка», слово **задание** является однозначным и интерпретируется как «То, что назначено для выполнения // Упражнение, урок» [7]. Более подробную информацию даёт Д.Н.Ушаков: «Возложенная на кого-л. работа, задача, поручение // То, что задано, урок (школьн.нов.)» [11].

При рассмотрении толкования следующего значения анализируемой номинативной единицы, представленного денотатами *долг* и *обязанность*, находим семное пересечение 'выполнение того, что назначено':

Долг «1. Обязанность перед кем-, чем-н.» [7], *обязанность* «То, что подлежит безусловному выполнению кем-н., что необходимо для выполнения по общественным требованиям или внутренним побуждениям» [7].

На основе этого семного пересечения можно сделать вывод, что между двумя понятиями, выступающими денотатами таджикского слова *вазифа* – «задание, задача» и «долг, обязанность», – существует общий признак 'выполнение того, что назначено'. Именно этот признак является тем критерием сходства и основой метафорического переноса значения. Следовательно, второе значение образовано на основе сходства и является прямым в силу отсутствия в нем коннотации, образности и использования в нейтральном стиле речи.

Следующее значение полисемантического слова *вазифа* – «должность, пост». Слово *должность* в современном русском языке однозначно и наделено следующей семантической нагрузкой: «служебное положение, место в каком-л. учреждении, предприятии и т.п. и связанные с ним служебные обязанности» [7]. Присутствие в приведенном определении слова *обязанность* даёт основание утверждать, что третье значение актуализировано вторым на основе смежной семы 'обязанность' и последующего метонимического переноса «действие (выраженное отглагольным существительным) → исполнитель действия».

Последнее, четвертое значение «функция», интерпретируемое как «Перен. Обязанность, круг деятельности чего-н., подлежащая исполнению работа» и снабженное пометкой переносного значения, по нашему мнению, проявляет тождественность с первым значением на основе семного пересечения 'предназначенная для выполнения работа'. Данное обстоятельство сделало возможным семантический перенос, основанный на сходстве.

Таким образом, процесс вторичной номинации слова *вазифа* можно наглядно репрезентировать в следующей схеме:

Если в первом, семантически немотивированном значении полисемантические слова способны вызывать ассоциации и без лексического окружения, то при вторичной номинации важен контекст или речевая актуализация номинации. Представим реализацию значений анализируемого полисемантического слова в контекстах:

Барои иҷрои ин вазифа ба шитобкорӣ бояд роҳ дода нашавад, вале фаврият лозим аст (Шакурӣ М.Б., 1999). – При выполнении этого задания нельзя допускать спешку, но срочность необходима.

*Истиқлолият ва соҳибхитиёрӣи давлати Тоҷикистон дар назди ҳар як соҳибватан **вазифа** мегузорад, ки худшиносу худогоҳу бомаърифа бошад (Мункӣ А.С., 2018)* – Независимость и суверенность таджикского государства **обязывает** (досл. ставит обязанности) каждого гражданина быть сознательным и образованным.

*Амир, бо тавсия ва исрори агентии сиёсии Русия, ба ин **вазифа** ўро таъин кард (Кӯҳзод Ў., 2015).* – Амир назначил его на эту **должность** по настойчивой рекомендации политического агентства России.

*Ин **вазифа** асосии ман – ба падару модар оиш сол додан буд (Айнӣ С., 1949).* – Это была основная моя **обязанность (функция)** – справить поминки отца и матери.

Примечательна в плане механизма вторичной номинации и следующая многозначная лексема таджикского языка **вази**, которая получила в ТСТЯ следующее толкование: «1. *Вазиниши чизе, ки дар тарозу баркашида ва ё аз рӯи ҳаҷми муайян карда мешавад, сикл, гаронӣ, сангинӣ*; 2. *Ади. андоза, ченаки шеър*; 3. *Маҷ. Эътибор; қадр, қимат*» [12, с.257]. – 1. Тяжесть того, что взвешивается на весах или определяется по его объёму, вес, тяжеловесность; 2. *Лит.* стихотворный размер, мерка; 3. *Перен.* Авторитет; достоинство, стоимость.

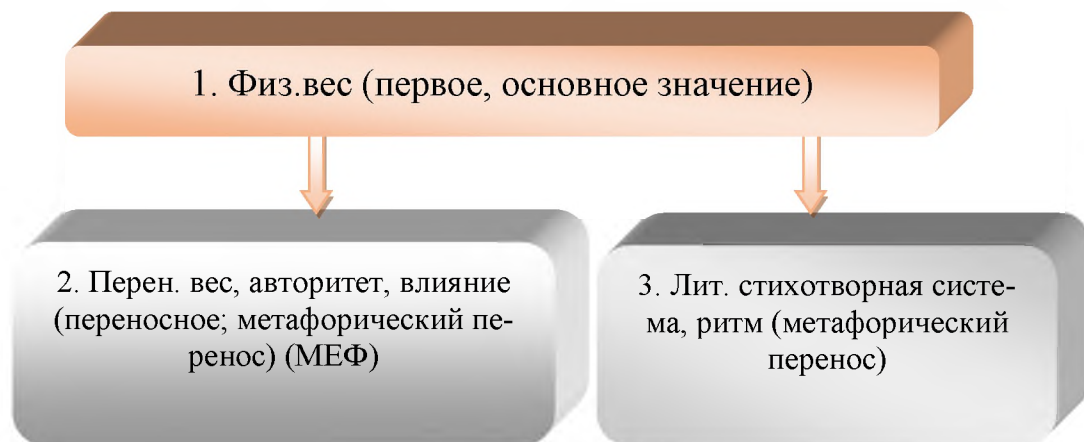
Аналогичную структуру значений предлагает ТРС: «1. Физ.вес; 2. Перен. вес, авторитет, влияние; 3. Лит. стихотворная система, ритм» [10, с.128].

Данный пример вторичной номинации интересен тем, что смысловое развитие и в таджикском языке, и в русском происходит одинаково. На наш взгляд, такая общность модели обусловлена тождественностью стереотипов или тождественностью сферы реципиентов, участвующих в процессе семантической трансформации. Ср.: «Вес 1. Тяжесть какого-л. тела, определяемая взвешиванием; 2. Система мер, служащая для измерения тяжести; 3. *Перен.* Значение, влияние в обществе, в какой-л. среде; авторитет» [7].

В данном случае переносное, третье значение образовано на семном пересечении 'преобладание, преимущество в весе'. Следовательно, можно говорить о семантической мотивации, основанной на сходстве, или метафорическом переносе.

Относительно второго значения, представленного литературоведческим термином, следует отметить, что приведенные здесь в качестве второго значения денотаты «андоза, ченак» (размер и мерка) являются, по сути, средствами измерения веса или объёма. Исходя из этого, можно утверждать о метонимическом переносе, осуществленном по модели «явление → средство реализации явления».

Процесс вторичной номинации слова **вази** можно наглядно представить в виде схемы, а также примеров его функционирования в различных значениях:

*Саллаи шумо қариб панҷ сер **вази** дорад ва агар ба сари мех мемондед, мех мешикаст, - гуфт бо оҳанги ҳазломез (Айни С., 1954). – Ваша чалма **весит** почти пять серов (16 кг), и если бы вы ее повесили на гвоздь, гвоздь сломался бы, - сказал он шутливо.*

*Муҳимтарин хусусияти шакли шеърҳои озоди Гулназар ин аст, ки онҳо оғӣ аз **вази** набуда, бар истифодаи озодонаи арӯз асос ёфтаанд (Абдуманнон А., 2015). – Основной особенностью манеры стихосложения Гулназара является то, что его стихи не лишены **ритма** и созданы свободным арузом.*

*ӯ дар байни ҳамкорон **вазие** хосае дошт, ҳама ӯро ҳурмат ва дастгирӣ мекарданд (Сорбон, 2019). – Среди сотрудников он имел особый **вес**, все его уважали и поддерживали.*

Другое полисемантическое слово таджикского языка – слово **воло** является обозначением трех денотатов, а именно: «1. *Боло, баланд*; 2. *Олӣ, олиқадр, олимартаба; ҳиммати баланд, ҳиммати олӣ*; 3. *Маҷ. Қимматбаҳо, пурбаҳо, олӣ*» [12, с.282]. – 1. Высокий; 2. Высший, высокочтимый, высокопоставленный; щедрость, великодушие; 3. Перен. Дорогой, ценный, драгоценный».

ТРС предлагает в качестве коррелятов слова **воло** несколько иную структуру значений и другую их последовательность, что влечет за собой интерпретацию первично и вторично означенных денотатов: «1. Почётный, важный, достойный, почтенный, знатный; 2. Превосходный, высокого класса; 3. Высокий, стройный» [10, с.137].

Итак, в качестве основного денотата выступают понятия, которые каким-либо одним компонентом своего семного состава могут сформировать синонимический ряд. Анализ словарных статей показал, что таким общим для всех перечисленных слов компонентом может выступать признак, 'обладающий высокими положительными качествами'.

В этом случае второй денотат проявляет сходство в значении, поскольку актуализирует сему 'высокие положительные качества', вследствие чего отмечает-

ся метафорический перенос значения. По этому же принципу образовано третье значение, общим признаком является сема 'значительная высота'.

Наглядно структура значений полисемантического слова *воло* и особенности их употребления в тексте могут быть показаны в следующих предложениях.

Дар динҳои мардуми Ховар инсон ҷойгоҳе воло дорад (Шакурӣ М.Б., 1999).
– В религиях народов Востока человек занимает почетное место.

Инсон ба ҳар ранг хоҳад дар дунё ном гузорад: яке бо заҳмат, дигаре бо ҳунари воло (Сорбон, 2009). – Человек любимыми путями хочет оставить свой след в этом мире: один своим трудом, другой **превосходным** искусством.

Чаро ӯ ифтихор накунад, чаро худро аз ҳама воло надонад? (Сорбон, 2009). – Почему ему не гордиться собой, почему не признать себя **выше** всех.

Обращает на себя внимание своей многозначностью и другое слово таджикского языка – лексема *ваҳиӣ*. В ТСТЯ его семантическая структура состоит из пяти денотатов: «1. Ёбой, даштӣ; ант. Домашний; 2. Дар ҳолатӣ табиӣ воқеъгардида; ба одам ром нашууда; саркаш; 3. Дар ҳолати чамъияти ибтидоӣ воқеъгардида, гайри мутамаддин; 4. Раманда, одамгурез; ваҳиштабъ; 5. Маҷ. Бераҳм, золим, бедодгар, барбар» [12, с.272]. Сравнительно в меньшем количестве значений данное слово представлено в ТРС: «1. Дикий; 2. Дикий, грубый; 3. Изверг, варвар; 4. Нелюдимый» [10, с.134].

Примечательно, что процесс вторичной номинации исследуемого слова в таджикском и русском языках протекает почти одинаково. В русском языке лексема *дикий* так же является многозначной, но количество её значений достигает 10.

Первое значение «находящийся в первобытном состоянии, некультурный» соотносимо с природой, животными и растениями и является первым, производным с точки зрения семантики.

Второе значение, на наш взгляд, может быть растолковано как «свойственный животному, такой, как у животного» и больше характеризует невоспитанных и бесцеремонных людей. В данном случае отмечается перенос значения по сходству, основанный на семном пересечении по признаку 'грубый'. Вторичная номинация осуществлена метафорическим переносом.

Третье значение так же основано на сходстве по признаку 'грубый', однако в этом случае оно снабжено коннотацией максимального проявления признака, проявления его с большей интенсивностью. Более того, в данном значении содержится обозначение не свойства и качества человека, а непосредственно самого человека как субъекта. Вторичная номинация произошла за счет метафорического переноса, в качестве немотивированного значения выступает первое, основное значение.

Следующее значение лексемы *ваҳиӣ*, как и предыдущие, отмечено в Словаре русского языка в словарной статье *дикий*: «8. Избегающий, чуждающийся людей; застенчивый, нелюдимый» [7]. Семным пересечением первого и четвертого значения выступает признак «отдельно от людей». Именно этот признак является критерием сходства и основой метафорического переноса.

В качестве примеров реализации значений слова *ваҳиӣ* можно привести следующие примеры его функционирования:

Дар айни замон хуки ваҳиӣ бо дандонҳои тезаи ба тани қотили хеш частид (Коллектив, 2008). – Сейчас дикий кабан вцепился своими острыми зубами в тело убийцы.

Чавонҳоро ҳамин чанг ваҳиӣ кард, - гуфт Имом. - Гуноҳа яке мекунаду чазора сад кас мебинад (Самад А., 2016). - Это война сделала молодых грубыми, - сказал Имом, - проступок совершает один, а наказание получают сотни.

Дар кучо, аз тири захрогини кадом одамсурати ваҳиӣ чон доданд, Худо медонад (Самад А., 2017). – Бог знает, где они погибли от ядовитой пули какого-то человекоподобного изверга.

Гӯё ду ноошно, ду ваҳиӣ андар миёни кӯҳсор забону нияти ҳамдигарро нафаҳмида ва надониста меистодем (Сорбон, 2009). – Будто два незнакомца, два диковатых (нелюдимых) человека стояли посреди гор, не понимая языка и не зная намерений друг друга.

Рассмотренные в данном исследовании полисемантические лексемы свидетельствуют о широком использовании процессов вторичной номинации в таджикском языке. Данное обстоятельство обусловлено тем, что в таджикском языке, как и в других, постоянно происходит пополнение и расширение словарного запаса. Лексический фонд языка обогащается не только за счёт заимствований и словообразовательных ресурсов речи. Деривационный потенциал может быть сформирован и за счёт семантической деривации, заключающейся в появлении номинативных единиц с содержательной частью уже существующих слов и соотносимых с другими явлениями действительности. Самым продуктивным способом подобной деривации является вторичная номинация, ярким репрезентантом которой является метафора.

Таким образом, вторичная номинация, будучи многогранной проблемой лингвистики, занимает ведущее место в системе номинативных средств языка. Это вызвано спецификой языка фиксировать все разнообразие человеческого опыта в ограниченном количестве средств.

Литература

1. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С.162-189.
2. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (Общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С. 230-293.
3. Кохан Н.А. Вторичная номинация как способ развития семантической структуры безэквивалентной лексики [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2009. – №11. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/> (дата обращения: 11.10.2023)
4. Лингвистический энциклопедический словарь // Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 336с.
5. Национальный корпус таджикского языка (tajik-corpus.org).
6. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. – М.: Изд-во «Русский язык». – 323 с.
7. Словарь русского языка: в 4-х т. [Электронный ресурс] / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П.Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. — Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/mas/> (дата обращения: 06.09.2023).

8. Султанова Р.М. К вопросу об изучении метафоры в таджикском языке // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2019. – №2 (66). – С.161-169.
9. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С.129-221.
10. Таджикско-русский словарь / под ред. Д.Саймиддинова, С.Д.Холматовой, С.Каримова – Душанбе: Изд.во АН РТ, 2006. – 784с.
11. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Д.Н.Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940 (4 т.). – Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov/> (дата обращения: 11.06.22).
12. Толковый словарь таджикского языка. Т.2. / С.Назарзода, А.Сангинов, С.Каримов, М.Х.Султон. – Душанбе: Шуджойён, 2010. – 1095с. (на тадж.яз.)
13. Ярцева В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка. – М.: Наука, 1968 – 458 с.

METAPHORICAL TRANSFER AS A MEANS OF SECONDARY NOMINATION

Sultanova Rafoat Mirzoevna

Doctor of philology, associate professor,
head of the chair of Russian language
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 93 760 70 58 (m.)
Rafoat10@mail.ru

In the article, attempts are made to shed light on the problem of secondary nomination in relation to the vocabulary of the Tajik language. It is noted that the issues of secondary nomination and nominative system have not been the subject of research by domestic scientists to date. Based on the established points of view in the modern Russian language regarding this issue, the author offers his vision of the concept of secondary nomination.

In the article, the semantic structure of several polysemantic lexemes of the Tajik language and determines the mechanisms of their secondary nomination is analyzed. Referring to a number of lexicographic sources, the author, based on a comparison of dictionary entries and denotations, establishes semantic intersections of meanings and reveals the nature of semantic transfers.

During the analysis, it was found that the main means of secondary nomination are metaphor and metonymy. In most of the studied samples, the secondary nomination was implemented on the basis of metaphorical transfer. As a result, the author concludes that metaphorical transfer is one of the most important resources of the nominative system of the Tajik language in general and secondary nomination in particular.

Keywords: secondary nomination; semantic structure; family intersections; semantic transfer; metaphorical transfer; polysemantic word; nominative system of language.

ИНТИҚОЛИ МАЧОЗӢ ҲАМЧУН ВОСИТАИ НОМГУЗОРИИ ДУБОРА

Султонова Рафоҳат Мирзоевна

Доктори илмҳои филологӣ, дотсент,
мудири кафедраи забони муосири русӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 93 760 70 58 (м.)
Rafoat10@mail.ru

Дар мақола барои равшан сохтани мушкилоти номгузори дубораи луғати забони тоҷикӣ кӯшиш ба ҳарч дода шудааст. Зикр мегардад, ки масъалаи номгузори дубора ва низоми номинативӣ то ба ҳол мавзуи таҳқиқоти олимони ватанӣ нагардида буд. Бо тақия ба нуқтаҳои назари дар забони муосири русӣ доир ба масъалаи мазкур ҷойдошта муаллиф дидгоҳи худро ба мафҳуми номгузори дубора пешниҳод кардааст.

Дар мақола таҳлили сохтори семантикии якҷанд вожаи сермаънои забони тоҷикӣ гузаронида шуда, механизмҳои номгузори дубораи онҳо муайян карда шудаанд. Ба қатори мақсадноки сарчашмаҳои луғатнигорӣ муроҷиат карда, муаллиф дар асоси муқоиса намудани мақолаҳо ва денотатҳои калимаҳо буришҳои семантикии маъноро муқаррар месозад ва хусусияти кӯчишҳои семантикиро ошкор менамояд.

Дар рафти таҳлили гузаронидашуда муайян гашт, ки воситаҳои асосии номгузори дубора мачоз ва истиора мебошанд. Дар аксарияти намунаҳои таҳқиқшуда номгузори дубора дар асоси гузариши мачозӣ татбиқ шудааст. Дар натиҷаи ин муаллиф хулоса мекунад, ки гузариши мачозӣ яке аз захираҳои муҳимтарини низоми номинативии забони тоҷикӣ дар мачмуъ ва номгузори дубора дар алоҳидагӣ аст.

Вожаҳои калидӣ: номгузори дубора; сохтори маъноӣ; буриши семаҳо; гузариши семантикӣ; гузариши мачозӣ; калимаи сермаъно; низоми номинативии забон.

УДК 81'33

**ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ
СЛОВАРНОГО ТИПА ПО ФОРМИРОВАНИЮ НЕВЕРБАЛЬНОЙ
КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ¹**

Воробьев Владимир Васильевич

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка и лингвокультурологии
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7-977 658 02 00 (м.)
rvss_yur_rudn@mail.ru

Низамутдинова Гульназ Саматовна

Преподаватель русского языка как иностранного подготовительного
отделения для иностранных граждан
Институт непрерывного образования
Уфимский университет науки и технологий
450076, Республика Татарстан, Уфа, ул. Заки Валиди, 32
Тел.: +7 937 480 38 10 (м.)
gul2886@yandex.ru

Статья посвящена описанию общей концепции, организации и лингводидактических возможностей учебного пособия лексикографического типа, рассматриваемого в качестве практического инструмента в рамках модели формирования невербальной коммуникативной компетенции в иноязычной аудитории.

Обзор теоретических исследований, посвященных методической интерпретации невербальной коммуникации в иноязычной среде, выявил актуальность исследуемой проблематики. В качестве цели обучения русскому языку отмечается формирование поликультурной языковой личности, что предполагает овладение навыками эффективной межличностной и межкультурной коммуникации на изучаемом языке с учётом невербальных компонентов общения.

В структуре коммуникативной компетенции впервые отдельно раскрыто понятие невербальной коммуникативной компетенции, под которой понимается способность и готовность языковой личности пользоваться в процессе коммуникации невербальными компонентами в соответствии с коммуникативными целями и намерениями, распознавать невербальное поведение себе-

---

¹ Работа выполнена в рамках темы №202802-2-000 «Лингвокультурологическое исследование коммуникативной реальности современной России» (Программа стратегического академического лидерства РУДН «Приоритет-2030»).

седника с целью повышения эффективности межличностного и межкультурного общения. Поиск эффективных средств, решающих задачу формирования невербальной коммуникативной компетенции в условиях подготовительного факультета, привел к мысли о возможности разработки и применения учебного пособия лексикографического типа в качестве обучающего инструмента.

Учебное пособие словарного типа по формированию невербальной коммуникативной компетенции выступает как универсальное полноценное учебное издание, реализующее коммуникативный подход в обучении. В нём впервые в учебных целях лексикографически описаны невербальные единицы русского коммуникативного поведения. В качестве перспектив исследования отмечается создание полноценного курса и мультимедийного учебного комплекса по основам невербальной коммуникации в иноязычной аудитории с опорой на разрабатываемое пособие.

Ключевые слова: невербальная коммуникация; жест; невербальная коммуникативная компетенция; русский язык как иностранный; невербальный язык; учебная лексикография; лингводидактика.

В настоящее время существует огромное количество работ сопоставительного плана, где объектом изучения выступают жесты разных культур: русских и японских [2], английских, русских и немецких [6], болгарских и русских [9], русских и китайских [3] и т.д. Это свидетельствует о том, что изучение иностранных языков не может сводиться к задаче грамотно строить высказывание, если целью обучения является успешное межличностное и межкультурное общение на изучаемом языке. Перечисленные выше труды подтверждают, что невербальный аспект коммуникации играет в этом процессе не последнюю роль.

Выдающиеся исследователи-лингвострановеды Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров говорили о том, что в курсе обучения русскому языку как иностранному объектом изучения должны стать не только единицы вербального, но и компоненты невербального языка. Эти идеи находят продолжение в диссертационных исследованиях учёных последнего десятилетия XX – первой четверти XXI века.

Впервые преподавание иностранного языка как тип межкультурной коммуникации рассматривается в исследовании В.П.Фурмановой (1994), которой научно обоснована культурно ориентированная парадигма преподавания языков. По мнению исследователя, язык предстает как «социальный феномен, раскрывающий целый мир иной культуры и образа жизни человека» [16, с.13]. Специалистом предложена поэтапная схема изучения культуры, которую можно переложить и на изучение невербальной коммуникации, что и предпринято в исследовании С.А.Цыцура (2003), посвященном модели формирования навыков невербального общения у студентов-переводчиков. Практическое применение эта модель нашла в рамках курса «Основы невербальной коммуникации», цель которого, по словам С.А.Цыцура, заключается в формировании у обучающихся основных положений теории невербальной коммуникации, а также в развитии способностей адекватного восприятия невербальных сигналов в иноязычной среде [17].

В другой работе под авторством Е.В.Григорьевой (2004) рассмотрена «организация и методика обучения умению декодировать невербальные компоненты общения носителя французского языка и культуры студентов среднего этапа обучения» [4, с.4]. Для нашего исследования данная работа ценна прежде всего

тем, что образцами речевых ситуаций выступают видеоматериалы. Кроме того, исследователем выделены принципы, на которые должен опираться процесс обучения невербальной коммуникации: «принцип моделирования речеповеденческой культуры инофонного коммуниканта; принцип мультисигнальности невербального поведения инофонного партнера; принцип комплексности невербального поведения; принцип равнозначности родной (национальной) и изучаемой культуры; принцип дифференциации невербального поведения партнеров по межкультурной коммуникации» [4, с.14-15]. Практическим результатом этого исследования стал обучающий комплекс упражнений «Как понять француза без слов?».

В дальнейшем проблемы обучения невербальной коммуникации затрагивались в исследовании Н.В.Николаевой (2005), Н.Ю.Игнатъевой (2009) [8; 13]. Исследователь Н.В.Николаева выделяет методически значимую классификацию невербальных средств. Её работа посвящена разработке проблем лингвострановедения как аспекта методики русского языка как иностранного. Во втором исследовании разрабатывается модель теоретической и практической готовности студентов-лингвистов к межкультурной коммуникации, практическим результатом стало учебное пособие «Первый опыт общения за рубежом». Важным положением, которое может быть взято в основу учебного процесса, где объектом изучения становятся невербальные средства общения, является утверждение, что при формировании невербальных умений особую роль играет «органическая взаимосвязь языка повседневного общения, специальных лингвострановедческих знаний, межкультурных и невербальных умений» [8, с.21]. Главным методом обучения признается коммуникативный метод, нацеленный на создание живых речевых ситуаций.

Таким образом, обзор теоретических исследований, посвященных методической интерпретации невербальной коммуникации в иноязычной аудитории, выявил актуальность исследуемой проблематики и позволил выделить ряд сложностей, которыми может сопровождаться процесс обучения невербальной коммуникации. Во-первых, в каждой культуре существуют жесты-знаки, или эмблемы, – эквиваленты речевых высказываний. Они культурно специфичны и требуют знания национально-культурных реалий изучаемого языка, часто продиктованы эмоциональным состоянием говорящего. Поэтому обучение таким жестам требует объемного лингвокультурологического комментария, адаптированного под уровень обучающихся.

Во-вторых, иностранцы, изучающие русский язык, трактуют действительность в целом и в частности невербальное поведение собеседника в соответствии со своим мировоззрением и жизненным опытом.

В-третьих, особое внимание необходимо акцентировать на явлениях межкультурной омонимии и синонимии, определить конгруэнтность форм и значений невербальных единиц.

Наконец, для развития навыков правильного понимания жестов и других невербальных единиц, их грамотной интерпретации во избежание культурного шока и повышения эффективности межличностного общения в иноязычной среде

важен поиск таких средств, которые несли бы в себе мощный лингводидактический потенциал.

Целью исследования настоящей статьи является раскрытие лингводидактических возможностей разрабатываемого нами учебного пособия лексикографического (словарного) типа, ориентированного на развитие навыков понимания и интерпретации жестов, активно употребляющихся русскими, т.е. формирование невербальной коммуникативной компетенции в условиях подготовительного факультета. Невербальную коммуникативную компетенцию мы рассматриваем в качестве структурного компонента коммуникативной компетенции, подчеркивая то, что инофон, владеющий невербальной коммуникативной компетенцией, выражает готовность и демонстрирует способности к использованию в коммуникации не только слов, но и невербальных средств, в первую очередь, жестов, в соответствии с коммуникативными целями и намерениями. В этом заключается научная новизна исследования: в структуре коммуникативной компетенции отдельно рассмотрена невербальная коммуникативная компетенция, формирование которой возможно путем применения учебного пособия лексикографического (словарного) типа, где впервые невербальные компоненты коммуникации подверглись комплексному лексикографическому описанию в учебных целях.

Учебное пособие словарного типа разрабатывается в рамках модели формирования невербальной коммуникативной компетенции. В качестве педагогических условий реализации данной модели мы рассматриваем выделение методически значимой классификации невербальных средств, критериев их отбора, использование мультимедийных средств обучения (видео, звук, текст), обращение к аутентичным материалам, разработку этапов обучения жестам как явлениям культуры (ознакомительный, сопоставительный, адаптационно-аппликационный, оценочный) с опорой на поэтапную схему обучения культуре исследователя В.П.Фурмановой [16].

Стоит также отметить, что мы не ставим целью обучить инофонов активно пользоваться русскими жестами на данном этапе. Конечной целью является развитие навыков адекватной интерпретации коммуникативного поведения русских, воспитание толерантного и уважительного отношения к явлениям иноязычной культуры и уместное использование невербальных средств для повышения эффективности межличностного и межкультурного общения.

Таким образом, учебное пособие словарного типа представляет собой лексикографическое издание обучающей направленности. Жанр выбран неслучайно: структура пособия предполагает словарную и учебно-практическую части.

Мы придерживаемся определения жеста, данного в работе Е.А.Гришиной: жест – «двусторонний знак, имеющий означающее (движение того или иного органа человеческого тела) и означаемое (значение, смысл этого знака)» [5, с.11]. Вслед за Г.Е.Крейдлиным за основу мы берем классификацию жестов на эмблематические, иллюстративные, регулятивные. Выше, при описании сложностей процесса обучения невербальному языку, уже было упомянуто о жестах-эмблемах. Эмблемами исследователь называет «телесные знаки, которые замещают языковые элементы в устном коммуникативном акте без изменения смысла

исходного высказывания» [10, с.236], иллюстраторами – жесты, сопровождающие речь и семантически и функционально с ней связанные; а регуляторами – жесты, противопоставленные эмблемам и иллюстраторам по функции: они организуют общение и характеризуются диалогической направленностью.

Содержанием учебного пособия лексикографического (словарного) типа стали коммуникативные и симптоматические жесты. В соответствии с классификацией выше, это преимущественно жесты-эмблемы, доля иллюстраторов и регуляторов в пособии крайне мала.

Сопоставительное исследование, проведенное в группах иностранных обучающихся, показало, что даже универсальные для многих культур жесты могут иметь на себе культурный отпечаток. Об этом говорит и исследователь Т.Ю.Назаренко, ссылаясь на зарубежные источники: «некоторые невербальные сигналы могут иметь универсальное значение и легкость распознавания, но в них часто проявляется и культурная переменная» [11, с.77].

В словарной части представлено лексикографическое описание жеста, включающее его фотоизображение, описание физического выполнения, истолкование, эмоции, сопровождающие жест, его речевые аналоги, а также при наличии соответствующих значений синонимы, антонимы и омонимы. Каждая словарная статья сопровождается лингвокультурологическим комментарием, примерами употребления жеста в текстах литературы и видеофрагментах русских аутентичных фильмов. Как верно подметил В.В.Дубичинский, «только в комплексе, в синтетической модели словарного описания можно достигнуть необходимых дидактических задач, которые ставит перед собой методист-лексикограф» [7, с.341]. Обращение к кинофрагментам обусловлено и двойственностью жеста в кино: «он обладает устойчивым значением и в то же время подвижной системой смыслов, которая формируется в рамках социокультурного контекста фильма» [6, с.1248].

Для определения типов информации, необходимой для исчерпывающего описания невербальных единиц, мы обратились к методу лексикографической параметризации, идеи которой были изложены Ю.Н.Карауловым. Для целей настоящего исследования параметрическому анализу подверглись словари жестов русского языка, представляющих особую ценность при разработке пособия, – речь идет о «Словаре языка русских жестов» Г.Е.Крейдлина, С.А.Григорьевой, Н.А.Григорьева и лингвострановедческом словаре «Жесты и мимика в русской речи» А.А.Акишиной. В результате анализа были выявлены параметры, присутствующие в структуре обоих словарей, которые мы посчитали основными при конструировании словника: это язык, вход в словарь, количественный параметр, орфографический параметр, инфинитив, семантема, фразеологический параметр, экзemplарно-иллюстративный параметр, тематическая группа, картинный параметр. Дополнительными параметрами являются фонетические и лексикограмматические характеристики словосочетаний, вербализующих жест: ударение, вид и управление глагола, а также сведения об условиях и особенностях употребления и культурной специфике, истории жеста: стилистический параметр, лингвострановедческий параметр, синонимы, антонимы, омонимы. Данный перечень был дополнен параметрами эмотивного значения жеста (указание на

эмоции, сопровождающие жест) и вербализации жеста (речевые аналоги жестов и их звуковое сопровождение).

Каждая словарная статья сопровождается обучающим блоком, содержащим задания и упражнения на формирование языковой, речевой, лингвокультурной, коммуникативной компетенций, а также на активизацию всех видов речевой деятельности: говорения, аудирования, письма и чтения. Говорение и аудирование активизируются в процессе работы с видеоматериалами: в учебное пособие лексикографического (словарного) типа они введены с помощью QR-кодов. Для просмотра нужного видеофрагмента обучающиеся переходят по ссылкам из QR-кодов, которые ведут на отрывки фильмов, отобранные в том числе из Национального корпуса русского языка. Применение QR-кодов (Quick Response code – код быстрого отклика) в разрабатываемом пособии позволило его расширить, добавить интерактивных элементов, открыв дополнительные возможности для презентации аутентичных видеоматериалов в учебном процессе. QR-коды сегодня воспринимаются как «маркер современности учебного издания» [1, с.152].

Мультимедийный подкорпус Национального корпуса русского языка позволяет найти информацию не только по произносимому тексту, но и по жестам и типу речевого действия. Как верно подмечает в обзорной статье 2018 года О.В.Федорова, подобных мультимодальных корпусов – собраний информации из разных коммуникативных каналов (речь, направление взгляда, жесты), созданных на материале записей человеческого поведения, – в мировой мультимодальной лингвистике с такой разметкой нет [15, с.115].

Учебный процесс с применением учебного пособия лексикографического (словарного) типа в иноязычной аудитории строится с опорой на модель поэтапного формирования невербальной коммуникативной компетенции, предполагающей ознакомительный, сопоставительный, адаптационно-аппликационный и контрольно-оценочный этапы. На подготовительном (ознакомительном) этапе иностранные обучающиеся знакомятся с основами невербальной коммуникации и содержанием, структурой учебного пособия лексикографического (словарного) типа. Сопоставительный этап предполагает сравнение жестов и других невербальных единиц родной и изучаемой культур. На третьем – адаптационно-аппликационном – этапе идёт активная работа только с невербальными средствами русского коммуникативного поведения: создание живых речевых ситуаций, инсценировок, диалогов, просмотр аутентичных русских фильмов с последующим анализом невербального поведения героев и т.д. Контрольно-оценочный этап нацелен на проверку промежуточного уровня формирования невербальной коммуникативной компетенции, так как мы склонны считать, что в полной мере пользоваться невербальными средствами русского коммуникативного поведения в естественных коммуникативных условиях инофоны смогут лишь на высших уровнях развития вторичной языковой личности.

Представим пример словарной статьи с учебно-практической частью из учебного пособия лексикографического (словарного) типа по формированию невербальной коммуникативной компетенции.

ВЗЯТЬ В РУКИ ЧЬЮ-ТО ЛАДОНЬ/ЛАДОНИ

Физическое описание. Коснуться чьей-то ладони одной или двумя руками и держать её в своих руках.

Изображение.

Источник: proprikol.ru

Истолкование. Показывает стремление поддержать, приободрить, утешить, выражает участие, ласку, любовь.

❖ **Лингвокультурологический комментарий.** В русской культуре жест используется часто между близкими людьми: родственниками, друзьями, мужчиной и женщиной в паре. У русских часто рука как «символ доброй или злой воли, силы, активного действия, покровительства, поддержки» (Библейский Словарь к русской канонической Библии).

Сфера употребления. Используется в неформальной, дружеской обстановке. Обиходный жест.

Эмоции. Благосклонность, влечение, интерес, любовь, увлечённость, сочувствие, благодарность.

Невербальный антоним: нет.

Невербальный синоним: 1. похлопать/поглаживать по плечу (= поддержать, приободрить); 2. потрепать/погладить по щеке/голове (= выразить ласку, участие); положить руку на руку (= поддержать).

Невербальный омоним: пожать руку двумя руками (= поздороваться).

Источник: lifehacker.ru

✓ **Лексико-грамматический комментарий.** Взять в руки (4) + чью? какую? ладонь (4) + как?

Ситуация использования жеста.

I. Текстовые иллюстрации.

1) *Взял руку её, гладил ладонью и тихонько причитал: – Прощай, Женюшка, прощай, милая... – Слушайте, – говорила она, не отнимая руки и касаясь плечом его плеча. – Вы дайте-ка мне денег...* [НКРЯ. Максим Горький. Жизнь Матвея Кожемякина (1910)]. 2) *Он взял ее за руку и стал гладить ее ладонь, потом стал гладить ее по плечу, коснулся шеи, затылка.* [НКРЯ. Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)]. 3) *– Куда? – спросила Зоя Ярославна и взяла в обе свои теплые сильные ладони руку няни Киры* [НКРЯ. Людмила Уварова. Пора ехать // Библиотека «Огонек» (1990)].

II. Видеоиллюстрация ВЗЯТЬ В РУКИ ЧЬЮ-ТО ЛАДОНЬ

Отрывок из советского комедийного художественного фильма «Цирк» (реж. Г.Александров, 1936).

▪ **ЗАДАНИЯ И УПРАЖНЕНИЯ**

➤ **Говорим!**

1. В каких ситуациях и по отношению к кому можно использовать этот жест?
2. Посмотрите эпизод фильма. Вы поняли, какие эмоции испытывают герои? Как вы это поняли? Какие слова можно сказать в этой ситуации?
3. Выпишите из текстовых примеров все словосочетания, обозначающие движения человека. Попробуйте определить их значение.
4. Какими жестами вы выражаете нежность, ласку, проявляете сочувствие, поддерживаете своих близких?

✓ **Повторяем грамматику!**

Найдите в примерах из литературы словосочетания по модели из лексико-грамматического комментария. Проанализируйте их. Напишите 5 предложений, используя эту модель.

• **Пишем!**

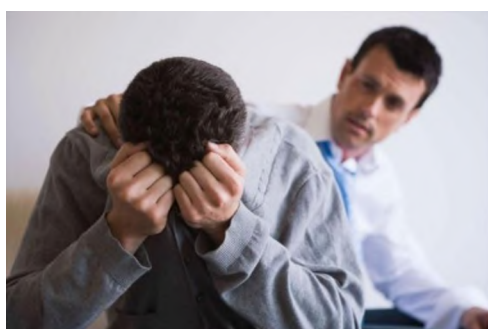
Посмотрите на эти фотографии. Расскажите, что вы видите. Кто эти люди? Что они чувствуют? Как вы понимаете их эмоции? Напишите монолог по одному из этих фотографий (7-10 фраз).

Источник: proprikol.ru

Источник: proprikol.ru

Источник: proprikol.ru

Источник: proprikol.ru

Задания и упражнения в каждом обучающем блоке после словарной статьи строятся на той информации, которая содержится в самой словарной статье. Таким образом, с одной стороны, обращение к словарному разделу при выполнении заданий реализует принцип интерактивности, а с другой, у обучающихся формируется и лексикографическая компетенция.

В каждом обучающем блоке есть грамматическое упражнение, цель которого развить языковую и лингвистическую компетенции путем анализа грамматической структуры лексико-синтаксической единицы, репрезентирующей жест. Часто для выполнения лексико-грамматического упражнения необходимо проанализировать примеры из литературы, данные в словарной статье. Примеры текстовых иллюстраций взяты из основного и обучающего подкорпусов Национального корпуса русского языка.

В учебно-практической части особый акцент сделан на визуальных стимулах, развивающих навыки построения устного и письменного монологического высказывания. С одной стороны, это видеофрагменты фильмов, а с другой, изображения ситуаций, взятые нами из сети Интернет. Во всех этих примерах обучающиеся должны увидеть не статичное изображение, а динамичное действие, происходящее здесь и сейчас.

Для развития навыков чтения используются короткие тексты из художественной и научно-популярной литературы, адаптированные под уровень обуча-

ющихся. Работа с текстом предполагает предтекстовую и послетекстовую работу. Покажем это на примере из пособия.

1. Прочитайте новые слова и выражения к тексту и объяснение к ним:

Язык тела – язык жестов, язык без слов.

Невербальный – несловесный.

Хмурый – невеселый, грустный, недовольный.

Отводить взгляд – перестать смотреть, смотреть на что-то другое.

Собеседник – человек, с которым вы разговариваете.

2. Прочитайте текст.

Знание языка тела помогает людям лучше понимать друг друга. Прочитайте об особенностях невербального поведения в России.

В России не принято улыбаться незнакомым людям, потому что для русских улыбка – это не вежливость, а симпатия к человеку. Поэтому даже продавщицы, таксисты, официантки в нашей стране не улыбаются клиентам, которых видят впервые в жизни. Это сильно удивляет иностранцев, которые называют русских хмурыми, невежливыми людьми.

Также в России не принято долго смотреть в глаза собеседнику, но и отводить взгляд в сторону надолго тоже невежливо. Обычно в начале разговора русские смотрят в глаза, а потом смотрят в лицо друг другу.

Для русских нормально во время разговора коснуться руки, чтобы поддержать собеседника.

(По материалам сайта dzen.ru/cyryllitsa.ru)

3. Найдите общую часть слов ниже и задайте к ним вопросы:

Собеседник – беседа – беседовать – беседка

Подберите синонимы к этим словам там, где это возможно.

4. Ответьте на вопросы:

- 1) Что нового вы узнали?
- 2) О каких жестах вы читали? Покажите их.
- 3) Когда вы используете эти жесты? В каких ситуациях их используют в вашей стране? Расскажите об этом.
- 4) Что вас удивило в поведении русских, когда вы приехали в Россию?
- 5) Какие правила невербального общения вы можете составить для русских, которые хотят приехать в вашу страну? Напишите их (5-7 фраз).

Многообразие типов заданий и упражнений, содержащихся в учебно-практической части, позволяет говорить о том, что разрабатываемое учебное пособие лексикографического (словарного) типа по формированию невербальной коммуникативной компетенции представляет собой комплексное и полноценное

учебное издание, которое можно использовать в курсе преподавания русского языка как иностранного, так как в нём реализуется коммуникативный подход: во главу угла ставится живое общение. Пособие абсолютно универсально и может быть использовано не только в основном курсе русского языка как иностранного, но и в процессе преподавания спецкурсов по страноведению, речевому этикету, практикума по развитию речи, аудиовизуальному курсу.

Успешная апробация модели формирования невербальной коммуникативной компетенции с использованием разрабатываемого учебного пособия словарного типа в группах иностранных обучающихся Подготовительного отделения для иностранных граждан Института непрерывного образования Уфимского университета науки и технологий определила перспективы создания полноценного курса по основам невербальной коммуникации с опорой на пособие в условиях обучения русскому языку как иностранному на подготовительных факультетах. Кроме того, данное пособие может стать основой для разработки мультимедийного комплекса по обучению невербальным компонентам коммуникации в иноязычной аудитории.

Литература

1. Акушевич А. А. QR-коды в учебных изданиях: редакторский аспект [Электронный ресурс] // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. – 2022. – №1 (255). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gr-kodv-v-uchebnih-izdaniyah-redaktorskiv-aspekt> (дата обращения: 21.08.2023).
2. Бойко Н.Ю., Эбисава К. Некоторые особенности невербальных средств коммуникации на примере русского и японского языков // Известия Восточного института. – 1999. – № 4. – С.145-148.
3. Волкова Т.А. Модели и стратегии перевода в российском и китайском переводоведении: опыт сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. – 2017. – № 6 (66). – С.158-165.
4. Григорьева Е.В. Обучение невербальным компонентам иноязычного общения: лингвистический вуз, французский язык: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Григорьева Евгения Васильевна. – Пенза: Пензенский гос. лингвист. ун-т, 2004. – 20 с.
5. Гришина Е.А. Русская жестикация с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). – М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. – 744с.
6. Дмитриева Е.И. Категория компаративности в разноструктурных языках (на материале английского, русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.00 / Дмитриева Елизавета Игоревна. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – 20 с.
7. Дубичинский В.В. Теоретическая и практическая лексикография. – Вена-Харьков, 1998. – 160 с.
8. Игнатьева Н.Ю. Формирование умений невербального общения при обучении студентов-лингвистов межкультурной коммуникации: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Игнатьева Надежда Юрьевна. – Тольятти: Поволж. гос. соц.- гуманитар. акад., 2009. – 231 с.
9. Капинова Е. С. Отбор коммуникативного минимума на основе анализа болгарских и русских невербальных средств общения // Перспективы науки и образования. – 2013. – №2. – С.21-27.
10. Крейдлин Г.Е. Жесты и речь в новом лингво-семиотическом словаре [Электронный ресурс] // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2021. – №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhesty-i-rech-v-novom-lingvo-semioticheskom-slovarе> (дата обращения: 13.08.2023).

11. Назаренко Т.Ю. Формирование умений невербального общения при обучении межкультурной коммуникации студентов транспортного вуза [Электронный ресурс] // Концепт: научно-методический электронный журнал. – 2021. – №11. – С.71-84. – Режим доступа: <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2021-11073> (дата обращения: 15.08.2023).
12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 11.08.2023).
13. Николаева Н.В. Лингвострановедческая интерпретация невербальных средств коммуникации в иностранной аудитории: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Николаева Наталья Владимировна. – М.: РУДН, 2005. – 22 с.
14. Саид Н.И. Содержание термина «жест» в поликодовом (кино)тексте [Электронный ресурс] / Саид Нади Ибрахим Мохамед Абделкадер // Вопросы теории и практики. Филологические науки. – 2022. – №4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-termina-zhest-v-polikodovom-kino-tekste> (дата обращения: 20.08.2023).
15. Федорова О.В. О русской жестике с лингвистической точки зрения (к выходу монографии Е.А.Гришиной) // Вопросы языкознания. – 2018. – №5. – С.114-123.
16. Фурманова В.П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков: Яз. вуз: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 / Фурманова Валентина Павловна [МПИГУ им. В.И.Ленина]. – М., 1994. – 475 с.
17. Цыцура С.А. Обучение невербальной коммуникации студентов-переводчиков: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Цыцура Светлана анатольевна. – Оренбург: ОГУ, 2003. – 20 с.

LINGUODIDACTIC POTENTIAL OF A DICTIONARY TYPE TRAINING MANUAL FOR THE FORMATION OF NON-VERBAL COMMUNICATIVE COMPETENCE

Vorobyov Vladimir Vasilievich

Doctor of philology, professor,
head of the chair of Russian language and cultural linguistics
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian, 117198
Ph.: +7-977 658 02 00 (m.)
rvss_vur_rudn@mail.ru

Nizamutdinova Gulnaz Samatovna

Lecturer of Russian as a preparatory foreign language
branches for foreign citizens
Institute of continuing education
Ufa university of science and technology
450076, Republic of Tatarstan, Ufa, st. Zaki Validi, 32
Ph.: +7 937 480 38 10 (m.)
gul2886@yandex.ru

The article is devoted to a description of the general concept, organization and linguodidactic capabilities of a lexicographic-type teaching aid, considered as a practical tool within the framework of the model for the formation of non-verbal communicative competence in a foreign language audience.

A review of theoretical studies devoted to the methodological interpretation of nonverbal communication in a foreign language environment revealed the relevance of the issues under study. The goal of teaching the Russian language is the formation of a multicultural linguistic personality, which involves mastering the skills of effective interpersonal and intercultural communication in the target language, taking into account the non-verbal components of communication.

In the structure of communicative competence, for the first time, the concept of nonverbal communicative competence is separately disclosed, which is understood as the ability and willingness of a linguistic personality to use nonverbal components in the communication process in accordance with communicative goals and intentions, to recognize the nonverbal behavior of the interlocutor in order to increase the effectiveness of interpersonal and intercultural communication. The search for effective means that solve the problem of developing nonverbal communicative competence in the conditions of a preparatory faculty led to the idea of the possibility of developing and using a lexicographic-type textbook as a teaching tool.

A dictionary-type textbook on the formation of non-verbal communicative competence acts as a universal, full-fledged educational publication that implements a communicative approach to teaching. For the first time, for educational purposes, it describes non-verbal units of Russian communicative behavior lexicographically. The research prospects include the creation of a full-fledged course and multimedia educational complex on the basics of nonverbal communication in a foreign language audience based on the manual being developed.

Keywords: nonverbal communication; gesture; nonverbal communicative competence; Russian as a foreign language; nonverbal language; educational lexicography; linguodidactics.

НЕРҶИ ЗАБОНИЮ ТАҶБИЯВИИ ДАСТУРИ ТАЪЛИМИИ НАВЪИ ЛУҒАТ ДОИР БА ТАШАККУЛИ САЛОҶИЯТИ МУОШИРАТИИ ҒАЙРИЗАБОНӢ¹

Воробьев Владимир Василевич

Доктори илмҳои филологӣ, профессор,
мудири кафедраи забони русӣ ва фарҳангшиносии забонии

Институти забони русии

Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия

117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6

Тел.: +7-977 658 02 00 (м.)

rvss_yur_rudn@mail.ru

---

¹ Кор дар чорҷубаи мавузи №202802-2-000 «Лингвокультурологическое исследование коммуникативной реальности современной России» (Программа стратегического академического лидерства РУДН «Приоритет-2030») иҷро шудааст.

Низамутдинова Гулноз Саматовна

Муаллими забони русӣ ҳамчун забони хоричии омодашавандаи
шуъба барои шахрвандони хоричии
Институти таҳсилоти мунтазами
Донишгоҳи илм ва технологияи Уфа
450076, Чумхурии Тотористон, Уфа, кӯч. Закӣ Валидӣ, 32
Тел.: +7 937 480 38 10 (м.)
gul2886@yandex.ru

Мақола ба тавсифи концепсияи умумии ташкили имкониятҳои забонию тарбиявӣ дар дастурҳои таълимии навъи луғатнигорӣ, ки дар чорчӯбаи амсилаи ташаккули салоҳияти ғайризабонии муоширатӣ дар байни хонандагони забонашон бегона ба ҳайси асбоби амалӣ баррасӣ мешавад, бахшида шудааст.

Баррасии таҳқиқоти назариявии бахшида ба дарки методии муоширати ғайризабонӣ дар муҳити забонаш бегона мубрамии мушқилоти таҳқиқшавандаро ошкор намуд. Ба ҳайси мақсади таълими забони русӣ ташаккули шахсияти забонии серфарҳанг зикр гаштааст, ки ин азҳудкунии малакаҳои муоширати самараноки байнишахсӣ ва байнифарҳангиро дар забони омӯхташаванда бо инобати чузъҳои ғайризабонии умумикунонӣ тақозо менамояд.

Дар сохтори салоҳияти муоширатӣ нахустин бор ба таври алоҳида мафҳуми салоҳияти ғайризабонии муошират таҳлил шуд, ки дар таҳти ин мафҳум қобилият ва омодагии шахсияти забонӣ барои дар раванди муошират истифода бурдан аз чузъҳои ғайризабонӣ мувофиқи мақсадҳо ва ниятҳои муоширатӣ, шинохтани рафтори ғайризабонии ҳамсӯхбат бо мақсади баланд бардоштани самаранокии умумикунонии байнишахсӣ ва байнифарҳангӣ фаҳмида мешавад. Чузъҷӯи воситаҳои самаранок, ки вазифаи ташаккули салоҳияти ғайризабонии муоширатиро дар шаронти факултети оmodасозӣ иҷро мекунад, муаллифонро ба фикр кардан дар бораи имконияти ба ҳайси асбоби омӯзиш коркард ва истифода бурдани дастури таълимии навъи луғатнигорӣ водор кард.

Дастури таълимии навъи луғат доир ба ташаккули салоҳияти ғайризабонии муоширатӣ ҳамчун наشريи пурарзиши универсалии таълимӣ баромад карда, муносибати муоширатиро дар таълим пиёда месозад. Дар он нахустин бор бо мақсади таълими луғатнигорӣ воҳидҳои ғайризабонии рафтори муоширатии русӣ тавсиф дода шудааст. Ба ҳайси дурнамои таҳқиқот таҳия гардидани курси пурарзиш ва маҷмааи таълимии мултимедиявӣ тибқи асосҳои муоширати ғайризабонӣ дар байни хонандагони забонашон бегона бо тақя ба дастури коркардшаванда зикр карда шудааст.

Вожаҳои калидӣ: муоширати ғайризабонӣ; имову ишора; салоҳияти ғайризабонии муоширатӣ; забони русӣ ҳамчун забони хоричӣ; забони ғайризабонӣ; луғатнигории таълимӣ; лингводидактика.

УДК 81-26

РЕКЛАМНЫЙ ОБРАЗ В РЕЛИГИОЗНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ¹

Маслова Валентина Авраамовна

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры дошкольного и начального образования
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
210038, Республика Беларусь, Витебск, Московский проспект, 33
Тел.: +375 (212) 37 49 59
mvavit@tut.by

Скнарев Дмитрий Сергеевич

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: 8 (495) 433 80 22
sknarev_ds@pfur.ru

Конфессиональная интернет-реклама представляет собой интересное, полифункциональное явление. Она особенно актуальна для изучения, поскольку данная проблема недостаточно разработана в трудах современных исследователей. Цифровая действительность ориентирует общественные организации на их представленность в Интернете. Церковь как значимый общественный институт заинтересована в наибольшем охвате пользователей и продвижении религиозных ценностей через сайт храма. Целью данного исследования является описание языковых средств создания рекламных образов, функционирующих на сайтах православных храмов г.Москвы. Авторы проанализировали 100 интернет-текстов, обратившись к традиционной методологии и используя аналитико-теоретический и системный методы, метод сплошной выборки языкового материала из интернет-текстов, а также количественно-симптоматический прием лингвостатистического метода. Рассмотрев сайт храма как рекламный интернет-текст, авторы исследования проанализировали в аспектах семантики и прагматики языковые средства создания образа, функционирующие на сайтах храмов. Выяснилось, что прежде всего внимание прихожан привлекает нейм храма, после чего в случае возникновения интереса к сайту пользователь может зайти на главную страницу и лендинги, на которых активное воздействие на него окажут другие языковые средства. При этом наиболее частотными и эффективными средствами привлечения внимания целевой аудитории стали эпитеты и фразеологизмы, с помощью которых можно создать уни-

---

¹ Публикация выполнена в рамках проекта №202802-2-000 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН им. П.Лумумбы.

кальный образ храма, рассказать о его достоинствах, социальной значимости и позиционировании.

Ключевые слова: рекламный образ; конфессиональная интернет-реклама; сайт храма; религионим; эпитет; метафора; фразеологизм.

Конфессиональная (религиозная) реклама – одна из самых сложных и не до конца исследованных проблем современного маркетинговедения. Это особый вид рекламного воздействия, основанный на религиозных убеждениях и ценностях целевой аудитории, направленный на привлечение внимания и установление контакта с нею. При этом, как правило, конфессиональные символы, образы и темы используются с целью вызвать ответную эмоциональную реакцию потребителей и убедить их в необходимости получения определенной религиозной услуги или продукта.

С древних времен религиозная реклама отличалась синкретичностью священного действа и была связана с синтезом различных знаковых систем, созданных культурой: музыки, пения, танца, фарса, скульптуры, архитектуры, живописи и др.

Наиболее ярко конфессиональная реклама о себе заявила в период средневековья в процессе распространения христианских религиозных представлений, в деятельности пастырей, проповедников и миссионеров.

Прежде всего в рамках построения эффективной рекламной коммуникации христианский культ активно наращивал элементы демонстративности. Так, для реликвий создавались роскошные обрамления, мощи помещали в сосуды, инкрустированные драгоценными камнями, пышно декорировались храмы и монастыри, богослужебные облачения и церковная утварь. Наглядным примером в этом смысле можно считать собор Святого Петра в Ватикане – крупнейшую историческую христианскую церковь в Европе, самый грандиозный и главный храм католиков.

Подобное явление наблюдается и в современное время. В последние десятилетия в России отмечается активное возведение внушительных православных храмов и монастырей. Так, за последние 12 лет в Москве построили 121 храмовый комплекс. Этот факт обосновывается высокой потребностью народа.

В Москве в 2023 г. строится 200 христианских храмов. Например, в 2021 году в Северном Бутове (Москва) начато строительство обширного храмового комплекса во имя святого благоверного великого князя Димитрия Донского. Предполагается, что на базе данного православного храма будет создан просветительский центр, в основе которого заложена миссионерская, образовательная, патриотическая и общественная деятельность.

Вспомним и недавно построенный в Одинцовском районе Московской области Храм Воскресения Христова, или Главный храм Вооруженных сил Российской Федерации, посвященный 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, а также ратным подвигам русского народа во всех войнах.

Для того чтобы приспособить церковную жизнь к реалиям и нуждам современности, эффективно коммуницировать с прихожанами, священнослужители

прибегают к помощи средств массовой информации. Так, конфессиональная реклама, продвигая религиозные ценности, прибегает практически ко всем существующим видам традиционного рекламного воздействия: наружной рекламе, рекламе в прессе, полиграфической рекламе, рекламе на радио, интернет-рекламе и др.

В России активно выпускаются православные печатные и электронные СМИ. Например, газеты «Крестовский мост», «Православная Москва», журналы «Святой родник», «Церковная ризница», православное обозрение «Радонеж» и др.

Кроме того, весьма эффективно и продуктивно вещают православные телевизионные каналы «Союз», «Спас», «Радость моя», «Глас», «Радонеж», «Благовест», «Покров». Особенно популярна телепередача «Слово пастыря», выходящая в эфир с 1994 года на Первом канале.

Также успешно работает радио «Вера», посвященное распространению вечных истин православной веры. Как правило, в эфире звучит только светлая музыка, а среди радиопередач – рассказы о любви, детях и самых обычных жизненных радостях, религиозных и семейных ценностях, а также церковный календарь, программы об истории и др. Слоган рекламной кампании радио «Вера», распространенный в наружной рекламе – *«Слушаю сердцем»*. Вследствие частой употребляемости в прессе и разговорной речи данную текстовую единицу можно считать фразеологизмом со значением *«проникаюсь духовностью и истинными ценностями, верю услышанному»*. Безусловно, в современных условиях на первый план в продвижении религиозных ценностей выходит интернет-реклама, поскольку развитие Интернета, несомненно, повлияло на деятельность религиозных организаций, активно приобщившихся к распространению соответствующей информации в особой коммуникативной социальной среде. С уверенностью можно сказать, опираясь на факты, что Интернет превратился в мощный инструмент информатизации и популяризации той или иной религии.

Для верующих он упростил доступ к религиозной информации, дал возможность оперативно реагировать на различные призывы и объявления, вовремя получать сведения о проведении богослужений и праздников, помог преодолеть временные и пространственные барьеры и др. Так, верующий человек, который, например, не смог посетить Пасхальное богослужение, имеет возможность посмотреть его онлайн-трансляцию в Сети, а в исключительных случаях имеет право пообщаться со священнослужителем и исповедаться с помощью WhatsApp или Viber. Особенно актуально это было в период самоизоляции, объявленный из-за эпидемии Covid-19. У прихожан появилась возможность через Интернет заказать службу в храме, поставить свечу и т. д.

Многие священнослужители сегодня ведут блоги (цикл видеобесед Павла Островского, канал «Batushka ответит» Александра Кухты и др.), а также имеют аккаунты, группы в социальных сетях («Одноклассники», «Vcontacte» и др.). Примечательно, что существует, например, ТОП-10 лучших священников-блогеров YouTube, в число которых вошел и отец Святослав Шевченко. Его канал «Святослав Пресс» был запущен в 2017 г. и собрал более 5 000 подписчиков. Цель блога – актуализация христианских идей и показ мысли православного че-

ловека. Однако батюшка обозревает также клипы современных артистов, компьютерные игры и многие другие реалии современности. Девиз канала – «Не будь побежден злом, побеждай зло добром».

Массовая культура использует религию в рекламных целях и сама в определенной степени становится «религией». Так, в поп-культуре присутствуют религиозные темы и образы. Например, фильмы и сериалы («Молодой папа», «Павел, апостол Христа», «Монах и бес», «Новейший завет», «Исход: цари и боги», «Ной» и др.), главными героями которых являются священниками, в них звучат песни и музыка на религиозные темы. Но при этом поиск духовности часто выходит за конфессиональные рамки.

Современные фанаты оказывают религиозное почитание звездам поп-культуры и шоу-бизнеса. Например, Элвису Пресли, Виктору Цою, Сергею Бодрову-младшему и др.

В Москве существует Стена Цоя, исписанная поклонниками творчества лидера группы «Кино». В Санкт-Петербурге много памятных мест, связанных с музыкантом (клуб-музей «Камчатка», сквер Цоя, граффити-портрет Цоя, его последняя квартира и др.). Для людей, верящих ему, Виктор Цой – герой, идеал, которого нет рядом, пример для подражания, обычный парень из народа, без образования и связей, самостоятельно добившийся успеха.

Религиозные общины, в свою очередь, стараются укрепить свой имидж медийными лицами. Так, например, стилист и шоумен Сергей Зверев прославил буддийские храмы Бурятии.

Православие в современной России вошло в моду, и сегодня многие российские знаменитости открыто посещают церковь. Например, Антон Макарский и его жена Виктория Морозова, Тутта Ларсен, Иван Охлобыстин, Никита Михалков, Дмитрий Дюжев, Евгений Миронов и др. Возможно, своим примером они эффективнее привлекают целевую аудиторию в храмы.

Отметим тот факт, что религиозные радиостанции, телевизионные проповеди и специальные программы уже не вызывают особых эмоций. Сегодня средства, приобщающие к религии, становятся более сложными. Например, исламское духовенство учит основным принципам веры с помощью компьютерной игры *The Rescue of Nuke Scientist*. Играя, правоверный мусульманин управляет иранскими морпехами, отнимающими у американцев и двух израильтян похищенных ими иранских ученых.

В последние годы отмечен всплеск популярности религиозных приложений. Так, в Play Market и App Store можно найти и свободно скачать следующие приложения: *Библия*, *История религий*, *Толкования священного Писания*, *Православный календарь*, *Православный молитвослов «Молитвы на каждый день»*, *Сборник дуа* (справочник молитв мусульман), *С Богом 365*, *Библейские вдохновения*, *Молитвы: иконы, церкви, обряды* и др.

Так, в приложении «OrthoApp: календарь, молитвы» каждый найдет то, что требуется православному христианину: библейские чтения, псалтырь, жития святых, полную библию с толкованиями, молитвослов, карту православных храмов с историей, фотографиями и комментариями, новости православных медиа, отве-

ты священников на вопросы и др. Весь контент в приложении доступен бесплатно. Судя по отзывам, это очень полезный, удобный и информативный ресурс.

Проблема взаимодействия Интернета и религии в российской и зарубежной науке широко рассматривается в последнее десятилетие, что, несомненно, свидетельствует об ее актуальности.

Так, например, значимы труды Х.Кэмпбелл [11], разработавшей понятие цифровой религии. Отметим также вклад исследователя П.Чеонг, обратившейся к проблеме влияния сетевых практик на собственно религиозные практики в различных конфессиях [12].

В России к проблеме построения религиозной коммуникации в Интернете обращались Д.М.Семенова, И.М.Пудовкина, Д.С.Быльева, А.В.Конева, М.В.Ермакова [9; 8; 3; 7; 6] и др.

Так, Е.О.Гаврилов утверждает, что сама Сеть, ее отдельные компоненты подвергаются заметному воздействию со стороны религии и, вследствие этого, приобретают черты сакральности. Используя инструменты легитимации и табуирования Интернета, религия становится мощным источником преобразования сферы социальных отношений, порождает сообщества нового типа [4].

С.Г.Дюкин и И.В.Самойлова [5] провели исследование, в ходе которого выяснилось, что сетевые ресурсы РПЦ обладают определенной дисфункциональностью, ориентированы на воспроизведение заданного ритуала, существуют в отрыве от своей потенциальной аудитории. Через интернет-СМИ церковь демонстрирует отказ от трансляции в социум собственно религиозного содержания: на сайтах, в группах в социальных сетях нет религиозного нарратива, элементов проповеди.

Объектом данного исследования являются сайты храмов г.Москвы, а предметом стала языковая специфика оформления конфессионального рекламного образа в соответствующей интернет-коммуникации.

Целью исследования мы определили анализ языковых средств создания рекламного образа в конфессиональной интернет-коммуникации.

Материалом для работы стали 100 сайтов православных храмов г.Москвы.

Москва с XVI в. является резиденцией патриарха Московского и всея Руси. Поэтому здесь целенаправленно строили самые красивые соборы и монастыри, в которых собирались ценные православные реликвии. Московские храмы впечатляют своей монументальностью и величием, привлекают прихожан церковными святынями, радуют глаз фресками и иконами.

Несчетное количество церквей стало поводом называть Москву «златоглавой». Среди самых известных и почитаемых храмов столицы России – Успенский и Архангельский соборы Московского Кремля, Покровский собор (или храм Василия Блаженного) на Красной площади, Даниловский и Донской монастыри, храм Христа Спасителя. В целом, из различных источников известно, что в Москве около тысячи храмов и часовен.

Для достижения поставленной цели в настоящем исследовании мы обратились к *аналитико-теоретическому и системному методам, методу сплошной выборки* языковых средств, создающих вербальный образ храма, из текстов

Интернет-рекламы, а также *количественно-симптоматическому приему лингвостатистического метода*, позволившему определить частотность функционирования языковых единиц в профессиональной Интернет-рекламе.

Сайт храма – это его визитная карточка, значимый элемент фирменного стиля религиозной организации, направленный на формирование ее имиджа, а также дополнительная площадка для взаимодействия с аудиторией. По нашим данным, многие храмы имеют официальные сайты (и множество неофициальных). При этом на главных страницах и лендингах виртуальных ресурсов представлены цели и задачи религиозного общества, сформулирована его миссия, рассказывается об истории храма и его святынях, присутствуют рассуждения о вере, выложены «священные тексты» и отзывы о деятельности храма в СМИ, действует новостная лента, указаны адреса и телефоны, размещены расписание богослужений, фото-, аудио- и видеоматериалы различного характера и т.д. На сайтах, кроме всего прочего, часто присутствует форум или гостевая книга, где можно общаться с единомышленниками, оставлять свои вопросы и получать на них ответы.

По нашему мнению, сайт храма являет собой особую форму рекламного текста, разновидности медиатекста, функционирующего в сети Интернет и продвигающего прежде всего религиозные духовные ценности, среди которых, например, информирование прихожан о деятельности храма, его миссии, с последующим их привлечением в храм и вовлечением в эту деятельность.

Язык текстов маркетинговых коммуникаций (в частности, рекламы) особенно актуален для изучения в современной науке. Однако, по нашим наблюдениям, языковые особенности интернет-рекламы редко становились предметом фундаментальных исследований [13].

Реализуя цель данной работы, обратимся к языковым средствам создания образа храма в интернет-рекламе, представленной сайтами религиозных сообществ.

Прежде всего обратимся к наименованиям храмов, определяющим вербальный образ первоначального маркетингового восприятия целевой аудиторией.

Нейм храма рассматриваем как основное языковое средство, формирующее в сознании прихожан вербально-визуальный рекламный образ, вызывающий соответствующие маркетинговые ассоциации, номинирующий храм, позиционирующий его, выделяющий на фоне других, подчеркивающий его индивидуальность и значимость.

По нашим наблюдениям, в наименовании храмов Москвы прослеживаются следующие тенденции и используются: 1) неймы, связанные с религиозными праздниками (*Сретенский монастырь, Храм Вознесения Господня, храм Успения Пресвятой Богородицы* и др.); 2) названия в честь святых и архангелов (*храм архангела Михаила, храм великомученика Георгия Победоносца, храм святого Григория Неокесарийского, храм Христа Спасителя* и др.); 3) названия в честь икон (*храм иконы Божией Матери «Знамение», храм иконы Божией Матери «Живоносный источник», храм Казанской иконы Божией Матери, храм в честь Боголюбской иконы Божией Матери* и др.); 4) названия в честь религиозных святынь (*Церковь положения Ризы Господней в Успенском соборе в Москве на*

Донской); 5) названия в честь основателя храма (*Высоко-Петровский монастырь*).

Наиболее популярны первые две группы названий. Примечательно, что часто в наименование храма добавляется топоним (*храм Живоначальной Троицы в Листах, храм Илии Пророка в Головино, храм святителя Николая на Щепках, Богоявленский кафедральный собор в Елохове, церковь Спаса на Песках* и др.). В этом случае топоним выполняет идентифицирующую функцию, которая помогает уточнить, какой именно храм имеется в виду и где он находится.

Выяснилось, что, например, весьма распространено название храмов во имя Иисуса Христа. Это храмы, названные во имя: Троицы, Преображения, Рождества Христова, Вознесения, Креста Господня и иконы Спаса Нерукотворного образа.

Также наиболее популярно название храмов во имя Божией Матери. Данный факт не случаен, ведь Богородица является покровительницей православной России. Это храмы, названные во имя: Казанской иконы Божией матери, Покрова, Успения, Рождества, Благовещения и Введения Пресвятой Богородицы.

Думается, что задача нейма храма заключается в том, чтобы выполнить аттрактивную функцию, привлечь внимание пользователей к главной странице сайта, создать первоначальное представление о храме. Далее удержать интерес посетителя должны лендинги и другие языковые средства создания образности, функционирующие в рекламном интернет-контексте.

Среди языковых средств создания образа храма продуктивны религионимы – религиозные термины (*литургия, причащение, тропарь, кондак, ставропигия, евхаристия* и др.). Данная группа лексики неоднократно становилась предметом лингвистических исследований [1; 2; 10]. Религионимы обслуживают важную сферу общественной жизни и человеческой деятельности, функционируя в узкоспециальной сфере – церковном обиходе и религиозной практике.

На анализируемых сайтах терминология конфессионального характера используется адаптивно и, как правило, не выходит на передний план. Так как потенциальной аудиторией в религиозной интернет-коммуникации выступает обширный и разнородный круг пользователей, на практике используется общеупотребительная лексика, широко применяемая в повседневном общении и понятная каждому носителю языка.

Несомненен тот факт, что целевая аудитория сайта адекватно реагирует на информацию, в которой встречаются религионимы. Им прежде всего свойственна назывательная функция, поскольку они номинируют понятия, связанные с конфессиональной сферой, и обозначают названия церковных таинств и обрядов, должностей и духовных званий, облачений, утвари и т.д. Также они выполняют коммуникативную функцию, передавая определенную смысловую информацию.

Метафоры, функционирующие в изучаемых интернет-текстах религиозной тематики, выступают значимым языковым средством создания образа храма в сознании пользователей. Они рассчитаны на долговременное воздействие, так

как обладают мощной экспрессией. Главенствующего положения в текстах они не занимают, но в целом отмечаем их частотность на сайтах храмов г.Москвы.

Например, *сердце духовной жизни православной России последних 70-ти лет* (Богоявленский кафедральный собор в Елохове), *воплощение торжества русского зодчества и вечной памяти погибших во славу нашего Отечества* (Храм всех Святых на Кулишках), *жемчужина верующей Москвы* (Храм Воскресения Словущего на Успенском вражке), *тихий островок среди житейского моря* (Николо-Перервинский монастырь) и др.

Как видно из примеров, используемые метафоры весьма образны и экспрессивны, вследствие чего обладают особой эмотивностью и воздействующей силой. Они позволяют сформулировать краткое утверждение о достоинствах храма и его достижениях, уникальности, престижности, социальной значимости, целевых свойствах святынь («чудесах»). В данном случае речь может идти и о формулировании позиционирования храма. Например, Покровская обитель – *место обретения силы и спокойствия духа* (Покровский женский монастырь святой Матроны в Москве).

Религиозные метафоры способствуют умиротворению человека, учат его поклоняться духовной и вещественной красоте, осознавать аксиологическую значимость церковных реликвий.

Рассмотрим примеры эпитетов, функционирующих в интернет-текстах профессиональной рекламы: *просторный и светлый* храм (храм архангела Михаила), на службе царил *необыкновенно радостная и благодатная* атмосфера (Покровский женский монастырь), *христоролюбивая, благоверная* княгиня не переставала прилагать новые труды к прежним, множа добродетели (Храм Преподобной Евфросинии, Великой княгини Московской), история нашего храма *увлекательна, таинственна* и, конечно же, *промыслительна* (Храм Воскресения Словущего на Успенском вражке), *дивный* образ Божией Матери, *чудотворная* икона Пресвятой Богородицы «Взыскание погибших» и др.

Так, эпитеты подчеркивают индивидуальность храма, называют его отличительные качества и уникальные свойства, акцентируя внимание пользователей на значимой информации, направленной на формирование духовных ценностей и представление православных святынь как уникальных памятников русской архитектуры и духовных очагов жизни россиян. По сути они выступают в роли своеобразного путеводителя для тех, кто выбирает храм для молитвы или собирается посетить церковь, чтобы полюбоваться ее красотой.

Во многих случаях употребления отмечается актуализированная оценочность и образность фразеологизмов, функционирующих в интернет-текстах религиозной направленности. Данные единицы репрезентируют особенности национального менталитета и российской православной культуры, популяризируют религиозные ценности.

Например, желание никогда не покидать церковь, быть всегда вместе, участвовать *всем сердцем и всем сознанием* в Евхаристии – такое счастье нам *дал Господь* (храм Трех Святителей на Кулишках), с ней нужно быть всегда открытым, *говорить только от всего сердца и слушать внутренним оком* (Покровский жен-

ский монастырь), храм не прекращал своего молитвенного служения в очень тяжелые для всего русского народа годы, неся возложенную на него Промыслом Божиим духовную миссию – окормлять православных людей, объединённых под омофором Русской Православной Церкви, *утешать в земных скорбях и помогать найти дорогу на Небо* (Храм Воскресения Словущего на Успенском вражке), *здесь получают утешение страждущие, находят радость унывающие, вдохновляются на подвиги ленивые, духовно возгораются теплохладные, открывают для себя волю Божию неприкаянные, обретают Смысл бестолковые, укрепляются в вере сомневающиеся, обретают Христа ищущие, возвращаются к Отцу блудные* (Сретенский монастырь).

Как выяснилось в ходе исследования, преобладают фразеологизмы процессуальной направленности (*получать утешение, находить радость, вдохновляться на подвиги* и др.), создающие эффективный рекламный образ и позволяющие узнать о деятельности храма, результативности усилий и действий священнослужителей, а также об их возможностях.

Таким образом, сайты соборов и храмов служат, прежде всего, для передачи информации, подачи объявлений и распространения христианского учения.

В данном исследовании были проанализированы языковые средства создания образа в конфессиональной интернет-рекламе (на материале сайтов г. Москвы) в аспектах семантики и прагматики. Выбранные методы работы позволили выявить частотность эпитетов и фразеологизмов как наиболее эффективных средств привлечения внимания различной аудитории. В данном случае важным аспектом выступают преимущества храма, его социальная значимость, позиционирование, которые можно передать с помощью данных языковых единиц, вербализирующих полноценный рекламный образ. При этом эмоциональное воздействие на сознание целевой аудитории весьма эффективно.

Литература

1. Алексеева М.О. Когнитивные аспекты изучения терминологии русского православия [Электронный ресурс] // Известия РГПУ им. А.И.Герцена. – 2009. – №119. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-aspekty-izucheniya-terminologii-russkogo-pravoslaviva> (дата обращения: 30.08.2023).
2. Бугаева И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: автореф. дис. ... д. филол. н.: 10.02.01 / Бугаева Ирина Владимировна. – М., 2010. – 48 с.
3. Быльева Д. С. Информационно-коммуникативные технологии и религия: от коммуникации к виртуализации [Электронный ресурс] // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Общество. Коммуникация. Образование. – 2018. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-kommunikativnye-tehnologii-i-religiva-ot-kommunikatsii-k-virtualizatsii> (дата обращения: 17.08.2023).
4. Гаврилов Е.О. Оцифрованное сакральное: особенности существования религии в интернет-пространстве (по материалам СМИ) [Электронный ресурс] // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – №28. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsifrovannoe-sakralnoe-osobennosti-suschestvovaniya-religii-v-internet-prostranstve-po-materialam-smi> (дата обращения: 17.08.2023).

5. Дюкин С.Г., Самойлова И.В. Православные виртуальные ресурсы в борьбе за веру (на материале города Перми) [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2016. – №3 (27). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavnye-virtualnye-resursy-v-borbe-za-veru-na-materiale-goroda-permi> (дата обращения: 17.08.2023).
6. Ермакова М.В. Использование интернет-коммуникаций святым престолом и Русской православной церковью [Электронный ресурс] // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2014. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-internet-kommunikatsiv-svyatym-prestolom-i-russkov-pravoslavnov-tserkovvu> (дата обращения: 17.08.2023).
7. Конева А.В. Трансформация религиозных практик в информационную эпоху [Электронный ресурс] // Вестник СПбГИК. – 2018. – №4 (37). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-religioznyh-praktik-v-informatsionnyu-epohu> (дата обращения: 17.08.2023).
8. Пудовкина И.М. Интернет как канал влияния на формирование религиозного сознания [Электронный ресурс] // Дискуссия. – 2017. – №1 (75). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-kanal-vliyaniya-na-formirovanie-religioznogo-soznaniya> (дата обращения: 17.08.2023).
9. Семенова Д.М. Активность Русской православной церкви в электронном пространстве (на примере сети Интернет) [Электронный ресурс] // Russian Journal of Education and Psychology. – 2013. – №5 (25). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktivnost-russkov-pravoslavnov-tserkvi-v-elektronnom-prostranstve-na-primere-seti-internet> (дата обращения: 17.08.2023).
10. Якимов П.А. Религионимы в древнерусских текстах // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – № 2 (11). – 2019. – С. 250-255.
11. Campbell H. Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds. – N.Y.: Routledge, 2013. – 288 p.
12. Cheong P., Ficser-Nielson P., Gelfgren S. Digital Religion, Social Media and Culture: Perspectives, Practice and Futures. – N.Y.: Peter Lang International, 2012. – 326 p.
13. Sknarev D. S., Mahmoud Agha M. Language Tools for Creating Image in Online Advertising (on the material of sites of slavic cuisine restaurants) // International Journal of Psychosocial Rehabilitation. – 2020. – Vol.24, Issue 5. – P.4791-4804. DOI: 10.37200/IJPR/V24I5/PR2020191.

ADVERTISING IMAGE IN RELIGIOUS INTERNET COMMUNICATION

Maslova Valentina Avraamovna

Doctor of Philology,
professor of the chair of preschool and primary education
Vitebsk state university of P.M.Masherov
210038, Republic of Belarus, Vitebsk, Moskovsky avenue, 33
Ph.: +375 (212) 37 49 59
mvavit@tut.by

Sknarev Dmitry Sergeevich

Doctor of philological sciences, associate professor,
professor of the chair of Russian language and cultural linguistics
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198
Ph.: 8 (495) 433 80 22
sknarev_ds@pfur.ru

Confessional online advertising is an interesting, multifunctional phenomenon. It is especially relevant for study, since this problem is not sufficiently developed in the works of modern researchers. Digital reality focuses public organizations on their presence on the Internet. The Church, as a significant public institution, is interested in maximizing user coverage and promoting religious values through the temple website. The purpose of this study is to describe the linguistic means of creating advertising images that function on the websites of Orthodox churches in Moscow. The authors analyzed 100 Internet texts, turning to traditional methodology, using analytical-theoretical and systemic methods, the method of continuous sampling of language material from Internet texts, as well as the quantitative-symptomatic method of the linguistic-statistical method. Having considered the temple website as an advertising Internet text, the authors of the study analyzed the linguistic means of creating an image that function on temple websites in terms of semantics and pragmatics. It turned out that first, the attention of parishioners is attracted by the name of the temple, after which, if interest in the site arises, the user can go to the main page and landing pages, where other language means will have an active influence on him. At the same time, the most frequent and effective means of attracting the attention of the target audience have become epithets and phraseological units, with the help of which you can create a unique image of the temple, talk about its advantages, social significance and positioning.

Keywords: advertising image; confessional online advertising; temple website; religious name; epithet; metaphor; phraseological unit.

ОБРАЗИ РЕКЛАМАЎІ ДАР ІНТЕРНЕТ-МУОШИРАТИ ДИНІ¹

Маслова Валентина Авраамовна

Доктори илмҳои филологӣ, профессор,
профессори кафедраи таҳсилоти томақтабӣ ва ибтидоии
Донишгоҳи давлатии Витебск ба номи П.М. Машеров
210038, Ҷумҳурии Беларус, Витебск, хіёбони Москва, 33
Тел.: +375 (212) 37 49 59
mvavit@tut.by

---

¹ Интишорот дар доираи лоиҳаи №202802-2-000 Низоми дастгирии грантии лоиҳаҳои илмӣи РУДН ба номи П.Лумумба анҷом дода шудааст.

Скнарев Дмитрий Сергеевич

Доктори илмҳои филологӣ, дотсент
профессори кафедраи забони русӣ ва фарҳангшиносии забонии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: 8 (495) 433 80 22
sknarev_ds@pfur.ru

Интернет-рекламаи динӣ ҳодисаи шавқовар ва сервизиғаест. Он барои омӯзиш махсусан мубрам мебошад, зеро ин мушкилот дар асарҳои муҳаққиқони муосир ба таври кофӣ коркард нашудааст. Воқеияти рақамӣ ташкилоти ҷамъиятиро ба дараҷаи муаррифиашон дар Интернет алоқаманд месозад. Калисо ҳамчун институти муҳимми ҷамъиятӣ ба фарогирии ҳар чӣ бештари истифодабарандагон ва пешрафти арзишҳои динӣ тавассути сайти калисо манфиатдор аст. Мақсади таҳқиқоти мазкур тавсиф додани воситаҳои забонии таҳияи образҳои рекламавӣ аст, ки дар сайтҳои калисоҳои православии ш.Москва амал мекунанд. Муаллифон 100 интернет-матро ба риштаи таҳлил қашида, ба методологияи анъанавӣ мурочиат карданд ва аз усулҳои таҳлилий-назариявӣ ва бонизом, усули интихоби сартосари маводи забонӣ аз интернет-матҳо, инчунин усули микдорӣ-симптоматикӣ омори забонӣ истифода бурданд. Сайти калисоҳо ҳамчун интернет-матни рекламавӣ баррасӣ карда, муаллифони таҳқиқот аз ҷиҳати маъно ва прагматикаи воситаҳои забонии таҳияи образ, ки дар сайтҳои калисоҳо ҷойгир карда шудаанд, таҳлили худро анҷом доданд. Муаян гардид, ки пеш аз ҳама, тавачҷуҳи пайравони калисоҳо нейми он ба худ ҷалб карда, баъдан дар ҳолати пайдоиши шавқмандӣ нисбат ба сайт истифодабаранда метавонанд ба саҳифаи асосӣ ва лендингҳо дарояд, ки дар он ҷо ба ӯ воситаҳои дигар тасири ғабӯлона мерасонанд. Дар ин раванд таҳаллусҳо ва фразеологизмҳо ба воситаҳои аз ҳама сербасомад ва самаранокӣ ҷалбсозии тавачҷуҳи аудиторияи мақсаднок табдил ёфтанд, ки бо ёрии онҳо образи нодир ва дилкаши калисоҳо офарида, аз дастовардҳо ва муҳиммияти иҷтимоиашон ва муаррифӣ шуданашон тасаввурот пайдо кардан мумкин аст.

Вожаҳои калидӣ: образҳои рекламавӣ; интернет-рекламаи динӣ; сайти калисо; религионим; таҳаллус; маҷоз; фразеологизм.

УДК 8138 811

**ДИНАМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СЕМИОЗИСА:
ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ЗНАК КАК КОМПОНЕНТ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

Новикова Марина Львовна

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 433 80 22, доб. 1340
novikova-ml@rudn.ru

Мир знаков в современном языковом пространстве представлен в постоянном движении и изменении. Структура кодов бесконечно перестраивается в рамках этических, эстетических, эмоциональных ценностей того или иного языкового и культурного сообщества. В фокусе внимания автора статьи – важное свойство знака – возможность интерпретироваться другими знаками, семиозис как процесс порождения, функционирования и интерпретации знака.

Такая призма исследования позволяет обратиться к эстетическому знаку в аспекте лингво-семиотических исследований в его трансформации в целостный художественный смысл, который соотносится с системой ценностей, присущих культуре и национальной ментальности народа.

Вектор изучения процесса и результата эстетического моделирования мира обусловлен спецификой поэтического слова как двуединой рационально-эмоциональной сущности, выразителя эстетической, переживаемой, а не просто понимаемой информации. Осмысление и интерпретация этих особенностей словесного искусства представлены в статье сквозь призму остраннения как способа имплицирования смысла высказывания, порождающего множественность интерпретаций в новом и неожиданном контексте, изменяющем изначальное значение. Ключ к пониманию гибкого веера значений слов лежит в исследовании языковых средств их выражения и интерпретации, как новых ракурсов обобщения и постижения динамической природы семиозиса.

Ключевые слова: семиозис; остраннение; семиотика; эстетический знак; семантические трансформации; синтагматика.

Введение

Современное языковое пространство, полное знаковых систем и семиотических процессов – многомерная среда, окружающая человека. Язык как знаковая семиотическая система, классификатор действительности, формирующий её определенным образом, хранящий и передающий информацию - особая знаковая память культурного сообщества. Семиотика, язык, коммуникация и прагматика исследуются как единое концептуальное пространство [8; 25; 33]. «Семиотика по отношению к сознанию выступает как его ознакомление, означивание. Язык, в

союзе с семиотикой, по отношению к сознанию выступает в качестве его репрезентанта, как средство материализации мыслительных структур, а по отношению к коммуникации – как средство общения, передачи информации и тех знаний, которые составляют сущность передаваемого концептуального содержания» [26, с.248].

Язык – развивающаяся система знаковых единиц, выражающая совокупность мыслей и эмоций людей, он принадлежит не отдельному индивида, а социума. Он реализует целый ряд взаимосвязанных функций: репрезентативную – обозначения внеязыковой действительности; экспрессивную – выражения внутреннего состояния говорящего; апеллятивную – функцию воздействия на адресата речи [2, с 34-38]. Языковой знак, осуществляя указанные функции, демонстрирует различные стороны своей природы. Языки для нас нечто большее, чем система передачи мыслей, они придают «предопределенную форму всяческому ее символическому выражению. Когда выражение приобретает необычную степень многозначительности, мы называем его литературой» [20, с. 32-33].

Языковое содержание демонстрирует двойственную природу — одновременно семиотическую и семантическую. Комбинация денотативного и коннотативного дополнительного значения – социокультурно обусловленное отражение функционирующей, динамично меняющейся реальности семиотической системы. Идея о влиянии экстралингвистических явлений на языковые единицы восходит к убеждениям В. фон Гумбольдта, что в языке представлен «промежуточный мир» между мышлением и действительностью, при этом язык фиксирует особое национальное мировоззрение [6, с.318], и также к идеям Э.Сепира, утверждавшего, что «современному лингвисту становится трудно ограничиваться лишь своим традиционным предметом... он не может не разделять взаимных интересов, которые связывают лингвистику с антропологией и историей культуры, с социологией, психологией, философией» [20, с.260-261]. Спектр исследований этих важных актуальных вопросов широк и разнообразен. В фокусе внимания ученых находятся различные аспекты изучения отношений между мыслью, языком и миром, активный исследовательский интерес к этим проблемам - свидетельство их возрастающей значимости. Язык предстает в единстве двух систем: как системно-структурное образование, система единиц и категорий и как семиотическая символическая система [7, с.12]. Эти системы взаимодействуют друг с другом в области семантики, сфере смыслов и значений.

Семиозис как процесс порождения, функционирования и интерпретации знака.

Обратимся к проблеме знака как одному из основных терминов семиотики, а также семиозису – процессу создания, использования и истолкования знака. Языковой знак – единица языка, элемент его системы (слово, словосочетание, предложение) обозначает предметы и явления действительности. Знак не существует вне семиотического процесса, он является «важным каналом связи и единства между членами общества, а также между ними и окружающим миром, орудие познания этого мира и человека» [5, с.55]. Семиозис (в переводе с др.-греч. «обозначение») – многогранное понятие. Оно сформировалось в связи с

различными подходами к пониманию особенностей знака и его функционирования. В семиотической концепции Ф. де Соссюра языковой знак трактуется как двойственная амбивалентная сущность – единство означаемого и означающего, связь между ними не мотивирована и произвольна [21, с.78-79]. Таким образом, устанавливается отношение взаимной пресуппозиции между формой выражения и формой содержания, или между означающим и означаемым. Трактовка семиозиса в исследованиях Ч.Пирса, основателя семиотики и прагматики, обращена к репрезентативной функции знака по отношению к реальному миру, деятельности человека в разных сферах: в науке, искусстве и, несомненно, в словесном искусстве. В его понимании знак – объект, представляющий или замещающий, знак становится знаком, только в том случае, если он адресован кому-либо или объяснен, истолкован кем-либо. Ключевое, первостепенное свойство знака – «возможность интерпретироваться другими знаками, знак объясняется посредством его интерпретантов» [30, с.326]. Объект может быть представлен в качестве знака, становится им только в процессе, или знаковой ситуации – семиозисе, если «не-что функционирует как знак, т.е. некое А интерпретируется неким В как представляющее С» [18, с.91]. Семиотический процесс интерпретации – сущность понятия знака. Интерпретанта – то, что производится в сознании интерпретатора, «собственно значимый результат», или «действие знака» [16 с. 14].

Мир знаков – в движении и изменении, трансформируется в силу целого ряда причин в различных языковых и культурных сообществах. Семиотика изучает «структуру всех типов знаковых систем, объясняет различные иерархические соотношения между ними, сеть их функций и общие или отличающиеся свойства в масштабе всех систем. Семиотика, благодаря тому, что она является наукой о знаках, призвана охватить все разновидности signum» [13, с.161]. Сущность знака реализуется в результате семиозиса в пространстве языка и культуры, смысловой и эмоциональной многослойности эстетического освоения действительности. Это связано как с картиной мира интерпретатора, так и социальными, культурными, эстетическими контекстами создания текстов разной типологии и, несомненно, текста художественного.

Обратимся к эстетическому знаку (словесному образу), являющемуся элементом вторичной моделирующей системы в его сопоставлении с обычным знаком первичной моделирующей системы. В нем обнаруживаются специфические свойства – особая художественная форма, необычная сочетаемость, экспрессивная словообразовательная, морфологическая структура, инверсия и др. Эстетический знак является многоплановым, представлен в реализации поэтической функции языка в знаковой системе художественно-эстетической реальности, в динамике отражения объективной реальности в художественном тексте. Это особый, эстетический вид моделирования действительности, продукт словесного искусства.

Эстетический знак как компонент вторичной моделирующей системы.

Язык моделирует не дискретные фрагменты мира, а некую глобальную «точку зрения», в которой говорящий выражает свое отношение к действительности – модальность [33, с.32-33]. Обращаясь к роли словесного искусства, Ю.М.Лотман

отмечает, что «сознание человека есть сознание языковое, все виды надстроенных над сознанием моделей – и искусство в том числе – могут быть определены как вторичные моделирующие системы» [11, с.20-21]. Словесное искусство воспроизводит действительность «второй раз, доступными ему (искусству) средствами», выступая как знак, включенный «в цепь таких научных представлений, как отношение знака и обозначаемого, знака и кода – «языка» данной системы передачи сведений и т.д.» [13, с.30]. Знаки в словесном искусстве имеют не условный, как в языке, а изобразительный характер. Они определяются на основе классификации Ч.Пирса как иконические, или изобразительные, это особый язык специфических эстетических знаков художественной коммуникации. Важная их особенность – структурность, всеобщность, соотнесенность с ценностными представлениями общества.

Понятие эстетического знака связано с феноменом трактовки художественных процессов с позиций семиотики. Иконический знак представляет некоторые свойства репрезентируемого объекта или обладает свойствами собственных денотатов. Область денотатов вторичной моделирующей системы не идентична миру денотатов первичной. Особенности вторичной моделирующей системы – в единстве его коммуникативной и эстетической функции, создающей новые отношения между имеющимися признаками, моделирующими художественную действительность.

Эстетический знак – компонент структуры словесного образа, выразительности художественного текста как многомерного феномена. В художественном тексте семантизируются внесемантические (синтаксические) элементы естественного языка. Ю.М.Лотман отмечает, что «элементы знака в системе естественного языка: фонемы, морфемы - становясь в ряды некоторых упорядоченных повторяемостей, семантизируются и становятся знаками», «словесное искусство хотя и основывается на естественном языке, но лишь с тем, чтобы преобразовать его в свой – вторичный – язык, язык искусства» [11, с.32-34]. Эстетический знак как элемент вторичной моделирующей системы в его сопоставлении с обычным знаком первичной моделирующей системы, имеет особую художественную форму, являясь образом словесным. Эстетическая трансформация языковых знаков рассматривается как вторичная моделирующая системы, где конструируется особый вторичный ярус, надстраивающийся над естественным языком как вторичная система. Семиозис через интерпретацию знаков формирует общие коды для читателя и автора художественного произведения. Они изменяются из-за различных контекстов, составляющих культурную память автора и интерпретатора, и репрезентируются в многомерном пространстве языка. Коннотации приводят к обогащению семиозиса, «выявляются феноменологические смысловые качества знака в условиях его употребления» [9, с.14].

Эстетический знак как словесный образ имеет двухъярусную структуру. В нем в противоречивом единстве существует тождество означающих и несоответствие несоответствующих им означаемых. Особое соположение, соединение компонентов в их взаимодействующих значениях порождает новую семантику, не имеющую формального воплощения на языковом уровне, «семиотическую

двойственность» текста как семантического универсума в его тесной взаимосвязи с культурой общества [12, с.158]. Эстетический знак в таком ракурсе исследования – сложная структура, обусловленная общими свойствами знака, в частности, семантикой, прагматикой, синтактикой. Особая эстетическая коммуникация, особый язык, который надстраивается над естественным языком как вторичная система, открывают новые возможности исследования сущности динамической природы семиозиса. Необычная сочетаемость компонентов приводит к своеобразию семантического согласования и возникновению новой, эмоционально воздействующей эстетической информации, смысловой концентрации, семантической осложненности, многорядности художественного текста.

Подвижный смысл эстетического знака как словесного образа, имеющего двухъярусную структуру, объясняется необычным «смещенным» употреблением, отступлением от общепринятого узуса. Он представляет собой синтагму, где представлены в противоречивом единстве тождество означающих и несоответствие несоответствующих им означаемых. Единицы вербального выражения глубинных смыслов реализуются на основе текстовой синтагматики, парадигматики и вариативности. Знак и знаковая система связаны с проблемой значения, поскольку они являются своего рода посредниками, их основная задача состоит в передаче определенного содержания.

Семиотический метод применяется во взаимодействии с феноменологическим (описывающим структуру явления на разных уровнях), и герменевтическим (интерпретация, понимания смысла) методами. Семиотика синтезирует эти подходы, именно такой обобщающий подход и дает возможность исследовать внутреннюю структуру явления, создание его различных смыслов. Семиозис в художественном тексте представляется процессом, «опытом смыслового функционирования».

Остраннение как основа образной системы в эстетике слова. Исследования изобразительно-выразительных средств языка в таджикской лингвистической традиции.

Термин остраннение для художественного изображения мира, исходя из «преодоления автоматизма восприятия знакомых вещей и явлений», был введен В.Б.Шкловским. В художественно-изобразительном языковом пространстве окружающие вещи и явления предстают как незнакомые и впервые увиденные, восприятие привычных объектов описывается как нечто новое или необычное [28]. Феномен остраннения как универсального приема художественного описания действительности, инварианта языковой образности многомерен и разнообразен. Подчеркнем, «механизм образного «остранения», затрудняет узнавание объекта, вытесняя возможное прямое именование объекта из области референции. Но он, проходя через все смысловые перипетии интерпретации, неизменно возвращает нас к этому самому объекту, усиливая эффект узнавания» [9, с.10].

Остраннение в лингвистическом аспекте рассмотрения связано с семантическими трансформациями слова, со сферой употребления языковых средств. Исследование остраннения как инварианта общей образности и концептуальной операции мышления открывает новые ракурсы обобщения и постижения его

сущности в аспекте рассмотрения семиозиса как процесса порождения и интерпретации эстетического знака, обладающего и предметным значением, и различными изменчивыми смыслами, которые возникают при его использовании [17, с.15-17]. Важно отметить, что «именно с остранением связаны многообразные языковые эксперименты, проливающие свет не только на устройство языка и регулирующие его употребление правила, но и на некоторые стороны мира и общества» [1, с.302].

При реализации коммуникативной функции языка его единицы представлены в отношении семантического согласования. Этот важнейший закон синтагматики языковых единиц, регулирует закономерность их нормативного употребления. Остранение – отклонение от обычного нормативного употребления слов, так как оно, кроме коммуникативной, выполняет эстетическую функцию. Сложность структурной, семантической и коммуникативной организации произведения словесного искусства и его тесная связь с внетекстовой реальностью, объективация мысли автора, воплощение его творческого замысла особым образом связано с остранением - семантической и эстетической трансформацией слова в художественном тексте.

Семиозис сопряжен с коннотациями эстетического знака, важную роль играют социальные, культурные факторы сплетения идей и смыслов в художественно-философской глубине их осознания. Конструирование новых смыслов позволяет изучать и концептуализировать мир со стороны его художественного восприятия и познания в особом эстетическом виде моделирования действительности – словесном искусстве во всем многообразии изобразительно-выразительных средств.

Исследование лингвистического механизма природы поэтического слова, которое является знаком особого рода, разработка теории изобразительно – выразительных языковых средств находится в фокусе внимания известных таджикских ученых, рассматривающих эстетические ресурсы таджикского языка на материалах классических и современных художественных текстов. «В материальной и моральной сокровищнице таджикского народа художественные тексты, составляющие художественные произведения, находятся в таком изобилии, что, наверное, мало кому из народов мира досталось такое богатство» [14, с.31]. В таджикской лингвистической традиции важным аспектом теоретических изысканий является изучения слова в его творческом использовании, имеющего подвижный, «колеблющийся смысл, свойство соединения, совмещения противоречивых смыслов. Матробиён Саодатшо Косимзода проникновенно отмечает, что язык как «зеркало прошлого и настоящего и совокупность мыслей и представлений народа ... способен отражать духовные ценности, особенно традиции и обычаи народа, история таджикского народа выражается в его языке и культуре» [14, с.2, 4].

Тонкие лингвистические наблюдения Т.Зехни, Х.Шарифова, Х.Табарова, Б.Камолиддинова, М.Касымова и других известных таджикских исследователей обращены к осмыслению изобразительных средств выражения как онтологической и герменевтической категории, а также тесно связаны с изучением их эсте-

тической функции. Актуальными и важными являются исследования средств выразительности таджикского языка как лексической категории, позволяющие увидеть глубинные связи между явлениями языковой системы. Большое внимание уделяется индивидуально-авторским окказиональным средствам, созданным поэтом или писателем, которые используются как важное средство художественной выразительности, поскольку авторское окказиональное словоупотребление «столь же неотъемлемое достояние живого языка, как и нормативно фиксированная сочетаемость слов» [22, с.12].

В работах Р.М.Султановой [23, 24] представлен комплексный анализ системы выразительных средств таджикского языка, определен лингвистический статус метафоры и метонимии, эпитета и сравнения, антитезы и иронии, гиперболы и литоты, выявлены их функционально-стилистические и структурно-семантические характеристики, особенности типологии и способы их передачи на русский язык. Осмысление образности как категории лексико-семантической, изучение средств выразительности как семантического свойства лексической единицы широко и полно представлены в исследованиях ученого. Выработанные теоретические положения, подкрепленные убедительным эмпирическим материалом, позволили Р.М.Султановой сделать ряд принципиально важных выводов о структурной оформленности образных средств в таджикском языке, представить их классификацию, обратиться к их роли и особенностях функционирования в художественном пространстве таджикского языка. Эти исследования особенно значимы в их лингвокультурологическом осмыслении, поскольку «вся история культуры погружена в слова, и она окутана словами, однако, по сущности их, не как непроглядным туманом (за которым не видна была бы «сама» суть дела), но как сферой самопостижения, саморефлексии» [15, с.487].

Особый интерес вызывают работы известных таджикских исследователей, посвященные изучению сравнения, категории, важной для нашего анализа эстетического знака сквозь призму остраннения. Х.Шарифов, исследуя основания сравнения, отмечает, что эта классификация зависит от компонентов его составляющих. Для нас весьма важны эти утверждения и представленные автором семь основных типов сравнения: ташбеҳи мутлак (абсолютное сравнение), ташбеҳи маршрут (условное сравнение), ташбеҳи киноят (иносказательное сравнение), ташбеҳи тасвит (равное сравнение), ташбеҳи акс (отраженное сравнение), ташбеҳи измор (скрытое сравнение), ташбеҳи тафзил (возвращенное сравнение)» [27, с. 94-95]. Ю.И.Бобоев анализирует следующие компоненты сравнения: уподобляемое, уподобляющее, основание сравнения и его средство. «Ташбех состоит из четырех элементов: сравниваемое (ташбехшаванда), сравнение (ташбехкунанда), средства сравнения (адоти ташбех) и основание сравнения (вачҳи, сабаби ташбех)», поскольку как лингвистическая единица, сравнение характеризуется отличительными свойствами уподобления предмета или явления другому по какому-либо общему для них признаку. Ассоциативно-апперцепционное содержание мышления обусловлено процедурой сравнения, когда вновь воспринимаемый фрагмент действительности сравнивается с тем, что уже существует в сознании, что особенно важно в связи с тем, что «при се-

мантического анализе обнаруживается, что оценка неотделима от сравнения: абсолютные признаки имплицитно содержат сравнение, и сравнение, таким образом, первично» [4, с.15].

Исследуя остраннение как инвариант образности в его основе мы представляем категорию сравнения в широком понимании. Обратимся в этой связи к сущности тропов и фигур. Подготовка эстетических знаков разных типов, исследуемых в аспекте остраннения, - развернутое сравнение по отношению к которому они выступают как итог «свертывания» в троп. Предметы и их номинации, обычно не соотносимые, сравниваются при помощи союзов как (как будто, словно, точно и т.д.). Сравнение – способ описания объектов, сближающий разные предметы и явления во множественности и вариативности обозначений. Эстетический знак такого типа – «слитное сравнение», он присваивает признак, присущий их пересечению. Он строится на основе реального сходства, проявляющегося в скрещении двух значений в связи с чем происходит раздвижение границ текста, увеличивается его емкость, сжатие реальной семантики до точек пересечения семантических рядов и сопряжения их значений. Метафору можно интерпретировать как «слитное» сравнение, метонимию – как соположенное, антитезу – как контрастное, оксюморон – как противоречивое и т.п., поскольку во всех этих тропах и фигурах есть свое специфическое основание сравнения (*tertium comparationis*) [17, с.88]. Например, в основе метафоры лежит неназванное сравнение предмета с каким-либо другим предметом на основании признака, общего для обоих сопоставляемых членов, изображающее сущность явления в сжатой и краткой форме: *янтарный блеск, острый язык, золотые руки, кричащий наряд, подкова бровей, озера глаз, зеркало души*.

Основание для сравнения может быть формально выраженным или скрытым, общая особенность всех типов знаков – отклонение от обычного словоупотребления, появление дополнительных факультативных контекстуальных сем, подвижных по своему характеру. Чем более элементарный характер имеют знаковые системы, тем выше степень однозначности отображения реальной действительности. Процесс приращения смысла влияет и на соотношенность семантических слагаемых. Роль эстетического знака в этой иерархии неоднозначна и в силу самой его двойственной природы, и сложной организации художественного текста. Соединение несоединимого приводит ко вторичному семантическому согласованию слов, совокупности компонентов, необычному сопоставлению предметов (предметных рядов), рождающих в результате их соположения новое представление с «приращенным смыслом». В их основе – объединяющий семантический инвариант остраннения, сдвига в эстетическом знаке, значимом для создания художественно-эстетической реальности.

Эстетический знак – нестандартная сочетаемость слов – синтагматическая техника словесного искусства.

Обратимся к Национальному корпусу таджикского языка, в который входят произведения на литературном таджикском языке современного периода, издан-

ные в XX и XXI вв. и Национальному корпусу русского языка, не ставя своей задачей полного описания эстетического знака *зеркало души* и *оинаи дил* (досл. *зеркало сердца*) – *зеркало души*. Выявление статистических и лингвистических закономерностей – задача дальнейших исследований. Необходимо отметить, что в эстетическом знаке *зеркало души* и *оинаи дил* (досл. *зеркало сердца*) – *зеркало души* на основе представления положения *сердца* человека в таджикском языке сформулировано значение – ‘*средоточие внутреннего мира человека*’ в этом значении *сердце* коррелирует с компонентом *душа* [19, с.113].

Эстетический знак как элемент вторичной моделирующей системы противоречив по своей сущности и обладает творчески воспринимаемым смыслом. На основании признака, общего для обоих сопоставляемых членов, изображает сущность явления в сжатой и краткой форме на основе реального сходства, проявляющегося в пересечении двух значений. Эмоции (*движения души*), переживания, чувства, оценка окружающего мира отражаются в наших глазах, *как в зеркале*, их нельзя утаить. В эстетическом знаке *зеркало души* и *оинаи дил* взаимодействуют мыслительные (ассоциативные) и языковые (словообразовательные, синтаксические механизмы), появляются новые лексические значения. В его семантике совмещаются принципиально разные типы значений: *зеркало* – ‘*гладкая, отполированная поверхность, отражающая находящиеся перед ней предметы*’; ‘*специально изготовленное стекло для рассматривания своего изображения*’; ‘*то, что является отображением каких-л. явлений, событий, какого-л. состояния*’. *Душа* – ‘*внутренний, психический мир человека, его сознание*’; ‘*то или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами*’; ‘*сверхъестественное, нематериальное бессмертное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти*’; ‘*человек*’ (обычно в устойчивых сочетаниях).

В эстетическом знаке *зеркало души* – *оинаи дил* вторичное, образное семантическое согласования в его единстве и слитности, подвижный переход от одного значения к другому не только в его изобразительности, но и оценочности. В основе эстетического знака, независимо от типологии его манифестаций, лежат принципиально сходные семантические процессы, позволяющего представить его как смещение, дающее необычное, а потому и осязаемое восприятие изображаемых предметов и явлений. Как элемент вторичной моделирующей системы эстетический знак *зеркало души* – *оинаи дил* (сущность, гармония души и разума) противоречив по своей сущности, он обладает творчески воспринимаемым смыслом, смыслонакопительной, кумулятивной силой. Во взаимодействии его составляющие «окрашивают» друг друга и обретают новый «эмоциональный вес». Чтобы стать эстетическим знаком, существующие предметы и явления трансформируются, объединяются, остранненная действительность и является характерным признаком художественного изображения, эстетического видения мира, что ярко иллюстрируют следующие примеры, представленные в Национальном корпусе таджикского языка. Приведем некоторые из них: *Оинаи дил шуд назари мохи заминӣ – Зеркало сердца* стало взглядом земной луны; *Туунфаришта пеши чашм паиди омада, зуд ғайб задиву симои дилчӯят дар оинаи дил монд* – Ты появился как ангел, потом быстро исчез, а твой образ остал-

ся в *зеркале сердца*; Чахон кӯр асту аз *оинаи дил* ғофил афтодаст – Мир слеп и не замечает *зеркала сердца*; Сӯхбати мардуми оддӣ ғубори ақро мерӯфта, *оинаи дилро* пок мекунад – Разговор простых людей сметает пыль ума и очищает *зеркало сердца*; Чашм *оинаи дил* аст, мегуфтӣ, Сабур. Глаза – *зеркало сердца*, говорил ты, Сабур; Ғубори ғуссаро *оинаи дил* шӯ – Смыть пыль печали с зеркала сердца; Биё, *оинаи дил* занг бигрифт – Приди, пусть *зеркало сердца* звенит; Покиза дор *оинаи дил* зи чанги кин – *Зеркало сердца* чисто от пыли гнева; Ба хар ҳол ғуборе ба *оинаи дил* менишонд – Во всяком случае, на *зеркале сердца* была пыль.

Процессы функционирования эстетического знака в разных языках имеют как интегральные признаки, так и дифференциальные, поскольку язык не только средство передачи мыслей и инструмент общения, но и средство отражения окружающего человека мира, «он также выражает менталитет людей, их национальный характер, обычаи и традиции» [14, с.31]. Эстетический знак как словесный образ является информативно-смысловой категорией, преобразованием исходного (имеющегося в прямом значении) или нового, концептуально мотивированного, обусловленного явлением смысловой множественности значения. Идентификация прямого и переносного значения всегда оставляет ощутимым это «со значение», колеблющийся признак, соединяющий несоединимые на первый взгляд явления, переходит в многоплановый развернутый словесный образ в многомерном языковом пространстве, представленном в Национальном корпусе русского языка : *Дневник* есть *зеркало души*; И в родных *березах* то же *зеркало души*; *Дом* – зеркало души; *Жилище*, говорят, *зеркало души*; *Язык* – *зеркало души* и граница моего мира; Если *лицо* – *зеркало души*, то глаза – *зеркало настроений* и намерений, *нервы* – *плотское зеркало души*; *Пустые глаза* — *зеркало пустой души*; Глаза- не *зеркало души*, а ее *зеркальные окна*: сквозь них она видит улицу, но и *улица видит душу*; *Беседа* моя есть *зеркало души*; *Речь* твоя есть верное *зеркало души*; *Книги* – *зеркало души, сердца и ума* писателя; *Письма* твои, любимая – вот *зеркало души твоей*; *Рабочий стол* как *зеркало души* и *помыслов твоих*, *смотри* в *душу* мою и *сердце* мое, ведь *глаза* – это *зеркало души*.

Эстетический знак как словесный образ является информативно-смысловой категорией, преобразованием исходного (имеющегося в прямом значении) или нового, концептуально мотивированного и обусловленного явлением смысловой множественности значения. Их понимание есть интерпретация, а всякая интерпретация движется в медиуме языка, которым говорит словесный образ, являющийся в тоже время языком интерпретатора. Принципиальная связь языка и мира означает онтологическую существенность языка и определяет направленность понимания и интерпретации эстетического знака.

Заключение. Язык – медиатор между миром и нашей интерпретацией миропонимания. Познание окружающей действительности (миров вещей и действий) осуществляется с помощью и посредством знаков. Языковая картина мира, в которой представлено отношение человека к окружающей его действительности, – одновременно общенациональная и индивидуальная. Естественный язык вербального общения – фундаментальная семиотическая система, которая порождает другие знаковые системы. Семиотические исследования являются универ-

сальным инструментом изучения различных явлений, имеющих знаковую природу, выявляют и анализируют взаимодействие языка с различными формами интеллектуальной и духовной деятельности человека, репрезентирующими семиотический анализ в фундаментальной отнесенности к бытию представителей разных культур.

Семиозис, включающий сам знак, десигнат (объект, обозначенный знаком), воздействие (детерминирующее знаковость предмета для интерпретатора), интерпретацию знаков и отношений между означаемым и означающим. как порождение эстетического знака и его интерпретации, обусловлен системностью знаков, их прагматическим объединением в процессе функционирования. Конструктивный принцип остраннения придает особый статус художественного осмысления мира в отношении эмпирической действительности. Эмпирический порядок с позиций художественного мира становится предметом остраннения, материалом трансформации, изображаемого, объектом художественно моделируемой действительности в художественном тексте. Семиозис включен в сферу коммуникации, интерпретирование скрытых смыслов эстетического знака детерминирует обращение исследователя к оценочным смыслам, ценностным доминантам, существующим как в индивидуальном, так и в коллективном сознании, сформировавшемся в национальной культуре. Ключ к пониманию семиозиса как процесса порождения, функционирования и интерпретации эстетического знака обусловлен глобальными идеями, ментальностью, мировидением народа и системой его культурных ценностей, отраженных как в классических традиционных, так и в новых произведениях словесного искусства, создающихся в XXI веке, тесно связанных с современными культурными процессами.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Бюллер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. – М.: Прогресс, 2000. – 528 с.
3. Бобоев Ю. Теория литературы. Ч.1 – Душанбе: Маориф, 1992. – 374 с. (на тадж. яз.)
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: URSS, 2009. – 278 с.
5. Гречко В.А. Теория языкознания. – М.: Высшая школа, 2003. – 375 с.
6. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: ОАО ИГ Прогресс, 2000. – 400 с.
7. Зубкова Л.Г. Принцип знака в системе языка. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 752 с.
8. Золян С.Т. Между миром и языком: к основаниям семиотики текста // РАН. ИНИОН. Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований. – М., 2015. – Вып. 5. – С.250-264.
9. Иванов Н.В. Факторы семиогенеза (лингвофилософский анализ) // Филологические науки в МГИМО. – 2020. – Т.6, №4 (24). – С.5-13.
10. Косимов М.Н. Сопоставительный анализ бинарной оппозиции «добро и зло» в пословицах и поговорках русского и таджикского языков // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2022. – №1(76). – С.205-204.
11. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. – СПб.: Искусство, 1998. – С.12-150.

12. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // История и типология русской культуры. – СПб: Искусство, 2002. – С.158-162.
13. Лотман Ю.М. и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – 560с.
14. Матробиён С.К. Этнолингвистическое исследование языковой картины мира таджиков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 5.9.6 / Матробиён Саодатшо Косимзода. – Душанбе, 2022. – 54 с.
15. Михайлов А.В. Историческая поэтика и герменевтика. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. – 567 с.
16. Нёт В. Чарлз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. – 2001. – Вып.3/4. – С.5-32.
17. Новикова М.Л. Онтология искусства поэтического слова и остраннение. – М.: Икон-Информ, 2020. – 237 с.
18. Пирс Ч.С. Что такое знак? // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Политология. – 2009. – №3 (7). – С.88-95.
19. Сакаева Л.Р. Художественные изобразительные средства во фразеологических единицах таджикского языка // Материалы итоговой научной конференции за 2001 г. – Набережные Челны: Камский издательский дом, 2002. – С.109-113.
20. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – С.28-42.
21. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
22. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
23. Султанова Р.М. Морфологические и структурные типы эпитетов таджикского языка // [Вестник Педагогического университета](#). – Душанбе: ТГПУ им. С.Айни, 2020. – №3(70). – С.23- 27.
24. Султанова Р.М. Способы экспликации средств выразительности лексического уровня в таджикском языке // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: ТНУ, 2019. – №2. – С.34-40.
25. Шатин Ю.В. Семиотика VS семиология: к вопросу о полноте знаковой теории // Критика и семиотика. – Новосибирск, 2015. – №2. – С.10-17.
26. Шарандин А.Л. Сознание, семиотика, язык, коммуникация и прагматика как единое концептуальное пространство // Вопросы психолингвистики. – 2015. – №3 (25). – С.240-250.
27. Шарифов Х. Поэтика. – Душанбе: Маориф, 1991. – 160 с. (на тадж. яз.)
28. Шкловский В.Б. О теории прозы. – М.: Сов. писатель, 1983. – 385 с.
29. Фещенко В.В., Коваль О.В. Сотворение знака: Очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 640 с.
30. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. – СПб.: Симпозиум, 2007. – 502с.
31. Якобсон Р. Взгляд на развитие семиотики // Язык и бессознательное – М.: Гнозис, 1996. – С.139-161.
32. Joseph J.E. The linguistic sign // The Cambridge Companion to Saussure; Sanders C. (ed.). – Cambridge: Cambridge university press, 2004. – P.59-75.
33. Segal D. Literatura kao vtorichnaja modelirujushhaja sistema // Slavica Hierosolymitana. – 1979. – Vol.IV. – P.1-35.

**DYNAMIC NATURE OF SEMIOSIS:
AESTHETIC SIGN AS A COMPONENT OF LITERARY TEXT**

Novikova Marina Lvovna

Doctor of philological sciences, associate professor,
professor of the chair of Russian language and cultural linguistics
Russian language Institute

RUDN University

6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian, 117198

Ph.: +7 (495) 433 80 22, ext. 1340

novikova-ml@rudn.ru

The world of signs in the modern linguistic space is presented in constant movement and change. The structure of codes is endlessly rearranged within the framework of the ethical, aesthetic, and emotional values of a particular linguistic and cultural community. The author of the article focuses on an important property of a sign - the ability to be interpreted by other signs, semiosis as a process of generation, functioning and interpretation of a sign.

This research prism allows us to turn to the aesthetic sign in the aspect of linguosemiotic research in its transformation into a holistic artistic meaning, which correlates with the system of values inherent in the culture and national mentality of the people.

The vector of studying the process and result of aesthetic modeling of the world is determined by the specifics of the poetic word as a dual rational-emotional entity, an exponent of aesthetic, experienced, and not simply understood information. The comprehension and interpretation of these features of verbal art are presented in the article through the prism of defamiliarization as a way of implicating the meaning of an utterance, generating a multiplicity of interpretations in a new and unexpected context that changes the original meaning. The key to understanding the flexible fan of meanings of words lies in the study of linguistic means of their expression and interpretation, as new perspectives of generalization and comprehension of the dynamic nature of semiosis.

Keywords: semiosis; defamiliarization; semiotics; aesthetic sign; semantic transformations; syntagmatics.

**ТАБИАТИ ДИНАМИКИИ СЕМИОЗИС:
АЛОМАТИ ЭСТЕТИКӢ ҲАМЧУН ҚУЗӢИ МАТНИ БАДЕӢ**

Новикова Марина Львовна

Доктори илмҳои филологӣ, дотсент,
профессори кафедраи забони русӣ ва фарҳангшиносии забонии

Институти забони русии

Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия

117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6

Тел.: +7 (495) 433 80 22, доб. 1340

novikova-ml@rudn.ru

Дунёи аломатҳо дар фазои муосири забонӣ дар ҳаракату тағйирёбии доимӣ муаррифӣ ёфтааст. Сохтори рамзҳо дар чорҷубаи арзишҳои ахлоқӣ, зебоишиносӣ, эҳсосоти ин ё он умумияти забонию фарҳангӣ беист тағйир меёбад. Дар маркази тавачҷуҳи муаллифи мақола хусусияти муҳимми аломат – имконияти интерпретатсияи он аз ҷониби аломатҳои дигар, семиозис ҳамчун раванди тавлидшавӣ, амалкард ва интерпретатсияи аломат қарор дорад.

Чунин дидгоҳи таҳқиқот барои мурочиат қардан ба аломати эстетикӣ аз ҷиҳати таҳқиқоти забонию семиотикӣ дар трансформатсияи он ба маъноӣ бутуни бадеие, ки бо низоми арзишҳои барои фарҳанг ва хувияти миллии халқ муҳим тавсиф дода мешавад, хос аст, имконият медиҳад.

Самти омӯзиши раванди мазкур ва натиҷаи амсилагирии эстетикӣ ҷаҳонро мухтасоти калимаи муназзам ҳамчун ҷавҳари дугонаи оқилона-эҳсосотӣ, ифодакунандаи иттилооти эстетикӣ, эҳсосотӣ, на ин ки танҳо фаҳмидашаванда тақозо менамояд. Идрок ва интерпретатсияи ин хусусиятҳои санъати суҳан дар мақола аз дидгоҳи дуршавӣ ҳамчун усули имплицатсияи маъноӣ ифода, ки тавлидкунандаи афзунӣ интерпретатсияҳо дар ҳошиаи нави ғайриҷашмдошт аст ва маъноӣ ибтидоиро тағйир медиҳад, муаррифӣ мешавад. Калиди фаҳмиши силсилаи ихчамии маъноӣ калимаҳо дар таҳқиқи воситаҳои забонии ифода ва интерпретатсияи онҳо, ҳамчун ракурсиҳои нави умумикунонӣ ва дарки табиати динамикии семиозис ниҳон аст.

Вожаҳои калидӣ: семиозис; дуршавӣ; семиотика; аломати эстетикӣ; тағйироти маъноӣ; синтагматика.

УДК 82.09

**РОЛЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В РАСКРЫТИИ
СМЫСЛОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕКСТА-МИНИАТЮРЫ**

Брагина Марина Александровна

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка №1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Макляя, 6
Тел.: +7 495 787 38 03 доб. 15 13
bragina-ma@rudn.ru

Левина Вера Николаевна

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка №1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Макляя, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01 доб. 15 86
levina-vn@rudn.ru

Майгелдиева Жанат Мусабековна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы
Гуманитарно-педагогический институт
Кызылординский университет имени Коркыт Ата
Республика Казахстан, Кызылорда, Айтеке Би, 29А
Тел.: +7242 26 27 14
jmussabek@mail.ru

Текст-миниатюра – востребованная литературная форма в русской прозе XX-XXI вв. (В.Астафьев, М.Пришвин, А.Солженицын и др.). Цикл произведений «Мгновения» Ю.Бондарева представляет собой лирико-философские размышления на важные для каждого человека «вечные» темы. Обращение к этому языковому материалу перспективно в силу тяготения современной текстовой коммуникации к кратким формам как в процессах передачи информации, так и ее восприятия современным читателем. Природа является фоном размышлений лирического героя, поэтому для анализа были выбраны тексты, в структуре которых есть пейзажная единица, имею-

шая приращенную философскую семантику. Важную роль в данном процессе играют различные грамматические средства. Они шифруют смыслы, которые реализуются в тексте-миниатюре. Особое индивидуально-авторское выстраивание языковых средств позволяет реализовать авторский замысел в полном объеме и донести его до читателя. Впервые на материале текста-миниатюры анализируются грамматические и семантические особенности пейзажных единиц как особого элемента в структуре миниатюр Ю.Бондарева, имеющего ярко выраженный антропоцентрический характер. Мини-тексты имеют различную синтаксическую структуру (сложное синтаксическое целое, вопросительные предложения, диалоговая форма).

Ключевые слова: грамматические средства; семантика текста; текст-миниатюра; пейзажная единица.

В русской прозе XX-XXI вв. текст-миниатюра является востребованной литературной формой (В.Астафьев, М.Пришвин, А.Солженицын и др.), используя которую авторы размышляют над «вечными» темами, не теряющими своей актуальности в настоящее время, и продолжая традиции, заложенные еще И.С.Тургеневым в «Записках охотника», И.А.Буниним в «Кратких рассказах» и др. известными авторами.

Жанр миниатюры актуализируется в современном коммуникативном пространстве и становится предметом филологических исследований. На материале миниатюр В.П.Астафьева «Затеси» рассмотрены особенности репрезентации концептов «любовь» и «боль», отмечается значимость и вариативность их концептуализации в структуре текста [12]. Изучению специфики литературной миниатюры на материале сборника «Закорючки» П.Мамонова посвящено исследование А.В.Кубасова, который отмечает в миниатюрах П.Мамонова, прежде всего, взаимодействие различных типов дискурса: бытового, религиозного, художественного и публицистического, «единство авторской онтологии и аксиологии», описывает основные принципы миниатюр («внутренняя диалогичность, аллюзивность, сочетаемость первичных речевых жанров со вторичными литературами») [4, с. 23]. Анализируя особенности современной миниатюры, Н.В.Малинина обращается к циклу «Игра в классики» современной писательницы С.Мосовой [7]. По мнению Е.Ю.Ходиной, малоизученным жанром в настоящее время является «креолизованная прозаическая миниатюра для детей». На примере миниатюр А.Гиваргизова исследователем было установлено, что невербальные компоненты (иллюстрации) создают эффект образности и выполняют ассоциативную функцию в тексте [13, с. 123, 128].

Жанр миниатюры имеет большой потенциал как в современной текстовой коммуникации, так и в виртуальном дискурсе. Он активно используется авторами текстов в интернет-коммуникации, чему посвящены исследования лирической миниатюры А.А.Плотниковой с позиций когнитивной лингвистики [10, с.11]. Ранее нами были проанализированы тексты-миниатюры цикла «Крохотки» А.И.Солженицына, в которых были выявлены функционально-семантический потенциал текстовых пейзажных единиц как маркёров русской культуры [6]. Таким образом, приведенные выше и другие многочисленные научные работы свидетельствуют о разнообразии подходов к изучению текста

малой формы, актуальности выбранной темы и эмпирического материала для изучения.

Текст-миниатюра определяется как «произведение малой формы», которое «концентрирует внимание на образе, событии действительности, которое привлекло особое внимание автора, став предметом обобщающих размышлений»; имеет традиционно двучастную структуру, «вторая, аналитическая часть может быть в большей или меньшей степени выражена непосредственно, чаще – имплицитно» [7, с.144]. Преобладающим композиционным элементом миниатюры является «кульминация, усиленная авторской экспрессией и доминирующим образом автора, сливающимся чаще всего с повествователем» [1, с.10].

Цикл произведений «Мгновения» Ю.Бондарева представляет собой лирико-философские размышления на важные для каждого человека «вечные темы» [3]. Обращение к изучению этого языкового материала перспективно в силу тяготения современной текстовой коммуникации к кратким формам как в процессах передачи информации, так и ее восприятия современным читателем. Как справедливо отмечает В.Ю.Баймиева, «в миниатюрах жизнь может предстать как миг, миг как интенсивный сгусток и миг как длящееся мгновение, миг, который трагичен, потому что конечна человеческая жизнь. При этом авторы могут расширять миг до вечности» [1, с.10].

Для исследования были выбраны тексты-миниатюры цикла «Мгновения» Ю.Бондарева, в структуре которых есть пейзажная единица, так как описание природных явлений многие авторы выбирают в своих произведениях фоном для философских размышлений лирического героя. Понятие «текстовые пейзажные единицы» было определено нами в рамках разработки концепции пейзажной картины мира в системе русской языковой культуры. Это «один из элементов системы текстовых единиц, которые характеризуются тематическим единством и наличием пейзажной семантики и отражают представления человека о природе как об окружающем его мире» [5, с.13]. Согласно разработанной классификации моделей текстовых пейзажных единиц выделенные фрагменты текста в миниатюрах цикла «Мгновения» Ю.Бондарева относятся к текстовым пейзажным единицам с философской семантикой. В условиях контекста философская семантика является приращенной. Важную роль в данном процессе играют различные грамматические средства. Они шифруют смыслы, которые реализуются в текст-миниатюре, обеспечивая его полноценное восприятие читателем. Особое индивидуально-авторское выстраивание языковых средств позволяет реализовать авторский замысел в полном объеме и донести его до читателя: «от исходной оценки информации о природе (существительные), оценки эстетического характера природных явлений (прилагательные), пространственно-временных ориентиров (наречия) до философско-психологического содержания и дополнительного развития семантики цвета (все грамматические классы слов, за исключением числительных) в единстве преобразования структурной организации (простое и сложное предложения, сложное синтаксическое целое, абзац, период, текст)» [5, с.7]. Нестандартные индивидуально-авторские единицы с пейзажной семантикой, используемые в тексте, оказывают влияние на поэтизацию единиц

текста, приобретают эстетическое значение. По мнению Н.С.Болотновой, соотношение формы и содержания текста проявляется в процессе моделирование художественного мира произведения на основе культурного тезауруса автора, его социального и языкового опыта и «читательского диалога с текстом, автором, миром действительности» [2, с.67-68].

Рассмотрим миниатюру Ю.Бондарева «Непостижимое» [3, с.24]. Лексема в названии миниатюры трактуется в Большом толковом словаре как: 1) «недоступный пониманию, непонятный, необъяснимый»; 2) «чрезвычайно большой по силе, степени проявления» [8]. Данная семантика раскрывается в миниатюре в структуре сложного синтаксического целого, которое условно по семантическому признаку можно разделить на две части, первая из которых представляет собой текстовую пейзажную единицу, в которой с помощью глаголов, глагольных форм (выхожу, вижу, вдыхаю), субстантивов (птицы, сад, солнце, земля, лето, георгины, флоксы и др.) автор визуализирует картину природы:

Всякий раз в утренние часы, когда я выхожу в опустевший, покинутый птицами дачный сад и когда вижу на траве сквозные лучи низкого солнца, вдыхаю уже северную влагу земли от поредевших клумб, где в конце лета распустились георгины и флоксы, предвестники зябких поздних зорь,... [3, с. 24].

Во второй части автор делится с читателем своими размышлениями, эмоциями, используя глаголы охватывает, не покидает, должен увидеть:

<...> то меня охватывает тревога предупредительного звонка на вокзале моей жизни и не покидает сознание, что где-то есть обетованные края, туманы морских побережий, незнакомые улицы чужих городов, пестрые витрины на набережных, которые я должен обязательно увидеть [3, с. 24].

И завершается текст риторическим вопросом-размышлением, раскрывающим семантику заголовочного компонента «Непостижимое»:

Почему в сентябрьскую пору я чувствую желание ехать куда-то в поисках неизведанных эдемских земель? [3, с. 24]. Семантика неопределённости подчеркивается соответствующими наречиями где-то, куда-то. Обращает на себя внимание также индивидуально-авторская метафора тревога предупредительного звонка на вокзале моей жизни.

Если в предыдущем тексте грамматические формы помогают автору передать положительные эмоции о постижении чего-то нового и неизведанного, то миниатюра «Неистовство» [3, с.9] имеет отрицательные коннотации, зашифрованные в выбранных автором грамматических формах. Так, в словаре С.А.Кузнецова лексема неистовство имеет два значения: первое из которых имеет помету книжное: «Необузданное проявление какого-л. чувства, крайне возбуждённое состояние; исступление», а второе – «исступлённая жестокость, зверство» [8]. Финальные части двух миниатюр аналогичны по своей структуре и представляют собой в обоих случаях вопросительное предложение-размышление. Второй текст «Неистовство» заканчивается вопросом-размышлением о проявлении неистовства в обществе людей, проекцией на современные отношения в социуме:

Не напоминает ли все это человеческое общество, которое в непредугаданном общем взрыве может дойти до крайнего неистовства? [3, с.9]. Ему предшествует описание морской стихии, ключевую роль в котором играют глагольные формы, передающие динамику природной картины, звуковые эффекты: гремело, било, взрывалось, обдавая, взлетали, опадала, катилась, обрушиваясь, вспыхивала, извивающейся, сотрясая, ревела, взлетала, раскачивало, бросало, выкинуло и др.

Условно выделяемая по семантическому признаку вторая часть миниатюры, где автор уже говорит о своих противоречивых ощущениях, переживаниях, поддерживает семантику неистовства:

<...> и я, продрогнув на сатанинском ветру, кутаясь в плащ, шел в хлопаящих ботинках, шел один, наслаждаясь штормом, грохотом, залпами гигантских разрывов, звоном стекол разбитых фонарей, солью брызг на губах, в то же время чувствуя, что происходит какое-то апокалипсическое таинство гнева природы, с неверием помня, что еще вчера была лунная ночь, море спало, не дышало, было плоско как стекло [3, с.9].

Особенно следует отметить текст-миниатюру «Степь», имеющую не частотную для мини-текстов форму диалогического единства, построенного на противопоставлении впечатлений разных людей о степи. В первой реплике ключевые слова выражены существительными (закаты, рассветы, тишина, полынь, запах, звезды, ветер, тюльпаны-красавцы, восход):

– Степь? Это закаты, рассветы, тишина без конца и края... А полынь! Вы когда-нибудь вдыхали запах полыни? А летние или осенние ночи с миллионами километров звезд над головой! А на зорьке, ежели еще по древнему обычаю верхом, когда от трав парным молоком пахнет, когда дорога звенит под копытами вашего дружка-коня, тогда лучшего ничего в мире нет, это уж запредельное чувство! А ветер в лицо, а тюльпаны-красавцы охорашиваются перед восходом: умылись, и росу стряхивают, выпрямляются и кивают, и улыбаются вам и зорьке. Вы, кажется, не верите? А вы поверьте. Я прожил в степи половину жизни [3, с. 55].

Данное описание по своей эмоционально-оценочной составляющей отсылает нас к описанию чеховской бескрайней степи, например:

Широкие тени ходят по равнине, как облака по небу, а в непонятной дали, если долго всматриваться в нее, высятся и громоздятся друг на друга туманные, причудливые образы. Немножко жутко. А взглянешь на бледно-зеленое, усыпанное звездами небо, на котором ни облачка, ни пятна, и поймешь, почему теплый воздух недвижим, почему природа настороже и боится шевельнуться: ей жутко и жаль потерять хоть одно мгновение жизни. О необъятной глубине и безграничности неба можно судить только на море, да в степи ночью, когда светит луна. Оно страшно, красиво и ласково, глядит томно и манит к себе, а от ласки его кружится голова [14, с. 346].

Далее реплики диалога передают противоположные впечатления о степи, экспрессивно-эмоциональную оценку собеседников:

– А я помню другую степь – мокрую, неуютную...

- Она такой не бывает, простите...
- Помню еще: в степи от лунного света стояли сумерки. Мне было скучно.
- Скучно? Простите. Я, видимо, не понял – о чем вы?.. [3, с.55].

Обращает на себя внимание лексический повтор слова простите. Автор как бы извиняется за то, что он видит и чувствует красоту и непостижимость степного пространства, которое никого не оставляет равнодушным, которое для русского человека стало символом свободы и широты души, культурным маркером. На наш взгляд, для выражения семантики анализируемого текста-миниатюры будет уместно вспомнить широко известный фразеологизм «красота в глазах смотрящего» о разнице мировосприятия разных людей. Об этом неявно говорит своему читателю Ю.Бондарев в необычной для текста-миниатюры форме диалога, обращаясь к фоновым знаниям читателя, вводит элементы прецедентного текста (чеховская степь).

Философскими размышлениями о детстве делится со своими читателями Ю.Бондарев в миниатюре «Звезда детства» [3, с.16], имеющей традиционную двучастную структуру. Грамматически свернутая пейзажная единица звезда в заголовочном компоненте в сочетании с лексемой детство приобретает коннотативное значение. Текст начинается с пейзажной единицы локального характера, которая представляет собой сложное синтаксическое целое. В нем описание безмятежного звёздного неба над спящей деревней вторично, а все внимание автора обращено к одной звезде, зеленой, по-летнему нежной:

Серебристые поля сверкали над спящей деревней, и одна из звезд, зеленая, по-летнему нежная, особенно добро мерцала мне из глубин Галактики, из запретельных высот, двигалась за мной, когда я шагал по пыльной ночной дороге, стояла меж деревьев, когда я остановился на опушке березняка, под тихой листвою, и смотрела на меня, лучась родственно, ласково из-за черной крыши, когда я дошел до дома [3, с. 16].

Вторая часть миниатюры состоит из риторического восклицания и риторических вопросов:

Вот она, – думал я, – эта моя звезда, теплая, участливая, звезда моего детства! Когда я видел ее? Где? И может быть, я обязан ей всем, что есть во мне хорошего, чистого? И может быть, на этой звезде будет последняя моя юдоль, где примут меня с тою же родственностью, которую я ощущаю сейчас в ее добром, успокоительном мерцании?

Не было ли это общение с космосом, что до сих пор все-таки пугающе непонятен и прекрасен, как таинственные сны детства?! [3, с.16].

Автор использует словосочетание с инверсией последняя моя юдоль (юдоль – «место, где страдают, мучаются, терпят нужду») [15], используя в сильной текстовой позиции прилагательное последняя. Звезда детства как что-то недостижимое для автора, время, в которое человек не может вернуться, но о котором он сохраняет теплые воспоминания, которые передаются в тексте при помощи особым образом организованных индивидуально-авторских единиц с прилагательными (доброе, успокоительное мерцание; таинственные сны детства; теплая, участливая звезда детства и др.).

В миниатюре с неожиданным по сочетаемости лексем названием «Лес и проза» [3, с.97] Ю.Бондарев рассуждает о предназначении писательского труда, которое раскрывается перед читателем только в кульминации миниатюры. Текст начинается с пейзажной единицы, структурно представляющей собой сложно-подчиненное предложение с придаточным условным. Его можно, на наш взгляд, условно разделить на две смысловые части:

(лес) Если в летнем лесу человек способен испытывать очарование зелени, солнечных светотеней,

(проза) то он не замечает корявых веток под ногами, пней, безобразного сушняка в чаще [3, с.97].

И далее следует кульминация миниатюры, которая, с одной стороны, объясняет смысл заголовочного компонента «Лес и проза», а с другой, – «провоцирует» читателя на дальнейшие размышления о высоком предназначении прозы, которую он называет «мудрой», «которую следовало бы назвать добрым судьей, приведенным к присяге самой жизни» [3, с.97].

Особую группу миниатюр составляют тексты-воспоминания о военном времени, которые также имеют двучастную структуру и в которых пейзажные единицы являются основной противопоставления мирного и военного времени. Например, в тексте «Осенью» смысл заглавия раскрывается на протяжении всего текста: осень в мирное время, и осень во время войны, что может стать темой дальнейших исследований.

Таким образом, жанр миниатюры имеет большой исследовательский потенциал в современной текстовой коммуникации и виртуальном дискурсе. Наблюдения за явлениями природы помогают многим авторам найти ответы на вопросы, связанные с духовностью, нравственностью, моралью, транслировать читателю свое отношение к различным жизненным реалиям, передавать свое мироощущение, мировосприятие. Впервые на материале текста-миниатюры проанализированы грамматические и семантические особенности пейзажных единиц как особого элемента в структуре миниатюр Ю. Бондарева, имеющего ярко выраженный антропоцентрический характер. Мини-тексты имеют различную синтаксическую структуру (сложное синтаксическое целое, вопросительные предложения, диалоговая форма), в которой в зависимости от авторской установки используются слова практически всех частей речи. Грамматические средства шифруют смыслы, которые реализуются в тексте-миниатюре. Особое индивидуально-авторское выстраивание языковых средств позволяет реализовать авторский замысел в полном объеме и донести его до читателя.

Литература

1. Баймиева В.Ю. Жанр миниатюры в русской литературе XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9(63): в 3-х ч. Ч.3. – С.10-12.
2. Болотнова Н.С. Использование эксперимента в исследованиях по коммуникативной стилистике текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2010. – Вып. 6 (96). – С.33-38.
3. Бондарев Ю.В. Мгновения. Рассказы. – М.: ИТРК, 2014. – 480 с.

4. Кубасов А.В. Принципы текстообразования литературной миниатюры: «Закорючки» Петра Мамонова // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. – 2020. – №1. – С.23-40.
5. Левина В.Н. Пейзажная картина мира в системе русской языковой культуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Левина Вера Николаевна. – Тамбов, 2013. – 45 с.
6. Левина В.Н. Функционально-семантические модели текстовых пейзажных единиц как маркёры русской культуры (на материале цикла «Крохотки» А.И. Солженицына) // Л.Н.Толстой и А.И.Солженицын: диалоги в непрошедшем времени: материалы Всероссийской научной конференции. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. – С.236-240.
7. Малинина Н.В. Разговорная речь в художественном тексте: современная русская миниатюра (жанр миниатюры в современной русской литературе) // Филология и человек. – 2014. – №4. – С.143-150.
8. Неистовство. Большой толковый словарь / гл. ред. С.А.Кузнецов. – 1-е изд. [Электронный ресурс] // ГРАМОТА.РУ – СПб.: Норинт, 1998. – Режим доступа: <https://goo.su/7bAA3Yw> (дата обращения: 15.09.2023).
9. Непостижимое. Большой толковый словарь / гл. ред. С.А.Кузнецов. – 1-е изд. [Электронный ресурс] // ГРАМОТА.РУ – СПб.: Норинт, 1998. – Режим доступа: <https://goo.su/G7Sc> (дата обращения: 15.09.2023).
10. Плотникова А.А. Метаязыковой аспект жанра лирической миниатюры в интернете (на примере признака объема текста) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – №4 (52). – Т.4. – С.91-94.
11. Плотникова А.А. Объем текста лирической интернет-миниатюры как ключевой признак жанра // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – №354. – С.23-26.
12. Тюкова И.Н. Концептуальная пара «ЛЮБОВЬ» – «БОЛЬ» в лирических миниатюрах «Затеси» В.П.Астафьева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – Вып. 6 (96). – С.64-67.
13. Ходина Е.Ю. Прозаические миниатюры А.Гиваргизова из книги «Переход»: опыт анализа креолизованного текста [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2023. – Вып. 1 (225). – С.123-131. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-123-131>
14. Чехов А.П. Степь. 1888 // Чехов А.П. Собр. соч.: в 12 т. Т.6. – М., 1985. – С.346-348.
15. Юдоль. Большой толковый словарь / гл. ред. С.А.Кузнецов. – 1-е изд. [Электронный ресурс] // ГРАМОТА.РУ – СПб.: Норинт, 1998. – Режим доступа: <https://goo.su/aTF7Rck> (дата обращения 15.09.2023).

GRAMMAR'S ROLE IN REVEALING THE MEANING POTENTIAL OF A MINIATURE TEXT

Bragina Marina Alexandrovna

Candidate of philology,
associate professor of the chair of Russian language №1
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 495 787 38 03 доб. 15 13
bragina-ma@rudn.ru

Levina Vera Nikolayevna

Doctor of philology, associate professor.
professor of the chair of Russian language №1
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434 00 01 доб. 15 86
levina-vn@rudn.ru

Maigeldiyeva Zhannat Musabekovna

Candidate of philology,
associate professor of the chair of Russian language and literature
Humanitarian and pedagogical Institute
Korkyt Ata Kyzylorda university
Republic of Kazakhstan, Kyzylorda, Aiteke bi 29A
Ph.: +7242 26 27 14
jmussabek@mail.ru

Miniature text is a popular literary form in Russian prose of the XX-XXI centuries. (V.Astafiev, M.Prishvin, A.Solzhenitsyn, etc.). The series of works "Moments" by Yu. Bondarev represents lyrical and philosophical reflections on eternal themes that are important to every person. Addressing this linguistic material is promising due to the tendency of modern textual communication towards short forms in both the processes of transmitting information and its perception by the modern reader. Texts that had a landscape unit in their structure were selected for analysis. Nature is the background for the lyrical hero's reflections. The landscape unit acquires an incremental philosophical semantics. Various grammatical means play an important role in this process. They encrypt the meanings that are realized in the miniature text. The author's special individual construction of linguistic means allows the author's intention to be realized in full and conveyed to the reader. For the first time, using the material of a miniature text, the grammatical and semantic features of landscape units are analyzed as a special element in the structure of Yu. Bondarev's miniatures, which have a pronounced anthropocentric character. Minitexts have a different syntactic structure (complex syntactic whole, interrogative sentences, dialogue form).

Keywords: grammatical means; text semantics; miniature text; landscape unit.

НАҚШИ ВОСИТАҶОИ ГРАММАТИКӢ ДАР КУШОДАНИ НЕРӢИ МАӢНОИИ МАТНИ МИНИАТӢУРА

Брагина Марина Александровна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
мудири кафедраи забони русии №1
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 495 787 38 03 доб. 15 13
bragina-ma@rudn.ru

Левина Вера Николаевна

Доктори илмҳои филологӣ, дотсент,
профессори кафедраи забони русии №1
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01 доб. 15 86
levina-vn@rudn.ru

Майгелдиева Жанат Мусабековна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
дотсенти кафедраи забон ва адабиёти русии
Институти гуманитарӣ-педагогӣ
Донишгоҳи Қизилӯрда ба номи Қорқит Ота
Чумхурии Қазоқистон, Қизилӯрда, Айтеке Би, 29А
Тел.: +7242 26 27 14
jmussabek@mail.ru

Матни миниатюри дар насли асрҳои ХХ-ХХІ адабиёти рус (В.Астафев, М.Пришвин, А.Солженицин ва ғ.) шакли хеле серталабот мебошад. Силсилаи асарҳои «Мгновения» (Лаҳзаҳо)-и Ю.Бондарев дорои ақидаҳои ғиноӣ-фалсафӣ дар мавзӯҳои барои ҳар як инсон «абадӣ» ҳастанд. Мурочиат ба ин мавод забонӣ бинобар сабаби тамоюли муоширати муосири матнӣ нисбат ба шаклҳои кӯтоҳ, ҳам дар равандҳои интиқолдиҳии маълумот ва ҳам дар раванди қабули он аз ҷониби хонандаи муосир хеле мубрам аст. Табиат барои ибрази ақидаҳои қаҳрамони ғиноӣ ҳамчун замина хизмат мекунад, аз ин хотир барои таҳлил матнҳои интиқоб карда шуданд, ки дар сохтори онҳо воҳиди манзаравӣ вучуд дорад, ки он дорои маъноӣ ҳосил кардашудаи фалсафӣ мебошад. Дар ин раванд воситаҳои гуногуни грамматикӣ нақши муҳим мебозанд. Онҳо маъноҳоро, ки дар матни миниатюри татбиқ мешаванд, рамзбандӣ мекунад. Сохтори махсуси инфиродӣ-муаллифии воситаҳои забонӣ барои пурра татбиқ намудани нақшаи муаллиф ва ба самъи хонанда расонидани он мусоидат мекунад. Бори нахуст дар мавод матни миниатюри ҳу-

сусиятҳои грамматикӣ ва маъноии воҳиди манзаравӣ ҳамчун унсури махсус дар сохтори миниатюраҳои Ю.Бондарев, ки дорои хусусияти барҷастаи антропомарказӣ мебошанд, бо таҳлили ҳамачониба фаро гирифта шудаанд. Мини-матнҳо сохтори гуногуни наҳвӣ доранд (бутунии мураккаби синтаксисӣ, ҷумлаҳои саволӣ, шакли муколама).

Калидвожаҳо: воситаҳои грамматикӣ; маъноии матн; матни миниатюрӣ; воҳиди манзаравӣ.

УДК 81'367.7

**РУССКИЕ И ТАДЖИКСКИЕ МЕСТОИМЕННЫЕ НАРЕЧИЯ С
ПРОСТРАНСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ КАК РЕЧЕВОЕ СРЕДСТВО
УСИЛЕНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В РАССКАЗАХ Ф.КРИВИНА
(СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРИГИНАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ И ИХ
ПЕРЕВОДОВ НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК)**

Салоев Азиз Тошмуродович

Кандидат филологических наук,
декан факультета русской филологии, журналистики и медиатехнологий
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 98 541 54 23 (м.)
saloev_aziz@mail.ru

Куновски Марина Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка №2
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 916 373 82 61 (м.)
kunovski-mn@rudn.ru

Калинина Юлия Михайловна

Кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой русского языка №4
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 919 990 16 30 (м.)
kalinina-yum@rudn.ru

Статья посвящена анализу создания комического эффекта в тексте при помощи различных языковых средств, создающих комический эффект, а также лингвистических элементов, усиливающих юмористический смысл и акцентирующих внимание читателей на заложенной автором бисоциации.

Актуальность выбранной авторами тематики определяется сложностью способов передачи юмористического содержания приёмами языка и её недостаточной изученностью. Данное исследование ставит своей целью провести анализ использования местоименных наречий в рассказах современного российского писателя Ф.Кривина для достижения или усиления комического эффекта и определить, сохраняется ли этот эффект при переводе с русского языка на таджикский.

Научная новизна работы заключается в том, что в данной статье впервые проводится анализ использования языковых средств для создания комического эффекта в языковой паре русский язык/таджикский язык на материале современной российской прозы.

Выводы авторов исследования опираются на сравнительный анализ языкового материала в обоих языках и заключаются в том, что комический эффект, созданный различными языковыми средствами и бисоциацией, во многом усиливается благодаря использованию местоименных наречий и сохраняется при переводе оригинальных текстов с русского языка на таджикский язык.

Ключевые слова: категория комического; языковые средства; бисоциация; художественный текст; русский язык; таджикский язык; местоименные наречия.

Введение

Комическое остается до настоящего времени одной из сложнейших и недостаточно изученных проблем. Категория комического относится к числу актуальных вопросов современного гуманитарного знания. Специалисты в области философии, эстетики и филологии неоднократно предпринимали попытки классифицировать это явление, первые его описания встречаются ещё в работах древнегреческих мыслителей Платона и Аристотеля.

Юмор – особый вид комического – признается исследователями как отдельное явление в литературе [4]. По мнению Е.Е.Семеновой, именно лингвистика внесла весомый вклад в изучение юмора, фокусируя внимание на семантическом, семиотическом, текстовом, психолингвистическом и когнитивном его аспектах. Среди исследований юмора в современной лингвистической науке особый интерес представляют когнитивные теории юмора, объясняющие механизмы его возникновения с использованием отдельных понятий когнитивной лингвистики (схемы, фреймы и т. д.) [8].

И.С.Мартыненко отмечает, что изучение юмора в лингвистике находится в плоскости рассмотрения отдельных аспектов юмористических текстов и, в частности, языковых средств, используемых для создания юмористического эффекта. Исследования процесса интерпретации шутки требуют комплексного подхода, в частности применения когнитивно-семантических теорий [6]. Когнитивные способности человека позволяют воспринимать и создавать комическое, опираясь на воспоминания, ассоциации, восприятие метазначений. Одной из работ, посвященных когнитивному исследованию юмора, является монография «The Act of Creation» британского писателя и журналиста Артура Кестлера, в которой автор, описывая процесс создания творческого продукта, вводит понятие «бисоциации» – «неожиданного столкновения в акте творчества двух совершенно различных «матриц» (ситуаций, планов), которые представляют одно и то же явление, но относятся к разным (далеким друг от друга) областям человеческих знаний или опыта» [11, с.311].

Подобная мысль подтверждается в других исследованиях, посвященных категории комического в языке в целом и в художественной литературе в частности: например, «творческая практика великих писателей разных эпох доказывает, что необычайные, ненормативные, нестандартные явления становятся основой для создания комического эффекта и юмористического осмысления художественного текста» [5, с.85].

Интерес исследователей вызывает реконструкция ментальных процессов, скрытых от непосредственного наблюдения, позволяя понять, как рождается юмористический смысл. С.Ф.Плясунова в одной из своих работ отмечает, что «в основе юмористических текстов лежит противоречие между общепринятым знанием (исходной концептуальной структурой) и новым знанием (результатирующим фреймом, сценарием). В юмористических текстах происходит переосмысление сложившегося знания и создание нового» [7, с.89].

Генерирование и трансляция юмористического смысла, по мнению О.Р.Галиуллиной, представляет собой ментальный процесс концептуального моделирования, при котором происходит осмысление содержательных структур текста, на стыке которых создается юмористический эффект: одна содержит общеизвестное знание, вторая – новое, отличное от данного [3, с.162].

В русле новой парадигмы гуманитарного знания с его ориентацией на интеграцию достижений этнопсихологии, лингвокультурологии, семантики, когнитивной лингвистики и на разработку комплексного подхода к проблематике комического особую роль играют исследования в области переводоведения. Сопоставительный анализ оригинального и переводного текста помогает выявить специфику категории комического и способов ее выражения в различных языках. Подобное сопоставление также решает вопрос достижения эквивалентности в восприятии комического в разных культурах [10].

Е.С.Абаева, занимающаяся исследованиями в области передачи юмористического эффекта при переводе, отмечает, что, несмотря на разнообразие исследований, посвященных феномену юмора в целом, работы по переводу не столь многочисленны. Исследования сопоставительного характера с привлечением текста оригинала и текста перевода имеют большую ценность как с теоретической, так и с практической стороны [1]. Особое место в исследованиях проявления комического в разных языках и переноса комического эффекта при переводе занимают работы, посвященные фразеологическим единицам. Отличительной особенностью фразеологических единиц является то, что чаще всего они используются (встречаются) в переносном смысле. По мнению таджикских исследователей, фразеологические единицы таджикского языка обладают превосходной степенью абстрактности. В силу их образной эмоциональности возникают определенные сложности с их переводом на другой язык [9].

Интерес к сохранению и передаче юмористического эффекта при переводе исследователи объясняют рядом факторов, среди которых увеличение объема переводной литературы и вовлеченность современного читателя в инокультуру вследствие глобализации, что влечет, с одной стороны, возрастание требований к

качеству перевода, а с другой стороны, исследовательский интерес к процессу передачи юмористического эффекта при переводе художественных текстов [2].

Е.С.Абаева отмечает, что обозначенная проблематика передачи юмористического эффекта при переводе является актуальной на протяжении нескольких десятилетий. Передача юмористического эффекта при переводе считается сложной задачей, что особенно актуально применительно к художественному тексту в силу необходимости сохранения эстетического восприятия, для которого юмористический эффект играет важную роль [2].

Авторы в представленном исследовании ставили перед собой цель провести анализ использования местоименных наречий в рассказах современного российского писателя Ф.Кривина для достижения или усиления комического эффекта, и установить, сохраняется ли этот эффект при переводе с русского языка на таджикский.

Интересным, на наш взгляд, представляется анализ использования языковых средств для создания комического эффекта в языковой паре русский язык/таджикский язык на материале современной российской прозы.

Основные результаты

Созданию комического эффекта в тексте способствуют различные языковые средства: стилистически окрашенная и иноязычная лексика, фразеологизмы, паронимы, средства художественной выразительности, морфемы и разнообразные синтаксические конструкции. Однако помимо языковых средств, создающих непосредственно комический эффект, в художественных текстах используются лингвистические элементы, которые усиливают юмористический смысл, акцентируют внимание читателей на заложенной автором бисоциации. К числу таких речевых средств усиления комического эффекта можно отнести местоименные наречия с пространственным значением. Рассмотрим реализацию этих языковых элементов в рассказах современного российского писателя Ф.Кривина и проанализируем, какой комический эффект достигается/усиливается с их помощью, а также насколько он сохраняется благодаря местоименным наречиям при переводе с русского языка на таджикский.

Местоименные наречия с пространственным значением в русском и таджикском языках можно разделить на несколько подгрупп в зависимости от семантических оттенков. Так, например, по **общей характеристике места** местоименные наречия бывают:

1. определенно-указательные (*здесь – ин чо, туда – ба он чо, оттуда – аз он чо, сюда – ба ин чо, там – он чо, тут – ин чо* и др.);

2. неопределенно-указательные (*где-либо – дар чое, где-нибудь – дар ягон чо (кучое), где-то – дар кучое, откуда-нибудь – аз ягон чо, куда-нибудь – ба ягон чо* и др.);

3. обобщенно-указательные (*всюду – дар ҳама чо, везде – дар ҳар чо, повсюду – дар ҳар тараф, отовсюду – аз ҳама тараф* и др.).

По **отношению места к событию, действию, движению** в русском и таджикском языках выделяются местоименные наречия, указывающие:

1. место события, действия (*там – он чо, здесь – ин чо, тут – ин чо, всюду, везде – дар ҳама чо* и др.);

2. место и способ направления движения (*туда – ба он чо, куда – ба кучо, куда-то – ба кучое, сюда – ба ин чо*);

3. место как исходный пункт движения (*кое-откуда – ба ким-кучо, откуда – аз кучо, оттуда – аз он чо, отсюда – аз ин чо* и др.);

4. место как конечный пункт движения (*докуда – то кучо, досюда – то ин чо, дотуда – то он чо, нидокуда – ба ҳеч чо* и т. д.).

По **статичности** / **динамичности** пространственных отношений местоименные наречия в русском и таджикском языках делятся на две группы:

1. локально-указательные (*тут же, здесь – дар ин чо, там – дар он чо, везде – дар ҳама чо, кое-где – дар ким-кучое* и т.д.);

2. директивно-указательные (*куда – ба кучо, откуда – аз кучо, отсюда – аз ин чо, отовсюду – аз ҳама чо, туда – ба он чо* и т.д.)

По **«поляности»** пространственных отношений местоименные наречия в сопоставляемых нами языках тоже представлены двумя группами:

1. положительно-указательные (*где – дар кучо, куда – ба кучо, откуда – аз кучо, докуда – то кучо* и др.);

2. отрицательно-указательные (*нигде – дар ҳеч кучо, никуда – ба ҳеч кучо, ниоткуда – аз ҳеч чо, нидокуда – то ҳеч чо* и др.).

Покажем, как реализуются некоторые местоименные наречия в рассказах Ф. Кривина и какой комический эффект они усиливают. Например, достаточно часто в произведениях автора встречается определенно-указательное наречие, определяющее место события/действия, локально-указательное наречие «здесь»:

1. – *Замерзнет, небось, человек, – беспокоился Хлястик. – Руки, ноги, плечи поотмораживает. За поясницу-то я спокоен, здесь я лично присутствую. А как на других участках? («Хлястик») – Эҳтимол, инсон (одам), хунук хӯрад, - хавотир буд Хлястик. – Дастон, пойҳо, шонаҳояширо сармо мезананд. Аз миён хавотир нестам, **ин чо** ман шахсан ҳузур дорам. Лек дигар қисмҳои баданаи чӣ? («Хлястик»);*

2. *Остановилась Лужица посреди дороги и ждет, чтоб на нее обратили внимание. Прежде всего ее, конечно, нанесут на карту. Лужица будет выглядеть на карте неплохо – у нее такие ровные берега! Вот здесь, на этом берегу, наверно, построят санаторий. На том берегу – порт или еще что-нибудь («Мечта»);*

– *Кӯлмакчае дар байни роҳ ҷойгир шуда буд ва интизори он буд, ки ба ӯ диққат диҳанд. Пеш аз ҳама, албатта, онро ба харита чо мекунанд. Кӯлмакча дар харита хуб менамояд – соҳилҳояи чи хел ҳамворанд! Мана, **ин чо**, дар ин сӯи соҳил, шояд, шифохона бунёд намоянд. Дар дигар канори соҳил бандаргоҳ ё ягон чизи дигар месозанд («Орзу»);*

3. – *Подумать только, какие безобразия в мире творятся! – возмущается под прилавком Авторучка. – Я один день здесь побывала, а уже чего не увидела! Но подождите, я напишу, я обо всем напишу правду! («Житейская мудрость»)*

– *Як фикр кунед , ки дар дунё чи хел бетартибиҳо ба амал меоянд ! – ба газаб омада мегуфт қалами худнавис дар зери пешдӯкон. – Ман ин ҷо ҳамагӣ як рӯз будам, вале чизҳоеро мушҳида намудам. Ҳоло истед, ман менависам, ман дар бораи ҳама ҳақиқатро рӯйи қоғаз меорам!* («Ҳикмати ҳаёт»).

В каждом из приведенных примеров, как в русском, так и в таджикском языках, местоименное наречие «здесь – **ин ҷо**» подчеркивает конкретность и, как понятно из сюжета рассказов, уость места, о котором идет речь, однако планы, мечты и амбиции персонажей произведений велики (хлястик уверен, что благодаря ему поясница человека защищена от холода; лужица мечтает, как на ее берегах построят здания; а авторучка собирается рассказать всему миру о невероятных безобразиях, которые она видела, находясь под столом!), и контраст между низкой значимостью положения предметов и их грандиозными желаниями создает эффект бисоциации, на котором основан комизм рассказов.

Следующее наречие относится к определенно-указательным/директивно-указательным и указывает на место и способ направления движения – это местоименное наречие «туда – **он ҷо**»:

1. (Хомяк, шубный мастер, взял у Ежа займы иголку, чтобы дошить шубу, и пришел отдать иглу в тот момент, когда Еж спал). *«Не стану его будить, – думает Хомяк. – Воткну ему иголку на место, чтоб зря не беспокоить, а поблагодарю в другой раз, при случае».*

Нашел на ежовой спине место посвободнее и сунул туда иглу. А Еж как подскочит! Не разобрался, конечно, со сна.

– *Спасите! – кричит. – Убили, зарезали!*

– *Не беспокойтесь, – вежливо говорит Хомяк. – Это я вам иголку вернул. Большое спасибо («Иголка в долг»).*

– (Миримӯшон, пӯстиндӯзи моъир, аз хорпушт сӯзан қарз мегирад, ки пӯстинро дӯхта ба итмом расонад. Вақте ки барои баргардонидани сӯзан меояд, хорпушт хоб буд) *«Аз хоб бедораи намекунам, – ба хулоса меояд Миримӯшон, – сӯзанро дар ҷои халонда мемоман, ки беҳуда нороҳаташ накунам, дар ҳолати муносиб миннатдорӣ худамро баён мекунам.*

Дар тахтапушти чайра ҷойи озодтарро ёфта, сӯзанро ба он ҷо мехалонад. Чайра аз ҷояи парида мехезад! Хоболуд, чизеро нафаҳмид:

– *Наҷот диҳед! – дод мезанад. – Кушитанд маро!*

– *Хавотир нашавед, – бо назокат мегӯяд Миримӯшон.*

– *Ин ман, сӯзанро ба шумо баргардондам. Ташаккури зиёд!* («Сӯзани қарзӣ»).

2. (Вещи взволнованы невероятным событием: молодая Пуговка «соединила свою жизнь» со старым Пиджаком. Строятся предположения, как такое могло случиться). *Конечно, потасканный Пиджак не смог бы сам, своим суконным языком уговорить Пуговку. Во всем виновата была Игла, старая сводня, у которой в этих делах большой опыт. Она только шмыг туда, шмыг сюда – от Пуговки к Пиджаку, от Пиджака к Пуговке, – и все готово, все шито-крыто («Сплетня о Пуговке»).*

– (Ашъёҳо аз ҳодисаи аз ақл берун (бовар накарданӣ) ба ҳаяҷон омадаанд: Тугмачи ҷавон умри худро бо Пичаки пир пайваस्ताаст. Фарзияе ба миён меоянд, ки ин ҳодиса чи хел рух дода бошад). Алҳақ (бешубҳа) Пичаки пажмурда (куҳна) бо забони моҳутии худ дили Тугмачаро ба даст оварда наметавонист. Гунаҳгори асосӣ Сӯзан буд, даллаи пир, ки дар ин гуна корҳо таҷрибаи бузург дорад. *Ҷ танҳо шиппас он ҷо, шиппас ин ҷо* – аз назди Тугмача ба сӯйи Пичак, аз назди Пичак ба сӯйи Тугмача, – мана тамом, кор ҳал («*Ғайбат дар бораи Тугмача*»).

В приведенных примерах благодаря наречию «туда – *он ҷо*» не только акцентируется внимание читателей на конкретном месте действия, но и подчеркивается динамичность этого действия, особенно во втором примере, где суетливые, челночные движения иглы описываются с помощью антонимичных наречий «туда – *он ҷо*» и «сюда – *ин ҷо*». И если в первом примере лексема «туда – *он ҷо*» коррелируется со словосочетанием «место посвободнее» и заставляет впечатлительных читателей с богатым воображением буквально почувствовать боль от укола иглой, а затем невольно улыбнуться вежливому ответу Хомяка «Не беспокойтесь» на вопли разбуженного Ежа, то во втором примере благодаря паре антонимов «туда – сюда, *он ҷо* – *ин ҷо*» мы представляем себе последовательные действия сводницы Иглы, которой удалось привязать молодую Пуговку к старому Пиджаку.

Комический эффект, включающий в себя элементы языковой игры, может достигаться также посредством мастерского включения в контекст неопределенно-указательного наречия со значением направления движения «куда-нибудь – *ба ягон ҷо*». Например:

Каин и Авель – будущие дети Адама – обсуждали какие-то свои проблемы.

– Куда путь держишь? – спросили они у будущего отца.

– Куда-нибудь... от греха подальше... («Ветхозаветное») –

Қобил ва Ҳобил – фарзандони ояндаи Одам ким-кадом мушкилоти худро муҳокима мекарданд.

– Шумо ба кучо меравед? – пурсон шуданд онҳо аз падари ояндаи худ.

– Ба ягон ҷо ... аз бало (гуноҳ) дуртар ... («Таврот»)

В данном примере неопределенно-абстрактное «куда-нибудь – *ба ягон ҷо*», подчеркивающее бесцельность путешествия героя рассказа, конкретизируется выражением «от греха подальше», которое может интерпретироваться в прямом значении (Адам стремится покинуть место, в котором много соблазнов, и избежать греха) или в переносном (фразеологизм «от греха подальше» имеет значение «отказываться от какого-либо дела, поступка, опасаясь нежелательных, опасных результатов» [12].

Неопределенность места начала движения, отсутствие наименования конкретного места также встречается в рассказах Ф.Кривина, причем одно и то же местоименное наречие «откуда – *аз кучо*», указывающее на место как исходный пункт движения, используется автором в разных целях. Например, в рассказе «Нечистая сила» это наречие нейтрально по характеру использования,

оно звучит в вопросе одного из бесов, которые хотят узнать маршрут праведника:

– Ноше вам почтение! – поклонился Бес Церемонный. – Позволено будет спросить: **откуда** путь держите?

– Из города. Бесов гонял.

– Эхтироми бепеёнамон ба шумо! – таъзим кард Дев. – Ичозат диҳед пурсон шавем: **аз кучо** омада истодаед?

– Аз шаҳр. Девонро мерондам.

Иначе воспринимается то же местоименное наречие в названии книги Ф.Кривина «**Откуда** пришла улица?» «**Куча** аз кучо омад?». В данной фразе нет явно выраженного комического смысла, однако сочетание лексем «прийти – **омадан**» и «улица – **куча**» уже создает в сознании читателей определенный диссонанс (хотя все мы понимаем, что улица в конкретной географической точке берет свое начало, а также часто употребляем в речи предложения типа «идти вдоль по улице», «прийти с улицы»), который усиливается вопросительным в данном случае наречием «откуда – **аз кучо**». Такое необычное сочетание слов вызывает любопытство у потенциальных читателей, мотивирует их к прочтению книги.

Обратимся еще к нескольким примерам использования местоименных наречий со значением направления движения в рассказах Ф.Кривина и сопоставим конструкции с положительно-указательными и отрицательно-указательными наречиями «куда – **ба кучо**», «куда ни – **ба кучое**» и «никуда» соответственно:

1. Адам стоял и не знал, **куда** податься. В прошлом была Ева, в прошлом была уютная райская жизнь. А что ждет его в будущем? («Божественные истории») – Одам истода буд ва **ба кучо** рафтанаширо намедонист. Дар гузашта Момаҳаво буд, дар гузашта ҳаёти боҳаловати бихишти буд. Дар оянда ўро чи интизор аст? («Ҳикоятҳои илоҳӣ»)

2. (Еноха Бог взял на небо живым, и герой тоскует по земле). Медленно поворачивается Енох. Ступит на тучку, вниз поглядит. Вздохнет, на другую ступит...

Надоело богу такое дело и стихнул он Еноха вниз. Не со зла, а так, с воспитательной целью. Шлепнулся Енох о землю – и опять на небо взлетел. На этот раз уже после смерти. Трепыхает крыльшками, носится взад-вперед, **куда ни** повернись – всюду он под руками.

– Ну вот, – ухмыляется бог, – так-то оно поживей будет! («Божественные истории») – (Енохро Худо зинда ба осмон мебарорад ва қаҳрамон аз ёди замин ғамгин мегардад). Енох оҳиста мегардад. Ба рӯйи абре по мегузорад, ба поён менигарад. Оҳ мекашаду ба абри дигар қадам мегузорад...

Аз ин ҳама Худо монда шуду Енохро ба поён ҳавола кард. На аз рӯйи қаҳру ғазаб, балки бо мақсади тарбия намудан. Енох ба замин заду боз ба осмон парвоз намуд. Ин дафъа пас аз марг. Пару бол мезанад, ба пеи, ба ақиб, ба кадом сӯе гардад, ҳама ҷо зери фармон (даст) аст.

– Мана, – писханд мезананд Худо, – ин хел ӯ зиндатар менамояд («Ҳикояҳои илоҳӣ»).

3. (Минотавр, который не может найти выход из лабиринта, обращается к богам с просьбой помочь ему. Боги спускаются с неба на землю, заходят в лабиринт и теряются в нем). *Куда ни ступали олимпийцы, всюду они натыкались на стену. И тогда боги растерялись, рассеялись по многочисленным ходам лабиринта. Теперь уже никто не думал о Минотавре – каждый думал о себе, как бы самому выбраться на волю.*

«Что такое счастье? – размышляли боги, впервые озаботившись земными проблемами. – Счастье – это выход из безвыходного положения...» («Ау, Минотавр!»).

– (Минотавр аз лабиринт роъи берун шуданро наёбад, аз худоён ёрӣ металабад. Худоён ба замин фаромада ба лабиринт мебароянд ва дар он роъгум мезананд) *Ба кучо, ки қадам мемонданд, олимпихо (аҳли Олимп), дар ҳамаи ҷо ба монетаҳо дучор шуда роҳ намеёфтанд. Ҳамин тавр худоён дар гузаргоҳҳои сершумори лабиринт парешону пароканда шуданд. Акнун касе дар бораи Минотавр фикр намекард – ҳар кас дар фикри худ буд, ки ба озодӣ барояд.*

«Хушбахтӣ чист? – дар фикр афтоданд худоён, бори аввал бо мушкилиҳои дунёи ҳастӣ рӯ ба рӯ шуда. – Хушбахтӣ он аз вазъияти илоҷнопазир роҳи раҳой ёфтанд. («Ҳей, Минотавр!»).

4. (Восьмой День Недели и Двадцать Пятый Час убеждают Календарь в бессмысленности измерять время днями и уговаривают взять их).

– Вас? – с сомнением посмотрел на них Календарь.

– Ну конечно, нас! – сказал Восьмой День Недели. – У нас бы время **никуда** не двигалось, на месте стояло. Ни четвергов, ни пятниц, ни суббот – живи, ни о чем не думай.

– И все время ночь, – подхватил Двадцать Пятый Час. – Спи себе, знай, похрапывай! («Потерянный день»)

– (Рӯзи Ҳаштуми Ҳафта ва Бисту Панҷумин Соати шабонарӯзӣ Тақвими бовар мекунанд, ки вақтро бо рӯзҳо шумурдан кори бефоида аст ва розӣ мекунанд, ки онҳоро ҳам ҳамроҳ кунанд).

– Шуморо? – бо шубҳо Тақвим ба онҳо нигариста.

– Бале, маро! – гуфт Рӯзи Ҳаштуми Ҳафта. – Дар ин ҳол вақти мо **ба ҳеч ҷо** намегузашт, дар ҷой меистод. На панҷшанбе, на чумъаву шанбе – рӯзатро гузарону фикри чизро макун.

– Тамоми вақт шаб, – давом дод Бисту Панҷумин Соат. – Чи қадаре хоҳи хоб кун! («Рӯзи гумшуда»)

В приведенных выше примерах наречие «куда – **ба кучо**» с усилительной частицей или без нее подчеркивает конкретизацию направления движения (в первом примере) и практически всеобъемлющий характер описываемой ситуации: вездесущности Еноха, порхающего в облике ангела по всему небу, во втором примере и безысходности в третьем примере – богов со всех сторон окружали стены (данное значение еще больше усиливается за счет употребления в близком контексте с лексемой «куда – **ба кучо**» наречия «всюду – **дар ҳамаи**

чо»). Кардинальное изменение привычного нам течения времени акцентируется с помощью наречия «никуда – *ба ҳеҷ ҷо*» в четвертом примере. И хотя явный комический эффект в приведенных отрывках произведений не заметен, в самих рассказах при условии прочтения их в полном объеме он присутствует, а выделенные нами элементы в полном контексте его усиливают.

Приведем еще один пример реализации в рассказах Ф.Кривина обобщенно-указательного наречия «всюду»:

(Лом открыл Дверцу сейфа, несмотря на ее возражения). *А когда все кончилось, Телефонная Трубка принялась **всюду** звонить:*

– *Наша-то недотрога! Делает вид, будто так уж верна своему Ключу, а на самом деле...* («На страже морали») – (Мисрон ба эътирози сейф нигоҳ карда дарашро мекушояд). *Ҳангоме ки Ҳама чиз ба итмом расид, телефон ба Ҳама ҷо занг заданро шуруъ кард:*

– *Ин нозуктабиати мо! Вонамуд менамояд, ки ба калиди худ соиқ аст, аммо дар асли ҳол ...* («Дар ҳифзи ахлоқ»).

Наречие «всюду – *ба Ҳама ҷо*» в данном контексте подчеркивает широкий охват распространения информации о поступке Дверцы сейфа, а комический посыл автора, как и в предыдущих примерах, становится очевиден при прочтении полного текста рассказа и сопоставление его с названием: Телефонная Трубка, которая считает себя блюстительницей морали, совершает аморальный поступок, рассказывая всем желающим послушать о происшествии, в то время как должна была постараться предотвратить его.

Выводы

Таким образом, подводя итог всему изложенному выше, заметим, что комический эффект, созданный в рассказах Ф.Кривина различными языковыми средствами и бисоциацией, во многом усиливается благодаря использованию местоименных наречий и, что примечательно, сохраняется при переводе оригинальных текстов на таджикский язык, что, на наш взгляд, подтверждает значимость выделенных и проанализированных местоименных наречий в тексте рассказов. Отметим также, что в качестве иллюстративного материала неслучайно были выбраны рассказы Ф. Кривина, так как в них отражены нормы современного русского языка. Кроме того, малая форма заставляет автора тщательно относиться к отбору языкового материала, что повышает значимость каждого речевого элемента в тексте. Конечно, комический эффект создается с помощью различных языковых средств, юмористический характер рассказов Ф. Кривина – отнюдь не заслуга только местоименных наречий, однако их присутствие в тексте преподносит описываемые события под определенным углом, позволяет акцентировать внимание на нужных деталях и в совокупности с другими приемами создает эффект комичности, усиливает его, что и было доказано приведенными и проанализированными выше примерами.

Литература

1. Абаева Е.С. Перевод отрывков текста с юмористическим эффектом: сопоставительный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – М.: РУДН, 2018. – Т.9, №2. – С.351-364.
2. Абаева Е.С. Передача юмористического эффекта при переводе: когнитивно-прагматическая модель: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Абаева Евгения Сергеевна. – Мытищи, 2020. – 49с.
3. Галиуллина О.Р. Приемы комического как средства передачи негативной оценочности в англоязычной сетевой кинорецензии [Электронный ресурс] // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2023. – Т.29, №2. – С.160-171. – Режим доступа: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-160-171>.
4. Коновалов С.М. О сатире [Электронный ресурс] // Art Logos. – 2020. – №2 (21). – С.24-35. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43128178>; <https://elibrary.ru/zbcacce>
5. Лубина, Л.Н. Комический эффект как трансформация нормы, национально-культурное в комическом // Вестник Югорского государственного университета. – 2011. – Вып.1 (20). – С.85-88.
6. Мартыненко И.С. Роль когнитивных механизмов в создании юмористического эффекта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – №10 (40): в 3-х ч. Ч.II. – С.105-108.
7. Плясунова С.Ф. Концептуальное моделирование юмористического смысла [Электронный ресурс] // Евразийский гуманитарный журнал. – 2018. – №4. – С.88-95. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnoe-modelirovanieyumoristicheskogo-smysla/viewer>.
8. Семенова Е.Е. Когнитивное обоснование юмора в современной лингвистической науке [Электронный ресурс] // Вестник ЛГУ им. А.С.Пушкина. – 2010. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnoe-obosnovanie-yumora-v-sovremennoy-lingvisticheskoy-nauke>
9. Турди-Аханова И.А. Фразеологизмы в таджикском языке [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – №2 (92). – Режим доступа: <https://research-journal.org/archive/2-92-2020-february/frazeologizmy-v-tadzhikskom-vazyke>
10. Фененко Н.А. Комическое в тексте оригинала и перевода // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2005. – №2. – С.105-112.
11. Фомичева Ж.Е., Елисеева И.Б. О языковых средствах создания комического эффекта в пародийном художественном тексте // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2009. – №1. – С.308-317.
12. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель, АСТ. А.И.Фёдоров, 2008. – 828с.

**RUSSIAN AND TAJIK PRONOUNAL ADVERBS WITH SPATIAL
MEANING AS A MEANS OF SPEECH STRENGTHENING
OF THE COMEN EFFECT IN F. KRIVIN'S STORIES
(COMPARATIVE ANALYSIS OF ORIGINAL TEXTS AND THEIR
TRANSLATIONS INTO TAJIK LANGUAGE)**

Saloev Aziz Toshmurodovich

Candidate of philological sciences,
dean of the faculty of Russian philology, journalism and media technologies
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 98 541 54 23 (m.)
saloev_aziz@mail.ru

Kunovski Marina Nikolaevna

Candidate of philological sciences, associate professor,
head of the chair of Russian language №2
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 916 373 82 61 (m.)
kunovski-mn@rudn.ru

Kalinina Yulia Mikhailovna

Candidate of philological sciences
head of the chair of Russian language №4
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 919 990 16 30 (m.)
kalinina-yum@rudn.ru

The article is devoted to the analysis of the creation of a comic effect in a text using various linguistic means that create a comic effect, as well as linguistic elements that enhance the humorous meaning and focus readers' attention on the bisociation inherent in the author.

The relevance of the topic chosen by the authors is determined by the complexity of ways to convey humorous content using language techniques and its insufficient knowledge. This study aims to analyze the use of pronominal adverbs in the stories of the modern Russian writer F.Kravin to achieve or enhance the comic effect and determine whether this effect is preserved when translated from Russian into Tajik.

The scientific novelty of the work lies in the fact that this article is the first to analyze the use of linguistic means to create a comic effect in the Russian/Tajik language pair based on the material of modern Russian prose.

The conclusions of the authors of the study are based on a comparative analysis of linguistic material in both languages and conclude that the comic effect created by various linguistic means and bisociation is largely enhanced by the use of pronominal adverbs and is preserved when translating original texts from Russian into Tajik.

Keywords: category of comic; language means; bisociation; artistic text; Russian language; Tajik; pronominal adverbs.

**ЗАРФҶОИ ҶОНИШИНИИ РУСӢ ВА ТОҶИКИИ МАӢНОИ ФАЗОДОШТА
ҲАМЧУН ВОСИТАИ НУТӢИ ҚУВВАТДИӢИ ТААССУРОТИ
ХАНДАОВАР ДАР ӢИКОЯӢОИ Ф.КРИВИН (ТАӢЛИЛИ МУӢОИСАВИИ
МАТНӢОИ АСЛИ ВА ТАРҶУМАИ ОНӢО БА ЗАБОНИ ТОҶИКӢ)**

Салоев Азиз Тошмуродович

Номзади илмӢои филологӢ,
декани факултети филологияи русӢ, журналистика ва медиатехнологияҳои
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 98 541 54 23 (м.)
saloev_aziz@mail.ru

Куновски Марина Николаевна

Номзади илмӢои филологӢ, дотсент,
мудири кафедраи забони русии №2
Институти забони русии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 916 373 82 61 (м.)
kunovski-mn@rudn.ru

Калинина Юлия Михайловна

Номзади илмӢои филологӢ
мудири кафедраи забони русии №4
Институти забони русии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 919 990 16 30 (м.)
kalinina-yum@rudn.ru

Мақола ба таҳлили эҷоди таассуроти хандаовар дар матн тавассути воситаҳои гуногуни забонӣ, ки таассуроти хандаоварро фароҳам месозанд, инчунин унсурҳои забоние, ки маъноӣ ҳаҷвиرو қувват медиҳанд ва тавачҷуҳи хонандагонро ба бисотсиатсияи аз тарафи муаллиф гузошташуда ҷалб месозанд, бахшида шудааст.

Мубрамии доираи мавзӯи аз ҷониби муаллифон роҳандозишаванда бо мураккабии тарзҳои интиқоли мазмуни ҳаҷвӣ, усулҳои забонӣ ва нокифоя будани дараҷаи омӯзиши он муайян карда мешавад. Таҳқиқоти мазкур бо мақсади гузаронидани таҳлили истифодабарии зарфҳои ҷонишинӣ дар ҳикояҳои нависандаи муосири рус Ф. Кривин барои ноил гардидан ё қувват додани таассуроти хандаовар ва муайян намудани бӯқӣ мондани ин таассурот ҳангоми тарҷума кардани он аз забони русӣ ба тоҷикӣ анҷом дода шудааст.

Навгонии илмӣ кор аз он иборат аст, ки дар мақола бори нахуст таҳлили истифодабарии воситаҳои забонӣ барои таҳияи таассуроти хандаовар дар ҷуфти забонии забонҳои русӣ ва тоҷикӣ дар асоси маводи насри муосири Россия анҷом дода шуд.

Хулосаҳои муаллифони таҳқиқот ба таҳлили муқоисавии маводи забонии ҳар ду забон таъя карда, аз он иборатанд, ки таассуроти хандаовари тавассути воситаҳои гуногуни забонӣ ва бисотсиатсия таҳияшуда дар аксар мавридҳо ба шарофати истифода бурдани зарфҳои ҷонишинӣ пайдо шуда, зимни тарҷумаи матнҳои оригиналӣ аз забони русӣ ба забони тоҷикӣ нигоҳ дошта мешавад.

Вожаҳои калидӣ: категорияи таассуроти хандаовар; воситаҳои забонӣ; бисотсиатсия; матни бадеӣ; забони русӣ; забони тоҷикӣ; зарфҳои ҷонишинӣ.

УДК 81-26

**ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ СИНТЕТИЗМА И АНАЛИТИЗМА
В ГРАММАТИКАХ СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКОВ
ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ СЛАВЯНСКИХ И ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ)**

Кобылко Ярослав

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка №2
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 53 22, доб. 1521
kobylko-va@rudn.ru

В статье рассматривается степень соотношения синтетизма и аналитизма в современных флективных славянских и иранских языках, происходящих, по своему эволюционному пути, от общего праиндоевропейского периода. Славянские, и особенно иранские языки, несмотря на древнюю связь, демонстрируют различный переход от синтетического строя к аналитическому, что непосредственно отражается на ядре современных языковых систем – грамматике. Такое явление указывает на стремление исторически флективных языков к упразднению флективности и стремлению к агглютинации.

Гипотеза исследования заключается в том, что языки, исторически развивавшиеся в рамках одного грамматического строя и стремившиеся к сближению с другим, отличным грамматическим строем, не могут создать одного устойчивого типа грамматики.

Представление о системах языков общего – праиндоевропейского происхождения дает возможность ответить на вопросы, связанные с формированием современных грамматик и их взаимосвязи с другими уровнями языковых систем. Такой подход позволяет рассмотреть теоретический взгляд на принципы соотношения разошедшихся в процессе эволюции языковых систем, особенно грамматик, что, в свою очередь, может позволить решить ряд прагматических проблем, связанных с ролью иноязычных языковых систем и структур в преподавании и изучении этих языков.

Ключевые слова: индоевропейские языки; славянские языки; иранские языки; флективные языки; синтетизм; аналитизм; грамматика.

Введение

Современные славянские и иранские языки объединяет эволюционное начало праиндоевропейского периода. Обе группы (балто-славянские и индоиранские) принадлежат к большой группе индоевропейских языков – «сатем», а значит, между ними можно заметить больше общих черт, чем с языками группы «кентум» (как, например, германские, романские, кельтские и т.д.).

Рис. 1. Изоглосса кентум (слева) – сатем (справа) в семье индоевропейских языков в настоящее время

Славянские языки – группа языков в подсемействе балто-славянской индоевропейской языковой семьи. Они происходят от реконструируемого праславянского языка, который распался на региональные диалекты в результате большой экспансии славян в первой половине первого тысячелетия нашей эры.

Обособление вариантов праславянского языка и превращение их в самостоятельные языки было вызвано, во-первых, внеязыковыми процессами, как, например, распространение среди славян христианства в византийском и римском обрядах, формирование первых славянских государств (Великая Болгария, оформившаяся в VII веке, Великая Моравия – начало IX века, Киевская Русь – вторая половина IX века) и впоследствии преобразование племён в народы, и, во-вторых, языковыми процессами: основание разных письменных традиций: кириллицы и латиницы, влияние, через старославянский, среднегреческого (византийского) языка на юге и востоке и латинского, а также западных языков на западе, что впоследствии повлияло на преобразование славянских диалектов в самостоятельные языки с новыми преобразованиями в их системах не только на подвижных уровнях, таких как графика, лексикология, фонетика, но и на менее подвижных грамматических строях.

Таким образом, после распада общеславянского единства в процессе дивергенции от праславянского языка славянские языки формируются в три основные ветви: южную, западную и восточную. В каждой из этих групп насчитываются живые и уже мёртвые языки, например, южнославянская ветвь подразделяется на: восточную группу – болгарский, македонский, старославянский и церковнославянский; западную группу – сербскохорватский язык, боснийский, сербский, хорватский, кайкавский, молизско-славянский, черногорский, словенский, славя-

носербский (вымерший); западнославянская ветвь подразделяется на: лехитскую подгруппу – польский, кашубский, силезский, вымершие словинский и полабский; лужицкую подгруппу – верхнелужицкий, нижнелужицкий; чешско-словацкую подгруппу – словацкий, чешский и вымерший кнаанит; восточнославянская ветвь подразделяется на: русский, белорусский, украинский, русинский.

Группа иранских языков восходит к реконструируемому древнеиранскому языку (также протоиранский, праиранский), входящему в арийскую (индоиранскую) ветвь индоевропейской семьи. В доисторическую эпоху, предшествовавшую появлению письменности и исторических свидетельств, древнеиранский язык дифференцировался на древнеиранский язык и протоиндоарийский, но в то же время эти языки уже развивались независимо друг от друга [16, с.51].

Иранские языки делятся на: юго-западные, северо-западные, юго-восточные и северо-восточные. Юго-западная ветвь подразделяется на: новоперсидский язык: фарси или персидский язык (в Иране), дари (в Афганистане и Пакистане), таджикский язык (в Таджикистане и других странах СНГ) – к этому же континuumу принадлежат диалекты, отличающиеся от оседлых персо-таджиков хазарейцев и чар-аймаков, кроме того, татский язык, диалекты Фарса, диалекты Лара, курдшули, башкарди, кумзарилуро-бахтиярские языки: лурский язык, бахтиярский язык; северо-западная ветвь подразделяется на: курдский язык (северно-, центрально-, южнокурдский, лаки, Заза-горани), вымерший дейлемитский язык, каспийские языки (гилянский, мазендеранский, велатру, шамерзади), вымерший азери (язык Азербайджана, вытесненный тюркским языком), семнанские языки (разнородные локальные диалекты: семнанский язык, сангесарский язык, диалекты полосы Семнана), сивенди, вымерший таджриши, белуджский язык, ормури, парачи; Юго-восточная ветвь подразделяется на: афганские (пушту (пашто), ванечи), памирские языки, ваханский язык, мунджанский язык (и йидга), вымерший саргулямский язык, южнопамирская подгруппа (ишкашимский, сангличский, вымерший зебакский), северопамирская подгруппа (язгулямский, вымерший ванджский язык), шугнано-рушанские языки (шугнанский, рушанский, бартангский, хуфский, рошорвский, сарыкольский языки); Северо-восточная ветвь подразделяется на: ягнобский язык, скифо-сарматские языки (осетинский язык, вымерший ясский язык).

Стоит обратить внимание, что от древнеиранского языка формируется большое количество самостоятельных, официальных языков, носителями которых являются миллионы людей (персидский, пашто, курдский и др.), а также диалектов, которые сегодня насчитывают лишь несколько сот носителей (парачи, ормури, сивенди и др.). Такое большое количество языков иранской группы не может быть подсчитано ввиду неопределённости статуса язык или диалект многих идиомов. Иранские языки значительно разошлись в образовании своих грамматик, например, флективно-аналитический персидский язык и не имеющий флективных форм таджикский язык.

Другим образом сформировалась более выстроенная славянская группа, в которой диалекты уже вымерли (кнаанит – группа еврейско-славянских диалектов, вымерших до V века, полабский – язык, вымерший в XVIII веке, словинский

– диалект, вымерший в XX веке) или языки настолько отделились друг от друга, что преобразовались в самостоятельные языки, или приобрели статус языков региональных (например, кашубский язык, функционирующий на территории Польши совместно с официальным польским языком), но не столь разошедшихся в грамматике.

Место грамматики в языковой системе

При рассмотрении эволюционного развития систем славянских и иранских языков немаловажным аспектом выступает грамматика (морфология и синтаксис), которая среди других уровней языковой системы (например, фонетика, графика, лексикология) является крайне редко меняющимся скелетом для языка. Так, даже в близкородственных славянских языках произошли изменения в графике, возникшие в процессе внеязыковых влияний: с одной стороны, христианизация южных и восточных славян с одновременным распространением старославянского языка и кириллического алфавита и с другой – принятие католицизма и латинского алфавита западными славянами.

Такие «периферийные» изменения в языковых системах допускаются не только в процессе эволюционного распада языковой семьи (праславянский язык) и обособления самостоятельных языков (южно-, западно- и восточнославянских языков), а также в рамках одного, самостоятельно существовавшего в современности языка. Такой пример мы находим в языке иранской группы – за время своего существования таджикская письменность функционировала на разных графических основах и неоднократно реформировалась. В истории таджикского языка выделяются три этапа изменения графики: IX век-1930 год – письменность на основе арабского алфавита; 1930-1940 годы – письменность на латинской основе; с 1940 года – современная письменность на основе кириллицы¹.

Такие изменения наблюдаем среди не то что родственных, а даже близкородственных языковых семейств и в каждом языке в отдельности, ведь языковая норма подвижна и постоянно расшатывается узусом. В языках постоянно меняется ударение, редуцируются звуки, появляются заимствования и неологизмы, языки меняют алфавиты и т.п. По-другому происходят (зачастую за счет фонетики) изменения в грамматическом уровне – они происходят реже, а их фиксация требует больше времени, чем изменения, например, в лексикологии. Фактически, носитель языка за свою жизнь сможет перечислить множество изменений в лексикологии, но в грамматике ни одного.

Флективно-синтетический строй индоевропейских языков

Изменения, непосредственно повлиявшие на развитие типологических черт индоевропейской языковой структуры – флективности, предлагаем рассматривать с позиций соотношения в современных флективных языках синтетизма и аналитизма.

Считается, что все устойчивые языки индоевропейского происхождения яв-

¹ О переводе таджикской письменности с латинизированного на новый таджикский алфавит на основе русской графики: Закон Тадж.ССР от 21 мая 1940 года // Ведомости Верховного Совета Таджикской ССР. 1940. №5.

лялись или являются флективно-синтетическими. Понятие «флективность» было введено в 1809 году Фридрихом Шлегелем – «это синтетический тип, характеризующийся сложной морфологической структурой, в которой языковые единицы служат средствами выражения синтаксических отношений. Основным формообразующим свойством такого строя является флексия, т.е. двоичное образование грамматических форм из морфологической основы и назначенного форманта» [15, с.138].

Н.С.Трубейкой в статье «Мысли об индоевропейской проблеме» среди важнейших черт индоевропейских языков указал: «1. Отсутствие гармонии гласных <...>. 2. Число согласных, допускаемых в начале слова, не беднее числа согласных, допускаемых внутри слова <...>. 3. Слово не обязано начинаться с корня <...>. 4. Образование форм осуществляется не только при помощи аффиксов, но и при помощи чередования гласных внутри основы <...>. 5. Наряду с чередованиями гласных известную роль при образовании грамматических форм играет и внешне не обусловленное чередование согласных <...>. 6. Подлежащее непереходного глагола трактуется совершенно так же, как подлежащее глагола переходного <...>» [12, с.552-554].

Служебные морфемы имеют неоднозначные грамматические значения (например, *домой* – наречие, *мужчиной* – Т.п.), или одно и то же грамматическое значение, выражается разными аффиксами (например, Д.п. – к мальчику, к девочке), они также могут нести смысловую нагрузку слова, т.е. иметь дополнительное к корню слова лексическое значение (например, *выйти*, *войти*). Аффиксы также выражают отношения между словами в предложении (например, это наш новый друг, *видеть* нашего нового друга). Классическим примером флективных языков синтетического строя считается русский язык.

Несмотря на то, что прошло больше пяти тысячелетий после распада индоевропейской общности, славянские и иранские языки до сих пор хранят некоторые черты, унаследованные от общего предка, в том числе, развитие по структуре флективности: грамматический строй всех славянских языков преимущественно флективный, а также синтетический с элементами агглютинации, большинство современных иранских языков тоже флективные, но аналитические с элементами агглютинации. Данные особенности рассмотрим на некоторых примерах грамматик языка славянской группы – русского и иранской группы – персидского.

В морфологии спряжение русского и персидского глагола флективно, окончания выражают лицо и число, согласующиеся с субъектом предложения (подлежащим), при этом многие модальные и видовременные формы глаголов в персидском выражаются аналитически. Имеются изъявительное, сослагательное и повелительное наклонения.

Существительные в русском языке характеризуются категориями рода, падежа и числа. В персидском языке основными грамматическими категориями, выражающими субстантивность существительных, являются: во-первых, категория числа (а именно, в единственном числе существительное равно основе, а для образования множественного числа используются два основных аффикса) и, во-

вторых, категория выделенности с помощью артикля, т.е. суффикса «и». Большинство именных категорий в персидском языке выражается аналитически, а также имеются именные аффиксы агглютинативного типа.

В свою очередь, как у существительных, так и у местоимений и прилагательных категория рода и система склонения по падежам в персидском отсутствуют. Таким образом, в данном языке, в отличие от русского языка, падежные отношения выражаются порядком слов в предложении, предлогами, послелогом и изафетом (т.е. когда между определяемым и определением добавляется некий показатель «е»).

В обоих языках действуют морфологические, словообразовательные, лексические, синтаксические категории степени сравнения прилагательных.

Категория одушевленности и неодушевленности в русском языке и категория лица / не лица в персидском языке, которые выражаются соотносительностью существительного с местоимениями کی/که ke/ki (русс. «кто») или چی/چه ĉe/ĉi (русс. «что»), при этом животные в персидском, в отличие от русского, обычно соотносятся с местоимением «что».

Что касается синтаксиса, то русскому и персидскому языкам присуща последовательная номинативная типология, где с участием сказуемого, т. е. глагола, субъект и объект противопоставляются. В обоих языках порядок слов выполняет грамматико-синтаксическую функцию, но сфера действия этой функции не равнозначна. В зависимости от структурно-грамматических отношений между членами предложения в обоих языках могут быть различия в возможностях употребления порядка слов. Тем не менее, в русском и персидском языках, благодаря относительной четкости выделения имен и глаголов, а также наличию служебных аффиксов, порядок слов может варьировать, но это, скорее всего, характерно для разговорной речи. Что важно, понимание законов словорасположения тесно связано со всеми сторонами грамматического строя обоих языков [9].

Тем не менее, флективные языки, в том числе славянские и иранские, склоняются к утрате флексии по мере своей эволюции:

«Таким образом, когда индоевропейцы хотят «исправить природу» и создать более совершенный искусственный язык, они невольно упраздняют флективность и прибегают к агглютинации. Между тем обратное явление было бы немислимо: нельзя представить себе финна, эстонца, венгра, турка или японца, который, желая создать более совершенный искусственный язык, стал бы упразднять принцип агглютинации и вводить принцип флексии. Итак, индоевропейские языки возникли в процессе преодоления гипертрофии флексии, стремясь к рациональной агглютинации как к идеалу. В этом процессе они, однако, не дошли до конца, не успели создать в «доисторический период» устойчивый тип языкового строя <...>. А потому они и продолжают эволюционировать все в том же направлении, не порывая, однако, с некоторыми элементами своей «переходной» структуры» [12].

Сочетание синтетизма и аналитизма во флективных языках

Стремление индоевропейских языков к другому грамматическому строю приводит также к не статичному сочетанию синтетических и аналитических

форм.

«В чистом виде аналитизм и синтетизм не представлен ни в одном языке мира, поскольку в каждом языке имеются элементы аналитизма и синтетизма, хотя соотношение их может быть разным» [5, с.265].

Во многих индоевропейских языках наблюдается переход от первичного синтетического к аналитическому строю (например, славянские, иранские, романские, ряд германских языков), тем не менее, стоит обратить внимание на то, что их развитие на этом не останавливается, очень часто части речи и служебные слова, агглютинируясь с основой знаменательного слова, сызнова создают синтетические формы. Например, языки индоевропейского происхождения – русский, литовский, латинский и другие сохранили флективную систему с высокой степенью синтеза, тогда как персидский, английский, французский и другие являются флективно-аналитическими языками. В синтетическом русском языке можно также заметить ярко выраженные черты аналитизма, которые наблюдаются в выражении будущего времени глаголов несовершенного вида, образовании категории лица у глаголов прошедшего времени, в аналитических формах превосходной и сравнительной степени прилагательных, а также наречий и др. [5, с.265–267].

Общая характеристика сложности морфологического состава слова может выражаться количеством морфов, которые приходятся в среднем на одну словоформу – это так называемый *индекс синтетичности*, который используется для классификации языков в методе типологических индексов. Индекс синтетичности вычисляется по формуле M/W , где M – количество морфов в отрезке текста (не менее 100 слов) на данном языке, а W – количество словоформ в этом же тексте [7, с.60-64].

Теоретически минимальным показателем индекса синтетичности является 1 – в таком случае каждое слово состояло бы из ровно одной морфемы. Реально существующим языком с минимальным индексом синтетичности является вьетнамский язык, а его индекс состоит из 1,06 – т.е. на 100 слов 106 морфов.

Языками аналитическими считаются языки с индексом синтетичности меньше 2. Языки с индексом от 2 до 3 считаются синтетическими, а языки с индексом больше 3 – полисинтетическими.

Индекс синтетичности русского языка составляет от 2,33 до 2,45. В промежутке индекса от 2 до 3, который говорит о синтетизме языков, помимо русского, находятся другие славянские языки.

Иранские языки в основном колеблются ниже индекса 2, что говорит об их аналитичности. Если древнеперсидские памятники (наскальные надписи Ахеменидов VI-IV веков до н.э.) представляют ярко выраженный флективный строй синтетического типа [6], то его потомок среднеперсидский язык (памятники I тыс. н.э.) демонстрирует сильно развитый аналитизм, утративший именное склонение и с точки зрения морфологии значительно близкий к современному персидскому языку – флективному, аналитическому с элементами агглютинации [10]. В древнеперсидском индекс синтетичности составлял 2,41, а уже в современном персидском языке – 1,52 [7, с.94].

Однако стоит обратить внимание на еще один язык иранской группы – таджикский язык, который по своему грамматическому строю относится к аналитическому типу и, в отличие от древнеперсидского языка, не имеет системы флективных форм [11]. Например, в таджикском языке, отношения между словами выражаются не при помощи падежей, а с помощью синтаксиса (порядок слов в предложении, изафет, предлоги, послелого и др.).

В славянских языках, по сравнению с иранскими, тенденция к аналитическим формам выражается довольно слабо. Исключением можно считать южнославянские языки, что объясняется межъязыковыми контактами, влиянием других языковых систем в рамках балканского языкового союза (языки, принадлежащие к разным группам индоевропейской языковой семьи, но имеющие значительное сходство на фонетико-фонологическом, морфологическом, синтаксическом, словообразовательном, лексическом и фразеологическом уровнях). В состав языковой общности входят: греческий, албанский, сербский, черногорский, болгарский, македонский, румынский, арумынский, истрорумынский, мегленорумынский, сербохорватский, турецкий язык, цыганский, боснийский, хорватский, словенский языки.

Заключение

Языки синтетического строя и языки аналитического строя характеризуются принципиально разными способами выражения грамматических значений, тем не менее, современные языки стремятся к сближению с другим, не родным и отличным, грамматическим строем. Несмотря на то, что грамматический уровень языковой системы подвергается изменениям намного реже, чем другие уровни языковой системы, и что для фиксации этих преобразований требуется намного больше времени, как показывает сравнение грамматик как далекородственных, так и близкородственных языков, они приобретают черты неродных себе строев из-за чего не могут создать одного устойчивого типа грамматики. Поэтому эти столь разные принципы в разных пропорциях действуют в любом языке, и таким образом полностью синтетических или полностью аналитических языков не существует.

Исследование исторических контактов, взаимовлияния генетически близких и типологически подобных языков открывает широкий простор не только для теоретических, но и прагматических выводов по вопросам межкультурного общения. Такой подход может, например, дать возможность осветить круг проблем связанных с ролью иноязычных языковых систем и структур в преподавании и изучении языка, что прогрессивно повлияет на восприятие речевого фонда взаимодействующих современных, в нашем случае, славянских и иранских языков.

Литература

1. Бахтикиреева У.М., Валентинова О.И. Особенности «языкового мышления» с позиций системной лингвистики // Russian journal of linguistics. – 2022. – Т.26, №1. – С.224-244. DOI 10.22363/2687-0088-30149.

2. Бахтикиреева У.М. Факторы типологической комплементарности славянских и тюркских языков в свете системной лингвистики и этнологии / У.М.Бахтикиреева, О.И.Валентинова, М.А.Рыбаков // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2019. – №3. – С.21-30. DOI 10.20339/PhS.3-19.021.
3. Валентинова О.И., Рыбаков М.А. Логика детерминантного анализа агглютинативных и флективных языков (часть первая) // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2021. – Т.18, №2. – С.130-142. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-130-142.
4. Валентинова О.И. Системный взгляд как основа филологической мысли / О.И.Валентинова, В.Н.Денисенко, С.Ю.Преображенский, М.А.Рыбаков. – М.: Языки славянских культур, 2016. – 440 с.
5. Вендина Т.И. Введение в языкознание: учеб. пособие для педагогических вузов. – М., Высш. шк., 2001. – 288 с.
6. Виноградова С.П. Древнеперсидский язык // Иранские языки. Юго-западноиранские языки. Серия «Языки мира». – М., 1997. – С.35-56.
7. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. III. – М., 1963. – С.60-94.
8. Мельников Г.П. Системная типология языков. – М.: Наука, 2003. – 395с.
9. Мехрбахш Алма Мохаммад Хади. Сопоставительное изучение порядка слов в простых повествовательных предложениях в русском и персидском языках / Алма Мохаммад Хади Мехрбахш // Молодой ученый. – 2021. – №22 (364). – С.550-555.
10. Молчанова Е.К. Среднеперсидский язык // Иранские языки. Юго-западноиранские языки. Серия «Языки мира». – М., 1997. – С.57-70.
11. Расторгуева В.С. Краткий очерк грамматики таджикского языка // Таджикско-русский словарь / под ред. М.В.Рахими и Л.В.Успенской; гл. ред. Е.Э.Бертельс. Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. – М., 1954. – 789 с.
12. Трубецкой Н.С. Избранное. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – 616с.
13. Bednarczyk L. (red.) Języki indoeuropejskie. T.1. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986. – P. 135-136.
14. Christopher I. Beckwith. Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present // Princeton university press. – 2009. – P.363-368.
15. Mistrik J. Encyklopédia jazykovedy. Vyd.1. – Bratislava: Obzor, 1993.
16. Philip Baldi. An Introduction to the Indo-European languages // Southern Illinois university press. – 1983. – P.51-52.

FEATURES OF THE RELATIONSHIP OF SYNTHETISM AND ANALYTISM IN THE GRAMMARS OF MODERN LANGUAGES OF PRIOR- INDO-EUROPEAN ORIGIN (BASED ON THE EXAMPLE OF SOME SLAVIC AND IRANIAN LANGUAGES)

Kobylko Yaroslav

Candidate of philological sciences,
senior lecturer of the Russian language chair №2
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434 53 22, ext. 1521
kobylko-va@rudn.ru

In the article, the degree of correlation between synthetism and analyticism in modern inflected Slavic and Iranian languages is considered, which, along their evolutionary path, originate from the common Proto-Indo-European period. Slavic, and especially Iranian languages, despite their ancient connection, demonstrate a different transition from a synthetic structure to an analytical one, which is directly reflected in the core of modern language systems – grammar. This phenomenon indicates the desire of historically inflected languages to abolish inflection and the desire for agglutination.

The research hypothesis is that languages that historically developed within the framework of one grammatical system and sought to converge with another, different grammatical system, cannot create one stable type of grammar.

The idea of systems of languages of common – Proto-Indo-European origin, makes it possible to answer questions related to the formation of modern grammars and their relationship with other levels of language systems. This approach will allow us to consider a theoretical view of the principles of correlating language systems that have diverged in the process of evolution, especially grammars, which, in turn, can allow us to solve a number of pragmatic problems associated with the role of foreign language systems and structures in the teaching and learning of these languages.

Keywords: Indo-European languages; Slavic languages; Iranian languages; inflected languages; synthetism; analyticism; grammar.

**ХУСУСИЯТҲОИ ТАНОСУБИ СИНТЕТИЗМ ВА АНАЛИТИЗМ ДАР
ГРАММАТИКАҲОИ ЗАБОНҲОИ МУОСИРИ ТАЪРИХИ
БАРОМАДАШОН ПЕШ АЗ ҲИНДУАВРУПОЙ
(ДАР МИСОЛИ БАЪЗЕ ЗАБОНҲОИ СЛАВЯНИИ ВА ЭРОНИИ)**

Кобилко Ярослав

Номзади илмҳои филологӣ,
муаллими калони кафедраи забони русии №2
Институти забони русии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 434 53 22, доб. 1521
kobylko-ya@rudn.ru

Дар мақола дараҷаи таносуби синтетизм ва аналитизм дар забонҳои муосири флективии славяни ва эронӣ, ки бо роҳи махсуси таҳаввулотии худ, аз давраи умумии пеш аз Ҳиндуаврупоӣ инкишоф ёфтааст, баррасӣ мешавад. Забонҳои славяни ва махсусан эронӣ, новобаста аз алоқаҳои қадимии худ, гузариши гуногунро аз сохти синтетикӣ ба аналитикӣ нишон медиҳанд, ки бевосита дар ҳастаи низомии муосири забонҳо, яъне грамматикаи онҳо инъикос мегардад. Чунин ҳодиса ба саъй намудани забонҳои таърихан флективӣ ба баргарафсозии флективнокии худ ва ҳаракат ба сӯйи агглютинатсия ишорат мекунад.

Ҳипотезаи таҳқиқот аз он иборат аст, ки забонҳои таърихан дар ҷорҷубан як сохти грамматикӣ инкишофёфта ва ба наздикшавӣ бо забонҳои дигари сохти грамматикашон фарқиятдошта кӯшишқунанда як навъи устувори грамматикиро таъсис дода наметавонанд.

Тасаввурот дар бораи забонҳои низомҳояшон умумӣ ва таърихи баромадашон пеш аз Ҳинду-

аврупой барои ҷавоб гардондан ба саволҳои марбут бо ташаккули грамматикаҳои муосир ва робитаи мутақобилаи онҳо бо қишрҳои дигари низоми забонӣ имконият медиҳад. Чунин муносибат баррасӣ намудани нигоҳи назариявиро ба принципҳои нисбат додани низомҳои забонӣ, ки дар раванди таҳаввулот аз ҳамдигар дур шуданд имконпазир намуда, махсусан грамматикаҳои онҳо, дар навбати худ, метавонад барои ҳал намудани як қатор мушкилоти прагматикӣ марбут бо нақши низомҳо ва сохторҳои забонӣ зимни таълиму омӯзиши ин забонҳо имконият пешкаш намояд.

Вожаҳои калидӣ: забонҳои хиндуаврупой; забонҳои славянӣ; забонҳои эронӣ; забонҳои флективӣ; синтетизм; аналитизм; грамматика.

УДК 81*366.58: 811.161.1=222.8

**СЕМАНТИКА И СОЧЕТАЕМОСТЬ ГЛАГОЛОВ И ГЛАГОЛЬНЫХ
СОЧЕТАНИЙ ПОДКЛАССА “ФИНАНСОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ”
В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ**

Холикова Зухро Кенджаевна

Кандидат филологических наук,
заведующая общеуниверситетской кафедрой русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 93 574 12 01 (м.)
zyhra_2012@mail.ru

В статье проводится сопоставительный анализ семантики и сочетаемости глаголов и глагольных сочетаний со значением “финансовые отношения” в русском и таджикском языках. Определив количественное соотношение данной лексики, автор выявляет семантико-синтагматические модели и особенности представленных для рассмотрения глаголов.

В ходе исследования было установлено, что, исходя из общности, образованной по дополнительным семантическим признакам, в структуре подкласса выделяются особые семантические звенья глаголов, например, отношение к состоянию, к деньгам или вещам. Все эти отношения имеют свои сочетаемостные особенности в русском и таджикском языках. Отмечено, что факторы, обуславливающие синтаксическую сочетаемость, заложены в семантической структуре глагола, так как семантика слова определяет особенности его сочетаемости.

Установлено, что сочетаемость – это парадигматические и синтагматические свойства слова, его связизменение и способность вступать в связь с другими языковыми элементами по смыслу и грамматически.

Ключевые слова: глагол; семантика; сочетаемость; сравнительный анализ; русский язык; таджикский язык; модели сочетаемости.

В современной лингвистической науке проблемы семантики и сочетаемости лексики занимают одно из ключевых мест. Эти две составляющие глагольной лексики всегда находятся во взаимодействии, поэтому учет семантики при изучении сочетаемости остается по-прежнему актуальным. Семантика глагола, как главный категориальный признак, обуславливает его синтаксическую сочетаемость.

Речевая деятельность человека предполагает постоянное соотношение смысла высказывания и его языковой формы. Данное соотношение не хаотично, а имеет определенные законы и установки в сознании носителя языка, часто в неосознанном виде.

Исследователь Т.М.Дорофеева отмечает, что "... главным свойством в этом ряду является семантическая структура глагола, так как определяет особенности его сочетаемости" [4, с.51]

Следует отметить, что проблема сочетаемости слов предусматривает описание языковых явлений как на семантическом, лексическом, так и на грамматическом уровне. Многие исследователи высказали свое мнение относительно "синкретичности", "синтаксичности", "конструктивности" русского глагола [Котелова: 1965, Шведова: 1966, Уфимцева: 1968, Лебедева: 1984, Виноградов: 1972 и др.].

По мнению Л.В.Васильева, "... важной особенностью глагола является и то, что он занимает, как правило, центральное положение в семантической структуре предложения" [1, с.138]

Система распространения значения слова, система его подчинительных связей, как языковой фактор, должны изучаться обоснованно. Однако на сегодняшний день проблемы синтаксической сочетаемости глагола остаются недостаточно изученными в связи с отсутствием единых и точных определений в общей теории сочетаемости слова.

Итак, анализируя смысловую структуру слова, академик В.В.Виноградов справедливо отмечает, что «лексические значения слова подводятся под грамматические категории. Слово представляет собой внутреннее конструктивное единство лексических и грамматических значений. Определение лексических значений слова уже включает в себя указания на грамматическую характеристику слова. Грамматические формы и значения слова то сталкиваются, то сливаются с его лексическими значениями. В языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и классифицированы» [2, с.22-23].

В современных исследованиях глаголы подкласса «финансовые отношения» рассматриваются в структуре семантического микрополя «деловые отношения». «Глаголы подкласса «деловые отношения» охватывают различные социальные отношения людей, связанные с их профессиональной/непрофессиональной деятельностью [13, с.254].

Рассматриваемый семантический подкласс глаголов допускает синонимию, хотя имеет определенные стилистические расхождения (продать, торговать, реализовать), полисемию (*реализовать, осуществлять, внедрять*) и антонимию (*разбогатеть – разжиться, обнищать – обанкротиться и т.п.*). Семантическое ядро глаголов подкласса составляют:

в русском языке: *финансировать, спонсировать, инвестировать, вложить деньги, вкладывать средства, ставить деньги, извлечь выгоду, реализовать, (товар), делать деньги, купить, продать, быть (становиться) денежным, разбогатеть, обнищать и др.*

в таджикском языке: *фурухтан/продавать (сбывать, торговать) пул кардан, ба пул мубаддал кардан/реализовать товар, молро фурухтан/ продавать товар, харидан/покупать, харид кардан/подкупить; бо пора харидан (бо ришва)/*

покупать со взяткой, дил ёфтан/расположить к себе (ФЕ), кӯрхаридӣ кардан (ФЕ)/купить kota в мешке.

Исходя из общности, образованной по дополнительным семантическим признакам, в структуре глаголов подкласса выделяются особые семантические звенья глаголов, например, отношение к состоянию, к деньгам или вещам. Все эти отношения в речи имеют свои сочетаемостные особенности в русском и таджикском языках.

Отношение к состоянию выражают такие глагольные лексемы, как *жадничать*, *скупиться* *скупердяйничать*, (*на подарки, на комплименты*), *расщедриться* (*в основном встречается с существительными в качестве субъекта*), *быть щедрым*, *быть (становиться) скупым*, *экономить (сэкономить – в основном с существительными в качестве объекта: экономить время, деньги на еде)*, *использовать рационально*, *скряжничать*. Значение “Проявлять жадность, скупость” передают в русском языке глаголы *жадничать (пожадничать)*, *скупиться (поскупиться)*.

Данное значение также передается синонимами глагола *жадничать* – «проявлять жадность, скупиться» и глаголом *скупердяйничать*, – (*прост, неодобр.*). *Вести себя скупердяем, скарעדничать. Ничего с собой в могилу, ничего не возмешь* (суц. *скупердяйство*, – а, ср. и *скарעדничать – скупиться, жадничать*) [7].

В русском и таджикском языках сочетаемость данных глаголов имеет ряд специфических особенностей. Примеры, извлеченные из русской художественной прозы, показывают, что выбранные для анализа русские глаголы “финансовые отношения” употребляются в субъектных моделях сочетаемости. Следует отметить, что субъектом при глаголах данного семантического подкласса могут быть одушевленные или неодушевленные имена существительные, а также их местоименные заменители. Представленные для сравнительного анализа глаголы реализуются в речи в следующих моделях:

M1.S+VERB: (в более 76 случ. в основном встречается в субъектной модели): **Крестьяне скряжничают** – ваш брат разбойник злобится ... [НКРЯ: Голотвина О. Сокровище троллей];

– Жил **он** скупко: недоедал, недопивал, одевался бог знает как, словно нищий, и все **копил** и **клал в банк** [НКРЯ: Чехов А.П. Крыжовник].

Встречаются также примеры в безсубъектной модели:

M2. ADV+VERB: Страшно жадничал. Мне было больно глядеть на него, и я кое-что давал ему и посылал на праздниках, но он и это прятал [Чехов А.П. Крыжовник]; дескать, война, братья ваши, очевидно, сражаются, так уже **не жадничайте!** [НКРЯ: Горький М. Жизнь Клима Самгина].

Следует отметить, что все оттенки значений данных глаголов, в той или иной степени – как в отрицательном, так и положительном значениях – могут иметь, или не иметь распространителей.

В таджикском языке данное значение выражают глаголы *хасисӣ (зихнагӣ) кардан/жадничать*, андаке хасисӣ (ҳарисӣ) кардан / *поскупиться, пожадничать* и их синонимы *тангдастӣ (мумсикӣ) кардан/скряжничать, скупердяйничать*.

Значение «проявлять скупость, жалеть отдать что-н.», согласно Таджикско-русскому словарю, передают глаголы *хасисӣ (зихнагӣ) кардан*. Таджикский глагол *хасисӣ кардан* в русском языке имеет семантические соответствия: *скутиться, скардничать*/ досл. *дарег доштан/ дарег доштан чизеро аз касе / жалеть что-л. для кого-л.* В таджикском языке эти глаголы встречаются также в безсубъектной модели, типа:

M1. P+VERB+N+VERB. –... хар вақт падараш ба дидан ояд, агар маро дӯст дорӣ, **дар сарф кардани пул хасиси макун**" гӯяд... [НКТЯ: Айни С. Одина]. – ... Каждый раз, когда его отец приходит навестить, «если ты любишь меня, **не жадничай, потратить свои деньги**», – говорит он.¹

Это же значение выражает глагол *мумсик будан*/ быть жадным, проявляющийся в субъектной модели:

M2: S+VERB: Ў на танҳо нокас, пасткаш, сифла аст, балки *хасис, тангчаши* *ва мумсики гузаро ҳам мебошад* [НКТЯ: Самад А. Гардиши девбод] – Он не только мерзавец и подонок, но и жадный и последний скупердяй.

Значение “Проявить щедрость, дать больше того, на что кто-н. рассчитывать” в русском языке передает глагол **расщедриться** (*расщедриваться, - аюсь, - аешься.*), который является полным антонимом глагола **жадничать**.

Данное значение в таджикском языке распространяется с помощью глаголов *сахӣ шудан, сахигӣ кардан, олиҳиммат шудан, кушода даст шудан, дилтанг набудан*. Встречались примеры в субъектной модели с данными глаголами: – **Ман** аввалҳо бисёр **хасис будам**, хар чизе, ки аз китобат ва лавҳу чадвалкашӣ ба дастам дарояд... [НКТЯ: Айни С. Ёддоштҳо]. – *Сначала я был очень жадным....*

... *инро ҳам фаҳмидам, ки тағои савдогарам чӣ қадар бадтинат ва пастназар бошад, тағои пахтакашам ҳамон қадар олиҳиммат ва донишиманд будааст* [НКТЯ: Айни С. Воспоминания]. – ... Мой другой дядя, **хлопкороб, был намного щедр и благороден**.

В русском языке значение «Жить в роскоши, а также позволять себе лишнее в чем-н.» передает глагол **роскошествовать** (*роскошничать*). В таджикском языке эквивалентом данного значения является глагол **бо шукӯх (бо хашамат) зиндагонӣ кардан/жить в роскоши; калон-калон харҷ кардан/потратить большие деньги**.

Необходимо отметить, что в Русско-таджикском словаре (2006) года данный глагол не отмечается. Данные, полученные из словаря ФЗТ, показывают такие аналогичные глаголы, как: *сарфи барзиёд кардан/растрачивать, катта-катта харҷ кардан/израсходовать щедро, дарег надоштан*. Также антонимичным к данному подклассу глаголов выступает глагол **нищенствовать** – “жить в нищете”.

В таджикском языке глаголы данного подкласса имеют следующие модели сочетаемости:

С предлогами **АЗ** и **ДАР**:

¹ Здесь и далее приведены переводы автора статьи.

М3. N_{изафет (и)}+O+ро+ADV+VERB: ... даромади вайро ҳам тамоман харч карда, қаландарона зиндагонӣ менамуданд; ... ва ба пул ғундоштан бисёр ҳарис будам [НКТЯ: Асрори хонадони Ротшилдох] – ... он расходовал свои доходы и жил как отшельник, ...

... **андакашро** бо сарфакорӣ ба *эҳтиёҷҳои зарурии худ харч карда, бакияшро захира менамудам ...* [НКТЯ: Айни С. Ёддоштҳо].– Перевод: - ... я осторожно тратил свои деньги, тратя их на самое необходимое, оставшуюся сумму денег откладывал на черный день.

М4. N+ро+P(предлог АЗ) +N_{изафет (и)}+N+VERB: – ...маблағеро аз ҳисоби соҳибқорияш чамъ карда буд... [НКТЯ: Айни С. Ёддоштҳо].

М5. P+N+_{и(изафет)}+ VERB... дар сохтмони манзил харч карда буд ва ҳоло барои бозгардони он сарсон аст... [НКТЯ: Айни С. Ёддоштҳо].

При выражении значения “отношение к состоянию” широко употребляются также идиомы, например: “ба ҳам задан/ *обанкротиться*” – ...*кори тичораташ ҳам ба ҳам зад* [НКТЯ: Айни С. Ёддоштҳо].

В группу глаголов “отношение к деньгам” входят такие глаголы, как: *финансировать, инвестировать, спонсировать, делать деньги, получить деньги, потерять деньги, разменять деньги, быть при деньгах, бросать деньги, сорить деньгами, бросать деньги на ветер, грести деньги, и ФЕ: у него денег куры не клюют.*

Как показывает анализ, глаголы подкласса проявляют большую коннотацию в таджикском языке. Их модели достаточно разнообразны и более продуктивны, чем модели сочетаемости русских глаголов «финансовое отношения».

Переходим к рассмотрению моделей сочетаемости глаголов с коннотативным значением «отношение к деньгам» в русском языке. Сравнительно-типологический анализ глаголов подкласса показывает следующие сочетаемостные модели в русском языке:

М1. S +Verb+O:... она также активно финансировала и этот проект, финансировала проект создания установки. «Сначала крестоносцы сами финансировали своё предприятие... [НКРЯ: Вирапян Э. Разорванный маршрут];

Он двадцать лет спонсировал премию "Триумф", которую получали люди достойные и талантливые, оплачивал дорогостоящее лечение многих известных деятелей литературы и искусства, финансировал "оранжевую" революцию на Украине и русскоязычную общину в Латвии. [Последняя тайна Березовского]

М2. S +Verb+&O:... щедро финансировали обучение китайских специалистов за рубежом [НКРЯ: Грум-Гржимайло Ю.В., Сергеева В.В. Инвестиционная политика в информационном обществе]. Такой же случай встречается с синонимами данного глагола: Родители моего друга щедро спонсировали наш «медовый месяц» [НКРЯ: Брак фиктивный – дети настоящие]; Согласно финансовому отчету за 2008 год Мартин Фельдман инвестировал свои сбережения в целый ряд компаний сектора [НКРЯ: Басманов Е. Призрак ВР тревожит нефтяников]; Кроме прочего он финансировал коммунальное хозяйство, кредитовал такие любимые народом проекты, как строительство кооперативного и индивидуального жилья [НКРЯ: Сотвори себе банкира].

Итак, типологический анализ глаголов «финансировать» (спонсировать, кредитовать) показывает одинаковые модели сочетаемости. Наблюдается модель с добавочным распространителем со значением времени и двойным объектом:

М3. S + Adv.+Verb+&O: – Компания Admiral Markets предпочитает сотрудничать с профессионалами в своей сфере, поэтому ***мы решили спонсировать издание всех книг серии на русском языке*** [НКРЯ: Коллектив авторов. Фондовый рынок. Курс для начинающих].

М4. Субъект+P₁+N+V+A.

Просто никто в это не инвестировал никогда [НКРЯ: Коллективный. Форум: Петербургский школьник из Бостона: «Эти русские – все на одно лицо» (2012)]; – Деньги, заработанные за морем, уже с XIV века венетианцы инвестировали в землю [НКРЯ: Россия на европейском фоне: причины отставания. Часть 1]; – Поэтому каждый, кто разбогател, начинал инвестировать деньги в землю, в титулы, в бюрократические посты [НКРЯ: Россия на европейском фоне: причины отставания. Часть 1].

Стоит отметить, что данная модель достаточно частотна с глаголом инвестировать (17 случ.). Несмотря на то, что глаголы спонсировать и инвестировать являются синонимами, они имеют совершенно разные сочетаемостные показатели: – Какое-то благотворительное мероприятие: работы больных детей выставят в галерею, а потом продадут с молотка, чтобы вырученными средствами ***спонсировать лечение маленьких пациентов онкологического отделения*** [НКРЯ: Лена Сокол. Сердце умирает медленно].

В таджикском языке чаще всего встречаются субъектные, объектные и предложные модели с предлогами **дар, барои, аз**:

М1. S + P₁+&O: Чунончи, Эрон дар сохтани созаҳои муҳимме чун нақби "Истиклол" ва нерӯгоҳи барқобии "Сангтӯда" бо Тоҷикистон ҳамкорӣ карда ва 250 миллион дулор **барои** иҷрои ин тарҳҳо **сармоягузорӣ** кардааст [НКТЯ: Асрори хонадони Роштилдхо. Фараж].

М2. &_и (изафет) + P_(предлог ДАР)+&O+VERB: Бо пули онҳо дастурҷӯи алмос дар Африқои Чанубӣ ба роҳ монда шуд, **сохтмони роҳи оҳан дар Аврупоро сармоягузорӣ карданд**, замин **барои бунёди канали Суец бо пули онҳо харида шуд...** [НКТЯ: Тоҷикистон аз Ҷопон чаҳор мошини барфрӯб дарёфт мекунад].

Встречаются модели с послелогом – РО:

М3. O+PO+&_и+VERB: Бино ба иттилои равобити умумии Кумита, ин қарордод дар қорҷӯби иҷрои Барномаи кумакҳои бебозгашт (GGP) имзо шудааст, ки **онро Ҳукумати Ҷопон сармоягузорӣ мекунад** [НКТЯ: Маорифи Хатлон: Раиси вилоят барои ислоҳи камбудихо супориш дод].

Ҳар як нафаре, ки соҳиби стипендияи мазкур мегардад, аз ҳисоби фонди махсуси Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон **барои таҳсил, истиқомат, хизматрасонии тиббӣ, роҳкиро ва стипендияи ҳармоҳа маблағгузорӣ карда мешавад** [НКТЯ: Маблағгузорӣ аз Фонди Президент].

В таджикском языке значение “спонсировать, вложить деньги” передается также глаголом **пул гузоштан**, который реализуется в субъективно-объектной

модели: **Масъули он қисмат се тахтаи пату ва понздаҳ хазор туман пул гузоиш** [НКТЯ: Айнӣ С. Ёддоштҳо].

В русском языке отношение к вещам реализуется в речи с помощью глаголов *купить, продать, реализовать, обменять*.

Глагол *продать* в словарях [Ожегов, РТС] представлен в двух значениях: 1. «*Передать кому-н. в собственность за плату: продать товар, изделие*» и 2. «*Предать, совершив измену из корыстных побуждений. П. своих друзей*» [Ожегов, с.478]

Этот глагол, как и предыдущие глаголы, допускает семантические пары в виде устойчивых сочетаний, таких как: *продать за гроши/ ниҳоят арзон фуруҳтан, дар баҳои шалғам фуруҳтан (ФЕ); продать себе в убыток бо зарар фуруҳтан, фуруҳта зарар кашидан; продать за полцены/ нимбайъ, фуруҳта додан, продать с торгов, продать с молотка/ бо савдои «кӣ зиёд?» фуруҳтан*. Антонимом является глагол харидан, который в таджикском языке чаще встречается в субъектной модели: ... нафте, ки дар Русия истихроҷ мешуд, **онҳо мехариданд** [НКТЯ: Тоҷикистон аз **Чопон чаҳор мошини барфрӯб дарёфт мекунад**]. – ... нефть, добываемая в России, они покупали.

Во втором значении глагол употребляется в переносном значении «Предать, совершив измену из корыстных побуждений». Данное значение на таджикский язык передается сложно-именными глаголами *дағобозӣ кардан, хиёнат (хоинӣ, бевафой; ғаддорӣ) кардан: продать товарища/ ба рафиқи худ хиёнат (бевафой) кардан; дорого продать свою жизнь/ беҳуда ҷон нисор накардан, бо осонӣ ҷон нисор накардан* [РТС, 1986].

Значение «*потерять богатство, достаток, обнищать*» в русском языке передает глагол *разориться*. В таджикском языке данное значение передают глаголы: *бенаво (қашшоқ, муфлис) шудан. Второе значение истратить (разг. шутл.) харҷ (сарф) кардан; разориться на покупку книг барои харидани китоб пул сарф кардан*.

Синонимом предыдущего значения является глагол *обанкротиться* – 1 знач. – «*стать банкротом*»: *Купец обанкротился*. Во втором значении (перен.) – «*Потерпеть крах, оказаться полностью несостоятельным: обанкротившийся политический деятель*» [8].

В таджикском языке данное значение *муфлис шудан, шикаст хӯрдан (ФЕ)*. Второе – переносное значение передают глаголы *варшикастан, расвои ом (умум) шудан*. Это же значение в русском языке передают глаголы *прогореть (сӯхтан)/ шикаст хӯрдан, муфлис шудан, сӯхтан, шикастан*. В обоих языках встречаются в субъектно-объектной модели: Акционерное общество **прогорело/ ширкати саҳндорон варшикаста шуд**.

Русский глагол **обнищать (обеднеть)** и таджикские эквиваленты: *камбағал шудан, муфлис шудан, бенаво шудан, фақир шудан, қашшоқ шудан*), – вступают в оппозитивные отношения с глаголами *разбогатеть, обогатиться, разжиться, стать богатым/ бой (ғанӣ) шудан, сарватманд бой (сарватманд, давлатманд) шудан, пул (мол) ба даст даровардан*;

Как показывает фактический материал, в таджикском языке глаголы данного подкласса преобладают над русскими глаголами финансово-экономических отношений.

В русском языке глаголов данного подкласса около 20, а в таджикском языке их количество достигает более 30, выражающих все разнообразие деловых, финансово-экономических отношений.

В обоих языках на периферии стоят глаголы, которые часто употребляются в разговорной речи, такие как *мумсикӣ кардан*, *зихнагӣ кардан*, муомила кардан, “беречь, сохранить, хранить”, отсутствующие в Таджикско-русском словаре. А еще существуют такие варианты, как “*захира кардан*”, “*нигаҳ доштан*”, “*хазина кардан*” [РТС, 2006].

Согласно Русско-таджикскому словарю, глаголу *жадничать* (*пожадничать*)/ эквивалентным соответствием выступает глагол *хасисӣ* (*зихнагӣ*) *кардан* [РТС, 2006].

В таджикском языке часто употребляется глагол *муомила кардан бо касе* в значении «найти общий язык с кем-л.». Этот глагол широко используется как в разговорной, так и в книжной речи: а) *обращаться с кем-л., обходиться с кем-л.: ӯ бо ҳар кас хоксорона муомила мекард - он со всеми вёл себя скромно*. В таджикском языке в данном значении этот глагол требует дополнительного пояснения (обращаться или хорошо, или плохо).

В обоих языках существует определенное количество глаголов, связанных с денежным оборотом и финансами, заключением торговой или финансовой сделки, ведением торговли: *пул кардан/ пул додан - а) давать деньги кому-л., б) платить/ пул кардан чизеро* (разг. *превращать, обращать что-л. – в деньги*), *пули касеро хӯрдан* (ФЕ) / а) *присваивать чьи-л. – деньги, б) жить на чьи-л. средства, ба пул мубадал кардан, ҷаллобӣ кардан/ перекупать, перепродавать, спекулировать, харида фуруҳтан/ ҳаннотӣ кардан/ спекулировать, бенаво шудан/ бенаво шудан – обнищать, муфлис шудан/ бенаво шудан – обнищать, шикаст хӯрдан/ муфлис шудан – а) обанкротиться, разориться, б) обнищать, варшикаста шудан, сӯхтан* (в перен.) / обанкротиться.

В русском языке отсутствует аналог таджикскому глаголу “*пулдор шудан* (разг.) / досл. *стать денежным*”. В ФЗТ глагол «*пулдор шудан*» имеет следующую семантизацию: “*пулдор* (он ки пул дорад); *серпул, доро, бой; пулдор шудан, серпул шудан, бой шудан*” [ФЗТ, 2008: 119].

В Таджикско-русском словаре отсутствуют такие глаголы, как *рушд кардан/развиваться; пеирафт кардан/прогрессировать; пул ба даст овардан/досл. приобрести деньги; пул ёфтан/досл. найти деньги*.

Данная статья содержит результаты анализа более 30 глаголов и глагольных сочетаний со значением «финансовые отношения», использованных в более чем 300 примерах.

Для характеристики сочетаемости глагола с его распространителями большее значение имеют реализация или форма распространителя, количество распространителей. Таджикские аналоги данных глаголов показывают свои сочетаемостные признаки, исходя из естественной природы таджикского языка.

В подкласс глаголов “отношение к состоянию” входят около 10 глаголов и глагольных сочетаний: *жадничать, скупиться, расщедриться, быть щедрым, быть (становиться) скупым, экономить, использовать рационально, скряжничать, супердаичать*.

Таким образом, выяснилось, что глаголы со значением “финансовые отношения” охватывают широкий спектр социально-экономической (финансовой) жизни людей. Они чаще употребляются в разговорной речи, в газетных материалах, выражают разные взаимоотношения между людьми в коллективе, в бизнесе, в торгово-экономических отношениях и т.п. В обоих языках глаголы данного подкласса имеют свои семантические и синтагматические особенности, о чем свидетельствует наш эмпирический материал для наблюдения.

Литература

1. Васильев Л.В. Семантика русского глагола. – М., 1981. – 138 с.
2. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. – 1953. – №5. – С.119-120.
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов / под ред. Г.А.Золотовой. – 4 изд. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
4. Дорофеева Т.М. Синтаксическая сочетаемость русского глагола. – М.: Рус. яз., 1986. – 112с.
5. Котелова Н.З. Теоретические и прикладные аспекты изучения сочетаемости слов// Актуальные вопросы преподавания русского языка и литературы. – М., 1969. – №1. – С.189-193.
6. Нагзибекова М.Б. Глагольные словосочетания с зависимым прямым объектом в русском языке (в связи с отражением их специфики в передаче таджикскими грамматическими средствами): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Нагзибекова Мехринисо Бозоровна. – Горький, 1986. – 25 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова. –18-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1986. –814 с.
8. Русско-таджикский словарь / под ред. М.С.Асимова. – М., 1985. – 1280 с.
9. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П.Евгеньевой. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1982. – Т.1. – 699 с.; Т.2. – 735 с.; Т.3. – 750 с.; Т.4. – 785 с.
10. Советский энциклопедический словарь. – М., 1981. – 1253 с.
11. Таджикско-русский словарь / под ред. М.В.Рахими и Л.В.Успенской. – М., 1954. – 906 с.
12. Таджикско-русский словарь. – Душанбе, 2006. – 795 с.
13. Холикова З.К. Модели сочетаемости глаголов “деловое отношение” в русском и таджикском языках // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет. – Душанбе, 2021. – №3-4 (75). – С.254-261.

Электронные ресурсы:

14. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rus-corpus.org
15. Национальный корпус таджикского языка (НКТЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: tadjik-corpus.org
16. Lib.ru/Классика: Чехов Антон Павлович. Рассказы... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0100.shtml
17. Айни С. Большая российская энциклопедия – электронная библиотека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: old.bigenc.ru/literature/text/1805487

**SEMANTICS AND COMPATIBILITY OF VERBS AND VERB
COMBINATIONS OF THE SUBCLASS “FINANCIAL RELATIONS”
IN THE RUSSIAN AND TAJIK LANGUAGES**

Kholikova Zuhro Kenjaevna

Candidate of philological sciences,
head of the university chair of Russian language
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 93 574 12 01 (m.)
zyhra_2012@mail.ru

In the article a comparative analysis of the semantics and compatibility of verbs and verb combinations with the meaning “financial relations” in the Russian and Tajik languages has been made. Having determined the quantitative relationship of this vocabulary, the author identifies semantic-syntagmatic models and features of the verbs presented for consideration.

During the study, it was found that, based on the commonality formed by additional semantic features, special semantic units of verbs are distinguished in the structure of the subclass, for example, attitude to condition, money or things. All these relations have their own combinability features in the Russian and Tajik languages. It is noted that the factors determining syntactic compatibility are embedded in the semantic structure of the verb, since the semantics of the word determines the features of its compatibility.

It has been established that compatibility is the paradigmatic and syntagmatic properties of a word, its changes in connections and the ability to enter into connection with other linguistic elements in meaning and grammatically.

Keywords: verb; semantics; compatibility; comparative analysis; Russian language; Tajik; compatibility models.

**СЕМАНТИКА ВА ҲАМНИШИНИИ ФЕЪЛҲО И ТАРКИБҲОИ
ФЕЪЛИИ ЗЕРМАЙДОНИ “МУНОСИБАТҲОИ МОЛИЯВӢ”
ДАР ЗАБОНҲОИ РУСӢ ВА ТОЧИКӢ**

Холикова Зухро Кенчаевна

Номзади илмҳои филологӣ,
мудири кафедраи умумидонишгоҳии забони русӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 93 574 12 01 (м.)
zyhra_2012@mail.ru

Дар мақола таҳлили муқоисавии семантика ва ҳамнишинии феълҳо ва таркибҳои феълӣ бо маънои “муносибатҳои молиявӣ” дар забонҳои русӣ ва тоҷикӣ гузаронида шудааст. Таносуби миқдории луғати мазкурро анҷом дода, муаллиф амсилаҳои семантикӣ-синтагматикӣ ва хусусиятҳои феълҳои барои баррасӣ пешниҳодшударо тарҳрезӣ кардааст.

Дар рафти таҳқиқ муайян гардид, ки дар асоси умумияте, ки аз рӯи нишонаҳои иловагии семантикӣ сурат мегирад, дар сохтори зермайдон занҷирҳои махсуси семантикии феълҳо, масалан, муносибат ба ҳолат, маблағ ё ашё ҷудо карда мешаванд. Ҳамаи ин муносибатҳо дар забонҳои русӣ ва тоҷикӣ дорои хусусиятҳои ҳамнишинии худ ҳастанд. Зикр шудааст, ки омилҳои тақозокунандаи ҳамнишинии наҳвӣ, дар сохтори семантикии феъл мавҷуданд, зеро маънои калима хусусиятҳои ҳамнишинии онро муайян мекунад.

Муқаррар шудааст, ки ҳамнишинӣ – ин мухтасоти парадигматикӣ ва синтагматикии калима, ивазшавии алоқаҳои он ва қобилияти воридшавии он ба робита бо унсурҳои дигари забонӣ аз рӯи маъно ва грамматика мебошад.

Вожаҳои калидӣ: феъл; семантика; ҳамнишинӣ; таҳлили муқоисавӣ; забони русӣ; забони тоҷикӣ; амсилаи ҳамнишинӣ.

УДК 81'367.7

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО И ГРАММАТИЧЕСКОГО
УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКСЕМ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ
В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ**

Куновски Марина Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой русского языка №2
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 916 373 82 61 (м.)
kunovski-mn@rudn.ru

Диневи́ч Ирина Александровна

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка №2
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 910 311 27 47 (м.)
dinevich-ia@rudn.ru

Майерс Галина Николаевна

Старший педагог дополнительного образования
кафедры русского языка №2
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 910 219 92 64 (м.)
mayers-gn@rudn.ru

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей употребления лексем категории состояния в русском, английском, немецком языках через призму лексико-семантического и грамматического аспектов. Статья выполнена на материале национальных корпусов текстов сравниваемых языков (Национальный корпус русского языка, British National Corpus, Textkorpora des Instituts für Deutsche Sprache, Mannheim), несущих лингвокультурную информацию.

Авторами затронута проблематика сравнительно-сопоставительной лингвистики и представлена общая классификация лексем категории состояния на основании лексического значения для русского, английского и немецкого языков, охарактеризованы лексико-семантические группы, которые являются общими для сравниваемых языков.

В работе рассмотрен план выражения морфологической и синтаксической репрезентации в русском, английском и немецком языках. Доказано, что во всех трех языках лексемы категории состояния обладают морфологическими и синтаксическими признаками, отличающими их от слов других частей речи: морфологическая неизменяемость, наличие категории времени, способность управлять падежными формами имен существительных и местоимений, синтаксическая функция главного члена односоставного безличного (для русского языка) или двусоставного (для английского и немецкого языков) предложения. Авторы приходят к выводу о том, что категория состояния представляет собой лексико-семантическую универсалию, имеющую своеобразные способы выражения в разных языковых картинах мира.

Ключевые слова: категория состояния; русский язык; английский язык; немецкий язык; лексическое значение; морфологическая и синтаксическая репрезентация.

Введение

Общеизвестно, что категория состояния представляет собой неоднозначную уникальную часть речи, которая имеет семантическую специфику – выражение различных состояний (лица, окружающей среды, обстановки и т.д.) и своеобразную морфологическую и синтаксическую репрезентацию в различных индоевропейских языках, в том числе в русском, английском и немецком языках.

К настоящему времени накоплено значительное количество исследований российских и зарубежных лингвистов, в которых рассматриваются характерные признаки лексем категории состояния, ярко проявляющиеся в русском, английском и немецком языках. Исследователи сходятся во мнении, что способность данных лексем обозначать различные эмоционально-экспрессивные состояния и реализовывать функцию главного члена односоставного безличного предложения не вызывает сомнений. Тем не менее, самостоятельность категории состояния как части речи признается далеко не всеми учёными: одни относят ее к прилагательным, другие – к предикативным наречиям [1]. Таким образом, в настоящее время нет терминологического единообразия и согласованности относительно квалификации семантико-грамматической природы слов категории состояния, а также их устойчивого статуса среди других частей речи.

Слова категории состояния формировались как результат длительных системных исторических изменений при взаимодействии имен, местоимений и глаголов [5]. Их стали выделять как специфическую часть речи еще в 1924 году, но до сих пор горячие споры вызывает как объем лексики, подводимой под эту часть речи, так и принципы ее классификации. В.И.Казарина и И.В.Нелюбова подводят под лексико-грамматическую категорию состояния неизменяемые лексически полнозначные и неполнозначные слова со значением состояния, занимающие позицию сказуемого или входящие в его состав в структуре безличного предложения и дифференцируемые в соответствии с этим на группы [9].

В английском и немецком языках проблематика категории состояния связана со многими вопросами: определением ее статуса, характеристикой лексико-

грамматических признаков и формальных показателей и т.д. Рассматривая категорию состояния, ученые оперируют понятиями «предикативы», «предикативные наречия», «безлично-предикативные слова» и т.д. В частности, О.Есперсен использует термин «предикативы» применительно к английским словам, обозначающим некое состояние, и подчеркивает их наличие не только в английском, но также в немецком и датском языках [7]. Категории состояния в немецком языке соответствуют модальные глаголы и наречия с модальным значением. В ряде грамматик немецкого языка пассив состояния рассматривается как эллипс или как самостоятельная глагольная конструкция типа *drittes Genus verbi neben dem Aktiv und Vorgangspassiv*.

В русском языке целый ряд монографических и диссертационных исследований посвящен этому лексико-грамматическому классу слов в силу их специфики. Несмотря на наличие характерных особенностей: обозначение различных состояний, морфологическую неизменяемость, синтаксическую функцию главного члена односоставного безличного предложения и др. – лексемы категории состояния и сегодня являются предметом острых дискуссий. В современной научной литературе четко обозначились два подхода к словам категории состояния. Ряд учёных (В.В.Виноградов, Н.С.Поспелов, А.Н.Тихонов, И.А.Диневич и т.д.) полагает обоснованным считать слова категории состояния самостоятельной частью речи [2; 4; 14; 15; 6], другие же исследователи (А.Б.Шапири, В.Н.Мигирин и т.д.) не признают их самостоятельность и включают в состав предикативных наречий [17; 11].

В силу развития языков все разряды таких лексем постоянно обновляются и становятся многофункциональными. Исследования Л.Э.Зангиевой показали, что в разных языках некоторые из лексем категории состояния полисемичны и их семантика часто зависит от контекста, в котором они могут быть [8]. Язык функционирует благодаря взаимодействию словаря и грамматики, вследствие чего конструкции с общей базовой семантикой могут в разной степени зависеть от лексического наполнения. Таким образом, структура лексического значения единиц, ориентированных на определенные конструкции, в известной степени моделируется активными процессами в синтаксисе [16, с.7].

Категория состояния интересна еще и тем, что этим словам принадлежит исключительная роль в организации коммуникативной структуры поэтических текстов [3]. Н.В.Панькова отмечает особую роль слов категории состояния как одного из средств языковой выразительности. В силу своих функциональных особенностей они могут выступать в качестве элементов художественно-композиционной структуры литературного текста. «Слова категории состояния обнаруживают свойственные и другим частям речи взаимные связи; как следствие, образуются повторы, различные синонимические и тавтологические сближения, ассоциативные ряды, играющие важную роль при построении литературного текста» [13, с.154].

Цель исследования – дать сравнительную характеристику лексико-семантического и грамматического употребления лексем категории состояния в русском, английском, немецком языках.

Новизна настоящего исследования заключается в том, что с опорой на традиционные классификации выполнен комплексный анализ семантического и грамматического употребления лексем категории состояния в русском, английском, немецком языках на материале национальных корпусов текстов сравниваемых языков (Национальный корпус русского языка, British National Corpus, Textkorpora des Instituts für Deutsche Sprache, Mannheim), несущих лингвокультурную информацию.

Основные положения

В середине XX века В.В.Виноградов писал, что слова категории состояния – это лексемы, имеющие общее значение «недейственного состояния, которое может мыслиться безлично» [2, с.324].

В настоящее время в русистике существует множество классификаций лексем категории состояния, традиционными из которых считаются классификации Н.А. Калмовой [10], А.Н. Тихонова [15]. В английском языке можно выделить детальную классификацию П.И.Шлейвиса [18], в немецком языке на сегодняшний день единая таксономизация отсутствует.

Сравнительно-сопоставительный анализ позволяет представить единую лексико-семантическую классификацию лексем категории состояния для русского, английского и немецкого языков:

- психическое и физическое состояние лиц, живых существ;
- состояние природы, окружающей среды и обстановки;
- модальная окраска, включающая значение необходимости, долженствования, возможности;
- оценка состояния или положения в пространстве и времени;
- отрицательная или положительная оценка состояния, включающая оценку интеллектуальности, оценку психологической, эмоционально-экспрессивной, эстетической окрашенности речи и морально-этическую оценку;
- оценка состояния со стороны зрительного и слухового восприятия решающее его судьбу.

Взяв за основу данную таксономизацию, проанализируем употребление лексем категории состояния в текстовых единицах национальных корпусов русского, английского и немецкого языков: «Национальный корпус русского языка» [12], «British National Corpus» [19] и корпуса немецкого языка «Textkorpora des Instituts für Deutsche Sprache, Mannheim» [20]. Выявленные в данных корпусах лексеммы мы таксономизировали по лексико-семантическим группам, идентичным для сравниваемых языков.

1. Слова, обозначающие психическое и физическое состояние лиц, живых существ:

а) душевное, эмоционально-психическое состояние человека:

Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
<p>«Ещё бы, – говорю... Мне вдруг стало тошно. Что происходит?» «Мне было страшно, я боялась, что захожу слишком далеко ...». «И когда это случится, на душе станет радостно и грустно» [Национальный корпус русского языка].</p>	<p>«There was some press comment, but still none of us were remotely afraid that we had done anything wrong». («Последовал резкий комментарий, но никому из нас не было страшно, что мы сделали что-то не так»).</p> <p>«He said: 'This young man is ashamed of what he has done». («Он произнес: «Этому молодому человеку очень стыдно из-за того, что он сделал») [British National Corpus].</p>	<p>«Sie ist sehr lustig». («Ей очень весело»).</p> <p>«Ich habe Angst». («Мне страшно»).</p> <p>«Es macht mich traurig». («Мне стало грустно») [Textkorpora].</p>

Данная группа лексем категории состояния репрезентируется наиболее часто во всех трех языковых картинах мира, однако имеет различные грамматические маркёры. В русском языке у слов категории состояния отсутствуют формы склонения и спряжения; они соотносятся с наречиями или прилагательными, от которых образованы, и имеют аналитические формы времени (*станет радостно, было страшно*). В английском языке лексем категории состояния маркируются нечленимыми и членимыми словами с элементом *-a* (*afraid, ashamed*), употребляются со связкой *to be* (*were afraid*). Немецкий язык представлен сочетаниями наречий или прилагательных со связкой *sein* в пяти временах, а также словосочетанием глагола *haben* (*иметь*) и существительного.

б) волевое состояние:

Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
<p>«А ему, трактористу, видите ли, лень было из кабины вылезать, лень было ворота отпирать». «Неохота мне было ей звонить [Национальный корпус русского языка].</p>	<p>«Children of this age are very eager to learn». («Дети их возраста охотно учатся»). «He is too lazy to move». («Ему лень с места сдвинуться») [British National Corpus].</p>	<p>«ich bin zu faul». («Мне лень сделать что-то»).</p> <p>«was hast du davon?» («Охота тебе?»).</p> <p>«mit diesem Menschen ist es eine wahre Qual». («С</p>

		этим человеком сущая мука») [Textkorpora]
--	--	--

Примеры употребления данной подгруппы лексем категории состояния в русском языке наглядно иллюстрируют грамматическую омонимию с существительными, от которых они образованы (*неохота, мука, лень*), и наличие аналитических форм времени (*было лень, будет мука*). В английском языке нечленимые лексеммы категории состояния, такие как *eager, prone, like*, употребляются с глаголом-связкой во всех временах. В немецком языке категория состояния репрезентируется грамматически при помощи глагола-связки и существительного.

в) физическое состояние живых существ:

Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
«Он долго падал в бездонную пропасть, и в ушах у него звенело, и шумело в голове, и было как-то знобко, как будто в жарком здании гуляет свирепая метель». «Просто было трудно, темно, холодно, голодно» [Национальный корпус русского языка].	«Let me in for I am cold and desolate and hungry». («Впустите меня – мне холодно, одиноко и голодно»). «He is uncomfortable or cannot communicate». («Ему неловко, и он не в состоянии общаться») [British National Corpus].	«mir ist kalt, mich friert». («Мне холодно»). «mir ist übel». («Мне тошно»). «ich bin hungrig, ich habe Hunger» («Мне голодно») [Textkorpora].

2. Слова, обозначающие состояние природы, окружающей среды и обстановки:

Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
«Тогда было мокро и грязно от подсыпавшего снега, снег налип на сосновые и кедровые ветки и тяжело гнул их, освобождая по капле». «Говорят, летом в городе тоже сухо, но при этом жарко и много растёт всего фруктового и вкусного» [Национальный корпус русского языка].	«It's not actually as cold as normal today». («Сегодня не так прохладно, как обычно»). «In the summer, open windows and in the winter, turn on the heating so it is warm and welcoming» («Летом открывай окна, а зимой включай отопление – будет тепло и уютно») [British National Corpus].	«Es ist regnerisch (дождливо), ich habe es sehr bequem». («ich sitze sehr bequem»). «im Lehnstuhl». («Мне так уютно в кресле»). «heute ist es warm». («Сегодня тепло») [Textkorpora].

3. Слова, обозначающие состояние с модальной окраской, то есть заключающие в себе значение необходимости, долженствования, возможности:

Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
«Матушка, полно тебе, – успокоил ее муж...». « Довольно Вам, боги, испытывать волю, терпение, дух и здоровье ее». « Не нужно опекать своего первенца до безрассудства» [Национальный корпус русского языка].	« <i>It is enough to say here that slag should be used sparingly as a soil conditioner from time to time.</i> » (« Достаточно сказать, что сленг должен использоваться редко»). « <i>Only one thing was clear: she mustn't hurt dear Peter.</i> » («Одно было ясно : она не должна была делать больно бедному Путеру»). [British National Corpus].	« <i>Ich darf mit einem Zitat beginnen.</i> » («Я должен начать с цитаты»). « <i>Was den Inhalt dieser Mitteilung betrifft, so soll es uns im wesentlichen um die folgenden Themen gehen.</i> » («В данном содержании речь должна идти о следующих темах»). « <i>Man darf nicht vergessen</i> » (« Не нужно забывать»). [Textkorpora].

В сопоставляемых нами языках лексемы категории состояния со значением необходимости, долженствования, возможности маркируются, как правило, модальными глаголами. Однако наиболее частотно их употребление в немецком языке (*man darf, ich muss, er soll*), поскольку в русском и английском языках значение модальности могут также образовывать наречия и прилагательные (*полно, достаточно, necessary, enough*).

4. Слова, обозначающие оценку состояния или положения в пространстве и времени:

а) оценка состояния относительно протяженности во времени:

Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
« Пора , мой друг. Не медли». «Подожди, но ведь ничего не поздно вернуть.» [Национальный корпус русского языка].	« <i>Then she worked awhile.</i> » («Затем она немного работала»). « <i>it is rather late.</i> » («Уже достаточно поздно ») [British National Corpus].	« <i>es ist Zeit anzufangen.</i> » (« Пора начинать»). « <i>ich bin nicht dazu gekommen.</i> » («Мне было недосуг »). « <i>Es ist spät zu denken.</i> » (« Поздно думать») [Textkorpora].

Маркёрами данной лексико-семантической группы в русском являются слова категории состояния, образованные из существительных и наречий. Темпоративы в английском языке *anew, afresh, awhile* выполняют синтаксические функции, характерные для наречия, т.е. функции обстоятельства. В немецком языке, как и в русском, данная лексико-семантическая группа представлена как существительными, так и глаголом-связкой с причастием.

б) оценка состояния относительно протяженности в пространстве:

Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
«Впрочем, даже в этом случае до демографической катастрофы будет ещё далеко». «По-моему, это вам близко, не правда ли?» [Национальный корпус русского языка].	«Adam lived <i>far away</i> from the parental home». («Адам жил далеко от дома своих родителей»). «We are very fortunate to live <i>near</i> Newmarket». («Им повезло жить рядом с Ньюмаркетом») [British National Corpus].	«... auch in Portugal – das unweit dieser Region liegt – unter einen besonderen Schutz». («... также в Португалии, которая располагается недалеко от этого региона под особенной защитой»). « <i>es ist sehr weit</i> ». («Это очень далеко ») [Textkorpora].

5. Слова, выражающие отрицательную или положительную оценку состояния:

а) оценка интеллектуальности:

Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
«Было ясно, что после этого разговора мы расстанемся, так зачем начинать что-то доказывать». «Как понятно из названия, пластинка четверохолмия состоит из четырех возвышений в виде полусфер» [Национальный корпус русского языка].	«It is <i>obvious</i> that this transfer of power will have a real effect on teachers in schools». («Это очевидно , что смена власти окажет огромное влияние на учителей в школах») [British National Corpus].	« <i>es war vollkommen klar</i> ». («Было совершенно понятно »). «Im Bericht wird <i>deutlich</i> ». («В сообщении ясно , что...») [Textkorpora].

б) оценка с точки зрения психологической, эмоционально-экспрессивной, эстетической окрашенности речи:

Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
«Рассказывал много историй с материнской, это было никак не похабно , а остроумно». «Это было великолепно » [Национальный корпус русского языка].	«Filomena immediately sensed something was <i>amiss</i> ». («Филомена немедленно почувствовала, что что-то было не так ») [British National Corpus].	« <i>Es ist scheußlich</i> ». («Это мерзко»). « <i>Es war wunderbar</i> ». («Это было замечательно ») [Textkorpora].

в) оценка морально-этическая:

Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
«А как я без волос-то ходить буду? Срам один». «Мне грех жаловаться – не бедствую, живу в хорошей квартире, езжу на хорошей машине, сыт» [Национальный корпус русского языка].	« <i>there is no harm / sin in taking a rest</i> ». (« Не грех и отдохнуть»). « <i>What a disgrace, I said, at your age</i> ». (« Какой, говорю, срам на старости лет») [British National Corpus].	« <i>Es ist wirklich eine Schande, daß wir und die anderen europäischen Institutionen, es war edelmütig</i> ». (« Это было великодушно »). « <i>schämst du dich nicht, so etwas zu sagen?</i> ». (« Грех тебе говорить так») [Textkorpora].

Маркировка лексем категории состояния со значением морально-этической оценки представляется интересной в трех языках. В русском языке данные лексемы являются образованными от существительных, в английском репрезентация происходит путем употребления конструкции *there is/there are*, а также конструкцией *what* в сочетании с именем существительным. В немецком языке маркировка схожа с морфологией русского языка: репрезентация происходит путем употребления существительного с предлогом и местоимением.

6. Слова, выражающие оценку состояния со стороны зрительного и слухового восприятия:

Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
«Я по-прежнему служу в госпитале, мне видно, во что обошлась эта офицерская авантюра». «А Лена не закрыла дверь, а так и стояла, и ей слышно было, как от соседей доносится смех ...» [Национальный корпус русского языка].	« <i>Melanie was always generous with the letters, reading parts of them aloud to aunt Pitty & Scarlett</i> ». («Мэлани всегда щедро зачитывала фрагменты писем тете Питти и Скарлетт вслух») [British National Corpus].	« <i>trotz der Dämmerung war alles noch gut zu sehen</i> ». («Несмотря на сумерки, было ещё хорошо видно»). « <i>man hört eine Stecknadel fallen</i> ». («Слышно, как муха пролетит») [Textkorpora].

Таким образом, в русском, английском и немецком языках лексем категории состояния обладают специфическими морфологическими и синтаксическими признаками, а именно:

- морфологическая неизменяемость,
- наличие категории времени,
- способность управлять падежными формами имен существительных и местоимений,

–синтаксическая функция главного члена односоставного безличного (для русского языка) или двусоставного (для английского и немецкого языков) предложения.

В русском языке категория падежа реализуется в сочетаниях слов категории состояния с именами существительными или местоимениями; в английском языке – с модальными глаголами, глаголами-связками, наречиями и усилительными частицами; в немецком языке – в составных именных конструкциях, выражающих категорию состояния, и не может быть реализована в модальных глагольных конструкциях без существительных.

В русском языке категория состояния функционирует в безличных предложениях при использовании следующих алгоритмов их построения: N3 – Praed, N2 – Vf 3s – N4, Advlok – cop – Praed. В английском языке лексемы категории состояния выполняют следующие функции – предикативного члена после глаголов-связок, определения, обстоятельства. В немецком языке наиболее продуктивными для выражения физического и эмоционального состояний лица, состояния окружающей среды (обстановки) в рамках морфологии являются модели следующих типов: A + B, A+B+C, A+B+D, где A – подлежащее, B – сказуемое, C – именная часть составного именного сказуемого, D – наречие.

При этом необходимо отметить, что морфологические модели, реализующие категорию состояния, свободны в плане лексического наполнения и грамматической категории времени, и постоянны в случае управления глагола-связки в составном именном сказуемом тем или иным падежом.

Выводы

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ показывает, что основу вышеописанной лексико-семантической классификации составляет идентичный семантический признак категории состояния, указывающий на целостность данной части речи вне зависимости от ее морфологической обусловленности и грамматических маркёров, репрезентируемых в русском, английском и немецком языках.

Исходя из вышеуказанного, можно заключить, что категория состояния представляет собой лексико-семантическую универсалию, реализующуюся в разных языковых картинах мира.

Литература

1. Бирюк И.Б. Репрезентация категории состояния в современном английском языке // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. – 2018. – С.144-150.
2. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М, 1977. – 312с.
3. Вольнец Т.Н. Поэтика слов категории состояния // Вопросы функциональной грамматики: сб. науч. тр. Вып.5. – Гродно, 2005. – С.211-226.
4. Галкина-Федорук Е.М. О категории состояния в русском языке // Русский язык в школе. – 1957. – №4. – С.6-18.
5. Глинкина Л.А. О динамике слов категории состояния в истории русского языка // Филологический класс. – 2016. – №1(43). – С.1-7.

6. Диневич И.А. Лингвокультурологическое исследование слов категории состояния: монография. – Курск, 2008. – 140 с.
7. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Иностранная литература, 1958. – 329 с.
8. Зангиева Л.Э. Некоторые проблемы лексических систем слов категории состояния в английском и других языках // Вопросы педагогики. – 2021. – №12-1. – С.142-149.
9. Казарина В.И., Нелюбова И.В. К вопросу о лексико-грамматической категории состояния в отечественной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – №3(69): в 3-х ч. Ч.3. – С.113-116.
10. Каламова Н.А. Категория состояния в современном русском языке. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 33 с.
11. Мигирин В.Н. Язык как система отображения. – Кишинев, 1973. – 312 с.
12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. // British National Corpus. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>; <http://corpus.bvu.edu/bnc/> (дата обращения: 10.09.2023).
13. Панькова Н.В. Слова категории состояния как стилистическое и изобразительно-выразительное средство языка [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2022. – №34 (429). – С.154-156. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/429/94557/> (дата обращения: 18.09.2023).
14. Поспелов Н.С. В защиту категории состояния // Вопросы языкознания. – 1955. – №2. – 178с.
15. Тихонов А.Н. Категория состояния в современном русском языке. – Самарканд: Изд-во Самарканд. гос. ун-та, 1960. – 43 с.
16. Циммерлинг А.В. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке // Вопросы языкознания. – 2018. – №5. – С.7-33. DOI: 10.31857/S0373658X0001394-2.
17. Шапиро А.Б. Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи // Вопросы языкознания. – 1955. – №2. – С.42-55.
18. Шлейвис П.И. Некоторые проблемы типологии лексических систем категории состояния в английском и русском языках // Уровни лингвистического анализа в синхронии и диахронии. – Пятигорск, 1997. – С.3-13.
19. British National Corpus [Electronic resource]. – Access mode: <http://corpus.bvu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.09.2023).
20. Textkorpora des Instituts für Deutsche Sprache, Mannheim. [Electronic resource]. – Access mode: <http://agd.ids-mannheim.de/download/frdok.pdf> (дата обращения: 15.09.2023).

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF LEXICAL-SEMANTIC AND GRAMMATICAL USE OF LEXEMES OF STATE CATEGORIES IN RUSSIAN, ENGLISH, GERMAN LANGUAGES

Kunovski Marina Nikolaevna

Candidate of philological sciences, associate professor,
head of the chair of Russian language №2
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian, 117198
Ph.: +7 916 373 82 61 (m.)
kunovski-mn@rudn.ru

Dinevich Irina Aleksandrovna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the Russian language chair №2
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian, 117198
Ph.: +7 910 311 27 47 (m.)
dinevich-ia@rudn.ru

Mayers Galina Nikolaevna

Senior teacher of additional education of Russian language chair №2
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian, 117198
Ph.: +7 910 219 92 64 (m.)
mayers-gn@rudn.ru

This article is devoted to the consideration of the peculiarities of the use of lexemes of the state category in Russian, English, and German languages through the prism of lexical-semantic and grammatical aspects. The article is based on the material of national corpora of texts of the languages being compared (National Corpus of the Russian Language, British National Corpus, Textkorpora des Instituts für Deutsche Sprache, Mannheim), carrying linguocultural information.

The authors touch upon the problems of comparative linguistics and present a general classification of state category lexemes based on lexical meaning for the Russian, English and German languages, and characterize the lexical-semantic groups that are common to the languages being compared.

In the article, the plan for expressing morphological and syntactic representation in Russian, English and German is considered. It has been proven that in all three languages, lexemes of the state category have morphological and syntactic features that distinguish them from words of other parts of speech: morphological immutability, the presence of a tense category, the ability to control the case forms of nouns and pronouns, the syntactic function of the main member of a one-compound impersonal (for the Russian language) or two-part (for English and German) sentences. The authors come to the conclusion that the category of state is a lexical-semantic universal that has unique ways of expression in different linguistic pictures of the world.

Keywords: category of condition; Russian language; English language; German; lexical meaning; morphological and syntactic representation.

**ТАВСИФИ ҚИЁСИИ ИСТИФДОАБАРИИ ЛУҒАВИЮ МАЪНОЙ
ВА ГРАММАТИКИИ ВОЖАҲОИ КАТЕГОРИЯИ ҲОЛАТ
ДАР ЗАБОНҲОИ РУСӢ, АНГЛИСӢ ВА НЕМИСӢ**

Куновски Марина Николаевна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
мудири кафедраи забони русии №2
Институти забони русии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 916 373 82 61 (м.)
kunovski-mn@rudn.ru

Диневич Ирина Александровна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
дотсенти кафедраи забони русии №2
Институти забони русии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 910 311 27 47 (м.)
dinevich-ia@rudn.ru

Майерс Галина Николаевна

Сарустоди таҳсилоти иловагии кафедраи забони русии №2
Институти забони русии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 910 219 92 64 (м.)
mayers-gn@rudn.ru

Мақолаи мавриди назар ба таҳлили хусусиятҳои қорбурди вожаҳои категорияи ҳолат дар забонҳои русӣ, англисӣ ва немисӣ тавассути ҷанбаҳои луғавию маъноӣ ва грамматикӣ онҳо бахшида шудааст. Мақола дар асоси маводи пайкараҳои миллии матнҳо дар забонҳои муқоисашаванда (Пайкараи миллии забони русӣ, British National Corpus, Textkorpora des Instituts für Deutsche Sprache, Mannheim), ки дорони иттилооти фарҳанги забонӣ ҳастанд, таҳия шудааст.

Муаллифон мушкилоти муаррифии қиёсӣ-муқоисавии забоншиносӣ ва таснифоти умумии вожаҳои категорияи ҳолатро дар пояи маъноӣ луғавиашон барои забонҳои русӣ, англисӣ ва немисӣ нишон дода, гурӯҳҳои луғавию маъноиро, ки барои забонҳои муқоисашаванда умумӣ ҳастанд, ҷудо кардаанд.

Дар қор нақшаи ифодашавии муаррифии сарфӣ ва нахвӣи забонҳои русӣ, англисӣ ва немисӣ оварда шудааст. Исроти қарда шуд, ки дар ҳар се забон вожаҳои категорияи ҳолат дорони

нишонаҳои сарфию наҳвие ҳастанд, ки онҳоро аз калимаҳои ҳиссаҳои дигари нутқ фарқ мекунонанд: тағйирнопазирии сарфӣ, мавҷуд будани категорияи вақт, қобилияти идоракунии шаклҳои падежии исмҳо ва ҷонишинҳо, вазифаи наҳвии сараъзои ҷумлаҳои яктаркибаи бешаҳс (барои забони русӣ) ё дутаркиба (барои забонҳои англисӣ ва немисӣ). Муаллифон ба ҷунин ҳулоса меоянд, ки категорияи ҳолат универсалияи луғавию маъноист, ки дорои тарзҳои махсуси ифодашавӣ дар манзараҳои гуногуни забонии олам аст.

Вожаҳои калидӣ: категорияи ҳолат; забони русӣ; забони англисӣ; забони немисӣ; маънои луғавӣ; муаррифии сарфию наҳвӣ.

УДК 82.09

ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА РАССКАЗА М.ГОРЬКОГО «ГОЛУБАЯ ЖИЗНЬ»

Березняцкая Марина Анатольевна

Кандидат филологических наук, доцент
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
bereznvatskaya-ma@rudn.ru

Денисенко Анастасия Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
bereznvatskaya-ma@rudn.ru

Статья посвящена анализу рассказа М.Горького «Голубая жизнь», который вошёл в цикл «Рассказы 1922-1924 годов» и неоднократно являлся объектом литературоведческих исследований. Однако не все аспекты изучения произведения получили достаточное освещение. Поэтому основной целью статьи является попытка осмыслить рассказ «Голубая жизнь» через его цветовую символику, помогающую раскрыть характеры персонажей произведения, их мысли, чувства, неосознаваемые движения души и поступки.

Научная новизна работы обусловлена выбором актуального для горьковедения аспекта анализа – рассмотрения новаторства писателя средствами модернистской поэтики.

Авторы отмечают, что цветовую символику рассказа «Голубая жизнь» можно рассматривать с точки зрения модернистского искусства и традиций немецкого романтизма, а также традиций русских поэтов-символистов, но сначала необходимо разобраться в восприятии её в различных культурах.

Цвета, чаще всего употребляемые М.Горьким в рассказе, неразрывно соединены с основным лейтмотивным голубым цветом, непосредственно связанным с Богом.

Авторы приходят к выводу, что цветовой фон создан писателем для осмысления читателем его произведения. Проследив текстовую закономерность «усиления» и «убывания» цветовых картин и выявив частотное соотношение цветовых характеристик, можно определить, какую роль играет тот или иной цвет в жизни персонажа. Через символику цвета читатель гораздо раньше основного хода событий определит, что может произойти с действующим лицом и что скрывается за его внешним обликом, а также о чем он мечтает и что пытается совершить.

Ключевые слова: голубой цвет; символ; символика цвета; внутренний мир персонажа; модернистское искусство; психологизм.

Рассказ «Голубая жизнь» был написан М.Горьким в 1924 году. В письме П.П.Крючкову от 2 апреля 1924 года, намечая состав книги «Рассказы 1922-1924 годов», Горький включил в нее и «Голубую жизнь» [1, с.452]. Но к этому времени рассказ, вероятно, еще не был закончен. Месяц спустя, 5 мая 1924 года Горький сообщал М.Ф.Андреевой: «Получил твое интересное письмо, ответить несколько запоздал, очень много работаю и боюсь отрываться для писем, не кончив рассказа. Теперь – кончил, называется «Голубая жизнь». Вышло, кажется, очень плохо. Переезды помешали, черт их возьми» [2, с.360]. О том, что им написана «Голубая жизнь», писатель уведомлял и В.Ф.Ходасевича в письме от 13 июля 1924 г.: «Написал рассказ, в котором глобус, примерное изображение земного шара, вертятся вокруг оси, наигрывает: «Чижик, чижики, где ты был?» [5, с.623].

Читатели и критика откликнулись на рассказ «Голубая жизнь» положительно.

«Меня очень увлек рассказ «Голубая жизнь», – сообщал автору 10 апреля 1926 года М.М.Пришвин, – один момент я стал трепетать за Вас, и вдруг все перешло в медицину – конечно, я выругался. Но замечательная там наметилась фигура Столяра, вроде как бы чёрта, особенно, Вашего, естественного чёрта. Да, у Вас, конечно, есть свой чёрт, как и у Ремизова, только у того мистически-условный, а у Вас естественный и очень уж читаемый чёрт. Но я так много думал об этом, что рассказать могу только постепенно в других письмах» [6, с.330].

20 ноября 1926 года психиатр И.Б.Галант писал Горькому, что для статьи ему очень нужна «подлинная» история болезни Миронова. Отвечая на это письмо 28 ноября 1926 года, Горький подчеркивал:

«Миронов «Голубой жизни» такая же «выдумка», как и героиня «Рассказа об одном романе».

Реальным лицом «Голубой жизни» является ялтинский переплетчик, но он имеет к моему рассказу о Миронове только внешнее отношение и введен мною в рассказ для придания ему большей «реальности», если хотите.

Я не уверен, сходил ли переплетчик «с ума», но, думаю, что если б Миронов выздоровел, он был бы похож на этого переплетчика. Вот и все.

Значит: ни в одной психиатрической лечебнице не может существовать истории болезни Миронова, по той причине, что Миронова – не было.

Не верьте беллетристам, Иван Борисович, они все выдумывают. Я совершенно уверен, что истории болезни гоголевского сумасшедшего – тоже не существует» [5, с.624].

Символический характер образа столяра и Миронова отмечал в статье о Горьком А.К.Воронский: «Очень своеобразен и интересен один из последних рассказов писателя – «Голубая жизнь», не лучший из всего написанного Горьким, но, пожалуй, самый характерный. <...> И Миронов и столяр при всем их реализме символичны; они воплощают в себе два человеческих начала: косность и озорное чудачество» [4, с.372-373].

Рассказ «Голубая жизнь» не раз являлся объектом литературоведческого анализа. Можно сослаться на труды Е.Б.Тагера «Творчество Горького Советской эпохи» и А.И.Овчаренко «М.Горький и литературные искания XX столетия».

Однако не все аспекты изучения «одного из самых характерных», по определению А.К.Воронского, рассказов Горького 1920-х годов получили достаточное освещение. На наш взгляд, одним из возможных путей анализа может стать осмысление характеров персонажей рассказа через цветовую символику.

Многие исследователи творчества М.Горького лишь отмечают, что в отличие от других рассказов цикла «Рассказы 1922-1924 годов», в которых жизнь и люди окрашены в основном в серый цвет – символ будничного и обывательского (а серое, сгущаясь становится темным), в «Голубой жизни» перед читателями «разворачивается совершенно иной мир – пестрый, красочный, фантастический» [8, с.209]. Несомненно, это так. Даже если обратить внимание на предыдущий рассказ цикла «Анекдот», то можно увидеть в нем преобладание блеклых цветов: черного («черный ночной дождь», «черный конь»), серого («серый халат Егора Быкова», «серые, облачные мысли», «серая компания Якова», «серые волосы Кикина»), белого («белое пятно двери», «белые изразцы печи»). Лишь при описании внешности и одежды главных персонажей рассказа или пейзажных зарисовок М.Горький использует яркие цвета: зеленый («зеленые глаза»), красный или красноватый («красная рожа», «красные облака», «красноватые пятна»), синий или голубоватый («синяя рубаха», «голубоватые глаза»). Но это только единичные примеры.

А в рассказе «Голубая жизнь» писатель акцентировал свое внимание на голубом цвете уже в самом заглавии. Видимо, на это его вдохновила любимая Италия, куда М.Горький переехал из Чехословакии весной 1924 года, находясь в эмиграции. Как раз в это время и был написан рассказ «Голубая жизнь». Горького восхищала красота этой страны, и он говорил, что «здесь природа, карнавал, море и горы – все играет и поет. Голые вершины гор и дикие заросли в пропасти кажутся такими легкими и воздушными, небо – бирюзовой голубизны, а заходящее солнце, совсем как апельсин, а ночь совсем темная, во всю ширину бухты после хрустальных огней, а на небе огромный пурпурный шар» [10, с.215]. Поэтому в этом небольшом по объему рассказе достаточно пестрым и разнообразным оказывается цветовой фон, на котором разворачиваются основные события. Однако четко прослеживается и текстовая закономерность то «усиления», то «убывания» цветовых картин в рассказе.

Мечты Константина Миронова о голубом праздничном городе, который полон «торжественно органного шума», городе «веселых людей и необыкновенных приключений, где жизнь текла легко, просто, не скрывая в себе ничего непонятного, и где даже такой злой человек, каков Рокамболь, не в силах всю жизнь делать зло» [5, с.265] окрашены яркими красками. В основном это синий и голубой цвета, а также их оттенки: голубой (небо, город, глобус, музыка, дом, краска, дым ладана, мысли, тишина), синий (небо, сумрак, краска, дом), синеватый (сумрак, чаша небес, облако). Вся эта великолепная цветовая гамма сменяется на жуткую серую реальность существования главного персонажа этого рассказа. «Вдали, внизу за оловянной полосой реки, за рыжей грудой зданий водочного завода и серыми пятнами домов земской колонии для душевнобольных опускается к песчаным холмам, в черные мохнатые кусты можжевельника, распухшее,

лишенное лучей оранжевое солнце, как будто оно, гладко обритое, ускользнуло из колонии для душевнобольных и прячется. Это повторялось каждый вечер и надоело, как страница многократно прочитанной книги» [5, с.264-265]. Здесь главенствуют блеклые краски, скупые портреты, больше внешних и поведенческих деталей характеристик, чем живописующих, ярких, красочных: неприятный столяр, Розанов с лысым черепом угодника божия, непонятный человек, маленький горбатый уродец, чугунная рука нищего, пренебрежительный голос, раздражающий запах, толстенькая, на коротеньких ножках девица и т.д. Из всех цветовых характеристик здесь преобладают серый и желтый: серый, бурый, черный, сероватый (бабочка, цвет лица столяра, пятна, пыль); желтый (гребень, кости зубов, чудовище, глаза фельдшера Исакова).

Затем снова цветовой фон усиливается, становится более ярким и разнообразным с появлением девушки, о которой мечтал и в которую был влюблен Константин Миронов, – Лизы Розановой: голубой, синий, сиреневый, розовый (лента, юбка, платье, блуза), причем, рассказчик по цвету одежды (голубые чулки, голубой бант) называет и героиню «голубая Лиза Розанова».

Очень интересно и то, что цветовая гамма меркнет в конце рассказа вместе с «выздоровевшим» Константином Дмитриевичем Мироновым. Душа мечтающей о голубой жизни личности умирает, а сам Миронов превращается в скучного, серого и бесцветного обывателя, теперь живущего лишь своими мелкими, личными интересами. «Голубая жизнь» превращается в «голубую тишину», а «голубые мысли и слова сменяет тревога». Горький теперь уже использует в описании внешности Константина Миронова черные и серые тона: «Большой серый нос опускался на жесткие щётки подстриженных усов, <...> глуховатый голос звучал монотонно, бесцветно. <...> По столу, щупая бумаги, цепко ползают пальцы правой руки с черными ногтями» [5, с.319].

В частотном отношении цветовые характеристики (авторами статьи рассмотрены лишь однословные) в рассказе расположены в следующем порядке:

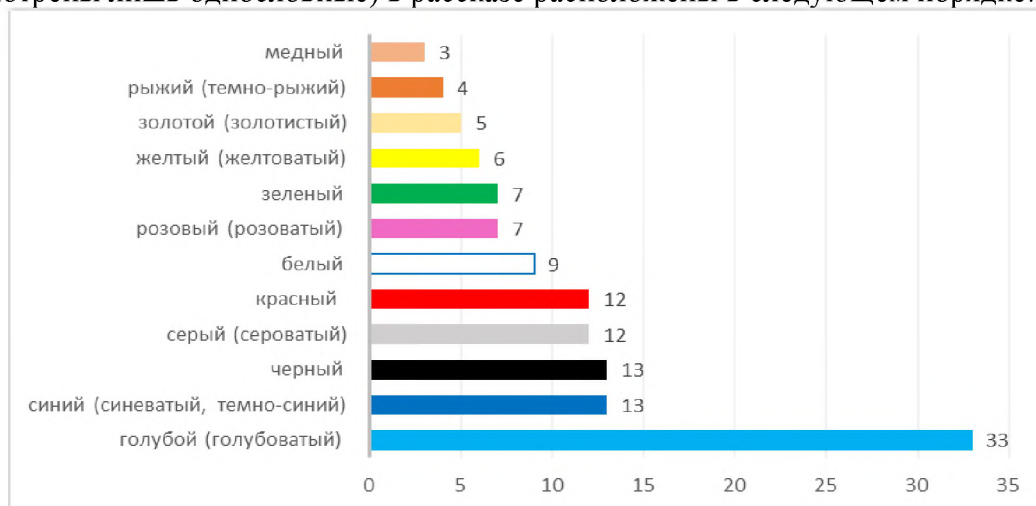

Рис. 1. Частотное соотношение цветовых характеристик в рассказе

Другие представлены единичными примерами: серебристый, оранжевый, лиловый, бурый, пунцовый.

К цветовым ощущениям в рассказе следует относить и так называемые «эффекты усиления и сгущения цвета»: «звук <...> возносится в голубую пустоту небес», «слова превращаются в голубую музыку», «фигура вылепилась на голубоватом фоне реки», «создатель голубой тишины» и т.д.

Таким образом, преобладающий цвет рассказа всё-таки голубой.

Н.Н.Примочкина в статье «В поисках обновления» (О рассказе Горького «Голубая жизнь») отмечает, что «в этом рассказе Горького используются и переосмысливаются некоторые устойчивые образы-символы модернистского искусства» [7, с.307], и останавливается на одном из них – цветовом символе «голубой». В поэтике символистов голубой – это цвет, заключающий в себе тайну «иных», «нездешних» миров. Но не только русские поэты-символисты пользовались символикой голубого цвета, а также близкие им художники. Сообщество художников, возникшее в 1907 году, носило название «Голубая роза», что указывало на приверженность его членов к твердо установленным идеалам и символам. Даже одна из картин ведущего художника этой группы, П.Кузнецова, называлась «Голубой фонтан».

А.Блок в статье «О «Голубой птице» Метерлинка», написанной в 1920 году, отмечал, что в немецком и французском языках синий и голубой обозначает одно и то же слово. Поэтому его статья и была названа именно «Голубая птица» Метерлинка и, вероятно, известна Горькому. По мнению А.Блока, Метерлинк в своей сказочно-символической драме следовал традиции одного из главных произведений немецкого романтизма – «Голубого цветка» Новалиса. Он писал, что «... цветок голубой, небо голубое, лунный свет голубой, волшебное царство – голубое ... и дымка, в которую закутана вся метерлинковская сказка, говорящая о недостижимом, – голубая, а не синяя» [3, с.512].

«Горький не только подхватывает в «Голубой жизни» традицию символического истолкования слова «голубой», но и по-своему переосмысливает ее», им используется цветовое определение «для обозначения романтических мечтаний героя, которые воплощаются в образах «голубой жизни» и «голубого города», «голубой музыки» и «голубой тишины», даже «голубых мыслей и слов». Необычность в реалистическом повествовании таких определений смягчается в контексте многочисленных опирающихся на реальность эпитетов: «голубой дом», «голубое платье», «голубой туман», «голубая пустота небес» и т.п. [7, с.308].

Н.Н.Примочкина обращает внимание и на многочисленные опирающиеся на реальность эпитеты: «голубой дом», «голубое платье», «голубой туман», «голубая пустота небес» и т. п., а также отмечает, что, как и у Блока, в рассказе разграничиваются голубой и синий цвета. Но для таких персонажей, как столяр Каллистрат и Розанов, этих разграничений не существует.

Н.Н.Примочкина подчеркивает ироничность и драматизм в названии рассказа, так как все явления окружающей действительности и предметы в основной части произведения видятся «сквозь двойную призму: призму восприятия героя и

призму легкой авторской иронии. Убогая жизнь уездной глуши, изображенная в произведении, входит в явное противоречие с определением «голубая».

Исследователь сравнивает рассказ «Голубая жизнь» М.Горького с рассказом А.Н.Толстого «Голубые города», в котором основной конфликт изображается с помощью сходного с горьковским символа. У А.Н.Толстого этот символ превращается в эмблему, простой знак. А сближает эти рассказы тема сумасшествия героя, который не может примириться с грязью и пошлостью жизни.

С мнением Н.Н.Примочкиной нельзя не согласиться, но стоит обратить внимание и на то, как цветовая гамма, а в частности и символика цвета, рассматривалась в различных культурах с древнейших времен. Она издревле воспринималась символически и получала различное религиозное и светское толкование.

Отец Павел Флоренский рассматривает символику голубого цвета с позиции того, что существует три языка: божественный, священный и мирской.

«Язык божественный обращается сперва ко всем людям и открывает им существование Бога; символика – язык всех народов, как религия – достояние каждой семьи, священства еще нет; каждый отец – царь и жрец.

Священный язык рождается в святилищах, он заведует символикой зодчества, ваяния и живописи, равно как и культовыми обрядами и жреческими одежаниями: это первое оплотнение заключает язык божественный в непроницаемые покровы.

Тогда мирской язык – <...> вещественное выражение символов, бывает пищею, брошенной нациями обратившимся к идолослужению» [9, с.428].

Следовательно, каждый символ тройственен; то же можно сказать и о цветowych символах.

На языке божественном голубой означает воздух, лазурь как цвет неба, Святой Дух и вечную Божественную истину, горний мир. В космогониях (учениях о происхождении вселенной) мир творит Божественная Премудрость, а потому Бога – творца сопровождает голубой цвет или с Ним соотносится. Вишну родился из голубизны. Кришна изображается с голубым телом. Верховное божество Египта, Кнеф, также изображается с голубым телом. Голубой цвет сопутствовал Зевсу (Юпитеру) и Гере (Юноне) – греческим и римским божествам небес, которые, как верили, живут выше облаков. Согласно книге «Числа», израильтянам было велено иметь на краях одежды голубую кайму, которая напоминала бы им о Боге.

Если обратиться к священному языку, то здесь различаются три оттенка голубого цвета: один, происходящий от красного, другой – от белого и третий – близящийся к черному. Поэтому не случайно в приведенном выше частотном соотношении цветов рассказа М.Горького «Голубая жизнь» сразу за голубым и синим следуют черный, красный и белый цвета. Голубой, происходящий от красного, представляет эфирный огонь; его значение – небесная любовь к истине. Голубой, происходящий из белого, указывает истину веры; он относится к библейским водам живым, или к крещению Духом. Голубой, близящийся к черному, приводит нас к космогонии, к Духу Божию, плавающему над хаосом; он относится к крещению естественному.

Эти три вида одного и того же цвета соответствуют трем главным степеням античного посвящения и троякому крещению христианскому: водою, Духом и огнем. Эти же три степени изображались, в большей отдельности, красками: красною, голубою и зеленою. В схеме цветов зеленый следует сразу за белым.

«Зеленый, черный и темно-голубой (– все это один символ –) указывают на мир, рождающийся на лоне первобытных вод, и первую степень посвящения» [9, с.430].

Таким образом, цвета, чаще всего употребляемые М.Горьким в рассказе, неразрывно соединены с основным лейтмотивным голубым цветом. А голубой цвет непосредственно связан с Богом. Горьковский Константин Миронов в «голубой жизни» видит своего Бога, который окрашен голубыми красками. Миронов не принимает Бога «земных храмов», так как он «отказался от людей», а «действует лишь дьявол-выдумка». Он даже пытается хоть как-то приблизиться к своему Богу, покрасив дом «голубой краской», выделиться перед ним, чтобы ощутить полный разрыв с реальной серой жизнью, и мечтает говорить с ним на языке голубого города Парижа.

По Гете, голубой цвет – это тончайшая мгла. Голубой всегда приводит за собой темное [9, с.433]. В данном случае темное – это сумасшествие Миронова, а потом и его выздоровление. Темнота Константина Миронова заключается в том, что он из мечтательного юноши превращается в человека, лишённого общественного кругозора, живущего лишь своими мелкими интересами. Следовательно, голубой цвет трансформируется в темный (серый и черный, как мы видим в частотной цветовой характеристике) вместе с его душой.

Необходимо обратить внимание на человека, который всячески помогает Константину Миронову дойти до такого состояния, столяра Каллистрата Крюкова. Для создания его образа автор использует преимущественно золотой и медный цвета. У столяра «золотые (медные, золотистые) усики», «медная борода», даже «голова курчавая золотится», хотя лицо бурого цвета, носит он «черный венчик», «серый пиджак», то «розовую», то «синюю рубаху». М.Горький все-таки, как мы видим, использует яркие краски для описания внешности Каллистрата Крюкова, но акцентирует внимание на золотом цвете. Золотой цвет близок к желтому, так как в геральдике желтым цветом обозначалось золото, которое носит название «ор».

В алхимии золото считалось застывшим солнечным светом. Золотой символизирует славу и Божественную власть (в связи с «солнечными» ассоциациями: свет, тепло, мощь), откровение любви и премудрости Божией. Это оживляющий и очищающий свет.

Таким образом, «золотой» столяр Каллистрат Крюков пытается властвовать над Константином Мироновым, поэтому М.Горький выделяет желтый или золотой цвет в образе столяра. И первым проявлением власти является, на наш взгляд, роспись дома Миронова цветастыми, красными, белыми, желтыми полосатыми чудовищными рыбами, лезущими в слуховое окно, как в вентерь. Этим деянием Крюков пытается разрушить цветовую гармонию «голубого», созданную Мироновым, и нарушить его внутреннее равновесие, а также смутить и

сбить с толку, чтобы лишний раз напомнить о себе людям провинциального городка, озадачить их.

Столяр искушает, пугает Константина Миронова и своими речами: «Ты, Миронов, сирота, учись жить весело, извивайся свободно, согрешешь – не беда, отчет давать тебе некому, хозяина – нет, понял? Кто твой хозяин, ну?» [5, с.504] «Я твой расчет понимаю. Думаешь, что если ты свободный сирота, так можешь чудить? Это ты, Миронов, оставь: чудить умеют только двое: я да черт, а ты еще нашему богу – бя!» [5, с.478] Эти слова еще раз доказывают, что столяр хочет стать хозяином Константину Миронову, то есть властвовать над ним, своеобразным посредником между ним и его «голубым Богом», подчинить своей воле его разум и душу. Это подтверждает и еще один факт. М.Горький в конце рассказа использует заглавную букву «С» («столяр» превращается в «Столяра»).

Каллистрат Крюков всячески пытается сделать так, чтобы Константин Миронов жил по его указке, хочет женить его на «отличной» толстенкой девице Серафиме. Эта яркая женщина, так называемая невеста, сразу ослепила Миронова «пунцовой шелковой блузой и жадным блеском множества мелких зубов». «Ее надутые щеки пылали багровым румянцем, на пальце левой руки блестел розовый камешек, Миронову показалось, что и глаза у нее розовые, как у белой мыши. <...> Когда она села на стул, белая юбка ее <...> приподнялась... Ее темные волосы гладко причесаны, <...> укреплялись на затылке желтым гребнем... Губы у нее очень красные, толстые, какие-то двухэтажные...» [5, с.501-502].

Н.Н.Примочкиной верно отмечено, что женские образы создаются М.Горьким по принципу «зеркального отражения». «Образ матери – огромной, вечно пьяной, с «мощным телом», с запахом лука и моченых яблок – корреспондирует с образом девицы Серафимы. Обе они воплощают бездуховное, плотско-материальное начало жизни. <...>

Противоположностью девице Серафиме является болезненная, тонкая, будто бесплотная «голубая» Лиза. Как бы следуя эстетическому канону символиста Сологуба, Горький создает два «вечных типа» женщины – Альдонсы и Дульсины, «грубой румяной бабищи» и прекрасной «Незнакомки» [7, с.306-307].

С мнением Н.Н.Примочкиной нельзя не согласиться, так как Миронов действительно, предаваясь мечте о «голубой» жизни, не хотел повторить семейную жизнь своих родителей. Серафима напоминала ему мать и отталкивала скудным внутренним миром. Ее интересовали лишь моченые яблоки да пироги с рыбой. Константин Миронов сразу понимает это и чувствует к Серафиме лишь отвращение. В его мыслях все больше и больше идеализируется болезненная Лиза Розанова как осуществление заветной мечты.

У М.Горького практически во всех произведениях за уродливой, серой, неброской внешностью скрывается красота духовного мира, а за яркой и красочной – пустота и бездушие.

Цвет в рассказе М.Горького «Голубая жизнь» является также предвестником какого-либо события в жизни того или иного персонажа.

Однажды в комнате Константина Миронова возникает человек, «одетый в желтое». «Лицо у него было надутое, синее, и по синеве его забавно плавали ка-

кие-то необыкновенные желтые глаза» [5, с.512]. Это был фельдшер Исаков постоянно «потиривший ладонью свой синий подбородок». «Синий», с точки зрения психологии, символизирует сомнение и депрессию, а желтый – цвет болезни. Поэтому-то Константин Миронов сначала ощущает неуверенность в том, что говорит ему Каллистрат Крюков, а затем впадает в угнетенное психическое состояние, за которым следует умопомешательство и потеря рассудка.

Таким образом, цветовую символику рассказа М.Горького «Голубая жизнь» можно рассматривать с точки зрения модернистского искусства и традиций немецкого романтизма, а также традиций русских поэтов-символистов, но необходимо разобраться в восприятии ее в различных культурах.

Цветовой фон создан М.Горьким не только для того, чтобы на нем разворачивались основные события, но и для осмысления читателем его произведения. Проследив текстовую закономерность «усиления» и «убывания» цветовых картин, а также выявив частотное соотношение цветовых характеристик, мы имеем возможность предположить, какую роль играет тот или иной цвет в жизни персонажа. Через символику цвета читатель гораздо раньше основного хода событий определит, что может произойти с действующим лицом и что скрывается за его внешним обликом, а также, о чем он мечтает и что пытается совершить.

Цвет мечты Константина Миронова – голубой – толкает его на единственный в жизни ничтожный поступок – перекрасить собственный дом в спокойный синеватый цвет. Это желание возникло у Миронова именно после встречи с «голубой» Лизой Розановой на реке, когда он, чувствуя себя неудачником, посмотрел несколько иначе на свое прежнее жилище, коричневая краска фасада и ворот, зеленая – ставень которого выгорела, вздулась пузырями и облупилась. В это мгновение к нему пришла мысль: «Надо перекрасить». Покраска дома в «голубой» цвет – единственный сознательный поступок главного персонажа рассказа, совершенный на протяжении всего повествования. И ничтожен он по природе своей лишь потому, что только так Миронов попытался произвести впечатление на девушку своей «голубой» мечты Лизу Розанову и осуществить нечто, созданное его воображением, мысленно представляемое. Иначе Константин Миронов поступить не мог, так как внешность его была далека от совершенства: «... неподвижные темные глаза, разделенные широким переносьем, левый глаз немного косил, как бы заглядывая на оттопыренное восковое ухо; над верхней губой, затемненной черным пухом, опускался бесформенным комом желтый нос, на голове непокорно торчали вихрами жесткие темные волосы. Ему казалось, что все у него растет в разные стороны... руки слишком длинные, и неприятно тонкие их пальцы, рот – велик и набит такими неровными зубами, что не хотелось улыбаться» [5, с.472], и сам он был замкнут в себе и совершенно неприспособлен к жизни, благодаря своим родителям. Их жизнь сказалась на формировании души Константина. Его родители были полной противоположностью друг другу. Грузная крикливая мать ревниво следила за чистотой в доме. Тощий с весело горевшим глазом чахоточный отец представлялся юноше человеком необыкновенным, «легким, как птица, беззаботным странником на земле». Странные шутки отца, непрекращающаяся грубость матери, их противостояние, основанное на пред-

ставлении о боге и проявлявшееся во внешней богомольности матери и безбожестве отца, усилили скрытность и замкнутость юноши, заставили его еще больше предаваться размышлениям в самом себе.

Таким поступком Миронов пытается выразить самого себя, открыть свои мечты окружающим и самореализоваться. Но здесь он наталкивается на всеобщее презрение и осуждение «серых обывателей» в лице Ивана Ивановича Розанова, считающего себя в силу своего имущественного положения вправе вмешиваться в чужую жизнь.

Не случайно М.Горький вводит в начало повествования сразу обоих персонажей – Миронова и Розанова. Причем этим он как бы пытается отделить Константина Миронова от остальных обывателей города, представленных в образе Ивана Ивановича Розанова. «Константин Миронов, сидя у окна, смотрел на улицу, пытаясь не думать.

Разогнав дымчатые клочья облаков, похожие на овечью шерсть, ветер чисто вымел небо, уложил затейливыми фестонами пыль немощной улицы и притих, точно сам зарылся в пыль. Слетелись воробьи; прыгая мячиками, они шумно и хлопотливо выщипывают перья с отрубленной головы петуха; из подворотни Розановых вылез одноглазый черный кот, прилег, нацелился, прыгнул, но, не поймав воробья, потрогал мягкой лапой петушиную голову, взял ее в зубы, встряхнул и, не торопясь, солидно разводя хвостом, унес добычу в подворотню.

Твердо шагает почтенный Иван Иванович Розанов, гонит перед собою палкой рыжего козла; в городе заблаговестили ко всеобщей. Розанов снял фуражку, обнажив лысый череп угодника божия, одобрительно взглянул в синее прохладное небо; козел тоже остановился, встряхивая бороною, глубоко воткнув копыта в пыль» [5, с.464].

В роли кота здесь выступает, конечно же, Розанов, в честности и неспособности к низким, антиаморальным и антиобщественным поступкам которого никто и никогда не сомневался. Роль пострадавшего петуха достается, естественно, Константину Миронову, об этом свидетельствует финал его истории. Отрубленная голова петуха, валяющаяся на дороге, олицетворяет психическое выздоровление Миронова, превращение его в серого, бесцветного, монотонного и скучного человека, живущего лишь своими мелкими, личными интересами с девушкой своей некогда «голубой» мечты Лизой Розановой.

Ничтожный поступок – окрашивание дома в голубой цвет – не принес Константину Миронову счастья человеческой жизни, так как не получил от окружающих признание, а лишь привел к разрушению и деградации его личности. Попытка самоутвердиться при помощи «голубой» мечты оказалась губительной для главного персонажа рассказа и превратилась в жалкое существование в душной комнате с неохотою погибающей за шкафом мухой.

Литература

1. Архив А.М.Горького. Т.14. М.Горький. Неизданная переписка. – М.: Наука, 1976. – 532 с.
2. Андреева М.Ф. Переписка. – Воспоминания. – Статьи. – Документы. – Воспоминания о М.Ф.Андреевой. – М.: Искусство, 1968. – 725, [9] с.
3. Блок А. Собрание сочинений: в 6 т. Т.4. – М.: Праматерь, 1971. – 478 с.
4. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. – М.: Новое лит. обозрение, 1994. – 385с.
5. Горький М. Полное собрание сочинений: в 25 т. Т.17. Заметки из дневника. Воспоминания. Рассказы 1922 – 1924 годов. – М.: Наука, 1973. – 631 с.
6. Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. – М.: Изд-во ИМЛИ, 1963. – 735 с.
7. Примочкина Н.Н. В поисках обновления // Неизвестный Горький: Сб. науч. тр. – М.: Наследие, 1994. – С. 301 – 314.
8. Тагер Е. Б. Творчество Горького советской эпохи. – М.: Наука, 1964. – 378 с.
9. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины: Опыт православной традиции. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 640 с.
10. Хьетсо Г. М. Горький. Судьба писателя. – М.: Наследие, 1997. – 344 с.

COLOR SYMBOLICS OF M.GORKY'S STORY “THE BLUE LIFE”

Bereznyatskaya Marina Anatolyevna

Candidate of philological sciences, associate professor
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian, 117198
bereznyatskaya-ma@rudn.ru

Denisenko Anastasia Vladimirovna

Candidate of philological sciences, associate professor
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian, 117198
bereznyatskaya-ma@rudn.ru

The article is devoted to the analysis of M. Gorky's story “Blue Life”, which was included in the cycle “Stories of 1922-1924” and has repeatedly been the object of literary studies. However, not all aspects of the study of the work have received sufficient coverage. Therefore, the main goal of the article is an attempt to comprehend the story “Blue Life” through its color symbolism, which helps to reveal the characters of the characters in the work, their thoughts, feelings, unconscious movements of the soul and actions.

The scientific novelty of the work is due to the choice of an aspect of analysis that is relevant for Gorky studies – consideration of the writer's innovation through the means of modernist poetics.

The authors note that the color symbolism of the story “The Blue Life” can be considered from the point of view of modernist art and the traditions of German romanticism, as well as the traditions of Russian symbolist poets, but first it is necessary to understand its perception in different cultures.

The colors most often used by M. Gorky in the story are inextricably linked with the main leitmotif blue color, directly associated with the God.

The authors come to the conclusion that the color background was created by the writer for the reader to comprehend his work. By tracing the textual pattern of “increasing” and “decreasing” color patterns and identifying the frequency relationship of color characteristics, it can be determined what role this or that color plays in the life of a character. Through the symbolism of color, the reader will determine much earlier than the main course of events what can happen to the character and what is hidden behind his appearance, as well as what he dreams of and what he is trying to accomplish.

Keywords: blue color; symbol; symbolism of color; the character's inner world; modernist art; psychologism.

РАМЗҶОИ РАНГҶО ДАР ҲИКОЯИ М.ГОРКИЙ «ҲАЁТИ КАБУД»

Березняцкая Марина Анатолевна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
bereznvatskaya-ma@rudn.ru

Денисенко Анастасия Владимировна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
bereznvatskaya-ma@rudn.ru

Мақола ба таҳлили ҳикояи М. Горкий «Ҳаёти кабуд», ки ба силсилаи «Ҳикояҳои солҳои 1922 – 1924» шомил буда, борҳо ба объекти таҳқиқоти адабиётшиносӣ табдил ёфтааст, бахшида мешавад. Аммо на ҳамаи ҷиҳатҳои омӯзиши асар пурра равшан карда шудаанд. Аз ин сабаб мақсади асосии мақола дар кӯшиши дарк намудани ҳикояи «Ҳаёти кабуд» тавассути рамзҳои рангии он, ки барои кушода додани характерҳои қаҳрамонони асар, афкор ва эҳсосоти онҳо, харакатҳои беихтиёри маънавий ва рафторашон мусоидат мекунад, зоҳир мегардад.

Навгонии илмӣ қор бо интиҳоби ҷиҳати барои горкишиносон муҳимми таҳлил – баррасии наоварии нависанда тавассути поэтикаи модернистӣ муайян мегардад.

Муаллифон зикр намудаанд, чки рамзҳои рангии ҳикояи «Ҳаёти кабуд»ро метавон аз нуқтаи назари санъати модернистӣ ва анъанаҳои романтизми немисӣ, инчунин анъанаҳои шоирони рамзгарои рус баррасӣ кард, вале аввал дарк кардани тарзи қабулкунии он дар фарҳангҳои гуногун лозим аст.

Рангҳое, ки М. Горкий онҳоро дар ҳикоя қор фармудааст, бо хатти сужаи кабуд, ки бевосита бо Худо марбут аст, вобастагӣ дорад.

Муаллифон ба чунин хулоса меоянд, ки сатҳи рангии асарро нависанда барои дарки асараш аз ҷониби хонандагон офаридааст. Бо таҳлили қонунмандии «қувватёбӣ» ва «пасшавии» манзараҳои рангҳо ва муайян кардани таносуби басомади рангҳо, муайян кардан мумкин аст, ки ин ё он ранг дар ҳаёти қаҳрамон қадом нақшо мебозад. Тавассути рамзи рангҳо хонанда аз гузашти асосии ҳодисаҳо хеле барвақттар муайян мекунад, ки бо шахси асосии амалкунанда чӣ ҳодиса рӯй медиҳад ва дар паси симои зоҳирии ӯ чӣ ниҳон аст, ӯ чиро орзу дорад ва чӣ қор қардан мецоҳад.

Калидвожаҳо: ранги кабуд; рамз; рамзи рангҳо; олами ботинии қаҳрамон; санъати модернистӣ; психологизм.

УДК 81'373.21 (575.3)

СЕМАНТИКА ЦВЕТА В ОНОМАСТИКЕ ТАДЖИКИСТАНА

Нуридинзода Махбуба Сироджидин

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 918 63 97 10 (м.)
mnuritdinova@mail.ru

Статья посвящена анализу семантики топонимов Таджикистана, связанных с символикой цвета, их лингвокультурологических особенностей. При описании значений географических названий оценивается роль цветосодержащей топонимики в процессе формирования языковой картины мира, отражающей многовековую историю и культуру таджикского народа. Показано, что цветообозначения выступают средством выражения духовно-нравственных ориентиров носителей таджикского языка. Отражая символику восприятия окружающего мира, они тесно связаны с обычаями, традициями, образом жизни народа, т.е. служат особыми знаками, раскрывающими отличительные черты определенной культуры.

В работе раскрывается символика белого, черного, красного цветов, определяются их семантические индикаторы. Отмечается, что цветовой символизм выступает основной категорией, формирующей систему взглядов этноса. Определено, что цветообозначения в таджикском языке несут в себе обширный информационный потенциал и характеризуются высокой аксиологичностью, поскольку транслируют бытие человека.

Раскрыта роль цветových обозначений в антропонимике, их особенности. В статье анализируется семантика тюркских топонимов со значением цвета, бытующих на территории страны, отмечается их специфика. Выявлена символика цвета в культуре древних тюрков, проведен их семантический анализ.

Ключевые слова: таджикский язык; ономастика; топонимика; цветообозначение; символика цвета; языковая картина мира.

Все культуры мира хранят в себе различные ценности, историю и уникальное культурное наследие. Одним из ключевых элементов культурного наследия являются топонимы, или названия географических объектов, которые не только указывают на местоположение региона, но и отражают его многовековую историю, культуру и особенности развития.

«Топонимы имеют пространственную привязку, являются свидетелями исторического развития географического ареала, его заселения народностями, рассказывают о характере их занятости в разные эпохи, об исторических событиях, о природных и хозяйственных особенностях местности» [3, с. 211].

Особое место в лексическом богатстве языка занимают топонимы, содержащие в своей семантике значение цвета. При изучении топонимики края, этнической культуры и истории его народа цвет и его символика вызывают особый интерес. Исследование лингвокультурологического аспекта таджикских топонимов, особенно топонимов, связанных с символикой цвета, позволяет раскрыть многогранный характер этой культуры и ее связь с историческими событиями и языковыми традициями.

«Цвет является одним из основных концептов культуры, носит универсальный характер, являясь общеупотребительным, частотным, входит в состав пословиц, поговорок и фразеологических оборотов... и оказывает сильное воздействие на психику и эмоции человека» [1, с. 56].

Цветовые обозначения служат особыми знаками, раскрывающими отличительные черты определенной культуры. Отражая символику культуры, они тесно связаны с жизнью, обычаями, традициями каждого народа.

Особое внимание следует обратить на обилие топонимов Таджикистана, которые обозначают цвет. Это название рек: Сурхоб – *красная вода в реке*, Сафедоб – *белая вода в реке*, Обикабуд – *голубая вода в реке*, Яшилкуль (тадж. *Яшилқул*) – *озеро серого цвета* (мутное), Каракуль (тадж. *Қароқул*) – *черное озеро*, Рангуль (тадж. *Рангқул*) – *цветное озеро*.

Рассматривая топонимы, «отражающие в своей семантике символику цвета, можно оценить роль цветосодержащей топонимики в процессе формирования языковой картины мира» таджикского народа [11, с. 338].

Каждый цвет издавна имел для людей символическое значение. На отношение к цвету влияет менталитет, культура, эмпирический опыт народа. Особенную роль в культурном восприятии мира у таджиков играет красный цвет. Он является отражением особенностей национальной культуры, ассоциируется с положительными эмоциями, радостью, красотой, любовью, здоровьем. Однако «в культурах европейских государств красный цвет ассоциируется с агрессией, опасностью, страстью, в Китае – с удачей, а в Южной Африке – даже с поражением и трауром».

Красный цвет в фольклоре таджикского народа, в народных традициях занимает особое положение. Он отражает его самобытность, специфику мировосприятия. Во многих регионах Таджикистана девушки на свадьбу шьют платье красного цвета, в интерьере дома предпочитается использование ковров, подушек, одеял преимущественно красных оттенков, щеки девушек сравнивают с красными цветами, например, «рухсораҳои лолагун» (*щеки красные, как тюльпаны*), с красным яблоком. Так, в волшебной народной сказке «Водарег» (тадж. «*Водарег*») при описании главного персонажа используется образное сравнение «рухсораҳояш чун себи сурх» – *лицо, как красное яблоко*. В других сказках именно красное яблоко наделено волшебной или целебной силой. В сказке «Горошек» женщина съела волшебное красное яблоко, после чего у нее появился сын.

Таджикская пословица «Гули сурх насиби хор аст» («Красный цветок достался колючке») уходит своими корнями в далекие старые времена, когда девушки без их согласия родители выдавали замуж за мужчин, внешне не всегда

привлекательных и намного старше. Гули сурх здесь красивая, юная девушка, а хор – недостойный ее мужчина.

В Государственном флаге Таджикистана широкая полоса красного цвета является символом приверженности народа свободе и независимости.

В таджикской поэзии красному цветку отведено особое место. Мирсаид Миршакар¹ в своих стихах девушку своей мечты называет гули сурх:

*Гули сурхе, ки ҳамранги рухи туст,
Тамошо кун, ниҳолаш бар лаби ҷӯст.*

Садриддин Айни² в своей газели, называя свою возлюбленную Гули сурх, пишет:

*Аз тамошои гули сурх аз чӣ мемондам ҷудо,
Гар ба каф, чун аҳли олам, дирҳаме медоштам!*

В таджикском языке красный цвет – *сурх* и его оттенки имеет различные лексические формы выражения. Например: кирмизӣ – красный, арғувон – пурпурно-красный, багровый, адхам – темно-красный, аҳмар (кн.) – красный, бечодаранг (разг.) – гранатовый, гулнор – ярко-красный, ваши – красноватый, гулгунӣ (поэтич.) – розовый цвет, лаългун и ёкутӣ – рубиновый, лолагун – алый, цвета тюльпана, муваррад – алый, красный, норӣ (кн.) – огненно-красный, гранатовый, озаранг – огненно-красный, шихобӣ – пурпурно-красный, хумра – красноватый и т.п.

Однако в топонимике края в основном используется традиционная форма *сурх*. Среди топонимов Таджикистана встречается достаточно примеров с компонентом *красный* (тадж. *сурх*): река Сурхоб – *красная река*, сельские населенные пункты Сурх – *красное*, Сурхи (тадж. *Сурхӣ*) – *краснота*, Хоксурхи (тадж. *Хоксурхӣ*) – *красная почва*, Калаи Сурх (тадж. *Қалъаи Сурх*) – *красная крепость*, Санги сурх – *красный камень*, Сурхката – *красное место*, Мазори сурх – *могила красного солдата*. Мазори сурх – *красная мечеть* в Ворухе, названа так из-за возвышающегося возле мечети камня красного цвета. Мечеть Ходжа Абдуллохи Сурхи (тадж. *Масҷиди Абдуллоҳи Сурхӣ*) названа в честь почитаемого праведника, а определение *сурхӣ* получила по цвету почвы в окрестностях мечети. На территории села Сурх расположен приграничный пункт Тангии Сурх. Название подразумевает узкий проход через село Сурх. Село Сурхкух (тадж. *Сурхкӯх*) – *красные горы* расположено в низинах одноименного горного массива Сурхкух (тадж. *Сурхкӯх*), который имеет красную почву.

Топонимы Рашт, Рошткала (тадж. *Роштқалъа*) образованы от восточноиранского (шугнанского) слова рашт/рошт, которое так же означает *красный*. Рошткала – *красная крепость*, по старинными поверьям была красной от крови крепостных, которых сбрасывали с крепости за какую-либо повинность.

¹ Мирсаид Миршакар — советский таджикский поэт, один из зачинателей таджикской детской литературы, писатель, драматург, редактор, сценарист, общественный и государственный деятель.

² Садриддин Айни — таджикский и советский писатель, общественный деятель и учёный, автор трудов по истории и литературе народов Средней Азии. Основоположник таджикской советской литературы. Герой Таджикистана.

На ягнобском языке в горных регионах страны сохранилось название села и одноименной речки Кимеррут, которое означает *красная река*. Это название считается уникальным и требует дополнительного исследования.

Названия сел Кизили (тадж. *Қизилӣ*), Кизил мазор (тадж. *Қизил мазор*) образованы от тюркских слов, где значение основного компонента – *красный*. Если село Кизили отражает в своем названии красную почву местности, то Кизил мазор и село Мазори сурх говорят о месте захоронения воинов-красноармейцев, погибших за установление советской власти в борьбе с басмачеством. Название сел Сурх и Калаи Сурх (тадж. *Қалъаи Сурх*) так же названы в честь Красной армии как вооруженной опоры советской власти.

«В каждом из этих случаев объяснить ... название можно разными причинами – влияние революции, местные легенды, природные особенности» [8, с. 138]. Как видно из примеров, таджикские топонимы рождались и изменялись в зависимости от конкретных событий, истории или особенностей региона.

В именах таджиков красный и другие цвета почти не выявляются. Цветообозначения сохранились в таджикских фамилиях: Сурхов, Зардов, Кабутов, Сабзов, которые передаются из поколения в поколение. Возможно, со временем «цветные фамилии» полностью исчезнут, так как в настоящее время молодежь активно меняет свои фамилии на исконно таджикские с компонентами *-зода/-зод*, *-сур/-духт* и т.п. При образовании новых форм от «цветных фамилий» с вышеназванными компонентами проявляется их «семантическое неблагозвучие».

Другой цвет, встречающийся в топонимике Таджикистана, – сафед – *белый* и его тюркский вариант *оқ*. Белый цвет чаще всего встречается в названиях водоёмов: озеро Сафедкул, родник Сафедчашма, реки Сафедоб, Сафедсангоб, Оксу (тадж. *Оқсу*), озеро Оккул (тадж. *Оққул*), родник Окбулок (тадж. *Оқбулоқ*). Эти же названия носят населенные пункты, находящиеся у одноименных водных объектов. Компоненты *сафед/оқ* соотносятся со значением *чистый, прозрачный*, так как цветообозначение топонимов связано с восприятием этих особенностей воды. Другие водоемы отличаются своими цветообозначениями: Обикабуд – *голубая вода в реке*, т.е. *чистая и прозрачная*, как и белая вода, Обихингоу – *серая (мутная) вода в реке*, Яшилкуль (тадж. *Яшилқул*) – *озеро зеленого цвета*, Рангкуль (тадж. *Рангқул*) – *цветное озеро*. В этом озере в течение дня вода меняет свой цвет от бирюзового, сине-голубого до фиолетового. Таким же образом озеро Нофин, по свидетельствам жителей села, раз в неделю приобретает красный цвет, озера Хафт кул (тадж. *Хафт қул*) – семь озер имеют необычный яркий бирюзовый окрас. Однако в их названии цвет воды не обозначается.

В таджикской культуре, как и во многих других культурах, белый цвет символизирует чистоту, святость и невинность. В исламе он так же отражает стремление к святости, духовности и чистоте. Поэтому прозрачная чистая вода чаще всего отождествляется с белым цветом. У таджиков пожелание счастливого пути, пожелание молодоженам счастливой семейной жизни передается

сочетанием *роҳи сафед* – светлого (белого) пути и, соответственно, *бахти сафед* – светлого (белого) счастья с использованием слова *сафед* – белый. То же самое наблюдается в сочетаниях *дили сафед* – чистое сердце без злобы и зависти, *сафед кардан* – оправдать, *сурхию сафедӣ задан* – использование румян и пудры (белизны) для макияжа, *сафедӣ овардан* – преподношение подарка в виде отреза белой материи в знак добрых начинаний, например свадьбы. Как видно из примеров, белый цвет соотносится со всем чистым, добрым, праведным и счастливым. С белым цветом связано все положительное в жизни людей, особенно свадьба, так как белое предполагает начало нового этапа жизни, в клятвах верности используется сочетание *қасам бо шири сафеди модар* – клянусь белым молоком матери, а признаком мудрости считается *сафедии муӣ* – седина волос, *муӣсафед* – старец. На Государственном флаге Таджикистана широкая полоса белого цвета является символом счастья, мечты и надежды народа.

Все эти «семантические индикаторы» [2, с. 69] белого цвета в таджикской культуре раскрывают их символическое значение, отражающееся в духовной чистоте, доброй натуре, человеческом счастье.

Черный цвет в топонимических названиях несет в себе сакральное значение. Каракуль (тадж. *Қароқул*) – *черное озеро* считается самым крупным озером в Таджикистане. Вода в озере соленая, от этого она имеет горьковатый вкус. Рыбы в озере нет. Местные жители называют воду озера мертвой из-за этих свойств воды. В определенное время дня в яркий солнечный день вода в озере имеет черный оттенок, хотя в целом она отличается чистотой и прозрачностью. Окружают озеро лед, снег и камни. Возможно, все эти особенности озера создали условия для наименования его пугающим черным цветом, имеющим связь с нечистой силой.

В Таджикистане село Зарчашма называлось Карамазор (тадж. *Қарамазор*) – *черная могила*, другое одноименное село Зарчашма – Карабулак (тадж. *Қарабулоқ*) – *черный родник*, село Джангалзор (тадж. *Ҷангалзор*) – Караджангал (тадж. *Қараҷангал*). Название ущелья, реки и поселка Каратаг (тадж. *Қаратог*) означает с тюркск. *черная гора*, название реки, ущелья, долины Карасу (тадж. *Қарасу*) – *черная река*, горы Каратау (тадж. *Қаратой*) называются *черные горы*, села Каракуш (тадж. *Қарақуш*), Каракушхона (тадж. *Қарақушхона*) – *место обитания черного орла* и, соответственно, *гнездо черного орла*, Каратобон (тадж. *Қаратобон*) – *черный блеск*, Каргакт (тадж. *Қарагак*) и Каргакти хон (тадж. *Қаргакти хон*) – *место скопления мелких черных камней*, где топоформанты **-хо**, **-хок** означают в ягнобском языке источник.

Как видно из названий географических объектов, на территории Таджикистана имеется большое количество топонимов тюркского происхождения со значением *черный*. Таджикских названий, обозначающих *черный цвет* – *сиёҳ*, очень незначительное число. Например, название речки Сиёмы включает слово *сиёҳ* – *черный*, вероятно, из-за природных особенностей окрестности.

Названия тюркского происхождения с цветообозначением *қара* – *черный* встречаются как в Таджикистане, так и во многих странах мира, например:

Карасу, Карабаш, Карабей (Азербайджан), Карасув (Узбекистан), Карабай, Карабаш (Татарстан) и т.п.

В восприятии таджиков черный ассоциируется с ночью, с темнотой: *сиёҳӣ – ночной мрак*, *сиёҳӣ пахш мекунад – кошмары мучают по ночам*, *чашми ӯ сиёҳӣ зад – у него потемнело в глазах*. Черный всегда в оппозиции с белым, т.е. тьма противопоставляется свету. «В символической области оппозиция белый – черный может входить в равносильный ряд с парами хороший – плохой, добрый – злой, живой – мертвый» [1, с. 57]. Это заметно в часто используемой народной пословице «Охири шаби сиёҳ рӯзи сафед аст» – *Черная ночь всегда заканчивается белым днем*, в выражениях бахти сиёҳ – *несчастный* и противопоставленном ему бахти сафед – *счастливый*, сиёҳ кардан – *очернить*, а сафед кардан – *оправдать*. Если во многих культурах белый цвет считается цветом смерти и загробной жизни, то у таджиков черный символизирует смерть, траур, например: *рузи сиёҳ* дословно обозначает черный день, день смерти, день траура. Но черный связан и с «...некой тайной, с образом запретного плода, одинаково прельстительного и страшного, а также с различного рода проявлениями страсти» [4, с.29]. Например: *сиёҳчашм – черноокая*, т.е. о девушке с черными глазами, *сиёҳабру – чернобровая*, а *сиёҳмӯй – темноволосая*. Женские черные глаза символизируют страсть, а волосы – неизвестность, таинственность, независимость и власть их обладателей. «Черный цвет имеет широкое поле культурных ассоциаций» [5, с.42].

В связи с вышеизложенным можно определить «символические значения черного цвета, которые выявляются следующими семантическими индикаторами» [1, с. 58] :

1. Страх, присутствие нечистой силы;
2. Смерть, загробный мир;
3. Злоба, зависть.

Отрицательная семантика, связанная с символикой цвета, не может быть использована в названиях географических объектов Таджикистана.

В тюркской культуре «синий цвет считается олицетворением неба» [11, с.341], что отражается в названии населенного пункта Кукташ (тадж. *Кӯктош*), где *кӯк* – синий, *тош* – камень. В Турции и других регионах так же встречаются населенные пункты с таким названием. «Палитра основных природных цветов – белого, черного, красного, синего и зеленого накладывалась на всю национальную культуру народов Востока, являясь одним из элементов их традиционного мировоззрения» [11, с. 433].

Зеленый цвет в топонимике тюркских народов связан с исламом. В Таджикистане название озера Яшилкуль (тадж. *Яшилкӯл*) с тюркским компонентом, вероятней всего, не имеет религиозной семантики. Скорее, это название ассоциируется с живописным озером в высокогорье, окруженным зеленым растительным миром.

В тюркской лингвокультуре семантический анализ черного, белого, красного цветов в названиях топонимов демонстрирует многообразие их «...значений,

раскрывающих восприятие мира древними тюрками. Символы цвета определяются как уникальный код общетюркской культуры» [9, с.59].

В таджикской лингвокультуре восприятие цвета отличается от тюркской и других культур. Например, символические значения белого, черного и красного цветов воспринимаются через определенные семантические индикаторы, которые мы рассматривали выше. Зеленый цвет отождествляется с синим цветом – *кабуд*, т.е. языковая картина мира таджиков изображает зеленый и синий одним цветом, например: зеленый чай – *чоии кабуд*, зелень для использования при изготовлении и приеме пищи – *кабудӣ*, платье зеленого цвета – *куртаи кабуд* и т.п. В то же время кабуд может обозначать *синий* и *голубой* цвет. В современном таджикском языке зеленый цвет обозначается относительными прилагательными *сабз* от *сабза* – *зелень*, *зангор* – *темнозеленый* от *занг*, т.е. цвета ражавчины, *осмонранг* от небесного цвета – *голубой*.

В топонимике края географических названий со словом *сабз* не встречается. Примером может служить лишь название города в Узбекистане Шахрисабз – *зеленый город*. Этот город, известный под названием Кеш, – один из древнейших городов Центральной Азии до XVI века.

В горных регионах Таджикистана есть села Кабудхок, Кабудахо (тадж. *Кабудахо*), Кабудхауз (тадж. *Кабудхауз*), названия которых означают, что на территории этих населенных пунктов, где много воды, растет сочная зеленая трава. Кабуд в названиях этих топонимов означает *зеленый*, а топоформанты – *хок* и *–хо* – *вода*.

Лексема *зеленый*, как веяние нового времени, встречается в ряде образных выражений: *барги сабз* – *небольшой подарок как знак внимания*, *сабзаи бахорӣ* – *весенняя зелень*, *майдони сабз* – *зеленая площадка, засеянная свежей травой*, *сабузу хуррам* – *пожелание быть молодым и счастливым*, *сабззор* по аналогии с *кабудизор* – *место, где растет зеленая трава*. *Сабз* является также компонентом мужского имени *Сабзали* в значении *зелень, зеленая трава*. Этим именем нарекают младенца с пожеланием быть всегда полным сил как свежая зелень. Однако женское имя *Сабзина* означает, что обладательница имени является смуглой, темной девочкой.

Как отмечает Г.Б.Хабиджанова, «исследование происхождения и развития цветовых предпочтений у разных народов позволяет погрузиться в сложный мир явлений культуры и интерпретировать различные аспекты, связанные, например, с передачей посредством цвета концепций мировидения, мифологические традиции, фольклорную символику, вопросы этнической истории» [10, с. 94].

Таджикистан – страна колоритов. Население страны отдает предпочтение ярким и пестрым цветам в одежде, в убранстве дома, в выборе интерьера жилых помещений. Таджикский атлас – национальная гордость, он сочетает в себе все яркие сочные цвета. Платье из атласа надевают в дни народных празднеств, на свадебные мероприятия. *Чакан* – широкое платье, украшенное ручной вышивкой – *гулдузи*, преимущественно красных, желтых, белых цветов. *Сюзане* – настенный декоративный ковер, вышитый разноцветными узорами вручную. *Покрывало* и одеяло для детской люльки принято шить из тканей красных

цветов. Если в других культурах считают, что красные и пестрые цвета вызывают агрессию, возбуждают нервную систему, то для таджиков превалирование ярких цветов считается в пределах нормы. Все эти атрибуты формируют идентичность современного Таджикистана.

Цветовые предпочтения отражаются и в выборе цветов. Мужской пол старается дарить женщинам красные цветы, а розовые, белые и желтые не пользуются популярностью. Красные цветы выразительны, они символизируют энергию, любовь и страсть.

У таджиков не принято дарить фиалки, у них печальный образ. Фиолетовый цвет *бунавиш*, образованный от *бунавиша* – фиалка, является вторичным. Оранжевый цвет – *чигарӣ* или, в зависимости от оттенка, *қаҳвагӣ*, т.е. *кофейный цвет*. Эти цвета не отражаются в языковой картине мира таджиков. «Цвет является важнейшим источником всей зрительной информации» [6, с.82].

Поэтому цветообозначение некоторых топонимов связано не только с восприятием картины мира, но и отображает реальный цвет. В «Топонимическом словаре» А.Л.Хромова по топонимии Ягноба и долины реки Фан-дарьи выделены названия, которые определяют особенности цвета местности. Населенные пункты Кухи сурх (тадж. *Кӯҳи сурх*) – красная гора, Кухи сиёх (тадж. *Кӯҳи сиёх*) – Черная гора, Кухи сафед (тадж. *Кӯҳи сафед*) – Белая гора отличаются цветом грунта, названия Санги сафед, Санги сурх, Сурхсанг говорят о расположении камней белого и красного цвета на территории сел. Аналогично можно объяснить название сел Куруми сафед (тадж. *Қуруми сафед*) – круглый белый камень, Куруми сиёх (тадж. *Қуруми сиёх*) – круглый черный камень. Село Кашкабулок (тадж. *Қашқабулоқ*) тюркского происхождения означает черно-белый родник. Подобные названия указывают на расположение на территории местности одноименных источников.

А.Л.Хромов в словаре обозначил названия сел с отличительными цветовыми показателями. Местность с желтоватой поверхностью называется Зарди (тадж. *Зардӣ* – желтизна), источник, вокруг которого растет желтая трава – Чашми зардак (желтый родник), перевал, ведущий к селу Сурхкат, где поверхность села красная – Сурхкати гар (тадж. *Сурхкати гар*), село у подножия белой горы – Сафедгар (тадж. *Сафедгар*), местность и участок горы с белыми и темными полосами – Сафедрова, речка с прозрачной водой и село с одноименным названием – Оби сафед (белая вода). Образное название села Сафедосмон – *белое небо* является отличительной особенностью топонимики этой местности.

Топонимы со значением цвета представляют большой интерес не только для языкознания, но и культурологии и истории, так как различные процессы, такие как миграция населения, этнические контакты, природные особенности, накладывали свой отпечаток и на географические объекты.

Литература

1. Власова Е.А. Лингвосоциокультурный аспект цветообозначений (на примере цветообозначений белый – white, черный – black, красный – red) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №5(59), ч.1. – С.56-59.
2. Власова Е.А. Символика черного цвета (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №5 (59), ч.2. – С.68-71.
3. Гатауллин Р.Г., Фатыхова Л.А. «Цветные» топонимы и их особенности // Вестник Башкирского университета. – 2018. – Т.23, №1. – С.211-217.
4. Забозлаева Т. Символика цвета. – М.; СПб.: Vorney-print, 1996. – 115 с.
5. Мартынов М.Ю. Радикальный черный: к вопросу о семантике черного цвета в анархическом дискурсе // Слово.ру: балтийский акцент. – 2017. – №4. – С. 41-55.
6. Козлова Н.Н. Цветовая картина мира на языке // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2010. – №3. – С.82-88.
7. Молчанова О.Т. Серые, синие, красные, промежуточные цвета в ономастиконе некоторых тюркских народов // Ареальные исследования по башкирской диалектологии и ономастике Башкирии. – Уфа, 1988. – С.89-103.
8. Сайненко Ю.В. Отражение культуры региона в топонимике Белгородского района Белгородской области // Вестник науки. – 2020. – №7(28), т.1. – С.135-140.
9. Тазегюль Е., Наханова Л. Культурная антропология: символика цвета в мировоззрении тюркских народов // Turkic studies journal. – 2021. – №2(4). – С.59-66.
10. Хабижанова Г.Б. Феномен цвета в этнической истории кочевых народов Центральной Азии // Вестник КазНУ. Серия «Историческая». – 2021. – №102 (3). – С.93-102.
11. Хамуркапарян Дж. Семантика цвета в тюркской топонимике // Преподаватель. XXI век. – М.: Прометей, 2013. – №3, ч.2. – С.338-344.
12. Хромов А.Л. Очерки по топонимии и микротопонимии Таджикистана. Вып.1. – Душанбе, 1975. – 83 с.

SEMANTICS OF COLOR IN ONOMASTICS OF TAJIKISTAN

Nuridinzoda Mahbuba Sirodjidin

Candidate of pedagogical sciences,
associate professor of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 918 63 97 10 (m.)
mnuritdinova@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the semantics of toponyms in Tajikistan associated with the symbolism of color, their linguocultural features. When describing the meanings of geographical names, the role of color-containing toponymy in the process of forming a linguistic picture of the world, reflecting the centuries-old history and culture of the Tajik people, is assessed. It is shown that color designations act as a means of expressing the spiritual and moral guidelines of native speakers of the Tajik language. Reflecting the symbolism of the perception of the surrounding world, they are closely related to the customs, traditions, and way of life of the people, i.e. serve as special signs that reveal the distinctive features of a particular culture.

In the article, the symbolism of white, black, red colors, and defines their semantic indicators is revealed. It is noted that color symbolism is the main category that forms the belief system of the ethnic group. It has been determined that color terms in the Tajik language carry extensive information potential and are characterized by high axiology, since they convey human existence.

The role of color designations in anthroponymy and their features are revealed. In the article, the semantics of Turkic toponyms with the meaning of color that exist on the territory of the country is analyzed, and their specificity is noted. The symbolism of color in the culture of the ancient Turks has been revealed and their semantic analysis is carried out.

Keywords: Tajik language; onomastics; toponymy; color designation; symbolism of color; linguistic picture of the world.

СЕМАНТИКАИ РАНГ ДАР ОНОМАСТИКАИ ТОЧИКИСТОН

Нуриддинзода Махбуба Сирочидин

Номзади илмҳои педагогӣ,
дотсенти кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 918 63 97 10 (м.)
mnuritdinova@mail.ru

Мақола ба таҳлили семантикаи топонимҳои Тоҷикистон, ки бо рамзи рангҳо алоқаманд аст, хусусиятҳои забонию фарҳангии онҳо бахшида шудааст. Зимни тавсифи маъноӣ номҳои ҷуғрофӣ нақши топонимҳои дорои мазмуни рангҳо дар раванди ташаккули манзараи забонии ҷаҳон, ки инъикосгари таърихи бисёрасра ва фарҳанги халқи тоҷик аст, тавсифи дода мешавад. Нишон дода шудааст, ки маъноӣ рангҳо ҳамчун воситаи ифода намудани арзишҳои маънавию ахлоқии ҳомилони забони тоҷикӣ баромад мекунад. Бо инъикоси рамзҳои қабулкунии олами атроф онҳо алоқамандии сахтро бо урфу одатҳо, тарзи ҳаёти халқ нишон медиҳанд, яъне ҳамчун аломатҳои махсусе, ки мухтасоти фарқкунандаи фарҳанги муайянро кушода медиҳанд, хизмат мекунанд.

Дар қор рамзҳои маъноӣ рангҳои сафед, сиёҳ ва сурх кушода гардида, нишондиҳандаҳои семантикии онҳо муайян карда шудаанд. Зикр мегардад, ки рамзи рангҳо ҳамчун категорияи асосие баромад мекунад, ки низоми дидгоҳи этносро ташаккул медиҳад. Муайян карда шудааст, ки маъноӣ рангҳо дар забони тоҷикӣ дорои захираи васеи иттилоотӣ буда, бо хусусияти баланди аксиологӣ тавсиф меёбад, зеро ҳастии инсонро таҷассум менамояд.

Нақш ва мухтасоти маъноҳои рангҳо дар антропонимика ошкор карда шудааст. Дар мақола семантикаи топонимҳои туркӣ бо маъноӣ рангҳо, ки дар қаламрави кишварамон мавҷуданд, таҳлил гардида, хусусиятҳои хоси онҳо муайян карда шудааст. Рамзҳои рангҳо дар фарҳанги туркҳои қадим ошкор гардида, таҳлили семантикии онҳо анҷом дода шудааст.

Калидвожаҳо: забони тоҷикӣ; ономастика; топонимика; маъноӣ рангҳо; рамзҳои рангҳо; манзараи забонии ҷаҳон.

УДК 413.11:90 (575.3)

ОПИСАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ И ИСТОРИКО-ТОПОНИМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АЙНИ И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ-ИСТОРИКОВ

Норов Мирзомурод Боймахмедович

Кандидат филологических наук,
докторант

Институт языка и литературы им. Рудаки НАН Таджикистана
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 38/1
Тел.: (+992) 600 31 96; 93 553 21 97 (м.)

В статье проводится сравнение репрезентации некоторых исторических фактов в романах выдающегося таджикского писателя С.Айни «Воспоминания» и «Рабы» и в исторических трудах «Маджма' ал-аркам» и «Памятные записки» Барнабади.

Отмечается, что С.Айни, который был не только талантливым мастером слова, но и скрупулёзным исследователем, в том числе в области истории таджикского народа, всегда стремился к поиску исторической истины, точному изображению фактов и событий. Главенствующим для него являлся принцип достоверности, что подтверждается отсутствием расхождений в изложении событий, происходивших в Бухарском эмирате XVIII-XIX веков. По мнению автора, использование в повествовании реалий, в частности топонимов, служит узнаваемости исторических фактов и возможности их проверки.

В качестве иллюстрации приводятся исторические топонимические термины из вышеуказанных произведений и ряда других авторов. Проводится анализ некоторых слов-терминов таджикского, арабского и тюркского происхождения. Касаясь вопроса географических названий, отмечено, что в Таджикистане нередки случаи присвоения некоторым селениям иного символического названия по имени похороненных там известных святых людей или в связи с нахождением возле какого-либо мазара, кадамджойя.

Ключевые слова: язык; таджикский язык; история; исторические трактаты; достоверность исторических фактов; топонимика; топонимические термины; сочинения С.Айни «Воспоминания», «Рабы»; сочинение Барнабади «Маджма' ал-аркам».

Достоверность многих исторических фактов можно определить, обратившись к письменным памятникам прошлого. Иначе говоря, факты объяснимы путем их сопоставления с аналогичными фактами, упомянутыми в разных источниках. Инструментом описания, объяснения и донесения фактов, событий и жизненных реалий является язык, который тесно связан с историей народа, и, поскольку посредством этого инструмента писатели и поэты изображают жизнь и события конкретной исторической эпохи, в определенной степени их можно назвать историками, а литературные произведения – источником ценных материалов по истории народа.

В этом плане язык, как система словесного выражения мысли и коммуникации, не остается незамеченным учеными и литераторами. Вот как русский писатель В.Распутин пишет об исключительной важности языка: «Язык вмещает в себе всё: и характер народный, и опыт, и историю, и философию, и верования, и чаяния, и тяготы в долгом пути. И духовное здоровье нации, нравственное ее состояние, прежде всего замечаются народным языком» [6, с.125]. Весьма характерно в этой связи также высказывание И.Гердера: «Все, что думали мудрецы давних времен, что когда-либо измыслил дух человеческий, доносит до меня язык» [5, с.236].

История знает имена многих феноменальных личностей, положивших начало духовному развитию общества. Например, Гомер по праву считается первым в новом греческом поэтическом жанре, а последующие творцы брали за образец своих произведений структуру его поэм, его греческий вкус и национальный дух. Он для греков стал символом гордости и национальной славы, ибо его творчество воистину восславilo возвышенные идеалы свободы и патриотического духе этого народа. По словам Гердера, «для греков Гомер был божественным вестником национальной славы, источником многогранной мудрости народной. Более поздние поэты шли за ним; поэты трагические заимствовали у него фабулы, поучительные аллегории, примеры и сентенции» [5, с.357]. Касаясь высоких непреходящих ценностей и гражданской доблести греков, Гердер также упоминает об эпитафии павшим спартамцам ради свободы страны при Фермопильском сражении в сентябре 480 года до н.э.:

*Путник, пойди возвести нашим гражданам в Лакедемоне,
Что, их заветы блюдя, здесь мы костями легли* [см.11, с.370].

Аналогию этих возвышенных слов после тысячелетий мы находим у ираноязычных народов, когда великий Фирдоуси, автор бессмертной «Шахнаме», с энтузиазмом и гордостью говорит:

Хама сар ба сар тан ба куштан диҳем,
Аз он бех, ки кишвар ба душман диҳем.
*(Мы готовы умереть на поле боя,
Чем просто отдать врагу Родину).*

Мы обнаруживаем сходные явления и факты повсюду. Сопоставляя похожие события, мы открываем те или иные стороны и особенности жизни предшественников. Древнегреческий автор Плутарх пишет, что «Платон, умирая, восхвалял своего гения и свою судьбу за то, что, во-первых, родился человеком, во-вторых, эллином, а не варваром и не бессловесным животным, а также и за то, что жить ему пришлось во времена Сократа» [11, с.549]. Подобное рассуждение мы заметим и в восточной литературе, когда говорят, что наш пророк тоже был благодарен судьбе за то, что родился во времена правления справедливого персидского царя Анушервана.

Итак, мы часто наблюдаем точное совпадение и последовательный ряд событий, которые встречаются у разных народов. Выходит, что великий Фирдоуси (хоть и по происшествии тысячи лет) оказался для ираноязычного мира тем человеком, каким являлся Гомер для эллинистического мира, и в новом периоде

развития таджикского языка и литературы таковым оказался С. Айни, чьи произведения оказали глубокое воздействие на последующие поколения.

Следует отметить, что исторических фактов в произведениях С. Айни много. По словам З. Раджабова, ещё в 50-е годы прошлого столетия академик Б. Гафуров справедливо подчеркнул, что «исторический материал в произведениях С. Айни отражает действительность эпохи и является одним из серьезных и надежных источников по истории таджиков» [12, с.6]. Чтобы убедиться в достоверности событий, описанных С. Айни, рассмотрим некоторые из них в сопоставлении с данными, приведенными другими авторами, а также ряд слов, в том числе топонимов, из «Воспоминаний» и «Рабы» С. Айни, из тазкире «Памятные записки» Мухаммада Риза Барнабади и сочинения «Маджма' ал-аркам» («Собрание цифр или Предписания фиска») Мирзы Бади' – диван.

Читатели давно знакомы с произведениями Айни. Что касается «Маджма' ал-аркам» Мирзы Бади' – диван и «Памятных записок» Мухаммада Риза Барнабади, отметим, что первый из них является уникальным памятником бухарского делопроизводства на таджикско-персидском языке, содержащим ценные материалы по административному и финансовому управлению Бухарского ханства XVIII-XIX вв. Оно в 1981 году с введением, переводом, примечанием и приложением А.Б. Вильдановой было издано на русском языке, а второй, составленный в первые годы XIX века, принадлежит Мухаммаду Риза Барнабади и содержит семейную хронику провинциального гератского рода, имеет обширный материал о событиях рубежа XVIII-XIX вв. В 1984 году данное сочинение с персидского на русский язык было переведено Н.Н. Туманович, которая снабдила перевод введением и примечанием.

Упоминая о существовании трактата о чинах и обязанностях, приложенного Мирза Бади' к своему сочинению, А.Б. Вильданова отмечает, что «изложенный в трактате принцип орошения земель Бухарского ханства сохранял свою силу в течение, по крайней мере, столетия после составления трактата» и «свидетельством этому является документ – прошение казия Абдалвахид садра, посланное эмиру Музаффару (1860-1885) по случаю маловодья в Каракульском вилайете» (административный вилайет Бухары), ссылаясь при этом на трактат о чинах, где «точно сказано, сколько воды и в какой очередности положено отвести Каракулью», и приводит выдержку из трактата. Оказывается, что эмир удовлетворил прошение Абдулвохида Сарира и поручил чиновникам заняться этим делом, в результате землям Каракуля была предоставлена вода» [8, с.22-23]. В «Образцах таджикской литературы» (1926) Айни с благодарностью упоминает Абдулвохида Садр Сарира [3, с.232] и пишет, что он почти пятьдесят лет занимал разные руководящие должности, добросовестно выполнял свою работу и в то же время занимался поэзией.

Имя Абдулвохида Сарира встречается и в «Воспоминаниях» [1, с.90]. По словам Айни, Абдулвохид Сарир, благодаря своим организаторским способностям и благожелательному отношению к людям, по указу эмира Музаффара руководил работами по рытью главного оросительного канала Шофуркома, будучи казием этого тюмена. Айни пишет, что его отец тоже причастен к этому делу, он,

увидев запущенность Шофуркомского канала, написал письмо эмиру, прося прорыть новое русло канала, после чего пришел фирман на имя тогдашнего казия Абдулвохида Сарира (глава «Новое русло Шофуркома») [2, с.79]. Таким образом, то, что говорит Мирза Бади' относительно прорытия канала, соответствует действительности, совпадая с фактами, изложенными в «Воспоминаниях» С.Айни. Противоречий здесь мы не обнаружили.

В сочинении «Маджма' ал-аркам» говорится, что все средства страны распределялись на четыре казны (байт ал-мал) [8, с.13]. В частности, четвертой казне принадлежали находки (лука́т) [там же, с.17-18]: «Обязанность великого михтара в том, чтобы ведать зекатом, //взимаемым/ по четверти десятины с мусульман, половине десятины подданных – иноверцев (зиммийан), по десятине с неподданных – иноверцев (харбийан), а также ведать находками и выморочными имуществом (лука́т) в виде вещей, денег, скота, зерна ...» [там же, с.97-98].

В «Воспоминаниях» С.Айни в главе «В Шофуркомском тюмене после прорытия нового канала» читаем: «Согласно неписаному закону бухарского эмира, казии объявляли казенным оставшееся бесхозным имущество (под названием «выморочное») (в таджикском варианте «лука́та») [2, с.88].

В «Маджма' ал-аркам» касательно взимания дополнительных налогов и поборов для нужд войны приводятся следующие сведения: «Если предполагается жалованье военным, а хараджа на это недостает, то прибегают к чрезвычайным налогам, установленным законом, чтобы предотвратить задержку платы войску» [8, с.96]. Точно таким же образом это обстоятельство описывает Айни в романе «Рабы». То есть информация автора «Маджма' ал-аркам» о сборе новых дополнительных налогов для покрытия военных расходов за счёт крестьян, повторяется и в романе «Рабы» [4, с.407]. Необходимо отметить, что события, описанные С.Айни в «Рабы», связаны со временем правления Шахмурада и эмира Хайдара. При Шахмураде, правившем в 1785-1800 гг., увеличились захватнические войны, процветала работоторговля. Ученый-историк З.Раджабов отмечает, что роман «Рабы» насыщен большим историческим материалом. В романе описываются события, относящиеся к работоторговле, которая в то время было обычным явлением, когда захваченных в пограничных районах людей (не только взрослых, но и детей) могли продавать как рабов на базарах Бухары. Академик А.А.Семенов пишет, что, «несмотря на обязательство, принятое бухарскими властями, отменить в ханстве рабство, таковое скрытно сохранялось вплоть до падения эмирата в 1920 г.; рабами в ханстве являлись главным образом иностранцы – пленные русские, калмыки, персы» [2, с.1059]. Рассказывая о событиях, связанных с работоторговлей, Айни пишет, что в пограничных регионах, в основном в районах, прилегающих к Герату и Балху, разбойничьи шайки совершали набеги и захваченных в плен людей продавали на базарах Бухары и Хивы.

А в тазкире Барнабади, по словам Туманович, даже «даются конкретные цифры стоимости пленников, коней, сельхозпродуктов и инвентаря, книг, лекарств и т.д. и т.п.» [9, с.10]. Барнабади много раз упоминает о расхищении и грабежах имущества, пожитков и книг Ибрахим-ханом Гурияни – торговцем пленниками [там же, с.38, 71]. Он также напоминает о событиях, связанных с

захватом в плен людей из курдских племен, живших в районе Нишапура, когда по просьбе его отца трое из захваченных были освобождены от продажи в рабство. Барнабади пишет: «Это были курды рода амарлу – Таги, Гульзар и девушка по имени Пери, взятые в плен в крепости Марс. Ради (своего доброго) имени он вытребовал их из Нишапура в Герат. Девушке Пери, которой было двенадцать лет и которая оставалась девственницей, а также Таги и Гульзару он дал дорожные припасы и продукты, которые им были необходимы, снарядил и... отправил их в родной вилайет» [там же, с.73]. Или: «Отец покупал за наличные деньги мальчиков – слуг и девушек – джарийе (джарийе – служанка в доме) до тех пор, пока их у него не набралось двадцать два – двадцать три человека» [там же, с.73]. Или: «(было такое): на одного мальчика-слугу / из калмыков по имени Афрасиаб, (принадлежащего) моему покойному отцу – покровителю, позарился высокоместный монарх Тимур-шах, повелев, чтобы стоимость его (Афрасиаба) была выплачена моему покойному покровителю, а его самого увезли к шаху. Названный мальчик-слуга в течение семи-восьми месяцев приходил к моему покойному отцу-покровителю и плакал» [9, с.73]. События такого рода, в частности, о продаже в рабство пленников и поощрении таких деяний со стороны правителей, можно найти и в романе «Рабы».

Теперь переходим к короткому описанию некоторых исторических топонимических терминов в упомянутых и других литературных источниках.

Известно, что в 146 г. до н.э. Греция потерпела поражение от римских войск и потеряла свою самостоятельность [11, с.6]. Однако, по словам исследователей, несмотря на это, положение греков было легче, чем положение жителей других римских провинций. По утверждению М.Томашевской, «греки обязаны этим тому, что, создав собственную высочайшую культуру, римляне, тем не менее, смотрели на греков как на своих учителей, и высокомерное отношение к самим грекам, которых зачастую называли пренебрежительно «*graeculi*» («гречишки»), сочеталось с неизменным уважением к греческой учености... Оставляя за собой главенство политическое, римляне как бы уступали грекам культурное первенство» [там же, с.6]. То есть римляне были вынуждены признавать греческий приоритет в культурной сфере. Можно сказать, что такая же судьба постигла таджикский язык и культуру после захвата Мавераннахра тюркскими кочевниками из племени ягма – караханидов и распада династии Саманидов и дальнейшего пребывания у власти других кочевых племен вплоть до 1920 года XX столетия. Несмотря на то, что политическое главенство было за тюркскими правителями, в Бухаре и в других средоточиях таджикского языка и культуры языком образования, деловой корреспонденции и государственных дел оставался таджикский, везде ощущалось таджикское ядро, которое, в частности, можно проиллюстрировать множеством лексических примеров, включая географические названия. В силу сложившихся обстоятельств, после арабского нашествия таджикский язык приобрел двойственный характер, из-за проникновения большого числа арабских слов он стал языком – реципиентом, а арабский – лексификатором. При правлении кочевых племен в него стали проникать и другие иноязычные элементы. Следует добавить, что вошедшие в

таджикский язык некоторые тюркские слова, связанные, в основном, с должностями и чинами, мы находим, в частности, в трактате, приложенном к «Маджма' ал-аркам» Мирзы Бади' «Приложение о должностях и лицах, имеющих к ним касательство» [8, с.92], и в произведениях С.Айни, например в «Воспоминаниях» и «Рабы»:

1. Тюркские названия: ишик-ака-баши (главный хранитель /высокого/ порога) (Мирзо Бади') [там же, с.98], эшик агабаши (удостоенный высокого звания эшик агабаши) [4, с.59], удайчи (церемонимейстер) [там же, с.94], джибачи (латник) [там же, с.114], в «Воспоминаниях» С.Айни джевачи (один из низших бухарских чинов) [2, с.1033], садак-курчи (оруженосец) [8, с.115], клич-курчи (солдат из гвардии оруженосцев, носящий сабли, мечи), курчи-баши (глава оруженосцев) [там же, с.115]; **тюркские слова с таджикскими элементами:** бухча-бардар (заведующий платьем и бельем), дарзи-баши (глава портных), заргар-баши (глава ювелиров) [там же, с.114], употребление которых связано со спецификой административного управления и жизненным укладом правителей.

2. Арабские названия: кази ал-кузат (верховный судья) (у Айни преимущественно в форме казикалон), кази ал-аскар (войсковой судья), аълам (составляет фетву для народа) [8, с.92], арбаб; **таджикские названия с арабскими элементами:** амлокдор (заведующий сбором поземельных налогов) [2, с.1019], саис-хане (диван по конюшей части личного государева назначения) [8, с.94], мирахур (главный конюший) [там же, с.99], миршаб (ночная полиция) [там же, с.99], ауранг-бардар (слуга, носящий походный трон) [там же, с.100].

3. Таджикские названия: анбордор (заведующий припасами) [там же, с.113], афтобачи (слуга, подающий эмиру воду для омовения), бандибон (надзиратель за пленными), дастарбанд (слуга, повязывающий чалму), джилаудар (стремянный), зин-бардор (слуга, надевающий седло на лошадь), зиндонбон (тюремщик) [там же, с.114], муза-бардар (заведующий обувью) [там же, с.99], найза-бардор (копьемосец), рупак-бардор (дворцовый слуга, подающий полотенце) [там же, с.115], тамоку-соз и аташ-бардор (слуга, подносящий огонь для курения) [там же, с.100], гулаби (дворцовый слуга, приготавливающий розовую воду) (ср.: гулоб – напиток из лепестков роз, розовая вода, гулобӣ – розовый), мивадор (дворцовый слуга, доставляющий фрукты) [там же, с.99].

Топонимы: Изучение истории географических пунктов, в частности улиц и кварталов, селений и провинций, имеет больше историческое и лингвистическое значение для определения этих мест, рода занятий, быта, языка, культуры и уклада жизни жителей. Географические названия в упомянутых произведениях в основном представлены сложными словами (иногда в форме лексикализированных слов) и словосочетаниями.

Бухарская таджикская топонимика. А.Семёнов относительно названий кварталов Бухары, которые встречаются в «Воспоминаниях» С.Айни, утверждает, что «кварталы назывались часто по имени того ремесла, которым занимались его жители, по личным именам, возможно его основателей, по нахождению возле какого-либо объекта» [2, с.1024]. Например, квартал Пои Остона (Святой порог, или по-другому Подножие порога), упомянутый в «Вос-

поминаниях» [1, с.626], назван так в связи с нахождением там худжры (кельи) Ходжа Баховаддина Накшбанда, то есть в связи с тем, что там ступила нога святого Баховаддина. Этот квартал также являлся одним из деловых центров Бухары (В караван-сараяе Пои Остона в Бухаре настали горячие дни) [4, с.35]. В Бухаре есть селение Мазар – Мазар Бахауддина Накшбанда – весьма почитаемая гробница известного бухарского суфия, являющаяся местом паломничества [2, с.1046]. Мазары называли также «кадамджой». Кадамджой – «место следа» (имеется в виду отпечаток ног святого, особо почитаемый и известный мазар [Там же, с.1046] (то есть, место, куда ступила нога святого человека).

Исторических фактов о том, что некоторые селения в связи с нахождением возле какого-либо мазара, кадамджоя, со временем получили иное символическое название по имени похороненного там святого человека, в современном Таджикистане достаточно: Мазар (Мазари Шариф) в Пенджикентском районе, Поймазор (Подножие мазара), более известное среди людей как селение Пойи Мазор, так называют селение Чоре Айнинского района по имени святого Мавлоно Фахриддина, или Муллои Фалгари [7, с.153]. Наверно в связи с тем, что оно находится вблизи или ниже мазара святого человека. Селение Вешаб Айнинского района, где находится мазар Мавлоно Шамсиддина Мухаммада ибни Али ибни Маликдода Табреси по прозвищу Шамси Табреси (или Сабзпуши Табреси – облаченный в зеленое), более известный как «мазори Шамси Табреси», люди ближайших окрестностей и деревень называют Пои Остона (Святой порог или Подножие порога), а его жителей – «мардуми Пои Остона» (жители Пои Остона) в значении жителей святого места, святого порога.

В исторических документах часто встречается топоним Пойи Хисор (У подножия крепости, его лексикализованная форма – Пойхисор, как и Поймазор). Например, Н.Н.Туманович в книге «Герат в XVI-XVIII веках» упоминает о мечети Пойи Хисор в Герате [13, с.52]. Академик А.Мухторов пишет, что знаменитый таджикский поэт Бадриддин Хилоли похоронен у подножия Гератского арка в Пойхисор [10, с.47]. Он отмечает, что в древнем городе Балх одно из крупных исторических городищ называют Тахтапул [там же, с.23]. В «Воспоминаниях» С.Айни топоним Тахтапул – один из деревянных мостов Бухары [1, с.203]. Также во многих местностях встречаются топонимы со словом чил (сорок): Чилдухтарон (сорок девушек), Чиль-таноб (тадж. Чилтаноб, букв. сорок танобов, площадь в Ширбадане Бухары) [2, с.1075], Пешкух [1, с.544], в тазкире Барнабади: Зиркух (булук Зиркуха) [9, с.87], Чилзина (в Афганистане) [10, с.81], – и со словом чинор (чинара): Чилчинор, Чинори сӯхта. В «Памятных записках» Барнабади упоминается улица, называемая Сухта-чинар (построил в городе верующих Астрабаде в квартале, известном как Сабз-и Машхад, и на улице Сухта-чинар очень красивые высокие дома) [9, с.62], и селение Дахпада [Там же, с.44]. В данном тазкире есть топоним (пастбище) Пир – Нейтаз (Чемени Пири Нейтаз) [9, с.176], и одна из разновидностей налога под названием шахшумари (тадж. шохшуморӣ). Барнабади пишет: «В отношении стад и определении налога шахшумари на крупный рогатый и мелкий скот... пусть не взыскивают этого налога со стада в двести голов овец и с пяти голов коров» [там же, с.78].

Термин «шахшумари» в Персидско-русском словаре (1983 года) дан в следующей форме: определение налога (от числа голов крупного и мелкого рогатого скота) [15, с. 83]. В этом же словаре также есть термин **шахана** (тадж. шохона) – налог (с каждой головы крупного и мелкого рогатого скота). В обоих этих терминах ключевым словом является слово шах (рог, ветка). Однако в Дари-русском словаре слово **шахшумари** дано в другом значении: вид налога, взимавшегося с деревьев и садов [14, с.470]. Анализ подобных слов помогает лучше объяснить их основное и дополнительное значение или понять широту их семантического диапазона. Например, слово сардаба – «подземное водохранилище» в тазкире Барнабади употребляется в значении «склеп» [9, с.27] (ср. тадж. сардоба – подвал, а склеп – дахма). Со временем это слово приобрело дополнительное значение: в Дари-русском словаре – крытый бассейн (для хранения воды) [14, с.446], в Персидско-русском словаре слово сардаба – подвальное помещение (где живут во время жары), подземное водохранилище, погреб [15, с.34].

В «Маджма' ал-аркам» также заслуживают внимания следующие термины сферы денежных отношений: монетный двор – дор-ал-зарб [8, с.56], чисто серебряные таньги – *танга-йи халис-и нукра-йи сара* [там же, с.56], проба – чошнй [там же, с.57], фальшивый – куллобй [там же, с.57] и др. В «Воспоминаниях» Айни читаем: *тангаи нукраи сараи зарби Бухорои шариф* [1, с.500] (превосходный серебряный таньга благородной Бухары) [2, с.709].

Таким образом, выясняется, что, сопоставляя, сравнивая факты, события, явления, мы получаем возможность лучше их понять, осмыслить, а главное – уяснить, насколько правдиво отражают их писатели. Особенности изображения подлинных исторических фактов в структуре художественного повествования требуют специального исследования, в том числе лингвистического, что также способствует уточнению их достоверности и даёт возможность их проверки.

Литература

1. Айни С. Воспоминания. – Душанбе: Глав.ред. науч. таджик. энциклопедии. – Душанбе, 2009. – 680 с. (на тадж.яз.)
2. Айни С. Воспоминания / пер. с тадж. А.Розенфельд; подг. А.Розенфельд, А.А.Семёнов, Н.А.Кисляков, А.Н.Болдырев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 1081 с.
3. Айни С. Сочинения. Т.16. Образцы таджикской литературы. – Душанбе, 2010. – 420 с. (на тадж.яз.)
4. Айни С. Рабы / пер. с тадж. С.Бородина. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 424 с.
5. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / пер. и примеч. А.В.Михайлова. – М.: Наука, 1977. – 704 с.
6. Горшкова В.Е. Муки переводческие; слова В.Распутина в переложении на французский язык [Электронный ресурс] // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе. – М.: МГУ, 2009. – С.125-129. – Режим доступа: http://esti.msu.ru/netcat_files/userfiles/kuzma/forummaterialy/ (дата обращения:05.09.2023).
7. Кушматов А. Вакф. – Душанбе: Ирфон, 1990. – 192 с. (на тадж.яз.)
8. Мирза Бади'-диван. Маджма' ал-аркам (Предписания фиска) (Приёмы документации в Бухаре XVIII в.). Факсимиле рукописи / введение, пер., примеч. и прилож. А.Б.Вильдановой. – М.: Наука, 1981. – 128 с.

9. Мухаммад Риза Барнабади. Тазкире «Памятные записки». Факсимиле рукописи / изд. текста, пер. с перс., введ. и примеч. Н.Н.Туманович. – М.: Наука, 1984. – 240 с.
  10. Мухторов А. По следам минувшей истории. – Душанбе: Ирфон, 1975. – 94 с. (на тадж.яз.)
  11. Плутарх. Избранные жизнеописания: в 2 т. Т.1. – М.: Правда, 1990. – 592 с.
  12. Раджабов З. Садриддин Аини – историк таджикского народа. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1951. – 86 с.
  13. Туманович Н.Н. Герат в XVI-XVII веках. – М.: Наука, гл. ред.вост. лит-ры, 1989. – 287 с.
- Словари**
14. Дари-русский словарь / Л.Н.Киселева, В.И.Миколайчик. – М.: Русский язык, 1978. – 744 с.
  15. Персидско-русский словарь: в 2 т. Свыше 60 000 слов / под ред. Ю.А.Рубинчика. – 2-е изд., стереотип, с прил. новых слов. – М.: Русский язык, 1983. – Т.1. – 800 с.; Т.2. – 864с.

DESCRIPTION OF HISTORICAL EVENTS AND HISTORICAL- TOPONYMIC TERMS IN THE WORKS OF AINI AND HIS HISTORIAN PRECEDESORS

Norov Mirzomurod Boymahmedovich

Candidate of philological sciences,
doctoral student

Rudaki Institute of language and literature
NAS of Tajikistan

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 38/1
Ph.: (+992) 600 31 96; 93 553 21 97 (m.)

In the article, the representation of some historical facts in the novels of the outstanding Tajik writer S.Aini “Memoirs” and “Slaves” and in the historical works “Majma’ al-arqam” and “Memoirs” of Barnabadi is compared.

It is noted that S.Aini, who was not only a talented master of words, but also a scrupulous researcher, including in the field of history of the Tajik people, always strived to search for historical truth, an accurate depiction of facts and events. The principle of reliability was paramount for him, which is confirmed by the absence of discrepancies in the presentation of the events that took place in the Bukhara Emirate of the 18th-19th centuries. According to the author, the use of realities, in particular toponyms, in the narration serves to recognize historical facts and the possibility of their verification.

As an illustration, historical toponymic terms from the above works and a number of other authors are given. An analysis of some words-terms of Tajik, Arabic and Turkic origin is carried out. Regarding the issue of geographical names, it is noted that in Tajikistan there are often cases of assigning another symbolic name to some villages after the names of famous holy people buried there or in connection with the location near some mazar, kadamjoya.

Keywords: language; story; historical treatises; reliability of historical facts; toponymy; toponymic terms; recipient language; lexifier; works by S.Aini “Memoirs”, “Slaves”; Barnabadi’s works “Majma'al-arkam”.

**ТАВСИФИ ХОДИСАҲОИ ТАЪРИХӢ ВА ИСТИЛОҲОТИ
ТАЪРИХӢ-ТОПОНИМИИ АСАРҲОИ АЙНӢ ВА
ПЕШГУЗАШТАҲОНИ МУАРРИХИ Ӯ**

Норов Мирзомурод Боймахмедович

Номзади илмҳои филологӣ, докторант
Институти забон ва адабиёти ба номи Рӯдакии АМИ Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 38/1
Тел.: (+992) 600 31 96; 93 553 21 97 (м.)

Дар мақола муқоисаи ифодашавии баъзе фактҳои таърихӣ дар романҳои нависандаи тоҷик С.Айнӣ «Ёддоштҳо» ва «Ғулумон» ва дар асарҳои таърихии «Маҷмаъ ал-аркам» ва «Мактубҳои хотиравии» Барнободӣ анҷом дода шудааст.

Зикр мегардад, ки С.Айнӣ, ки на танҳо устои моҳир ва шинохтаи сухан, балки муҳаккиқи нуқтасанҷ аз ҷумла дар соҳаи таърихи халқи тоҷик низ буд, ҳамеша ҳақиқати таърихӣ, инъикоси саҳеҳи далелу ходисаҳоро ҷустуҷӯӣ мекард. Барои адиб принсипи эътимодноки асосӣ буд, ки инро набудани фарқият дар баёни ходисаҳое, ки дар аморати Бухорои асрҳои XVIII-XIX рух дода буданд, тасдиқ месозад. Ба ақидаи муаллиф, дар баён истифода бурдани воқеият, аз ҷумла топонимҳо, барои шинохти далелҳои таърихӣ ва имконоти санҷиши онҳо хизмат мекунад.

Ба сифати намоиш истилоҳоти таърихии топонимӣ, ки аз асарҳои дар боло зикршуда ва як қатор муаллифони дигар пайдо карда шуданд, оварда шудаанд. Таҳлили баъзе калима-истилоҳоти тоҷикӣ, арабӣ ва туркӣ гузаронида шудааст. Доир ба масъалаи номҳои ҷуғрофӣ зикр мегардад, ки дар Тоҷикистон ходисаҳои ба баъзе деҳаҳо додани номҳои дигари рамзӣ аз рӯйи номҳои азизону авлиҳҳои машҳури дар он макон дафншуда ва ё вобаста бо мазору қадамҷойҳо амалӣ гаштааст.

Вожаҳои калидӣ: забон; таърих; рисолаҳои таърихӣ; эътимоднокии далелҳои таърихӣ; топонимика; истилоҳоти топонимӣ; забони қабулқунанда; лексификатор; асарҳои С.Айнӣ “Ёддоштҳо» ва «Ғулумон”; асарҳои Барнободӣ “Маҷмаъ ал-аркам» ва «Мактубҳои хотиравӣ”.

УДК [811.161.1+811.222.8]:81'255.2

ПЕРЕВОД КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО ТАДЖИКСКО-РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Сайфуллаева Зулайхо Абдулхамидовна

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой таджикского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 00 3333 484 (м.)

Гафуров Рахматулло

Магистрант кафедры мировой литературы
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 10

В статье показана роль и значимость художественного перевода в процессе культурных взаимосвязей и взаимообогащения народов. Таджикская поэзия всегда представляла особый интерес для русской культуры, русская литература – для культуры таджикской, и этот интерес во многом был обусловлен степенью интенсивности развития общественно-эстетической мысли наших народов. Отмечается, что русский читатель познакомился с таджикско-персидской поэзией значительно раньше, чем таджикский с русской. Переложения на русский язык произведений таких выдающихся поэтов, как Фирдоуси, Хайям, Саади, Хафиз, Джами и др., были выполнены в различные периоды истории русского поэтического перевода. И хотя они отличались неравноценностью, однако сыграли неоценимую роль в популяризации поэзии Востока.

В статье показана динамика переводческой рецепции наследия классиков таджикской поэзии в России и произведений русской литературы в Таджикистане в историко-литературном и переводческом аспектах.

Переводы произведений русских писателей и поэтов на таджикский язык послужили основой для ознакомления таджикской читательской аудитории с богатой культурой русского народа. Группа талантливых переводчиков и литераторов, сформированная устом С. Айни, занимаясь переводами русской литературы на таджикский язык и таджикской литературы на русский язык, заложили основы художественной школы перевода в Таджикистане. Определено, что период 50-80-х годов XX в. является пиком развития оригинальной и переводной таджикской литературы. Отмечается, что традиции переводческого искусства, заложенные С. Айни, значительно повлияли и на перевод на таджикский язык богатого наследия русского народа, что привело к развитию новых форм и параметров русско-таджикских литературных взаимосвязей.

Ключевые слова: литература; художественный перевод; русский язык; таджикский язык; взаимосвязи; взаимообогащение.

История художественного перевода и русско-таджикских литературных связей насыщена огромным количеством уникальных фактов и явлений, многие из которых ждут своего специального исследования. Художественный перевод прошёл многовековой путь развития и в призма культурных и литературных традиций уходит своими корнями во времена, когда язык и литература фарси-дари еще не были сформированы. Благодаря переводам таджикский народ получил возможность познакомиться с культурными достижениями других народов, что стимулировало многогранный процесс взаимодействия и взаимообогащения их литератур и культур.

«Чужая культура, - пишет М.Бахтин, - только в глазах других раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» [6, с.334-335].

Персидский язык («фарсовский») впервые упоминается в указах Петра по делам Посольского приказа в 1700 годах. Хотя первые сведения о восточной поэзии были отрывочны и скупы, и русский читатель знакомится ее с переводами с европейских языков, они производили сильное впечатление [14, с. 1-2].

Таджикско-персидская классическая поэзия всегда представляла особый интерес для русской культуры, и этот интерес во многом был обусловлен степенью интенсивности развития общественно-эстетической мысли России. Переложения на русский язык произведений таких выдающихся поэтов, как Фирдоуси, Саади, Хафиз, Хайям, Джамии и др., были выполнены в различные периоды истории русского поэтического перевода, отличались качественной неравноценностью, однако сыграли неопределимую роль в их популяризации.

В России многие произведения персидско-таджикской литературы, как, к примеру, притчи Саади и поэма «Шахнаме» Фирдоуси, узнали по русским переводам с французского, английского, немецкого, а уже по прямым переводам с подлинников – только в 20-30-е годы XIX в.

Известен первый русский перевод «Гулистана» Саади, осуществлённый в 1735 году Иоанном Ильинским в сокращённом виде с латинской версии Георга Гентиуса 1651 г. («Розовник», т.е. «Гулистан»). В 1762г. Борис Волков переводит с персидского знаменитую «Калилу и Димну» («Басни Пильмая») [см.7, с. 11].

На последнюю четверть XVIII в. приходятся первые русские переводы из А.Джами, и в 1795 г. в России появляется первый перевод его «Бахористона» [7, с.14].

К первым, довольно редким обращениям к Востоку в истории переводов на русский язык относятся и переводы произведений Саади. Так, переложения из Саади публикуются в журналах «Трудолюбивый муравей» за 1771 год (в 21 номере журнала было опубликовано переложение 8-го рассказа главы шестой «Гулистана»), «Утренний свет» (1778), «Приятное и полезное прохождение времени» (1796). В 1779 году появился новый отдельный русский перевод «Гулистана» Саади [13, с. 6].

Знакомство русских читателей с поэзией Джами начинается с перевода первой части одной из его касыд, напечатанной в русском журнале «Цветник» в 1810 году. Но ещё в 1795 году была опубликована «восточная» повесть «Истинное великодушие», где в комментарии переводчика значилось, что это из «Багаристана Дизмиева» (т.е. «Бахористон» Джами).

В 1795 году в журнале «Цветник» появились два перевода из Саади. В 1796 году в этом же журнале была опубликована «Восточная басня» «славного Саади» с приложением биографии поэта [8, с.25].

В начале XIX в. интерес к Востоку в России особенно усиливается, что было обусловлено, в том числе, введением Уставом 1804 г. в российских университетах преподавания восточных языков – арабского и персидского.

В Азиатском музее (1818-1918) персидско-таджикская литература была представлена коллекцией рукописей, приобретённых музеем в 1819 и 1825 гг. у французского консула Руссу. В ней были рукописные списки Фирдоуси, Анвари, Хакани, Манучехри, Саади, Хафиза, Атгара, Джалаледдина Руми, Джами и многих других авторов классического периода. Богатым собранием восточных рукописей владело учебное отделение восточных языков при Министерстве иностранных дел, созданное в 1823 году. Этот факт послужил основанием для плодотворной деятельности переводчиков художественных текстов персидско-таджикской литературы на русский язык.

Так, президент Императорской Петербургской Академии наук С.С.Уваров подчёркивал важность переводов малоизвестной в России восточной литературы, приобщение к которой не могло не содействовать обогащению русской словесности: «Если же с распространением классической литературы совокупить познание восточной, то мы и теперь в полном праве ожидать обновления нашей словесности...» [15, с.32-33].

Большим литературным событием духовной жизни России стало появление поэмы «Рустем и Зораб» Жуковского (1848), своеобразного переложения перевода немецким поэтом и ориенталистом Фридрихом Рюккертом фрагмента из «Шахнаме». «Именно этот перевод явился в течение почти целого века главным источником знакомства русского читателя с великой эпохой Фирдоуси» [18, с.125].

В последующие периоды эволюции переводческой культуры произведения персидских поэтов начали привлекать все большее внимание поэтов-переводчиков. По утверждению составителя книги «Хайямиада» А. Андриенко, переводом поэзии Хайяма на русский язык занимались 53 литератора, в их числе И.Алиев, К.Арсеньева, К.Бальмонт, Ц.Бону, С.Ботвинник, В.Величко и др. [2].

Поэзию Саади, Хафиза, Хайяма, Фирдоуси, Атгара и Низами усиленно пропагандируют О.М.Ковалевский, А.В.Болдырев, А.И.Бюргер, П.Я.Петров, Д.П.Ознобишин.

Первые переводы с персидского, близкие к оригиналу с сохранением образной системы подлинника принадлежат А.В.Болдыреву. Им был переведён отрывок из популярной на Востоке легенды о Меджнуне и Лейли, опубликованный в

1811 г. в «Вестнике Европы». Возглавленная Болдыревым московская школа выработала свои принципы художественного перевода с восточных языков.

В середине XIX в. огромный вклад в перевод персоязычной литературы в России внёс поэт Д.П.Ознобишин. Он был автором переводов Хафиза Шерази.

Русская литература была вдохновлена восточной литературой, в ней сложился даже особый стиль описаний, названный В.Белинским «фарситским» [1].

Благодаря русским поэтам и переводчикам С.Липкину, В.Державину, В.Левкину, И.Сельвинскому, Г.Птицыну и другим, все сохранившиеся до нашего времени стихи и разрозненные бейты А.Рудаки были переведены на русский язык и стали достоянием как русских ценителей поэзии, так и читателей других стран.

В начале XX в. начинает развиваться и обратный процесс – влияние русской классической литературы в результате перевода её лучших образцов на таджикский язык.

Так, идеи просветительства, заложенные еще А.Донишем, были продолжены известным таджикским просветителем – педагогом Абдукадыром Шакури в его книге «Джомеъ ул хикоёт» («Сборник рассказов»), составленной им и изданной в 1909-1911 гг. в качестве учебного пособия. В сборник вошли притчи Л.Н.Толстого, басни И.А.Крылова и другие произведения, переведённые на таджикский язык. Один из самых близких учеников С.Айни языковед Рахим Хошим в своих воспоминаниях пишет, что А.Шакури «первый из учителей смог познакомить детей, всех таджиков с рассказами Толстого и впервые – с русской литературой» [17, с.19].

На становление и развитие художественного перевода в таджикской литературе повлияли Октябрьская революция 1917 года и установление советской власти. В это время вопросы перевода приобретают особое значение из-за многонационального характера страны, посредством перевода многие народы Советского Союза приобщаются к великой русской культуре, а русские читатели, в свою очередь, знакомятся с национальным эпосом и литературными произведениями братских народов.

В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. отмечается активизация процесса перевода на таджикский язык, что ознаменовало период рождения новой художественно-эстетической мысли и системы художественного перевода.

А.М. Горький отмечал, что «речевая культура наших братских народов, их эпос, их песня благодаря переводу на русский язык становятся достоянием миллионов людей. Перевод на русский язык – это ворота в мир для национального писателя. Так происходит еще потому, что с русского перевода часто делаются все дальнейшие переводы на зарубежные языки» [9, с.45].

Призыв Горького объединил разноязычную и многонациональную литературу в единую по идеям и целям, а перевод произведений таджикских писателей на языки народов СССР стал для нашей литературы «окном» в большой мир.

«Многие исследователи и переводчики таджикской литературы были связаны творческими интересами с Таджикистаном. С.Бородин, Б.Лапин, З.Хацревич,

Б.Ясенский, С.Мстиславский, А.Адалис, В.Шкловский, Л.Соловьев, П.Лукницкий, П.Скосырев, С.Злобин и другие были известны как авторы произведений самых различных жанров, темой которых стали история, культура, быт таджикского народа. Осваивая таджикскую тему, русские писатели сталкивались с богатой древней культурой таджиков, оказавшей влияние на развитие мировой культуры» [5, с.20]. Закономерным был интерес русских литераторов к основоположнику новой таджикской литературы С.Айни, привлекавшему к себе внимание как большой художник слова и как яркая личность.

В свою очередь С.Айни, объединив вокруг себя молодых талантливых таджикских литераторов, сформировал первую школу переводчиков, воспитал профессиональных переводчиков, которые сыграли важную роль в становлении и развитии таджикского художественного перевода.

Большинство книг русских и советских писателей, а также писателей зарубежных стран в те годы стали достоянием таджикского читателя только после благословения С.Айни. А он был придирчив к каждому выражению, каждому слову перевода [11, с.149].

С.Айни, подчёркивал важность качества переводческой работы, поскольку «перевод равноценен второму рождению произведения на другом языке» [3, с.103].

На таджикский язык в 20-30-е годы XX в. были переведены произведения А.Пушкина, М.Лермонтова, М.Салтыкова-Щедрина, Н.Некрасова, Н.Гоголя, Л.Толстого, А.Чехова, М.Горького, В.Маяковского, А.Серафимовича, Д.Фурманова, Н.Островского, А.Фадеева и др. Перевод явился подлинной школой мастерства для многих молодых таджикских писателей.

В эти же годы появляются и первые переводы таджикской литературы на русский язык. Газета «Правда» публикует пламенные стихи поэта-революционера Лахути. На страницах различных журналов и газет появляются переводы фрагментов прозы Садриддина Айни. Уже в 1934 году участники Первого Всесоюзного съезда писателей, читая произведения Айни, называют его «Горьким таджикской литературы».

Литературный процесс 20-30 гг. XX в. требовал обновления художественного перевода, как того требовала и сама новая жизнь общества. Так, в таджикскую поэзию была привнесена удачно скопированная поэтом-переводчиком М.Рахими форма тонического стиха, который был характерным для языка В.Маяковского. А.Лахути при переводе трагедий В.Шекспира, ряда произведений А.С.Пушкина («Моцарт и Сальери», «Русалка» и др.) ввёл «белый стих». На сегодня лучшими переводчиками пушкинской прозы и поэзии являются А.Лахути и Х.Юсуфи. Перу А.Лахути принадлежит перевод четырнадцати малых и больших произведений русского поэта.

За короткий промежуток с 1937 по 1940 годы были переведены и опубликованы десятки произведений художественной литературы А.С.Пушкина, Л.Толстого, М.Горького, А.Чехова, И.С.Тургенева, К.Чуковского и многих других.

В этот же период молодой таджикский поэт Фархат переводит на таджикский язык старейших народных поэтов Белоруссии Янку Купалу и Якуба Коласа, армянского поэта Аветика Исаакяна и грузинского – Галактиона Табидзе.

Благодаря переводам русских и советских поэтов и писателей в таджикской литературе появились новые формы и жанры литературы, в том числе рассказ, повесть, роман, жанр литературной критики и детская литература.

Все это вывело литературу на новую ступень освоения современных тем, преобразования поэтических и прозаических традиций, обновления идейно-эстетической структуры.

Так, если за 10-12 лет (1925-1937 гг.) было опубликовано более 20 переводных произведений, то в 1983 году из печати вышло около 40 произведений переводной литературы в одном только издательстве «Адиб», а за период с 1957 по 1966 гг. в «Таджикгосиздат» («Нашрдавтоҷ») было издано около 600 произведений переводной литературы (проза, поэзия, драматургия), не говоря уже о разных видах научных, общественно-политических и др. текстов. За четыре десятилетия таджикская литература обогатилась сотнями и тысячами произведений переводной литературы за счет переводов гениальных творений А.С.Пушкина и М.Ю.Лермонтова, А.С.Грибоедова и И.А.Крылова, Ф.М.Достоевского и Л.Н.Толстого, М.Е.Салтыкова-Щедрина и А.П.Чехова, а также Шекспира и Мольера, Флобера и Дж.Лондона, Т.Драйзера и Пр.Мериме, Стендаля и Сервантеса, В.Гюго и М.Твена и многих других [12, с.93]. Это была заслуга плеяды профессиональных переводчиков и талантливых литераторов: Р.Хошима, А.Лахути, А.Пирмухаммадзода, С.Улугзода, А.Дехоти, Дж.Икромии, М.Турсунзаде, М.Рахими, Х.Ахрори, Э.Муллокандова, Х.Ирфона, П.Толиса, Ф.Мухаммадиева, М.Каноата и многих других.

Благодаря процессу перевода таджикская литература сближалась с литературами других народов мира. 50-80-е гг. XX в. считаются вершиной переводческого дела в Советском Таджикистане. Под руководством М.Турсунзаде были продолжены литературные традиции, заложенные С.Айни и сыгравшие огромную роль в развитии оригинальной и переводной литературы.

Наравне с активизацией переводов в 50-е гг. XX в. отмечается развитие критики перевода. Так, А.Дехоти в статье «Барои сифати баланди тарчимаи асарҳои назм» («За высокое качество перевода поэтических произведений»), поднимая вопросы качества перевода, говорит о роли переводчика в достижении эквивалентности оригиналу. Насколько это важно говорят следующие его слова: «Если представим себе, что таджикская литература – это река, то художественные переводы из языка великого русского народа являются каналами, которые, присоединяясь к этой реке, делают ее полноводной, а ее течение все более сильным» [10, с.103].

Литературоведы Е.Э.Бертельс, И.С.Брагинский, М.Шукуров, А.Маниязов, Л.Н.Демидчик, А.Нуралиев, А.Сайфуллоев, Т.Гольц, В.Самад, Ш.Мухтор, М.Зайниддинов, Ш.Амонова и многие другие посвятили свои исследования теории и практике литературных связей и переводу как одному из важнейших элементов этого процесса.

Переводческая деятельность положительно повлияла на творчество таких таджикских поэтов, как М.Каноат, Л.Шерали, Б.Собир, которые активно переводили богатое наследие русской литературы.

В 70-е годы XX в. особое развитие получило издание коллективных сборников, предназначенных для русскоязычных читателей. Одним из таких сборников является «Поэты Таджикистана» (составители Р.Хошим и М.Левин), в котором были сосредоточены образцы поэзии 45 персидско-таджикских поэтов X-XX вв.

Золотыми страницами переводческой деятельности таджикских литераторов являются 50-80-е гг. XX в., когда издавались сочинения А.С.Пушкина, Л.Н.Толстого, И.С.Тургенева, А.П.Чехова, М.Ю.Лермонтова, Н.В.Гоголя, А.М.Горького, Т.Г.Шевченко и других русских писателей в переводе на таджикский язык. Профессиональные переводчики, писатели, поэты и специалисты и теоретики перевода обсуждали актуальные проблемы художественного перевода на страницах республиканских журналов и газет «Памир», «Адабиет ва санъат», «Маданияти Тоҷикистон», центральных журналов «Дружба народов», «Литературное обозрение», «Вопросы литературы».

В период 70-х годов прошлого столетия в республике были образованы переводческие школы, а к концу 80-х гг. наметились пути и предпосылки к изучению сформировавшихся школ талантливых переводчиков Р.Хашима, Х.Ахрори, А.Дехоти, Х.Ирфона, А.Лахути, С.Улуг-заде, М.Турсун-заде, М.Рахими, П.Толиса, Ф.Мухаммадиева, М.Каноата, Ш.Лоика, Кухзода. Плеяда блестящих переводчиков внесла важный вклад в разработку принципов полноценного перевода, ей чужды были буквализм и неоправданные вольности по отношению к оригиналу.

Переводческая деятельность таджикских литераторов имела огромное культурное значение в период 70-х – 80-х годов XX века: начал расти социальный статус действующих переводчиков, а сам художественный перевод окончательно оформился в качестве самостоятельного направления профессиональной деятельности.

Эти устремления большинства переводчиков заслуживают одобрения и внимания, поскольку их работы были близки языку оригинала. Большинство этих переводов отражали авторский замысел и, в силу своей оригинальности, обрели всеобщее признание, поскольку воссоздавали «восхитительный мир, разноцветие, благоухание, внутренний подъем, внешнюю красоту и истинное изящество таджикской поэзии для русского читателя и знатоков русского языка в общесоюзном масштабе» [4, с.137].

Одним из примеров высококачественного перевода является публикация книги «Персидско-таджикская поэзия», составляющей первый цикл издания «Библиотеки всемирной литературы». Этот ценнейший источник охватывает образцы поэзии классиков персидско-таджикской поэзии — А.Рудаки, Н.Хусрава, О.Хайяма, Дж.Руми, Саъди, Хафиза и Джами.

Следует отметить, что «в советских издательствах (начиная с деятельности издательства «Всемирная литература») выработался особый тип издания — научного издания классических произведений иностранных и братских нацио-

нальных литератур. Господствующим стал тот принцип, что работе переводчика должен предшествовать выбор наиболее достоверного и авторитетного текста подлинника — с учетом существующих редакций и вариантов, последней авторской воли, отдавшей предпочтение тому или иному из них, с учетом работы комментаторов-текстологов и существующих реальных комментариев» [16, с.107].

Безусловно, широкая переводческая деятельность, развернувшаяся в советских республиках до распада СССР, придала мощный импульс межкультурному обмену ценностями и достижениями во всех областях человеческой деятельности.

К сожалению, вследствие гражданской войны (1992-1997) республика лишилась многих талантливых людей литературы и искусства, замедлилось и переводческое дело.

Однако в период независимости в Таджикистане интерес к русской литературе и ее переводам на таджикский язык не ослабевает. Переводческая деятельность в республике выходит на новый путь развития, в связи с чем есть необходимость научного осмысления и обобщения того ценного опыта, который был накоплен таджикской литературой в области перевода русской литературы.

Сама жизнь и взаимоотношения народов свидетельствуют о том, что художественный перевод является неотъемлемой частью современного литературного процесса и наиболее универсальным средством объединения народов, способствует взаимовлиянию и взаимообогащению их национальных литератур, в частности народов России и Таджикистана.

Литература

1. Алиева Л. Мазурки Хафиза // Памир. – 1973. – № 12. – С.85-86.
2. Андриенко А. Хайямиада [Электронный ресурс]. – ежим доступа: <http://100pudov.com.ua/library/17/2910/?page=1> (дата обращения: 01.10.2023).
3. Антология педагогической мысли таджикского народа / сост.: М.Лутфуллоев, С.Сулаймони, Х.Афзалов, Ю.С.Мальцев., К.Айни. – Душанбе: Матбуот, 2009. – 448 с.
4. Афсахзод А. Катра-намунаи бахр // Садои Шарк. – 1973. – №4. – С.134-137. (на тадж.яз).
5. Баратова Р.В. С.Айни в русской писательской критике (20-30 гг.) // Писатели как критики: материалы 2-х Варзобских чтений «Проблемы писательской критики». – Душанбе: Дониш, 1990. – С.20-25.
6. Бахтин М. Эстетика словесного творчества / подг. к печ. Г.С.Бернштайн и Л.В.Дерюгина; примеч. С.С.Аверинцева и С.Г.Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
7. Гейзер А.Р. Первые встречи. Русская литература XVIII века. Источники. Посредники. Новые факты. – Берлин; Худжанд, 1999. – 48 с.
8. Гербело де Моленвиль Бартелеми. Отборные плоды великих как древних, так и новейших умов: С присовокуплением изречений восточных мудрецов, выбранных их арабских, персидских и турецких сочинений / Из Гербелотовой Восточной библиотеки [Электронный ресурс]. – М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1795. – 282 с. – Режим доступа: http://www.gelos.kiev.ua/salon/vvek_books_Russkie-knigi-18-veka.-G1.php?sku=newbooks274 (дата обращения: 02.10.2023).
9. Горький М. Статьи 1905-1916 годов. – М.: Наука, 1988. – 342 с.

10. Дехоти А. За высокое качество перевода поэтических произведений // Шарки сурх (Красный Восток). – 1952. – №11. – С. 101-112. (на тадж.яз.).
11. Муллоджанова З. Учиться языку у своего народа (Устод Айни о художественном переводе) // Памир. – 1987. – №5. – С.148-164.
12. Нагзибекова М.Б., Муллоджанова З.А. Об истории художественного перевода в Таджикистане // Вестник МГЛУ. – 2015. – Вып. 11 (722). – С. 88-95.
13. Пыпин А. Очерки литературной истории старинных повестей и сказок русских. – СПб: тип. Имп. Акад. наук, 1857. – 360 с.
14. Салихов М., Стеблин-Каменский И.М. Три века иранистики в Санкт-Петербурге // 300 лет иранистике в Санкт-Петербурге: материалы Международной конференции. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2003. – С. 1-9.
15. Уваров С.С. Мысли о заведении в России Академии Азиатской // Вестник Европы. – 1811. – Ч.55. – № 1. – С.32-33.
16. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – 5-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «Филология три», 2002. – 416 с.
17. Хошим Р. Красный Восток. – Душанбе: Адиб, 1960. – 220 с. (на тадж.яз.).
18. Шахиди Г. Переводы В.А.Жуковского в оценке русских писателей // Писатели как критики: матер. 2-х Варзобских чтений «Проблемы писательской критики». – Душанбе: Дониш, 1990. – С.124-126.
19. Шукуров М. Перевод – школа мастерства. – М.: Наука, 1985. – 387 с.

TRANSLATION AS AN INTERLINK OF TAJIK-RUSSIAN LITERARY RELATIONS

Sayfullaeva Zulaiho Abdulhamidovna

Candidate of philological sciences, associate professor,
head of the chair of Tajik language
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 00 3333 484 (m.)

Gafurov Rahmatullo

Postgraduate of the chair of world literature
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 44 620 42 10

In the article, the role and significance of literary translation in the process of cultural relationships and mutual enrichment of peoples are shown. Tajik poetry has always been of particular interest to Russian culture, Russian literature to Tajik culture, and this interest was largely due to the degree of intensity of development of the social and aesthetic thought of our peoples. It is noted that the Russian reader became acquainted with Tajik-Persian poetry much earlier than the Tajik reader with Russian poetry. Translations into Russian of the works of such outstanding poets as Firdausi, Khayyam, Saadi, Hafiz,

Jami and others were performed during various periods in the history of Russian poetic translation. And although they were unequal in value, they played an invaluable role in their popularization.

In the article, the dynamics of translation reception of the heritage of the classics of Tajik poetry in Russia and works of Russian literature in Tajikistan in historical, literary and translation aspects are considered.

Translations of the works of Russian writers and poets into the Tajik language served as the basis for introducing the Tajik readership to the rich culture of the Russian people. A group of talented translators and writers, formed by master S. Aini, translating Russian literature into the Tajik language and Tajik literature into Russian, laid the foundations of an artistic school of translation in Tajikistan. It has been determined that the period of the 50-80s of the twentieth century is the peak of development of original and translated Tajik literature. It is noted that the traditions of translation art, laid down by S. Aini, significantly influenced the translation into Tajik of the rich heritage of the Russian people, which led to the development of new forms and parameters of Russian-Tajik literary relations.

Keywords: literature; literary translation; Russian language; Tajik; relationships; mutual enrichment.

ТАРЧУМАҲАМЧУН УЗВИ ПАЙВАНДГАРИ МУНОСИБАТҲОИ АДАБИИ ТОЧИКУ РУС

Сайфуллаева Зулайхо Абдулхамидовна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
мудири кафедраи забони тоҷикӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 00 3333 484 (м.)

Ғафуров Раҳматулло

Магистранти кафедраи адабиёти ҷаҳон
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 10

Дар мақола нақш ва аҳаммияти тарҷумай бадеӣ дар раванди муносибатҳо ва мутақобилан ғанигардонии фарҳангии халқҳо нишон дода шудааст. Назми тоҷик барои фарҳанги рус ва адабиёти рус барои фарҳанги тоҷик ҳама вақт мавриди тавачҷуҳи хоса қарор дошт ва ҳамин шавкро аз бисёр ҷиҳат дараҷаи ғаълонокии рушди афкори ҷамъиятӣ-ахлоқии ҳар ду халқ муайян мекард ва мекунад. Зикр мегардад, ки хонандаи рус бо назми тоҷику форс нисбат ба хонандаи тоҷик аз назми русӣ хеле пештар ошно шудааст. Ба забони русӣ баргардондани чунин шоирони забардаст, ҳамчун Фирдавсӣ, Хайём, Саъдӣ, Ҳофиз, Ҷомӣ ва ғ. дар давраҳои гуногуни таърихи тарҷумай шеърӣ рус анҷом ёфта буд. Гарчанд онҳо баробарвазн набошанд ҳам, ба ҳар ҳол онҳо дар паҳнсозии шухрати ашъори тоҷику форс нақши бебаҳо бозиданд.

Дар мақола таҳаввули қабул аз тарҷумай мероси классикони назми тоҷик дар Россия ва асарҳои адабиёти рус дар Тоҷикистон аз ҷиҳатҳои таърихӣ адабӣ ва тарҷумашиносӣ инъикос ёфтааст.

Тарҷумаи асарҳои нависандагону шоирони рус ба забони тоҷикӣ барои шиносии хонандагони тоҷик бо фарҳанги пурғановати халқи рус мусоидат намуд. Гурӯҳи мутарҷимаону адибони боистеъдод, ки онро устод С.Айнӣ ташаккул додааст, бо тарҷумаҳои худ аз адабиёти рус ба забони тоҷикӣ ва адабиёти тоҷик ба забони русӣ поягузори мактаби бадеии тарҷума дар Тоҷикистон гардиданд. Муайян карда шудааст, ки давраи солҳои 50-80-уми асри XX қуллай баландтарини рушди адабиёти оригиналӣ ва тарҷумавии тоҷик буд. Зикр мегардад, ки анъанаҳои санъати тарҷумонӣ, ки аз тарафи Садриддин Айнӣ гузошта шудаанд, ба сифати тарҷумаҳои ба забони тоҷикӣ кардашудаи мероси бойи халқи рус таъсири бориз гузоштанд. Ин дар навбати худ ба рушд ёфтани шакли андозаҳои нави муносибатҳои адабии русӣ ва тоҷикӣ мусоидат намуд.

Калидвожаҳо: адабиёт; тарҷумаи бадеӣ; забони русӣ; забони тоҷикӣ; муносибатҳо; мутақобилан ғани гардонидан.

УДК 316.77:001.12/.18; 070:001.12/.18

МЕДИАКОММУНИКАЦИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ БУДУЩЕГО

Яркина Людмила Павловна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка № 4
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7(495) 434 53 00
IarkinaLP@yandex.ru

Карапетян Наталья Григорьевна

Старший педагог дополнительного образования кафедры русского языка №4
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7(495) 434 53 00
tafa2005@yandex.ru

В статье делается попытка анализа современного состояния медиакоммуникации при рассмотрении медиа в трех аспектах: как учебной дисциплины, как профессиональной практики и как объекта исследования дискурс-аналитиков. Медиа изучаются в учебных заведениях в качестве важного компонента коммуникационных исследований; медиа как профессиональная практика включают в себя множество профессий и специальностей с растущим спросом как на специализированные знания, так и на способность легко адаптироваться к развивающимся новым жанрам, а также глобализирующимся контекстам производства и распространения информации; медиа как объект исследования, наряду с традиционным, гуманитарно-филологическим подходом, отвечают растущему спросу на междисциплинарность, о чем свидетельствуют современные методологические тенденции в изучении медиадискурса. Таким образом, научная новизна работы предопределяется тем, что в ней предпринята попытка найти точки соприкосновения для комплексного взгляда на проблемы и вызовы, порождаемые технологическими, социальными и глобализационными факторами, которые оказывают сильное влияние на современное развитие изучения, практики и исследований в области медиа. При этом сохраняется восприятие медиа как сложнейшей системы, включающей многочисленные субъекты и объекты, переплетенные разнонаправленными отношениями. В статье также высказаны некоторые соображения о будущих направлениях исследований с учетом реалий нынешнего состояния СМИ.

Ключевые слова: медиакоммуникация; междисциплинарность; средства массовой информации (СМИ); медиа; компьютерно-опосредованная коммуникация.

Введение

Медиакоммуникация представляет собой сложную и динамичную систему, включающую тексты разных жанров, процессы и практики, пользователей, организации и институты. Она строится в рамках сети социальных, экономических и политических ограничений и в то же время переживает беспрецедентное расширение в связи с наступлением новой эры компьютерно-опосредованной коммуникации.

Первым необходимым шагом в обзоре медиакоммуникаций является уточнение значения и сфер применения термина «медиа», который печально знаменит своей многозначностью. В строгом смысле этот термин является формой множественного числа латинского слова «medium» и обозначает каналы коммуникации. С развитием газет, телевидения и радио термин стал использоваться для наименования этих учреждений и работающих в них специалистов как «средств массовой информации», для которых характерно централизованное обращение «одного ко многим» [12, с.142]. Революция в области информационных технологий привела к новым, беспрецедентным возможностям общения одного человека со многими и многих со многими одновременно, а также к новым каналам, новым продуктам, новым аудиториям, новым учреждениям и даже новым воплощениям физического рабочего места. В термине «медиа» теперь можно увидеть конвергенцию трех сосуществующих в настоящее время сущностей: во-первых, это «технические» медиа как «вполне осязаемые устройства, необходимые для материализации отдельных экземпляров медиа» [10, с.12], радикальные изменения которых привели к революции в медиаландшафте с точки зрения грамотности, социального развития, а также в плане расширения и укрепления социальных связей; во-вторых, это «институциональные» СМИ, создаваемые через медиажанры в газетах, на телевидении, радио, в рекламных агентствах, издательских компаниях, PR-компаниях или в киноиндустрии; в-третьих, термин используется в наиболее конкретном виде для обозначения организаций и сотрудников, которые заняты подготовкой новостей.

В данной работе предпринята попытка проанализировать современное состояние медиакоммуникации с учетом всех этих смыслов, рассматривая медиа как учебную дисциплину, как профессиональную деятельность и как объект исследования для дискурс-аналитиков.

Медиа как учебная дисциплина

В образовательной сфере существует несколько понятий, включающих термин «медиа», значение которых необходимо разграничивать. Речь идет о медиаобразовании, медиаграмотности (медиакомпетентности) и образовательных медиа.

Под «образовательными медиа» понимается использование медиа в качестве учебных пособий, новых средств доставки информации, то есть обучение «через и с помощью медиа».

Медиаобразование – это процесс преподавания и изучения медиа. Иногда это специализированная дисциплина в учебном плане (обычно называемая «медиаведение»), но чаще медиаобразование осуществляется с помощью материала,

интегрированного в преподавание самых разных предметов. Результатом этого процесса является то, что сегодня широко известно как «медиаграмотность», ставшая одной из главных образовательных задач в нашем новом информационно-технологическом обществе. Медиапрограмма Европейской комиссии определяет медиаграмотность как «способность получать доступ к средствам массовой информации, понимать и критически оценивать различные аспекты средств массовой информации и медиаконтента, а также осуществлять коммуникацию в различных контекстах»¹ (*перевод наш здесь и далее*). То есть медиаграмотный человек способен не только критически понимать медиаконтент, но и активно участвовать в работе медиаканалов. Российские исследователи тоже рассматривают медиаграмотность как ключевую компетенцию современного специалиста. Так, по мнению Н.В.Чичериной, «В новом глобальном информационном обществе реализация жизненных целей и проектов зависит от степени включенности человека в информационное пространство, а власть принадлежит тем, кто способен создавать новые культурные коды для репрезентации реальности и оказания воздействия на сознание аудитории» [6, с.152]. С ней солидарна М.В.Жижина, для которой медиакомпетентность выступает «как средство познания поликультурного мира, средство получения знаний, способ самопрезентации и реализации потенциальных возможностей личности» [2, с.48].

Из этого небольшого уточнения терминов можно сделать вывод, что подход к изучению медиа как к специализированной дисциплине является наиболее желательным сценарием.

С развитием семиотики, теорий идеологии и социологии изучение СМИ расширилось до рассмотрения их как репрезентаций реальности, как объектов борьбы и как части социальных контекстов производства и восприятия информации. Исследователи единодушно признают необходимость большего вовлечения в медиаобразование медиапрактиков и призывают к выработке более устойчивой модели непрерывного профессионального развития в медиаобразовании, учитывающей потребности медиаиндустрии.

В последние 50 лет изучение медиа в высшей школе расширилось и диверсифицировалось по всему миру. В этой академической области появились направления, которые фокусируются либо на канале коммуникации (телевидение, радио, газеты или кино), либо на содержании и профессиональной практике коммуникации (журналистика, реклама, PR, культура, искусство), либо на чисто техническом оснащении, стимулируя развитие новых медиа.

В настоящее время изучение СМИ и журналистики часто объединяется с профессиональной коммуникацией в виде единой академической программы во многих университетах мира и пользуется быстро растущим спросом.

В качестве отдельных дисциплин могут изучаться корпоративные отношения (от организационных коммуникаций, коммуникаций в сфере здравоохранения и связей с общественностью до газет и нехудожественной литературы), написание

---

¹ [Media literacy | Shaping Europe's digital future \(europa.eu\). URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en](https://digital-strategy.ec.europa.eu/en) (дата обращения: 29.08.2023).

текстов для СМИ, цифровые СМИ, включая цифровую обработку изображений и графический дизайн.

Границы между традиционным понятием журналистики и другими видами профессиональной коммуникации все больше стираются. Это, по мнению Алекса Севины и Терри Флина [21, с.9] является «следствием смешения каналов коммуникации и демократизации публикационного процесса через электронные СМИ». Закономерным итогом такого смешения является появление так называемой «прикладной журналистики». Различные профессии, перечисленные в списке в рамках изучения «прикладной журналистики», включают профессии редактора, веб-менеджера по контенту, PR-писателя, блогера, копирайтера, издателя. Профессия журналиста обычно рассматривается как часть зонтичной профессии, именуемой «специалист по коммуникациям».

Работа в СМИ

По мере роста организованности работников СМИ и их растущего чувства социальной ответственности журналистика быстро превратилась из ремесла, которому учатся, работая «подмастерьями» в редакциях, в социально значимую профессию. Журналистика как «деятельность по сбору, обработке и распространению информации с помощью СМИ» возникла с созданием периодической печати¹. На протяжении почти ста лет новостные организации работали с медиаформами, которые в большинстве своем сохраняли постоянство. Феномен Интернета изменил многие сферы медиаиндустрии. Теперь им приходится переосмысливать каждый шаг и проникаться ощущением бесконечных инноваций. Увеличение количества способов распространения и демонстрации материалов привело к фрагментации СМИ и сегментации аудитории. Политика СМИ все чаще определяется не редакторами, а маркетологами. Для того чтобы покрыть расходы и получить прибыль, один и тот же контент используется в разных СМИ – от печатной газеты до онлайн-версии, кабельной новостной сети, планшетного компьютера или смартфона – и распространяется по всему миру компаниями, объединяющими различные медиаиндустрии под единым началом. Фактически все отрасли, не только СМИ, оказались под ударом и были вынуждены реорганизоваться и переосмыслить свою деятельность. Старые традиционные модели больше не работают. Индустрия разрушена снижением доходов, поскольку новости и информация «вываливаются» [11, с.23] в Интернет бесплатно. Печатные газеты выходят из бизнеса, а вещательным компаниям становится все труднее поддерживать себя на плаву.

В нынешней медиасреде круг проблем, с которыми сталкиваются журналисты, выглядит следующим образом:

- 1) необходимость создания контента в различных форматах (печать, веб, блог и т.д.), постоянно меняя тематику и зоны охвата;
- 2) работа в условиях нестабильной экономической ситуации (повсеместно происходят увольнения);

---

¹ Журналистика. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/181621>; <https://academic.ru/> (дата обращения: 25.08.2023).

3) увеличение объема работы из-за сокращения штата;

4) жесткая конкуренция с другими изданиями за лучшие материалы в условиях круглосуточной новостной гонки;

5) адаптация к новым медиа – например, к социальным сетям.

Помимо тех аспектов, которые связаны с последствиями сокращения рабочих мест, финансовой неопределенностью и конкуренцией, здесь интересны три «вызова». Во-первых, насущная необходимость изучения, перепрофилирования жанров в мультимодальных текстах и мультимедийных каналах – область, которая начала интересовать дискурс-аналитиков. Во-вторых, тесная связь журналистов с работой PR-специалистов, в основном через их пресс-релизы. В-третьих, профессиональное осознание того, что журналистика – это процесс, требующий совместной работы всех задействованных лиц и служб.

Как утверждает Сью Робинсон [19, с.137], новости – это «совместное, распределенное действие с множеством авторов, переменчивыми отношениями между институтом и аудиторией и изменяющейся динамикой труда для всех участников». Впрочем, в ближайшем будущем журналист нового типа будет индивидуальным предпринимателем, независимым и способным все делать сам, работающим на различные медиа с выходом в СМИ в реальном времени в различных глобальных контекстах.

Научные исследования в области СМИ

Проблемы, с которыми сталкиваются журналисты и многие профессионалы, работающие в средствах массовой информации, кажутся чужеродными для академической среды. Скорость технологических инноваций бросает вызов традиционным исследованиям в области медиа, которые, как считается, выглядят старомодными и неактуальными. У профессионалов-практиков преобладает ощущение, что академические круги далеки от реальности. Эта точка зрения нам кажется не вполне справедливой.

Медиаисследования, то есть использование конкретных аналитических методов для изучения СМИ, начались более ста лет назад. С самого начала как концептуальные, так и эмпирические методы исследования применялись для изучения способности СМИ влиять на восприятие людьми окружающей действительности. Некоторые из наблюдений и выводов, полученных на ранних стадиях научного процесса, не утратили актуальности до сих пор.

Так, более 100 лет назад было высказано предположение о предназначении прессы как служанки и хранительницы государственных основ. «СМИ являются одним из важных инструментов в формировании имиджа государства, поскольку имеют возможность корректировать общественное мнение» [4, с.130]. Одной из наиболее важных функций, предопределяющих собственно задачи СМИ, как полагает В.В.Фокина, является «информирование внутренней и внешней ответственности» [5, с.61-62]. Журналист, лауреат Пулитцеровской премии В.Липпманн писал в своей знаменитой работе «Общественное мнение» (Public opinion), что результаты работы журналиста не имеют ничего общего со священным понятием объективности. Во-первых, журналистская версия правды изначально субъективна и обусловлена тем, как журналист конструирует реальность.

Во-вторых, специфические практики профессионального сообщества и индивидуальные факторы, то есть личные мнения, коды, стереотипы и интересы неизбежно порождают ограниченный или предвзятый взгляд на мир. «Каждая газета, попадая к читателю, является результатом целой серии отборов: какие пункты должны быть напечатаны, в каком положении они должны быть напечатаны, сколько места каждый будет занимать, какой акцент каждый должен иметь. Здесь нет объективных стандартов» [15, с.128].

Это раннее осознание реалий профессиональных практик и их социальной функции вылилось в огромное количество исследований, посвященных описанию и объяснению того, что люди могут делать со средствами массовой информации и что средства массовой информации могут делать с людьми. Например, [4]. Коммуникационными изысканиями в наши дни заняты историки, социологи, политологи, философы, экономисты, психологи, лингвисты.

По сравнению с исследованиями, проводимыми социологами, антропологами или культурологами, изучение медиа лингвистами началось сравнительно недавно. Л.Мастерман разработал список аналитических инструментов, призванных «сделать текстовое исследование любого СМИ более систематическим и строгим» [16, с.41]. Д.Бакинхэм в своей программной книге «Медиаобразование» (Media education) [8] сгруппировал эти инструменты в четыре взаимосвязанные группы, которые до сих пор определяют области исследования: язык (тексты и жанры), репрезентация (изображение идей, ценностей и идеологий), производство (функционирование организаций) и аудитория (выбор и интерпретация продуктов пользователями). Язык всегда был главным объектом внимания лингвистов, которых интересовали два ключевых вопроса: как работает язык СМИ и что он говорит нам о СМИ. Для анализа социальной практики в печатных СМИ дискурс-аналитиками широко применялся в качестве теоретического подхода анализ CDA (критический дискурс-анализ), акцентирующий внимание на вопросах идеологии и власти в конкретных журналистских жанрах, а именно в новостях и редакционных статьях. Журнал «Текст» в 2004 году посвятил медиадискурсу отдельный выпуск (№ 24, т.3). Во введении (Introduction) Остман и Саймон-Ванденберген [18] определили основные проблемы медиа-исследований в этой области. Во-первых, речь идет о гибридном характере многих типов дискурса и необходимости переосмысления традиционных жанровых категорий. Во-вторых, существует потребность в междисциплинарном исследовании для ответа на фундаментальные вопросы функционирования и влияния медиатекстов. В-третьих, именно идеология, будь то в политических, экономических, социальных или моральных вопросах, является фактором, объясняющим языковой выбор, сделанный в текстах. По их мнению, единственным способом добраться до движущей силы этого выбора является изучение функционирования текстов в обществе. Наконец, авторы высказались за расширение и улучшение существующих методологических основ и открыто выступили за сотрудничество с социологией. Редактор журнала Шрикант Саранджи [20, с.290] призвал к использованию «эклетической» структуры, потому что «аналитик должен подходить к тексту с разных точек зрения, чтобы восстановить как можно больше контекста для расширения

потенциала интерпретации». Гюнтер Кресс указал на ограниченность современного лингвистического анализа и перечислил некоторые вопросы, которые должны фигурировать в новой, «насушной» повестке дня в исследованиях медиа: различные аналитические подходы, необходимые для различных вариантов, «объединенные в семиотическую теорию», вопрос о среде и способах, которыми она организует тексты, а также о новых социальных фреймах, формируемых тем, что ученый назвал «совместным проживанием текстовых типов», и тесно связанных с широко распространенным понятием конвергенции. Новое созвездие, – заключает Кресс, – это то, что рождается из режима изображения и среды экрана [13, с.445-446]. В результате появляются совершенно новые репрезентативные формы, новые возможности коммуникативного действия и новое понимание процесса создания человеком социального смысла. Так, в [14, с.679-680] даны три основные рекомендации: необходимость сочетать различные методы и опираться на разные дисциплины; необходимость внимания к культурному разнообразию и необходимости взаимодействия с технологиями. Мультимодальный подход к изучению технологически опосредованной коммуникации, сочетающий пристальное внимание к присущим ей ресурсам и устройствам структурирования, а также к способам, используемым в различных условиях, мог бы во многом способствовать нашему пониманию современной медиакоммуникации. В России до сих пор основным предметом в анализе медиа остается журналистика, теоретические основы которой имеют очевидный нормативный характер, определяющий ее миссию, цели и задачи функционирования в обществе [3]. Исследователи отмечают имеющиеся препятствия в развитии научных исследований, обусловленные, прежде всего, отсутствием широкого междисциплинарного подхода в изучении медиа, в том числе в контексте научного познания окружающего мира, хотя, по мнению Е.Л.Вартановой, к ним вполне применимы общие подходы изучения окружающего мира, природных, антропогенных и природно-антропогенных систем [1, с.170]. Автор утверждает, что «комплексное и системное изучение медиа с целью формирования их теории и прогнозов дальнейшего развития, разработки регуляторных и управленческих решений требует непрерывного использования всего методологического инструментария, который сегодня применяется в разных научных дисциплинах» [ibid]. Е.Л.Вартанова полагает, что методы математического и физического моделирования вполне применимы для анализа информационной политики, прогноза состояния и развития медиа, тогда как качественные и количественные методы гуманитарных наук могут эффективно использоваться для анализа медиатекстов, приемов и методов работы журналистов, поведения аудитории как потребителя СМИ. Именно такой синергетический подход к изучению медиа сможет, по мнению автора, способствовать созданию единой теоретико-концептуальной базы медиаисследований.

Заключительные замечания

На текущем этапе мы можем с полным основанием утверждать, что медиакоммуникация – это действительно сложная, многогранная и мультидисциплинарная область изучения, профессиональной практики и исследований. Еще в 2009 году К.Норденстренг [17, с.255] выразил опасение, что «множественность

ответвлений, подходов, методологий и направлений рискует потерять свои научные корни», и предостерег от все большей зависимости от эмпирических и практических аспектов реальности». Однако именно это в большей или меньшей степени ожидается от исследований в области прикладной лингвистики. Они должны способствовать созданию базы для подготовки специалистов по перепрофилированию контента, «переводу» жанров и выстраиванию отношений во взаимосвязанных социальных сетях. Севиньи и Флинн обобщили некоторые из вопросов, на которые необходимо ответить в ближайшем будущем: как люди относятся друг к другу, как общаются правительства, как работают убеждение, влияние и риторика, как можно измерить коммуникативный эффект и воздействие, как пересматриваются отношения между журналистами и другими коммуникаторами в этом новом профессиональном контексте [21, с.7]. В этой новой области Я.Экекранц задается одним ключевым вопросом: «Как должны проводиться исследования СМИ в условиях глобализации?» [9, с.75]. Он призывает к «новым альянсам в медиаисследованиях как между дисциплинами и их национальными ареалами, так и за их пределами» [9, с.85]. Нам необходимо показать сложные взаимоотношения между новым порядком работы глобализованных медиапрактик, новыми технологическими возможностями и растущей мобильностью профессионалов по всему миру. Грань между производителями медиаконтента и аудиторией все больше размывается, последние стали «пользователями медиа», оказывающими влияние на содержание опосредованной коммуникации. Необходимо выйти за пределы текста и проанализировать профессиональную практику и потребности практиков, профессиональные культуры, локальные и глобальные, национальные и международные, которые формируют жанры и тексты [7], понять реалии профессиональной коммуникации и таким образом внести свой вклад и принять участие в решении актуальных задач и проблем образования, подготовки и работы в СМИ XXI века, чтобы наши исследовательские усилия могли быть с пользой применены в реальном мире.

Новые технологии открыли совершенно новые области исследований и предоставили инновационные способы записи, сбора, хранения и организации данных. Однако они также требуют переосмысления исследовательских и аналитических методов. Кроме того, по сравнению с огромным пластом проанализированных текстов как конечных продуктов, исследованию новых мультимодальных и мультимедийных производственных процессов и новых способов взаимодействия на рабочем месте еще предстоит пройти долгий путь.

Литература

1. Варганова Е.Л. Теория медиа как перекресток научных подходов и методов // Вопросы теории и практики журналистики. – 2018. – Т.7, №1. – С.165-176. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(1).165-176
2. Жижина М.В. Медиаграмотность как стратегическая цель медиаобразования: о критериях оценки медиакомпетентности // Медиаобразование. Media Education. – 2016. – №4. –С.47-65.

3. Корконосенко С.Г. Нормативные теории журналистики // Теории журналистики в России: зарождение и развитие / под ред. С.Г.Корконосенко. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. – 272 с.
4. Муллоев Ш.Б., Панков В.В. СМИ как фактор формирования имиджа Кыргызстана в системе международных отношений // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2022. – №1 (76). – С.129-136.
5. Фокина В.В. СМИ как акторы мировой политики [Электронный ресурс] // Вестник МГИМО ун-та. – 2013. – №1. – С.61-65. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18957422> (дата обращения: 06.08.2023)
6. Чичерина Н.В. Медиаграмотность как ключевая компетенция современного специалиста: структура и содержание // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – №1. – С.152-158.
7. Bhatia Vijay K. Interdiscursivity in professional communication // *Discourse & Communication*. – 2010. – №4(1). – P.32-50.
8. Buckingham David *Media Education: Literacy, Learning and Contemporary Culture*. – Cambridge: Polity Press, 2003.
9. Ekecrantz Jan. *Media Studies going global* / in Daya Kihan Thussu (ed.) // *Internationalizing media studies*. – London: Routledge, 2009. – P.75-89.
10. Elleström Lars 'The modalities of media: A model for understanding intermedial relations // *Media borders, multimodality and intermediality* / in L.Elleström (ed.). – London: Palgrave, 2010. – P.11-48.
11. Estok David M. Paywalls // *Journal of professional communication*. – 2011. – №1(1). – P.23-26.
12. Hartley John. *Communication, cultural and media studies: the key concepts*. – London: Routledge, 2002.
13. Kress Gunther. Commentary: Media discourse – extensions, mixes, and hybrids: some comments on pressing issues // [Text & Talk](#). – 2004. – №24(3). – P.443-46.
14. Leeuwen, Theo van 'Multimodality' // *The routledge handbook of applied linguistics* in James Simpson (ed.). – London: Routledge, 2011. – P.668-682.
15. Lippmann Walter *Public Opinion* [Электронный ресурс]. – 1922. – Режим доступа: [Microsoft Word – Lippmann Walter-Public Opinion \(1922\).doc \(alor.org\)](#) (дата обращения: 29.08.2023)
16. Masterman Len. A rationale for media education // *Media literacy in the information age: Current Perspectives*; in Robert W.Kubey (ed.). – New Jersey (US): Transactions Publishing, 1997. – P.15-68.
17. Nordenstreng Kaarle. Media studies as an academic discipline // *Internationalizing Media Studies*; in Daya Kihan Thussu (ed.). – London: Routledge, 2009. – P.254-266.
18. Östman Jan-Ola and Simon-Vandenberg, Anne-Marie. Introduction // *Text*. – 2004. – №24(3). – P.303–306. Special issue on media discourse.
19. Robinson Sue. Journalism as process: The organizational implications of participatory online news // *Journalism & Communication monographs*. – 2011. – №13(3). – P.137-210.
20. Sarangi Srikant. Editorial: Mediated interpretation of hybrid textual environments // *Text*. – 2004. – №24(3). – P.297-301.
21. Sévigny Alex and Flynn, Terry. A reflection on the evolution of the field of professional communication // *Journal of professional communication*. – 2011. – №1(1). – P.3-14.

**MEDIA COMMUNICATION:
MODERN TRENDS AND CHALLENGES OF THE FUTURE**

Yarkina Lyudmila Pavlovna

Candidate of philological sciences,
associate professor at the chair of Russian language №4
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian, 117198
Ph.: +7(495) 434 53 00
IarkinaLP@vandex.ru

Karapetyan Natalya Grigorievna

Senior lecturer of additional education of Russian language chair №4
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian, 117198
Ph.: +7(495) 434 53 00
tafa2005@vandex.ru

In the article, attempts are made to analyze the current state of media communication when considering media in three aspects: as an academic discipline, as a professional practice and as an object of study by discourse analysts. Media is studied in educational institutions as an important component of communication studies; Media as a professional practice includes a variety of professions and specialties with increasing demand for both specialized knowledge and the ability to easily adapt to developing new genres, as well as globalizing contexts of information production and dissemination; media as an object of research, along with the traditional humanitarian-philological approach, meet the growing demand for interdisciplinarity, as evidenced by modern methodological trends in the study of media discourse. Thus, the scientific novelty of the work is determined by the fact that it attempts to find common ground for a comprehensive view of the problems and challenges generated by technological, social and globalization factors that have a strong influence on the modern development of study, practice and research in the field of media. At the same time, the perception of media as a complex system, including numerous subjects and objects intertwined with multidirectional relationships, remains. The article also offers some thoughts on future research directions given the realities of the current state of media.

Keywords: media communication; interdisciplinarity; mass media (media); media; computer-mediated communication.

**МЕДИАМУОШИРАТ: ТАМОЮЛОТИ МУОСИР
ВА ЧОЛИШҲОИ ОЯНДА**

Яркина Людмила Павловна

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забони русии № 4
Институти забони русии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7(495) 434 53 00
larkinaLP@yandex.ru

Карапетян Наталя Григоревна

Сарустоди таҳсилоти иловагии кафедраи забони русии №4
Институти забони русии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7(495) 434 53 00
tafa2005@yandex.ru

Дар мақола барои таҳлил намудани ҳолати муосири медиамуошират ҳангоми аз се ҷиҳат баррасӣ намудани медиа: ҳамчун фанни таълимӣ, ҳамчун амалияи касбӣ ва ҳамчун объекти таҳқиқоти таҳлилгарони дискурс қўшиш ба ҳарч дода шудааст. Медиа дар муассисаҳои таълимӣ ба ҳайси ҷузъи муҳими таҳқиқоти муоширатӣ омӯхта мешаванд; медиа ҳамчун амалияи касбӣ дорои касбҳо ва ихтисосҳои зиёд бо талаботи калон ҳам ба дониши таҳассусӣ ва ҳам ба қобилияти мутобиқшавии осон ба жанрҳои нави инкишофёбанда, инчунин ба хошиаҳои ҷаҳонишавандаи истехсол ва паҳншавии иттилоот мебошад; медиа ҳамчун объекти таҳқиқот, дар баробари муносибати анъанавӣ, гуманитарӣ-филологӣ, ба талаботи афзуншаванда ба хусусияти байнифаннӣ доштан ҷавобгӯӣ аст ва аз ин тамоюлотӣ муосири методологӣ дар омӯзиши медиа-дискурс шаҳодат медиҳанд. Ҳамин тариқ, нағзони илмӣ корро он ҷиҳат муайян месозад, ки дар он қўшиши дарёфт намудани нуктаҳои умумӣ барои нигоҳи маҷмӯӣ ба мушкилоти ҷолишҳои дар натиҷаи омилҳои технологӣ, иҷтимоӣ ва ҷаҳонишавӣ тавлидёбанда, ки ба рушди муосири омӯзиш, амалия ва таҳқиқоти соҳаи медиа таъсири калон мерасонанд, ба ҳарч дода шудааст. Дар ин росто қабули медиа ҳамчун низомӣ мураккабтарини дарбаргирандаи субъекту объектҳои сершумор, ки бо муносибатҳои гуногунҷабҳаи пурпечуб тавсиф дода мешаванд, эҳсос карда мешавад. Дар мақола инчунин баъзе фикрҳои дар бораи самтҳои ояндаи таҳқиқот бо инобати воқеияти вазъи имрӯзаи ВАО баён гардидаанд.

Вожаҳои калидӣ: медиамуошират; хусусияти байнифаннӣ; воситаҳои ахбори омма (ВАО); медиа; муошират тавассути компютер.

УДК [811.161.1+811.134.281]’34:316.77

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ

Кривченкова Ирина Владимировна

Старший педагог дополнительного образования кафедры русского языка №4

Институт русского языка

Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: +7 915 027 61 05 (м.)

kriv43nkova@yandex.ru

В статье рассматриваются и сопоставляются русская и таджикская фонетические системы, проводится их сравнительный анализ с целью установить принципиальные типологические различия между фонетикой двух языков. В фокусе внимания находится вопрос фонемной интерференции, связанный с выявлением проблемных мест русского произношения.

Целью данного исследования является нахождение и укрепление так называемого фонетического «мостика» между двумя исследуемыми таджикским и русским языками. В статье поднимаются вопросы взаимопроникновения языков, уделяется внимание не только лингвистическим, но и педагогическим аспектам данного языкового и культурного взаимодействия, отмечается важность не параллельного, а именно сопоставительного анализа.

Проблема сходства и различия фонетических языковых систем остаётся актуальной в теоретической и прикладной лингвистике многие годы, что предполагает необходимость возвращаться к ней для более подробного и глубокого изучения темы. Статья посвящена устранению препятствий к безакцентному русскому произношению носителями таджикского языка, призвана сделать российско-таджикский диалог ещё более открытым через первую ступень наших языковых кодов – живую звучащую речь. Данный вопрос требует рассмотрения понятия акцента и последующего нахождения способов его минимизации, что пошагово отражено в данном исследовании.

Ключевые слова: фонетика; фонетическая система; фонема; звук; акцент; произношение; языковая интерференция; инофон.

Сходства и различия разных языков волновали человечество на протяжении всей его богатой истории, однако, если для обывателей это скорее вопрос любознательности и расширения кругозора, для педагогов, филологов и лингвистов данная тема нередко становится краеугольным камнем научных изысканий. Объяснить это можно тем, что язык является в первую очередь инструментом человеческого общения, а чтобы общаться, мы должны слышать и понимать речь друг друга. Именно по этой причине теоретическое и практическое языкознание венчает раздел науки о языке, изучающий его звуковой строй, – фонетика. Наше исследование посвящено фонетической системе двух языковых кодов, каждый из

которых, безусловно, имеет свою долгую, насыщенную и богатую историю становления и развития. Фонетика и таджикского, и русского языка вызывает живой научный интерес именно в сопоставлении, особенно учитывая активное сотрудничество и культурно-образовательный диалог Таджикистана и России.

Когда встречаются в культурно-лингвистическом пространстве языки, неизбежно возникает та самая интерференция, сутью которой является их взаимодействие и взаимопроникновение, порождающее отклонения от нормы второго языка под влиянием родного, или то, что мы называем акцентом. Евгений Дмитриевич Поливанов в статье «Субъективный характер восприятия звуков языка» определял понятие акцента как следствие взаимодействия двух языковых систем и двух норм на стыке субъективного восприятия звучащей речи, а также рассматривал *языковой акцент* как лингвометодический объект [5, с.236-253]. Преподаватели-практики уделяли и продолжают уделять много внимания постановке звуков изучаемого (в нашем случае русского) языка, так как знают, что носители чаще всего реагируют на чуждый – иностранный – акцент негативно, подсознательно сразу разделяя окружающих людей по принципу «свой-чужой». Однако и педагогам, и студентам важно помнить о том, что даже при полном погружении в другой язык и культуру невозможно выключить из процесса язык родной. Наоборот, мы должны действовать методически корректно, с позиции сопоставительного метода.

Сопоставительная фонетика, суть которой Ж.В.Ганиев раскрывает в пособии «Контрастивная фонетика русского языка в сопоставлении с узбекским и таджикским языками», приводит нас к пониманию того, что и педагоги, и учёные должны всегда помнить о терпимости в процессе взаимодействия родного и изучаемого языков [4, с.21]. Возвращаясь к цели данного исследования, мы определяем интересующий нас вопрос акцента как наложение родной таджикской фонетики на изучаемую русскую и дальнейшее возникновение коммуникативных трудностей в общении. Чтобы установить соответствие между двумя системами, необходим сопоставительный анализ русского и таджикского языков.

Являясь предметом нашего научного интереса, акцент обнаруживается при слушании и последующем повторении услышанного, поскольку люди слышат звуки речи в зависимости от фонологической системы родного языка. Здесь нам необходимо вновь упомянуть понятие *языковой интерференции*, то есть взаимодействия языковых систем родного и иностранного языка при изучении последнего. Это взаимодействие всегда влечёт за собой отклонение от нормы изучаемого языка под влиянием языка родного. А.А.Реформатский в своих трудах рассуждал об отказе от параллельного описания языков [7, с.506-515]. Как уже упоминалось, каждый язык уникален, своеобразен и является глобальной самобытной системой, при этом сравнение даёт возможность выявить не только принципиальные различия, но и, что не менее важно, общие места и аналогии, необходимые для построения успешного диалога. Исходя из этого, мы не просто перечисляем особенности того или иного языка, а соотносим системы двух языков с самого начала научного анализа, демонстрируя русскую фонетическую систему не параллельно таджикской, а в сопоставлении с ней.

Трудность при освоении нового произношения заключается в отказе от привычных навыков, существующих в родном языке, главным образом – в отказе от родных фонологических навыков. Каждый человек с рождения привыкает к тому, что его речевой аппарат устроен и функционирует определённым образом, а нёбо, язык и зубы работают сообща именно так, как работают – и никак иначе. В один момент инофон сталкивается с чуждой фонетической системой и произношением. Конечно, сначала он пытается подстроить чужие звуки к своим, найти общее, похожее. Иногда ему это удаётся, но чаще всего скоро он начинает понимать, что в изучаемом языке есть совершенно новые звуки, аналоги которым в его родном языке отсутствуют. С этого момента начинается долгая и кропотливая работа по встраиванию новых звуков и фонем в «систему».

Фонетика как раздел науки о языке предлагает нам ряд звуковых блоков от частного к общему, где первый ярус представляет собой звук, а второй – слог. Е.Д.Поливанов предлагал начинать обучение носителей таджикского языка русской фонетике с самой большой трудности, а именно с сочетаний согласных в русском слоге и с категории твёрдости-мягкости согласных. Безусловно, начинать обучение с отдельных звуков нецелесообразно, потому что речь состоит не из них. Мы говорим как минимум словами и как максимум фразами, поэтому минимальной единицей произнесения считаем слог – элементарный артикуляционный комплекс, позволяющий разделить любое слово на меньшие части, при этом артикулируя звуки не раздельно, а слитно.

Позволим себе начать сравнительный анализ рассматриваемых языков с краткой исторической справки. Русский язык принадлежит к восточнославянской группе славянской ветви индоевропейской языковой семьи и представлен такими наречиями, как северное русское – «окающее» и южное русское – «акающее». Основу для формирования русского литературного языка составляли переходные говоры Москвы и её окрестностей, а также элементы церковнославянского литературного языка. Помимо этого, в русском литературном языке в XVI-XVIII вв. появляются различные иноязычные элементы. Пётр Первый являлся основоположником письменности, сложившейся на основе русского алфавита и переработанной из славянского, – «кириллицы». В современном мире русский язык играет значительную роль. Он является государственным языком Российской Федерации, межнациональным языком для общения народов Российской Федерации и сопредельных территорий бывшего СССР [8, с.10-15].

Таджикский язык входит в иранскую группу индоиранской ветви, его происхождение связано с персидским языком (фарси). Язык является государственным в Республике Таджикистан и представлен 50 таджикскими диалектами и говорами. Таджикский язык – язык флективно-аналитического типа. Аналитизм отмечается как в имени, так и в глаголе, где наряду со старыми флективными формами присутствует много новых. В фонетике таджикского языка 6 гласных и 24 согласных звука, грамматические категории рода и падежа, в отличие от русского языка, отсутствуют. Падежные отношения в таджикском языке выражаются синтаксически: порядком слов в предложении, согласованием, изафетной конструкцией, сочетанием с предлогами и послелогами. Одним из основных средств связи

слов служит изафет. Особой категории вида нет, она частично передается временными формами. Выделяются повелительное, изъявительное, сослагательное и предположительное наклонения, имеется также особое аудитивное (неочевидное) наклонение и два залога (активный и пассивный). С IX века до 1930 года использовалась письменность на основе арабского алфавита с добавлением некоторых знаков, с 1930 до 1940 гг. – латиница, а с 1940 года по настоящее время – алфавит, разработанный на основе русской графики с добавлением некоторых знаков. Последний факт, по нашему мнению, особенно важен, так как способствует серьёзному сближению таджикского и русского языков [2, с.4-6].

Фонологический строй русского языка характеризуется исторически усложнившейся системой консонантизма, включающей 37 согласных фонем, и менее сложной системой вокализма, в которую входят 6 гласных фонем. При этом – как в системе гласных, так и в системе согласных – отмечается большое разнообразие позиционных видоизменений. В частности, гласные в безударной позиции ослабляются и в ряде случаев не различаются. Ударение в русском языке динамическое, разноместное и подвижное. Подобный языковой портрет поначалу озадачивает и даже пугает многих инофонов, в первую очередь за счёт своего фонологического строя, основанного на системе консонантизма, который подразумевает гораздо большее количество согласных звуков по сравнению с гласными. Сразу оговоримся, что мы не случайно ставим на первое место вопрос соотношения консонантов, поскольку обилие согласных звуков присуще обоим языкам, но в таджикской слоговой системе мы не замечаем такого их скопления в одном слоге, как в русской. Это приводит к искажению произношения русских слов, к тому, что в устной речи носителей таджикского языка могут появляться лишние гласные призвуки, например, в словах «п[и]реподаватель», «вос[и]к[и]ресенье» и «тек[и]ст». Возвращаясь к особенностям русской фонетики, можно вспомнить пример психологического теста-эксперимента, создатели которого предлагают изъять из слов гласные и прочитать текст заново, а потом изъять согласные и повторить опыт. В первом случае (*в мжст прчтт фрз бз глснх тк ж лжк, кк с нм*) у испытуемых не возникало проблем с пониманием фразы, тогда как во втором (*ы ое оиа ау е аы а е ео, а и ши*) прочитать и понять её никто не мог. Исходя из этого соотношения, делаем вывод, что в нашем сравнительном анализе консонантной системе языков должно быть уделено достаточно внимания.

Далее при рассмотрении системного соответствия обнаруживается сходство и различие между русскими и таджикскими согласными. Например, палатализация русских согласных не имеет аналогии в таджикском языке и, наоборот, придыханию таджикских смычных согласных нет соответствия в звуковой системе русского языка. Звонкие согласные звуки русского литературного языка в исходе слова оглушаются и полностью совпадают с глухими звуками. На месте звонких согласных произносятся соответствующие глухие. В таджикском литературном языке звонкие согласные сохраняют полную звонкость в позиции между гласными, а в начале и в конце слова выступают полувзвонкие согласные [6, с.7-8]. В звуках русской речи согласные фонемы реализуются в позициях двух типов. В

сильной начальной позиции мы получаем чёткий звонкий или глухой согласный (пал – бал), в слабой позиции происходит оглушение конечного звука (гас – газ). Таким образом, феномен абсолютного оглушения конечных звонких согласных звуков в русском языке становится ещё одним камнем преткновения на пути уверенного освоения русской фонетики носителями таджикского языка.

Что же касается вокализма, в своих фонетических системах русский и таджикский языки имеют по шесть гласных. В русском это цепочка [и, э, а, у, о, ы], в таджикском соответственно [и, э, а, у, о, ў]. Сопоставительная характеристика гласных звуков показывает, что в таджикском языке отсутствует гласная фонема [Ы], а в русском – [Ў]. Таким образом, становится понятно, почему носители таджикского языка испытывают трудности при произнесении слов, в составе которых присутствует звук [ы]. В подобных случаях они обычно заменяют его звуком [и], который знают и произносят без проблем. Эта ситуация даёт нам слово «мило» вместо «мыло» или «дим» вместо «дым». При очень близком сходстве русских гласных фонем [И, Э, А, У, О] с соответствующими гласными таджикского языка, некоторые из русских гласных всё же отличаются от соответствующих таджикских по степени редукции в беглой речи. Данное отличие порождает массу комичных и при этом не слишком приятных моментов непонимания, когда носитель таджикского языка начинает слышать в спонтанной русской речи только согласные звуки. Вспомним систему консонантизма русской фонетики, тест на понимание фразы с согласными звуками и поймём причину, по которой многие инофоны считают русский язык в принципе грубым и резким.

Необходимо отметить, что в русском языке звуки речи находятся в прямой связи с морфемами, поскольку разноместное и подвижное русское ударение – ещё одна «беда» для неносителей – может падать на любой слог в слове и к тому же менять положение в зависимости от грамматической формы слова (например, в падежной паре «вода – воду»). Затрагивая подробнее тему ударения, подчеркнём, что основная проблема в вопросе языковой интерференции связана с отсутствием чётких правил постановки словесного ударения в русском языке, и этот факт всегда усложняет задачу инофонам. Вопрос о фонетической природе ударения в таджикском языке, согласно диссертационному исследованию М.П.Агафоновой, изучался в течение долгого времени, оно определяется как слоговое, в нём участвуют и интенсивность, и длительность, и тон [1, с.46]. Таджикское словесное ударение, как правило, падает на конец слова, за исключением заимствованных слов, а также слов с присоединением какого-либо суффикса. Существует небольшое количество слов, в которых ударение падает на первый слог, тем не менее, свод правил постановки ударения в таджикском языке обычно не вызывает больших сложностей, если сравнивать этот фонетический аспект с аналогичным в русском языке.

Как мы отмечали ранее, на 37 русских согласных фонем приходится всего 6 гласных. Это доказывает, что русский язык – язык консонантного типа, и гласные звуки – слабая часть его звучания. Гласные в русском языке отвечают за ударение, слоговую ритмику и интонацию фразы, то есть за грамматические значения, они зависят от согласных. Согласные же – это лексические значения слов.

Трудность для таджиков при изучении русской фонетики начинается там, где начинается слог, а именно там, где происходит соединение согласного и гласного, где вступает в силу различие согласных по твёрдости и мягкости (**тот** – **тѣтя**), особенно если слог содержит в себе не один, а сразу несколько согласных (**строй**, **встреч**, **вдруг**, **государств**, **воскресенье**). Крайне важно в начале любого пособия или вводно-фонетического курса, рассчитанного на носителей таджикского и персидского языков, помещать слоговые фонетические цепочки и соответствующие упражнения для отработки и закрепления, например, цепочки слогов с твёрдыми и мягкими согласными «**ба-бя**», «**во-вѣ**», «**гу-гю**», «**дэ-де**» и аналогичные цепочки-тренажѣры с парами по глухости-звонкости «**ба-па-бя-ня**», расширяя их впоследствии до цепочек слов наподобие «**баня – веник – утюг – деньги**» [3, с.50-60].

Отдельного разговора заслуживает, вне всякого сомнения, русский мягкий знак (**ь**), который также играет огромную смысловозначительную роль в русском произношении, но отсутствует в таджикском языке. Достаточно вспомнить яркие примеры пар слов «**банка – банька**» или «**брат – брать**», чтобы не сомневаться в важности постоянного закрепления понятия мягкости определённых согласных для носителей таджикского языка.

Если говорить о структуре русского слога, логично начать с самого простого сочетания «согласный + гласный» или «гласный + согласный», причѣм второй тип для носителей таджикского языка не так сложен, как первый. Очевидно, что сочетание «**ер**» произнести проще, чем «**ре**» из-за мягкого [р'] и урезанного [йэ] во втором случае. Далее упомянем слоги типа «согласный + согласный + гласный», как в слове «**смена**» или «**двери**», а также слоги, которые включают ещё больше согласных, идущих подряд, и представим себе озадаченность таджикского студента, который с момента произнесения первого слова привык к тому, что в его родном языке не может быть больше одного согласного звука в начальном слоге. Также следует вспомнить, насколько щедр русский язык на удвоенные согласные в первом слоге, как, например, в словах «**ссылка**», «**ссора**», «**вверх**» и «**введение**», что тоже не упрощает носителю таджикского языка освоение русской фонетики. В таких случаях рекомендуется добавлять больше упражнений для тренировки произношения согласных. Можно даже предложить студентам проделать уже хорошо известный нам эксперимент и прочитать фразу без гласных звуков – с одними согласными. Как известно, если повторять что-то трудное много раз, это в конце концов перестаѣт быть настолько трудным. Подводя промежуточный итог, позволим себе сказать, что из всех дифференциальных признаков в системе согласных фонем русского языка признак твёрдости-мягкости является ядром фонетической системы и серьёзной трудностью для освоения носителями таджикского языка.

Таким образом, исходя из рассмотренных особенностей фонетической системы двух языков, мы можем назвать заслуживающие пристального внимания моменты на стыке русской и таджикской фонетики, позволив себе расположить их по степени трудности.

На наш взгляд, сложнее всего носителям таджикского языка даётся изучение *фонологической твёрдости-мягкости русских согласных* в купе со структурой русских слогов с консонантами. Особенность русской фонетической системы, если сравнивать её с таджикской, как подчёркивалось нами ранее, заключается в обилии сочленений большого количества согласных, в том числе в начале слова, а также в разветвлённой системе твёрдых и мягких согласных звуков, которые в устной речи влияют на смысл и значение слов. С понятием твёрдости и мягкости согласных тесно связано произношение звуков [ы-и] после таких согласных.

Звук [ы] всегда стоит особняком в практике изучения и преподавания русского языка как иностранного по причине его своеобразия и специфичности. Многие студенты, изучающие русский язык с нуля, называют его звуком «из глотки». Конечно, мы помним, что это ротовой, неогубленный гласный звук, но основная проблема в данном случае заключается в степени и месте подъёма языка при его произнесении. Носителям таджикского языка, как и в других случаях, мало объяснить, что звук [ы] – это звук верхнего подъёма и среднего ряда, мало показать соответствующую картинку, им нужно наглядно продемонстрировать, как он произносится, позволить буквально заглянуть себе в рот, провести, по мнению некоторых, нудную, но совершенно необходимую работу по постановке нового звука в *твёрдых* слоговых сочетаниях. Только в этом случае он встроится в речевую систему и будет принят речевым аппаратом, только тогда можно будет перейти к следующему этапу чтения слов и фраз. Что же касается звука [и] и его связи с предшествующими согласными, инофоны способны без особых проблем принять знакомую *мягкость* и растянутость звука и его слоговых сочетаний.

Следующая трудность связана с освоением *русского безударного вокализма*, в особенности позиций гласных после твёрдых и мягких согласных. Ещё раз подчеркнём, что феномен редукции гласных в русской фонетике традиционно вызывает у инофонов массу сложностей, поскольку родное произношение нередко подсказывает единственный путь, а именно читать так, как написано, ничего не «проглатывать» и не сокращать. По этой причине нужно строить работу с усвоением русских безударных гласных методично и планомерно, раз за разом демонстрируя носителям таджикского языка эту интересную особенность звуков «сжёживаться» и уменьшаться в размерах, при этом иногда превращаясь в другой гласный звук, как, например, в словах «хорошо», «перерыв» и «девять».

Ещё одной несомненной сложностью в освоении русского произношения для носителей таджикского языка становится проблема «игры без правил» русского словесного ударения, о которой мы упоминали выше, а также *регрессивная ассимиляция согласных* по их некоррелятивным признакам, то есть по месту и способу образования (**сшил**, **высший**, **считать**). В этом случае русскоговорящий контингент или привычно «глотает» звук [с], оставляя в речи чуть удлинённое [ш], или – на примере третьего слова – превращает сочетание **С** и **Ч** в мягкий звук [щ']. Дополнительное внимание должно уделяться согласному **Ц** как фактическому сочетанию звуков [тс], особенно в тех случаях, когда носители русского языка заменяют второе первым («братский», «детский»).

Осмысливая сопоставительный портрет двух языков и подводя итог данного исследования, мы можем утверждать, что освещённые различия в особенностях фонетической системы таджикского и русского языков позволяют, как ни парадоксально, обнаружить достаточное количество общих мест и в полной мере оценить, насколько успешной может быть совместная работа по освоению русского произношения носителями таджикского языка и также усвоение таджикской фонетики русскоговорящим контингентом. Очевидно, что упорный и кропотливый педагогический труд, помогающий нам в полной мере понять и почувствовать иную фонетическую систему, способен дать возможность носителям двух языков не просто слушать, а действительно слышать и понимать друг друга.

Литература

1. Агафонова М.П. Динамика таджикско-русской интерференции в разных типах речи при реализации супraseгментных единиц: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Агафонова Марина Павловна. – СПб., 2021. – 434 с.
2. Арзуманов С.Д. Самоучитель таджикского языка. – СПб.: КАРО, 2019. – 416 с.
3. Битехтина Н.Б., Климова В.Н. Русский язык как иностранный: Фонетика. – М.: Русский язык. Курсы, 2011. – 128 с.
4. Ганиев Ж.В. Контрастивная фонетика русского языка в сопоставлении с узбекским и таджикским языками. – 2-е изд. стереотипное. – М.: Флинта, 2015. – 208 с.
5. Поливанов Е.Д. Субъективный характер восприятия звуков языка // Статьи по общему языкознанию: Избранные работы. – М.: Глав. ред. вост. лит-ры, 1968. – С.236-253.
6. Расул Д. Таджикский язык без репетитора: Самоучитель таджикского языка. – М.: АСТ, 2022. – 320 с.
7. Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии: Очерк; Хрестоматия. – М.: Наука, 1970. – С.506-515.
8. Теуш О.А. История русского языка. – М.: КноРус, 2023. – 416 с.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PHONETIC SYSTEM IN RUSSIAN AND TAJIK LANGUAGES

Krivchenkova Irina Vladimirovna

Senior lecture of additional education Russian language chair №4
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198
Tel.: +7 915 027 61 05 (m.)
kriv43nkova@yandex.ru

The article deals with and compares the Russian and Tajik phonetic systems, and conducts a comparative analysis of them in order to establish fundamental typological differences between the phonetics of the two languages. The focus is on the issue of phonemic interference, associated with identifying problem areas in Russian pronunciation.

The purpose of this study is to find and strengthen the so-called phonetic “bridge” between the two studied Tajik and Russian languages. The article raises issues of interpenetration of languages, pays attention not only to linguistic, but also to the pedagogical aspects of this linguistic and cultural interaction, and notes the importance of not parallel, but rather comparative analysis.

The problem of similarities and differences between phonetic language systems remains relevant in theoretical and applied linguistics for many years, which suggests the need to return to it again for a more detailed and in-depth study of the topic. The article is devoted to eliminating obstacles to accentless Russian pronunciation by native speakers of the Tajik language, and is intended to make the Russian-Tajik dialogue even more open through the first stage of our language codes - living speech. This issue requires consideration of the concept of accent and the subsequent finding of ways to minimize it, which is reflected step by step in this study.

Key words: phonetics; phonetic system; phoneme; sound; accent; pronunciation; language interference; foreign phone.

ТАҲЛИЛИ МУҚОИСАВИИ НИЗОМИ САВТИИ ЗАБОНҲОИ РУСӢ ВА ТОЧИКӢ

Кривченкова Ирина Владимировна

Сарустоди таҳсилоти иловагии кафедраи забони русии №4

Институти забони русии

Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия

117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6

Тел.: +7 915 027 61 05 (м.)

kriv43nkova@yandex.ru

Дар мақола низоми савтии русӣ ва тоҷикӣ баррасӣ ва муқоиса шуда, таҳлили муқоисавии онҳо бо мақсади муайян намудани фарқиятҳои принципиалии типологии байни фонетикаи ин ду забон анҷом дода шудааст. Дар маркази тавачҷуи муаллиф масъалаи интерференсияи фонемаҳо, ки бо ошқоросозии ҷойҳои мушкilotдори талаффузи русӣ алоқаманд ҳастанд, қарор дорад.

Мақсади таҳқиқоти мазкур ҷойгиршавӣ ва мустақкамшавии як навъ «пули» савтии байни ду забони таҳқиқшавандаи тоҷикӣ ва русӣ мебошад. Дар мақола масъалаҳои таъсири мутақобилаи забонҳо бардошта шуда, на танҳо ба ҷиҳатҳои забоншиносӣ, балки педагогии ин таъсири мутақобилаи забонию фарҳангӣ тавачҷуҳ зоҳир гашта, муҳим будани таҳлили муқоисавии на параллелӣ, балки маҳз муқоисавӣ таъкид карда шудааст.

Мушкilotи монандӣ ва фарқияти низоми савтии забон дар забоншиносии назариявӣ ва амалӣ солҳои зиёд мубрам боқӣ мондааст, ки ин зарурати ба он бозгаштанро барои омӯзиши боз ҳам муфассал ва амиқи мавзӯ тақозо менамояд. Мақола ба бартараф намудани садди роҳ барои талаффузи беаксенти русӣ аз ҷониби ҳомилони забони тоҷикӣ бахшида шуда, ҳадафи табдил додани муқолаҳои Россия ва Тоҷикистонро ба муқолаҳои боз ҳам қушод тавассути зинаи аввали рамзҳои забонҳоямон, яъне нутки зиндаи садодиханда дар назар дорад. Масъалаи мазкур баррасии мафҳуми аксент ва дар оянда дарёфт намудани тарзҳои камқунии онро тақозо менамояд, ки ин дар таҳқиқоти мавриди назар қадам ба қадам акс ёфтааст.

Вожаҳои калидӣ: фонетика; низоми савтӣ; фонема; овоз; аксент; талаффуз; интерференсияи забон; инофон.

УДК 81'1:1

ВЛИЯНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ЭЙДОСАХ ПЛАТОНА НА РАЗВИТИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Лонцкая Мария Алексеевна

Старший преподаватель кафедры русского языка №1

Институт русского языка

Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Макляя, 6

Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб. 1586

lontskayamaria@gmail.com

В этом исследовании анализируется вклад Платона в формирование лингвистической мысли и релевантность его подходов в наши дни. Основываясь на платоновских дискуссиях, автор акцентирует внимание на ключевых принципах древнегреческого мыслителя в контексте языковедения: понимание процесса наименования, связи между языком и действительностью, а также значимость философского анализа в изучении языка. Важным понятием для Платона является представление об «эйдосе», постоянной и неизменной сущности, которая предшествует каждому физическому предмету или событию в нашем мире. Учитывая, что это учение Платона о мире идеальных образов, эйдосах, выделяется своим новаторством на фоне других течений его эпохи, автор рассматривает его в контексте философских направлений того времени.

Хотя идеи Платона заняли центральное место в хронике лингвистической теории, исследование также подчеркивает критические аспекты и эволюцию в новейших языковых тенденциях. Независимо от разнообразных толкований и научной критики, платоновская перспектива языка не только инициировала философский дискурс о языке, но и определила многие основные принципы, на которых позже были построены ключевые лингвистические концепции.

Ключевые слова: Платон; лингвистика; теория именования; диалоги; философия языка; современная наука; критический анализ; идеи; история языкознания; философская интерпретация.

С начала времен человеческая интеллектуальная активность искала методы осмысления сущности бытия и его лингвистического выражения. Философия стала основой, определяя критерии и направления для дисциплин, таких как языкознание, где Платон и его теория эйдосов стали центральными. Неоспорима важность изучения взаимосвязи платоновского мышления с эволюцией лингвистической доктрины. Это не только глубоко коренится в исторических основаниях многих лингвистических парадигм, но и может пролить свет на уникальные характеристики языка как системного явления. Эйдосы, представленные Платоном как совершенные и вечные образцы бытия, играют важную роль в его философской доктрине. Они действуют как связующее звено между абстрактным миром идей и нашей материальной реальностью, определяя, возможно, прототипы,

на которые ссылается каждый объект. В рамках языкознания такой подход может влиять на наше восприятие семантики, ее связи с окружающим миром и методы ее организации.

Цель данного исследования – глубоко рассмотреть и оценить вклад представлений Платона об эйдосах в формирование и трансформацию языкознания, а также их роль в современных дискуссиях в этой области. В рамках этой цели будут рассмотрены: исторический контекст платоновской эпохи, эволюция языкознания до Платона, изменения в лингвистических теориях под воздействием платоновской доктрины и их текущее значение в современном языкознании.

В завершение вводной части стоит подчеркнуть, что такой комплексный анализ может расширить наш горизонт понимания языковой системы и указать направления для будущих научных работ в области языкознания.

Исторический контекст: понятие эйдосов в философии Платона

В центре философского мира Платона стоит концепция идеальных форм или эйдосов. Подчеркивая, что всё в физическом мире является просто отражением более совершенных и постоянных структур в высшем мире, Платон выдвигает свои революционные представления [7, с.118]. Этот реалм абстракций пребывает вечно, действуя как стандарт и источник всего существующего в материальной реальности [6, с.365]. Основные идеи Платона «не были взяты из воздуха». Они формировались под воздействием предшествующих философских движений и влияния восточных учений [10, с.158]. Критики подчеркивают, что разработка этой системы являлась реакцией на попытки древних греков разгадать тайны сущности, изменчивости нашего мира и принципов осознания [4].

Необычным является тот факт, что, несмотря на центральную роль эйдосов в его философии, Платон никогда не формулировал их определение в явной форме, что породило множество толкований и научных дискуссий [17]. Он утверждал, что идеальные формы суть источник истинного знания, в то время как наш непостоянный физический мир предоставляет только иллюзорное понимание. В сущности идея эйдосов Платона была попыткой представить систему, объясняющую отношение между абстрактным и конкретным, между вечным и временным в человеческом познании. В концепции Платона «эйдос» олицетворяет совершенную, постоянную и неизменную сущность, или архетип, который предшествует каждому физическому предмету или событию в нашем мире [7, с.118]. Так, всё в нашем окружающем мире представляет собой временные и подверженные изменениям проявления соответствующего им эйдоса из совершенного мира [6, с.365].

Данный принцип является фундаментальным для философии Платона, обеспечивая каркас его метафизического учения. Разделение между миром эйдосов и реальным миром имеет также значение для эпистемологии: Платон утверждал, что истинное понимание достигается через осмысление эйдосов, тогда как восприятие реальности лишь предоставляет поверхностное знание [5, с.118].

Важно осознавать, что идея эйдоса и мир идеальных форм были сформированы Платоном на фоне обширного философского и культурного дискурса той эпохи. Влияние других древнегреческих мыслителей и даже восточных фило-

софских подходов было весьма значимым для его системы [10, с.158]. Важно отметить, что концепция эйдосов Платона также является отражением древнегреческой интеллектуальной попытки понять сущность существования и переменчивый характер мира [4].

В итоге, «эйдос» в учении Платона – это архетип, или изначальная форма, которая стоит за всеми видимыми объектами и событиями, что является центральным моментом в его понимании метафизики, знания и действительности. Философская доктрина Платона о мире идеальных образов, известных как «эйдосы», выделяется своим новаторством на фоне других течений его эпохи. Однако для полного понимания этой особенности необходимо рассмотреть её в контексте философских направлений той поры:

– Предшественники Платона: первые философы Греции, такие как Гераклит и Парменид, обращали внимание на вопросы сущности бытия и его изменчивости [4]. Гераклитова концепция постоянного движения противопоставляется утверждению Парменида о неизменной природе истинного бытия. Идея Платона о вечных и неизменных формах навеяна взглядами Парменида.

– Софистическая школа: софисты утверждали релятивность истины, делая её зависимой от индивидуального восприятия. В отличие от них, Платон верил в абсолютную истину, доступную человеку через понимание эйдосов [5, с.118].

– Аристотель: этот ученик Платона, хоть и продолжил исследования своего наставника, предлагал другой подход к формам, рассматривая их не как отдельные идеальные сущности, а как внутренние свойства предметов.

– Пифагорейское движение: убеждение пифагорейцев в ключевой роли чисел в организации Вселенной в какой-то степени влияло на Платона, особенно в отношении гармонии и космического порядка [11, с.150].

– Традиции Востока: хотя прямое воздействие восточных учений на философию Платона не доказано, некоторые аспекты его мышления могли быть заимствованы или вдохновлены восточной мудростью [10, с.158].

Доктрина Платона была великолепным синтезом различных идей, активно обсуждаемых в его эпоху, в котором он воспринимал, преобразовывал или противопоставлял свои убеждения идеям других философов.

Основные аспекты лингвистической теории до Платона

В развитии античного мировоззрения язык занимал особенное место, служа инструментом не только общения, но и философских размышлений. Несмотря на отсутствие стройной лингвистической теории до времен Платона, представления о роли и сущности языка прослеживаются в различных культурно-исторических исследованиях. Взгляды Геродота акцентировали внимание на многообразии языковой карты мира, подчеркивая уникальность и отличительные черты каждого народа [1, с.179]. Тем временем, в древних восточных обычаях язык возводился до ранга священного инструмента, насыщенного глубоким символическим и мистическим содержанием. Подтверждением этому служат исследования Ямвлиха, где особое внимание уделяется церемониальной роли слов и знаков в египетских мистериях [11, с.150]. Западный мир, особенно Греция, в свою оче-

редь, начал видеть в языке средство логического анализа и дедукции, что позже нашло отражение в учении Платона [4]. Так, античные цивилизации, хоть и под разными углами, но уделяли особое внимание изучению языка, подтверждая его ключевую роль в культурном и философском контексте.

В древнегреческой культуре роль языка в процессе познания и аналитического мышления приобретала особое значение. На рубеже эпохи Платона начало складываться осознание языка как ключевого механизма для артикуляции интеллектуальных построений и концепций [4]. Этот тренд, как отмечает М.М.Шахнович, был частью глобального движения в области греческого мышления, испытавшего влияние восточных философских школ [10, с.158].

В свете этого, анализируя такие труды Платона, как «Тимей», «Горгий» и «Законы», становится возможным увидеть глубокие раздумья о характере и функциональности языка, его интеракции с концептуальными структурами и взаимодействиями в социуме [5; 6; 7]. Отметим, что к началу платоновской эры, древний мир уже наращивал объемную базу идей по поводу языка, опираясь на разнообразные культурные, религиозные и философские основы.

Трансформация лингвистической теории под влиянием платоновских идей

Древнегреческий мыслитель Платон внес значительный вклад в концептуализацию языка, предвосхитив ряд идеологий, которые позже стали центральными для области лингвистики. Его инновационное понимание слова касалось «идеального значения», в корне различного от устоявшихся трактовок эры. В платоновском понимании «формы» или «идеи» есть постоянные и абстрактные архетипы, существующие вне физической реальности [7, с.118]. В контексте языковедения это подразумевало, что за каждым термином стоит «идеальное значение», являющееся проекцией этих трансцендентных образов. Такое видение языка проложило путь к новым горизонтам в философии речи.

В диалоге «Горгий» Платон анализирует эссенцию риторики и ее связь с объективной правдой, акцентируя внимание на том, что языковые единицы должны служить истине, а не манипуляции убеждениями [5, с.118]. В «Законах» он далее рассматривает влияние речи на правовую систему и социальное равновесие [6, с.365].

Подобные платоновские понятия стали отправным пунктом для многих последующих лингвистических работ, например, исследований В.Фон Гумбольдта, который определил язык как «духовное проявление» народа, отображающее его общекультурные представления [2]. Так, можно заключить, что платоновская доктрина языка не только инициировала философский дискурс о языке, но и определила многие основные принципы, на которых позже были построены ключевые лингвистические концепции.

В исследовании языковых структур и категорий философские воззрения Платона, связанные с эйдосами или абстрактными формами, предоставляют интригующий аналитический инструментарий. Эти высшие, неизменяемые концепции, утверждает Платон, пронизывают языковые системы:

–Глагольное время: языки, в частности русский и английский, различают времена (прошлое, настоящее, будущее), возможно, отражая платоновскую концепцию времени как вечного понятия [2].

–Существительные и категория числа: термины «один» и «многие» можно рассматривать через призму платоновских представлений об абстрактном единстве и множественности. В русском языке различие между «дерево» и «деревья» может символизировать этот контраст [3].

–Характеризация через прилагательные: платоновские понятия, такие как абстрактная форма красоты, могут проявляться в таких описаниях, как «красный» [5, с.118].

Однако необходимо учитывать, что языковые системы отличаются в разных культурах, как это проявляется в языке Pīṅāḥ [14]. Несмотря на эти различия, платоновская философия, вероятно, сформировала наши представления о языке и даже его внутреннюю структуру [8]. В заключение идеи Платона об абстрактных формах служат ключевым звеном в анализе и понимании языковых систем и их элементов.

Философская теория Платона акцентирует внимание на соотношении между денотатом и его вербальным выражением. По мнению Платона, терминология не является случайным набором символов для объектов или концепций. Скорее, каждое слово несет в себе внутреннюю суть, коррелирующую с идеальными архетипами, известными как эйдосы [7, с.118].

В диалоге «Горгий» освещается дискуссия о том, в какой степени слова соответствуют действительности. Платоновская трактовка утверждает, что истинная лексема отражает аутентичное существо ее объекта [5, с.118]. Такой взгляд на язык выходит за рамки простой семиотической системы, придавая ему философскую значимость. Платон признавал, что не все словесные обозначения безупречно передают свои объекты, и здесь играют роль человеческие промахи и заблуждения. Однако в идеальной реальности словесный знак и объект идеально совпадают, и именно такое соответствие он рассматривает как настоящее название [6, с.365].

Эта платоновская перспектива контрастирует с позицией многих лингвистов XX века, которые, идя по стопам Ф. де Соссюра, полагали, что связь между знаком и его объектом основана на условности [8].

В итоге Платон видит связь между денотатом и его вербальным выражением как фундаментальный философский вопрос. В его концепции слово становится «истинным», когда оно точно отражает архетипическую природу объекта. Эта мысль легла в основу многих последующих философских и языковых традиций.

Следы влияния платоновских представлений в последующих лингвистических теориях

В концепции Платона интеракция между обозначением и объектом оказала решающее воздействие на формирование последующих теоретических концепций в лингвистике, в частности в рамках структурализма. Фердинанд де Соссюр, пионер структуралистского направления, подчеркивал, что семантическая

нагрузка слова не является его неотъемлемой особенностью; она определяется его связями внутри языковой системы [8]. Эта мысль эхом отзывается в платоновской доктрине об именах, которые приобретают смысл в контексте идеальных форм.

Рассмотрим пару противоположностей – «свет» и «тьма». В ракурсе Платона каждый из этих терминов взаимосвязан с их идеальными образами. В рамках структурализма Соссюра значение термина возникает благодаря его позиции внутри языковой сети, а не благодаря ссылке на реальность или идеальную форму [2].

Так, даже отвергая платоновские идеальные формы как точки отсчета для языковых единиц, структурализм сохраняет акцент на системных отношениях и значимости слов в языке. Это подтверждает глубокое влияние платоновской мысли на лингвистику, несмотря на трансформацию и адаптацию концепций.

Платоновскую доктрину об идеальных формах, представленную в «Тимее» [7, с.118], можно рассматривать как прототип семиотической системы. Здесь материальные сущности (символы) ссылаются на вечные концепции (значения), которые превосходят временные и пространственные рамки.

Основываясь на концепциях Соссюра [8] в сфере семиотики, ученые глубоко анализируют взаимодействие знаков и их семантической нагрузки в культурно-историческом контексте. Платоновская философия предлагает, что смысл слова определен не его прямым отношением к реальности, но его местоположением в рамках идеального мироздания.

Давайте взглянем на слово «река». Согласно Платону, это слово указывало бы на универсальную концепцию реки, а не на любой реальный водный поток. С точки зрения Соссюра, слово «река» становится символом, объединяющим его физическое произношение (фонема) и абстрактное представление реки (семантика), при этом его истинное значение выявляется через сеть отношений с другими словами [2].

В этом контексте платоновская концепция, где языковые единицы отражают универсальные идеи или формы, а не просто физические объекты, укладывается в семиотическую парадигму, хотя с определенными дополнениями и особенностями. В последующих исследованиях, таких как работы Н.Хомского, языковые конструкции рассматриваются как внутренние системы, коренящиеся в человеческом сознании [9].

Этот анализ подчеркивает неослабевающее влияние древних идей на современные научные и философские направления, включая семиотику. Творения Платона, например, «Тимей» и «Законы», служат маяком для многих мыслителей. В его философии слова и их смыслы воспринимаются как зеркала вечных концепций.

На протяжении двадцатого столетия в лингвистических исследованиях, отчасти вдохновленных мыслями Гумбольдта [2], язык был представлен как эволюционирующий и постоянно адаптирующийся механизм. Интересно отметить, что акцент в этих исследованиях часто делался на дебатах, касающихся связи

языка с объективной реальностью, при этом многие аспекты этих дебатов были связаны с философскими воззрениями Платона.

Хомский, в свою очередь, утверждает, что языковые конструкции глубоко вживлены в человеческое сознание. Это мнение, возможно, находит параллели с платоновским пониманием универсальных идей, существующих вне материального мира [9]. Хотя Хомский и не видит эти конструкции как неизменные или абсолютные, он считает их обладающими некой универсальностью, что созвучно взглядам Платона.

Тем временем исследователи вроде Д.Л.Эверетта [14] аргументируют, что культурные и личные опыты формируют языковые структуры, противопоставляя это платоновской концепции вечных и неизменяемых идей.

Однако в лингвистических кругах платоновская концепция отношений между языком и действительностью, а также природой идеальных форм, сохраняет свое влияние. Несмотря на различия в интерпретациях и методологии, дебаты о том, как язык взаимодействует и отражает реальность, не утихают, подтверждая актуальность платоновских идей в современной лингвистике.

Критический анализ влияния платоновских идей на лингвистику

Взгляд Платона на языковые структуры, основываясь на понимании абстрактных форм, может не всегда корректно трактовать разнообразие языковых особенностей. Принимая идею наличия у каждой единицы языка некой «совершенной» сущности, мы рискуем упустить богатство языковых оттенков и специфику их использования в различных социокультурных условиях [12].

Рассмотрим понятие «любовь». Во многих культурных традициях и языках его смысловые грани весьма разнообразны. Однако, руководствуясь платоновским взглядом, мы пришли бы к выводу о наличии единой «совершенной» интерпретации любви, что, очевидно, противоречит действительности.

К тому же, рассматривая язык как зеркало некой идеальной реальности, мы можем упустить социокультурные, исторические и даже политические аспекты его развития [13]. Такой подход может заслонить от нас истинное понимание гибкости языка, его реакции на социокультурные вызовы.

И, наконец, акцентирование внимания на «совершенных» формах может уменьшить значение контекста при анализе языковых единиц. В реальной жизни значение слова или выражения часто зависит от обстоятельств его употребления, а не от его абстрактной «совершенной формы» [15].

В рамках философских рассуждений Платона о языке через призму идеальных форм ряд ученых выразили отличные точки зрения и основательную критику.

Так, Гумбольдт, например, утверждал, что каждый язык является зеркалом «национального духа», предоставляя свои характерные структуры и мыслительные модели [2]. В таком контексте платоновская концепция слов как отражений идеальных образов может показаться ограничивающей.

Де Соссюр поднимал вопрос о произвольной природе лингвистического знака, акцентируя внимание на разделении между знаком и его содержанием, что

противостоит платоновскому пониманию постоянной связи слова и его сущности [8].

Анализируя, например, слово «свобода», можно увидеть его многообразное восприятие в разных культурных и исторических рамках. Исходя из платоновского понимания, это слово имело бы однозначное отражение идеи «без ограничений». Однако современные интерпретации этого термина предполагают различные формы и понимания, подтверждая изменчивую природу языка.

Несмотря на это, Хомский мог бы видеть некоторое сходство с платоновскими идеями, предполагая наличие универсальной грамматики во всех языках [9]. Тем не менее, даже он признавал культурные и социолингвистические отклонения от этой универсальности.

Так, несмотря на глубокие философские корни платоновской лингвистики, она сталкивается с вызовами и разнообразными интерпретациями в современных лингвистических направлениях.

Заключение

В данном исследовании мы провели анализ воздействия концепций Платона на развитие лингвистической науки и той критической реакции, которая последовала в ответ на его теории. Основная мысль Платона, связывающая словесные образы с абстрактными идеями, заложила основу для первых философских рассуждений в области языкознания. Его вера в неизменность и совершенство языка повлияла на концепции многих мыслителей эпохи.

Однако с расширением границ знаний в лингвистике многие постулаты Платона подверглись критическому пересмотру. Ученые нового времени, такие как Гумбольдт, Соссюр и Хомский, внесли свои коррективы в понимание природы языка, которые зачастую диаметрально противопоставлялись платоновской модели.

Дополнительный анализ конкретных лингвистических образцов позволил нам понять многогранность и пластичность языка в рамках различных культурных и временных эпох. Это подтверждает сложность поиска «абсолютных истин» в структуре языка и подкрепляет тезис о том, что платоновская интерпретация может быть чрезмерно редуктивной.

В завершение хотя платоновский взгляд на язык и его основы продолжает играть роль в истории лингвистики, он также способствует активизации научного диалога и прогрессу в данной сфере.

В исследовании мы глубоко анализируем вклад Платона в философские и лингвистические аспекты языка. Основываясь на его произведениях, прежде всего в «Кратиле», можно выявить следующие основополагающие принципы:

–Теория именованя: Платон рассматривает лексемы как обозначения вечных и статичных форм или идеальных образов. Он утверждал, что каждое слово воплощает собой интринсическую истину предмета или концепции, которую оно олицетворяет.

–Отношение языка и реальности: по Платону, лексические единицы имеют прямую связь с реальностью. Эти единицы не являются произвольными символами, но несут в себе присущую им значимость.

–Роль философа в анализе языка: только посредством философской интуиции можно верно наименовать предметы, делая философа ключевым актером в анализе языка.

Однако в контексте современного языкознания платоновская парадигма сталкивается с определенными вызовами:

–Арбитранность знака: начиная с теорий Соссюра, предполагается, что языковые знаки являются произвольными и не связаны непосредственно с их референтами.

–Динамичность языка: это контрастирует с платоновским представлением о статичных формах, так как современные данные указывают на изменчивость и эволюцию языковых структур.

–Природная семантика: хотя некоторые современные исследования ищут «универсальные» значения, их методы нацелены на эмпирический анализ, отличающийся от платоновских абстракций.

В заключение следует отметить, что, несмотря на критическое переосмысление некоторых платоновских концепций, его влияние на лингвистическую теорию нельзя недооценивать. Его подход к вопросам о природе слов, их связи с реальностью и роли человека в интерпретации языка продолжает оставаться в центре лингвистических дискуссий.

Литература

1. Геродот. История / пер. и примеч. Г.А.Стратоновского. – Л., 1972. – 600с.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397с.
3. Зубкова Л.Г. Лингвистические учения конца XVIII – начала XX в.: Развитие общей теории языка в системных концепциях. – М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1989. – 212с.
4. Кембриджская история древнего мира. Т.III. Ч.3. Расширение греческого мира. VIII-VI вв. до н.э. / под ред. Дж.Бордмэна и Н.-Дж.-Л.Хэммонда; пер. с англ. А.В.Зайкова. М., 2007. – 658с.
5. Платон. Горгий // Платон. Соч.: в 4 т. Т.2. – М.: Мысль, 1993. –529с.
6. Платон. Законы / под ред. А.Ф.Лосева. – М., 1999. – 830с.
7. Платон. Тимей // Платон. Соч.: в 4 т. Т.3. – М., 1994. – 654с.
8. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. – М.: Прогресс, 1990. – 280с.
9. Хомский Н. О природе и языке. – М.: КомКнига, 2005. –288с.
10. Шахнович М.М. Происхождение греческой философии и восточная традиция: проблема влияний // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: материалы Международной научной конференции. – 2001. – №12. – С.258-265.
11. Ямвлих. О египетских мистериях / пер. с древнегреч., вступ. ст. Л.Ю.Лукомского. – М., 1995. – 288с.
12. Adam J. Platonis Crito. – Cambridge, 1888.
13. Cron Chr. Platons ausgewählte Schriften. Erster Theil. – Leipzig, 1865.
14. Everett D.L. Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã: Another look at the design features of human language // Current Anthropology. – 2005. – №76. – P.621-646.
15. Krohn A. Der platonische Staat. – Halle, 1876.
16. Nichols J. Linguistic Diversity in Space and Time. London. – Chicago: University of Chicago Press, 1992.
17. Thesleff H. Studies in Platonic Chronology. – Helsinki, 1982. –

THE INFLUENCE OF PLATO'S PERCEPTIONS ABOUT THE EIDOS ON THE DEVELOPMENT OF LINGUISTIC THEORY

Lontskaya Maria Alekseevna

Senior lecturer of the Russian language chair №1
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434-00-01, ext. 1586
lontskayamaria@gmail.com

In this article, Plato's contribution to linguistic thought and the relevance of his approaches today is examined. Based on Plato's discussions, the author focuses on the key principles of the ancient Greek thinker in the context of linguistics: understanding the process of naming, the connection between language and reality, as well as the importance of philosophical analysis in the study of language. An important concept for Plato is the idea of "eidos", a constant and unchanging essence that precedes every physical object or event in our world. Considering that this teaching of Plato about the world of ideal images, eidos, stands out for its innovation against the background of other movements of his era, the author considers it in the context of the philosophical trends of that time.

While Plato's ideas have taken center stage in the chronicle of linguistic theory, the study also highlights critical aspects and evolution in recent linguistic trends. Regardless of various interpretations and scientific criticism, Plato's perspective on language not only initiated philosophical discourse on language, but also defined many of the basic principles on which key linguistic concepts were later built.

Keywords: Platon; linguistics; naming theory; dialogues; philosophy of language; modern science; critical analysis; ideas; history of linguistics; philosophical interpretation.

ТАЪСИРИ ТАСАВВУРОТ ДАР БОРАИ ЭЙДОСҲОИ ПЛАТОН БА РУШДИ НАЗАРИЯИ ЗАБОНШИНОСӢ

Лонцкая Мария Алексеевна

Муаллими калони кафедраи забони русии №1
Институти забони русии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб. 1586
lontskayamaria@gmail.com

Дар таҳқиқоти мазкур саҳми Платон ба ташаккули афкори забоншиносӣ ва релевантнокии муносибат ба ӯ дар замони мо бо таҳлил фаро гирифта шудааст. Ба мувоҳидаҳои платонӣ таъҷи намуда, муаллиф ба принсипҳои калидии мутафаккири Юнони Қадим дар хошиаи забоншиносӣ:

фаҳмиши раванди номгузорӣ, алокаи байни забон ва воқеият, инчунин муҳимии таҳлили фалсафӣ дар омӯзиши забон тавачҷух зоҳир кардааст. Барои Платон тасаввурот дар бораи «эйдос», ҷавҳари доимӣ ва тағйирнопазире, ки сароғози ҳар як ашёи ҷисмонӣ ё ҳодисае дар дунёи мо мебошад, мафҳуми муҳимест. Бо дарназардошти он ки таълимоти Платон дар бораи олами образҳои идеалӣ, эйдосҳо бо навоари худ дар байни дигар равиҳои даврони ӯ фарқ карда меистад, муаллиф таълимоти мазкурро дар хошиаи ҷараёнҳои фалсафии он замон баррасӣ кардааст.

Гарчанд идеяҳои Платон дар таърихи назарияи забоншиносӣ мавқеи марказӣ дошта бошанд ҳам, таҳқиқот инчунин ҷиҳатҳои интиқодӣ ва таҳаввулоти тамоюлҳои навтарини забониро ба назар мегирад. Новобаста аз ташреҳоти гуногун ва нақди илмӣ, дурнамои платонии забон на танҳо ба сайри фалсафии забон ташаббус гузошт, балки принсипҳои зиёдеро низ муайян кард, ки дертар консепсияҳои калидии забоншиносӣ ба он таъяс карданд.

Вожаҳои калидӣ: Платон; забоншиносӣ; назарияи номгузорӣ; муқоламаҳо; фалсафаи забон; илми муосир; таҳлили интиқодӣ; идеяҳо; таърихи забоншиносӣ; идроки фалсафӣ.

УДК [811.161.1+811.134.281]’34:316.77

ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ РУССКОГО ВОКАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ ИСПАНСКО-РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА

Бондарева Вероника Валерьевна

Ассистент кафедры русского языка №1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб. 1586
v.v.bondareva@list.ru

Щербакова Ольга Маратовна

Кандидат филологических наук, доцент,
старший педагог дополнительного образования кафедры русского языка №1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб. 1586
shcherbakova-om@rudn.ru

Одним из ключевых понятий исследования является интерференция как следствие языкового контакта. Изучая любой иностранный язык, человек создаёт двуязычную ситуацию, которая является причиной возникновения межъязыковой (внешней) и внутриязыковой интерференции. Объединяясь, два вышеуказанных вида интерференции создают систему иностранного акцента в речи обучающихся.

В исследовании проанализирована система русских гласных, максимально приемлемая для презентации русского вокализма с точки зрения языкового контакта. Это значит, что дано подробное описание гласных звуков как отдельных, самостоятельных единиц речи, а также их модификаций в потоке речи в результате взаимодействия с консонантной системой русского языка и в рамках правил просодической организации русского слова.

В результате сравнительно-сопоставительного анализа были выявлены основные черты испанского акцента в речи испаноязычных информантов. Далее эта теоретическая работа была подкреплена изучением реальных нарушений в речи испаноговорящих инофонов. Анализ реального облика русского вокализма показал, что прогнозируемые затруднения и речевые нарушения реально реализуются в речи, а современные компьютерные программы и математические методы позволяют подтвердить данные, полученные в ходе теоретического анализа, получить числовую характеристику реальных нарушений и дать им более точную оценку.

Проведённое исследование востребовано при разработке национально ориентированных вводно-фонетических и коррекционно-фонетических курсов. В данной работе показана не только необходимость учёта родного языка обучаемых для формирования правильного фонетического

облика русского слова в речи инофонов, но и важность адекватного описания вокалических систем.

Ключевые слова: языковой контакт; фонетическая интерференция; иностранный акцент; фонологический подход; артикуляционная база; акустический анализ; компьютерная лингвистика.

Введение

Проблематика контактирования языков тесно связана с развитием общественно-экономической и культурной сфер жизни, которое обуславливает перемены и во взаимодействии языков, которые используются контактирующими народами [10, с.152]. Это объясняет необходимость изучения и знания как минимум одного иностранного языка.

При использовании индивидом двух языков создаётся ситуация языкового контакта.

Результатом языкового контакта является интерференция. Явление интерференции охватывает все языковые уровни, но главным образом фонетический, поскольку «в области фонетики влияние родного языка на изучаемый иностранный проявляется сильнее, чем на других уровнях языка» [17, с.277].

Каждый иностранный язык имеет свою фонетическую систему, в том числе систему вокализма, которая обладает своей спецификой, своими индивидуальными чертами и свойствами, которые влияют на усвоение изучаемого языка.

Анализ вокалических систем родного и изучаемого языков позволяет прогнозировать возможные трудности и нарушения, а исследование реальных нарушений позволяет выявить трудности, которые могут отличаться от прогнозируемых в силу лингвистических и экстралингвистических причин – так формируется модель русского вокализма в условиях языкового контакта.

Методы

Чтобы представить модель русского вокализма, реализующуюся в условиях языкового контакта, исследователю необходимо решить ряд задач.

1. Раскрыть суть языкового контакта и описать работу механизма интерференции на фонетическом уровне.

При рассмотрении понятия языкового контакта необходимо отметить, что речь может идти о процессе смешения языков в широком смысле, то есть о процессе приобретения этими языками общих языковых черт в результате попадания этих языков в определённые ситуации или условия, или же о процессе смешения языков в узком смысле. Во втором случае языковой контакт делится на индивидуальный языковой контакт, то есть индивидуальное смешение языков, характерное для отдельной языковой личности, и коллективный языковой контакт, то есть процесс смешения языков, характерный для языкового коллектива при взаимодействии двух языков. Именно индивидуальный языковой контакт способствует формированию модели системы русского вокализма, вызывая языковую интерференцию.

Интерференция – это «система отклонений от норм любого из языков в речи инофонов, знающих более одного языка» [6, с.22]. Интерференция, как и языковой контакт, проявляется на всех языковых уровнях, однако особое внимание необходимо обратить на фонетическую интерференцию, поскольку она наиболее наглядно представляет механизм работы этого явления [1, с.14]. Суть фонетической интерференции заключается в применении фонетических компетенций [12, с.290] родного языка в процессе речепорождения на изучаемом языке.

Существует два основных подхода к толкованию понятия фонетическая интерференция:

1) нарушения, касающиеся только фонемного уровня языка, в результате которых происходит неразличение фонемных оппозиций и нарушение реализации аллофонов фонем, такую фонетическую интерференцию называют сегментной;

2) нарушения, затрагивающие помимо всего вышеперечисленного ещё и интонационный, ритмический и акцентуационный компоненты, данная фонетическая интерференция называется супraseгментной [7, с.45].

В виду того, что супraseгментная интерференция имеет свою специфику и экспериментальными исследованиями в данной области подтверждена необходимость изучения этого типа интерференции, нам представляется возможным объединить характеристику словесного ударения с сегментной интерференцией в фонетическую интерференцию, поскольку она представляет интерес при исследовании вокалических систем. В русском языке ударение – явление супraseгментного уровня фонетического яруса языка – выступает как фактор реализации модификации фонем на подфонемном уровне [18].

«Все фонетические нарушения системы иностранного языка, вызванные работой механизма интерференции, в практическом общении инофонов, объединённые в одну целостную систему, называются иностранным акцентом» [2, с.1267]. «Каждый тип акцента обладает специфической совокупностью акцентных черт – произносительных отклонений, вызванных интерференцией, которая характеризуется проявлением системы одного языка в речевых произведениях другого» [16, с.1295].

2. Описать системы вокализма изучаемого (русского) и родного (испанского) языков.

Как говорил Э.Хауген, «... предпосылкой успешного обнаружения и классификации явлений интерференции является адекватное описание рассматриваемых языков» [21, с.70]. Традиционные критерии и принципы описания языков были представлены А.А.Реформатским в статье «Фонология на службе обучения произношению неродного языка» [19, с.512]. Данные принципы и критерии были дополнены, что способствовало обновлению и усовершенствованию методики описания системы фонем:

- принцип системности;
- принцип упорядоченности;
- принцип относительности;
- учёт артикуляционной базы;
- учёт орфоэпической нормы;

- человеческий фактор [2, с.1263-1264].

Описание фонем должно основываться на общепринятой классификации гласных через призму фонологических оппозиций (наиболее приемлемой в данном случае видится классификация оппозиций различения Н.С.Трубецкого: характеристика гласного звука по подъёму, ряду и наличию/отсутствию лабиализации) [20].

Описывая вокалическую систему русского языка с использованием фонологического подхода, необходимо помнить, что в отечественном языкознании традиционно выделяют две фонетические школы – Московскую и Ленинградскую (Щербовская). Разный подход представителей этих школ к интерпретации данных влечёт за собой наличие нескольких классификаций ударных русских гласных. При выборе классификации необходимо руководствоваться отличительными свойствами артикуляционной базы русского языка, которая характеризуется двумя укладами речевых органов и механизмом одновременной работы губ и языка [15, с.92]. Ударная вокалическая система, разработанная на основе вышеописанного, обновлённого фонологического подхода, представлена в работах И.М.Логиновой и Л.Л.Буланина [15, с.4]:

Таблица 1

Система ударных гласных русского языка

Ряд:		передние	непередние	
Подъём:		неогубленные		огубленные
верхние		и	ы	у
неверхние	средние	е	э	о
	нижние		а	

Фонологический подход при описании системы русских гласных предусматривает необходимость анализа системы безударного вокализма. В потоке речи гласные звуки русского языка претерпевают значительные изменения в зависимости от различных факторов. Позиционные изменения русских гласных вызваны природой словесного ударения и редукцией, комбинаторные обусловлены твёрдыми или мягкими согласными [3, с.950-951]. Необходимо также учитывать тенденции современного этапа развития орфоэпических норм: эволюция языка, упрощение правил и уподобление произнесения написанию привели к трансформации системы безударного русского вокализма (см. таблицы 2, 3, 4) [15, с.103, 114].

Таблица 2

Модификация системы безударного вокализма – редукция

абсолютное начало	2, 3, 4 предударные слоги	1 предударный слог	ударный слог	заударные слоги	абсолютный конец
качественно-количественная редукция					
Л	Ъ	Л	А	Ъ	Л
			О		
---		Ы	Э		Ы
---	И	И	А	И	Л
---			О		
И			Е		
количественная редукция					
У	У	У	У	У	У
И	И	И	И	И	И
---	Ы	Ы	Ы	Ы	Ы

Таблица 3

Комбинаторные изменения русских гласных – аккомодация (ударные гласные)

	tat	t'at	tat'	t'at'
а	а	^и а	а ^и	эе (^и а ^и)
о	у ^{о^а}	ÿ ^{о^а}	у ^{о^и}	ÿ ^{о^и}
у	у ^ы	ÿ ^{у^ы}	у ^и	ÿ ^{у^и}
е-э	э	е ^а	э ^и	е (ê)
и	ы	и ^ы	ы ^и	и

Таблица 4

Комбинаторные изменения русских гласных – аккомодация
(безударные гласные)

	tat	t'at	tat'	t'at'
А	А	-	А ^и	-
У	у ^Ы	у ^Ы	у ^и	у ^и
И-Ы	ы	и ^Ы	ы ^и	и
Ь-Ъ	ь	ь ^Ь	ь ^Ь	ь

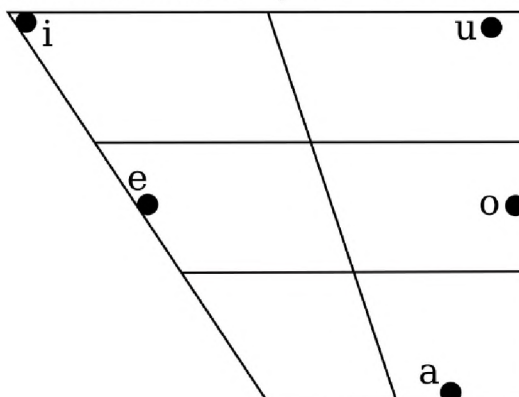
Фонологический подход к описанию фонетической системы абсолютно любого языка предполагает идентификацию этого языка как реальной, субъективной данности, поэтому при анализе необходимо использовать синтезированные методы, основывающиеся, в первую очередь, на конкретном материале, т.е. языке: оптимальной будет считаться семичленная вокалическая система, в которой противопоставление гласных по ряду является дифференциальным признаком и в которой учитываются сочетаемостные свойства гласных. Таким образом раскрывается суть работы механизма при образовании комбинаторных аллофонов русских гласных, который одновременно представляет собой способ реализации оппозиции русских согласных звуков по признаку твёрдости/мягкости.

Необходимо также уделить особое внимание твёрдо-заднему укладу и комбинаторным изменениям гласных в результате влияния твёрдых согласных. Эти изменения «трудноуловимы на слух» [5, с.91], носители русского языка не придают им значения, однако фонационно-артикуляторный аппарат инофонов, изучающих русский язык, предрасположен к их родному языку, и результаты адаптации русских гласных к твёрдым согласным, как правило, воспринимаются ими острее: дифтонгоиды и трифтонгоиды не осознаются как единое целое и разбиваются на несколько компонентов.

Испанский язык распространён не только в Испании, но и на территории Латинской Америки. Это способствует появлению и развитию диалектной вариативности испанского языка. Определение инвентарного состава фонем предполагает различение унифицированной нормы (*español estandar*) и различных диалектных вариантов, широко распространённых на территории Латинской Америки. «*Español estandar*» представляет собой кодифицированную норму литературного языка, который взят за основу для анализа вокалической системы испанского языка в настоящем исследовании.

Испанская вокалическая система включает пять гласных звуков, представленных в следующей схеме в соответствии с их признаками ряда (переднего, среднего или заднего) и подъёма (верхнего, среднего или нижнего): [a, e, i, o, u] (см. схему 1) [23, с.40]:

Triángulo vocálico del español
(Треугольник гласных звуков испанского языка)

Испанские гласные имеют различные более открытые или более закрытые варианты звуков в потоке речи, хотя испанское произношение характеризуется чёткостью артикуляции и регулярностью. Действительно, аллофоны испанских гласных обладают различными оттенками, несомненно, менее заметными, чем в других языках, поэтому их неправильное произнесение или произнесение на их месте других аллофонов, как правило, не влияет на их смысловозначительную функцию.

Система испанского вокализма включает дифтонги и трифтонги – сочетание двух или трёх гласных, которое образует один слог [11, с.239], [4, с.4795]. Дифтонги и трифтонги в испанском языке образуют гласные [i], [u] в сочетании друг с другом или с любой другой гласной. В зависимости от положения в дифтонге или трифтонге гласные [i], [u] претерпевают значительные изменения, становясь полусогласными, когда они идут в начале вокальной группы, либо полугласными, когда они находятся в конце дифтонга или трифтонга.

Закономерности реализации основных аллофонов испанских гласных фонем можно представить следующим образом:

- единственный гласный звук, способный продвигаться вперёд или отодвигаться назад по ряду, в испанском языке – это гласный [a]; модификация аллофонов гласного [a] по ряду зависит от соседства с разными по способу образования согласными; (в таблице это отмечено знаком *);
- гласные [e], [o] имеют только три аллофона – они могут становиться более закрытыми или, наоборот, более открытыми в зависимости от типа слога, в котором появляются;
- более закрытыми или более открытыми могут становиться и гласные [i], [u] в сходных условиях;
- гласные [i], [u] имеют на два аллофона больше, что объясняется их способностью участвовать в образовании дифтонгов и трифтонгов, эти аллофоны реализуются в одних и тех же позициях [22, с.38-54].

Обобщённо информация об оттенках испанских гласных в потоке речи может быть представлена в виде следующей таблицы:

Таблица 5

Позиционное распределение аллофонов испанских гласных

	Аллофоны гласной [i]				Аллофоны гласной [e]			Аллофоны гласной [a]				Аллофоны гласной [o]			Аллофоны гласной [u]					
	[i]	[i̞]	[i̠]	[j]	[i]	[e]	[e̞]	[ə]	[a]	[a̞]	[a̠]	[ɐ]	[o]	[o̞]	[e]	[u]	[u̞]	[u̠]	[w]	[v]
Открытый слог под ударением	+					+			+				+			+				
Закрытый слог под ударением		+				+			+				+			+				
Восходящие дифтонги			+			+			+*				+				+			
Нисходящие дифтонги				+		+			+*				+						+	
Слабые позиции					+		+				+			+						+
Перед палатальными согласными									+											
Сочетания с заднеязычными согласными или гласными заднего ряда										+										

3. Провести сопоставительный анализ вокалических систем.

Теоретический сопоставительный анализ показывает, что испанский акцент в произношении русских гласных может проявляться следующим образом:

- звук [ы] отсутствует в вокалической системе испанского языка. Таким образом, испаноговорящие обучающиеся не различают противопоставленные по ряду [и] – [ы] под ударением и в безударной позиции;

- артикуляционная неделимость речевого потока способствует образованию дифтонгоидных призвуков у русских гласных под воздействием окружающих их согласных. Вследствие чего испаноговорящие обучающиеся допускают различные виды нарушений, связанных с ритмикой, последовательностями с /j/ и орфографией;

- испанскому языку присуще силовое (динамическое) ударение, однако ударный слог мало чем отличается от безударного, поэтому редукция гласных

отсутствует. В связи с этим испаноговорящие обучающиеся допускают не только орфографические ошибки, но и речевые;

- испанский язык представляет собой язык вокалического типа, для которого не характерны сочетания согласных, поэтому все консонантные сочетания русского языка разрушаются путём вставки дополнительного гласного звука.

Проанализировав данные, полученные в результате сопоставительного анализа теоретических данных, был выявлен потенциальный акцент, который может возникнуть в результате работы механизма интерференции. Условно все нарушения, представленные в этом акценте, можно разделить на два типа: нарушения национального характера, которые связаны с особенностями испанского вокализма и являются результатом влияния испанского языка на русский, т.е. результатом *межъязыковой интерференции*, и общие нарушения, которые связаны с особенностями системы русского вокализма, т.е. являются результатом *внутриязыковой интерференции*.

4. Провести экспериментальное исследование иностранного акцента в области русского вокализма.

Теоретический сопоставительный анализ вокалических систем русского и испанского языков необходимо подкрепить анализом акцентов в речи инофонов, поскольку реальные фонетические нарушения изучающего иностранный язык могут отличаться от прогнозируемых, выявленных в ходе теоретического анализа.

Экспериментальное исследование реального акцента проводилось на базе двух университетов: информантами являлись студенты подготовительного и филологического факультетов Российского университета дружбы народов, и факультета иностранных языков и литератур (Facoltà di Lingue e Letterature Straniere) Болонского университета, в возрасте от 18 до 25 лет. Всего было отобрано 30 информантов-носителей испанского языка (15 из РУДН, 15 из Болонского университета). Материалом исследования представляет собой авторский текст, адаптированный для студентов с уровнем владения русским языком А1-А2. Объём текста составляет 218 слов. В тексте присутствуют специфические явления русского вокализма и потенциальные сложности русского вокализма для носителей испанского языка. Исследование проводилось на устном материале – чтении текстов. Результаты показали, что описанная выше потенциальная интерференция, выявленная в ходе теоретического сопоставительного анализа, реализовалась в речи испаноговорящих инофонов в полной мере.

5. Провести анализ экспериментального исследования с акустической точки зрения, используя современные компьютерные технологии.

Для более полного представления модели русского вокализма в условиях языкового контакта необходимо также учитывать акустический аспект звуков. Для описания акустических характеристик звуков можно использовать формантную модель, разработанную учёными Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники [14, с.2006]. Данная модель располагает полным набором информативных признаков фонем, что позволяет не только по-

лучить достаточно полную акустическую характеристику каждого звука, но и использовать её в различных системах синтеза речи.

«Управляющие параметры модели включают 10 формантных параметров:

- $A_{рт}$ – амплитуда голосового возбуждения ротовых формант;
- A_n – амплитуда голосового возбуждения носовых формант;
- $A_{ф}$ – амплитуда шумового возбуждения фрикативных формант;
- A_a – амплитуда аспиративного возбуждения ротовой форманты;
- F_0 – частота основного тона;
- F_1 – частота первой форманты;
- F_2 – частота второй форманты;
- F_3 – частота третьей форманты;
- $F_{ф}$ – частота фрикативных формант;
- $V_{ф}$ – полоса пропускания фрикативных формант» [9, с.37].

При анализе акустической характеристики гласных звуков нужно помнить, что для них амплитуда голосового возбуждения ротовых формант равна единице, а амплитуда голосового возбуждения носовых формант, амплитуда шумового возбуждения фрикативных формант и амплитуда аспиративного возбуждения ротовой форманты равны нулю. При этом в основном необходимо ориентироваться на числовые значения первой и второй формант (F_1 , F_2).

6. Обобщить теоретический сопоставительный анализ и результаты практического исследования (эксперимента) и описать модель русского вокализма в условиях языкового контакта.

При описании модели русского вокализма в условиях языкового контакта в настоящем исследовании используются два метода:

- 1) теоретическое сопоставление фонетических систем языков, прогнозирование трудностей и нарушений [8, с.40];
- 2) исследование и объективный анализ реальных нарушений, проявляющихся в речи инофонов.

Таким образом реализуется комплексный подход, дающий объективную характеристику модели русского вокализма, реализующейся в условиях языкового контакта, что позволяет разработать способы коррекции данной модели в иностранной аудитории.

Результаты исследования

Результаты проведённого эксперимента и теоретического сопоставительного описания показывают, что модель русского вокализма, сформированная в результате испанско-русской интерференции, имеет следующие нарушения:

Таблица 6

Нарушения в области русского вокализма в условиях испанско-русского языкового контакта

Тип	Явление в области русского вокализма	Вид нарушения	Пример	Условное обозначение	
Общие нарушения	Последовательности с /j/	Фонетико-графическая интерференция	/j/ → [и]	Опj1	
		Неразличение аллофонов /j/ в разных позициях	j-й-и-и ^н	Опj2	
	Ритмическая модель русского слова	Вставка гласного в сочетания согласных	[фх] → [вых]; [пр] → [п'ир] и т.д.	Овгл	
		Стягивание сочетаний гласных	[иа́] → [á], [ио́] → [ó] и т.д.	Остгл	
	Редукция	Нарушение правил редукции после мягких согласных	[и] → ['a / 'e / 'o]	Ор3	
		Нарушение правил редукции после мягких согласных	[ь] → [и] или ['a / 'e / 'o]	Ор4	
	Аккомодация	Мягко-передний и твёрдо-задний уклады русской АБ	[ы] → [и]	Оа1	
		Мягко-передний и твёрдо-задний уклады русской АБ	['á] → [á], ['é] → [é], ['ó] → [ó]; ['y] → [y] (во всех позициях)	Оа3	
	Нарушения национально-го характера	Редукция	Нарушение правил редукции после твёрдых согласных	[Λ] (a) → [a]	Чр1
			Нарушение правил редукции после твёрдых согласных	[ъ] (a) → [Λ] или [a]	Чр2
Нарушение правил редукции после твёрдых согласных			[Λ] / [ъ] (o) → [o]	Чр3	

Аккомодация	Дифтонгоидный характер русских гласных	[’á] → [j’á], [’é] → [j’é], [’ó] → [j’ó]; [’y] → [jy] (во всех позициях)	Ча2
Сочетания гласных с /и/	Дифтонгоидный характер русских гласных	[и’á] → [j’á], [и’э] → [j’é], [и’ó] → [j’ó]; [иy] → [jy] (во всех позициях)	Чгли
Сочетания согласных	Сочетание согласных “сп”, “ст” в абсолютном начале слова	[сп] → [эсп]; [ст] → [эст]; [св] → [эсв]	Чсогл

Все информанты допустили вышеуказанные нарушения в ходе эксперимента хотя бы в одном случае. Данные о том, как часто информанты совершали то или иное нарушение, приведены в таблице 7:

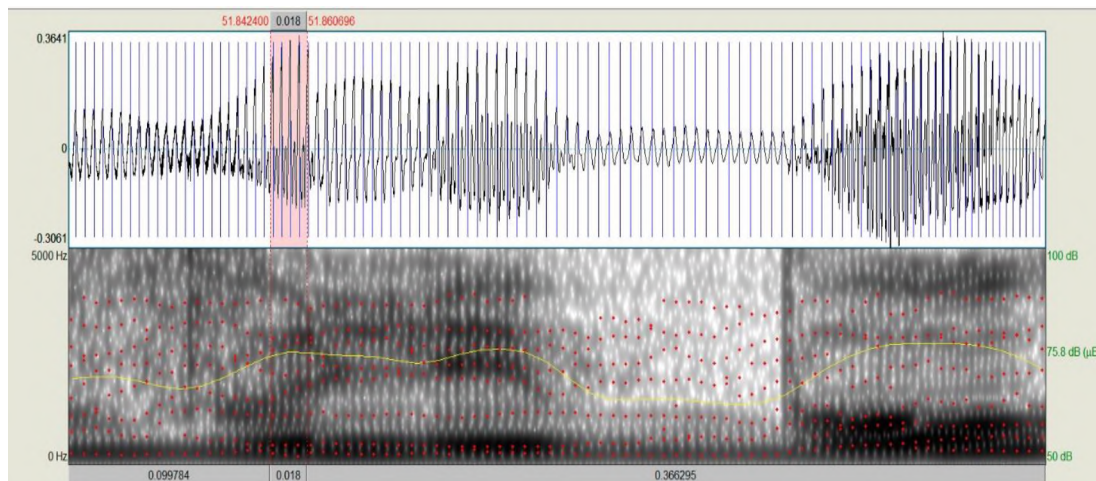
Таблица 7

Результаты эксперимента

Условное обозначение нарушения	Частота нарушений информантами из РУДН (%)	Частота нарушений информантами из Болонского университета (%)
Опj1	53%	67%
Опj2	75%	86%
Овгл	67%	74%
Остгл	37%	44%
Ор3	63%	80%
Ор4	60%	79%
Оа1	82%	96%
Оа3	20%	36%
Чр1	51%	64%
Чр2	56%	70%
Чр3	84%	93%
Ча2	37%	50%
Чгли	80%	93%
Чсогл	84%	89%

Имея возможность проанализировать данные экспериментального исследования с акустической стороны, можно выявить формантную оценку каждого нарушения. Разберём на примере потенциально выявленной трудности Чр3 в слове «волейбол», взятого из фразы «Он играл в волейбол».

Обработанные с помощью программы Praat 6.0.33 данные представляются следующим образом:

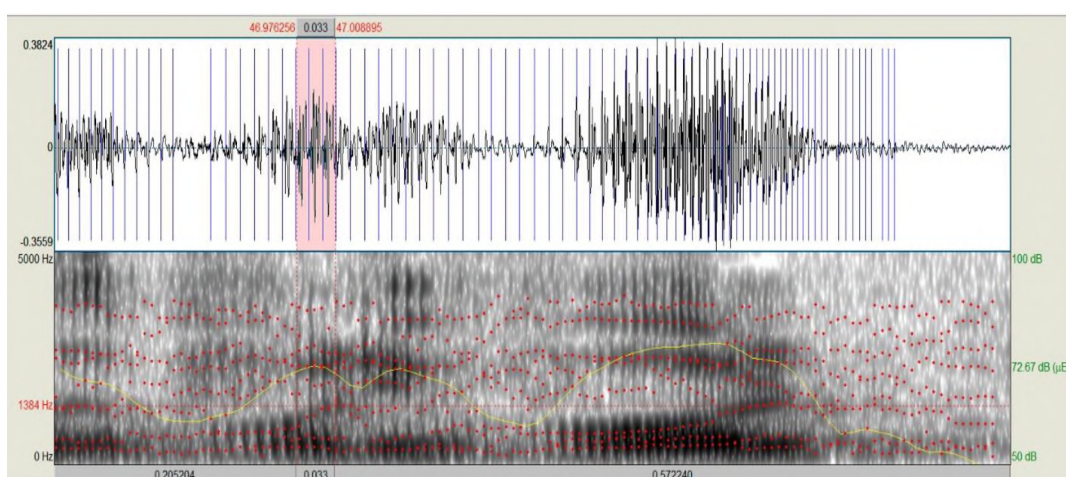

Рисунок 1. Осциллограмма и спектрограмма слова «волейбол», произнесённого носителем русского языка

Носитель русского языка:

- Пол: ж
- волейбол
- 443.3333088531097 Hz (значение F1 на выбранном участке)
- 1326.6298502408192 Hz (значение F2 на выбранном участке)

Сравним показания с базовым спектральным срезом гласного [ъ]: пик F1 – в области 400 Гц, пик F2 – в области 1400 Гц [13, с.410]. Значения совпадают, следовательно, диктор-носитель русского языка воспроизводит аллофон второй степени редукции [ъ] гласного звука /о/ в соответствии с теоретически разработанной моделью русского вокализма.

Рисунок 2. Осциллограмма и спектрограмма слова «волейбол», произнесённого носителем испанского языка

Носитель испанского языка:

- Пол: м
- волейбол
- 350.74775362338823 Hz (значение F1 на выбранном участке)
- 670.8690075477687 Hz (значение F2 на выбранном участке)

Сравним показания с базовым спектральным срезом гласного [ъ]: пик F1 – в области 400 Гц, пик F2 – в области 1400 Гц [13, с.410]. В данном случае значение F1 совпадает, однако значение F2 меньше в два раза. Пользуясь списком потенциально выявленных трудностей, можно предположить, что в данном случае реализуется нарушение Чр3. Сравним полученные показания с базовым спектральным срезом гласного [о]: пик F1 — в области 300 Гц, пик F2 — в области 700 Гц [13, с.408]. Значения совпадают, следовательно, инофон-носитель испанского языка не воспроизводит аллофон второй степени редукции [ъ] гласного звука /о/, допускает нарушение Чр3 и реализует теоретически разработанную модель русского вокализма в условиях испанско-русского языкового контакта.

Поскольку, как отмечалось выше, основную роль при акустической характеристике играют частоты первой и второй формант, при оценке нарушений необходимо учитывать оба эти параметра. Усреднённое значение формант, которое автоматически высчитывает программа, позволяет высчитать оценку следующим образом:

$$M = \frac{(F_1t + F_2t)}{(F_1b + F_2b)}$$

где M – формантная оценка *нарушения*;

F1t – первая форманта, полученная в ходе экспериментального исследования,

F2t – вторая форманта, полученная в ходе экспериментального исследования;

F1b – первая базовая форманта,

F2b – вторая базовая форманта [13, с.407-411].

Таблица 8

Расшифровка градаций формантных оценок нарушений

Неудовлетворительно				Приемлемо		Хорошо		Отлично		
0	0.1	0.2	0.3	0.4	0.5	0.6	0.7	0.8	0.9	1

Рассчитаем формантную оценку нарушения диктора-носителя русского языка:

$$M = \frac{(443 + 1327)}{(400 + 1400)} = 0.98$$

Опираясь на значение, полученное в ходе акустического анализа, мы можем сделать вывод, что носитель русского языка почти идеально реализует модель русского вокализма в речи.

Давайте рассчитаем формантную оценку нарушения носителя испанского языка:

$$M = \frac{(351 + 671)}{(400 + 1400)} = 0.56$$

Значение формантной оценки нарушения, полученное в ходе акустического анализа, находится между градациями «приемлемо» и «хорошо», что позволяет сделать вывод, что носитель испанского языка некорректно воспроизводит в речи рассматриваемый нами аллофон гласной [o] в слове «волейбол».

Таким образом, акустический анализ, проведенный с использованием современных компьютерных технологий, подтверждает предсказанную на теоретическом материале модель русского вокализма в контексте испано-русского языкового контакта.

Обсуждение

Результаты исследования показывают, что все нарушения в речи иностранных студентов можно разделить на две группы: общие, связанные со спецификой русского вокализма, и частные, или национальные, связанные со спецификой родного (испанского) языка. К общим нарушениям можно отнести нарушения, обусловленные редукцией гласных звуков, нарушения, обусловленные аккомодацией гласных звуков, нарушения, связанные с последовательностями /j-i-й-и-^н/, нарушения ритмической структуры русского слова. К частным нарушениям относятся несоблюдение правил редукции студентами-носителями испанского языка, нарушения, обусловленные аккомодацией русских гласных и наличием дифтонгов в испанском языке, нарушения, связанные с нехарактерными для испанского языка сочетаниями согласных.

Необходимо отметить, что общий уровень владения русским языком у студентов, обучающихся в России, в среднем, выше, чем у студентов, обучающихся в Италии, поскольку они не погружены в среду изучаемого языка и вне аудитории общаются в основном на испанском или другом (английском / итальянском) языке.

На основе акустического анализа по приведенной выше формуле рассчитывалась средняя формантная оценка каждого нарушения из списка, полученная с помощью контрастивного анализа.

Таблица 9

Средняя формантная оценка нарушений

Условное обозначение нарушения	Средняя формантная оценка нарушений
Опj1	0,43
Опj2	0,51
Овгл	0,27
Остгл	0,31
Ор3	0,56
Ор4	0,57
Оа1	0,2
Оа3	0,64
Чр1	0,51
Чр2	0,49
Чр3	0,54
Ча2	0,34
ЧглИ	0,38
Чсогл	0,4

Выводы

Одним из ключевых понятий настоящей работы стало понятие интерференции как следствия языкового контакта. Изучение иностранного языка подразумевает непосредственный контакт родного и изучаемого языков, что обуславливает возникновение межъязыковой и внутриязыковой интерференции. Интерференция является причиной проявления иностранного акцента.

В ходе исследования была проанализирована система русских гласных, описание которой является более удобным для представления русского вокализма с точки зрения языкового контакта. Такой подход подразумевает не только анализ изолированных гласных (как отдельных элементов фонологической классификации), но и как изменяющихся в речевом потоке компонентов, непосредственно связанных с системой консонантизма и просодической организацией русского слова.

Сопоставительный анализ конкретного материала (системы испанского вокализма) позволил определить индивидуальные черты акцента в речи инофонов. Далее этот теоретический анализ был дополнен практическим исследованием нарушений в речи носителей испанского языка.

Анализ реального облика русского вокализма показал, что прогнозируемые нами трудности и речевые нарушения действительно реализуются в речи.

Полученные в результате проведённой работы данные могут использоваться в теоретических и прикладных целях. Результаты исследования могут помочь при написании национально-ориентированных вводно-фонетических и коррективовочных курсов. Данная работа свидетельствует о необходимости учёта родного языка учащихся с целью формирования корректного облика русского слова в речи иностранцев как в консонантических, так и в вокалических его элементах.

Литература

1. Алиева Б.Б. Фонетическая интерференция и её причины // World Science. – 2018. – №3 (7(35)). – С.11-14.
2. Бондарева В.В. Использование фонологического подхода при описании вокалической системы русского языка в условиях русско-испанского языкового контакта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – М., 2021. – Т.12, №4. – С.1260-1275.
3. Бондарко Л.В. Гласные // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – С.949-960.
4. Бондарко Л.В. Трифтонг // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – С.4795.
5. Буланин Л.Л. Фонетика современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1970. – 206с.
6. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / пер. с англ. и коммент. Ю.А.Жлуктенко; вступит. ст. В.Н.Ярцевой. – К: Вища школа, 1979. – 264с.
7. Вишневская Г.М. Интерференция и акцент (На материале интонац. ошибок при изучении неродного языка): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Вишневская Галина Михайловна. – СПб., 1993. – 373 с.
8. Галеева М.М. О некоторых методах изучения иностранного акцента // Фонетические исследования в целях обучения иностранных студентов русскому произношению / под ред. В.И.Петражиной. – М.: Изд-во УДН, 1977. – С.40-47.
9. Елисеева О.Е. Речевой интерфейс. Лабораторный практикум: учеб.-метод. Пособие / под ред. проф. В.В.Голенкова: в 2 ч. Ч.1. – Минск: БГУИР, 2008. – 44 с.
10. Ефремова Г.А. К вопросу о понятии и проблематике языковых контактов // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. – 2019. – №3 (101). – С.152-157.
11. Зиндер Л.Р. Общая фонетика и избранные статьи: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / сост., вступ. ст. Л.В.Бондарко. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 576 с.
12. Иманалиева Г.А. Формирование фонетической компетенции. обучение фонетической стороне иностранной речи как важный фактор формирования коммуникативных навыков // Современное педагогическое образование. – 2022. – №12. – С.289-292.
13. Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык: фонетика, графика, орфография, орфоэпия: учеб. пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2005. – 308с.
14. Лобанов Б.М. Речевой интерфейс интеллектуальных систем: учеб. пособие / Б.М.Лобанов, О.Е.Елисеева; под науч. ред. В.В.Голенкова. – Минск: БГУИР, 2006. – 152с.
15. Логинова И.М. Описание фонетики русского языка как иностранного (вокализм и ударение): монография. – М.: Изд-во РУДН, 1992. – 159 с.
16. Пашковская С.С. Слышу не так... (специфика перцептивной и артикуляционной базы русского языка) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – Т.11, №4 (5). – С.1295-1298.

17. Петрова Н.Э. Специфические закономерности фонетической интерференции и методические пути её преодоления при обучении фонетическому оформлению речи на неродном языке в курсе русского языка как иностранного // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т.7, № 4(25). – С.277-279.
18. Реформатский А.А. Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма // Исследования по фонологии. – М., 1966. – С.184-198.
19. Реформатский А.А. Фонология на службе обучения произношению неродного языка // Из истории отечественной фонологии. – М.: Изд-во «Наука», 1970. – С.506-515.
20. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / пер. с нем. А.А.Холодовича; под ред. С.Д.Кацнельсона. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 352 с.
21. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып.6. – М., 1972. – С.61-80.
22. Navarro Tomás T. Manual de pronunciación española. – Madrid, 1982. –326p.
23. Quilis A. Tratado de fonología y fonética españolas, Gredos. – Madrid, 1993. – 558p.

FORMATION OF A MODEL OF RUSSIAN VOCALISM IN CONDITIONS OF SPANISH-RUSSIAN LANGUAGE CONTACT

Bondareva Veronika Valerievna

Assistant of the Russian language chair №1
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434 00 01, ext. 1586
v.v.bondareva@list.ru

Shcherbakova Olga Maratovna

Candidate of philological sciences, associate professor,
senior teacher of additional education of the Russian language chair №1
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434 00 01, ext. 1586
shcherbakova-om@rudn.ru

One of the key concepts of the study is interference as a consequence of language contact. When studying any foreign language, a person creates a bilingual situation, which is the cause of interlingual (external) and intralingual interference. Combining, the two above types of interference create a system of foreign accent in students' speech.

In the study, the Russian vowel system, which is most suitable for the presentation of Russian vocalism from the point of view of language contact are analyzed. This means that a detailed description of vowel sounds as separate, independent units of speech is given, as well as their modifications in the flow of speech as a result of interaction with the consonantal system of the Russian language and within the framework of the rules of the prosodic organization of the Russian word.

As a result of comparative analysis, the main features of the Spanish accent in the speech of Spanish-speaking informants were identified. Further, this theoretical work was supported by the study of real violations in the speech of Spanish-speaking foreign speakers. An analysis of the real appearance of Russian vocalism showed that the predicted difficulties and speech disorders are actually realized in speech, and modern computer programs and mathematical methods make it possible to confirm the data obtained during the theoretical analysis, obtain a numerical characteristic of real disorders and give them a more accurate assessment.

The conducted research is in demand in the development of nationally oriented introductory-phonetic and correctional-phonetic ones. This work shows not only the need to take into account the native language of students in order to form the correct phonetic appearance of the Russian word in the speech of foreign speakers, but also the importance of an adequate description of vocal systems.

Keywords: language contact; phonetic interference; foreign accent; phonological approach; articulatory base; acoustic analysis; computational linguistics.

ТАШАККУЛИ АМСИЛАИ ВОКАЛИЗМИ РУСӢ ДАР ШАРОИТИ РОБИТАИ ЗАБОНӢОИ ИСПАНИӢО РУСӢ

Бондарева Вероника Валеревна

Ассистенти кафедраи забони русӣ №1
Институти забони русии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб. 1586
v.v.bondareva@list.ru

Шербакова Ольга Маратовна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
сарустоди таҳсилоти иловагии кафедраи забони русӣ №1
Институти забони русии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб. 1586
shcherbakova-om@rudn.ru

Яке аз мафҳумҳои калидии таҳқиқот интерференсия ҳамчун натиҷаи робитаи забонӣ мебошад. Дар натиҷаи омӯзиши ҳар як забони хориҷӣ одам ҳолати дузабониеро таъсис медиҳад, ки он сабаби интерференсияи байнизабонӣ (берунӣ) ва дохилизабонӣ мегардад. Ин ду намуди интерференсия бо ҳам муттаҳид гашта, низоми аксенти хориҷиро дар нутқи омӯзандагон ба бор меорад.

Дар таҳқиқот низоми садонокҳои забони русӣ, ки ба таври максималӣ барои муаррифии вокализми русӣ аз нуқтаи назари робитаи забонӣ мувофиқ аст, таҳлил шудааст. Ин чунин маъно дорад, ки тавсифи муфассали овозҳои садонок ҳамчун воҳидҳои алоҳида ва мустақили нутқ, инчунин модификатсияҳои онҳо дар ҷараёни нутқ дар натиҷаи таъсири мутақобила бо низоми

консонантии забони русӣ ва чорчӯбаи қоидаҳои ташкилӣи просодии калимаи русӣ оварда шудааст.

Дар натиҷаи таҳлили муқоисавӣ-тафриқавӣ ҷиҳатҳои асосии аксенти испанӣ дар нутқи иттилоъдиҳандагони испанизабон ошкор карда шуданд. Баъдан ин қори назариявӣ бо омӯзиши вайроншавиҳои воқеӣ дар нутқи иттилоъфонҳои испанигуфтор идома ёфт. Таҳлили симои воқеии вокализми русӣ нишон дод, ки мушкилиҳои пешгӯишаванда ва вайроншавиҳои нутқӣ воқеан дар нутқ амалӣ мешаванд ва барномаҳои муносири компютерӣ ва усулҳои математикӣ барои тасдиқ намудани маълумоте, ки дар рафти таҳлили назариявӣ ба даст оварда шудаанд, барои пайдо кардани тавсифи рақамии вайроншавиҳои воқеӣ ва барои додани тавсифи ҳар чӣ аниқ имконият медиҳанд.

Таҳқиқоти анҷом додашуда зимни гузаронидани қорқардҳои миллии воридии савтӣ ва саҳеҳкунандаи савтӣ муфид аст. Дар қори мазкур на танҳо зарурати ба назар гирифтани забони модарии омӯзандагон барои ташаккули қонуну қоидаҳои симои савтии калимоти русӣ дар нутқи инофонҳо, балки муҳим будани тавсифи қобили қабули низоми вокализмҳо собит карда шудааст.

Вожаҳои калидӣ: робитаи забонӣ; интерференсияи савтӣ; аксенти хоричӣ; муносибати фонологӣ; пойгоҳи артикулятсионӣ; таҳлили овозӣ; забоншиносии компютерӣ.

УДК [811.161.1:811.133.1:811.134.2:811.62]'373

ПАРЕМИИ С КОМПОНЕНТАМИ *PAN* И *ХЛЕБ* В ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Пшеничникова Ангелина Юрьевна

Ассистент кафедры русского языка №1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб.1586
angelina82@mail.ru

Сопоставительные исследования паремий с компонентами, номинирующими элементы материальной культуры на основе данных неродственных языков позволяют выявить особенности осмысления народом его базовых ценностей, социальных связей и традиций. В статье рассматриваются паремии с компонентами *pan* и *хлеб* в испанской и русской лингвокультурах. Известно, что хлеб имеет важное культурное значение для европейских народов; лингвокультурема ХЛЕБ рассматривалась на материале английского, русского, французского и др. языков. Новизной данного исследования является сопоставительный анализ паремий с компонентом хлеб на материале испанского и русского языков. Цель исследования заключается в описании совпадающих коннотаций паремий, выявление их этнокультурных особенностей. Отдельным аспектом исследования является фиксация латиноамериканских паремий и их вариантов. В результате сопоставления автор приходит к выводу о том, в двух лингвокультурах присутствуют совпадающие значения *хлеб как минимум необходимого, хлеб как символ еды, поощрение, плата и хлеб как результат деятельности* в разнообразных контекстах, фиксирующих жизненные установки, социальный опыт и назидания. Также паремические единицы данной группы имеют различия в коннотациях и сочетаемость с другими лингвокультуремами (VINO, КВАС, СОЛЬ).

Ключевые слова: паремиологическая картина мира; паремия; русский язык; испанский язык; хлеб; *pan*.

Введение

Лингвистический и лингвокультурологический анализ паремий в различных языках мира остается актуальной проблемой современного языкознания. В фокусе внимания оказываются аксиологическая характеристика [11], структура паремии [12], тематический [14], прагматический [1; 3] и лингвокультурологический [14; 16; 20] аспекты. Сопоставительный семантический анализ паремиологических единиц расширяет наше представление о сходстве и различиях в картинах мира этносов [7]. Основной вектор лингвокультурологического осмысления паремий содержит мнение В.Н.Телия: «Фразеологизмы — это наиболее насыщенные культурными смыслами единицы языка, способные выполнять роль знаков «языка» культуры» [14, с.6].

Работы, связанные с исследованием паремий с компонентами, номинирующими элементы материальной культуры, хорошо известны в лингвистике. Их результаты позволяют сопоставить осмысление и конструирование этносами системы базовых ценностей, паремии указывают на схожесть и различия социальных связей и традиций родственных и неродственных народов. Лингвокультурема *хлеб* [13] занимает особое место в системе материальных ценностей народов мира [2; 4; 5; 13; 18]. Нами рассматриваются паремии с компонентами *pan* и *хлеб* в испанской и русской лингвокультурах, методика анализа которых апробирована на материале английского [4], русского и таджикского [9] и др. языков, в том числе в сопоставлении [4; 5; 10].

Материалы и результаты исследования

Исследование проведено на материале, полученном методом сплошной выборки из словарей паремиологических единиц испанского [8] и русского [6] языков. Принцип отбора заключается в отборе паремий любого формата, в которых отмечено формальное присутствие единицы *pan* и *хлеб*. Общее количество анализируемых единиц испанского языка – 36, русского – 29. Исследуемой единицей стала *паремия* (от греч. поговорка, пословица, притча) – устойчивая фразеологическая единица, представляющая собой целостное предложение дидактического содержания, которая обладает чертами афористичности, лаконичности [1; 3; 10-12]. Полученные паремиологические единицы были проанализированы с точки зрения из семантики и строения. Испанские паремиологические единицы классифицированы также по территориальной принадлежности.

Лексическое своеобразие языковой картины мира носителей национальных вариантов испанского языка, свойственные только им языковые способы постижения действительности и особенности их коллективного языкового опыта нашли отражение в своеобразии фразеологических единиц национальных вариантов испанского языка. О.С.Чеснокова пишет о том, что фразеологические единицы целесообразно рассматривать «в единстве формы и содержания как способ и средство отражения черт материальной и духовной культуры социума, социально-исторических особенностей его жизни, а также специфики природно-географической среды» [17, с.76]. Особенностью фразеологического корпуса испанского языка является тот факт, что его материал охватывает ареал Старого и Нового света, а в Латинской Америке испанский язык подразделяется на ряд вариантов в зависимости от испанского языка региона (например, аргентинский испанский, уругвайский испанский, испанский язык Гватемалы и др.). Для понимания общего и уникального в испанском фразеологическом пространстве имеет большое значение выявление, осмысление и систематизация средств проявления лингвокультурологической специфики фразеологических единиц [15].

Испанские паремии с компонентом *pan*

Испания является страной с многовековой историей, известна в мире своими традициями, в том числе и в области кулинарии. Средиземноморская кухня популярна во всем мире, гастрономические праздники – это важнейшая часть испанской культуры. Страны Латинской Америки переняли гастрономическую

культуру Испании и, конечно, внесли свою лепту в национальные кухни своих народов. Хлеб в системе кулинарных традиций играет особую роль.

Словарь Испанской Королевской Академии дает следующее толкование лексической единицы *pan* (от лат. *panis*):

1) пища, состоящая из теста и муки, обычно приготовленная из пшеницы, дрожжей и воды в печи;

2) большая буханка хлеба, если имеет круглую форму;

3) кусок разных предметов в виде (форме) хлеба (*кусок мыла, голова куска соли*);

4) пища или пропитание;

5) зерновые от посева до сбора урожая;

6) (эвфемизм) женский половой орган (Боливия, Колумбия, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Никарагуа и Панама).

На основании данной системы лексико-семантических вариантов лексемы *pan* мы провели семантический анализ паремических единиц с данным компонентом.

Семантическая классификация испанских паремий с компонентом pan 'хлеб'

Корпус паремий с компонентом *pan* 'хлеб' был разделен на две группы:

1) паремии, в которых компонент *pan* 'хлеб' восходит к его прямому значению, например:

venderle a uno pan caliente – продавать к.-л. горячий хлеб, значение паремии 'подлизываться';

vender una cosa como pan caliente – продавать к.-л. вещь как горячий хлеб; быстро, значение паремии 'без труда распродать товар' (Лат. Америка);

2) паремии, в которых данное значение не вычленяется, например:

comer pan de trastrigo – значение паремии 'нарваться на неприятность'

un pan como unas hostias – значение паремии 'сложное дело', 'крепкий орешек'.

Паремии первой группы реализуют следующие значения:

А) хлеб как минимум необходимого:

quitarle (a uno) el pan – значение паремии 'лишить куска хлеба';

quitarse el pan de la boca para dárselo (a otro) – значение паремии 'поделиться последним куском с кем-л.';

castigar(poner) (a uno) a pan y agua значение паремии 'посадить на хлеб и воду к.-л.';

Б) хлеб как символ еды, поощрение, плата:

el pan nuestro de cada día – значение паремии 'хлеб наш на каждый день';

pan de la boda – значение паремии 'свадебные подарки'; 'праздничное веселье в доме новобрачных';

comer pan a manteles – значение паремии 'есть вдоволь';

В) хлеб как результат деятельности:

coger pan grande – значение паремии 'урвать жирный кусок' (Куба).

comer el pan de la caridad – значение паремии 'жить от чужих щедрот'.

В паремиях второй группы были выделены единицы, которые восходят к значению 3 Словаря Испанской Королевской Академии «кусоч разных предметов в виде (форме) хлеба (*кусоч мыла, голова куска соли*)», например:

resbaladizo como pan de jabón – значение паремии ‘скользкий, как кусоч мыла, т.е. очень скользкий человек’;

и к значению 4 Словаря Испанской Королевской Академии «зерновые от посева до сбора урожая», например:

pan mal cocido – значение паремии ‘хлеб плохого урожая; неблагодарность’.

В каждой из двух подгрупп нами выделены паремии с мелиоративной и пейоративной коннотациями. В первой группе:

(+) *comer pan con corteza* – в значении 1) ‘вырасти из пеленок, не нуждаться в помощи’; 2) ‘оправиться после болезни; окрепнуть’;

(-) *cocer pan en el horno ajeno* – ‘злоупотреблять ч.-л. добротой’ дословно ‘печь хлеб в чужой печи’.

Во второй подгруппе:

(+) *bueno como el (buen) pan; como el pan tierno* – значение паремии ‘добрейшей души человек’;

(-) *pan perdido* – значение паремии ‘бродяга, пропащий человек; не помнящий родства’.

Формальная классификация испанских паремий с компонентом *pan* ‘хлеб’

Испанские паремические единицы с компонентом *pan* были проанализированы на основе классификации Г. Корпас Пастор, которая была предложена ею в работе «Manual de fraseología española» (1997). За основу автор предлагает взять сочетание критериев высказывания, или речевого акта (*el criterio de enunciado o de acto de habla*), и критерия устойчивости в норме, в системе или в речи (*el criterio de fijación en la norma, en el Sistema o en el habla*) [19, p.51]. Под высказыванием понимается минимальная коммуникативная единица, продукт речевого акта, соответствующий простому или сложному предложению. Предложение может состоять из одной синтагмы или одного слова. ФЕ подразделяются на две группы: те, которые представляют собой цельное высказывание, и те, которые не являются таковым. В группу единиц 1 типа входят ФЕ, не представляющие собой речевого акта, эквивалентные синтагме, комбинирующиеся в предложении с другими единицами языка.

Среди единиц 1 типа выделяются:

1. **Colocaciones** – фразеологические сочетания, характеризующиеся строгой сочетаемостью и организованностью компонентов и не являющиеся эквивалентами какой-либо части речи:

- глагол + существительное, которое имеет зависимые слова:

no haber pan partido entre (dos personas) – значение ‘1) жить в дружбе и взаимном доверии; 2) есть из одной тарелки’;

ser pan y miel: es pan y miel – значение ‘очень хорошо, очень приятно, любоздорого’.

- глагол + существительное (дополнение):
ganar pan – значение ‘нажить капитал; разбогатеть’;
comerse (uno) un pan – значение ‘потерпеть неудачу’ (Колумбия).

- существительное + существительное:
pan y cebolla – значение ‘впроголодь, на хлебе и воде’.

2. **Locuciones** – фразеологические обороты, отдельно оформленные лексические единства, обладающие целостной номинацией:

- Субстантивные идиомы:

- существительное + прилагательное:

pan perdido – значение (упущенная возможность, букв. потерянный хлеб);

- существительное + предлог + существительное:

pan de la boda – значение ‘свадебные подарки и поздравления; праздничное веселье в доме новобрачных’;

pan por pan, vino por vino – значение прямо, начистоту, без уверток и хитростей. В испанских пословицах компонент *vino* выступает часто наравне с компонентом *pan*. Основной культурой наравне с хлебом в сельском хозяйстве Испании и Латинской Америки является и вино.

pan de cada día – значение ‘1) хлеб насущный; 2) что-либо привычное, обыденное’.

Нами отмечены такие территориальные варианты паремий, как:

vender una cosa como pan caliente ‘продавать к.-л. вещь как горячий хлеб; быстро, без труда распродать товар’ (Лат. Америка);

echar (uno) panes ‘бахвалиться, грозиться (уст.)’ (Аргентина, Боливия);

llegarle (a uno) pan del campo ‘наступит для к.-л. час расплаты’ (Чили);

coger pan grande ‘урвать жирный кусок’ (Куба).

Семантическая классификация русских паремий с компонентом хлеб

Анализ русских паремиологических единиц с компонентом *хлеб* показал, что в связанных контекстах паремии реализуются такими значениями лексемы *хлеб*, как ‘продукт, выпекаемый из муки’, ‘изделия из муки определенной формы’, ‘пропитание, пища’, ‘содержание, иждивение’, ‘заработок’ ‘самое нужное для жизни’, и классификация паремий может иметь следующую структуру:

1) паремии, в которых компонент *хлеб* восходит к его прямому значению, например:

Чужой хлеб слаще калача;

А) хлеб как минимум необходимого:

Без хлеба куса везде тоска;

Покуда есть хлеб и вода, всё не беда;

Делить хлеб-соль с кем-либо (о тесной дружбе);

Б) хлеб как символ еды, поощрение, плата:

Будет день — будет и хлеб;

Сытый считает звезды на небе, а голодный думает о хлебе;

В) хлеб как результат деятельности:

Доплясались, что без хлеба остались;

Глубже пахать, больше хлеба жевать;

Горькая работа, зато сладок хлеб.

2) В паремиях второй группы были выделены единицы, которые используют компонент хлеб в ином, более общем значении, чем описанные выше, например,

Из одной муки хлеба не испечешь – общее значение паремии ‘трудность выполнения дела в одиночку’, ‘сложность выполнения дела с наскоку’. *Хлеб-соль – взаимное дело* – общее значение паремии ‘отношения складываются из усилий двух сторон’;

Хлебом люди не шутят – общее значение паремии – ‘ценности’;

Коротенькие у хлеба ножки, а как уйдет не догоним – со значением ‘различия формы и содержания’.

Анализ русских паремий позволяет сделать вывод о том, что главным продуктом в русской культуре является *хлеб*, который в русской фразеологии предстает как основа всего сущего: *Хлеб – всему голова*. В выборке не обнаружены паремии с прямой пейоративной коннотацией, исключением является паремия *Печь хлеб в печке соседа* (устар.) со значением ‘иметь связь на стороне’ – непрямая пейоративная коннотация (=негативный смысл передается не через компонент *хлеб*).

Сравнительный анализ паремий с компонентами *pan* и *хлеб* в русском языке и испанском языке

Проведенный анализ позволил составить матрицу совпадений в значениях паремий данной группы (см. табл.1).

Таблица 1

Матрица значений паремии с компонентом *pan* и *хлеб* в русском языке и испанском языке

Значение паремии	Испанский язык		Русский язык	
	+	-	+	-
хлеб как минимум необходимого	+		+	
хлеб как символ еды, поощрение, плата	+		+	
хлеб как результат деятельности	+		+	
ценность			+	
символ дружбы			+	
характеристика человека	+	+		

Особенностью испанской лингвокультуры является наличие паремий с компонентом хлеб, в которых значения данной лексической единицы не вычленяются, и наличие паремий с пейоративной коннотацией. Также необходимо отметить, что в русской лингвокультуре *хлеб* сочетается с лингвокультурами КВАС (*Как хлеб да квас, так и всё у нас*) и Соль (*Хлеб-соль есть, да не про вашу честь*), в испанской культуре – с лингвокультуремой VINO ‘вино’ (*llamar al pan, pan y al vino, vino* (букв. ‘назвать вещи своими именами’)).

Заключение

Анализ паремиологических единиц с компонентами *pan* и *хлеб* в испанском и русском языке показал высокую значимость данной лексической единицы в быту русского и испанского народов, обусловившую ее частотность в паремической форме.

Русский и испанский корпуса паремий демонстрируют частотно совпадающие общие значения *хлеб как минимум необходимого, символ еды, поощрение, плата и результат деятельности* в двух лингвокультурах. Наличие паремий с пейоративной коннотацией, переносных значений, значительно отделившихся от семантизации собственно единицы *pan* и связанных лингвокультурем VINO, КВАС и СОЛЬ отмечены как культурно-специфические особенности паремий данной группы.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Когнитивно-прагматическая природа паремии // Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты: монография / под ред. проф. Т.Н.Федуленковой. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2017. – С.14-53.
2. Богрова К.М., Малахов А.С. Смысловое наполнение лексемы «ХЛЕБ» в рассказе В.А.Солоухина «Каравай заварного хлеба» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2021. – №1. – С.2-205.
3. Бредис М.А. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование / М.А.Бредис, О.В.Ломакина, В.М.Мокиенко // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М., 2019. – №3. – С.34-41.
4. Василенко А.П. N-вершинные фразеологизмы английского языка с компонентом-союзом *and* и ключевым *bread/хлеб* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №4-3 (58). – С.74-76.
5. Волошин Ю.К. Актуализация концепта «Хлеб» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2017. – № 23 (1.1). – С. 72-76.
6. Даль В.И. Пословицы русского языка. – М.: Худ. лит-ра, 1957. –990с.
7. Иванов Е.Е. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) [Электронный ресурс] / Е.Е.Иванов, О.В.Ломакина, Н.Ю.Нелюбова // Новые исследования Тувы. – 2021. – №3. – С.220-233. – Режим доступа: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>
8. Испанско-русский фразеологический словарь / под ред. Э.И.Левинтовой. – М.: Русский язык, 1985. – 1080 с.
9. Нагзибекова М.Б., Мирзоева З.Д. Сравнительный анализ логоэпистем русского и таджикского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – М., 2016. – №3. – С.150-154.
10. Новоспасская Н.В. Образ женщины в русской, французской, испанской и малагасийской лингвокультурах на материале паремий [Электронный ресурс] / Н.В.Новоспасская, А.М.Раадранириана, О.В.Лазарева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – Т.10. – №2. – С.301-322. – Режим доступа: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-301-322>
11. Семененко Н.Н. Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – М., 2020. – Т.11, №2. – С.213-232. – Режим доступа: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232>

12. Серегина М.А. Паремия как форма представления знаний народа в языке: когнитивно-структурный аспект [Электронный ресурс] // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – Вып.1. – С.19-25. – Режим доступа: <https://www.doi.org/10.20916/1812-3228-2016-1-19-25>
13. Синячкин В.П. Лингвокультурема «хлеб», «хлеба» в художественной литературе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. – М., 2007. – №1. – С.15-21.
14. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. – 288 с.
15. Фирсова Н.М. Испанский язык и культура в испаноязычных странах. – М.: Ленанд, 2021. – 176с.
16. Чеснокова О.С. Испанская фразеология в контексте лингвокультурологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – М., 2003. – №1. – С.73-78.
17. Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики. Языковая картина мира. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 240с.
18. Янушкевич И.Ф. Концепт «Хлеб» в англосаксонской лингвокультуре // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2009. – №1. – С.124-128.
19. Corpas Pastor G. Manual de fraseologia española. – Madrid: Gredos, 1997. – 337p.
20. Ivanova E. On the National Culture Component in the Semantics of Idioms // Russian Linguistic Bulletin. – 2022. – №8 (36). – P.25.

PROVERBS WITH COMPONENTS *PAN* AND *BREAD* IN SPANISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Pshenichnikova Angelina Yurievna

Assistant of the Russian language chair №1
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434 00 01, ext.1586
angelina82@mail.ru

Paremiological comparative studies with components that nominate elements of material culture based on the material of unrelated languages make it possible to reflect the peculiarities of people's understanding of basic values, social connections and traditions. In the article, proverbs with the components pan and bread in Spanish and Russian linguistic cultures are studied. Bread is known to have important cultural significance for European peoples; the linguocultureme BREAD was examined on the material of English, Russian, French and other languages; the novelty of the study is the comparative analysis of the paremia with the component bread on the material of the Spanish and Russian languages. The purpose of the study is to describe the coinciding connotations of proverbs and identify their ethnocultural characteristics. A separate aspect of the study is the recording of Latin American proverbs and variants of proverbs. Because of comparison, the author concludes that in two linguistic cultures there are coinciding meanings: bread as a minimum of what is necessary, bread as a symbol of food, encouragement, payment and bread as a result of activity in various contexts that capture life attitudes, social

experience and edification. In addition, paremic units of this group have differences in connotations and compatibility with other linguocultures (VINO, KVAS, SALT).

Keywords: paremiological picture of the world; proverb; Russian language; Spanish language; bread; pan.

ПАРЕМИЯҲО БО ЧУЗЪҲОИ *PAN* ВА *ХЛЕБ* ДАР ЗАБОНҲОИ ИСПАНӢ ВА РУСӢ

Пшеничникова Ангелина Юревна

Ассистенти кафедраи забони русии №1
Институти забони русии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб.1586
angelina82@mail.ru

Таҳқиқоти муқоисавии паремиологӣ бо чузъҳои номдиҳандаи унсурҳои фарҳанги моддӣ дар асоси маводи забонҳои ғайрихеш барои инъикос намудани хусусиятҳои аз тарафи халқ тафаккур намудани арзишҳои пойгоҳӣ, алоқаҳои иҷтимоӣ ва анъанаҳои имконият фароҳам меорад. Дар мақола паремияҳо бо чузъҳои *pan* ва *хлеб* дар фарҳангҳои забонии забонҳои испанӣ ва русӣ мавриди баррасӣ қарор ёфтаанд. Маълум аст, ки нон барои халқҳои аврупоӣ дорои аҳамияти муҳимми фарҳангӣ буда, воҳиди забонию фарҳангии *ХЛЕБ* дар асоси маводи забонҳои англисӣ, русӣ, франсузӣ ва ғайра баррасӣ шудааст. Навгони таҳқиқот аз таҳлили муқоисавии паремияҳо бо чузъи *хлеб* аз рӯйи маводи забонҳои испанӣ ва русӣ иборат аст. Мақсади таҳқиқот тавсиф додани коннотатсияҳои мувофиқи паремияҳо, муайян кардани хусусиятҳои этнофарҳангии онҳо мебошад. Чихати алоҳидаи таҳқиқот сабтшавии паремияҳои Америкаи Лотинӣ ва вариантҳои онҳо мебошад. Дар натиҷаи муқоисаи муаллиф ба чунин хулосаи меояд, ки дар ду фарҳанги забонӣ маъноҳои мувофиқаткунандаи *хлеб ҳамчун минимуми зарурат*, *хлеб ҳамчун рамзи хӯрок*, *ҳавасмандсозӣ*, *пардохт* ва *хлеб ҳамчун натиҷаи фаъолият дар ҳолатҳои гуногун*, ки муқаррароти ҳаёти, таҷрибаи иҷтимоӣ ва насиҳатро сабт месозанд, мавҷуданд. Инчунин воҳидҳои паремиявии ин гурӯҳ дар коннотатсияҳои фарқият дошта, бо воҳидҳои забонию фарҳангии забонҳои дигар (VINO, KVAS, СОЛЬ) мувофиқатдоранд.

Вожаҳои калидӣ: манзараи паремиологии олам; паремия; забони русӣ; забони испанӣ; *хлеб*; *pan*.

УДК 81-119

**CULTURAL LINGUISTICS ИЛИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ?
ОБРАЗ КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО
В CULTURAL LINGUISTICS Г.ПАЛМЕРА**

Кирокосьянец Гаянэ Акоповна

Магистр, преподаватель кафедры английского
как иностранного и иностранных языков
преподаватель английского как иностранного и немецкого языков

Даллас колледж

75423, США, Даллас, Абрамс роад, 12800

Тел.: (1) 972 238 61 00

аспирант кафедры русского языка и лингвокультурологии

Институт русского языка

Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: +7 (495) 433 80 22, доб. 1340

gavanepaul@dallascollege.edu

В статье рассматривается тема образа как связующего звена в cultural linguistics Палмера, известного лингвиста и антрополога, отца-основателя западной ветви лингвокультурологии. Палмер одним из первых отметил роль культуры в образовании концептуального уровня языка и влияния культуры как системы концептов на все его уровни. До выхода в свет его труда “*Toward the theory of cultural linguistics*” различные области лингвистики были представлены разрозненными и непоследовательными теориями. Палмер предложил, объединить и сделать понятными эти разрозненные лингвистические теории в рамках единой теории, культурно-определенной системой мысленных образов – *cultural linguistics*. В системе *cultural linguistics* фонемы – это словесные образы, организованные в сложные категории, слова приобретают значения сродни схемам-образам, сценам и сценариям, предложения превращаются в конструкции, основанные на образах, дискурс становится процессом управляемым рефлексивным образом самого себя, и как результат мировоззрение вбирает в себя все вышеперечисленное. Образ для Палмера – эта система концептов, а лингвокультурология исследует взаимодействие языка, культуры и концептуализаций. Концептуализации основаны на базе культуры, в которую вкодированы и вкоммуницированы концепты посредством человеческих языков. Язык Палмера – эта система словесных символов, которые основаны на образах, и эта система выстроена культурой. Образ, определяемый культурой, управляет нарративом, семантикой, грамматикой, дискурсом и даже фонологией. Система, предложенная Палмером, открыла новые горизонты ученым-лингвистам и специалистам других областей знания.

Ключевые слова: образ; лингвокультурология; язык; концепт; система; культура; концептуализация.

Тот факт, что у людей хорошо развита способность к созданию образов, до сих пор оставляет открытыми много вопросов: как эта способность развилась и почему она должна быть так близко связана с языком и культурой? Одним из путей установления связей языка и образа с культурой является предположение о том, что они способствуют эффективности культурных адаптаций. Язык появился, чтобы обслуживать многие функции в социуме, но, возможно, самой фундаментальной причиной его появления в эволюции явилось то, что он обеспечивает средства, при помощи которых говорящие могут пробуждать и укреплять адаптивные образы друг в друге. Общаясь при помощи языка, жестов и других символических средств, люди работают сообща, создавая и конструируя совместные миры образов, которые моделируют физические и социальные феномены, мир вокруг них и мотивируют их к взаимодействию. При помощи дискурса, символов люди создают адаптивные культуры и мировоззрения. Образы адаптивны, но зачастую абстрактны, метафоричны, частичны, иллюзорны и фантазмагоричны. В основном мы общаемся в ментальных образах, и язык позволяет нам это делать очень быстро [17, с.53]. Теоретически человек способен выражать комплексы некоторых базовых и абстрактных образов в секунду. Способность коммуницировать образы так быстро дает человеку огромное преимущество. Эта способность быстро комбинировать и интерпретировать морфемы в соответствии с грамматической согласованностью возникла в процессе эволюции. Также возникла возможность, созданная в социальном и языковом пространстве, обсуждать сложные идеи, которая, в свою очередь, рождает мыслительные способности рассматривать такие идеи. Язык и воображение развивались во взаимной связи друг с другом в процессе взаимного подкрепления. Каждый из членов этой связки способствует употреблению другого и дает дополнительные преимущества. Эволюция способности концептуализировать сложные социальные и социолингвистические паттерны в значительной части движима языком. Когнитивная специализация социальных и социолингвистических организаций дает людям возможность вообразить некоторые более сложные схемы.

Палмер был первым, кто отметил роль культуры в образовании концептуального уровня языка и влияния культуры как системы концептов на все уровни языка. «После смерти Бенджамина Уорфа лингвистическая антропология уделяла мало внимания образу и образности, хотя определенные ученые согласились с важностью образа в своих теориях» [16, с.4]. Палмер с горечью отметил, «что лингвистическая антропология обеднела, убрав образ из категории определяющих факторов аналитических исследований языковых явлений. И так как добротные этнографические изыскания часто требуют тщательного лингвистического анализа, эффект этого пренебрежения сказался на развитии исследований в данной области» [16, с.4]. Ученый предлагает пробудить интерес к культурному образу 'cultural imagery', используя синтез методов когнитивной лингвистики и традиционные подходы лингвистики Боаса, этносемантики и этнографии речи. Имя этому синтезу – cultural linguistics, или же 'лингвокультурология'.

Представление о том, что язык порождает образ и нуждается в воображении для его интерпретации, может прозвучать банально. Но не каждый воспримет его как должное. «Многие лингвисты оставляют понятие образа за скобками своих теорий», – сетует Палмер [17, с.3]. Вслед за Рональдом Лангакером Палмер называет такие теории «узконаправленными» и «лишенными естественности». Рональд Лангакер полагает, что «тема образа в языке дает базу для рассмотрения широкого спектра лингвистических тем. Она применима не только к образному и нарративному языку, но и к семантике слов и грамматических конструкций, к дискурсу, и даже к фонологии» [17, с.4].

До выхода в свет труда Палмера «*Toward the theory of cultural linguistics*» вышеупомянутые области лингвистики были представлены разрозненными и непоследовательными теориями, представлявшими разные точки зрения. Что же может объединить и сделать понятными эти разрозненные лингвистические теории? Палмер предложил, объединить и сделать понятными эти лингвистические теории в рамках единой теории, культурно-определенной мысленной системой образов *cultural linguistics*. В этой *cultural linguistics* фонемы слышатся как словесные образы, организованные в сложные категории, слова приобретают значения сродни схемам-образам, сценам и сценариям, предложения превращаются в конструкции, основанные на образах, дискурс становится процессом, управляемым рефлексивным образом самого себя, и как результат – мировоззрение вбирает в себя все вышеперечисленное. Этот культурно-лингвистический подход Палмер базирует как на старых традициях, так и на современных теориях лингвистической антропологии, но наибольшим образом на новых трудах когнитивной лингвистики.

Что же общего у языка с образом? Народные предания видят в птицах духовные отражения покойных соплеменников, которые населяют параллельный мир. Палмер верит, что слова подобны этим птицам: они – мимолетная вокализация, символически привязанная к теням концептов, населяющих мир наших образов.

Для Палмера «язык – это игра словесных символов, которые являются основой образа» [17, с.3]. А образ – это и то, что мы видим своим мысленным взором, и то, что мы ощущаем на вкус, когда пробуем мороженое, это и наше ощущение прогулки под тропическим дождем, и память, оставленная от услышанной музыки на берегу реки, и запах свежескошенной травы или первой сорванной сирени. Наша система образов существует за счет жизненного опыта, полученного всеми органами нашего восприятия: визуального, аудиального, сенсорного.

Роль образа широка и многомерна. Чарльз Филлмор писал о пробуждении образа к жизни: «когда вы выбираете слово, вы вытаскиваете вместе с ним целую сцену» [5, с.114]. Слова пробуждают мысленные образы, которые варьируются от чувственных восприятий, таких как вкус, запах и ощущение в руке ломтя свежеспеченного хлеба с таящим на нем маслом, до концептуальных структур таких же абстрактных и сложных, как культурологические постулаты истины и любви. В некоторых случаях абстрактность образа заходит так далеко, что более практичным было бы говорить о чертах, культурных аксиомах и утверждениях,

которые лучше понимаются на основе предыдущего опыта и более конкретных образов. Точнее говоря, дискурс пробуждает традиционную систему образов и дает толчок структурированию новых образов.

В то же самое время образы выстраивают дискурс, таким образом они становятся взаимно конструктивными. Сквозь века и непрекращающийся поток речи, говорящие в языковых сообществах взаимодействуют и договариваются об образах, развивающих мировоззрение данной языковой группы. Старые или новые нежелательные образы фильтруются. Это то, что Сапир называл тернистой и безвестной работой бессознательного поколений [19, с.23]. «Изучать язык – это слышать шум культуры, борющейся с сырым опытом, звук традиции, пытающейся абсорбировать зачатки [17, с.16], это скворчащее слияние текста и контекста». Ученый утверждал, что культурная лингвистика и когнитивная лингвистика в основном занимаются теорией мысленных образов [17, с.46]. Так что же все-таки такое образ для Палмера? В своей работе «По пути к теории культурной лингвистики» ученый тщательно и детально разбирает тему образа в языке и культуре. Образ для Палмера – эта система концептов. И, как верно подметил Шафариан, лингвокультурология исследует взаимодействие языка, культуры и концептуализаций [21, 21]. Концептуализации основаны на базе культуры, в которой вкодированы и коммуницированы концепты посредством человеческих языков. Когнитивные лингвисты большей частью признавали культурные знания как основу только лексической составляющей центральных аспектов грамматики. Лангакер полагал, что «в то время как значение отождествляется с концептуализацией, познание на всех уровнях одновременно воплощает и воплощается» [16, с.31-33]. Однако до публикации труда Гэри Палмера роль культуры как системы концепта на всех уровнях языка не была адекватно и четко воспринята. Основной заявкой Палмера была идея о том, что язык – эта система словесных символов, которые основаны на образах, и что система этих образов выстроена культурой [15, с.3]. Палмер утверждает, что образ определяемый культурой, управляет нарративом, семантикой, грамматикой, дискурсом и даже фонологией. Понятие образа у Палмера не ограничивается визуальным образом.

Образы для него – мыслительные репрезентации, которые вначале являются концептуальными аналогами немедленного чувственного восприятия периферийных органов чувств, но поскольку они являются аналогами периферийного опыта, они, следовательно, являются непрямыми концептуальными аналогами окружающего мира, которые истолковывают общество, явления природы, нас самих, органические или мыслительные процессы и то, что мы часто называем реальностью или миром вокруг нас. Говоря о том, что образы являются только непрямыми концептуальными аналогами периферийного опыта, Палмер имеет в виду следующее: концептуальные схемы заранее учат наши органы восприятия как реагировать на ограниченное количество вариантов событий, полученных на основе чувственного опыта, как если бы мы просматривали книгу в поиске только определенных тем. Образы, основанные на таком отфильтрованном опыте, могут только частично отображать окружающий мир и часто сильно исказить

его. Ни один из наших опытов не приходит к нам как чистое ощущение вне контекста или интерпретации.

Палмер имеет в виду, что непосредственное, периферийное восприятие опыта, конкретные детальные специфические образы, однажды зарегистрированные сознанием обеспечивают пищей непрерывную работу мыслительного аппарата, которая последовательно подвергает их различным нормальным и, в некоторых случаях, абнормальным процессам. Они проходят через формирование гештальта, абстракцию, фреймиг, сравнение, усиление, или подавление и анализ. Но следы перцептивного опыта могут быть настолько обработаны мыслительным процессом, что станут только непрямыми искаженными представлениями. Образы, соединенные с подобными им, могут образовывать когнитивные модели, которые проходят переосмысление по многим параметрам.

Лакофф полагал, что важно отделять ментальные образы от восприятия [10, с.444]. Лангакер разделял события, которые были индуцированы стимуляцией органов восприятия и автономные когнитивные события, которые пробуждали соответствующий чувственный образ в отсутствие такой стимуляции [14, с.112]. Автономные события могут или не могут иметь эквивалент с подобными событиями, которые соединены на периферии. Например, эмоции и абстрактные концепты являются автономными событиями, у которых нет периферийных эквивалентов. Периферийно объединенные когнитивные события включают в себя не только восприятие глазами и всеми другими органами чувств, но также и те когнитивные события, которые непосредственно отвечают за пробуждение моторных действий. Лангакер определял моторный образ как «событие эквивалентное тому, которое пробуждает или порождает двигательный ответ, но которое фактически таковым не является» [14, с.112]. Моторные образы важны для лингвиста, по крайней мере, по двум причинам: во-первых, моторные образы звуков речи составляют артикуляционную рутину, то есть мы можем либо представить, либо вставить ее моторный образ в речь. Совместно со слуховым образом моторный образ составляет часть нашего знания звуков речи; во-вторых, «моторные образы, которые соответствуют определенным движениям, например, ходьбе, пинанию, бросанию, соответственно включаются в понятия глаголов ходить, пинать и бросать» [14, с.112]. Рональд Финке, например, вывел пять основных принципов образа [6, с.41]. Один из них, принцип перцепционной эквивалентности, опирается на разграничение ментальных образов и восприятия. Этот принцип отличается от разделения на автономные и периферийные события, которое проводил Лакофф между ментальными образами и восприятием, и различием, которое Лангакер проводил между автономными и периферийными событиями. Так как восприятие обрамлено отфильтрованными образами, или образностью ментальных образов, или автономных событий, которые выстроены культурой, из этого следует, что практически все образы созданы культурой или личной историей; образы, или социально сконструированы, или встроены в социальные конструкции. Палмер поясняет, казалось бы, утверждая очевидное, что обычная фантазия не является зеркальным образом реальности, фантазии, образующие фольклор, мифологию, а современную городскую культуру и классиче-

скую литературу – социально мотивированные конструкторы культуры. Фантазмы современной мифологии состоят из сложных образов, являясь конечным результатом обработки большого количества трудов рассказчиков и зрителей. Каждый пересказ, анализ или рассказ истории подвергаются когнитивным процессам, которые выбирают, создают, реконструируют, абстрагируют, искажают, переоформляют их содержание в определенной культуре в нарративные схемы, так что содержание каждой истории через поколение вырастает почти незаметно и незначительно дальше от более конкретных образов, которые ближе к аналогам восприятия окружающего мира [17, с.50]. Нарративные схемы часто трудно четко отделить от заурядной реальности, потому что они так детально закреплены в культуре, их так легко создать, так как каждое рассмотрение или рассказывание требует минимальной креативной интерпретации. Марша Джонсон провела серию экспериментов, показывающих, что образы легче всего сгенерировать и труднее всего отделить от восприятия событий или каждодневной реальности [7, с.3-16]. Это в особенности правдиво, когда воображение имеет очень близкое детальное сходство с восприятием, пробуждая и подкрепляя образ большим количеством деталей и ритуалов, облегчая задачу своим участникам в генерировании этих образов и, соответственно, затрудняет отделение их от опыта восприятия. Такие социально выстроенные, неэмпирические системы мысли образуют когнитивные модели, которыми интерпретируется сырой опыт. Для Палмера понятие образа включает и невизуальный образ. Палмер продолжает идею Лакоффа, который говорил, что «понятие образа не подразумевает лишь визуальный образ. Есть также слуховые, обонятельные образы и образы того, как высшие силы воздействуют на нас» [10, с.444]. В этом отношении интересно отметить, что психолог Альберт Брегман произвел анализ аудиальных сцен, то есть процессов, в которых люди возрождают описание каждого отдельно взятого объекта в своем аудиальном мире. Он подчеркивает, что образы всех сенсорных модальностей должны быть учтены в изучении языка, хотя большинство лингвистических разысканий концентрируется на визуальных образах. В похожей попытке расширить концепцию образа Лангакер использует термины «сенсорный образ», «визуальный образ», «аудиальный образ», но ограничивает использование этих терминов до возникновения перцептивного ощущения в отсутствии соответствующего перцепционного ввода данных, или же предоставленных сведений. То есть тот «образ, который пробуждается, когда мы закрываем глаза и воображаем сцену» [15, с. 110-111]. Лангакер предложил более узкое техническое определение образа, которое он отделяет и от метафоры, и от перцепционного образа. В его терминологии образ описывает «нашу способность толковать понятую ситуацию при помощи переменных чередующихся образов – для мыслительных или выразительных целей» [14, с.110]. Наши толкования данной нам ситуации могут варьироваться в перспективе в зависимости от угла зрения и так далее. Лангакер проводит различия между метафорой (или образным языком), сенсорными образами и различными общепринятыми, но временными мимолетными образами, пробуждаемыми чередующимися толкованиями сцены на заднем плане. По мнению Палмера, было бы сложным сделать различия между образом-истокком, или

же изначальным образом, и образом из периферийного события, полученного немедленно, в реальном времени от сенсорного опыта чувств, когнитивной моделью или сценой, особым толкованием модели, или сцены с точки зрения уровня абстракции или, напротив, определенных конкретных деталей относительно сравнительной важности ее компонентов или отношении связей, организации ее основания, и формы и перспективы, с которой он или она рассматриваются. Все это легче отделить и разграничить в теории, чем на практике, так как восприятие руководствуется познанием. Или же толкуемый образ или модель могут служить каркасом интерпретации для образа-источника или изначального источника. Образ-источник или изначальный образ может добавить определенное содержание к истолкованному образу с одной стороны, но потерять из этого содержания в процессе фильтрации с другой стороны.

Предположение о том, что люди выстраивают образные когнитивные модели, находит поддержку и в когнитивной психологии, и когнитивной лингвистике, и в лингвистической антропологии. Меньше согласия в том, как когнитивные и ментальные модели относятся к таким понятием, как утверждение, пропозиция, схема, рассуждение, аргументация. Относятся ли пропозиции к ментальным моделям или вместо этого создают альтернативный тип концептуализации? Пропозиции лингвистичны или каким-то образом точно определены в их собственном ментальном языке? Являются ли модели или образы в них конкретными или абстрактными? Следует ли рассматривать метафору и метонимию как работу над моделями или как когнитивные структуры, которые сами определяют типы моделей? Кажется важным ответить на эти вопросы по двум причинам: так как ментальные модели управляют использованием языка и потому что ментальные модели являются культурными моделями. Мировоззрения состоят полностью из ментальных моделей. Поэтому их исследование обеспечивает основной подход к пониманию взаимодействию языка и культуры.

К примеру, Джонсон Лайрд предложил три типа представлений, необходимых для понимания роли языка в человеческом рассуждении: модели, образы и пропозиции. Модель обеспечивает базу для определения образов и пропозиций. «Ментальные модели играют центральную роль в репрезентации объектов, в состоянии дел, последовательности событий, и того, каким является мир социальных и психологических действий в повседневной жизни. Это позволяет индивидууму делать выбор и прогнозы на будущее, понимать явления природы, решать какое действие предпринять и контролировать его выполнение, и, самое главное, испытывать суррогатные делегируемые события, они позволяют языку использовать модели с целью создания представлений, сравнимых с теми, что извлекаются, выводятся из непосредственного знакомства с миром и они (ментальные модели) связывают слова с миром при помощи создания и восприятия» [8, с.397]. То есть модели делают возможным рассуждение или процесс рассуждения, они контролирует действия, и они необходимы для лингвистических представлений. Джонсон Лайрд определил модель как «внутреннюю ментальную реплику, которая имеет ту же структуру связи или отношения, что и явление, которое она

представляет» [8, с.11]. Это определение находит поддержку в психологических исследованиях ментальных образов, проведенных в 70-80х годах.

В то время как Джонс Лайрд развивал свои идеи семантики моделей, Палмер предложил пойти другим путем, отталкиваясь от его исследований. Палмер выдвинул идею от том, что «образы имеют онтологическое преимущество и что модели представляют собой слияние (консонанс) групп образов, которые функционально сродни или соотносятся по ценности, репрезентации разнообразных перспектив на единый процесс или предмет. Модель может быть выстроена из коллекции образов, только если они частично совпадают друг с другом и, поэтому модель является более сложным образом, чем образ, полученный из периферийного перцептивного опыта». Палмер соглашается с Лангакером в том, что «образы восприятия и аналогичные автономные события ментальных образов всегда предполагают особенную исключительно детальную тщательную и перспективу» [16, с.12]. Но образы восприятия неполны или фрагментарны, поэтому они могут дать частичное представление о сложных объектах, которые представлены нашему мысленному взору в определенном направлении с определенной точки зрения. Когда два или более образа объединяются, сливаясь в единый более понятный образный объект, результатом является модель, поскольку модель более совершенна чем образ, так как она обеспечивают более понятную основу для рассуждений. То есть модели, по существу образны и аналогичны, они относительно сложны и являются, по сути, законченными совершенными и завершенными образами. Образы, из которых мы выстраиваем модели, могут происходить как из автономных ментальных событий, так и из периферийного опыта, хотя последнее может иметь преимущество в развитии. Эта формулировка дает пищу креативности и игре фантазии, не указывая на какой-либо уровень абстракции. Модели могут проходить через абстрагирования до уровня функционирующего каркаса или образа-схемы, закристаллизованного в богатую образами матрицу. Перспектива не исчезает в модели, скорее модель потенциально абсорбирует все перспективы из образов, из которых она состоит. Многочисленные перспективы доступны как часть структуры модели, этим объясняется тот факт, что мы можем мысленно сканировать карты, картины и поворачивать объекты в наших головах. Стивен Косслин, Финке отметили, что когда мы мысленно сканируем, поворачиваем модель, меняем ее ориентацию в направлении, приспособливая к углу нашего зрения, мы успешно активизируем разные перспективы, предлагаемые моделью [6, с.65; 9, с.43]. Учитывая достаточный опыт с определенными моделями и перспективами, мы развиваем абстрактные перспективы, которые позволяют нам распознавать соседние или смежные перспективы в плавную непрерывность так, что мы можем поворачивать или сканировать модель без помех, как если бы рассматривали один образ за другим. Подобно этому мы можем истолковывать сцену, плавно меняя разные точки зрения. Эта формула-описание моделей, включающая одновременно конкретные и абстрактные образы, имеет очень важное значение для языка.

Различия в строении моделей, структур и схем, проводимые Филмором, являются несущественными для Палмера, так как, по его мнению, эти концепции

сродни друг к другу, и схемы и модели могут быть более или менее сложными, или более или менее абстрактными, так что различия между ними размываются. Образы могут заключать в себе больше или меньше от сцены-модели, так что восстановить четкую разницу между моделью и образом сложно. Люди могут иметь стабильные когнитивные модели, которые дремлют невысказанными месяцами или годами, только чтобы их вспомнили и упомянули в соответствующей ситуации. Мы используем наши модели событий, чтобы создать картину происходящего.

В данном исследовании сравниваются и сопоставляются труды различных когнитивных лингвистов, когнитивных психологов и антропологов. Палмер полагал, что когнитивная лингвистика может дать *cultural linguistics* оперативную перспективу или базу, и это предположение вызвало серьезную критику, например, у Питерса [18], хотя, как заметил, Шафариан [21] – эта критика скорее относится к тому факту, что существуют разные интерпретации термина «*cognitive*». В последние десятилетия *cultural linguistics* или же лингвокультурология, являясь метанаукой, соединила в процессе развития свой теоретической структуры дисциплины и субдисциплины, которые используют интегрированное понимание таких терминов, как «когнитивный» и «культура» в том случае, когда они относятся к языку. До становления лингвокультурологии как науки лингвистам не удавалось создать системы, чтобы проанализировать различные языковые структуры с точки зрения взаимоотношения языка и культуры. Лингвокультурология, и, в частности, теоретическая структура когнитивной культуры и культурных концептуализаций, обеспечила науку такой аналитической базой. Палмер явился основателем западной лингвокультурологии, который выстроил по кирпичикам концептов фундамент для последующих разысканий лингвистов, антропологов, психологов, культурологов, философов и всех, кто пытается получить ответы во вселенной человеческого разума, языка и культуры.

Благодаря лингвокультурологии (или *cultural linguistics*) как науке стало возможным проанализировать и понять, как культурные схемы и модели управляют мыслительными процессами, и внести свою лепту в развитие и таких наук как межкультурная коммуникация, нейропрограммирование, политология и многих других.

До появления лингвокультурологии межкультурная коммуникация на западе в основном рассматривалась с точки зрения лингвистической антропологии. С точки зрения лингвокультурологии очень важно обращать внимание на культурные концепты, которыми пользуются говорящие. Культурные концепты обеспечивают основу построения интерпретации и интеграции этих межкультурных значений. Проведенные в последние годы исследования показали, что в определенных контекстах межкультурная коммуникация, и, в частности, возможная межкультурная недокоммуникация, показывают различия в том, как разные группы говорящих концептуализируют свои ощущения и опыт. В ходе наблюдения за различными представителями языкового сообщества, важно часто уточнять, что тот или иной носитель определенного диалекта имел в виду под определенным выражением. Ибо даже в одном языке существует множество культур-

ных концептов, относящихся к различным поколенческим и диалектным слоям языка.

Также новейшие разработки в политологии и, в частности, в политической риторике, используют лингвокультурологический подход. Спичрайтеры уделяют большое внимание метафорам как культурным концептам, понимая, что они (политические метафоры) часто берут начало в определенных идеологиях и культурных моделях.

Исследования в области культурных концептов, от образов до сложных схем, только начинаются. Результаты анализа слоев языковой культуры дадут благотворную почву для нововведений во многих дисциплинах. Ведутся работы по составлению лингвокультурологических словарей, используя которые мы сможем получить ответы на многие вопросы, избежать недопонимания, и заглянуть вглубь себя.

Литература

1. Bregman Albert S. Auditory Scene Analysis: The Perceptual Organization of Sound. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990.
2. Carson Ronald. Language, Culture and Cognition: Anthropological Perspectives. – New York: McMillan Publishing Company, 1981.
3. Coltson Herbert L. Matlock Teenie and Steen Gerrad J. Dynamism in Metaphor and Beyond. John Benjamins Publishing Company, 2022.
4. Fernandez James W. Persuasions and Performances: The Play of Tropes in Culture. Bloomington: Indiana university press, 1986.
5. Fillmore Charles. Topics in Lexical Semantics // In Roger W. Cole (ed.), Current Issues in Linguistics. – Bloomington: Indiana university press, 1975. – 11 p.
6. Finke Ronald. Principles of Mental Imagery. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989.
7. Johnson Marcia K. Reflection, Reality Monitoring, and the Self // Mental Imagery / In Robert G.Kunzendorf (ed.). – New York, 1991. – P.3-16.
8. Jonson-Laird P.N. Mental Models: Towards a cognitive science of language // Inference and consciousness. – Cambridge, England: Cambridge university press, 1983.
9. Kosslyn Stephen M. Image and Mind. – Cambridge, Mass.: Harvard university press, 1980.
10. Lakoff George. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about Mind. – Chicago: University of Chicago press, 1987.
11. Lakoff George. Cognitive Semantics. In Umberto Eco, Marco Santambrogio, and Patrizia Violi (eds.) // Meaning and Mental Representations. – Bloomington and Indianapolis: Indiana university press, 1988. – P.119-154.
12. Lakoff George. The Invariance Hypothesis: Is Abstract reason based on image-schemas? // Cognitive Linguistics. – 1990. – №1. – P.39-74.
13. Lakoff George and Mark Johnson. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago press, 1980.
14. Langaker Ronald W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol.1 // Theoretical Prerequisites. – Stanford: Stanford university press, 1987.
15. Langaker Ronald W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar // Cognitive Linguistics Research. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1990a.
16. Langaker Ronald W. Subjectification // Cognitive Linguistics. – 1990b. – №1. – P.5-38.
17. Palmer Gary B. Toward a theory of cultural linguistics. – Austin: University of Texas press, 1996. – P.3-77.

18. Peeters Bert. Does Cognitive Linguistics live up to its name? In: René Dirven, Bruce W. Hawkins and Esra Sandikcioglu (eds.) // Language and Ideology. Vol.1: Cognitive Theoretical Approaches. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2001. – P.83-106.
19. Sapir Edward. Language. – New York: Harcourt, Brace and Co., 1921. – 35 p.
20. Sayre Henry M. Discovering the Humanities. – Oregon: Pearson, 2019.
21. Sharifian Farzad. Advances in cultural linguistics. In approaches to language, culture, and cognition // The Intersection of cognitive linguistics and linguistic anthropology; ed. Masataka Yamaguchi, Dennis Tay, and Benjamin Blount. – Houndsmills, Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan. 2014. – P.99-123.
22. Sharifian Farzad. Conceptualisations and Language // Theoretical Framework and Applications. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2011.
23. Tay Dennis. Navigating the Metaphor and the Psychotherapy Research / [Electronic resource]. – Cambridge: Cambridge university press. Series: Elements in cognitive linguistics. – Access mode: <https://www.cambridge.org/core/elements/abs/navigating-the-realities-of-metaphor-and-psychotherapy-research/06CD7803D9408AEFE5020022FB3A8FBE> (дата обращения: 21.07.2023).
24. Tore Nesse. 2022 Language change and cognitive linguistics [Electronic resource] // Case studies in the history of Russian. – Cambridge: Cambridge university press. Series: Elements in cognitive linguistics. – Access mode: <https://www.cambridge.org/core/elements/abs/language-change-and-cognitive-linguistics/7D2DF80D0DD29714758DDE5BE81B4430> (дата обращения: 21.07.2023).
25. Turner Sara and Littlemore Jeanette. The many faces of creativity. Series: Elements in cognitive linguistics [Electronic resource]. – Cambridge: Cambridge university press, 2023. – Access mode: <https://www.cambridge.org/core/elements/many-faces-of-creativity/2DC0DAEFEB860F918AA30CF11B17B995> (дата обращения: 04.05.2023).

CULTURAL LINGUISTICS OR LINGUOCULTUROLOGY? IMAGE AS A LINK IN CULTURAL LINGUISTICS G. PALMER

Kirokosityants Gayane Akopovna

Master's degree, lecturer of the chair of English
as a foreign and foreign languages
teacher of English as a foreign language and German
Dallas College

75423, USA, Dallas, Abrams Rd, 12800

Phl: (1) 972 238 61 00

Postgraduate of the chair of Russian language and cultural linguistics

Russian language Institute

RUDN University

6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian, 117198

Ph.: +7 (495) 433 80 22, ext. 1340

gavanepaul@dallascollege.edu

In this article, the subject of the image is considered, as a connecting link in the cultural linguistics of Palmer, a famous linguist and anthropologist, the founding father of the Western branch of cultural

linguistics. Palmer was the first to note the role of culture in the formation of the conceptual level of language and the influence of culture as a system of concepts on all its levels. Before the publication of Palmer's work "Toward the theory of cultural linguistics," various areas of linguistics were represented by disparate and inconsistent theories. Palmer proposed to unite and make understandable these disparate linguistic theories within the framework of a single theory, a culturally defined system of mental images – cultureal linguistics. In the system of cultural linguistics, phonemes are verbal images organized into complex categories, words acquire meanings akin to image-schemes, scenes and scenarios, sentences turn into constructions based on images, discourse becomes a process controlled by a reflexive image of itself, and as a result, a worldview absorbs includes all of the above. For Palmer, an image is a system of concepts, and linguoculturology studies the interaction of language, culture and conceptualizations.

Conceptualizations are based on a cultural base into which concepts are encoded and communicated through human languages. Palmer's language is a system of verbal symbols that are based on images, and this system is built by culture. The culturally defined image controls narrative, semantics, grammar, discourse, and even phonology. The system proposed by Palmer opened new horizons for linguists and specialists in other fields of knowledge.

Key words: image; linguoculturology; language; concept; system; culture; conceptualization.

CULTURAL LINGUISTICS Ё ФАРҲАНГШИНОСИИ ЗАБОНӢ? ОБРАЗ ҲАМЧУН СИЛСИЛАБАНД ДАР CULTURAL LINGUISTICS-И Г.ПАЛМЕР

Кирокосянс Гаянэ Акоповна

Магистр, муаллими кафедраи забони англисӣ
ҳамчун забони хоричӣ ва забонҳои хоричӣ,
муаллими забони англисӣ ҳамчун забони хоричӣ ва забони немисии
Даллас колледж

75423, ШМА, ш. Даллас, Абрамс роад, 12800

Тел.: (1) 972 238 61 00

Аспиранти кафедраи забони русӣ ва фарҳангшиносии забони

Институти забони русии

Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия

117198, Россия, Москва, кӯч. Миклухо-Маклай, 6

Тел.: +7 (495) 433 80 22, доб. 1340

gavanepaul@dallascollege.edu

Дар мақолаи мазкур мавзӯи образ ҳамчун узви вобастакунандаи cultural linguistics-и Палмер, забоншинос ва антропологи машҳур, падар-асосгузори шоҳаи ғарбии фарҳангшиносии забонӣ баррасӣ шудааст. Палмер аввалин шахсе буд, ки нақши фарҳангро дар таҳсилоти сатҳи концептуалии забон ва таъсири фарҳангро ҳамчун низоми концептҳо дар ҳамаи дараҷаҳои он тадқиқ намудааст. То аз нашр баромадани асари Палмер "Toward the theory of cultural linguistics" соҳаҳои гуногуни забоншиносӣ бо назарияҳои пароканда ва берабт муаррифӣ шуда буданд. Палмер пешниҳод кард, ки ин назарияҳои парокандаи забоншиносӣ дар ҷорҷӯбаи назарияи ягона, низоми аз ҷиҳати фарҳангӣ муайяни образҳои ақлонӣ – *cultural linguistics* муттаҳид ва фаҳмо гардонда шаванд. Дар низоми *cultural linguistics* фонемаҳо – ин образҳои калимавие мебошанд, ки ба кате-

горияҳои мураккаб муташаккил шуда, дар онҳо калимаҳо ба мисли схемаҳо-образҳо, сахнаву сенарияҳо маъно пайдо карда, ҷумлаҳо ба таркибҳои мубаддал мегарданд, ки ба образҳо асос ёфта, дискурсион ба раванди аз ҷониби образи идоракунандаи рефлексивии худ табдил меёбад ва ҳамчун натиҷа ҷаҳонбинӣ ҳамаи ҷизҳои дар боло зикршударо ба худ мегирад. Образ барои Палмер низоми концептҳо аст, фарҳангшиносии забонӣ бошад таъсири мутақобилаи забон, фарҳанг ва концептуализасияҳо таҳқиқ мекунад. Концептуализатсияҳо ба пояи фарҳанге асос меёбанд, ки ба он мафҳумҳо тавассути забонҳои инсонӣ рабандӣ ва муоширатӣ қунонида шудаанд. Забони Палмер – ин низоми рабандии калимавиест, ки ба образҳо асос ёфтааст ва ин низомро фарҳанг ташаккул додааст. Образи аз ҷониби фарҳанг муайян кардашуда нарратив, маъно, грамматика, дискурс ва ҳатто фонологияро идора мекунад. Низоме, ки онро Палмер пешниҳод кардааст, барои олимони забоншинос ва мутахассисони соҳаҳои дигари дониш уфуқҳои нав ба нав мекушояд.

Вожаҳои калидӣ: образ; фарҳангшиносии забонӣ; забон; мафҳум; низом; фарҳанг; концептуализатсия.

УДК 811.161.1'272 (575.3)

**РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН В СФЕРЕ УКРЕПЛЕНИЯ ПОЗИЦИИ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

Хурсанова Нодира Нигматовна

Аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел: (+992) 93 702 20 02 (м.)
khursanova_rtsu@mail.ru

Укрепление позиций русского языка на постсоветском пространстве требует усиления взаимодействия всех государственных органов и общественных организаций, в поле внимания которых находятся вопросы расширения функционирования русского языка и пропаганды русской культуры. Изменение социальных параметров в постсоветском пространстве в связи с распадом СССР и образованием 15 суверенных государств выдвинули новые социальные условия функционирования в них языков, что привело к пересмотру их языковой политики и языкового строительства. Каждая страна определила свои приоритеты в статусе языков, в том числе при определении статуса русского языка, который в течение семи десятилетий был основным языком во всех советских республиках. Таджикистан не является исключением: таджикский язык объявлен государственным языком, русскому языку отведено место языка межнационального общения. В статье рассматриваются роль, место и статус русского языка в Республике Таджикистан его специфика его функционирования в системе образования, средствах массовой коммуникации и других значимых сферах таджикстанского общества, а также предпринимаемые Правительством Республики Таджикистан меры для создания благоприятных условий его применения на территории республики.

Ключевые слова: государственный язык; государственная политика; языковая политика; язык межнационального общения; двуязычие; таджикский язык; русский язык.

Роль русского языка на современном этапе развития как внутри самой России, так и на международном уровне не перестает сокращаться. Не снижается его роль и на пространстве СНГ. Так, русский язык является вторым государственным языком в Беларуси, официальным языком в Казахстане, Киргизии, в Конституции Республики Таджикистан русскому языку придан статус языка межнационального общения. Он остается востребованным также и в странах дальнего зарубежья. С установлением новых дипломатических отношений на Востоке русский язык становится очень востребованным на африканском и азиатском континентах. «Проблема языковой ситуации относится к числу весьма сложных явлений, независимо от конкретного языка, места его функционирования. Она носит многоаспектный характер, затрагивает многие стороны социокультурной

жизни носителей языков, естественно, требует научного исследования системы языка, речевой деятельности, функционирования, его взаимодействия с другими языками, создания научно обоснованного комплекса учебных материалов, разработки отвечающей современным требованиям лингводидактики, методов обучения языкам» [3, с.55].

22 ноября 2009 г. Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон, выступая в Кремле на пресс-конференции, отметил, что «в Республике Таджикистан русский язык не подвергается притеснению, он по-прежнему сохраняет свой конституционно закреплённый статус, и никто не собирается пересматривать его статус. Одной из задач государственной политики Таджикистана является расширение и улучшение изучения и преподавания русского языка. Русский язык на протяжении многих лет для нас был и остаётся окном в науку, средством общения с внешним миром, и утрата этого инструмента было бы в ущерб себе» [10]. Русский язык по абсолютному числу владеющих им занимает пятое место в мире.

Известный исследователь проблем роли языка в обществе, доктор философских наук, профессор Уральского государственного аграрного университета Н.Н.Целищев отмечает: «Значение двуязычия (многоязычия) состоит в том, что оно дает возможность знакомиться с иноязычной художественной литературой в оригинале, в ее первозданной, неповторимой красоте. Критика двуязычия имеет в большинстве случаев политическую подоплеку и направлена, фактически, против русского языка. Всякая правовая неопределенность, неурегулированность в языковой области при отсутствии укоренившейся демократической культуры таит в себе опасность спонтанной экспансии одного языка и вытеснения других» [8, с.88]. Признанным является мнение В.Н.Ярцевой, которая под двуязычием понимает «способность отдельного индивидуума или народа в целом, или его части общаться (добиваться взаимопонимания) на двух языках» [10, с.8].

Следует отметить, что одним из самых важных шагов в расширении функционирования и изучения русского языка был выход в свет Постановления Правительства Республики Таджикистан от 30 августа 2019 года № 438 «О Государственной программе совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030 года». Министерству образования и науки РТ и Академии образования РТ было дано поручение составить план выполнения данного Постановления с учетом всех накопившихся проблем в данной области.

В Таджикистане, как и во многих других странах региона, обучение русскому языку начинается с дошкольного образовательного учреждения и продолжается на последующих образовательных уровнях. Именно поэтому образовательному процессу и организации учебного процесса в республике отводится главная роль, тем более что с оттоком русскоязычного населения утрачена языковая среда практически во всех регионах страны – как в городской среде, так и в сельской местности. Вместе с тем следует отметить, что отсутствие русскоязычного населения, которое теперь составляет всего 1 % от населения республики, в стране

продолжают функционировать смешанные школы (русско-таджикские) и школы с русским языком обучения. В Таджикистане открыты пять российских школ с обучением по образовательным программам Российской Федерации, функционирует общеобразовательная школа при РТСУ и ее филиал в г.Кулябе, филиал ногинской школы в г.Нуреке. В 1996 году был создан Российско-Таджикский (Славянский) университет, открыты филиалы МИСИС, Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, Московского энергетического университета.

Президент Таджикистана Эмомали Рахмон объявил 2023-й год Годом русского языка в Таджикистане. 9 марта 2023 г. в Республике Таджикистан прошел первый этап культурно-просветительского проекта «Русский язык как культурный код нации и язык межнационального общения». Основной его целью является укрепление и повышение статуса русского языка на территории СНГ. Реализовывал данный этап проекта в республике Таджикский национальный университет. Проведенные мероприятия в рамках данного проекта еще раз подтвердили, что русский язык на территории Таджикистана и всей Центральной Азии востребован как язык межнационального общения, остается в десятке мировых языков, несмотря на то, что мировой язык теперь определяется по численности говорящих (не менее 100 миллионов носителей) на нем, а также признанием страны, говорящей на данном языке, на международной арене. Важным также является охват максимального числа стран, где он изучается или имеет определенный юридический статус. По всем представленным критериям русский язык соответствует статусу мирового языка.

Немаловажное значение имеет русский язык как язык, на котором широко представлена классическая художественная литература, достижения практически во всех областях науки, значительные в области мирового искусства, классической музыки и многие достижения в других областях жизни. На русском языке в мире печатается большой объем информации, которая отличается своим информативным качеством и представленным объемом. Признано, что в сети Интернет русский язык по информативности занимает второе место после английского, оставив позади такие мировые языки, как немецкий, французский, арабский, испанский, китайский и многие другие. Динамичное расширение процессов коммуникации во всем мире в результате повсеместного внедрения компьютерных технологий ведет к расширению использования русского языка как информативного источника.

Сегодня споры вокруг того, насколько двуязычие и многоязычие влияют на умственные способности и творческое развитие носителей двух и более языков практически стихли, так как во всем мире пришли к тому, что двуязычие, как и многоязычие, не может не оказать прогрессивного влияния как на носителей языка, так и на целые регионы и даже страны. Владение несколькими языками способствует расширению кругозора, помогают приумножать знания, развивать способности и повышать интеллект. Многоязычие выводит из сферы влияния только одного языка, а значит и расширяет возможности восприятия окружающего мира. «Учитывая, что в большинстве стран мира используется один или не-

сколько государственных языков и наряду с ними распространены другие языки или диалекты, а также изучаются иностранные языки, среди специалистов утвердилось мнение, что не менее половины жителей планеты можно считать билингвами» [9, с.3].

Даже у народов с высокой численностью населения в процессе все развивающихся интеграционных и миграционных тенденций наступает время естественной потребности в овладении вторым и даже третьим языком, что приводит к возникновению и распространению различных типов и форм билингвизма и полилингвизма. Таджики не являются исключением. Одной из причин проявления массового и индивидуального двуязычия являются разного рода политические, экономические, научные и другие связи между разноязычными народами. По мнению А.А.Леонтьева, «билингвизм дает личности несомненные преимущества, расширяя ее возможности, предоставляя ей выбор, так как быть билингвом означает уметь осуществлять речевую деятельность, ... пользуясь в зависимости от ближайшей социальной среды, цели общения, информированности о собеседнике и тому подобному языковыми средствами не одного, а двух языков, имея более или менее свободный выбор языка для общения» [6, с.225].

Распространение русского языка в Таджикистане берет свое начало с 19 века, однако массовое его функционирование приходится на советский период. Отношение к языку во многом зависит от отношений между государствами, от языковых контактов и роли стран на мировой арене. Роль русского языка в Таджикистане на современном этапе никак не сравнить с его ролью тогда, когда эти страны входили в одно государственное образование. И хотя никаких притеснений русского языка никогда не наблюдалось, существовали объективные причины снижения его роли в языковой жизни таджикского народа. Елена Яценко, президент фонда "Наследие Евразии", в интервью для РИА «Новости» «Нужен ли русский язык в СНГ» отмечает: «К числу важнейших ресурсов, оставленных Российской империей и советским периодом в наследие новым независимым государствам, относится русский язык. Ценность этого наследия трудно переоценить: для его накопления в свое время, не говоря уже об экономических затратах, потребовались колоссальные усилия политического, научного, социального и культурного характера. В русский язык как институт были вложены огромные средства, и его наследниками являются все жители новых независимых государств» [4].

Выше мы отметили, что основным звеном приобщения к русскому языку является система образования всех уровней. Следует отметить, что не менее важным источником являются средства массовой информации. Несмотря на то, что печатные средства массовой информации утратили свою былую значимость в связи с появлением Интернета, в республике издается около трехсот наименований печатной продукции, из которых на русском или на двух языках (русском, таджикском) выходит около пятидесяти наименований. Наиболее читаемая газета «Народная газета» (является продолжением издания ежедневной республиканской газеты советского периода «Коммунист Таджикистана»). Вновь начала выходить газета «Бизнес и политика», «Вечерний Душанбе», литературно-

художественный журнал – «Памир», научные периодические издания НАН Таджикистана и вузов республики по философии и правоведению, экономическим, физико-математическим наукам и политологии и др., журнал Министерства образования и науки РТ «Русский язык и литература в школах Таджикистана». Быстрыми темпами популярность обрела русскоязычная газета «Азия-plus».

Анализируя использование русского языка в печатных СМИ РТ, можно заключить, что в основе своей их трудно назвать пропагандистами русского языка и русской культуры. Русский язык для них остается лишь средством передачи информации. Исключением здесь могут являться лишь некоторые русскоязычные журнальные издания – литературно-художественный журнал Союза писателей РТ «Памир» и журнал Министерства образования РТ «Русский язык и литература в таджикской школе»

Особое место отводится радио и телевидению. «Положение с русскоязычным вещанием в республике начало меняться в сторону увеличения общей массы русскоязычных передач примерно с середины девяностых годов. Однако, основная масса телевидения и радиопередач была представлена в основном переведенными западными сериалами и боевиками, а также некоторым числом российских сериалов. Что же касается удельного веса данных телепередач в числе общего эфирного времени, то на собственные оригинальные русскоязычные передачи в среднем приходится около двадцати часов, а точнее – девятнадцать с половиной часов в месяц, т.е. около 9% эфирного времени. В том числе на русском языке на канале телевидения РТ выходит: в неделю пять раз (по 15 минут) информационная программа «Ахбор» на русском языке (это составляет 6 часов в месяц), программа «Мир» - «Новости содружества» (совместная программа стран СНГ. Она идет ежедневно по 15 минут. В месяц это составляет 7 часов 30 минут), «Силуэт» (передача о художниках, в неделю 20 минут), программа по культуре «Восток – дело тонкое» (раз в две недели 30 минут), «Современники» (раз в неделю 20 минут), «Современный репортаж» (раз в две недели 15 минут), просветительская передача для детей «Делай с нами – делай сам» (раз в неделю 20 минут)» [3, с.78].

Особую значимость в распространении русского языка обретает кабельное телевидение, которое ретранслирует практически все каналы российских телепрограмм. Значительное количество населения республики предпочитает программы российского телевидения, где выбор телепередач гораздо шире, чем на местных каналах.

Особое значение в распространении русского языка приобрел Интернет в связи с тем, что информации на таджикском языке в данной сети незначительна. Точных данных о количестве пользователей Интернета в Таджикистане нет. В ходе пресс-конференции заместитель начальника Службы связи Илхомджон Атоев отметил, что количество юзеров Сети в республике по итогам первого полугодия 2023-го достигло 4,5 млн человек. Количество пользователей ежегодно растет в связи с доступностью сети и снижением стоимости. Практически все пользователи сети Интернет в Таджикистане русскоязычные, и эта тенденция растет нарастающими стремительными темпами. Причем возрастное поле охва-

тывает от дошкольников до пенсионеров преклонного возраста. Развитие сети Интернет в Таджикистане становится в последние годы одной из приоритетных задач государственной информационной политики.

Важным каналом распространения русского языка становится трудовая миграция в Российскую Федерацию граждан Таджикистана. «Проблемы знания или незнания тех или иных языков — прежде всего социальные. Гастарбайтеры, не владеющие языком окружающих, оказываются самыми бесправными и подвергаются нещадной эксплуатации, а их хозяевам выгодно, чтобы они не интегрировались в окружающую среду, в том числе из-за языковых проблем» [1, с.12]. По разным данным, ежегодно из Таджикистана в Россию выезжают на заработки от 500 до 900 тысяч трудовых мигрантов. Если в первой половине 90-х годов выезжали в основном мужчины, то теперь с каждым годом увеличивается численность женщин. А если учесть то, что состав трудовых мигрантов ежегодно меняется, то их численность за более чем 30 лет составила 3-3,5 миллиона человек. Даже подобный грубый подсчет свидетельствует о том, что статистические данные о численности лиц, владеющих русским языком в Таджикистане, могут быть подвергнуты сомнению. Во время проживания в России трудовые мигранты вынуждены пользоваться русским языком, а русскоязычная языковая среда способствует быстрому освоению языка. Таким образом, по возвращении на родину мигранты пополняют ту часть коренного населения, которая удовлетворительно владеет русским языком, и этот фактор необходимо учитывать при оценках распространности русского языка в республике.

Около 68% населения в Таджикистане утверждает, что в той или иной мере владеет русским языком. По данным другого опроса, 69% опрошенных указали русский язык как желаемый язык обучения для своих детей, наряду с таджикским и английским.

Одной из значимых мотиваций изучения русского языка для молодежи Таджикистана является все возрастающий российский тренд на предоставление возможности обучения выпускников в российских вузах. Ежегодно квоты на обучение в бакалавриате, магистратуре и послевузовском образовании возрастают. Русский язык становится культурно-образовательным инструментом мягкой силы, направленной на сохранение российского влияния. О.А.Колыхалова пишет, что «лингвистическое многообразие — уникальный фактор, значение которого не дооценивается в теоретическом и практическом освоении действительности» [5, с.27]. Одной из самых значительных мер Правительства России по укреплению позиции русского языка в Таджикистане является строительство и сдача в эксплуатацию в 2022 году 5 школ в Душанбе и областных центрах.

Перечисленные выше предпринимаемые меры правительствами обеих стран дают уверенность в заинтересованности сторон в развитии и расширении межгосударственного сотрудничества, что незамедлительно мотивирует стремление к расширению и совершенствованию таджикско-русского двуязычия. Российской стороной предпринимаются меры по подготовке кадров высшей квалификации в вузах и научных учреждениях РФ, планомерно приглашают специалистов различных отраслей на повышение квалификации. Таджикистан — единственная

страна в СНГ, которая осталась в поле ВАК Российской Федерации, что так же способствует стремлению научных работников повышать уровень знания русского языка.

Если межгосударственное сотрудничество наших стран будет расти такими же темпами, то у каждого, кто захочет связать свою судьбу с Россией и с русским языком, появятся личностные мотивации, к числу которых следует отнести:

- стремление получить вузовское и послевузовское образование на русском языке;
- получить доступ к информационному полю в сети Интернет;
- расширить информационное поле через другие источники информации на русском языке (художественная литература, научная литература, искусство, культура и т.д.);
- получить возможность трудоустройства в Российской Федерации.

Таким образом, жители Таджикистана имеют желание теснее общаться с Россией через русский язык, но не могут этого добиться в силу объективных ограничений. Для Таджикистана Россия остается наиболее желанным стратегическим партнером. Перспективы функционального развития русского языка в Таджикистане все больше будут определяться практическими потребностями в его владении. Чем динамичнее будут развиваться связи между государствами, тем реальней будет просматриваться объективная потребность в знании русского языка. Решение проблем языковой ситуации непосредственно связано и с сохранением и развитием национальной культуры, которая является составной частью цивилизационных процессов нации.

Литература

1. Алпатов В.М. Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: материалы Международной научной конференции (г.Москва, 16-19 сентября 2014г.). – М., 2014. – С.11-23.
2. Биткеев П.Ц. Трехступенчатая теория сохранения и развития языков в современных условиях полилингвальности или Концепция «Живой язык» // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: материалы Международной научной конференции (г.Москва, 16-19 сентября 2014г.). – М., 2014. – С.52-59.
3. Дубовицкая И.М. Русский язык в СМИ Таджикистана // Проблемы функционирования русского языка в Республике Таджикистана. – Душанбе, 2006. –200 с.
4. Интервью для РИА «Новости» Елены Яценко, президента фонда "Наследие Евразии" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/docs/about/copyright.html>.
5. Колыхалова О. А. Социокультурные и философские аспекты билингвизма: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Колыхалова Ольга Алексеевна. – М., 1999. – 44с.
6. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: КомКнига, 2005. – 230 с.
7. Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон на пресс-конференции в Кремле [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.trend.az/regions/casia/tajikistan/1564511.html>
8. Целищев Н.Н. Язык и этнополитика. – Екатеринбург, 2013. – 268 с.

9. Шайгерова Л.А. Двуязычие и многоязычие как междисциплинарный феномен: социокультурный контекст, проблемы и перспективы исследования / Л.А.Шайгерова, Р.С.Шилко, Ю.П.Зинченко // Национальный психологический журнал. – 2019. – №1(33). – С.3-15.
10. Ярцева В.Н. Теория взаимодействия языков и работа «Языковые контакты»: [вступительная статья] // Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. – Киев.: Вища школа, 1979. – С.5-12.

IMPLEMENTATION OF THE STATE POLICY OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN IN THE SPHERE OF STRENGTHENING THE POSITION OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Khursanova Nodira Nigmatovna

Postgraduate of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 93 702 20 02 (m.)
khursanova_rtsu@mail.ru

Strengthening the position of the Russian language in the post-Soviet space requires strengthening the interaction of all government bodies and public organizations whose focus is on expanding the functioning of the Russian language and promoting Russian culture. Changes in social parameters in the post-Soviet space in connection with the collapse of the USSR and the formation of 15 sovereign states put forward new social conditions for the functioning of languages in them, which led to a revision of their language policy and language construction. Each country has determined its priorities in the status of languages, including when determining the status of the Russian language, which for seven decades was the main language in all Soviet republics. Tajikistan is no exception: the Tajik language is declared the state language, the Russian language is given the place of the language of interethnic communication. In the article, the role, place and status of the Russian language in the Republic of Tajikistan, its specific functioning in the education system, mass media and other significant spheres of Tajik society are considered, as well as measures taken by the Government of the Republic of Tajikistan to create favorable conditions for its use in the territory of the republic.

Keywords: state language; public policy; language policy; language of international communication; bilingualism; Tajik; Russian language.

ТАТБИҚИ СИЁСАТИ ДАВЛАТИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ДАР СОҲАИ МУСТАҲКАМСОЗИИ МАВҶЕИ ЗАБОНИ РУСӢ

Хурсанова Нодира Нигматовна

Аспиранти кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел: (+992) 93 702 20 02 (м.)
khursanova_rtsu@mail.ru

Мустаҳкамсозии мавқеи забони русӣ дар фазои пасошӯровӣ қувват додани таъсири мутақобилаи ҳамаи мақомоти давлатӣ ва ташкилоти ҷамъиятиро, ки дар доираи тавачҷуҳи онҳо масъалаҳои вусъатдиҳии амалкарди забони русӣ ва тарғиби фарҳанги русӣ қарор доранд, талаб мекунад. Ивзкунии андозаҳои иҷтимоӣ дар фазои пасошӯровӣ баъди пошхӯрии ИҶШС ва ташкилҳои 15 давлати мустақил шартҳои нави иҷтимоиро барои амалкарди забонҳо фароҳам овард, ки ин ба таҷдиди назари сиёсати забонӣ ва сохтмони забонии онҳо оварда расонд. Ҳар як кишвар афзалиятҳои худро аз лиҳози забон муайян кард, аз ҷумла мақоми забони русӣ, ки тӯли ҳафт даҳсола дар ҳамаи ҷумҳуриҳои шӯровӣ забони асосӣ буд, муайян гардид. Тоҷикистон низ дар ин раванд бетараф намонд: забони тоҷикӣ ҳамчун забони давлатӣ эълон гардид, ба забони русӣ мақоми забони муоширати байналхалқӣ дода шуд. Дар мақола нақш, мавқеъ ва мақоми забони русӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон, мухтасоти амалкарди он дар низоми таҳсилот, воситаҳои муоширати оммавӣ ва дигар соҳаҳои муҳимми ҷомеаи тоҷикистониён, инчунин чораҳои аз ҷониби Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон барои соҳмондиҳии шароити мусоиди татбиқи он дар ҳудуди ҷумҳури мавриди баррасии ҳамачониба қарор дода шудаанд.

Вожаҳои калидӣ: забони давлатӣ; сиёсати давлатӣ; сиёсати забонӣ; забони муоширати байналхалқӣ; дузабонӣ; забони тоҷикӣ; забони русӣ.

УДК 81;811.222.8

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЕЙ ТАДЖИКСКИХ ЗВУКОВ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРИМЕНТА)**

Олимова Аниса Шохруховна

Соискатель кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел. (+992) 911 35 55 50 (м.)
anisa2018@inbox.ru

С развитием фоносемантики наблюдается всевозрастающий интерес к звуковой оболочке слова. Звуковое оформление слова (благозвучное или неблагозвучное) формирует представление человека об обозначаемом предмете, поэтому весьма актуальной остается проблема обнаружения семантики звука и роли звуковой организации в процессах понимания.

В статье проводится анализ восприятия гласных звуков таджикского языка по результатам фоносемантического эксперимента, проведенного среди студентов, родным или доминирующим языком которых является русский язык. В ходе эксперимента, который, как известно, считается краеугольным камнем психолингвистической науки, определяются значения гласных звуков таджикского языка, обусловленные рядом субъективных факторов. Цель работы заключается в описании семантики гласных звуков таджикского языка на основе сравнительного анализа результатов эксперимента с данными, полученными в эксперименте, проведенном ранее среди носителей таджикского языка. Предпринимается попытка выявить различия в восприятии ими гласных звуков таджикского языка, определить, как тот или иной звук действует на подсознание респондентов, какие эмоции он вызывает. По мнению автора, экспериментальные исследования представляют собой перспективную область изучения фоносемантики в таджикском языкознании, поскольку позволяют открыть новые аспекты изучения фоносемантической системы родного языка.

Ключевые слова: фоносемантика; сравнительный анализ; фоносемантический эксперимент; анкетирование; таджикский язык; русский язык.

Становление фоносемантики (ФС) как самостоятельной отрасли языкознания принято связывать с именем российского ученого Станислава Васильевича Воронина, в трудах которого находит свое концептуальное оформление русскоязычная фоносемантическая мысль. Ведь именно он впервые использовал термин «фоносемантика» в своей докторской диссертации на тему «Основы фоносемантики», впоследствии данный термин был введен в научный обиход [1].

Как основу русскоязычной ФС В.В.Левицкий выделяет: свою «Семантику и фонетику» [5], «Фонетическое значение» А.П.Журавлева [3] и «Основы фоносе-

мантики» С.В.Воронина [1]. Сюда же можно добавить книгу А.С.Газова-Гинзберга «Был ли язык изобразителен в своих истоках?» [2]. Все эти работы являются довольно «пионерскими» в изучаемой области, но именно научные исследования С.В.Воронина надолго определяют возможные пути и перспективы развития ФС. Монографии А.П.Журавлева [3; 4] и В.В.Левицкого [5], прежде всего, посвящены звукосимволизму, а в монографии С.В.Воронина обосновано выделение ФС как науки в целом [1, с. 212-213].

Как известно, эксперимент является краеугольным камнем психолингвистики, об этом говорили Л.В.Сахарный: «Психолингвистика – это, прежде всего, экспериментальная наука» [8, с.88], - и А.А.Леонтьев: «В сущности, ПЛ и есть не что иное, как экспериментальная лингвистика» [9, с. 6].

Следуя за высказываниями ученых, мы провели очередной ассоциативный (фоносемантический) эксперимент-анкетирование среди студентов-билингвов 3 и 4 курсов специальности «Лингвистика» филиала Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, для которых, как правило, русский язык является доминирующим языком. Для проведения эксперимента была подготовлена анкета, в которой были приведены все звуки таджикского языка, кроме Ъ (аломати сакта) и Ь (аломати чудой) знаков. От респондентов требовалось охарактеризовать все звуки таджикского языка по 25 антонимическим шкалам А.П.Журавлева.

Настоящая работа посвящена сравнительному анализу двух экспериментов, проведенных среди респондентов, отличающихся друг от друга языковым фактором, возрастом и методом оценивания. Напомню, что в первом случае эксперимент был проведен среди студентов 2 курса специальности «Компьютерная лингвистика» с таджикским языком обучения, а также студентов, обучающихся по специальности «Русская филология» Таджикского национального университета (ТНУ). В данном эксперименте от респондентов требовалось выделять положительные звуки знаком +, а отрицательные знаком –. Для удобства шкалы были переведены на таджикский язык. Родным языком студентов был таджикский? и подсознательно при анализе звуков этот фактор влиял на их восприятие.

В рамках статьи, опубликованной по результатам эксперимента, мы акцентировали внимание на гласных звуках А, И, О, У, Ъ, Э. Нами был проанализирован и приведен результат обобщения данных 51 анкеты [6].

Второй эксперимент, как было отмечено выше, был проведен среди студентов-билингвов, у которых русский язык является доминирующим языком. Во втором случае мы опирались на методику проведения анкетирования ученого А.П.Журавлева. Следовательно, условия оценивания звуков в данном эксперименте осуществлялись иным образом: были приведены цифры от 1 до 5, где 1 – очень хороший, 2 – хороший, 3 – нейтральный, 4 – плохой и 5 – очень плохой. Данная методика вызывает особый интерес, поскольку она кардинально отличается от привычного нам школьного метода оценивания. Дело в том, что на подсознательном уровне людям приятнее ставить 5, а не 1 или 2. Это предположение было доказано А.П.Журавлевым путем проведения множества экспериментов [4, с. 14].

Приведем полученные результаты второго анкетирования в виде таблицы. Для удобства мы привели лишь те характеристики, которых (количественно) оказалось больше.

Таблица 1

Результаты анализа гласных звуков таджикского алфавита (в русскоязычной аудитории)

+ -	А	И	О	У	Ў	Э
1. Хороший (хуб) – плохой (бад)	42 ¹ – 1	31 – 1	34 – 1	22 – 1	20 – 5	14 – 3
2. Большой (калон) – маленький (хурд)	40 – 1	18 – 2	41 – 1	24 – 1	20 – 1	20 – 1
3. Нежный (форам) – грубый (нофорам)	27 – 1	24 – 1	25 – 1	16 – 4	25 – 5	18 – 5
4. Женственный (занона) – мужественный (мардона)	27 – 1	36 – 1	18 – 1	15 – 4	21 – 5	22 – 4
5. Светлый (равшан) – темный (торик)	36 – 1	23 – 2	20 – 1 20 – 2	17 – 4	18 – 5	15 – 3
6. Активный (фаъол) – пассивный (гайрифаъол)	54 – 1	14 – 1	35 – 1	25 – 2	17 – 5	22 – 4
7. Простой (сода) – сложный (мураккаб)	44 – 1	28 – 1	38 – 1	25 – 1	25 – 5	19 – 1
8. Сильный (боқувват) – слабый (беқувват)	30 – 1	21 – 1	25 – 1	19 – 1	21 – 1	27 – 1
9. Горячий (гарм) – холодный (сард)	19 – 1	23 – 1	18 – 1 18 – 2	18 – 3	19 – 5	15 – 2
10. Быстрый (тез) – медленный (суст)	20 – 2	28 – 1	22 – 1	14 – 2 13 – 3 13 – 4	19 – 4	14 – 1 13 – 4 13 – 5
11. Красивый (зебо) – отталкивающий (безеб)	38 – 1	28 – 1	24 – 1	16 – 4	25 – 5	16 – 4
12. Гладкий (хамвор) – шероховатый	38 – 1	32 – 1	35 – 1	22 – 2	19 – 4	19 – 1

¹ В данной таблице сначала приводится количество респондентов, далее – результат. Опираясь на цифры (1, 2, 3, 4, 5), мы понимаем, каков звук: положительный или отрицательный. Для ясности мы указали лишь наивысшие результаты.

(ноҳамвор)						
13. Легкий (сабук) – тяжелый (вазнин)	33 – 1	29 – 1	28 – 1	23 – 1	19 – 5	16 – 1
14. Веселый (хурсанд, дилхуш) – грустный (ғамгин, ғамангез)	32 – 1	26 – 1	18 – 1	15 – 3 14 – 1	17 – 5	15 – 4
15. Безопасный (бехатар) – страшный (хатарнок)	27 – 1	26 – 1	22 – 1	21 – 1	18 – 4	17 – 1
16. Величественный (бохашамат) – низменный (бехашамат)	29 – 1	18 – 1 17 – 3	30 – 1	17 – 2	16 – 5	19 – 2
17. Яркий (банур, дурахшон) – тусклый (бенур, камнур)	38 – 1	26 – 1	22 – 1	17 – 3	16 – 2	15 – 2
18. Округлый (гирда) – угловатый (киррадор)	21 – 1	15 – 4 15 – 5	49 – 1	21 – 1	17 – 1	20 – 1
19. Радостный (дилхуш) – печальный (нохуш)	31 – 1	21 – 1	20 – 2	15 – 2 14 – 4	18 – 1	15 – 4
20. Громкий (садобаланд) – тихий (садопаст)	40 – 1	21 – 1	34 – 1	19 – 2	18 – 1	27 – 1
21. Длинный (дароз) – короткий (кӯтох)	33 – 1	27 – 1	34 – 1	25 – 1	18 – 1	23 – 1
22. Храбрый (часур) – трусливый (тарсончак)	27 – 1	15 – 2	25 – 1	20 – 1	13 – 1 13 – 2 13 – 3	26 – 1
23. Добрый (нек, нексиришт) – злой (бадсиришт)	33 – 1	29 – 1	26 – 1	19 – 1 18 – 3	16 – 2 16 – 5	20 – 1
24. Могучий (тавоно) – хилый (нотавон)	28 – 1	17 – 1	26 – 1	18 – 2	17 – 1	22 – 1
25. Подвижный (пурхаракат) – медлительный (суствхаракат)	30 – 1	20 – 1 20 – 2	25 – 1	18 – 1	15 – 5	15 – 1 14 – 4

Результаты эксперимента показывают, что звук А – это очень хороший, очень веселый, очень красивый и т.п. звук, т.е. у этого звука по всем 25 шкалам только положительные результаты.

Звук И оказался очень хорошим, красивым, сильным и т.д. звуком. У этого звука, в основном, превалируют положительные качества, но лишь по шкале «округлый (гирда) – угловатый (киррадор)» он получил негативную оценку.

Звук О так же по всем шкалам получил положительную оценку и оказался «хорошим» звуком.

Звук У – очень хороший, очень большой, очень простой, очень длинный, очень легкий, очень храбрый звук, но одновременно грубый, мужественный, темный и отталкивающий. Встречаются в нашем эксперименте результаты, которые лишь на один балл отличаются друг от друга? и при определении оценки звуков (в подобных случаях) возникают трудности. К примеру, трудно понять звук У – быстрый или нет, а может и вовсе нейтральный. Радостный или печальный? Добрый или нейтральный? Ведь грань между положительными и отрицательными оценками довольно тонкая.

Звук Ё является очень большим, сильным, храбрым, величественным, могучим, округлым, длинным и т.п. звуком, но очень плохим, очень грубым, очень мужественным, очень отталкивающим, темным, сложным, холодным, тяжелым и медлительным звуком. А вот добрый или злой этот звук, ответы разделились на две группы: половина респондентов считают звук Ё добрым, а другая половина злым.

Звук Э – очень большой, добрый, могучий, сильный, гладкий, безопасный и т.д. звук, но в то же время грубый, мужественный, печальный, грустный, пассивный звук.

А теперь проведем сравнительный анализ с результатами, полученными от респондентов, у которых родным языком является таджикский. Для этого мы приведем результаты ранее полученных данных:

Таблица 2

**Результаты анализа гласных звуков таджикского языка
(в таджикской аудитории)**

+ -	А	И	О	У	Ў	Э
1. Хороший (хуб) – плохой (бад)	50/1 ¹	34/17	43/8	40/11	15/36	25/26
2. Большой (калон) – маленький (хурд)	39/12	25/26	36/15	30/21	30/21	36/15
3. Нежный (форам) – грубый (нофорам)	43/8	30/21	28/23	28/23	20/31	21/30
4. Женственный (за-нона) – мужественный (мардона)	43/8	27/24	24/27	21/30	15/36	20/31
5. Светлый (равшан) – темный (торик)	45/5/1	33/18	32/19	29/22	21/30	27/24
6. Активный (фаъол) – пассивный (ғайри-фаъол)	48/3	37/14	37/14	33/18	19/32	25/26
7. Простой (сода) – сложный (мураккаб)	45/6	32/19	38/13	32/19	13/38	30/21
8. Сильный (бокувват) – слабый (бекувват)	40/11	33/18	35/16	30/21	28/23	25/26
9. Горячий (гарм) – холодный (сард)	37/14	26/25	26/25	23/28	17/34	24/27
10. Быстрый (тез) – медленный (суст)	34/17	29/22	27/24	32/19	17/34	22/28/1
11. Красивый (зебо) – отталкивающий (безеб)	47/4	33/18	39/12	25/26	20/31	23/28
12. Гладкий (хамвор) – шероховатый (нохамвор)	41/10	33/18	35/16	26/25	12/39	24/27
13. Легкий (сабук) – тяжелый (вазнин)	45/6	40/11	39/12	31/20	16/35	27/24
14. Веселый (хурсанд, дилхуш) – грустный (ғамгин, ғамангез)	46/5	22/29	33/18	26/25	16/35	24/27
15. Безопасный (беха-	43/8	35/16	39/12	27/24	21/30	30/21

¹ В данной таблице синим цветом выделены положительные результаты, красным – отрицательные, а серым – нейтральные.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

тар) – страшный (хатарнок)						
16. Величественный (бохашамат) – низменный (бехашамат)	40/11	21/30	35/16	23/28	20/31	24/27
17. Яркий (банур, дурахшон) – тусклый (бенур, камнур)	43/8	28/23	28/23	29/22	21/30	28/22/1
18. Округлый (гирда) – угловатый (киррадор)	21/30	20/31	44/7	20/31	17/34	29/22
19. Радостный (дилхуш) – печальный (нохуш)	45/6	23/28	32/19	27/24	19/32	25/26
20. Громкий (садобаланд) – тихий (садопаст)	47/4	32/19	29/22	23/28	26/25	30/21
21. Длинный (дароз) – короткий (кӯтох)	38/13	32/19	28/23	20/31	26/25	34/17
22. Храбрый (часур) – трусливый (тарсончак)	43/7/1	27/23/1	34/16/1	29/21/1	27/23/1	33/17/1
23. Добрый (нек, нексиришт) – злой (бадсиришт)	43/7/1	35/15/1	40/10/1	32/18/1	28/22/1	23/27/1
24. Могучий (тавоно) – хилый (нотавон)	47/3/1	26/24/1	35/15/1	25/25/1	20/30/1	23/27/1
25. Подвижный (пурхаракат) – медлительный (сустхаракат)	45/6	29/22	34/17	23/28	24/27	26/25

Обобщая результаты данной таблицы, мы получаем такой вывод: звуки А (24+), И (20+), О (24+), У (17+) являются положительными, т.е. положительные качества преобладают над отрицательными. Звуки Ъ (6+), Э (11+) являются отрицательными, поскольку отрицательные качества в значительной степени преобладают над положительными. Это говорит о том, что звуки Ъ, Э в сознании носителей таджикского языка воспринимаются как негативные.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

1. Звук А как для русскоязычной, так и для таджикоязычной аудитории является хорошим (положительным) звуком: по всем шкалам положительный результат.

2. Звуки И, О также являются положительными. Хотелось бы отметить следующую закономерность: как в первом, так и во втором случае звук О получил больше положительных характеристик, чем звук И.

3. Звук У так же, как и во втором случае, является, скорее всего, положительным, поскольку положительных оценок больше, чем отрицательных.

4. Звук Ё как в первом, так и во втором случае – отрицательный звук: отрицательных оценок намного больше, чем положительных.

5. Звук Э во втором случае является отрицательным, а в первом анкетировании – он, скорее всего, положительный (несмотря на отрицательные качества), поскольку хороших оценок больше.

Подобные эксперименты дают возможность определить значения гласных звуков в русском и таджикском языке. Полученные результаты могут быть использованы в сфере наименований, имятворчества, а также в коммерческой сфере: при создании названий брендов, заведений и т.д., при написании рекламных, агитационных и других текстов суггестивного характера, которые используют звуковую субстанцию в качестве одного из средств воздействия на воспринимающее сознание.

Хотелось бы отметить, что в рамках одной статьи не было возможности осветить все проблемы в равной мере. Более детальная разработка данного вопроса фоносемантики будет осуществлена в следующих исследованиях.

Литература

1. Воронин С.В. Основы фоносемантики. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. – 244с.
2. Газов-Гинзберг А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? (Свидетельство прасемитского запаса корней). – М.: Наука, 1965. – 183 с.
3. Журавлев А.П. Звук и смысл. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.
4. Журавлев А.П. Фонетическое значение. – Л.: ЛГУ, 1974. – 160 с.
5. Левицкий В.В. Семантика и фонетика: пособие подгот. на материале эксперим. исследований; / М-во высш. и сред. спец. образования УССР. Черновиц. гос. ун-т. – Черновцы, 1973. – 103 с.
6. Олимова А.Ш. Фоносемантика таджикских звуков как предмет изучения психолингвистики (на экспериментальной основе) // Казанская наука. – 2022. – №6. – С.156-159.
7. Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966-2021): Коллективная монография. / научн. ред. И.А.Стернин, Н.В.Уфимцева, Е.Ю.Мягкова. – М.: Институт языкознания – ММА, 2021. – 626 с.
8. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику: курс лекций. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 184 с.
9. Эксперимент в психолингвистике: Конспекты лекций и методические рекомендации: учебное пособие для вузов / Е.В.Ягунова. – СПб.: Издательство «Остров», 2005. – 51с.

**COMPARATIVE ANALYSIS OF PHONOSEMANTIC FEATURES OF
TAJIK SOUNDS (BASED ON THE RESULTS OF THE EXPERIMENT)**

Olimova Anisa Shokhrukhovna

Candidate for a degree of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph. (+992) 911 35 55 50 (m.)
anisa2018@inbox.ru

With the development of phonosemantics, there is an ever-increasing interest in the sound envelope of a word. The sound design of a word (euphonious or dissonant) forms a person's idea of the designated object, therefore the problem of discovering the semantics of sound and the role of sound organization in the processes of understanding remains very relevant.

In the article, the perception of vowel sounds in the Tajik language is analyzed, based on the results of a phonosemantic experiment conducted among students whose native or dominant language is Russian. During the experiment, which, as is known, is considered the cornerstone of psycholinguistic science (at a subconscious level), the meanings of vowel sounds in the Tajik language are determined, determined by a number of subjective factors. The purpose of the work is to determine the semantics of vowel sounds in the Tajik language based on a comparative analysis of the results of the experiment with data obtained in an experiment conducted earlier among native speakers of the Tajik language. An attempt is being made to identify differences in their perception of vowel sounds and the Tajik language, to determine how this or that sound affects the subconscious of respondents, what emotions it evokes. According to the author, experimental research represents a promising area for the study of phonosemantics in Tajik linguistics, since it allows us to discover new aspects of the study of the phonosemantic system of the native language.

Keywords: phonosemantics; comparative analysis; phonosemantic experiment; survey; Tajik language; Russian language.

**ТАҲЛИЛИ МУҚОИСАВИИ ХУСУСИЯТҲОИ ФОНОСЕМАНТИКИИ
ОВОЗҲОИ ТОЧИКӢ (АЗ РӢИИ НАТИҶАҲОИ ТАҶРИБА)**

Олимова Аниса Шохруховна

Унвонҷӯи кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел. (+992) 911 35 55 50 (м.)
anisa2018@inbox.ru

Бо инкишоф ёфтани фоносемантика тавачҷуҳи торафт афзоянда ба сатҳи овозии калима ба назар мерасад. Тасвиби овозии калима (хушсадо ё нохушсадо) тасаввуроти инсонро дар бораи

ашёи нишон додашаванда ташаккул медиҳад, аз ин хотир мушкилоти ошқорсозии семантикаи овоз ва нақши ташкилоти овозӣ дар раванди дарксозӣ мубрам мебошад.

Дар мақола таҳлили қабулкунии овозҳои садоноки забони тоҷикӣ аз рӯйи натиҷаҳои таҷрибаи фоносемантикӣ, ки дар байни донишҷӯён гузаронида шудааст ва забони модарӣ ё афзалиятнокашон русӣ аст, анҷом дода шудааст. Дар рафти таҷриба, ки тавре маълум аст, маҳаки илми забоншиносии раванӣ (дар қишри зертафаккурӣ) мебошад, овозҳои садоноки забони тоҷикӣ бо як қатор омилҳои субъективӣ муайян карда шудаанд. Мақсади кор аз муайянсозии семантикаи овозҳои садоноки забони тоҷикӣ дар асоси таҳлили муқоисавии натиҷаҳои таҷриба бо маълумоти озмоише, ки қаблан дар байни ҳомилони забони тоҷикӣ гузаронида шуда буд, иборат аст. Барои ошқор намудани фарқият дар овозҳои садоноки забони тоҷикиро қабул кардани онҳо, аниқ кардани он ки чӣ тавр ин овозҳо ба зертафаккури респондентон таъсир месозанд, кадом эҳсосотро бедор мекунанд, қўшиш ба харҷ дода шудааст. Назар ба ақидаи муаллиф, таҳқиқоти таҷрибавӣ барои омӯзиши фоносемантика дар забоншиносии тоҷикӣ соҳаи ояндадор ҳастанд, зеро онҳо барои қушодани ҷиҳатҳои нави омӯзиши низоми фоносемантикии забони модарӣ имконият фароҳам меоранд.

Вожаҳои калидӣ: фоносемантика; таҳлили муқоисавӣ; таҷрибаи фоносемантикӣ; анкетақунонӣ; забони тоҷикӣ; забони русӣ.

УДК 331.556.4.(575.3)

**ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В РЕИНТЕГРАЦИИ ГРАЖДАН,
ВОЗВРАТИВШИХСЯ ИЗ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ**

Ульмасов Рахмон Ульмасович

Доктор экономических наук
профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 918 573 83 20 (м.)
ulmasovr@gmail.com

Махмадбекзода Моёншо Шодмон

Кандидат политических наук,
директор
НИИ «Институт труда, миграции и занятости населения
Республики Таджикистан»
734026, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Низами Гянджеви, А 260
Тел.: (+992) 907 83 96 45 (м.)
sorbon4@inbox.ru

В статье анализируются основные тенденции развития трудовой миграции населения из Республики Таджикистан и проблемы возвращающихся трудовых мигрантов. Выявляются основные причины спада количества трудовых мигрантов и их денежных переводов из стран пребывания. Возвратная миграция является ресурсом развития государства и общества. Причем ее мультипликативный эффект может быть очень высоким, а учитывая, что возвращается практически собственное население, близкое в культурном и ментальном отношении, его реинтеграция требует гораздо меньших затрат.

За счет возвратной миграции государство пытается пополнить численность трудовых ресурсов, квалифицированных специалистов, молодежи, привлечь инвесторов и инвестиции для развития страны. Возвратная миграция должна рассматриваться в широком контексте международного миграционного цикла и инструментов управления миграцией, применяемых правительством, а не как отдельное явление. В последние годы политика возвращения и более эффективной помощи тем, кто нуждается в такой поддержке, постоянно совершенствуется.

Обосновывается необходимость встраивания миграционной политики в стратегию экономического развития страны.

Ключевые слова: реинтеграция; внешняя трудовая миграция; возвратная трудовая миграция; возвращающихся трудовых мигрантов; денежные переводы трудовых мигрантов.

Политические и социальные перемены современности в корне изменили общественно-экономическую ситуацию не только на постсоветском пространстве, но и во всём мире. Одним из ярких показателей таких изменений стала активнейшая миграция населения, когда миллионы людей вынуждены мигрировать из одного государства в другие, включаясь, таким образом, в глобализационный миграционный процесс.

По данным Питера Сазерленда – специального представителя Генерального Секретаря ООН по международной миграции и развитию, доля людей, живущих за пределами страны происхождения (или иммигрантов), в последние десятилетия повысилась крайне незначительно. Она равняется 3% от почти 7,5 миллиардов людей, живущих сегодня на планете. За последние пять лет 36,5 млн. человек – всего лишь 0,5% мирового населения – покинули родину [13].

В ООН полагают, что необходимо создавать надлежащие условия для легальной миграции людей и выработать такую миграционную политику, которая бы отвечала требованиям рынков труда. При этом также необходимо рассматривать миграцию в политическом понимании, т.е. изменение политической реальности государства или региона под влиянием социальных перемещений населения или его части за пределы административных границ на длительный срок. Поэтому политический анализ миграционных процессов должен включать в себя как рассмотрение социальной (национальной) безопасности, так и политических компонентов этих процессов [3, с.39].

Правительством Республики Таджикистан уделяется особое внимание решению вопросов, связанных с трудовой миграцией. Таджикистаном ратифицированы основополагающие Конвенции ООН (Конвенция о защите прав всех трудящихся – мигрантов и членов их семей) и МОТ (Конвенции №97 «О работниках-мигрантах» и №143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении работникам-мигрантам равенства возможностей и обращения») в сферах трудовой миграции. В национальную законодательную базу республики вошли также международные миграционные нормы.

Внешняя трудовая миграция граждан из Республики Таджикистан в соседние государства «на заработки» получила наибольшее развитие в переходный период и достигает значительных размеров. Безусловно, положительным моментом внешней трудовой миграции являются более высокие доходы тех домохозяйств, из которых кто-либо выехал «на заработки». Это сказывается на росте совокупного дохода этих семей и более высокого их уровня жизни.

С другой стороны, внешняя трудовая миграция снижает напряжённость на внутреннем рынке труда. Не имея возможности найти место работы в стране, трудовые мигранты попали бы в ряды безработных, что могло бы привести к росту общего уровня безработицы.

Ясно, что на внутреннем рынке труда в ближайшие годы трудоустроить всех нуждающихся в рабочих местах с достойной заработной платой невозможно. Поэтому внешний рынок труда рассматривается как один из факторов снижения напряжения на внутреннем рынке труда.

Нынешнюю социально-экономическую ситуацию невозможно представить без трудовой миграции за рубеж, ибо это является фактором, оказывающим значительное влияние на жизнедеятельность большинства семей в Республике Таджикистан.

Активизация трансграничных миграционных процессов стала в настоящий момент одной из основных тенденций мирового развития. Она обусловлена, прежде всего, усилением неравномерности экономического роста различных стран в условиях глобализации, многообразием межэтнических, социальных, международных конфликтов, особенностями демографических процессов в регионах, традиционно относимых к зоне «Севера» и зоне «Юга». В целом, основные миграционные потоки формируются в связи с ростом количества трудовых мигрантов, направляющихся в развитые индустриальные страны из развивающихся стран.

Трудовая миграция включается в складывающийся глобальный экономический порядок в качестве одного из составляющих и обслуживающих этот порядок модулей. Это сопровождается формированием такого миграционного режима, который наилучшим образом выполняет свою микроэкономическую функцию – обеспечение максимальной экономической эффективности в системе рыночной конкуренции. Этот эффект достигается развитыми государствами за счёт минимизации трудовых, налоговых и социальных выплат, а также посредством использования дешёвого неквалифицированного труда, часто по демпинговым расценкам.

Спецификой миграции в Республике Таджикистан является то, что она выступает одновременно и причиной, и следствием преобразований, начавшихся в стране с получением ею независимости. Подобная двойкая, но достаточно важная для неё роль в мировой миграционной практике – явление не новое, оно сопровождает общество на протяжении всего его исторического развития. В свою очередь, именно эта специфика трудовой миграции Республики Таджикистан в условиях трансформирующегося общества способствовала развитию новых форм трудовой миграции населения, изменению функций миграции и её значимости, политической переоценке миграционного процесса.

Таджикистан в нынешний период своего развития продвигает либеральную миграционную политику для трудоустройства своих граждан за рубежом, и исходит из прагматичного подхода, так как таким способом частично можно ослабить социально-экономическое и демографическое «напряжение» в обществе, в определённой степени более рационально финансировать социальные программы, политику занятости населения, систему образования, здравоохранения, социального обслуживания. Сегодня с полным основанием можно утверждать, что мигранты превратились в полноценный «мотор» экономики страны. Труд среднеазиатских мигрантов, по некоторым данным, формирует 7-8% ВВП России. А по другим данным – в диапазоне «2,5-4,5%»¹ [10, с.59].

---

¹ Мигрантов нужно активнее интегрировать в российское общество. Мнение экспертов НИУ ВШЭ. 22.04. 2016.

В целях регулирования отношений в области миграции населения, определения правовых, экономических и социальных основ миграционных процессов в 1999 году были приняты законы Республики Таджикистан «О миграции» и «О беженцах».

Таким образом последовательно совершенствуется нормативно-правовая база сотрудничества республики со странами-реципиентами трудовых мигрантов, в первую очередь с Российской Федерацией. В настоящее время ведётся определённая работа в плане постепенной диверсификации трудовой миграции заключением ряда соглашений с некоторыми государствами Восточной Европы и арабских стран, тем не менее, Российская Федерация остается доминирующей в вопросе привлекательности для трудовых мигрантов.

Таджикистан традиционно является трудонасыщенной страной, и вопрос трудовой миграции в Таджикистане актуален с той точки зрения, что внутренний рынок труда не в силах обеспечить работой все трудовые ресурсы.

Сохраняющийся высокий уровень прироста населения в Таджикистане является прямым фактором роста численности населения в трудоспособном возрасте. За последние 6 лет численность трудовых ресурсов увеличилась почти на 14 процентов, в то время как рост числа занятых отстаёт от прироста трудовых ресурсов почти в 2 раза.

С одной стороны, страна богата человеческими ресурсами, что создаёт хороший потенциал для поддержки экономического роста, но с другой – высокий уровень прироста населения требует большого вложения в социальную сферу и поддержания высокого темпа роста занятых на внутреннем рынке труда.

Трудовая миграция граждан республики имеет сезонный характер и ежегодно в среднем 550 тыс. трудоспособных граждан выезжают на временную работу за рубеж.

Основной поток трудовой миграции из Республики Таджикистан за рубеж направлен в страны Содружества Независимых Государств (СНГ), среди них подавляющее большинство выезжает в Россию – 95%, в Казахстан – 3%. Кроме того, незначительная часть – 2% трудовой миграции из страны направляется в Республику Корея и в страны Персидского залива.

Миграция оказывает существенное влияние на все аспекты жизни в экономической, социальной, политической и демографической областях. Внешняя трудовая миграция поглощает огромное количество безработных. Безусловно, положительным моментом внешней трудовой миграции являются:

- как отмечалось выше, более высокие доходы тех домохозяйств, из которых кто-либо выехал «на заработки». Это сказывается на росте совокупного дохода этих семей и более высокого их уровня жизни;
- выезд трудовых мигрантов содействует решению проблемы избытка рабочей силы в Таджикистане. Трудовая миграция приводит к сокращению уровня безработицы, происходит сокращение расходов на социальные пособия, переобучение безработных, организацию для них общественных работ, помощь их семьям;

- работая за границей, трудовые мигранты повышают свою квалификацию, они приобретают производственные и организационные навыки. Этот момент особо актуален для Таджикистана, так как значительная часть местного населения имеет низкий квалификационный уровень. Находясь в стране, обладающей более передовыми технологиями, более высокими требованиями, трудовыми стандартами, мигранты из Таджикистана повышают свой общеобразовательный и культурный уровень. Мигранты расширяют личные связи с партнёрами из других государств.

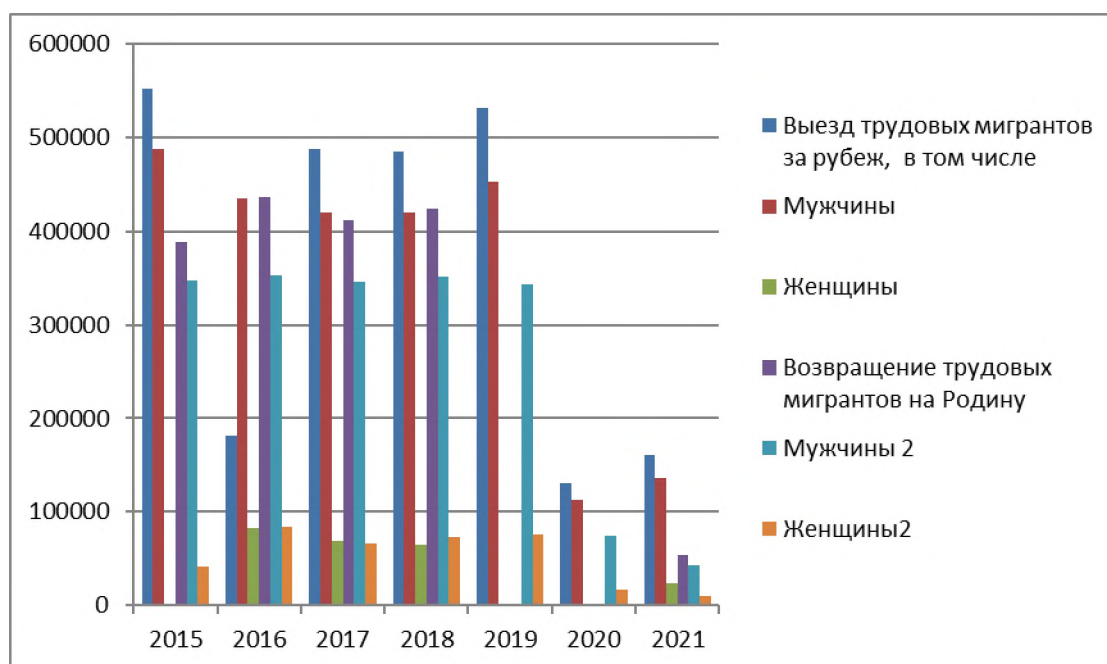
Тем не менее, необходимо отметить, что в настоящее время насущной проблемой стали последствия кризиса в экономике России – тысячи трудовых мигрантов из Таджикистана теряют рабочие места в России и вынуждены вернуться на родину, что, в свою очередь, приводит к непредвиденным социальным последствиям (снижению уровня доходов домохозяйств, нагнетанию социальных проблем, обострению криминальной ситуации) [9, с.196]. Поэтому в Таджикистане трудовая миграция стала одним из явлений, затрагивающих различные аспекты жизни общества и неоднозначно влияющих на различные секторы экономики страны. Нынешнюю социально-экономическую ситуацию страны невозможно представить без трудовой миграции за рубеж, ибо это является фактором, оказывающим значительное влияние на жизнедеятельность большинства семей в Республике Таджикистан.

Правительство Республики Таджикистан, принимая во внимание возможные внешние риски, в том числе массовое возвращение трудящихся мигрантов, 18 марта 2022 года приняло план мероприятий по предотвращению воздействия возможных рисков на национальную экономику. В данном плане предусматриваются вопросы обеспечения мер по трудоустройству возвратившихся из-за рубежа трудящихся мигрантов, их социальной защите, обучению нужным профессиям и сертификации профессиональных навыков, совершенствованию законодательства по регулированию трудовой миграции граждан Республики Таджикистан и т.д. [7]

Несмотря на то, что настоящее Постановление Правительства страны является среднесрочным и выполнение пунктов плана мероприятий рассчитано по 2025 год, основное содержание данного Постановления и меры, которые включены в это Постановление, показывают основные направления дальнейших действий по достижению соответствия системы подготовки рабочих кадров потребностям рынка труда, обеспечению учёта проблем возвращающихся трудовых мигрантов, в основном из Российской Федерации, и приведению в соответствие деятельности ЦОВ (Центров обучения взрослых) и других учреждений профессионального образования, и даже среднего образования (для обучения русскому языку и русской культуре и т.д.). В случае необходимости, предусмотрено совершенствование законодательства по урегулированию трудовой миграции граждан Республики Таджикистан в другие страны, а также усиление деятельности миграционной службы по расширению географии внешней трудовой миграции из Республики Таджикистан в другие страны, которые имеют определённые потребности в рабочей силе и положительно настроены для принятия трудовых

мигрантов. Эти проблемы и пути их решения выходят далеко за рамки не только среднесрочных периодов, но и долгосрочных периодов прогнозирования мер в этом направлении. Поэтому существует необходимость разработки и принятия соответствующего нормативного акта, рассчитанного на планы и прогнозные документы профильных ведомств республики, исполнительных органов государственной власти Горно-Бадахшанской автономной области, Согдийской и Хатлонской областей, города Душанбе, городов и районов Республики Таджикистан в направлении решения насущных проблем трудовой миграции из Республики Таджикистан.

Диаграмма 1
Динамика трудовой миграции из Таджикистана за 2015- 2021 гг.

Источник: Данные Миграционной службы Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан за 2015-2021 гг.

Тенденция сокращения количества выезжающих трудовых мигрантов стабильно сохраняется. В России и ее регионах в исторической ретроспективе миграция протекала по-разному: менялись масштабы, структура, направление и содержание [2]. Необходимо учитывать и имперский, и советский периоды, когда внутренняя и внешняя миграции также формировали миграционный ландшафт. Тем не менее, необходимо отметить, что данная тенденция никак не влияет на остроту проблем внешней трудовой миграции из Республики Таджикистан. Наоборот, проблемы внешней трудовой миграции обостряются с проблемами несоответствия профессиональной подготовленности потенциально выезжающих в трудовую миграцию к потребностям рынка труда в Российской Федерации. Проблемы внешней трудовой миграции населения являются предсказуемыми и

продолжающимися на протяжении последних 5-6 лет, тем не менее, данная тенденция и усложнение проблем внешней трудовой миграции в значительной степени очень существенно обостряются с обострением негативного влияния внешних факторов на состояние внешней трудовой миграции населения и социально-экономическое положение внутри страны. Прежде всего, имеются в виду не только опасность распространения пандемии COVID-19, но и другие факторы, имеющие возможные негативные последствия [5].

В контексте общих тенденций изменения безвозвратной миграции имеет определённое значение изучение гендерных сторон процесса трудовой миграции. Несмотря на то, что при статистическом анализе, скажем, за 10 лет каких-либо существенных изменений в миграционных процессах, именно с учётом возрастной структуры и пола, не наблюдается, однако, как правило, мужчины более активны в миграционном отношении, чем женщины. И приходится с сожалением констатировать факт роста безвозвратной миграции за последние 10 лет. Всё возрастающая доля мужского населения среди трудовых мигрантов, разумеется, имеет негативные последствия для социальной структуры таджикского общества.

В настоящее время в целях смягчения проблем трудовой миграции и проблем возвращающихся трудовых мигрантов усиливается работа по укреплению структур Министерства труда, миграции и занятости населения Таджикистана. В частности, в тесной связи с соответствующими структурами Российской Федерации в системе Миграционной службы создано Государственное учреждение «Центр консультирования и подготовки трудовых мигрантов». В настоящее время функционируют 4 центра в регионах с высоким уровнем миграции. Основная цель создания таких центров – оказание практической помощи трудовым мигрантам посредством учебно-консультационных курсов и организационно-финансовой помощи на двух этапах трудовой миграции:

Перед выездом:

- обучение языку, изучение истории, обычаев, культуры, основ законодательства принимающих стран, в основном Российской Федерации;
- информирование о регистрации, обучение специальностям;
- сотрудничество с государственными местными и зарубежными профессионально-техническими лицеями;
- изучение зарубежных рынков труда, организованный набор мигрантов;
- оказание содействия в поиске работы за рубежом.

После возвращения:

- регистрация вернувшихся мигрантов, их медицинское обследование;
- сертификация профессиональных навыков, приобретённых за рубежом;
- профессиональная подготовка в сотрудничестве с учебными заведениями;
- информирование о вакансиях;
- содействие в осуществлении предпринимательской деятельности, получение кредитов, помощь в реинтеграции.

Для реализации этих целей и задач Центры осуществляют следующие виды деятельности:

- создание электронной системы регистрации граждан Таджикистана, планирующих выезд на зарубежную работу или вернувшихся из трудовой миграции;
- проведение бесплатных краткосрочных до миграционных учебно-консультационных курсов для потенциальных трудовых мигрантов и курсов для вернувшихся мигрантов.
- бесплатное медицинское обследование вернувшихся трудовых мигрантов и в случае необходимости направление их для лечения в медицинские учреждения.
- оказание правовой помощи.
- оказание помощи в адаптации и реинтеграции вернувшихся мигрантов, в том числе помощь в открытии своего бизнеса и в трудоустройстве.

Необходимо признать факт того, что Российская Федерация является главной страной, принимающей наших трудовых мигрантов. Основным фактором, «притягивающим» трудовых мигрантов из Таджикистана в Россию, является экономическое преимущество России по сравнению с другими странами, входящими в Содружество Независимых Государств (СНГ). Россия в основном использует рабочих и специалистов из республики в строительстве, на транспорте, в жилищно-коммунальном хозяйстве (ЖКХ), сфере услуг, а в последнее время наблюдается отток врачей разной направленности. Поэтому политика трудовой миграции направлена на значительное расширение деловых связей Таджикистана с Российской Федерацией как с основным регионом регулируемых миграционных потоков. Тем более что исторически сложившиеся производственно-экономические и культурные связи, знание большинством населения в республике русского языка являются весомой предпосылкой более серьезного рассмотрения проблем трудовой миграции из Республики Таджикистан. «Приоритетность восстановления и развития Большого Востока ясно осознается сегодня в России наиболее дальновидными людьми», - считает российский демограф Ю.Крупнов [4, с.350].

Что надо сделать в Таджикистане?

1. На базе ПТУ, лицеев приступить к подготовке рабочих кадров по заявке работодателей.
2. Создать информационно-аналитическую систему Российско-таджикская база вакансий «Работа в России». Портал должен указать информацию о заработной плате, режиме работы, требованиях к квалификации и образованию, профессиональным знаниям, навыкам, опыту работы и предоставлении дополнительных социальных гарантий.
3. Обязательные условия для участия работодателя в организованном наборе и привлечении трудящихся-мигрантов:
  - обеспечение местами проживания в соответствии с необходимыми санитарно-гигиеническими и иными нормами, безопасными условиями труда и охраны труда, а также техники безопасности на их рабочих местах;

• гарантированная оплата труда не ниже минимального уровня, установленного законодательством Российской Федерации.

4. Уделить большое внимание профессиональной подготовке наших мигрантов перед выездом за границу. Наша цель – чтобы ни один гражданин не уезжал за рубеж неподготовленным. В каждом городе и районе создать центры профессиональной подготовки. За каждым ПТУ закрепить конкретных работодателей из регионов РФ. Определить четкие запросы по количеству трудовых мигрантов и требуемым специальностям на конкретные строительные объекты. Это укладчики, монолитчики, отделочники, штукатуры, маляры и другие. Кроме того, накопившийся опыт позволяет определить профильное разделение специалистов по регионам: самые лучшие сварщики в Худжанде, а из ГБАО – квалифицированные отделочники.

5. Надо вернуться к таджикскому опыту. Направить на учебу в российские ПТУ, колледжи, лицеи таджикскую молодежь. Все расходы, связанные с транспортом, экипировкой, питанием, жильем – за счет работодателей.

Литература

1. Анализ социально-экономических проблем возвратившихся трудовых мигрантов Республики Таджикистан. – Душанбе, 2018. – 69 с.
2. Волох В.А., Герасимова И.В. Управление миграционными процессами в Российской Федерации: анализ и перспективы // Управление. – 2019. – №1. – С.5-12.
3. Ефимов Ю.Г. Политическая миграциология: учеб. пособие. – Ставрополь, 2005. – 160с.
4. Крупнов Ю. Россия между Западом и Востоком. Курс Норд-Ост. – СПб.: Издат. дом «Нева», 2004. – 379с.
5. Махмадбекзода М.Ш., Алимов А.Л. Тенденции развития трудовой миграции из Республики Таджикистан и проблемы возвращающихся трудовых мигрантов // Вестник ТГУПБ: научно теоретический журнал. Серия общественных наук. – Худжанд, 2022. – №1(90). – С.41-52. DOI 10.24412/2411-1945-2022-1-41-52
6. О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19): Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 2020 года №274 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/73913348/>
7. О плане мероприятий по предотвращению воздействия возможных рисков на национальную экономику: Постановление Правительства Республики Таджикистан от 18 марта 2022 года №116 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=141961
8. О предотвращении распространения пандемии COVID-19 в социально-экономических отраслях Республики Таджикистан: Указ Президента Республики Таджикистан от 5 июня 2020 года №1544; План действий Правительства Республики Таджикистан о предотвращении угрозы распространения пандемии на национальную экономику [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://khovar.tj/rus/2020/06/ukaz-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-o-predotvrashhenii-vozdjeistviva-infektsionnogo-zabolevaniva-covid-19-na-sotsialno-ekonomicheskie-sferv-respubliki-tadzhikistan/>
9. Раимдодов У. Занятость возвратившихся трудовых мигрантов на внутреннем рынке труда ГБАО // Трудовая миграция в структуре социально трудовых отношений в РТ. – Душанбе, 2015. –С.164-196.
10. Ульмасов Р. Миграция – символ эпохи: монография. – Душанбе: Ирфон, 2020. – 264с.

11. Ульмасов Р., Икрамов Дж. Таджикистан в зеркале миграции. – Душанбе, 2016. – 132с.
12. Ульмасов Р., Курбанов Н. Миграция как фактор экономического роста: монография. – Худжанд: Хуросон, 2021. – 150с.
13. Project Syndicate. – 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unfpa.org/migration>

STATE POLICY IN THE REINTEGRATION OF CITIZENS RETURNING FROM LABOR MIGRATION

Ulmasov Rahmon Ulmasovich

Doctor of economic sciences,
professor of the chair of foreign regional studies and foreign policy
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 918 573 83 20 (m.)
ulmasovr@gmail.com

Mahmadbekzoda Moensho Shodmon

Candidate of political sciences,
director
Research Institute "Institute of labor, migration and
employment Republic of Tajikistan"
734026, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. Nizami Ganjavi, A 260
Ph.: (+992) 907 83 96 45 (m.)
sorbon4@inbox.ru

In the article, the main trends in the development of labor migration of the population from the Republic of Tajikistan and the problems of returning labor migrants are analyzed. The main reasons for the decline in the number of labor migrants and their remittances from host countries are identified. Return migration is a resource for the development of the state and society. Moreover, its multiplier effect can be very high, and given that practically its own population is returning, culturally and mentally close, its reintegration requires much less cost.

Through return migration, the state is trying to replenish the number of labor resources, qualified specialists, youth, and attract investors and investments for the development of the country. Return migration must be seen in the broader context of the international migration cycle and government migration management tools, rather than as an isolated phenomenon. In recent years, the policy of return and more effective assistance to those who need such support has been constantly improved.

The necessity of integrating migration policy into the country's economic development strategy is substantiated.

Keywords: reintegration; external labor migration; return labor migration; returning labor migrants; remittances from migrant workers.

**СИЁСАТИ ДАВЛАТ ДАР ҲАМГИРОИИ НАВИ ШАҲРВАНДОНИ
АЗ МУҲОЦИРАТИ МЕҲНАТӢ БАРГАШТА**

Улмасов Раҳмон Улмасович

Доктори илмҳои иқтисодӣ
профессори кафедраи минтақашиносии хориҷӣ ва сиёсати берунаи
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 918 573 83 20 (м.)
ulmasovr@gmail.com

Маҳмадбекзода Моёншо Шодмон

Номзади илмҳои сиёсӣ,
Директори Пажуҳишгоҳи «Институти меҳнат,
муҳоҷират ва шуғли аҳолии Ҷумҳурии Тоҷикистон»
734026, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Низомии Ганҷавӣ, А 260
Тел.: (+992) 907 83 96 45 (м.)
sorbon4@inbox.ru

Дар мақола тамоюлоти асосии инкишофи муҳоҷирати меҳнатии аҳоли аз Ҷумҳурии Тоҷикистон ва мушкилоти бозгашти муҳоҷирони меҳнатӣ таҳлил карда шудаанд. Сабобҳои асосии пастшавии миқдори муҳоҷирони меҳнатӣ ва интиқоли маблағи онҳо аз кишварҳои бӯдубоши онҳо ошкор карда мешаванд. Бозгашти муҳоҷирони меҳнатӣ захираи инкишофи давлат ва ҷомеа буда, ғайзи мултипликативии он метавонад хеле баланд бошад ва бо инобати он ки амалан аҳолии таҳҷой, ки аз ҷиҳати фарҳангӣ ва хувиятӣ бармегардад, ҳамгирони нави он хароҷоти камро талаб мекунад.

Аз ҳисоби бозгашти муҳоҷирати меҳнатӣ давлат кӯшиш мекунад, ки миқдори захираҳои меҳнатиро аз ҳисоби мутахассисони соҳибихтисос, ҷавонон пур карда, маблағгузори сармоягузори барои инкишофи кишвар ҷалб намояд. Бозгашти муҳоҷирати меҳнатӣ бояд дар ҳолати васеи силсилаи байналхалқии муҳоҷирати меҳнатӣ ва асбобҳои идоракунии он, ки аз ҷониби ҳукумат қор фармуда мешавад, яъне на ҳамчун зуҳуроти алоҳида баррасӣ карда шавад. Дар солҳои охир сиёсати бозгашт ва ёрии боз ҳам самаранок ба онҳое, ки ба чунин дастгирӣ ниёз доранд, пайваста тақмил дода мешавад.

Зарурати воридкунии сиёсати муҳоҷирати меҳнатӣ ба стратегияи инкишофи иқтисодии кишвар таъкид карда шудааст.

Вожаҳои калидӣ: ҳамгирони нави муҳоҷирати меҳнатии беруна; муҳоҷирати меҳнатии бозгашт; муҳоҷирони меҳнатии бозгарданда; интиқоли маблағҳои муҳоҷирони меҳнатӣ.

УДК 336.027:330.131.7(575.3)

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ВЕНЧУРНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Комилов Сироджиддин Джалалидинович

Доктор экономических наук,
профессор кафедры экономической теории и мировой экономики,
академик Международной академии наук высшей школы
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 37) 227 15 71
sirodj1950@mail.ru

Сорокин Сергей Витальевич

Аспирант кафедры экономической теории и мировой экономики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 37) 227 15 71; (+992) 915 006 663 (м.)
tororosso-lider@mail.ru

Одним из ключевых условий обеспечения устойчивого развития национальной экономики Республики Таджикистан является повышение конкурентоспособности отечественных предприятий. Препятствием к этому является низкое качество продукции, отсталость производства, неготовность отечественных и зарубежных инвесторов вкладывать деньги в инновационные проекты. В развитых западных странах разработана эффективная система финансирования инновационных компаний (стартапов) посредством венчурного финансирования. Данная сфера сопряжена с повышенным риском, однако приносит наибольшую доходность и способствует общему развитию высоких технологий в государстве. РТ только начинает делать первые шаги в области венчурного финансирования, что обуславливает актуальность его исследования в рамках данной статьи. Приводятся различные подходы учёных к определению понятий «венчурный капитал» и «венчурное финансирование». Рассматривается динамика объёмов венчурных инвестиций в разных странах мира за последние пять лет, проводится сравнение позиций 10 ведущих стран мира в индексе венчурной привлекательности за 2021 год с позициями, занимаемыми странами бывшего СССР. Рассматриваются первые шаги РТ в становлении венчурного финансирования и формировании инфраструктуры венчурной деятельности, приводятся примеры успешных инновационных стартап-проектов из Таджикистана. Выявлено множество различных барьеров и препятствий на пути становления и формирования венчурного финансирования в республике. Предложены меры поддержки венчурного финансирования в РТ.

Ключевые слова: венчурное финансирование; венчурный капитал; венчурный фонд; стартап; инновационная деятельность; индекс венчурной привлекательности; государственный бизнес-инкубатор; институциональная среда; нормативно-правовая база.

В настоящее время устойчивое экономическое развитие любого государства может быть достигнуто лишь благодаря эффективному использованию его инновационного потенциала и активизации инновационной деятельности. Эффективная государственная поддержка развития инновационных процессов – это ключевой фактор, обеспечивающий формирование инновационного климата и производство конкурентоспособной продукции. Для успешной реализации инновационной модели развития государства необходимы надёжные и эффективные источники финансирования. Мировой опыт передовых инновационных экономик показывает, что венчурное финансирование – это наиболее действенный способ привлечения инвестиций в инновационную деятельность и поддержки стартап-проектов. Венчурный капитал через систему прямого инвестирования высокорисковых стартапов, инновационных продуктов и услуг создаёт определённый синергетический эффект в экономике государства: формирование и совершенствование новых технологий и продуктов в одной сфере деятельности даёт мощный импульс к развитию в других сферах экономики. Формирование эффективной системы венчурного финансирования, привлечение венчурного капитала в перспективные инновационные направления способны повысить не только объём инновационной экономики РТ, но и позволит диверсифицировать отечественную экономику и вывести её на новый уровень развития.

Очевидно, что развитие индустрии венчурного капитала и прямого инвестирования в Республике Таджикистан должно стать одним из приоритетных направлений государственной инновационной политики и необходимым условием активизации инновационной деятельности, повышения конкурентоспособности отечественной промышленности.

Существуют разные способы финансирования инновационных проектов: банковские кредиты, собственные средства изобретателей, средства пенсионных фондов, страховых организаций и т.д. Но важнейшим источником финансирования инновационных проектов всегда был и остаётся венчурный капитал. Впервые термин «venture capital» использовал Жан Виттер в своём президентском обращении к Ассоциации инвестиционных банков Америки в 1939 году. Название «венчурный» происходит от английского «venture», которое переводится в известном словаре В.К.Мюллера как «рискованное предприятие или начинание», «спекуляция», «сумма, подвергаемая риску» [13]. Сам термин «рисковый» подразумевает, что во взаимоотношениях капиталиста-инвестора и предпринимателя, претендующего на получение от него средств, присутствует элемент авантюризма. Существует множество определений того, что такое венчурный капитал, все они так или иначе сводятся к его функциональной задаче: способствовать росту конкретного бизнеса путём предоставления определённой суммы денежных средств в обмен на долю в уставном капитале или некий пакет акций, но единого определения нет.

Как вид деятельности, венчурное финансирование начало формироваться в США после Второй мировой войны в 1946 году с основания Дж.Дорио Американской корпорации исследований и развития. В 1958 году Конгресс США при-

нял решение о начале реализации программы Small Business Investment Company (SBIC), в рамках которой правительство США предоставляло доступ к государственному финансированию молодым растущим компаниям при условии одновременного привлечения средств со стороны частных инвесторов. Именно в процессе развития программы SBIC стали образовываться независимые частные венчурные фонды, венчурный капитал получил своё организационное оформление. Очевидно, что программа SBIC США – одна из первых программ государственно-частного партнёрства в целях финансирования малого предпринимательства. Опыт США и европейских стран показывает, что формирование национальной системы венчурного инвестирования малого инновационного предпринимательства зависит от наличия эффективной государственной финансовой поддержки. Первый американский венчурный фонд был основан в 1961 г. в Силиконовой долине предпринимателем А.Роком. Основным генератором венчурного капитализма в США стала Силиконовая долина, которая постепенно превратилась в ведущий инновационный кластер мира. По мнению английского журнала The Economist, «здесь находится место постоянного базирования одного из мощнейших видов американского экономического оружия высокотехнологической промышленности венчурного капитализма» [19, с.19].

Самой успешной в мире моделью формирования венчурного финансирования и переориентации экономики на инновационный путь развития признана модель Израиля и его государственная программа «Yozma». Израиль перенял опыт венчурного финансирования Силиконовой долины США и успешно реализовал его у себя с помощью различных программ научно-технической политики в 90-е годы конца прошлого века. Если США понадобилось 45 лет для формирования венчурной индустрии, то Израилю хватило всего 15. Венчурный капитал в Израиле сыграл решающую роль в развитии промышленности информационных технологий (с 1990 по 2000 год продажи высокотехнологичной продукции информационных технологий выросли в 4 раза). Д.А.Марьясис отмечает, что «программа «Yozma» позволила нарастить объемы венчурного капитала, увеличить количество венчурных фондов и привлечь опытных иностранных инвесторов, что также способствовало повышению уровня доверия к венчурной индустрии Израиля и получению бесценного опыта зарубежных коллег. Таким образом, основным результатом деятельности программы «Yozma» стало формирование системы венчурного инвестирования как основного источника развития сектора высоких технологий страны» [11, с.92-106].

Вне США и Израиля венчурная индустрия успешно развивается в странах Европейского Союза, Канаде и странах Юго-Восточной Азии.

В настоящее время существует множество трактовок категорий «венчурный капитал» и «венчурное финансирование». Далее в таблице 1 рассмотрим некоторые из них.

Таблица 1

**Различные определения понятий «венчурный капитал»
и «венчурное финансирование»**

Автор	Определение
Российская ассоциация венчурного инвестирования (РАВИ)	«Венчурный капитал – это вложения в компанию на венчурных стадиях (посевная, начальная, ранняя и в некоторых случаях расширение)» [см. 12, с.5]
Национальная ассоциация венчурного инвестирования в США (NVCA)	«Венчурный капитал – это сегмент индустрии частного капитала, сконцентрированного на инвестициях в новые предприятия, имеющих высокий потенциал роста и сопровождающихся высоким риском» [см. 12, с.5]
Европейская ассоциация прямого и венчурного инвестирования (Invest Europe)	«Венчурный капитал – это тип частного капитала, инвестируемый в предпринимательский и инновационный бизнес с целью его роста и продвижения» [см. 12, с.5]
В.И.Громека	«Венчурный капитал – это капиталовложения в нечто новое с большим риском и большим потенциальным вознаграждением, вложение средств в «зарождение» бизнеса, негарантированные инвестиции, инвестиции с расчетом на получение прироста капитала» [4, с.134]
В.М.Аньшин, С.А.Филин	«Венчурный капитал – это особая форма вложения капитала в объекты инвестирования с высоким уровнем риска в расчете на быстрое получение высокой нормы дохода» [1, с.59]
Р.В.Приходько	«Венчурный капитал – это денежные ресурсы одних предпринимателей и интеллектуальные возможности других (перспективные идеи или технологии), которые объединяются в рамках создаваемой фирмы для того, чтобы в новой компании принести прибыль обоим предпринимателям» [14, с.51]
Х.У.Дёриг	«Венчурный капитал – это капитал, вложенный в рискованное предприятие: особый вид финансирования вновь организованных предприятий или молодых компаний с потребностью в рисковом капитале, для которых в большинстве случаев из-за отсутствия обеспечения невозможно обычное финансирование» [5, с.180]

М.Плам	«Венчурный капитал – это средство для создания и финансирования успешных молодых компаний, зачастую „с листа”, обладающих перспективами быстрого роста» [18, с.30]
В.И.Воронцов и Л.В.Ивина	«Венчурное финансирование – это долгосрочные рискованные инвестиции частного капитала в акционерный капитал вновь создаваемых малых высокотехнологических компаний или уже зарекомендовавших себя венчурных предприятий, ориентированных на разработку и производство наукоемких продуктов, для их развития с целью получения прибыли от прироста стоимости вложенных средств» [2, с.11]
Т.С.Колмыкова	«Венчурное финансирование – это долгосрочные инвестиции в проекты, имеющие значительные финансовые перспективы, но не дающие полной гарантии успеха. Объектами венчурного финансирования, как правило, выступают высокотехнологические стартапы или перспективные инновационные проекты действующих предприятий» [7, с.150]
Отчёт «Венчурное финансирование в Республике Беларусь»	«Венчурное финансирование – это тип финансирования, при котором институциональные и индивидуальные инвесторы предоставляют начинающим или малым высокотехнологическим компаниям, имеющим долгосрочный потенциал роста, денежные средства в целях реализации такими компаниями высокорисковых инновационных проектов. Данный вид финансирования характеризуется высокой степенью риска для инвестора и потенциально высокой доходностью. В обмен на такие инвестиции инвесторы, как правило, получают вознаграждение в виде прибыли или акций (долей) в уставном капитале компании» ¹

Анализируя вышеприведённые определения, можно сделать вывод, что в основе венчурного финансирования лежат долгосрочные рискованные инвестиции для перспективных, инновационных стартапов, то есть венчурный капитал. Этот капитал призван поддержать начинающие молодые компании, дать им возможность вырасти в эффективный бизнес-проект, приносящий прибыль как самой компании, так и инвесторам, которые её профинансировали. К основным осо-

¹ Венчурное финансирование в Республике Беларусь. Отчёт по итогам исследования в рамках проекта Aid-Venture. Минск, 2017. URL: www.bel.biz

бенностям венчурного капитала можно отнести: высокую степень риска (в случае провала – потеря инвестором вложенных средств, в случае успеха – получение инвестором значительной прибыли); основная сфера вложений венчурного капитала – инновационная деятельность; отсутствие залогового обеспечения; долгосрочный период инвестирования (5-10 лет); многостадийность венчурного процесса (1. seed («ранняя», «посевная»), 2. start-up («старт», «начальная»), 3. early stage или early growth («ранний рост»), 4. expansion («расширение»), 5. exit или liquidity stage («выход», «фаза ликвидности»)) и длительный период ожидания ликвидности; синергетическую связь финансового и человеческого капитала; значительные финансовые затраты на предварительные исследования.

Венчурный капитал является элементом системы многоканального финансирования инноваций, который направлен на преодоление существующей технологической отсталости от промышленно-развитых стран. Его использование способно решить проблемы повышения конкурентоспособности экономики; обеспечить долгосрочный, устойчивый экономический рост; уменьшить зависимость страны от экспорта инноваций и т.д.

На данном этапе становления инновационного предпринимательства в РТ развитие венчурного финансирования способно активизировать: во-первых, инновационную способность отраслей и предприятий национальной экономики; во-вторых, инвестиционную активность сферы инновационной деятельности; в-третьих, инновационные и интеграционные процессы науки и производства; в-четвёртых, процессы институционализации развития венчурного предпринимательства. Это даёт основание указать на создание необходимых условий в стране для реализации отечественной модели венчурного финансирования и венчурного предпринимательства (в особенности на создание исчерпывающих нормативных актов, регулирующих деятельность венчурных фондов и венчурных компаний).

Необходимость появления новых форм и механизмов хозяйствования, адекватных экономической природе инновационной деятельности, также связана с возникновением венчурного предпринимательства, где высок уровень риска из-за характера движения и использования в нём информации и знаний. Инновационное и венчурное предпринимательство организовано на основе использования знаний, трансформирующихся в инновации.

Венчурный капитал становится главным источником долгосрочных инвестиций предпринимательской деятельности, реализующей «рисковые инновации». Сейчас большое внимание уделяется проблеме процесса выбора инновационных проектов для финансирования. Модель венчурного предпринимательства основывается на совершенно новой системе финансовой поддержки предпринимательских проектов, которая существенно отличается от традиционных банковских операций по кредитованию [8, с.189].

Анализ развития инновационного предпринимательства в Таджикистане показывает, что существующие объёмы инвестиций, направляемые в инновационную деятельность в субъектах предпринимательства недостаточны. На наш взгляд, инвестиционная деятельность в РТ должна быть построена на эффективной модели инновационного предпринимательства и государственно-частного

партнёрства в инновационной сфере [9, с.157-161]. Для создания такой эффективной модели, во-первых, необходимо увеличить государственные расходы на поддержку развития инновационного предпринимательства в стране; во-вторых, с целью активизации инновационного предпринимательства следует трансформировать национальную экономику и перевести её на инновационный путь, одновременно вкладывая при этом значительные финансовые ресурсы в развитие человеческого капитала; в-третьих, субъектам инновационного предпринимательства необходимо активизировать инновационную деятельность на основе реализации различных проектов по производству наукоемких и конкурентоспособных товаров и услуг; в-четвёртых, целесообразно определить возможности заимствования и адаптации зарубежного опыта развития инновационного предпринимательства с учётом особенностей механизмов его активизации в условиях РТ [10, с.19-24].

Далее рассмотрим динамику объёмов венчурных инвестиций в разных странах мира за последние пять лет.

Таблица 2

**Объёмы венчурных инвестиций в разных странах мира
(в миллионах долларов США)**

Страна или категория	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год
Объём мирового рынка венчурных инвестиций (приблизительные данные)	340000	294000	340000	745100	525800
США	116994	114341	126216	254405	190502
Китай	112000	51000	н/д	н/д	н/д
Индия	6000	11100	10000	н/д	н/д
Израиль	4806	7251	9390	8387	н/д
Великобритания	2745	3349	3406	6156	3526
Канада	2662	3439	2942	9418	6916
Корея	1976	2708	2581	4669	3666
Франция	1751	2164	2163	3440	3822
Германия	1772	2379	2134	4932	3605
Япония	2285	2502	2074	3031	н/д
Россия	766	861	705	2930	819
Нидерланды	489	701	902	2180	1123
Швейцария	529	553	622	737	841
Швеция	517	402	676	1162	1023
Финляндия	265	321	499	932	349
Казахстан	9,16	9,27	27,8	н/д	н/д
Беларусь	н/д	45,6	36	н/д	н/д

Узбекистан	н/д	н/д	н/д	н/д	3-4
------------	-----	-----	-----	-----	-----

Составлено авторами по данным следующих источников: [3, с.459], [6, с.104], [15], [17], [20], [21], [22].

Таблица 2 показывает, что США являются абсолютными лидерами в развитии венчурной индустрии и занимают половину общего объема мирового рынка венчурных инвестиций. Стоит также отметить всё возрастающую роль Индии и Китая в развитии венчурной отрасли. Так, Китаю в 2018 году практически удалось догнать США по объёму венчурных сделок. Но затем в 2019 году в Китае объёмы рынка венчурного капитала резко сократились. Это произошло из-за сокращения темпов роста экономики, банкротства более трёх сотен стартапов, нестабильных политических и внешнеэкономических отношений с США и ряда других причин.

Для выявления уровня развития венчурного инвестирования в странах может быть использован метод оценки венчурной привлекательности государства с помощью интегрального индекса. Этот индекс использует в своих исследованиях Бизнес-школа IESE (IESE Business School). Он позволяет выявить страны, наиболее привлекательные для венчурного инвестирования. Индекс рассчитывается по трем параметрам: предпринимательская активность, инновационная эффективность, производственная результативность. Далее в таблице 3 рассмотрим позиции 10 ведущих стран в рейтинге и сравним их с позициями стран бывшего СССР.

Таблица 3

Сравнение позиций 10 ведущих стран мира в индексе венчурной привлекательности за 2021 год со странами бывшего СССР

Страна	Место	Баллы
США	1	100.0
Великобритания	2	90.3
Япония	3	87.4
Германия	4	87.3
Канада	5	87.2
Сингапур	6	85.0
Китай	7	84.7
Австралия	8	84.0
Южная Корея	9	83.8
Франция	10	83.6
Российская Федерация	30	66.1
Эстония	38	61.0
Литва	45	57.3
Казахстан	54	54.1
Латвия	64	50.2
Беларусь	73	47.3

Украина	80	40.7
Армения	90	32.9
Грузия	92	31.7
Азербайджан	94	30.3
Кыргызстан	98	28.3
Молдова	101	27.0

Составлено авторами по источнику: *The Venture Capital and Private Equity Country Attractiveness Index 2021*. URL: <https://blog.iese.edu/vcpeiindex/>

В рейтинг 125 ведущих стран мира по венчурной привлекательности в 2021 году не вошли Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан.

В минувшем 2022 году объем глобального венчурного инвестирования составил \$525,8 млрд. против \$745,1 млрд. по итогам 2021 года. Различные эксперты отмечают, что более низкие результаты прошлого года можно считать некоторым сдуванием «венчурного пузыря», образовавшегося в 2021 году.

Венчурное инвестирование стало еще более рискованным из-за растущих процентных ставок, устойчиво высокой инфляции, геополитических проблем, включая военные действия на Украине, а также из-за сохраняющихся опасений относительно стабильности мировой банковской системы. Но, несмотря на все риски, именно венчурное финансирование является важнейшим драйвером развития инновационных технологий, поэтому крайне важно развивать его в РТ.

В настоящее время на развитие НИОКР в РТ выделяется лишь 0,12% от ВВП страны. В ближайшие годы эта цифра вряд ли изменится. Очевидно, что слабое развитие инновационной деятельности в РТ связано в первую очередь с нехваткой финансирования для осуществления необходимых инвестиций. Решение данной задачи в значительной степени зависит от возможности, умения использовать современные финансовые инструменты и механизмы для привлечения в высокотехнологичную сферу экономики внебюджетных ресурсов. Одним из наиболее перспективных путей реализации высокорисковых, наукоёмких, инновационных проектов является венчурное инвестирование, эффективность которого подтверждена мировой практикой [8, с.191].

Следует отметить, что существующая система государственной поддержки венчурного финансирования в Республике Таджикистан находится на начальном этапе становления и не носит целостного, взаимосвязанного характера, а венчурная деятельность только начинает делать первые шаги. Впервые на стартапы в РТ и венчурный капитал стали обращать внимание с 2018 года, когда появился государственный бизнес-инкубатор. После своего создания государственный бизнес-инкубатор стал развивать и популяризировать инновационное и венчурное предпринимательство в нашей стране, в частности в регионах (филиалы были открыты в Бохтаре, Кулябе, Худжанде, Хороге и Канибадаме), путем организации образовательных проектов, тренингов и мастер-классов; стал оказывать методологическую, информационную, консультативную поддержку предпринимателям и отечественным стартапам. Важная часть работы государственного бизнес-инкубатора – развитие молодёжного и женского предпринимательства в

республике, а также инкубация и акселерация, консультация и поиск возможностей для финансирования бизнес-проектов. С помощью государственного бизнес-инкубатора были реализованы несколько успешных проектов: «Ecoplast» – проект, направленный на переработку первичной и вторичной пластиковой тары и производство из нее тротуарных плиток; «Yakdu» – информационный и консультационный проект в сфере здравоохранения; «Daily opportunity» – проект, ориентированный на поиск и распространение долгосрочных и краткосрочных образовательных программ и др.

Следующим важным шагом в формировании венчурной деятельности в Таджикистане стало открытие первой школы венчурных инвесторов и бизнес-ангелов «Tajikistan Venture Capital» в Душанбе 29 марта 2022 года государственным бизнес-инкубатором в сотрудничестве с Программой развития Организации Объединённых Наций (ПРООН), USAID, инвестиционно-управляющей компанией "FIFTYFIVE GROUP" и партнёрами из бизнес-инкубатора Казахстана «Most Ventures». Основная цель школы – содействие в улучшении доступа инновационных стартапов и перспективных бизнес-идей к финансовым ресурсам, а также плодотворному сотрудничеству потенциальных стартаперов и инвесторов; проведение различных тренингов, образовательных программ, семинаров, мастер-классов об особенностях венчурного финансирования, инвестирования, развития благоприятной экосистемы для появления стартапов в РТ, в том числе с привлечением спикеров из других стран; разработка первичных баз данных стартаперов и потенциальных инвесторов в Таджикистане.

Помимо государственного бизнес-инкубатора Таджикистана и школы венчурных инвесторов «Tajikistan Venture Capital», развитием стартапов в стране занимаются различные международные организации, путем финансовой поддержки молодых предпринимателей. Среди них – Программа развития ООН в Таджикистане, «Peak Tajikistan», «Startup Go», «Accelerate Prosperity» и другие. Например, только «Peak Tajikistan» за время своей деятельности поддержал около 100 стартапов. Самая большая сумма финансирования стартапов со стороны «Accelerate Prosperity» составила 50 тысяч долларов США. Именно международные организации и доноры являются на данный момент основным источником финансирования отечественных стартапов и венчурного предпринимательства в РТ.

Следует также отметить, что в Таджикистане много талантливых, целеустремлённых молодых людей, способных объединяться в команды и создавать, развивать и реализовывать инновационные, перспективные бизнес-идеи. Одними из самых успешных стартапов в РТ являются: zypl.ai; yalla.tj; dastras.tj; [smartsohtmon](http://smartsohtmon.tj); [go.livo](http://go.livo.tj); vezoo.tj; [flysoft](http://flysoft.tj); "Алиф банк"; образовательный центр «Илмхона»; [startup Choikhona](http://startupchoikhona.tj); [start-up Weekend Tajikistan](http://start-upweekend.tj) и др. [Zypl.ai](http://zypl.ai) является ярким примером стартапа из Таджикистана, который продвигает свой софт на основе искусственного интеллекта. На данный момент более 20 финансовых учреждений на 6 рынках – от ОАЭ до Казахстана – используют софт на основе искусственного интеллекта от zypl.ai для кредитного скоринга. Инвесторами zypl.ai являются Tumar Venture Fund (совместный фонд Всемирного Банка и правитель-

ства Казахстана), Battery Road Digital Holdings (фонд известного американского инвестора Дэвида Халперта), Presto Ventures (Чехия) и другие из более 10 стран, а текущая оценка стартапа составляет \$25 миллионов. Во время программы Silkway Accelerator стартапу Zypl.ai удалось привлечь \$1,1 млн. инвестиций от фондов Aloqa Ventures (Узбекистан), Activat (Казахстан), UzVC National Venture Fund в партнерстве с другими зарубежными фондами¹. Ещё один пример успешного стартапа из Таджикистана – «Алиф банк». «Алиф» был создан в 2014 году как микрофинансовая организация. В 2020 году Нацбанк Таджикистана поднял ее статус до уровня полноценного банка. Начав деятельность в 2014 году всего с тремя сотрудниками, сейчас штат банка насчитывает более 800 сотрудников в Таджикистане и Узбекистане. Команда «Алиф» поменяла мнение людей о безналичных платежах и облегчила доступ к банковской системе, и кредитам в частности. В 2021 году «Fintech finance news» оценил суммарную стоимость «Алиф Банка» на рынке в 100 млн долларов США².

Анализ развития венчурного финансирования в РТ выявляет множество различных проблем и препятствий для появления инновационных стартапов и становления венчурного предпринимательства. Множество стартапов с основателями из Таджикистана вынуждены релоцироваться, выбирать другую юрисдикцию или вовсе прекращать свою деятельность из-за высокой налоговой нагрузки, отсутствия финансовой поддержки, различных бюрократических барьеров, взяточничества и вымогательства. Релокация стартапов – это уход будущей прибыли, утечка молодых инновационных кадров. Всё это подводит к следующему выводу: если РТ не будет развивать венчурное финансирование и создавать благоприятную институциональную среду для появления инноваций, то тогда свободные средства и инвестиции потенциальных таджикских инвесторов будут уходить за рубеж, они будут вкладывать не в локальные, а в международные стартапы.

Одним из основных сдерживающих факторов формирования венчурной деятельности в РТ является отсутствие специальных нормативно-правовых документов, регулирующих и стимулирующих развитие венчурного финансирования. В первую очередь, государственная поддержка венчурного финансирования в РТ должна быть направлена на создание благоприятной институциональной среды инновационного и венчурного предпринимательства. П.Д.Ходжаев и Б.Х.Нурдинов отмечают, что «для формирования благоприятного правового климата в стране с целью стимулирования венчурной отрасли необходимо принять Закон «О венчурных фондах», а также в рамках нормативно-правовых инструментов государственной поддержки венчурной отрасли в РТ для всестороннего её развития разработать «Концепцию развития венчурного финансирования в РТ» и этический кодекс, регулирующий поведение субъектов венчурной отрасли» [16, с.202]. На наш взгляд, в нормативно – правовой базе венчурного финансирования РТ важно прописать и дать чёткие определения таким понятиям, как:

---

¹ <https://digitalbusiness.kz/startap-iz-tadzhikistana-vo-vremya-programmy-silkway-accelerator-privlek-1.1-mln-investiczi/>

² В статье использованы материалы с сайта. URL: www.asiaplustji.info

«конвертируемый займ», «опцион», «колл – опцион» и «пут – опцион», «ликвидационная привелегия», «drag along» и «tag along», «локап – период» «возмещение потерь (indemnity)», «гарантии и заверения об обстоятельствах» и др. В настоящее время важнейшей задачей является формирование государством эффективной институциональной базы венчурной отрасли. Необходимо создать первый венчурный фонд с обязательным участием в нём государства, а затем постепенно сформировать Ассоциацию венчурного инвестирования РТ, деятельность которой была бы направлена на продвижение и привлечение венчурного капитала в отечественные стартап-проекты, проведение научных исследований рынка венчурных инвестиций в стране, подготовку и переподготовку специалистов по венчурному инвестированию. Создание венчурного фонда и Ассоциации венчурного инвестирования в РТ позволит увеличить предложение финансовых ресурсов для развития инновационного предпринимательства и повысить эффективность используемых средств на исследования и разработки.

Другим препятствием на пути развития венчурного предпринимательства в РТ является высокая налоговая нагрузка и отсутствие каких-либо налоговых льгот для инновационных стартапов и венчурных инвесторов. Таджикистан входит в число стран с самой высокой налоговой нагрузкой в мире. Как показывает рейтинг Paying Taxes 2020, который был составлен одной из ведущих консалтинговых и аудиторских компаний Price water house Coopers, общая налоговая ставка в Республике Таджикистан (удельный вес налогов и взносов компаний) составляет 67,3%, что более чем в два раза выше среднего по Центральной Азии и Восточной Европе. Для примера, в Узбекистане общая налоговая ставка составляет 31,6%, в Кыргызстане – 29%, Казахстане – 28,4%. В нормативно-правовой базе венчурного финансирования РТ важно создать систему правовых гарантий и налоговых льгот для субъектов инновационного бизнеса, разработать целостную систему мер по стимулированию деятельности инновационных предприятий и поддержки венчурных инвесторов. В налоговом законодательстве РТ важно внедрить льготы при налогообложении прибыли, полученной в результате венчурной деятельности.

Дорогой и некачественный интернет в РТ является ещё одним из основных сдерживающих факторов формирования венчурного предпринимательства и развития инновационной деятельности. В глобальном рейтинге Worldwide mobile data pricing по итогам 2022 года Таджикистан занимает 131 место в мире со средней ценой в \$1,94 за 1Гб. Для сравнения: Кыргызстан – на 6 месте с \$0,17, Узбекистан – на 15-м – \$0,37, Казахстан – на 16-м – \$0,37, Афганистан – 64 место – \$0,90. В июльском рейтинге Speedtest Global Index Таджикистан по скорости мобильного интернета находится на 137 месте среди 143 стран, а по скорости фиксированного широкополосного интернета – на 130 месте среди 182 стран. Казахстан занимает 64 и 95 места, соответственно, Кыргызстан – 84-е и 86-е, Узбекистан – 112 и 87 места. Службе связи и различным интернет-провайдерам в РТ важно повысить качество предоставляемых услуг, снизить их стоимость, улучшить инфраструктуру широкополосной связи и пропускную способность сети. Повышение скорости интернета и снижение его стоимости будут способствовать

появлению новых инновационных стартапов, развитию информационно-коммуникационного сектора, формированию цифровой экономики Таджикистана.

К другим барьерам на пути становления и развития венчурного финансирования в РТ можно отнести: неразвитость фондового рынка; коррупцию; низкий уровень инновационной активности в стране; нехватку квалифицированных специалистов, которые смогли бы на высоком уровне работать в сфере венчурного предпринимательства и инновационной деятельности; низкий уровень венчурной культуры в стране и доверия к венчурным инвесторам.

Изучая опыт ведущих стран мира в области венчурного финансирования, можно сделать вывод о значительной роли государства в формировании институтов венчурного предпринимательства и создании благоприятной правовой среды для его развития. В этих странах государство финансирует различные венчурные институты и создаёт благоприятную среду для создания и развития малого и среднего бизнеса в инновационной сфере. У них развит фондовый рынок и создан эффективный сектор институциональных инвесторов. Они на своём примере дают понять, что самой эффективной моделью организации и развития венчурного бизнеса на национальном уровне является тесное сотрудничество бизнеса и государства в рамках государственно-частного партнерства.

В настоящее время первостепенными задачами РТ в становлении венчурного финансирования в стране являются: формирование понятных и чётких правил функционирования рынка венчурного предпринимательства в республике и обеспечение их неукоснительного соблюдения; предоставление государственных гарантий венчурным инвесторам и налоговых льгот предпринимателям, занимающихся инновационной деятельностью; создание эффективной системы функционирования науки и образования; разработка Концепции венчурного развития страны по международным стандартам, которая была бы привлекательна для иностранных инвесторов; создание инфраструктуры венчурной экосистемы (венчурного фонда, Ассоциации венчурного инвестирования, различных инкубаторов, акселераторов, технопарков, центров предпринимательской активности, фондовых бирж); повышение финансовой грамотности населения и его инвестиционной активности; допуск и стимулирование участия в венчурных инвестициях страховых компаний и пенсионного фонда.

Литература

1. Аньшин В.М., Филин С.А. Менеджмент инвестиций в инновации в малом и венчурном бизнесе. – М., 2003. – 359 с.
2. Воронцов В.И., Ивина Л.В. Основные понятия и термины венчурного финансирования. – М., 2002. – 336 с.
3. Гаврилина Д.Н., Элькин М.Ф. Стратегическое развитие венчурных фондов в России [Электронный ресурс] // Стратегирование: теория и практика. – 2022. – Т.2, №3. – С.454-469. – Режим доступа: <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2022-2-3-454-469>

4. Громека В.И. США: научно-технический потенциал (социально-экономические проблемы формирования и развития) / отв. ред. Ю.И.Бобраков и В.А.Федорович. – М.: Мысль, 1977. – 245 с.
5. Дёриг, Х.-У. Универсальный банк – банк будущего. Финансовая стратегия на рубеже века / пер. с нем. – М.: Международные отношения, 2001. – 383 с.
6. Казбекова Л.А. Развитие венчурного рынка в Республике Казахстан: проблемы и приоритеты / Л.А.Казбекова, А.С.Шайнуров, Н.Б.Култанова // Вестник университета «Туран». – 2022. – №2 (94). – С.100-109.
7. Колмыкова Т.С. Инвестиционный анализ: учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: НИЦ Инфра-М, 2019. – 208 с.
8. Комилов С.Дж. Теория инновационного развития: монография. – Душанбе: Шарки озод, 2019. – 264 с.
9. Комилов С.Дж. Формирование инновационного потенциала как условие индустриально-инновационного развития национальной экономики // Проблемы современной экономики. – 2019. – №2 (70). – С. 157-161.
10. Комилов С.Дж., Рахматзода Х.Б. Проблемы становления инновационного предпринимательства в Республике Таджикистан // Финансово-экономический вестник (научно-практический журнал) Государственного финансово-экономического университета. – 2021. – №2 (26) – С. 19 – 24.
11. Марьясис Д.А. Формирование и развитие кластера венчурного инвестирования. Пример Израиля // Финансы и бизнес. – 2016. – №3. – С.92-106.
12. Минникова Д.А. Венчурный капитал как фактор роста конкурентоспособности российской экономики [Электронный ресурс] // Вестник Евразийской науки. – 2020. – №1. – Режим доступа: <https://esi.today/PDF/42ECVN120.pdf>
13. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. – М.: Современная энциклопедия, 1969. – 912с.
14. Приходько Р.В. Состояние и перспективы развития венчурного финансирования в РФ и в Санкт-Петербурге // Экономика и экологический менеджмент. – 2018. – №1. – С.49-55.
15. Рынок венчурного финансирования в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – 2020. – дек. – Режим доступа: www.bikratings.by
16. Ходжаев П.Д., Нурдинов Б.Х. Некоторые особенности венчурного финансирования в Республике Таджикистан // Экономика Таджикистана. – Душанбе, 2019. – №2. – С.199-204.
17. India Venture Capital Report 2021 [Electronic resource]. – Access mode: www.bain.com/www.ivca.in
18. Plum M.Jr. Investing in Venture Capital // Venture capital seminar materials / edited by D.E.Fischer. – Washington, 1988. – 99 p.
19. Venture capitalists. A really big adventure // The Economist. – 1997. – January 25. – 320p.
20. Venture capital investments. OECD. [Electronic resource]. – Access mode: <https://stats.oecd.org/>.
21. www.kommersant.ru.
22. www.tadviser.ru

FEATURES OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF VENTURE FINANCING IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Komilov Sirojiddin Jalaliddinovich

Doctor of economic sciences,
professor of the chair of economic theory and world economy
Academician of the International Academy of sciences of higher school
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992 37) 227 15 71
sirojdj.tj@mail.ru

Sorokin Sergey Vitalievich

Postgraduate student of the chair of economic theory and world economy
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992 37) 227 15 71; (+992) 915 006 663 (m.)
tororosso-lider@mail.ru

One of the key conditions for ensuring sustainable development of the national economy of the Republic of Tajikistan is increasing the competitiveness of domestic enterprises. The obstacle to this is the low quality of products, backwardness of production, and the unwillingness of domestic and foreign investors to invest money in innovative projects. Developed Western countries have developed an effective system for financing innovative companies (startups) through venture financing. This area is associated with increased risk, but brings the greatest profitability and contributes to the overall development of high technologies in the state. The Republic of Tajikistan is just beginning to take its first steps in the field of venture financing, which determines the relevance of its research within the framework of this article. Various approaches of scientists to the definition of the concepts of “venture capital” and “venture financing” are presented. The dynamics of the volume of venture investments in different countries of the world over the past five years is examined, and the positions of the 10 leading countries in the world in the venture attractiveness index for 2021 are compared with the positions occupied by the countries of the former USSR. The first steps of the Republic of Tajikistan in the establishment of venture financing and the formation of infrastructure for venture activities are considered, and examples of successful innovative startup projects from Tajikistan are given. Many different barriers and obstacles to the establishment and formation of venture financing in the republic have been identified. Measures to support venture financing in the Republic of Tajikistan are proposed.

Keywords: venture financing; venture capital; venture fund; startup; innovation activity; venture attractiveness index; state business incubator; institutional environment; regulatory framework.

**ХУСУСИЯТҲОИ ТАШАККУЛ ВА РУШДИ
МАБЛАҒГУЗОРИИ ВЕНЧУРӢ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН**

Комилов Сирочиддин Чалолиддинович

Доктори илмҳои иқтисодӣ,
профессори кафедраи назарияи иқтисодӣ ва иқтисодиёти ҷаҳонӣ,
академики Академияи байналхалқии илмҳои мактаби олии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992 37) 227 15 71
sirojdj@mail.ru

Сорокин Сергей Виталевич

Аспиранти кафедраи назарияи иқтисодӣ ва иқтисодиёти ҷаҳонӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992 37) 227 15 71; (+992) 915 006 663 (м.)
tororosso-lider@mail.ru

Яке аз шартҳои калидии таъминсозии рушди устувори иқтисодиёти миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон баланд бардоштани рақобатпазирии корхонаҳои ватанӣ мебошад. Сифати пасти маҳсулот, қафомондагии истеҳсолот, тайёр набудани маблағгузорони ватанию хориҷӣ барои саҳмгузорӣ қардан ба лоиҳаҳои инноватсионӣ садди роҳи калонтарини ноилшавии ин мақсад мебошад. Дар кишварҳои мутараққии Ғарб низоми самараноки маблағгузории ширкатҳои инноватсионӣ (стартапҳо) тавассути маблағгузории венчурӣ хуб ба роҳ монда шудааст. Соҳаи мазкурро хатарнокии баланд тавсиф медиҳад, аммо дар баробари ин соҳаи мазкур даромаднокии баландтарин дошта, ба рушди умумии технологияҳои баланди давлат мусоидат менамояд. ҚТ дар ҷодаи маблағгузории венчурӣ акнун қадамҳои нахустини худро гузошта истодааст, ки ин мубрами таҳқиқи онро дар доираи мақолаи мазкур тақозо месозад. Муносибатҳо ва нуқтаҳои назари мухталифи олимони нисбат ба муайянсозии мафҳумҳои «сармояи венчурӣ» ва «маблағгузории венчурӣ» оварда шудааст. Динамикаи ҳаҷми сармоягузориҳои венчурӣ дар кишварҳои гуногуни ҷаҳон дар зарфи панҷ соли охир баррасӣ шуда, муқоисаи мавқеҳои 10 кишвари пешбари ҷаҳон дар намоиҳои ҷолибии венчурӣ барои соли 2021 бо мавқеҳои ишғолкардаи кишварҳои собиқ ИҶШС гузаронида шудааст. Қадамҳои нахустини ҚТ дар ташаккули маблағгузории венчурӣ ва инфрасохтори фаъолияти венчурӣ баррасӣ шуда, мисолҳои стартап-лоиҳаҳои бомуваффақияти инноватсионии Тоҷикистон оварда шудаанд. Монеаҳо ва садди роҳи сершумори мухталиф барои ташаккули маблағгузории венчурӣ дар ҚТ нишон дода шудаанд.

Вожаҳои калидӣ: маблағгузории венчурӣ; сармояи венчурӣ; фонди венчурӣ; стартап; фаъолияти инноватсионӣ; намоиҳои ҷолибии венчурӣ; бизнес-инкубатори давлатӣ; муҳити институтсионалӣ; пойгоҳи меъёрӣ-ҳуқуқӣ.

УДК 65.011

**СИСТЕМА СБАЛАНСИРОВАННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАК
ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ**

Семенова Елена Владимировна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента
Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (СЗИУ РАНХИГС)
199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний пр. Васильевского острова, 57/43
Тел.: +79119670073
elv.semenova@mail.ru
semenova-evl@ranepa.ru

Андреева Светлана Олеговна

Магистрант
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (СПбГУП)
192238, Россия, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15
Тел.: +79118230030
89118230030@mail.ru

В статье анализируются подходы к оценке эффективности предпринимательской деятельности, включая экономический, социальный и комплексный. Авторы проводят разграничение между этими подходами: экономический подход основан на анализе финансовых показателей деятельности компании; социальный учитывает уровень удовлетворенности потребителей, сотрудников, участие в решении социальных проблем; комплексный объединяет экономические и социальные аспекты. Детально рассматривается система сбалансированных показателей (BSC) с финансовой, клиентской, процессной и обучающей перспективами. Анализируются преимущества BSC: комплексный учет всех аспектов деятельности, установление взаимосвязей между показателями, динамический характер оценки, ориентация на стратегические цели. Обозначены недостатки BSC: сложность разработки и внедрения, зависимость результатов от выбора показателей, отсутствие универсальных стандартов, необходимость регулярного обновления. Сделан вывод о целесообразности использования BSC для оценки предпринимательской деятельности при условии грамотной разработки с учетом специфики компании. Актуальность исследования обусловлена необходимостью сравнительного анализа существующих подходов для выявления наиболее релевантного инструмента оценки эффективности. Выбор оптимального инструмента для такой оценки позволяет компаниям объективно анализировать свою деятельность и принимать эффективные управленческие решения. Результаты исследования позволяют определить перспективность применения BSC для повышения объективности оценки деятельности компаний.

Ключевые слова: эффективность предпринимательской деятельности; подходы к оценке эффективности; система сбалансированных показателей (BSC); преимущества и недостатки BSC.

Эффективность предпринимательской деятельности является комплексным понятием, которое включает в себя как экономические, так и социальные аспекты [7]. Экономическая эффективность предпринимательской деятельности определяется соотношением затрат и результатов деятельности предприятия. Её социальная эффективность обусловлена уровнем удовлетворения потребностей общества в товарах и услугах, предоставляемых предприятием.

В настоящее время существует множество подходов к оценке эффективности предпринимательской деятельности. Наиболее распространенными являются следующие подходы:

- Экономический подход, основанный на оценке экономических показателей деятельности предприятия, таких как прибыль, рентабельность, оборачиваемость активов и т.д.
- Социальный подход, основанный на оценке социальных показателей деятельности предприятия, таких как уровень удовлетворенности потребителей, уровень занятости, уровень заработной платы и т.д.
- Комплексный подход, основанный на оценке экономических и социальных показателей деятельности предприятия.

Экономический подход к оценке эффективности предпринимательской деятельности является наиболее распространенным. Экономическая эффективность предпринимательской деятельности определяется соотношением затрат и результатов деятельности предприятия. Результаты деятельности предприятия могут быть выражены в виде выручки от реализации продукции и услуг, прибыли, рентабельности и т.д. Затраты предприятия включают в себя материальные затраты, трудовые затраты, финансовые затраты и т.д. При оценке экономической эффективности предпринимательской деятельности необходимо учитывать следующие факторы:

- Стоимость ресурсов, используемых в процессе производства продукции и услуг;
- Объем производства продукции и услуг;
- Цены на продукцию и услуги.

Экономический подход позволяет оценить эффективность предпринимательской деятельности в динамике, что, в свою очередь, дает возможность выявить тенденции развития предприятия и принимать обоснованные управленческие решения.

К основным показателям экономического подхода к оценке эффективности предпринимательской деятельности можно отнести:

1. Прибыль – она является наиболее важным показателем экономической эффективности предпринимательской деятельности, отражая конечный финансовый результат деятельности предприятия.

2. Рентабельность продаж – показывает, какую часть выручки от реализации продукции и услуг предприятие получает в виде прибыли. Чем выше рентабельность продаж, тем эффективнее работает предприятие.

3. Рентабельность активов – показывает, сколько прибыли предприятие получает с каждого рубля активов. Чем выше рентабельность активов, тем эффективнее используется имущество предприятия.

4. Оборачиваемость активов демонстрирует, сколько раз в течение года оборотные активы предприятия участвуют в производственном процессе. Чем выше оборачиваемость активов, тем эффективнее используются оборотные активы предприятия.

5. Доходность на собственный капитал – это то, сколько прибыли предприятие получает с каждого рубля собственного капитала. Чем выше доходность на собственный капитал, тем эффективнее используется собственный капитал предприятия.

Таким образом, экономический подход является важным инструментом оценки эффективности предпринимательской деятельности. Он позволяет оценить эффективность деятельности предприятия с точки зрения использования ресурсов и получения прибыли.

Вместе с тем, экономический подход имеет ряд ограничений. Он не учитывает такие важные аспекты деятельности предприятия, как качество продукции и услуг, уровень удовлетворенности потребителей, социальная ответственность предприятия и т.д.

Социальный подход к оценке эффективности предпринимательской деятельности основан на оценке социальных показателей деятельности предприятия, таких как уровень удовлетворенности потребителей, уровень занятости, уровень заработной платы и т.д. Социальная эффективность предпринимательской деятельности определяется уровнем удовлетворения потребностей общества в товарах и услугах, предоставляемых предприятием.

К основным показателям социального подхода к оценке эффективности предпринимательской деятельности можно отнести:

1. Уровень удовлетворенности потребителей — это показатель, отражающий степень удовлетворения потребителей качеством продукции и услуг предприятия;

2. Уровень занятости — это показатель, отражающий количество человек, занятых на предприятии;

3. Уровень заработной платы — это показатель, отражающий уровень оплаты труда работников предприятия;

4. Социальная ответственность предприятия — это показатель, отражающий степень участия предприятия в решении социальных проблем общества.

Уровень удовлетворенности потребителей является наиболее важным показателем социального подхода. Он отражает мнение потребителей о продукции и услугах предприятия. Уровень занятости показывает, насколько предприятие способствует созданию рабочих мест и снижению безработицы. Уровень заработной платы показывает, насколько предприятие обеспечивает достойную опла-

ту труда работникам. Социальная ответственность предприятия показывает, насколько предприятие участвует в решении социальных проблем общества, таких как охрана окружающей среды, развитие культуры и спорта и т.д.

Социальный подход так же имеет ряд ограничений. Он не учитывает такие важные аспекты деятельности предприятия, как качество продукции и услуг, уровень рентабельности и т.д.

Вместе с тем, социальный подход к оценке эффективности предпринимательской деятельности имеет ряд преимуществ перед экономическим подходом. Он позволяет оценить эффективность деятельности предприятия с точки зрения удовлетворения потребностей общества, что является более важным, чем получение прибыли. Кроме того, социальный подход позволяет оценить эффективность деятельности предприятия в долгосрочной перспективе. Таким образом, социальный подход к оценке эффективности предпринимательской деятельности является важным инструментом для обеспечения устойчивого развития общества. Экономический подход, ориентированный на краткосрочную прибыль, может привести к негативным последствиям для общества в долгосрочной перспективе, таким как загрязнение окружающей среды, снижение уровня жизни работников и т.д. Однако для более полной оценки эффективности предпринимательской деятельности необходимо использовать комплексный подход.

Комплексный подход к оценке эффективности предпринимательской деятельности является наиболее полным и объективным.

Комплексный подход к оценке эффективности предпринимательской деятельности основан на следующих принципах:

1. Системность – оценка эффективности должна охватывать все аспекты деятельности предприятия;
2. Взаимосвязь – оценка эффективности должна учитывать взаимосвязь между различными аспектами деятельности предприятия;
3. Динамика – оценка эффективности должна проводиться в динамике, чтобы выявить тенденции развития предприятия.

К основным показателям комплексного подхода к оценке эффективности предпринимательской деятельности можно отнести:

1. Экономические показатели – прибыль, рентабельность, оборачиваемость активов и т.д.;
2. Социальные показатели – уровень удовлетворенности потребителей, уровень занятости, уровень заработной платы и т.д.;
3. Экологические показатели – уровень загрязнения окружающей среды, уровень использования возобновляемых источников энергии и т.д.

Процесс оценки эффективности предпринимательской деятельности с использованием комплексного подхода включает в себя следующие этапы:

1. Определение целей и задач оценки;
2. Выбор системы показателей;
3. Сбор и обработка информации;
4. Расчет показателей;
5. Анализ результатов.

На этапе постановки целей и задач оценки следует определить, какие аспекты деятельности предприятия необходимо оценить. На этапе выбора системы показателей необходимо выбрать показатели, которые позволят оценить эффективность деятельности предприятия с учетом его специфики [5]. Этап сбора и обработки информации связан со сбором данных о деятельности предприятия за определенный период времени. На этапе расчета показателей необходимо рассчитать выбранные показатели. И, наконец, анализ результатов требует не только тщательного изучения итогов деятельности предприятия, но и выводов о её эффективности.

Комплексный подход имеет ряд преимуществ перед экономическим и социальным подходами. Он позволяет оценить эффективность деятельности предприятия в целом, а также выявить ее сильные и слабые стороны. Он также дает возможность сравнивать эффективность деятельности предприятий различных отраслей и размеров.

Однако комплексный подход имеет и ряд недостатков [2, с.9.]. Он является более сложным и трудоемким, чем экономический и социальный подходы. Кроме того, при использовании комплексного подхода могут возникать проблемы с сопоставимостью показателей различных предприятий.

Сбалансированная система показателей (BSC) является инструментом, который позволяет объединить все три подхода в единую систему. BSC представляет собой набор взаимосвязанных показателей, которые отражают основные аспекты деятельности предприятия.

BSC была разработана в 1992 году Робертом Капланом и Дэвидом Нортонном и состоит из четырех перспектив [3]:

1. Финансы – отражает финансовые результаты деятельности предприятия;
2. Клиенты – отражает удовлетворение потребностей клиентов;
3. Бизнес-процессы – отражает эффективность бизнес-процессов предприятия;
4. Обучение и развитие – отражает способность предприятия адаптироваться к изменениям.

Каждая перспектива включает в себя набор показателей, которые отражают основные аспекты деятельности предприятия в данной перспективе.

BSC позволяет оценить эффективность деятельности предприятия с учетом всех аспектов деятельности. BSC является эффективным инструментом для управления предприятием и принятия обоснованных управленческих решений.

Balanced Scorecard (BSC) представляет собой интегрированную систему оценки эффективности предпринимательской деятельности, которая обладает рядом преимуществ перед альтернативными подходами:

1. Учет всех аспектов деятельности предприятия. В основе эффективной оценки бизнес-производительности лежит необходимость в комплексном и всеобъемлющем анализе всех аспектов деятельности предприятия. Этот принцип, заложенный в Balanced Scorecard (BSC), представляет собой ключевую составляющую, обеспечивающую общую эффективность организации, и выражается через ряд компонентов системы.

Первый и, вероятно, наиболее ожидаемый компонент включает в себя *финансовые аспекты деятельности предприятия*. Сюда включаются показатели, отражающие финансовое состояние компании: выручка, прибыль, затраты, инвестиции и прочее. Эти параметры формируют базовый каркас для оценки финансовой устойчивости и рентабельности предприятия.

Важным аспектом деятельности любого предприятия является *клиентская ориентированность*. В BSC уделяется особое внимание уровню удовлетворенности клиентов, их лояльности и оценкам качества предоставляемых продуктов и услуг. Эти параметры позволяют понимать, насколько компания соответствует потребностям своих клиентов и какие усилия необходимы для улучшения этого аспекта.

Неотъемлемой частью деятельности предприятия являются *процессы, связанные с производством продукции или предоставлением услуг*. BSC включает в себя оценку эффективности этих процессов: начиная от оценки качества производства и заканчивая скоростью реагирования на потребности рынка.

Аспект развития и инноваций также занимает важное место в BSC. Это включает в себя оценку инновационных процессов, уровня исследований и разработок, а также способности компании к адаптации к изменяющимся рыночным условиям.

Следующим критическим аспектом является *человеческий капитал и организационная культура* [1, с.4]. В BSC уделяется внимание оценке уровня удовлетворенности сотрудников, развитию их профессиональных навыков, а также анализу того, насколько организационная культура соответствует стратегическим целям предприятия.

2. *Взаимосвязь показателей*. Следующим важным аспектом комплексности BSC является его системность. Это означает, что все показатели в BSC взаимосвязаны между собой. Изменение одного показателя может привести к каскаду изменений в других областях. Этот аспект отражает глубокое понимание того, что все аспекты бизнеса взаимосвязаны и влияют друг на друга. Можно привести ряд примеров, который отражают данный тезис.

Первый пример взаимосвязи показателей касается финансовых результатов и клиентской ориентированности. Высокий уровень удовлетворенности клиентов может привести к увеличению выручки и улучшению финансовых показателей компании. В свою очередь, улучшение финансовых результатов может содействовать улучшению условий предоставления продукции или услуг для клиентов. Другой аспект взаимосвязи касается процессов и инноваций. Эффективные процессы могут быть ключевым фактором в успешной реализации инноваций. С другой стороны, инновационные изменения могут требовать пересмотра и улучшения текущих бизнес-процессов. Также существует тесная взаимосвязь между человеческим капиталом и организационной культурой. Уровень удовлетворенности сотрудников может сказаться на качестве и эффективности их работы. Сотрудники, которые чувствуют себя удовлетворенно и мотивированно, чаще готовы вкладывать больше усилий в достижение стратегических целей компании. Важно также подчеркнуть связь между финансовыми показателями и развитием

компании. Инвестиции в развитие и инновации могут сказаться на финансовых результатах в будущем. В то же время финансовая стабильность предоставляет компании ресурсы для инвестирования в свое развитие. Например, если предприятие решает улучшить качество своей продукции, это может привести к сокращению числа возвратов от клиентов. Это, в свою очередь, может сократить расходы на обработку возвратов и улучшить общую репутацию компании, что, в конечном итоге, может сказаться на финансовых показателях.

3. *Динамичная оценка эффективности.* Одним из существенных преимуществ Balanced Scorecard (BSC) является его способность к динамичной оценке эффективности предприятия. Этот аспект предполагает постоянное отслеживание и анализ результатов и показателей деятельности компании в реальном времени.

Современная бизнес-среда характеризуется высокой динамичностью и быстрыми изменениями. Компании подвергаются воздействию множества факторов: изменения рыночной конъюнктуры, появление новых технологий, адаптация к потребностям потребителей и многое другое. В этой ситуации важно иметь инструмент, который позволяет оперативно реагировать на изменения и адаптироваться к ним. BSC позволяет компаниям мониторить как стратегические, так и тактические показатели. Это означает, что организация может отслеживать как общий прогресс в достижении стратегических целей, так и более детальные аспекты своей деятельности. Например, оценка эффективности отдельных процессов, уровня удовлетворенности клиентов или эффективности маркетинговых кампаний.

В современной бизнес-реальности изменение стратегии может стать неотъемлемой частью выживания и роста компании [8]. Динамичная оценка эффективности в BSC предоставляет компании возможность быстро оценить, насколько новая стратегия соответствует поставленным целям, и при необходимости скорректировать планы. Рынок поддается колебаниям, и компаниям важно иметь возможность адаптироваться к этим изменениям. Динамичная оценка в BSC позволяет мгновенно реагировать на изменения внешних условий и принимать меры по поддержанию конкурентоспособности.

4. *Ориентация на стратегические цели.* Наконец, BSC позволяет оценивать эффективность деятельности предприятия с точки зрения достижения стратегических целей. Это позволяет компании не только измерять текущую производительность, но и анализировать, насколько она соответствует стратегическим направлениям развития. Этот аспект выступает как ориентир для компании, указывая на ключевые направления развития и цели, которые необходимо достичь для обеспечения успеха. BSC позволяет компаниям определить свои стратегические цели с максимальной ясностью и конкретностью. Например, если цель компании – увеличение доли рынка, BSC помогает разбить эту амбициозную цель на конкретные задачи, определить необходимые ресурсы и действия для ее достижения.

Ориентация на стратегические цели также предполагает постоянный мониторинг и измерение прогресса в достижении поставленных целей. BSC предо-

ставляет набор ключевых показателей, которые позволяют компании оценить, насколько близко она подходит к достижению своих стратегических целей. Стратегические цели не являются статичными, поэтому в современной быстро меняющейся бизнес-среде компании часто вынуждены адаптироваться к новым условиям. BSC предоставляет компаниям возможность быстро пересматривать свои стратегические цели и, при необходимости, корректировать пути и методы их достижения. Ориентация на стратегические цели позволяет компании выравнивать все свои действия и ресурсы в соответствии с поставленными целями. Каждый аспект деятельности компании, начиная с операционных процессов и заканчивая управленческими решениями, подчиняется стратегическим целям.

Сбалансированная система показателей (BSC) представляет собой мощный инструмент для оценки эффективности предпринимательской деятельности, однако она также имеет свои недостатки. На наш взгляд, основные из них это:

1. *Сложность в разработке и внедрении.* Разработка и внедрение BSC может потребовать значительных ресурсов и времени. Разработка и внедрение BSC представляют собой сложный и многокомпонентный процесс, требующий тщательного планирования и анализа. Этот аспект имеет свои особенности, которые необходимо учитывать при принятии решения о внедрении данной системы управления в организацию. Первой и основной сложностью является *необходимость проведения детального анализа всех аспектов бизнеса.* Это включает в себя изучение финансовых показателей, анализ производственных процессов, оценку эффективности маркетинговых кампаний и многое другое. Только имея полное представление о функционировании компании, можно корректно определить ключевые показатели для включения в BSC. Вторым значимым этапом является *четкое определение стратегических целей компании.* Это требует не только понимания текущего положения предприятия, но и анализа рыночной конкуренции, прогнозирования развития отрасли и определения долгосрочных целей компании. Недостаточное внимание к этому этапу может привести к неправильному выбору показателей и, как следствие, к искажению общей картины. *Выбор подходящих ключевых показателей (KPI)* является одним из самых ответственных этапов. Необходимо не только выбрать показатели, отражающие реальные аспекты бизнеса, но и учесть их взаимосвязь и влияние друг на друга. Это требует экспертного знания и аналитических навыков. Внедрение BSC часто предполагает *изменения в корпоративной культуре организации.* Важно обеспечить поддержку и понимание сотрудниками необходимости внедрения новой системы управления и привнесения изменений в текущие рабочие процессы. Следует учитывать, что стратегические цели компании и внешние условия могут изменяться со временем. Поэтому BSC требует *постоянного мониторинга и, при необходимости, корректировки.*

2. *Зависимость от качества выбора показателей.* Эффективность BSC в значительной мере зависит от правильного выбора ключевых показателей. Неправильно выбранные или недостаточно репрезентативные показатели могут исказить картину деятельности компании. Вместе с тем показатели должны быть тщательно подобраны так, чтобы максимально точно отражать стратегические

цели и приоритеты компании. Они должны быть измеримыми, конкретными и поддаваться анализу. Допустим, у компании есть стратегическая цель – улучшение качества продукции. В этом случае необходимо выбрать соответствующие показатели, такие как процент дефектных изделий или уровень удовлетворенности клиентов. Однако, если выбраны неподходящие или неадекватные показатели, это может исказить анализ и привести к неверным выводам. Иногда неправильный выбор показателей может привести к искажению реальной картины деятельности компании. Это может произойти, если показатель, хоть и измеримый, не отражает важных аспектов работы компании. Таким образом, менеджеры могут делать решения, основанные на искаженных данных. Еще одним аспектом зависимости от качества выбора показателей является необходимость включения всех ключевых аспектов деятельности компании. Неправильное исключение каких-либо аспектов или недооценка их важности может привести к неполной картине эффективности бизнеса. Кроме того, выбор показателей также включает в себя понимание и оценку взаимосвязей между ними. Например, как изменение одного показателя может повлиять на другие? Определение этих взаимосвязей требует глубокого анализа и экспертного знания. Таким образом, определение подходящих показателей может быть сложной задачей, особенно в сферах с высокой степенью специфичности. Например, как измерить эффективность творческого процесса или уровень инновационности компании? Эти аспекты могут быть трудно выражены в числовых значениях.

3. *Отсутствие стандартизации показателей и необходимость постоянного обновления.* Одной из главных сложностей в применении BSC является отсутствие единого стандарта для выбора и измерения показателей. Каждая отрасль, каждая компания имеют свои особенности, свои цели и приоритеты. Вследствие этого существует риск выбора неправильных, не применимых или малоинформативных показателей, что может привести к искаженной оценке эффективности деятельности организации. Например, для компании, занимающейся производством технических устройств, критически важными будут показатели, связанные с качеством продукции, эффективностью производства, а также уровнем удовлетворенности клиентов. В то время как для финансового учреждения такие показатели, как активы, кредитоспособность и уровень риска, будут приоритетными. Отсутствие стандартизированных наборов показателей затрудняет сравнение результатов различных компаний и индустрий. Другой существенной сложностью является необходимость постоянного обновления BSC. Стратегические цели организации, а также внешние факторы, воздействующие на неё, могут меняться со временем. Это требует регулярного пересмотра выбранных показателей и их соответствия новым целям и реалиям. Если, к примеру, компания начинает новый проект, меняющий приоритеты, или сталкивается с новой конкуренцией на рынке, показатели, отражающие успех и эффективность, могут потребовать пересмотра. Такая необходимость в постоянном обновлении требует дополнительных усилий и ресурсов.

BSC представляет собой мощный инструмент, позволяющий компаниям оценивать свою эффективность с различных ракурсов. Её комплексный характер

позволяет учитывать все аспекты деятельности предприятия, включая финансовые, клиентские, процессные и обучающие. Эта система показателей способствует улучшению стратегического планирования и принятию более обоснованных управленческих решений. Системность BSC, представляющая собой взаимосвязанность показателей, позволяет компании видеть целостную картину своей деятельности. Взаимосвязь между различными аспектами бизнеса становится более очевидной, что способствует более глубокому анализу и пониманию внутренних процессов [10]. Однако, несмотря на все её преимущества, BSC не лишена недостатков. Следует отметить сложность в разработке и внедрении, а также зависимость от качества выбора показателей. Процесс анализа и выбора ключевых показателей требует глубокого понимания специфики компании и её отрасли. Ошибки на этом этапе могут привести к искажению реальной картины эффективности. Другим значимым аспектом является необходимость постоянного обновления BSC. В условиях постоянно меняющейся бизнес-среды и стратегических приоритетов, выбранные показатели могут потребовать пересмотра. Это требует дополнительных ресурсов и внимания со стороны управленцев. Несмотря на выявленные недостатки, BSC остается значимым инструментом для оценки эффективности предпринимательской деятельности. Её комплексный подход и способность учитывать различные аспекты бизнеса делают её незаменимой для компаний, стремящихся к улучшению своей производительности и достижению стратегических целей. Однако следует помнить, что успешное использование BSC требует компетентного подхода к разработке, внедрению и постоянному обновлению этой системы показателей.

Литература

1. Волков И.В. Особенности коммуникативного потенциала современных менеджеров среднего звена // Вестник Мининского университета. – 2019. – Т.7, №4(29). – С.10.
2. Баранова А. Ю. Оценка эффективности функционирования предпринимательских структур в индустрии гостеприимства: монография. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 141 с.
3. Башкатова Ю.И. Разработка конкурентной стратегии развития на основе сбалансированной системы показателей и классических моделей стратегического менеджмента предприятия [Электронный ресурс] / Ю.И.Башкатова, Н.И.Решетько // Интернет-журнал "Науковедение". – 2014. – №2 (21). – Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/483797> (дата обращения: 10.09.2023)
4. Зеленов В.В. Формирование системы управленческого учета в предприятиях общественного питания // Вестник университета. – 2015. – №10. С.24-28.
5. Зенченко И. В. Организационный механизм разработки системы сбалансированных показателей (на примере АО «Новотроицкий цементный завод») / И.В.Зенченко, Л.В.Пасечникова. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2019. – 161 с.
6. Крылов С.И. Развитие методологии анализа в сбалансированной системе показателей: монография. – 2-е изд., с изм. – М.: Финансы и статистика, 2021. – 152 с.
7. Малушко Е.Ю., Лизунков В.Г. Система электронного образования как инструмент повышения конкурентоспособности специалиста в условиях цифровой экономики // Вестник Мининского университета. – 2020. – Т. 8, №2. – С.3.

8. Савицкая Г.В. Анализ эффективности и рисков предпринимательской деятельности: методологические аспекты: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 291 с. DOI 10.12737/23374.
9. Kozlova E.P. Formation of an effective mechanism for sustainable development of industrial enterprises / E.P.Kozlova, Y.S.Potashnik, M.V.Artemyeva, E.V.Romanovskaya, N.S.Andryashina // Lecture Notes in networks and systems. – 2020. – №73. – P.545-556.
10. Potashnik Y.S. The status and trends in innovative activity of industrial enterprises of Nizhny Novgorod region / Y.S.Potashnik, M.V.Artemyeva, S.N.Kuznetsova, A.P.Garin, E.N.Letyagina // Lecture notes in networks and systems. – 2020. – №73. – P.525-534.

BALANCED SCORECARD AS A TOOL FOR EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF BUSINESS ACTIVITIES: ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

Semenova Elena Vladimirovna

Candidate of economical sciences, associate professor of the chair of anagement
Northwestern Institute of management
Russian Academy of National economy and public administration
under the President of the Russian Federation (SZIU RANEPa)
199178, Russia, St. Petersburg, Sredny ave. Vasilyevsky Island, 57/43
Ph.: +79119670073
elv.semenova@mail.ru
semenova-evl@ranepa.ru

Andreeva Svetlana Olegovna

Master's student
St. Petersburg humanitarian university of Trade Unions (SPbSUP)
192238, Russia, St. Petersburg, st. Fuchika, 15
Ph .: +79118230030
89118230030@mail.ru

The article deals with approaches to assessing the effectiveness of business activities, including economic, social and complex. The authors differentiate between these approaches: the economic approach is based on an analysis of the financial performance of the company; social takes into account the level of satisfaction of consumers, employees, participation in solving social problems; comprehensive combines economic and social aspects. The Balanced Scorecard (BSC) is discussed in detail from financial, customer, process and learning perspectives. The advantages of BSC are analyzed: comprehensive accounting of all aspects of activity, establishment of relationships between indicators, dynamic nature of the assessment, focus on strategic goals. The disadvantages of the BSC are identified: the complexity of development and implementation, the dependence of the results on the choice of indicators, the lack of universal standards, and the need for regular updating. It is concluded that it is advisable to use the BSC for assessing business activities, provided that it is properly developed taking into account the specifics of the company. The relevance of the study is due to the need for a comparative analysis of exist-

ing approaches to identify the most relevant performance assessment tool. Choosing the optimal tool for such an assessment allows companies to objectively analyze their activities and make effective management decisions. The results of the study make it possible to determine the prospects of using BSC to increase the objectivity of assessing the activities of companies.

Keywords: business efficiency; approaches to performance assessment; Balanced Scorecard (BSC); advantages and disadvantages of BSC.

**НИЗОМИ НИШОНДИХАНДАҶОИ МУТАВОЗИН ҲАМЧУН
АСБОБИ АРЗЁБИИ САМАРАНОКИИ ФАЪОЛИЯТИ СОҲИБКОРӢ:
БАРТАРИЯТ ВА КАМБУДИҶО**

Семенова Елена Владимировна

Номзади илмҳои иқтисодӣ, дотсенти кафедраи менеҷменти
Институти Шимолӣ-Ғарбии
Академияи хоҷагии халқ ва хизмати давлатии Россия
назди Президенти ФР (СЗИУ РАНХИГС)
199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний пр. Васильевского острова, 57/43
Тел.: +79119670073
elv.semenova@mail.ru
semenova-evl@ranepa.ru

Андреева Светлана Олеговна

Магистрант
Донишгоҳи гуманитарии иттифоқҳои касабаи Санкт-Петербург
(СПБГУП)
192238, Россия, Санкт-Петербург, кӯч. Фучик, 15
Тел.: +79118230030
89118230030@mail.ru

Дар мақола муносибатҳо ба арзёбии самаранокии фаъолияти соҳибкорӣ, аз ҷумла фаъолияти иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва маҷмӯӣ бо таҳлил фаро гирифта шудаанд. Муаллифон дар байни ин муносибатҳо фарқият мегузоранд: муносибати иқтисодӣ ба таҳлили нишондиҳандаҳои фаъолияти молиявии ширкат асос меёбад; муносибати иҷтимоӣ сатҳи қаноатмандии истеъмолкунандагон, кормандон, иштирок дар ҳал намудани мушкилоти иҷтимоиро ба назар мегирад; муносибати маҷмӯӣ ҷиҳатҳои иқтисодӣ ва иҷтимоиро муттаҳид месозад. Низомии нишондиҳандаҳои мутавозин (BSC) бо дурнамои молиявӣ, муштаридорӣ, равандӣ ва таълимдиҳанда бо тамоми ҷузъиёт баррасӣ шудаанд. Бартариятҳои BSC таҳлил карда шудаанд: ба инobatгирии маҷмӯии ҳамаи ҷиҳатҳои фаъолият, ташаккули робитаи байни нишондиҳандаҳо, хусусияти динамикии арзёбӣ, самтгирӣ ба мақсадҳои стратегӣ. Камбудии BSC: мураккабии коркард ва воридсозӣ, вобастагии натиҷаҳо аз интиҳоби нишондиҳандаҳо, набудани стандартҳои универсалӣ, зарурати навсозии мунтазам нишон дода шудаанд. Доир ба мақсаднок будани истифодабарии BSC барои арзёбии фаъолияти соҳибкорӣ ба шартҳои коркарди босаводона бо инobatии хусусияти ширкат хулоса бароварда шудааст. Мубрами таҳқиқотро зарурати таҳлили муқоиса-

вии муносибатҳои мавҷуда барои ошкорсозии асбоби релевантноктарини арзёбии самаранокӣ тақозо менамояд. Интихоби асбоби оптималӣ барои чунин арзёбӣ ба ширкатҳо барои объективона таҳлил намудани фаъолияти худ ва қабул намудани қарорҳои самаранокӣ идорӣ имкон медиҳад. Натиҷаҳои таҳқиқот барои муайян намудани дурнамои татбиқи BSC барои баланд бардоштани объективнокии арзёбии фаъолияти мусоидат менамоянд.

Вожаҳои калидӣ: самаранокӣ фаъолияти соҳибқорӣ; муносибатҳо ба арзёбии самаранокӣ; низоми нишондиҳандаҳои мутавозин (BSC); бартарият ва норасоӣҳои BSC.

УДК 339.9 (~)

**ТРАНСГРАНИЧНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ТАДЖИКСКОГО
И АФГАНСКОГО БАДАХШАНА**

Раджабеков Гуломсафдар Джамиевич

Кандидат экономических наук
Институт гуманитарных наук
Памирского Филиала Национальной академии наук Таджикистана
736002, Республики Таджикистан, Хорог, ГБАО, ул. Охонджонова, 45
Тел.: (+992) 93 570 30 30 (м.)
safdarraiabek@gmail.com

Додаева Насиба Ахмадовна

PhD соискатель
Институт гуманитарных наук
Памирского Филиала Национальной академии наук Таджикистана
736002, Республики Таджикистан, Хорог, ГБАО, ул. Охонджонова, 45
Тел.: (+992) 93 398 00 88 (м.)
nasiba_ahmadovna@mail.ru

В статье рассматриваются основные аспекты процесса трансграничной интеграции таджикского и афганского Бадахшана. Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что обе страны не имеют выхода к морю и остро нуждаются в приграничной торговле для удовлетворения своих растущих локальных потребностей, имеющих взаимообогащающий характер на таких окраинах, как, например, Бадахшан. Целью исследования является сравнительный анализ и оценка первых опытов интеграционных процессов, значительно повышающих качество жизни населения этих горных регионов в условиях рыночной экономики по четырем основным аспектам: а) повышение уровня образования и его влияние на продвижение по работе и улучшение условий жизни; б) развитие необходимой инфраструктуры и соответствующие изменения предпочтений населения; в) обеспечение экономического роста за счет более эффективного использования скудных земельных ресурсов и возможности освоения новых земельных участков и г) улучшение медицинского обслуживания населения с помощью усовершенствования медицинских услуг. Методика исследования основана на системном анализе количественных и качественных показателей деятельности отдельных структур и их влияния на изменение качества жизни отдельных домохозяйств и селений в целом. В заключение приведены первичные выводы по результатам указанной деятельности, которая, скорее всего, имеет тенденцию к дальнейшему развитию в соответствии с законами рыночной экономики.

Ключевые слова: трансграничная интеграция; развитие человеческого потенциала; берегоукрепительные работы; ирригация; трансграничные ирригационные трубопроводы; медицинские услуги; приграничные рынки.

Памир как отдельная горная система, по определениям географов, занимает общую территорию почти 92 тыс. км², которая расположена между Гиндукушем с юга и запада, Алайским и Заалайским хребтами с севера и Куньлунь с востока [1, 4; 5, 15; 7, 13]. Эта территория в административном понимании именуется Бадахшаном, и основная ее часть разделена рекой Пяндж на Таджикский и Афганский Бадахшан. Население обоих берегов реки Пяндж имеют общее наследие и одинаковые традиции, культуру, язык, природные ресурсы и религию. В результате большой игры между Россией и Англией в конце XIX века она была разделена на две сферы влияния, образовав впоследствии две отдельные одноименные области в составе Советского Союза и Республики Афганистан. Невзирая на такое судьбоносное разделение, оба берега Пянджа продолжали иметь тесные контакты между собой, которые впоследствии в середине 30-х годов прошлого столетия после закрытия границы со стороны Советского Союза оборвались на период более 5 десятилетий до середины 80-х годов прошлого века. Первый практический шаг к интеграции этих двух областей состоялся уже в 1987 году, когда в рамках оказания помощи Афганистану со стороны Советского Союза было решено осуществлять передачу электроэнергии из ГБАО в приграничные районы Афганского Бадахшана, правда, в мизерном объеме – всего лишь 50 кВт – для обеспечения 100 домохозяйств приграничного района Шугнана [8, с.125]. Год спустя передача электроэнергии началась из Дарвазского района ГБАО в приграничные районы Афганского Бадахшана с целью электроснабжения для 200 семейств [8, с.125]. Данный шаг спустя полвека содействовал возобновлению связи между этими двумя берегами Пянджа, которая постепенно расширилась и охватила другие сферы жизнедеятельности левобережья реки.

Разумеется, в политической сфере уже к 1987 году стало ясно, что Афганистан еще не готов к демократической системе управления, хотя правительство преименовало страну в Республику Афганистан и широко проводило политику так называемого национального примирения, цель которой заключалась в прекращении войны и создании единого с моджахедами правительства во благо всего населения страны. Более того, к этому моменту уже шли разговоры о выводе Советского воинского контингента из Афганистана, что вдохновило лидеров различных группировок к усилению своей деятельности, особенно в периферийных провинциях страны. Одним из таких отдаленных уголков Афганистана как раз и является Бадахшан, где усилились военные действия моджахедов, что привело к частым стычкам между правительственными силами и силами оппозиции. Многие сотрудники правительственных структур стали жертвами таких нападений, определенное количество получило различной степени ранения. Поскольку их лечение было невозможно в условиях Афганского Бадахшана, правительство страны обратилось с просьбой об оказании медицинской помощи со стороны Таджикского Бадахшана. Руководство Республики Таджикистан положительно отнеслось к указанной просьбе и, в свою очередь, обратилось к центральному руководству Советского Союза. Получив одобрение, медики приступили к оказанию медицинской помощи и размещению больных в областной больнице города

Хорога, практически создав второе направление сотрудничества и интеграции между этими двумя регионами. Одновременно с этим областная больница стала принимать также и тяжело больных пациентов Афганского Бадахшана. Наряду с этим лечение получили и простые граждане левобережной части, для которых нахождение в Хорогской больнице давалось гораздо легче и экономичнее, чем отправка в Файзабад или в долгий и трудный путь до Кабула, дорога до которого местами находилась под пристальным контролем сил оппозиции. Самоотверженным трудом таджикские медицинские работники в те трудные годы спасли многие жизни наших соседей. Можно сказать, что аналогичная помощь практически продолжалась и в тяжелые 90-е годы.

Распад Советского Союза и обретение независимости в Таджикистане было сопряжено с началом гражданской войны в стране, в результате чего многочисленные таджикские семьи, покинув свои родные места, оказались на территории Афганистана, где получили на определенное время как крышу над головой, так и гуманитарную помощь. Данный факт являлся одним из приоритетных вопросов УВКБ ООН и новообразованного правительства Таджикистана, которое прилагало все усилия к тому, чтобы наряду с прекращением гражданской войны также способствовать возвращению беженцев на родину, и в первую очередь из соседнего Афганистана (на территории Афганистана находилось примерно 60 тыс. человек)¹.

Следует отметить, что 90-е годы принесли огромные потрясения для обеих стран, и если в Таджикистане уже с середины 1997 года наблюдались постепенное налаживание обстановки и нормализация жизни, то в Афганистане, наоборот, к этому моменту власть в третий раз переходила из одних рук в другие. Так, в апреле 1992 года после падения режима Наджибуллы власть сначала перешла в руки лидера НФСА (Национальный Фронт Спасения Афганистана, созданный им в 1979 году) Себгатуллы Моджадедди, а затем, с 28 июня того же года, в руки Бурханиддина Раббани² – таджика, лидера партии ИОА («Исламское общество Афганистана», созданное в 1972 году), а после взятия Кабула талибами в сентябре 1996 года власть практически перешла в руки талибов, которые постепенно начали предпринимать попытки в последующие годы устанавливать свои законы и в северных провинциях Афганистана, угроза которой, возможно, и способствовала росту и стремительному возвращению большого числа беженцев на последнем – третьем этапе.

Разумеется, после взятия столицы Афганистана талибы направили свои силы на захват северных районов страны, которые пока оставались вне сферы их влияния. Эти районы оставались под контролем Ахмадшаха Масъуда и Абдурашида Дустума, создавших вместе с другими более мелкими лидерами так называемой

¹ Беженцы таджикской войны: умирая дома и на чужбине – интервью У.Рашидова Центрально-азиатской аналитической сети. URL: <https://www.caa-network.org/archives/9236> посетил 20.07.2023

² После падения режима доктора Наджибуллы лидеры моджахедов во время встречи в Пешаваре заключили так называемое Пешаварское соглашение, на основе которого власть в стране переходит в руки С.Моджадидди и через три месяца – лидера Исламского общества Афганистана Б.Раббани, создав, таким образом, временное правительство до всеобщих выборов в стране.

северный альянс и препятствовали талибам в их продвижении в северную часть страны, признавая правительство Раббани как легитимное. Правительство Раббани же, в свою очередь, пыталось с помощью северных соседей, с одной стороны, урегулировать конфликт [6, с.198-199] в стране, а с другой – содействовать осуществлению некоторых проектов в подконтрольных ему районах. Так, еще в 1997 году по его приглашению в северные провинции Афганистана, прежде всего в Бадахшан и Парван¹, был приглашен инженер-энергетик из Таджикистана С.Расулов с целью анализа и выявления потенциальных мощностей рек и обоснования возможного сооружения миниэлектростанций на них. После нескольких краткосрочных посещений Расулов подготовил доклад для компании Барки Точик по данному вопросу, где указал на возможность строительства 14 гидроэлектростанций общей мощностью 71,8 МВт, из которых только две были предложены для строительства в провинции Бадахшан общей мощностью 51,2 МВт (ГЭС Шуробак – 50 МВт и ГЭС Ярдар – 1,2 МВт), а остальные (в объеме 20,6 МВт) – в провинции Парван. Из этих 12 станций для провинции Парван 9 миниэлектростанций объемом 16,8 МВт было рекомендовано построить на реке Панджшир² [9, с.135-136]. Данный факт, с одной стороны, показал, что легитимное правительство страны все еще стремится к улучшению жизненных условий на подконтрольных ему территориях, а с другой – продемонстрировал режиму Талибан, что существующее правительство имеет тесные контакты с северными соседями и в сила препятствовать их натискам и стремлению к захвату всей территории Афганистана.

Необходимо подчеркнуть, что еще до этого, т.е. начиная с начала 90-х годов, структура Сеть Развития Агахана (АКДН), имея информацию о проживании большого числа исмаилитов на территории Таджикистана, стала проявлять интерес к этой республике и уже с получением политической независимости предложила свои услуги для повышения экономического благосостояния жителей юго-восточной части страны, что было крайне необходимо для прекращения гражданской войны и подъема разрушенной экономики. АКДН приступила к своей деятельности в Таджикистане с 1993 года в рамках Фонда Ага Хана с целью оказания гуманитарной помощи ГБАО для предотвращения острой нехватки продовольствия после распада СССР и развязывания гражданской войны в стране. С учетом важности оказания помощи, в 1994 году в рамках данной организации был создан центр гуманитарной помощи (ФОКУС)³, на базе которого уже в сле-

---

¹ До 2004 года долина Панджшер в административном плане относилась к Парванской провинции, и с 2004 года была образована Панджшерская провинция с центром Бозорак как отдельная административная единица в Афганистане.

² Следует отметить, что ТЭО одной станции под названием Поранде на реке Пандшир мощностью 1200 кВт было подготовлено и представлено правительству Раббани для реализации.

³ Центр по оказанию гуманитарной помощи (ФОКУС) — международное агентство по реагированию на кризисы и управлению рисками стихийных бедствий. ФОКУС оказывает экстренную помощь сообществам, пострадавшим от стихийных бедствий или техногенных кризисов. ФОКУС реализует программы по снижению риска бедствий в районах, подверженных стихийным бед-

дующем году был образован **ФОКУС США** и потом также и **ФОКУС Канады**. Начиная с 1996 года **ФОКУС США** развернул свою деятельность в Таджикистане и пришел на помощь жителям Таджикистана и Афганистана, оказывая гуманитарную помощь жителям обеих частей Бадахшана. Поскольку жители обоих берегов Пянджа сильно нуждались в аналогичной помощи, АКДН решила создать аналогичные центры под названием **ФОКУС Таджикистана** и **ФОКУС Афганистана** непосредственно на местах, которые стали заниматься основной миссией данной организации по оказанию чрезвычайной помощи в результате стихийных и других бедствий. Более того, **ФОКУС Афганистана** был вовлечен в предоставление гуманитарной помощи жителям левобережной части реки Пяндж и продолжает эту деятельность по сей день.

Другим немаловажным фактором данного этапа являлось стремление правительства Таджикистана, невзирая на тяжелое положение в стране, к расширению своих торгово-экономических связей со странами региона, и особенно с Афганистаном, которые более быстрыми темпами стали развиваться после решения внутренних проблем к началу нового тысячелетия и после формирования нового правительства в Афганистане, приступившего с помощью международных организаций к восстановлению отраслей народного хозяйства. Независимая таджикская республика, не имеющая выхода к морю, достаточно ясно осознавала важность региональной интеграции, всесторонне отраженной специалистами в научных исследованиях [2; 4; 10], и невзирая на тяжести гражданской войны сумела уже к концу 90-х годов наладить тесные взаимоотношения со многими странами и международными организациями, заинтересованными также в вопросах восстановления и развития экономики Афганистана, особенно после установления нового строя с конца 2001 года. Уже в марте 2002 года был подписан протокол о восстановлении линий электропередач между Министерством энергетики Таджикистана и Министерством энергетики и водного хозяйства Афганистана, что было благополучно завершено компанией «Барки Точик» за предельно короткий срок [3, с.187].

Начиная с этого периода интеграционные процессы между двумя странами приобрели более всесторонний и всеобъемлющий характер, охватывая основные аспекты жизнедеятельности обеих стран, среди которых более быстрыми темпами развивались взаимоотношения между двумя частями Бадахшана. Более того, важно отметить, что, согласно мировым оценкам по индексу человеческого развития, северо-восточные районы Афганистана (провинции Бадахшан, Баглан, Кундуз и Тахар) являются одними из самых неразвитых районов страны, и поскольку Афганистан в целом является одним из самых отсталых районов мира, то эти районы замыкают список в этом отношении в мировом масштабе¹. Поэтому развитие интеграционных процессов между двумя Бадахшанами имело важ-

---

ствиям, и участвует в программах переселения и реинтеграции населения, перемещенного в результате гражданской нестабильности или конфликтов.

¹ Global Data on Subnational Index of Human Development for Afghanistan (from 1991 to 2021). URL: <https://globaldatalab.org/shdi/table/shdi/> (дата обращения: 20.07.2023)

ное экономическое значение для обеих стран, способствуя экономическому росту и созданию благоприятных условий для роста и развития жизнедеятельности и жизненного стандарта населения этих горных районов. Данные интеграционные процессы, главным образом, были сфокусированы и осуществлены в четырех основных сферах:

- 1) развитие человеческого и общественного капитала путем усовершенствования образования и образовательных структур;
- 2) развитие современной инфраструктуры;
- 3) содействие улучшению условий жизни и обеспечению экономического роста;
- 4) повышение качества здравоохранения и оздоровительных услуг для населения региона.

Опыт развития мировой экономики в XX веке ясно демонстрировал, что основным показателем роста и развития отдельных стран является их кадровый потенциал, который вносит соответствующие изменения в конъюнктуру этих стран. Недаром у входа в Стелленбосский университет, расположенный в ЮАР, висит такое напоминание: «Уничтожение любой нации не требует атомных бомб или использования ракет дальнего радиуса действия. Требуется только снижение качества образования и разрешение обмана учащихся на экзаменах. Пациенты умирают от рук таких врачей. Здания разрушаются от рук таких инженеров. Деньги теряются от рук таких экономистов и бухгалтеров. Справедливость утрачивается в руках таких юристов и судей. Крах образования – это крах нации»¹.

В рамках усовершенствования образования уже после официального открытия Школы профессионального и непрерывного образования Университета Центральной Азии (ШПИНО) в 2006 году в городе Хороге было решено открытие отделения этой школы также и в Файзабаде – столице Афганского Бадахшана, который фактически приступил к работе уже с 2010 года. Данная школа открыла краткосрочные курсы для взрослого населения, чтобы вооружать его новыми профессиональными навыками по бухгалтерскому учету, информационным технологиям, региональной экономической кооперации и развитию сельских общин. Уже к первой трети 2014 года более 13,5 тыс. представителей молодежи и взрослого населения проходили через эти курсы, из которых, по сообщению этой же школы, которая ведет учет успешности своих выпускников, 60% обучаемых получили продвижение по работе и улучшили свои жизненные условия [14, с.62]. Многие студенты этой школы прошли курс обучения на территории Таджикистана, в городе Хороге, по указанным специальностям и проверяли полученные знания со студентами из Таджикистана, обогащая приобретенные знания на практике. ШПИНО впоследствии создал 6 образовательных центров на территории Афганистана, из которых 4 расположены в Афганском Бадахшане и еще 2 в Кабуле. Начиная с 2014 года до настоящего времени более 40 тыс. человек прошли через предлагаемых курсы, и примечательно то, что в 2022 году 53% участ-

---

¹ Надпись о важности образования у входа над воротами Стелленбосского университета в ЮАР. URL: <https://socratifv.net/quotes/neizvestnyi-avtor/260723> (дата обращения: 20.07.2023).

ников школы составляли женщины¹ [12, с.2]. За указанный период было опубликовано более 50 учебников и руководств на языке дари, в результате чего, согласно проведенному опросу среди учащихся университета в 2022 году, выявлено, что 69% выпускников улучшили свое жизненное благосостояние, 22% получили новую работу, 35% – поступили в вуз, 4% – получили международные стипендии и 8% начали новые предпринимательские дела. Из числа 30 человек, проходивших курсы по навыкам профессионального электрика, больше половины получили работу в Бадахшанской Энергетической Компании [12, с.2]. Одним словом, ШПИНО за период с 2014 года по настоящее время стала важным звеном в получении новых знаний, новых навыков и улучшении благосостояния населения в таком отдаленном регионе страны, как Бадахшан.

Большие возможности для приграничной интеграции наблюдаются в рамках развития современной инфраструктуры, от которой прямо зависит жизненный стандарт приграничных районов Афганского Бадахшана. В этом направлении проводится серия работ по обоюдному согласию. Первая и, можно сказать, основополагающая работа заключается в постепенной электрификации Афганского Бадахшана за счет прокладки линии электропередачи из таджикской стороны. Данная работа осуществляется поэтапно, и на первом этапе планировалось постепенное подключение более 35 тыс. домохозяйств Афганского Бадахшана к локальному энергоузлу ГБАО. Электрификация быта населения Бадахшана в значительной степени улучшила качество жизни и способствовала снижению использования биомассы в первую очередь в приготовлении пищи, сократила зависимость освещения от дорогого и привезенного дизельного топлива, а также способствовала продвижению учебы и обучению молодого поколения, которое получило дополнительные возможности для занятий в темный период времени. Более того, стоимость электроэнергии гораздо дешевле по сравнению с привозным дизельным топливом и не имеет никаких экологических последствий для окружающей среды.

Следующим этапом развития данной области стало создание аналогичной компании на территории Афганского Бадахшана под названием «Бадахшанская Энергетическая Компания», образованная в 2017 году, которая занимается созданием энергетического узла в провинции Бадахшан. Другим немаловажным фактором в области развития энергообеспечения Афганского Бадахшана считается соглашение, заключенное между Таджикистаном и Пакистаном по строительству линии электропередачи в этой стране. Так, в рамках строительства Рогунской гидроэлектростанции в республиканском масштабе планируется строительство ЛЭП-765 кВ из этой станции через Хорог и Ваханский коридор до Пешавара в Пакистане, где протяженность только таджикской части составляет 650 км. Общая стоимость этого проекта оценивается в объеме более 274 млн. долл. США, благодаря чему ЛЭП сможет пропускать до 8,6 млрд. кВт.ч электроэнергии

---

¹ Мы выражаем свою сердечную благодарность руководителю ШПИНО Афганистана г-ну Рахман Назар Фархаду и Руководителю ШПИНО Душанбе г-ну Хайришо Шонусайриеву за предоставление указанного отчета.

гии в течение года [3, с.188]. Осуществление указанного проекта будет обеспечивать электричеством одного из самых отдаленных районов Афганистана – Ваханский корридор и одновременно будет способствовать электрификации труднодоступных районов северо-востока Пакистана.

Наряду с электрификацией, важное место в области развития инфраструктуры Афганского Бадахшана занимает налаживание транспортной связи с областным центром – городом Файзабадом, между отдельными приграничными районами, а также с таджикской стороной на отдельных участках. Вопрос строительства дорог на территории Афганистана решается в рамках международной помощи, в то время как прокладка транспортной связи с таджикской стороны требует сооружения нескольких мостов в разных районах наибольшего проживания населения приграничных районов, которые способствовали бы более эффективному оказанию гуманитарной помощи международными организациями, а также содействовали бы созданию приграничной торговли между этими двумя областями для взаимного экономического роста, улучшения жизни и благосостояния населения этих горных долин. Поэтому по взаимному соглашению правительства Таджикистана и руководства Афганистана при финансовой помощи Фонда Агахана начались строительные работы по возведению мостов через реку Пяндж, которые планировалось построить на четырех участках в районах Ишкашим, Хоррог, Вандж, Дарваз¹. За пределами Бадахшана так же намечалось сооружение трех мостов в районе Дашти Джум, Нижний Пяндж и Фархар, из которых к данному моменту мосты в Дашти Джуме и мост в Нижнем Пяндже уже построены. Последний является самым важным связующим звеном между этими двумя странами, по которому доставляется почти 95% грузов на территорию Афганистана из Республики Таджикистан [15, с.11]. Строительные работы по возведению мостов начались еще в 1999 году. Что же касается моста в районе селения Кокули Фархарского района, то его строительство началось в 2020 году и намечалось завершить уже в 2022 году, однако после прихода к власти Талибов строительные работы приостановились и, по данным Фонда Агахана строительные работы были завершены только на 10%².

После сдачи в эксплуатацию этих мостов в трех районах Бадахшана, а именно в Ишкашине, Хорроге и Дарвазе, были открыты приграничные рынки для торговых обменов между жителями обоих берегов. Эти приграничные рынки открыли свои двери по субботам, став важным местом посещения, торговли и общения для жителей обоих берегов реки Пяндж.

Во время выступления на открытии моста Хумроги в Ванджском районе в 2011 году Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон, отмечая важ-

---

¹ Следует отметить, что во времена Советского Союза был возведен один мост через реку Пяндж в районе Лангара, строительство которого было завершено в 1978 году. Этот мост был использован во время перехода Советского воинского контингента в Демократическую Республику Афганистан как для прехода воинской части, так и для перевозки продуктов питания и предметы первой необходимости.

² Данные были получены при содействии сотрудника Фонда Агахана Мирзо Гулямова, за что мы выражаем ему свою искреннюю признательность.

ность этих мостов для экономики горных районов, также подчеркнул их глобальное значение для обеих стран. Он отметил, что «со строительством этого объекта и реконструкцией северных дорог Афганистана наша страна получит транспортное сообщение с важными портами теплых морей, особенно Персидского залива и Индийского океана, а также с крупными и развивающимися регионами мира – Западной Азией, Южной и Юго-Восточной Азией по кратчайшим маршрутам, которые для Республики Таджикистан и Исламской Республики Афганистан будут иметь не только большое экономическое и коммуникационное значение, но и политическое и геостратегическое значение. В то же время через эти дороги и мосты Афганистан найдет ближайший путь к крупным рынкам Центральной Азии, России и Китая»¹.

В области содействия повышению жизненного стандарта были проведены определенные работы по берегоукрепительной деятельности, которые способствовали сохранению орошаемых земель на берегу реки Пяндж и содействовали более эффективному использованию земельных угодий с обеих сторон, являющихся самым важным аспектом развития экономики этих горных регионов на данном этапе. Так, после сооружения четырех плотин в Теме и Вомаре с таджикской стороны и Демургон и Поджвар с афганской стороны в 2012 году 130 га земель в Шугнанской части, 400 га земель в Вомаре и Баррушане Таджикистана, а также 100 га в Поджваре и 70 га в Демургоне были защищены от эрозии во время половодья реки и в то же время содействовали освоению новых земель в объеме 200 га в Демургоне и 40 га в Поджваре, что дополнительно улучшило жизненный стандарт более 4 тыс человек [11, с.3].

Другим важным фактором освоения новых земель по обоим берегам реки Пяндж считаются отдельные участки земли, пригодные для орошения, однако не имеющие соответствующих источников воды и находящиеся достаточно высоко от уровня реки Пяндж, в то время как с противоположной стороны реки протекает необходимый источник воды, которую только нужно транспортировать на другой берег через реку путем сооружения трубопровода. Аналогичные места были основательно изучены специалистами Таджикистана и Афганистана, и их предложения были представлены как правительству своих стран, так и международным организациям. После подписания соглашения на государственном уровне аналогичные работы начались в нескольких местах, получив название «Трансграничные ирригационные проекты». Такие трубопроводы были сооружены из селений Курунджа в Тем, из Дехо в Ёгед, из Шахрисабза в Рогак с афганской стороны в таджикский Бадахшан и из Язгуляма в Омор, из Зигара в Дарум и из Дашти Шиста в Зинги Рог с таджикской стороны в афганскую часть. Только в селении Рогак такой трубопровод способен орошать более 40 га земли [11, с.3]. В одном районе Шукай было проложено два трубопровода из таджикской части в афганскую и один наоборот, которые содействовали орошению бо-

---

¹ Рахмон Э. Речь на открытии транспортного моста между Таджикистаном и Афганистаном 15 августа 2011 года, район Ванч. URL: <http://www.president.tj/all?page=727> (дата обращения: 23.08.2023)

лее 387 га земли с обеих сторон [11, с.3]. Если жители этих высокогорных районов борются за маленький клочок земли для улучшения своего жизненного уровня, то освоение столь, по меркам обеих частей Бадахшана, огромного участка земли может коренным образом изменить жизнь этих горных селений.

Важным подспорьем в деле экономического развития обоих берегов стало открытие рынков приграничной торговли в местах строительства приграничных мостов по выходным дням. В районе Ишкашим такой рынок был создан на острове на середине реки Пяндж, в районе Тема и Рузвая рынок был сооружен в таджикской части, и афганские торговцы и покупатели проходят границу без визы, находясь под наблюдением сил безопасности. Так, только до 2014 года по этим мостам с целью торговли прошли более 16 тыс. человек и товарооборот между двумя странами приблизился к одному миллиону долларов США [11, с.3], не говоря о возможности общения, обмена информацией, а также языкового обогащения. За последние годы эти рынки закрывались сперва по причине пандемии КОВИД-19, а затем уже в связи со сменой власти в Афганистане и осложнением отношений между обоими соседями. Отрадно, что недавно во время визита Основателя мира и национального единства – Лидера нации, Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в ГБАО в середине августа 2023 года данный вопрос прозвучал в речи Президента, который отметил что нужно вновь открыть эти приграничные рынки и необходимо содействовать нашим южным соседям, после чего эти рынки вновь открылись для товарооборота между двумя регионами.

Как было отмечено выше, одним из основных направлений повышения жизненного уровня жителей Афганского Бадахшана стало образование ФОКУС США и затем открытие организации ФОКУС Афганистана, которые занимались, наряду с чрезвычайными ситуациями в горных регионах Афганского Бадахшана, также и предоставлением гуманитарной помощи жителям этой страны через территорию Таджикистана. Важно подчеркнуть, что основные работники этой организации тоже являлись гражданами Таджикистана. Данная организация находилась как в Хороге, так и в Душанбе и контролировала передачу гуманитарных грузов нашим южным соседям. Грузы были переданы в районы наибольшего проживания населения. Для наглядности нами приведена таблица транспортировки продовольствия и строительных материалов только за 2013 год по основным пунктам передачи (см. табл. № 1).

Трансграничная интеграция была бы неполной, если бы такая важная сфера как сохранение жизнедеятельности жителей левого берега не принималась бы во внимание и таджикской стороной не были бы предприняты соответствующие шаги в области здравоохранения. Данные меры, хотя и частично, как уже указывалось выше, были осуществлены в советское и постсоветское время, однако более систематичный характер они приняли уже с ноября 2009 года, когда Фонд Агахана по здравоохранению с целью улучшения состояния здоровья населения и укрепления человеческих ресурсов начал заниматься повышением качества медицинского обслуживания в Афганском Бадахшане. С этой целью был образован Трансграничный Проект Здравоохранения, который предоставлял доступ к каче-

ственным медицинскому обслуживанию жителям Афганского Бадахшана, а также создавал возможность для повышения потенциала медицинских работников. Наряду с этим, таджикские специалисты, которые проходили новые курсы и семинары по офтальмологии, хирургии, гинекологии, неврологии и т.д., пересекли границу и предоставили специализированную медицинскую помощь населению в созданных службой здравоохранения медицинских центрах. Уже к концу 2013 года более 6956 пациентов были обслужены, из которых 892 пациента прошли хирургические операции во время 131 планового и 84 экстерных визитов на территорию Афганского Бадахшана. Вдобавок к этому еще 101 пациент, получив разрешение на переход границы, имел доступ к соответствующему медицинскому обслуживанию на таджикской территории [11, с.13].

Таблица 1

**Транспортировка продовольствия и строительных материалов
в Афганский Бадахшан в 2013 году (в тоннах)**

№	Пункт транспортировки	Пшеница	Масло	Фасол	Соль	Другие продукты питания	Строительные материалы
1	Тем - Хорог	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	19.00
2	Вандж	127.85	9.45	15.32	1.28	7.04	46.25
3	Зигар - Дарваз	0.00	0.00	0.00	0.00	5.00	0.61
4	Нулванд - Дарваз	63.23	4.22	8.03	0.74	17.00	85.90
5	Ширговат - Дарваз	49.50	2.97	6.60	0.66	0.00	0.00
6	Паткиноб - Дарваз	0.00	0.00	0.00	0.00	2.90	0.00
7	Калайи Хумб - Дарваз	181.85	12.75	22.46	1.98	5.00	91.48
8	Тогмай - Дарваз	73.78	3.23	7.17	0.72	5.00	76.13
9	Шипад - Рушан	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	14.00
10	Ишкашим - Ишкашим	20.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
	Итого:	516.21	32.62	59.58	5.38	41.94	333.37

Источник: Cross-Border Programme Brief. P. 11

Осознавая важность правильного диагностирования при лечении пациентов, служба здравоохранения при содействии Министерства иностранных дел Франции создала основной хаб при Хорогской областной больнице, который с помощью онлайн контакта связывался с тремя районными центрами Дарваза, Рушана и Ишкашима, а также с Национальным Медицинским Центром нашей столицы – Караболо. С афганской части аналогичный хаб связывал три медицинских центра Дарваза, Шугнана и Ишкашима, а также ФМИМР (Французский Медицинский Институт Матери и Ребенка) в Кабуле. С помощью указанного хаба районные центры по мере надобности обращались для получения необходимой консульта-

ции по поводу отдельных более сложных больных и при необходимости, даже с помощью онлайн консультации, проводили необходимые хирургические операции, получая соответствующий опыт на практике.

Одной из существенных трудностей в области медицины как ГБАО, так и Афганского Бадахшана считался вопрос правильного диагностирования болезни пациентов, что способствует эффективному лечению больных на местах и сокращению дополнительных расходов на аналогичную процедуру при посещении столичных медицинских центров. С этой целью в 2012 году при финансовой помощи МИД Норвегии и СИДА Канады в городе Хороге было открыто новое областное диагностическое отделение, которое обеспечивало доступность качественных диагностических услуг для населения обоих берегов реки Пяндж и рассчитано на обслуживание 360 тыс. чел (220 тыс. жителей ГБАО и 140 тыс. жителей Афганского Бадахшана) [11, с.13]. Это отделение, известное под названием ХОДО (Хорогское Областное Диагностическое Отделение), намечалось развивать в три этапа, начиная с улучшения лабораторных услуг за счет предоставления качественных услуг по биохимическому, гематологическому и микробиологическому тестированию на первом этапе. Важен тот факт, что жители Афганского Бадахшана, пересекающие границу, обслуживались бесплатно за счет Трансграничного Проекта Здравоохранения. Только в 2013 году данное отделение приняло более 50 тыс. пациентов для патологических исследований и более 40 тыс. – для визуализации. Соответствующим образом более 950 человек прошли патологическое обследование и более 285 человек прошли процедуру визуализации в Афганском Бадахшане [11, с.14].

Следует отметить, что впоследствии с целью создания отдельного аналогичного центра в Хороге был построен Медицинский Центр Ага Хана, приступивший к работе в ноябре 2018 года как лаборатория для проведения диагностирования больных, а затем с апреля 2019 года начал функционировать и как клиника по приему больных для лечения.

Таким образом, суммируя вышеизложенные факты по трансграничной интеграции территории двух берегов реки Пяндж в районе Бадахшана, можно заключить:

1. Наблюдается сравнительно быстрый рост процесса интеграции между двумя берегами Пянджа в период независимости Республики Таджикистан и изменения политического строя в Афганистане в начале нового тысячелетия, что создало благоприятную возможность для повышения жизненного стандарта населения и обмена накопленным опытом между этими двумя регионами.

2. Важным аспектом этой интеграции является, в первую очередь, повышение качества образования и образовательных услуг, которые, вооружая жителей афганской части новыми навыками и специальностями, способствуют значительному изменению традиционного уклада жизни и появлению новых сфер деятельности для населения этих горных районов, таких как ИТ технологии и получение возможности дистанционной работы.

3. Развитие интеграционных процессов за последние годы способствовало улучшению экономического положения жителей обоих берегов Пянджа путем

более эффективного использования имеющихся земельных угодий, создавая дополнительные возможности для орошения новых земель как с афганской территории, так и таджикской части за счет берегоукрепительных работ и создания трансграничных ирригационных трубопроводов.

4. Значительным подспорьем в деле улучшения качества жизни жителей Бадахшана становится рост и развитие медицинского обслуживания, создание нового диагностического отделения и открытие нового медицинского центра, создающие современный хаб по медицинскому анализу в отдельных районах и связывающие районные центры с основными медицинскими центрами Таджикистана и Афганистана.

5. Несмотря на то, что за последние годы после прихода талибов к власти взаимоотношения между двумя странами заметно ослабли, тем не менее, экономические связи между ними продолжают развиваться, невзирая на изменение политического климата взаимоотношений между этими странами.

Литература

1. Агаханянц О.Е. Проблемы физической географии Памира. Ч.1. – Душанбе Дониш: 1965 – 239 с.
2. Головин М.Ю. Проблемы и перспективы интеграционной группировки ЕвразЭС // Евразийская экономическая интеграция. – 2008. – №1. – С.1-14.
3. Казаков Р. Сотрудничество Республики Таджикистан и Исламской Республики Афганистан в области энергетики // Вестник Педагогического университета. – Душанбе: ТГПУ им. С.Айни, 2012. – №5 (48). – С.186-193.
4. Калиш Ян, Теория и практика интеграции стран Западной Европы: актуальные проблемы // Вестник Финансового университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2016. – №4. – С.57-62.
5. Клеандров Н.М. Экономика советского Горного Бадахшана. – Душанбе: Дониш, 1974. – 186 с.
6. Мукиджанова Р.М. Афганистан и государства Центральной Азии // Афганистан: проблемы войны и мира. – М.: ИВРАН, 2000. – С.196-210.
7. Мухаббатов Х.М., Хоналиев Н.Х. Памир: ресурсный потенциал и перспективы развития экономики. – Душанбе, 2005. – 241 с
8. Раджабеков Г.Д. Экономические проблемы послевоенного восстановления и развития энергетики Афганистана: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / Раджабеков Гуломсафдар Джомиевич. – М., 2002. – 244с.
9. Расулов С., Раджабеков Г.Д. Современное состояние энергетики Афганистана и проблемы ее восстановления // Вестник Хорогского государственного университета, Серия 2. Гуманитарные науки. – 2000. – №2. – С.131-137.
10. Фролов В.Е. Поиски взаимоприемлемых форм объединения: разнотемпная разноформатная модель интеграции как основа функционирования Содружества Независимых Государств // ИПЦ СЗИУ РАНХиГС. – 2013. – С.217-223.
11. Cross-Border Programme Brief // Annual report of Aga Khan Development Network. – 2014. – April. – 15 p.
12. Concise report of school of professional and continuing education Afghanistan activities of University of Central Asia in six months of 2023
13. Gerstle D.J. Bridging the Panj: Forging a peacebuilding livelihoods strategy on the Afghan-Tajik border // Journal of Peacebuilding & Development. Vol.2, №3, March 2006. – P.35-48

14. Rajabekov G.J. Cross-Border Integration of Tajik and Afghan Badakhshan: Reality and Opportunities // International Seminar on Heart of Asia. Sapru House. – New Delhi, 2016. – 10-11 November 2016. Abstract of report.
15. Umarov Kh. Trade and Economic Relation between the Republic of Tajikistan and the Islamic Republic of Afghanistan // Working paper / Institute of public policy and administration of university of Central Asia. – Bishkek, 2013. – №13. – 28 p.

CROSS-BORDER INTEGRATION OF TAJIK AND AFGHAN BADAKHSHAN

Rajabekov Gulomsafdar Jamievich

Candidate of economical sciences,
Institute of humanities
Pamir Branch of the National Academy of sciences of Tajikistan
736002, Republic of Tajikistan, Khorog, GBAO, st. Okhondzhonov, 45
Ph.: (+992) 93 570 30 30 (m.)
safdarrajabek@gmail.com

Dodaeva Nasiba Akhmadovna

Candidate for a degree
Institute of humanities
Pamir Branch of the National Academy of sciences of Tajikistan
736002, Republic of Tajikistan, Khorog, GBAO, st. Okhondzhonov, 45
Ph.: (+992) 93 398 00 88 (m.)
nasiba_ahmadovna@mail.ru

In the article, the main aspects of the process of cross-border integration of Tajik and Afghan Badakhshan are considered. The relevance of this issue is due to the fact that both countries are landlocked and are in dire need of cross-border trade to meet their growing local needs, which are mutually enriching in nature on such outskirts as, for example, Badakhshan. The purpose of the study is a comparative analysis and assessment of the first experiences of integration processes that significantly improve the quality of life of the population of these mountainous regions in a market economy in four main aspects: a) increasing the level of education and its impact on career advancement and improving living conditions; b) development of the necessary infrastructure and corresponding changes in the preferences of the population; c) ensuring economic growth through more efficient use of scarce land resources and the possibility of developing new land plots and d) improving health care for the population through improved medical services. The research methodology is based on a systematic analysis of quantitative and qualitative indicators of the activities of individual structures and their impact on changes in the quality of life of individual households and villages as a whole. In conclusion, primary conclusions are given based on the results of these activities, which most likely tend to further development in accordance with the laws of a market economy.

Keywords: cross-border integration; human development; bank protection works; irrigation; cross-border irrigation pipelines; medical services; border markets.

ҲАМГИРОИИ ТРАНССАРҲАДИИ БАДАХШОНИ ТОЧИКӢ ВА АФӢОНӢ

Раҷабеков Ғуломсафдар Ҷомиевич

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
Институти илмҳои гуманитарии
Филиали Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон дар Помир
736002, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Хоруғ, ВМКБ, кӯч. Охонҷонов, 45
Тел.: (+992) 93 570 30 30 (м.)
safdarrajabek@gmail.com

Додаева Насиба Аҳмадовна

PhD унвонҷӯй
Институти илмҳои гуманитарии
Филиали Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон дар Помир
736002, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Хоруғ, ВМКБ, кӯч. Охонҷонов, 45
Тел.: (+992) 93 398 00 88 (м.)
nasiba_ahmadovna@mail.ru

Дар мақола ҷиҳатҳои асосии раванди ҳамгироии транссарҳадии бадахшони тоҷикӣ ва афғонӣ баррасӣ шудаанд. Мубрамии ин масъаларо он ҷиз тақозо месозад, ки ҳар ду кишвар ба баҳр баромад надоранд ва ба савдои наздисарҳадӣ барои қонез намудани талаботи афзуншавандаи минтақавии худ саҳт ниёз доранд. Ин қабил муносибатҳо дар ҷунин ҷойҳои дурдаст ба мисли Бадахшон хусусияти мутақобилан судманд дорад. Мақсади таҳқиқот аз таҳлили муқоисавӣ ва арзёбии таҷрибаҳои аввалини раванди ҳамгирошавӣ, ки сифати зисти аҳолиро дар ин минтақаи кӯҳӣ хеле баланд месозад, иборат буда, дар шароити иқтисодиёти бозорӣ аз рӯйи ҷор ҷиҳати асосӣ арзёбӣ мешавад: а) баланд бардоштани сатҳи таҳсилот ва таъсири он ба пешравии қор, бехтар намудани шароити зист; б) рушди инфрасохтори зарурӣ ва тағйирёбии дахлдори хоҳишҳои аҳоли; в) таъмини рушди иқтисодӣ аз ҳисоби истифодаи боз ҳам самараноки захираҳои қами замин ва имконияти азхудкунии қитъаҳои нави замин ва г) бехтар намудани хизматрасонии тиббӣ ба аҳоли тавассути тақмил додани хизматрасониҳои тиббӣ. Методикаи таҳқиқот ба таҳлили бонизомии нишондиҳандаҳои миқдорию сифатии фаъолияти сохторҳои алоҳида ва таъсири онҳо ба тағйирёбии сифати зисти хоҷагиҳо ва деҳаҳои алоҳида ва дар маҷмӯъ асос ёфтааст. Дар ҳулоса натиҷагириҳои ибтидоӣ доир ба фаъолияти зикршуда, ки яқинан, мувофиқи қонунҳои иқтисодиёти бозорӣ майл ба рушди оянда доранд, оварда шудаанд.

Вожаҳои қалидӣ: ҳамгироии транссарҳадӣ; рушди нерӯи инсонӣ; қорҳо оид ба мустаққамкунии соҳил; ирригация; қубурҳои транссарҳадии ирригационӣ; хизматрасониҳои тиббӣ; бозорҳои наздисарҳадӣ.

УДК 339(575.3)

КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА СТРАНЫ В МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЫНОК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Сангинов Назрулло Сангинович

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономика и организация предпринимательства
Таджикский государственный университет коммерции
734055, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Дехоти, ½,
Тел.: (+992) 93 444 55 11 (м.)
cpte@mail.ru

В статье на основе изучения опыта развитых европейских стран, подписавших Болонскую декларацию, обоснована необходимость реформирования системы образования государств, ставших на путь индустриального развития, в том числе Республики Таджикистан, с учетом требований наступающего постиндустриального общества. Исследованы и критически оценены существующие подходы к трактовке понятия «качество образования» и определена позиция автора по данному вопросу. Проведён анализ сложившейся ситуации в сфере образования Республики Таджикистан после приобретения государственной независимости, выявлены достигнутые успехи и недостатки в этой области. Показаны основные факторы, отрицательно повлиявшие на обеспечение качества образования, с подразделением их на независимые и зависящие от субъектов управления образованием. Сформулированы адресные рекомендации, направленные на повышение качества обучения и интеграцию образовательного комплекса страны в международный рынок образовательных услуг. Обоснована необходимость ускорения процесса перехода на 12-летнее школьное образование с привлечением иностранных инвестиций. Предложено двухуровневое дерево целей, отражающее последовательность действий для достижения международных параметров качества образования, которые будут способствовать расширению мобильности и увеличению экспорта образовательных услуг.

Ключевые слова: постиндустриальное общество; образование; образовательные услуги; интеграция; международный рынок.

Современный этап развития общества характеризуется как постиндустриальный, который аккумулирует в себя суть распространённых в научных кругах понятий: «информационное общество», «общество знаний», «сервисная экономика».

Среди одиннадцати отличительных черт постиндустриального общества, выделенных видным американским учёным Даниелем Беллом в своём знаменитом труде «Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования», особое место отведено развитию науки, образования и информационных технологий. В нём он обосновывал существование так называемой «тех-

нологической лестницы», служащей основой для составления схемы сдвигов или изменений в экономике любой страны. Далее, на основе анализа сдвигов в экономике развитых стран (США, Великобритания, Япония, Германия) он приходит к выводу, что возможность продвижения стран вверх по этой технологической лестнице зависит, прежде всего, от политической стабильности, наличия большого класса квалифицированных предпринимателей и соответствующей системы образования [3, с.129-159]. Соглашаясь с выводами автора, отметим, что не просто образование, а именно качественное образование, нацеленное на конечный результат и способствующий формированию у обучающихся необходимых общих и профессиональных компетенций, является залогом успеха продвижения стран вверх по указанной технологической лестнице и, как следствие, повышения их конкурентоспособности на международном рынке образовательных услуг.

Осознавая необходимость построения фундамента для будущего ускоренного развития, академик А.М.Новиков справедливо подчёркивает необходимость заранее готовиться к встрече с будущим и готовить это будущее. Далее он отмечает, что, прежде всего, следует готовить систему образования для этого будущего, поскольку в новом постиндустриальном обществе именно ей принадлежит ключевая роль [5]. Наблюдаемые тенденции ежегодного повышения доли человеческого капитала в структуре факторов производства стран, ставших на путь индустриального развития, свидетельствуют о том, что именно на данном этапе создаются предпосылки для перехода на постиндустриальную стадию развития. Следовательно, этим странам, к числу которых относится и Республика Таджикистан, следует уже сегодня реформировать свою систему образования с учётом требований наступающего постиндустриального общества. Проводимые реформы должны основываться, прежде всего, на изучении опыта развитых стран, успешно прошедших этап индустриального развития и вступивших на путь построения постиндустриального общества.

Практика реформирования систем образования европейских стран, подписавших Болонскую декларацию, показывает, что во всех этих странах реформа начиналась с создания адекватной нормативной базы, предоставляющей им возможность взаимного признания документов об образовании и обеспечения мобильности. Следующим шагом процесса реформирования являлась разработка согласованных между ними критериев оценки качества образования с целью создания единого европейского образовательного пространства и равных конкурентных условий для активной интеграции в международный рынок образовательных услуг. Подобный подход к реформированию национальных систем образования способствовал образовательным учреждениям стран Европы, достигшим международных параметров качества, повысить свой престиж и привлекательность не только для внутренних, но и внешних потребителей образовательных услуг, невзирая на цену их приобретения.

Исходя из вышеизложенного, предполагаем, что в сферах образования и здравоохранения, хотя скрыто, но действует ещё официально не признанный специфический (частный) экономический закон «приоритет качества над ценой».

Наше предположение обосновывается тем, что даже семьи с низким уровнем доходов, иногда ценой ограничения покупки продуктов питания и одежды, стараются обеспечить своих членов сравнительно дорогостоящими, но качественными образовательными или медицинскими услугами. Следовательно, в условиях глобализации достижение сравнительно высокого качества образования является определяющим фактором обеспечения конкурентоспособности образовательных комплексов стран на международном рынке образовательных услуг.

В сложившейся ситуации исследование взаимосвязи процессов обеспечения качества образования и интеграции в международный рынок образовательных услуг приобретает особую актуальность.

Цель исследования в рамках данной статьи заключается в оценке существующих подходов к определению качества образования, выявлении основных факторов, негативно сказывавшихся на результаты образования и возможностях интеграции Республики Таджикистан в международный рынок образовательных услуг, формулировании рекомендаций по их устранению.

В опубликованной литературе встречается множество различных трактовок понятия «качество образования», которых по аналогичности содержания можно отнести к тому или иному из пяти нижеприведённых нами подходов:

1. Процессуально – результативный (интегральный) подход, сторонники которого рассматривают качество образования как совокупность показателей образовательного учреждения (содержание образования, формы и методы обучения, материально-техническая база и т.п.), обеспечивающих развитие компетенции обучаемых [10, с.4-28];

2. Целевой подход. Приверженцы данного подхода трактуют качество образования как соотношение цели и результата, как меру достижения целей [7, с.33];

3. Нормативный (государственный) подход, согласно которому качество образования рассматривается как комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающегося в степени их соответствия национальным образовательным стандартам и государственным требованиям [1, с.92.];

4. Результативный подход, согласно которому качество образования определяется как совокупность свойств и характеристик результатов образования, способных удовлетворить потребности самих обучающихся, общества, заказчиков образования [4, с.101-102];

5. Личностно-ориентированный подход, согласно которому качество образования представлено как совокупность свойств образования, обеспечивающих развитие личности в аспектах ее обученности, воспитанности, выраженности ее социальных, психических и физических параметров [6, с.31; 8, с.121.].

Каждый из вышеуказанных подходов к определению понятия «качество образования» имеет право на существование, поскольку с той или иной позиции (государства, образовательного учреждения, потребителя и т. п.) раскрывает её суть. Однако практика показывает, что отсутствие унифицированного подхода к определению «качество образования» затрудняет выработку общепринятой трактовки данного понятия, без которой невозможно построение единого оценочного

пространства. Об этом свидетельствует неидентичность критериев и индикаторов, используемых функционирующими в разных странах Агентствами по аккредитации для внешней оценки и образовательными учреждениями для внутренней оценки качества образования.

Сложившийся в воззрениях учёных многообразный перечень подходов к трактовке понятию «качество образования» вызван следующими обстоятельствами:

1. Преимущественное большинство авторов прямо или косвенно придерживаются мнения, которое считаем не обоснованным, что перенесение в сферу образования производственного понимания качества невозможно, так как потребителями образовательных услуг являются разные категории населения [2, с.23-27]. На наш взгляд, образование является своеобразным производством, конечным результатом (продуктом) которого выступает сформированная личность. Отличие заключается лишь в том, что при производстве материальных благ предметы труда (сырьё, материалы и т.п.) являются пассивными участниками данного процесса, тогда как при производстве продукта образования (сформированной личности) предметы труда (обучающиеся) принимают равное активное участие во всех стадиях процесса образования. Что касается круга потребителей, то наблюдается сходство между потребителями продукции группы «А», т. е. средств производства, и потребителями продукции образования, поскольку в обоих случаях их круг расширяется, выходит за рамки индивидуальных потребителей и включает также общество, государство и другие заинтересованные стороны.

2. Приверженцы первых трёх из вышеуказанных подходов к трактовке качества образования не улавливают (или игнорируют) существенное различие между понятиями «качество образования» и «обеспечение качества». Считаем, что почти все определения, сформулированные авторами данной группы, в той или иной степени раскрывают суть понятия «обеспечение качества», а не «качество образования». В этом отношении близки к истине определения качества образования, сформулированные авторами, которые являются приверженцами результативного и личностно-ориентированного подходов. Вместе с тем, следует отметить, что даже в этих определениях из поля зрения авторов выпадает предметный характер «качества». В них речь идёт о качестве множества результатов образования (знания, умения, навыков, компетенций и т.п.), обеспечивающих развитие личности, а не о качестве конечного продукта образования (сформированной личности), обладающего этими способностями. В этом отношении считаем обоснованным утверждение Ф.Энгельса, приведённое им в своём известном произведении «Диалектика природы», согласно которому «существуют не качества, а вещи, обладающие качествами, и притом бесконечно многими качествами» [11, с.186]. Исключением является используемое им слово «вещи», которое, на наш взгляд, имеет ограниченный смысл и приемлемо для характеристики материальных объектов. При замене слова «вещи» на словосочетание «продукты природы и труда» вышеуказанное утверждение Ф.Энгельса приобретает всеобъемлющий характер, который можно использовать в качестве основополагающего

принципа для выработки общепринятого толкования понятия «качество образования».

Анализ и критическая оценка предложенных различными авторами трактовок понятия «качество образования» с учётом вышеизложенных обстоятельств, привели нас к выводу: *под качеством образования следует понимать степень соответствия совокупных свойств и способностей сформированной в результате полученного образования личности настоящим и предполагаемым потребностям непосредственных потребителей образовательных услуг, работодателей, общества и других заинтересованных сторон.*

Предполагаем, что формулировка определения понятия «качество образования» в предложенной нами редакции более полно отражает степень соответствия конечного продукта образования предъявляемым требованиям внутренних и внешних заинтересованных сторон. Принятые и принимаемые меры, направленные на создание благоприятных условий для обучаемых и обучающихся, укрепление ресурсной базы образовательных учреждений, совершенствование технологий и методов обучения, повышение мотивации участников образовательного процесса и т.д., являются элементами механизма обеспечения качества. Они создают предпосылки для достижения необходимого качества конечного продукта образования, т.е. сформированной личности.

Придерживаясь вышеизложенного подхода, попытаемся провести факторный анализ сложившейся ситуации и дать объективную оценку степени эффективности принятых Правительством, Министерством образования и науки и учебными заведениями Республики Таджикистан мер, направленных на обеспечение качества и конкурентоспособности образовательного комплекса страны на мировой арене.

В своём выступлении 01.09.2022 года, посвящённом Дню знаний, Основоположник мира и согласия, Лидер нации Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон особое внимание уделил повышению качества образования. Он отметил: «Одной из основных целей Правительства страны в сфере высшего профессионального образования является адаптация образовательных планов и программ к требованиям международных стандартов образования и в этой связи подготовка высококвалифицированных кадров, отвечающих требованиям отечественного и зарубежного рынков труда»¹.

Согласно принятой в 2016 году Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года, наша страна уже вступила на путь индустриально- аграрного развития. В число приоритетных задач, которые подлежат решению на втором этапе её реализации, включена подготовка кадров, отвечающих требованиям современного рынка труда².

---

¹См. Эмомали Рахмон. Выступление Президента Таджикистана в День знаний 01.09.2022 г. URL: <https://imruz.tj/news-of-tajikistan/4495/>

²См. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 г.: утверждено Постановлением Маджлиси намоияндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 1 декабря 2016 года, № 636. Душанбе: Контраст, 2016. С.45.

Закономерно возникает вопрос, следует ли нам при решении данной задачи исходить из потребностей и требований лишь внутреннего (национального) рынка труда или, следуя общемировым тенденциям, происходящим под влиянием глобализации и перехода развитых стран на постиндустриальную стадию развития, готовить компетентных специалистов, отвечающих требованиям не только внутреннего, но и внешнего рынка труда?

Ответ следует в пользу последнего в силу следующих обстоятельств:

1. На данном этапе экономического развития Республика Таджикистан относится к трудоизбыточным регионам, не обладающим возможностью трудоустроить всех выпускников образовательных учреждений (особенно высших) по специальности. Об этом свидетельствуют результаты анкетного опроса выпускников вузов экономического, юридического, инженерно-технического и педагогического направлений, проведённого нами в рамках реализации проекта «Повышение эффективности взаимодействия вузов и субъектов рынка труда» ещё в 2014 году. Они показали, что более 50% выпускников образовательных учреждений высшего профессионального образования не трудоустраиваются по специальности в связи отсутствием рабочих мест или из-за неудовлетворённости размером заработной платы [9, с.154]. Заметное улучшение ситуации в этой области по сей день не наблюдается.

2. Предпосылки для перехода к постиндустриальному обществу зарождаются ещё на стадии индустриального развития. Состоятельность данного предположения подтверждается фактами стремительного повышения доли отраслей сферы услуг, расходов на образование и науку в общем объёме ВВП республики за последние годы. В частности, за последние 20 лет доля отраслей сферы услуг в общем объёме ВВП увеличилась от 31,0% в 2000 году до 43,4% в 2020 году. Доля государственных расходов на образование повысилась, соответственно, от 2,3% в 2000 году до 5,2% в 2020 году. За рассматриваемый период число учреждений среднего и высшего профессионального образования увеличилось от 83 до 119 единиц, а численность обучающихся в них - от 103 тысяч до 343,6 тысяч человек¹. Приведённые данные явно свидетельствуют о зарождении зачатков постиндустриального общества на стадии индустриального развития.

Учитывая общемировые тенденции происходящих изменений в структуре факторов производства и усиление влияния глобализации на выбор стратегии развития страны, Правительство Республики Таджикистан включило образование в число приоритетных отраслей экономики и социальной сферы. Министерством образования и науки республики приняты действенные меры, направленные на развитие и совершенствование системы образования, обеспечение доступности образования для всех слоёв населения, вхождение образовательного комплекса страны в мировое образовательное пространство. В частности, начиная с 2005/2006 учебного года, сначала вузы, а затем и учреждения среднего специального образования переведены на кредитную систему обучения. За сравни-

¹ См. Таджикистан: 30 лет государственной независимости / Статистический сборник. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 2021. С.702.

тельно короткий период времени построено, оборудовано современными техническими средствами обучения и сдано в эксплуатацию значительное число новых общеобразовательных школ, что привело к росту охвата лиц школьного возраста образованием. При вузах и учреждениях среднего специального образования созданы и функционируют технологические парки, отделы управления качеством образования, деятельность которых должна быть направлена на обеспечение качественного практико-ориентированного образования. С целью обеспечения соответствия законодательной базы в сфере образования международным параметрам в настоящее время Министерство образования и науки республики приступило к разработке нового Кодекса «Об образовании». Однако, несмотря на значительные меры, принятые Правительством и Министерством образования и науки республики, качество образования в большинстве вузов, образовательных учреждений среднего, начально-профессионального, средне-специального образования остаётся ещё низким и не соответствует международным параметрам. Сложившаяся ситуация связана с отрицательным влиянием ряда независимых и зависимых от Министерства образования и науки и образовательных учреждений факторов. К независимым от указанных субъектов управления образованием факторам относятся:

1. Ощутимое по сей день влияние негативных последствий гражданской войны, требующих от Правительства выделения значительных средств и времени для:

- восстановления разрушенной части образовательных учреждений;
- восполнения утерянной части ППС и специалистов в результате «утечки мозгов»;
- перевоспитания нынешнего молодого поколения в духе национальной гордости и веры в будущее.

2. Сравнительно низкий уровень заработной платы учителей общеобразовательных школ и профессорско-преподавательского состава учреждений высшего, средне-специального и начально-профессионального образования, обусловлен ограниченностью их финансовых возможностей, которая снижает их мотивацию в повышении качества работы.

3. Сложившийся дисбаланс между потребностями рынка труда в высококвалифицированных специалистах и предложением образовательных услуг в пользу последнего в условиях несформировавшегося ещё цивилизованного рынка труда в республике не способствует полному искоренению элементов необъективного подхода и коррупции при приёме выпускников образовательных учреждений на работу, что снижает заинтересованность обучающихся в получении качественного образования.

4. Недостаточность выделяемых из государственного бюджета средств на развитие сферы образования и сравнительно низкая стоимость обучения, вызванная неплатежеспособностью заказчиков образовательных услуг, ограничивают возможности образовательных учреждений обеспечить развитие своих ре-

сурсных потенциалов до уровня, необходимого для достижения международных параметров качества образования.

5. По сей день, несмотря на принятие Закона Республики Таджикистан от 29 января 2021 года №1761 «О подготовке специалистов с учётом потребностей рынка труда», не завершена работа по разработке и утверждению единой национальной рамки квалификации, охватывающей все уровни профессионального образования, что отрицательно влияет на качество и практическую ориентированность образования.

К зависящим от вышеуказанных субъектов управления образованием факторам отрицательного воздействия относятся:

1. Недостаточная автономия, предоставляемая Министерством образования и науки республики образовательным учреждениям в части самостоятельного изменения содержания образовательных программ и учебных планов, разработки и внедрения новых образовательных программ, не включённых в утверждённый классификатор направлений и специальностей, снижает заинтересованность последних в своевременном учёте быстро меняющихся потребностей рынка труда в специалистах разного профиля.

2. Отсутствие согласованных между образовательными учреждениями среднего, начально-профессионального, средне-специального и высшего образования учебных планов и программ препятствует последовательному качественному переходу обучающихся от более низкого уровня к более высокому уровню образования.

3. Выделение в государственном стандарте высшего профессионального образования Республики Таджикистан на изучение общеобразовательных дисциплин не менее 20% общего объёма кредитов¹, перечень которых определяет Министерство образования и науки республики, ограничивает возможности вузов на должном уровне обеспечивать формирование у студентов необходимых профессиональных компетенций.

4. Разработанные Агентством по надзору в сфере образования и науки при Президенте Республики Таджикистан критерии и индикаторы качества образования, которые по сей день используются при аттестации и аккредитации образовательных учреждений, не соответствуют международным стандартам, что снижает их заинтересованность в достижении международных параметров качества.

5. Проведение государственной аттестации и аккредитации образовательных учреждений с привлечением преподавателей других учебных заведений, преимущественно не проходивших специальную подготовку, следовательно, не имеющих сертификаты эксперта, не исключает возможности необъективной оценки деятельности этих учреждений по обеспечению качества образования.

6. Отсутствие в республике независимых Агентств по аккредитации, включённых в европейский реестр, с правом проведения внешней оценки обеспечения

---

¹ См. Государственный стандарт высшего профессионального образования в Республике Таджикистан №562 от 29.11.2022 года. С.12.

качества образовательных программ учебных заведений на добровольной основе, вынуждает их обращаться в подобные Агентства других стран, что из-за дороговизны не под силу всем учебным заведениям.

7. Преобладающей частью образовательных учреждений, отчасти в связи с отсутствием достаточного ресурсного потенциала (особенно кадрового), не выполняются основные требования кредитной системы образования в части предоставления студентам права выбора дисциплин и преподавателей, выбора меньше 30 кредитов за семестр, исходя из своих финансовых возможностей или интеллектуальных способностей.

8. Используемые в настоящее время образовательными учреждениями методы организации и контроля выполнения самостоятельной работы студентов под руководством преподавателей, недостаточно эффективны и не позволяют объективно оценивать промежуточные достижения каждого обучающегося с позиции степени формирования необходимых компетенций.

9. Результаты значительной части образовательных проектов, финансируемых международными организациями, реализуются в рамках учебных заведений – участников проекта, не оцениваются в национальном масштабе и своевременно не распространяются на другие учебные заведения. Не разработан эффективный механизм обеспечения устойчивости реализуемых проектов, что так же отрицательно влияет на достижение желаемого качества образования в национальном масштабе.

Вышеприведённые негативные тенденции и факторы отрицательно сказываются на качестве результатов образования, замедляют процесс интеграции образовательного комплекса республики в международный рынок образовательных услуг. Несвоевременное принятие мер по их устранению ставят под сомнение успешное выполнение предусмотренных в Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года приоритетных задач в области образования, направленных на обеспечения его конкурентоспособности на международном рынке образовательных услуг.

На основе вышеизложенного, для обеспечения своевременной и успешной реализации предусмотренных в Национальной стратегии развития образования Республики Таджикистан на период до 2030 года приоритетных задач рекомендуется:

1. Для избежание дублирования и с целью соблюдения принципов непрерывного образования в течение всей жизни Министерству образования и науки республики следует ускорить процесс разработки и принятия единого Закона (или Кодекса) «Об образовании», охватывающего все ступени образования, включая дуальное и неформальное обучение. Предусмотреть обязательное включение в состав рабочей группы по разработке нового Кодекса «Об образовании» представителей работодателей и общественных организаций. В рамках принятого нового Закона (Кодекса) для каждой ступени образования разработать и утвердить Положения, в которых необходимо отразить основные направления реализации государственной политики и стратегии развития данной ступени образования. В новом Законе (Кодексе) "Об образовании" предусмотреть предо-

ставление автономии образовательным учреждениям в части разработки и утверждения образовательных программ и учебных планов.

2. К 2025 году целесообразно завершить процесс перехода на 12-летнее школьное образование, которое является, на наш взгляд, определяющим фактором развития практико-ориентированного высшего профессионального образования. Своевременное решение данной задачи позволяет учреждениям высшего профессионального образования увеличить количество часов, отводимых на изучение общепрофессиональных и специальных дисциплин за счёт сокращения части общеобразовательных дисциплин, изучения которых предусматривается в 12-м классе средних школ. Успешный переход на 12-летнее обучение в общеобразовательных школах, в условиях недостатка бюджетных средств, требует привлечения иностранных инвестиций. Следовательно, ответственным за международные связи подразделениям Министерства образования и науки республики рекомендуется неотлагательно приступить к разработке и реализации проекта, посвящённого ресурсному обеспечению общеобразовательных школ, осуществляющих переход на 12-летнее обучение, при финансовой поддержке Всемирного банка.

3. Согласно стандартам и руководствам по обеспечению качества высшего образования в Европейском пространстве высшего образования (ESG), одобренным Конференцией министров в Ереване, 14-15 мая 2015 г., высшие учебные заведения несут основную ответственность за качество предоставляемого образования и его обеспечение¹. Данное требование, безусловно, относится и к учреждениям других ступеней образования. Следовательно, образовательным учреждениям всех ступеней образования рекомендуется разработать механизм внутреннего обеспечения качества по предложенной нами схеме в виде дерева целей (рис.1), с учётом особенностей их функционирования, принять действенные меры, направленные на его успешную реализацию.

---

¹ См. Стандарты и руководства для обеспечения качества высшего образования в Европейском пространстве высшего образования (ESG). С.32. URL: <https://www.enqa.eu/wpcontent/uploads/filebase/esg/ESG%20in%20Russian%20by%20IOAA.pdf>

Рис. 1. Дерево целей «Достижения международных параметров качества образования»

Предложено автором статьи.

Практическая реализация вышеизложенных рекомендаций, на наш взгляд, будет способствовать повышению качества образования и ускорит процесс интеграции образовательного комплекса Республики Таджикистан в международный рынок образовательных услуг.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Изд-во ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Гордиенко О.В. Современные средства оценивания результатов обучения. – М.: Юрайт, 2018. – 172с.
3. Даниел Белл. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 2004. – 944 с.
4. Моисеев А.М., Хван А.А. и др. Управление школой: Словарь-справочник руководителя образовательного учреждения. – М.: Педагогическое общество России, 2005. – 320 с.
5. Новиков А.М. Постиндустриальное общество – общество образованных людей [Электронный ресурс] // Специалист. – 2008. – №1. – С.12. Сайт академика РАО А.М.Новикова. – Режим доступа: <http://www.anovikov.ru/artikle/postind.pdf>
6. Панасюк В.П. Педагогическая система внутришкольного управления качеством образовательного процесса: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Панасюк Василий Петрович. – СПб, 1998. – 34 с.
7. Поташник М.М. Управление качеством образования: практико-ориентированная монография и метод. пособие / под ред. М.М.Поташника. – М.: Педагогическое общество России, 2000. – 448 с.
8. Субетто А.И. Образовательное общество как форма бытия ноосферного общества // Сибирский педагогический журнал. – 2007. – №4. – С.117-129.
9. Факеров Х.Н. Повышение эффективности взаимодействия вузов Республики Таджикистан и субъектов рынка труда / Х.Н.Факеров, Н.С.Сангинов, З.Х.Кодирова и др. – Душанбе, 2014. – 218 с.
10. Шишов С.Е. Мониторинг качества образования в школе / С.Е.Шишов, В.А.Кальней. – М.: РПА, 2013. – 352 с.
11. Энгельс Ф. Диалектика природы. – М.: Огиз Госполитиздат, 1941. – 338 с.

QUALITY OF EDUCATION AS A DETERMINING FACTOR INTEGRATION OF THE COUNTRY'S EDUCATIONAL COMPLEX INTO THE INTERNATIONAL MARKET OF EDUCATIONAL SERVICES

Sanginov Nazrullo Sanginovich

Candidate of economical sciences,
associate professor of the chair of economics and organization of entrepreneurship
Tajik state university of commerce
734055, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. Dehoti, ½
Ph.: (+992) 93 444 55 11 (m.)
cpte@mail.ru

In the article, based on a study of the experience of developed European countries that signed the Bologna Declaration, the need to reform the education system of states that have taken the path of industrial development, including the Republic of Tajikistan is substantiated, taking into account the requirements of the upcoming post-industrial society. Existing approaches to the interpretation of the concept of "quality of education" are examined and critically assessed, and the author's position on this issue is determined. An analysis of the current situation in the field of education of the Republic of Tajikistan after the acquisition of state independence was carried out, and the achieved successes and shortcomings in this area were identified. The main factors that negatively affected ensuring the quality of education are shown, dividing them into independent and dependent on the subjects of education management. Targeted recommendations aimed at improving the quality of education and integrating the country's educational complex into the international market of educational services have been formulated. The need to accelerate the process of transition to 12-year school education with the attraction of foreign investment is substantiated. A two-level tree of goals is proposed, reflecting the sequence of actions to achieve international parameters of the quality of education, which will contribute to expanding mobility and increasing the export of educational services.

Keywords: post-industrial society; education; educational services; integration; international market.

СИФАТИ ТАҲСИЛОТ ҲАМЧУН ОМИЛИ МУАЙЯНКУНАНДАИ ҲАМГИРОИИ МАҚМААИ ТАҲСИЛОТИИ КИШВАР БА БОЗОРИ БАЙНАЛХАЛҚИИ ХИЗМАТРАСОНИҲОИ ТАҲСИЛОТӢ

Сангинов Назрулло Сангинович

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи иқтисодиёт ва ташкили соҳибқори
Донишгоҳи давлатии тичоратии Тоҷикистон
734055, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Деҳотӣ, ½,
Тел.: (+992) 93 444 55 11 (м.)
cpte@mail.ru

Дар мақола дар асоси омӯзиши таҷрибаи кишварҳои мутараққии аврупоӣ, ки ба эълонияи Болоня имзо гузоштаанд, зарурати ислоҳоти низоми таҳсилоти давлатӣ, ки роҳи рушди саноати пеш гирифтаанд, аз ҷумла Ҷумҳурии Тоҷикистон, бо инобати талаботи ҷомеаи баъдисаноатӣ фарорасанда собит карда шудааст. Муносибатҳои мавҷуда нисбат ба мафҳуми «сифати таҳсилот» таҳқиқ гардида, ба таври интиқодӣ баҳо дода шудааст. Мавқеи муаллиф доир ба масъала мазкур муайян карда шудааст. Таҳлили вазъи ба амаломата дар соҳаи таҳсилоти Ҷумҳурии Тоҷикистон пас аз ба даст овардани истиқлолияти давлатӣ анҷом дода шуда, муваффақиятҳои ба даст овардашуда ва норасоии ин соҳа ошкор карда шуданд. Омилҳои асосие, ки ба таъмини сифати таҳсилот таъсири манфӣ мерасонанд, бо тақсимбандии онҳо ба вобаста ва новобаста аз субъектҳои идоракунии таҳсилот номбар карда шудаанд. Тавсияҳои мушаххаси барои баланд бардоштани сифати таълим ва ҳамгироии мақмаи таҳсилоти кишвар ба бозори байналхалқии хизматрасониҳои таҳсилотӣ равонашуда баён гардидаанд. Зарурати суръат бахшидан ба раванди гузариш ба таҳсилоти 12-солаи мактабӣ бо ҷалби сармоягузориҳои хориҷӣ асоснок карда шудааст. Дарахти дусатҳаи мақсадҳо, ки пайдарҳамии амалҳои барои расидан ба андозаҳои байналхалқии сифати таҳсилот инъикос мекунад, пешниҳод карда шудааст. Ин мақсадҳо ба вусъатёбии мобилият ва афзун гаштани содироти хизматрасониҳои таҳсилотӣ мусоидат хоҳад кард.

Вожаҳои калидӣ: ҷомеаи баъдисаноатӣ; таҳсилот; хизматрасониҳои таҳсилотӣ; ҳамгироӣ; бозори байналхалқӣ.

УДК 330.332:553 04(575.3)

ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ГОРНОРУДНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Раджабов Кози Раимович

Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Институт экономики и демографии
Национальной академии наук Таджикистана
734024, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Айни, 44
Тел.: (+992) 93 155 7770 (м.)
k.rajabov@mail.ru

Бобоев Собир Нуруллоевич

Начальник отдела науки и подготовки нормативной документации
Главное геологическое управление при Правительстве Республики Таджикистан
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 27
Тел.: (+992) 93 501 8186 (м.)
sabir_boboev@mail.ru

В статье определены факторы, указывающие на актуальность проблемы формирования новых инструментов эффективного проектирования и разработки твердых полезных ископаемых на базе развития методов прогнозной аналитики и их программного обеспечения. Данные методы учитывают тренды при анализе данных в сфере недропользования. Вопросы цифровой экономики и ее внедрения в производство становятся предметом дискуссий на крупных международных форумах и конференциях. В Республике Таджикистан предпринимаются меры, предусматривающие постепенный, поэтапный переход к реализации видения цифровой трансформации в республике. Авторы оценивают перспективы разработки отечественного комплексного продукта, интегрирующего основные направления деятельности горнорудных компаний в единую информационно-аналитическую систему с высокой степенью автоматизации основных процессов, в том числе анализа и интерпретации информации и принятия управленческих решений. Согласно концепции цифровой экономики Республики Таджикистан, основными секторами реальной экономики республики, где необходима цифровизация, являются промышленность и электроэнергетика, развитие которых предполагает становление высокопроизводительной индустрии с широким применением автономной техники и системы принятия решений преимущественно на основе анализа больших данных.

Ключевые слова: горное дело; геология; горно-геологические информационные системы; добывающая промышленность; цифровизация; цифровая экономика; программное обеспечение; обработка геологических и производственных данных.

В мировой практике за последние десятилетия трансформация информационных материалов из классических их носителей, таких как текстовые отчеты, доклады, технико-экономические обоснования и другие, в цифровые программные материалы обеспечила уменьшение ошибок из-за человеческого фактора при подготовке проектов разработки месторождений и мобильности их анализа в процессе их эксплуатации, оперативное внесение изменений с учетом постоянно меняющихся внутренних и внешних факторов, угроз и рисков, а также мировых рыночных изменений. Данный процесс в мировой практике принят как цифровизация экономики, и именно он, в основном, обеспечил динамику ускоренной индустриализации благодаря инновационным технологиям. В Республике Таджикистан принята концепция цифровой экономики, которая была утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 декабря 2019 года, №642 [10]. Концепция определила постепенный и поэтапный переход к реализации и внедрению цифровой трансформации в экономике республики, согласно которому «изначально планируются три этапа ее внедрения до 2040 года. Первый этап – до 2025 года, второй этап – до 2030 года и третий этап – до 2040 года. Все этапы по реализации цифровой трансформации будут также осуществляться в рамках проекта Digital CASA. На первом этапе Концепция предусматривает проведение глубокой оценки текущего состояния цифрового развития в Республике Таджикистан с использованием международных моделей. Согласно данной концепции, основными секторами реальной экономики республики, где необходима цифровизация, являются промышленность и электроэнергетика. Развитие горнодобывающей промышленности в республике предполагает становление высокопроизводительной индустрии с широким применением автономной техники и системы принятия решений преимущественно на основе анализа больших данных. По всей цепочке создания стоимости будут внедряться сенсоры, датчики и передовые аналитические инструменты, позволяющие визуализировать данные, проводить сценарное моделирование и принимать на их основе решения. Кроме того, внедрение автономной техники и регулирование основных производственных процессов в автоматическом режиме позволит минимизировать участие человека и повысит уровень безопасности производства. Цифровизация добывающей и обрабатывающей промышленности станет одним из основных приоритетных направлений развития промышленности Республики Таджикистан. На втором-третьем этапе планируется запуск пилотных проектов по созданию модельных цифровых фабрик в обрабатывающей и горнодобывающей промышленности, где будут внедрены технологии Industry 4.0. [10, с.6-9].

За последние годы в пространстве некоторых индустриально развитых стран СНГ (Россия, Казахстан, Узбекистан) созданы совместные комиссии по цифровизации экономики в целях определения передовых технологий программного обеспечения информации, за счет чего планируется определить ключевые технологии цифровой трансформации экономик стран Содружества.

В 2022 году в г.Самарканде (Узбекистан) и в сентябре 2022 года в г.Душанбе при поддержке Международной компании «Datamain» проведена международная

конференция по цифровизации горно-геологической информации и её программному обеспечению при оценке запасов месторождений, составлении ТЭО, их разработке в зависимости от изменения мировых цен на металлы и затрат при разработке, при возможных изменениях и корректировке кондиции разрабатываемых блоков и технологических процессов. За последние годы в республике при финансировании программы GIZ Федеральным институтом геологических наук и природных ресурсов (BGR) (Ганновер, Германия) проведены практические семинары и подготовка местных специалистов по цифровой обработке горно-геологической информации. Главным геологическим управлением при Правительстве РТ при финансовой поддержке Исламской Республики Иран проводится цифровизация геологической информации «Центра данных наук о Земле» и Государственной комиссии по запасам РТ.

По определению многих авторов (В.М.Аленичев, В.И.Суханов, А.В.Батоев, Д.А.Клебанов, К.Н.Трубецкой, А.А.Кулешов, А.Ф.Клебанов, Д.Я.Владимиров и др.) [1; 2], в мировой практике, как и в Республике Таджикистан, существуют определенные климатические, географические и горно-геологические условия, которые объективно и субъективно влияют на геологоразведочные затраты и эксплуатационные затраты добычи и транспортировки полезных ископаемых. Этими авторами определены следующие «объективные предпосылки, которые влияют на эксплуатационные затраты на добычу и транспортировку твердых полезных ископаемых, а также промышленную и экологическую безопасность горных работ [1; 2]:

- добыча полезных ископаемых ведется в сложных горно-геологических, отдаленных регионах без какой-либо инфраструктуры и в тяжелых климатических условиях;
- существует крайняя нехватка квалифицированного персонала;
- высокие удельные горно-капитальные и операционные затраты, связанные с созданием производственной базы и инфраструктуры для проживания персонала;
- высокая доля нетехнологических простоев горнопромышленного комплекса в целом (оползни, лавины, сели, снегопады, наводнения и др.);
- повышенная опасность производства и высокие риски аварий обуславливают необходимость проведения мероприятий по охране труда и внедрению современных технологий для обеспечения безопасности работы персонала;
- сохранение экосистем горнопромышленных регионов требует значительных затрат на охрану окружающей среды [1, с.4-6; 2, с.5-7].

Все вышеприведенные климатические, географические и горно-геологические факторы в условиях Республики Таджикистан являются еще более сложными из-за высокогорья, географического расположения месторождений и отсталой инфраструктуры в горных и отдаленных регионах страны, которые объективно и субъективно влияют на геологоразведочные затраты, а также на эксплуатационные затраты добычи и транспортировки полезных ископаемых определяют важность и необходимость решения проблем местного фактора и выбора механизмов повышения эффективности эксплуатации месторождений, обеспече-

ния горнотехнической и экологической безопасности добычных работ для республики. Для обеспечения конкурентоспособности производства готовой продукции и ее реализации в целях достижения достаточной рентабельности наших отечественных горнодобывающих предприятий, а также решения поставленных задач, как утверждают авторы К.Н.Трубецкой, А.А.Кулешов, А.Ф.Клебанов, Д.Я.Владимиров, М.В.Рыльникова, М.А.Макеев [6; 7], необходимо «применение современных технологий с использованием искусственного интеллекта и прогнозной аналитики на основе анализа больших данных на всем этапе создания стоимости товарной продукции – от геологоразведки до обогащения. Помимо актуальности проблемы, которая сейчас очевидна, существуют объективные технические и организационные предпосылки процессов цифровой трансформации и развития аналитических систем цифровых данных» [6, с.4-5].

По определению этих и других вышеприведенных авторов, фундаментальной основой инновационного развития и для наших горнорудных предприятий является:

- Развитие цифровых технологий и удешевление элементной базы системы интеллектуального управления горным производством [1];
- Внедрение систем автоматической диспетчеризации и других ИТ-платформ на горных предприятиях для повышения управляемости и контроля технологических операций, а также интеграции систем между собой [2];
- Создание в горных компаниях департаментов, отвечающих за поиск и внедрение инновационных решений, ведущих к трансформации процессов производства, призванных повысить его эффективность, что обеспечит широкий спектр систем автоматизации технологических процессов в горнодобывающей отрасли, которые нацелены на решение задач повышения эффективности производства [6];
- Удорожание технологического транспорта и других материальных средств технологического процесса требует новых подходов к управлению производством с целью снижения издержек и роста доходов [7].

Одним из решений поставленных задач, как отмечают В.В.Ческидов, Е.Б.Яницкий [8], «является достоверная и своевременная информация на всех уровнях производства. Организация возможности получения достоверных данных о состоянии технологических процессов на всех уровнях управления, включая головной офис (база данных) – важный шаг цифровой трансформации отрасли. До недавнего времени существовало множество плохо связанных и не интегрированных между собой подсистем, каждая из которых автоматизирует какой-либо отдельный процесс управления производством (ГИС системы, системы кадрового и бухгалтерского учета, системы планирования, АСУТП, расчетно-инженерные системы, диспетчерские, системы управления складскими хозяйствами и т.д.). Это приводит к снижению качества системы управления в целом, повышению риска производственного процесса, дополнительным неконтролируемым издержкам и снижению эффективности производственной деятельности» [6].

На некоторых крупных горнорудных предприятиях в Республике Таджикистан за последние годы формируется стратегия цифровизация горно-геологической информации и показателей технологических и производственных процессов. Как утверждают О.В.Наговицин и другие [5], «эти данные «питают» корпоративные ERP системы, такие как диспетчеризация, контроль состояния оборудования и техники, геологического контроля, выдача нарядов и система контроля доступа, связанные между собой в единый информационный ландшафт для эффективного планирования производством при анализе в режиме онлайн вопросов управления промышленной безопасностью, для развития систем прогнозной аналитики и предотвращения риска аварий и техногенных катастроф, повышения экономической эффективности горного производства и уровня управленческих решений. Дальнейшее развитие горной промышленности должно базироваться на развитии теории сбора, обработки, хранения и использования данных, собираемых при освоении недр. Для этого должна быть поставлена и решена задача по созданию универсальных структур аналитических систем цифровых данных горной промышленности, обеспечивающих методологически выверенный сбор, обработку, хранение и анализ данных, поступающих от источников цифровой информации, о функционировании предприятия. Интеграция систем и анализа собираемых данных даст возможность формулирования и проверки гипотез, результатом которых является разработка «цифровых советчиков» операторов техники и линейного персонала. Работа этих «цифровых советчиков» должна быть направлена на формирование обоснованных рекомендаций по управлению технологическим процессом или техникой на основе анализа исторических данных и выбора оптимальных вариантов с точки зрения минимизации затрат режимов управления» [5, с.78].

Как утверждают В.М.Аленичев, В.И.Суханов [1], «дальнейшее развитие таких аналитических систем состоит в том, чтобы в полной мере понимать возможности повышения эффективности производства на основе уже собираемых данных, анализ которых может одновременно фиксировать прошедшие и текущие состояния технологических процессов и экстраполировать и моделировать развитие производственных процессов в будущем. Такой подход позволит избежать рисков человеческого фактора в принятии решений при управлении дорогостоящей техникой, оборудованием, также заранее спрогнозировать наиболее оптимальное производственное и финансовое состояние и дать определенные рекомендации персоналу в управлении. Одной из первостепенных научных задач является систематизация и классификация источников сбора данных о функционировании горнотехнической системы на различных этапах, а именно оценить типы и получаемые данные от горнотехнических конструкций, генерируемые данные и возможности получения их от использования горного оборудования и вариантов горных выработок, а также от технических и технологических процессов. На основании данной классификации можно будет говорить об универсальных структурах аналитических систем цифровых данных в горной промышленности, обеспечивающих методологически выверенный сбор, обработку, хранение

и анализ данных, на основе которого будут построены «цифровые базы данных» [1, с.13].

«Предприятия являются субъектами комплексных и динамичных показателей, которые изменяются на протяжении всего жизненного цикла, то есть от этапа прогнозирования и утверждения запасов до ведения очистных работ, рекультивации и ликвидации месторождения. При этом от временного фактора зависит не только состояние объёмов и форма добычи полезных ископаемых (карьер, рудник, шахта), но и обрабатывающий комбинат, обогатительные фабрики, административные объекты и объекты социального назначения, которые нуждаются в постоянном контроле состояния различных систем: оборудования, инженерных систем производственно-технического» [5, с.57] и технологического обеспечения, и требующих взаимного учёта и корректировок изменений производственно-технологических и финансовых показателей для обеспечения стабильной коммерческой деятельности горнорудного комплекса.

На мировом рынке ГГИС существует достаточно много предложений, способных в автоматизированном режиме решать задачи ГГИС выбора оптимального варианта их решения, взаимной увязки технологических процессов, сбалансированных с точки зрения этапного развития, ресурсного обеспечения и временных горизонтов прогнозирования. Как отмечает А.С.Жувак, «они имеют различную архитектуру и интерфейс, часть из них либо предназначена только для решения отдельных задач, либо адаптирована под требования нормативной и методической базы определенных государств или регионов. В целом все эти программные обеспечения объединяют схожие функции, принципы работы, а также способы обработки и интерпретации геологических и технологических данных» [4, с.84]. С учетом мирового опыта и реальной практики, применение программного обеспечения менеджмента, в горнорудной промышленности в аналогичных организациях и на предприятиях в Республике Таджикистан можно отобразить в нижеследующей таблице.

Таблица 1
Сравнительная таблица рынка программного обеспечения ГГИС и работ, применяемых на горнорудных предприятиях Республики Таджикистан

№	Название ГГИС	Компания-разработчик	Особенности и пользователи	Практика применения на горнорудных предприятиях в РТ
1	Макромайн	Микромайн Ltd(Австралия)	Доступность, много языков интерфейса (английский, испанский, китайский, казахский, португальский, русский, французский). Распространено для обработки ГГИС для осуществления разведочных работ и разработки месторождений неорганических материалов.	В процессе изучения для внедрения в “Геологии точек”
2	Датамайн	Constellation Software Inc (Канада)	Первая программа (1981г.), обеспечивавшая различные варианты обработки ГГИС, что позволило проводить трехмерное моделирование месторождений и оценивать их ресурсы. Доступность, много языков интерфейса. Более 5 тыс компаний в 30 странах работают по продуктам компании	СП - “Зерафшан”, “Апрелевка”, “Анзоб”, “Пакрут” (в процессе)
3	Геовиа Сурпак	Dassault Systèmes (Франция)	Доступность, много языков Используется более чем в 100 странах	Нет информации
4	Минемакс	Mintec Inc (США)	Способность оптимизировать ГГИС, оценивать проекты в горнодобывающей отрасли и сопутствующие риски.	Нет информации

			Наиболее распространена в северной Америке	
5	ГЕОМИКС	Холдинг РТ-Инжиниринг (Россия)	Российская разработка, способная решать горногеологические задачи, и в полной мере учитывает российские федеральные и муниципальные нормативно-правовые требования, а также обработки ГГИС и их планирования	Нет информации
6	Минефраме	Горный институт КНЦ РАН(Россия)	Программное обеспечение для решения большого круга задач ГГИС.	Нет информации

Составлено автором по источникам: URL: <https://mining-media.ru/ru/article/anonsv/5234-rezervypovysheniya-operatsionnoj-effektivnosti-gornodobyvayushchikh-kompanij-remonty-oborudovaniva>; <https://www.geokniga.org/books/16307> [6; 7]

Несмотря на схожую функциональность, варианты проработки вопросов, и качество решений в разных ГГИС отличается. Все эти программы созданы для решения отдельных специализированных или комплексных горнотехнических и экономических работ с модулей их решения, созданных на базе долговременных научно-технических и практических исследований компании разработчиков.

Литература

1. Аленичев В.М., Суханов В.И. Перспективы внедрения горно-геологических информационных систем на отечественных горных предприятиях // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 2016. – №8. – С.5-15.
2. Батоев А.В., Клебанов Д.А. Резервы повышения операционной эффективности горнодобывающих компаний: ремонты оборудования [Электронный ресурс] // Горная промышленность. – 2013. – №5. – С.47-49. – Режим доступа: <https://mining-media.ru/ru/article/anonsv/5234-rezervypovysheniya-operatsionnoj-effektivnosti-gornodobyvayushchikh-kompanij-remonty-oborudovaniva>
3. Вербило Э.Г., Иовлев Г.А. и др. Технологии инновационного моделирования. – СПб.: Горный университет, 2022. – №6-2. – С.60-79.
4. Жувак А.С. Область применения и особенности информационные системы построения // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 2021. – №5. – С.83-91.
5. Наговицын О.В., Лукичев С.В. Горно-геологические информационные системы, область применения и особенности построения // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 2016. – №7. – С.71-83.
6. Трубецкой К.Н. Научно-технические вопросы изменения организации управления открытыми горными работами с применением роботизированной карьерной техники / К.Н.Трубецкой, М.В.Рыльникова, А.Ф.Клебанов, М.А.Макеев // Горная промышленность. – 2017. – №5. – С.27-30. – Режим доступа: <https://mining-media.ru/ru/article/ogr/13001->

[nauchno-tekhnicheskie-voprosy-izmeneniya-organiza-tsii-upravleniyaotkrytymi-gornymi-rabotami-s-primeneniem-robotizirovannoi-karer-noi-tekhniko](https://www.geokniga.org/books/16307)

7. Трубецкой К.Н. Современные системы управления горнотранспортными комплексами [Электронный ресурс] / К.Н.Трубецкой, А.А.Кулешов, А.Ф.Клебанов, Д.Я.Владимиров. – СПб.: Наука, 2007. – 306 с. – Режим доступа: <https://www.geokniga.org/books/16307>
8. Ческидов В.В., Яницкий Е.Б. Анализ информационных систем в горнодобывающей промышленности // Золото и технологии. – 2021. – №3 (53), сент. – С.47-56.
9. Rylnikova M. Intelligent mining engineering systems in the structure of Industry 4.0. [Electronic resource] / M.Rylnikova, D.Radchenko, D.Klebanov // E3S Web of conferences. – 2022. – 21 January. – Access mode: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/20172101032/>
10. Концепция развития цифровой экономики в Республике Таджикистан: утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 декабря 2019 года, №642. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adliva.tj/>

ASSESSMENT OF DIGITALIZATION DEVELOPMENT IN MINING INDUSTRY OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Rajabov Kozi Raimovich

Candidate of economical sciences, leading researcher
Institute of economics and demography
National Academy of sciences of Tajikistan
734024, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. Aini, 44
Ph.: (+992) 93 155 7770 (m.)
k.rajabov@mail.ru

Boboev Sobir Nurulloevich

Head of the department of science and preparation of regulatory documentation
Main Geological department under the government of the Republic of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 27
Ph.: (+992) 93 501 8186 (m.)
sabir_boboev@mail.ru

In the article, factors that indicate the relevance of the problem of creating new tools for the effective design and development of solid minerals based on the development of predictive analytics methods and their software are identified. These methods take into account trends when analyzing data in the field of subsoil use. Issues of the digital economy and its implementation in production are becoming the subject of discussions at major international forums and conferences. In the Republic of Tajikistan, measures are being taken to provide for a gradual, step-by-step transition to the implementation of the vision of digital transformation in the republic. The authors assess the prospects for the development of a domestic integrated product that integrates the main activities of mining companies into a single information and analytical system with a high degree of automation of the main processes, including the analysis and interpretation of information and management decision-making. According to the concept of the digital economy, the main sectors of the real economy of the republic where digitalization is necessary are industry and electric power, the development of which involves the formation of a high-

performance industry with the widespread use of autonomous equipment and decision-making systems primarily based on big data analysis.

Keywords: mining; geology; mining and geological information systems; mining industry; digitalization; digital economy; software; processing of geological and production data.

АРЗЁБИИ РУШДИ РАҚАМИКУНОӢ ДАР САНОАТИ МАЪДАНҲОИ КӢҲИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Раҷабов Қозӣ Раимович

Номзади илмҳои иқтисодӣ, корманди пешбари илмии
Институти иқтисодиёт ва демографияи
Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон
734024, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Айнӣ, 44
Тел.: (+992) 93 155 7770 (м.)
k.rajabov@mail.ru

Бобоев Собир Нуруллоевич

Сардори шуъбаи илм ва тайёрии ҳуҷҷатгузории меъёрии
Сарраёсати маъданшиносии назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 27
Тел.: (+992) 93 501 8186 (м.)
sabir_boboev@mail.ru

Дар мақола омилҳои ба мубрамии мушкилоти ташаккулёбии асбобҳои нави лоиҳакашии самаранок ва коркарди канданиҳои фойданок дар асоси рушди усулҳои таҳлили дурнамоӣ ва таъминоти барномавии он ишоракунанда муайян карда шудаанд. Усулҳои мазкур ҳангоми таҳлил намудани маълумот дар соҳаи истифодабарии қаъри замин трендхоро ба назар мегиранд. Масъалаи иқтисодиёти рақамӣ ва воридсозии он ба истеҳсолот ба мавзуи муҳофизат дар анҷумани конференсияҳои калони байналхалқӣ таҳлил ёфта истодааст. Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон чораҳои андешида мешаванд, ки гузариши батадрич ва марҳилавии татбиқсозии дидгоҳи табодули рақамиро дар ҷумҳуриямон пешбини мекунанд. Муаллифон дурнамои коркарди маҳсулоти ватаниро, ки самтҳои асосии фаъолияти маъданҳои кӯҳии ширкатҳоро ба низоми ягонаи иттилоотӣ-таҳлилий бо сатҳи баланди автоматикунони равандҳои асосӣ ҳамгирой менамояд, аз ҷумла таҳлил ва таҳлили иттилоӣро барои қабул намудани қарорҳои идоракунии пешниҳод намуданд. Мувофиқи консепсияи иқтисодиёти рақамӣ, бахшҳои асосии иқтисодиёти воқеии ҷумҳурӣ, ки зарурат ба рақамикуноӣ доранд, саноат ва электроэнергетика мебошанд, ки рушди онҳо ташаккули саноати маҳсулнокиаш баландро бо татбиқи васеи техникаи автономӣ ва низоми қарорқабулкунӣ бартариятдошта дар асоси таҳлили маълумоти бештар тақозо менамояд.

Вожаҳои калидӣ: кӯҳкани; маъданшиносии; низомҳои кӯҳӣ-геологии иттилоотӣ; саноати истеҳсолӣ; рақамикуноӣ; иқтисодиёти рақамӣ; таъминоти барномавӣ; коркарди маълумоти геологӣ ва истеҳсолӣ.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 25.09.2023 г. Подписано в печать 30.09.2023 г. Формат
60x84_{1/16}. бумага и печать офсетная. Гарнитура литературная.
Объем 49,37 п.л. Тираж 100 экз. Заказ №40

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсунзаде, 30